X
У11 3/45

Царствующій Домъ Романовыхъ

НЕ ВЫДАЕТСЯ

У11 3/4

Доходъ съ сего изданія, съ соизволенія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, АВГУСТѢЙШАГО покровителя и предсѣдателя Ксеніинскаго общества попеченія о дѣтяхъ тружениковъ судоходства и воздухоплаванія поступаетъ въ пользу Общества на УСТРОЙСТВО его УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Поставщикъ двора Его Величества
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Трехпрудный пр. собственн. домъ
1913

СПБ., Троицкая 36, кв. 11. Тел. 569-03.
Москва, Пречистенка, Штатный пер., 20, кв. 2. Тел. 4-10-65.

НИКОЛАЙ II
АЛЕКСАНДРЪ II
АЛЕКСАНДРЪ III
АЛЕКСАНДРЪ I
НИКОЛАЙ I
ЕКАТЕРИНА II
ЕЛИСАВЕТА
ПЕТРЪ I
ЕКАТЕРИНА I
АННА
АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ
ѲЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
1613
1913

Удостоено ВЫСОЧАЙШЕЙ
благодарности.

Царствующій домъ Романовыхъ

Подъ главной редакціей В. В. Функе,
со вступительной статьей Е. В. Барсова,
редакторъ литературнаго отдѣла Борисъ
Назаревскій, редакторъ художествен-
наго отдѣла художникъ А. И. Шистеръ.

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №
У11 3/45	Ю307-32
	№ тома
Количество страниц или листов текста	419 с. с ил. в тексте
Количество иллюстраций таблиц, карт и т. п.	2 л. ил. - фронтиспис, ил. в тексте, 1-51 ил.
Дефекты	ветх
Примечания	
Дата составления паспорта	16/1, 79

Зак. 15 ГПИБ

УЧАСТІЕ ВЪ ИЗДАНІИ ПРИНИМАЛИ

слѣдующіе литераторы и художники:

Е. В. Барсовъ, А. Варшавскій, Е. И. Вашковъ, Д. И. Востоковъ, С. Д. Д., А. Ирисовъ, Л. Лукьяновъ, Д. Я. Мавровскій, Б. В. Назаревскій, В. В. Назаревскій, С. Ф. Николаевъ, Л. И. Пирогова, Н. Пискаревъ, Н. Самокишъ, Н. А. Сенкевичъ, А. В. С., А. А. Суворовъ, В. В. Функе, Н. В. Шаровъ, А. И. Шистеръ, С. Ѳ. Шумиловичъ, полковн. В П. Федоровъ и др.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 10307
20 " XII 1932 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ
Самодержецъ Всероссійскій.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ
Самодержецъ Всероссійскій.

Николай

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ
Самодержецъ Всероссійскій.

Августѣйшіе Родственники Его Величества Государя Императора.

1) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Ксенія Александровна. 2) Его Импер. Высоч. Великій Князь Михаилъ Александровичъ. 3) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Ольга Александровна. 4) Его Импер. Высоч. Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ 5) Его Импер. Высочество Великій Князь Борисъ Владиміровичъ. 6) Его Импер. Высоч. Великій Князь Андрей Владиміровичъ. 7) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Елена Владиміровна. 8) Его Импер. Высоч. Великій Князь Дмитрій Павловичъ. 9) Его Импер. Высоч. Великій Князь Павелъ Александровичъ. 10) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Марія Павловна. 11) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Марія Павловна. 12) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня, Елисавета Ѳеодоровна. 13) Его Импер. Высоч. Великій Князь Константинъ Константиновичъ. 14) Его Импер. Высоч. Великій Князь Димитрій Константиновичъ. 15) Ея Корол. Велич. Корол. Эллиновъ Ольга Константиновна. 16) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Вѣра Константиновна. 17) Его Импер. Высоч. Великій Князь Николай Николаевичъ. 18) Его Импер. Высоч. Великій Князь Петръ Николаевичъ. 19) Его Импер. Высоч. Великій Князь Николай Михайловичъ. 20) Его Импер. Высоч. Великій Князь Михаилъ Михайловичъ. 21) Его Импер. Высоч. Великій Князь Георгій Михайловичъ. 22) Его Импер. Высоч. Великій Князь Александръ Михайловичъ. 23) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Марія Александровна. 24) Его Импер. Высоч. Великій Князь Сергѣй Михайловичъ. 25) Ея Импер. Высоч. Великая Княгиня Анастасія Михайловна.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ благоговѣніемъ обращается мысль наша къ славному служенію Дома Романовыхъ Россіи въ теченіе трехъ вѣковъ. Въ комъ горитъ русская душа, тотъ невольно при этомъ торжествѣ чувствуетъ себя заедино съ ликующей землей, и сердце его бьется радостію всенародною. Это моменты нашего историческаго самоопознанія, моменты творческаго разума и славы, моменты всего великаго и высокаго въ трехвѣковой жизни русскаго народа.

Настала тяжелая година общественнаго шатанія и государственнаго колебанія съ угасаніемъ княжескаго рода Рюрика. То была эпоха самозванства и семибоярщины. Русская земля представляла пустыню, и надъ ней висѣли мгла смерти и ужасъ огня и меча. Народные остатки скрывались въ лѣсахъ и обитали со звѣрями, питаясь мохомъ и сосновой корой.

Въ этомъ горнилѣ огненныхъ государственныхъ испытаній закалилась и окрѣпла историческая государственная идея самодержавія. Проснулся народный геній, и вступилъ въ свои права творческій историческій духъ. По всей Руси, въ городахъ и селахъ, почуялась потребность вопіющая и неотложная въ государѣ и крѣпкой его державѣ. Всѣ поняли, и не умомъ только, но и сердцемъ своимъ, что безъ государя государство не строится и на многія части раздѣляется, и воровство всяческое множится. Вопросъ ставился ясно и безповоротно: быть ли ворамъ съ государственной разрухой или быть на Руси государству съ крѣпкою державой.

Среди тѣхъ же огненныхъ испытаній былъ выработанъ всею землею и идеалъ русскаго царя. Онъ долженъ быть, по завѣту Гермогена, царь національный, русскаго племени и духу; царь православный, единой совѣсти съ народомъ; царь прирожденный, ближайшій къ законной династіи, т.-е. царь, не избранный только волею народа, но царь по праву рожденія, «милостію Божьею».

Вся полнота Верховной Власти должна принадлежать ему, какъ царю самодержцу, намѣстнику Самого Бога на землѣ.

Дѣло избранія царя всею землею считалось святымъ подвигомъ, совершавшимся съ молитвою и постомъ.

Удивительно ли, что всенародный выборъ палъ на юношу Михаила Романова, который былъ чистъ и непороченъ душою, который совершенно не былъ причастенъ къ треволненіямъ политическимъ. Надъ его челомъ ярко красовался ореолъ благородства, святости и другихъ доблестей именитаго рода. Никто такъ не подходилъ ко всеземскому идеалу царя въ эти высокіе моменты, какъ юный Михаилъ Романовъ, такъ страдальчески и невинно проводившій въ изгнаніи свое младенчество и дѣтство.

Такимъ образомъ, торжество трехсотлѣтія царей Романовыхъ есть прежде всего торжество царской самодержавной идеи, торжество всенароднаго ея возрожденія и послѣдовательнаго воплощенія ея въ государственной жизни. Многочисленные иконы, храмы и престолы въ честь Михаила Малеина, ангела перваго Романова, разсѣянные во мно-

жествѣ по всей Россіи, громко говорятъ о высокомъ изумительномъ подъемѣ всенароднаго духа, давшаго Россіи спасительную Державу въ образѣ династіи Романовыхъ.

Постепенное возрастаніе Россіи въ теченіе трехвѣкового Романовскаго періода наполняетъ благородною гордостью русское народное сердце.

Не широтою только своихъ необъятныхъ предѣловъ, не громадами своего быстро возрастающаго населенія, не подземными и надземными только богатствами прославилась Россія за Романовскій періодъ. Не промышленность только и торговля, не пути только сообщеній, сухопутные и водные, покрывшіе своею сѣтью всю Россію, изумляютъ теперь экономическій міръ Европы и Азіи. Гораздо поразительнѣе та духовная образующая роль, какую сыграла св. Русь за Романовскій періодъ по отношенію къ инородческимъ элементамъ, во множествѣ разсѣяннымъ въ предѣлахъ ея. Вспомнимъ, что Русь представляла въ себѣ образцы всѣхъ культурныхъ моментовъ, пережитыхъ человѣчествомъ. Сколько племенъ, народовъ и народцевъ должна была Романовская Имперія ввести въ ограду цивилизаціи, въ двери коей они не успѣли еще и толкнуться. Сколько усилій, заботъ и хлопотъ, и тяжелыхъ, и сложныхъ, нужно было потратить, чтобы всѣ эти большія и малыя народности въ Романовскій періодъ постепенно вошли мирными элементами во всемірно-историческій составъ цивилизаціи. Послѣ Римской имперіи никакому государству на земномъ шарѣ не доставалось такой цивилизующей заслуги, и едва ли роль Римской имперіи въ этомъ отношеніи была такъ тяжела и сложна, какъ задача, выполненная Русской Романовской Имперіей.

День трехсотлѣтія царей Романовыхъ есть день великій, свѣтлый и радостный для тѣхъ многочисленныхъ племенъ и народцевъ, которые въ эти царствованія пріобщились къ общечеловѣческой культурѣ и исторической гражданственности.

Въ теченіе многихъ вѣковъ, какъ только сталъ помнить себя русскій народъ, онъ стоялъ на восточномъ рубежѣ Европы, какъ самоотверженный ея сторожъ, и стоя на этой стражѣ, онъ долженъ былъ своей грудью отражать удары Азіи, направленные противъ Европы. Не удивительно, если онъ отсталъ отъ западной цивилизаціи, которая имѣла удобство развиваться за его широкой и терпѣливой спиной. Неудивительно, если до-Романовская Русь, замкнутая сама въ себѣ въ силу политическихъ переворотовъ, себя одну признала обладательницей христіанской истины, обрекая и Римъ древній, и Римъ новый, все европейское человѣчество на еретичество и отступничество отъ Христа и Его Евангелія. При такомъ міровоззрѣніи, охватившемъ всенародную душу, Русь обрекалась на вѣчный застой и косность, на одичаніе и огрубѣніе.

Но, вотъ, съ новымъ всеземскимъ избранникомъ на русскій престолъ—Михаиломъ Романовымъ—повернулось колесо русской исторіи и покатилось въ направленіи общеевропейской культуры. Чѣмъ сильнѣе былъ натискъ чрезъ Польшу и Литву латинства и протестантства, тѣмъ глубже въ православной Москвѣ почувствовалась потребность сблизиться съ греками, т.-е., отказаться отъ стараго взгляда на нихъ, какъ на папскихъ уніатовъ, какъ на предателей православія ради земной корысти, и видѣть въ нихъ попрежнему православныхъ учителей, отъ которыхъ приняли мы истинное христіанство.

Арсеній, архіепископъ Елассонскій, служившій въ западной Руси подъ хоругвію князя Острожскаго и бывшій въ Москвѣ при воцареніи Михаила, оставленъ былъ здѣсь и сдѣланъ архіепископомъ московскаго Архангельскаго собора. Возведеніе на патріаршество самого Филарета Никитича, отца государева, было совершено Іерусалимскимъ патріархомъ Феофаномъ по уполномочію всѣхъ другихъ греческихъ патріарховъ.

Второй царь — Алексѣй Михайловичъ — пошелъ по слѣдамъ отца своего и сдѣлалъ еще большій шагъ въ этомъ направленіи. Онъ не только заявилъ себя другомъ новыхъ грековъ, недавнихъ латинскихъ уніатовъ, но и считалъ ихъ открыто и даже прямо

называлъ ихъ своими *учителями*. Вмѣстѣ съ ними выросло и значеніе на Руси школъ греколатинскихъ. Подъ воздѣйствіемъ грековъ, слѣдуя ихъ совѣтамъ и настояніямъ, царь Алексѣй даже рѣшился привести русскую Церковь къ единству съ новогреческою во всемъ внѣшнемъ культѣ и для этого отмѣнить многіе чины и обряды, уже получившіе на Руси каноническое значеніе и замѣнить ихъ чинами и обычаями новогреческими, которые тѣмъ болѣе смущали народную совѣсть, что были связаны съ совершеніемъ самыхъ таинствъ. Къ исправленію богослужебныхъ книгъ приставлены были также греки и малороссійскіе ученые, кои свысока смотрѣли на московскіе авторитеты и подчасъ издѣвались надъ московской простотою и вѣрою. Самое «правленіе» книгъ производилось по венеціанскимъ изданіямъ, печатаннымъ въ латино-уніатскихъ типографіяхъ.

Долго старая Русь не могла примириться съ мыслью, чтобы такую церковную «поруху» совершилъ царь православный и усвоялъ ее патріарху Никону, который былъ лишь проводникомъ въ жизнь возлюбленной царемъ идеи Вселенской Церкви.

Петръ Великій совершенно оставилъ безъ вниманія старую Русь, пошелъ по слѣдамъ первыхъ своихъ предковъ и своимъ геніальнымъ творчествомъ и богатырскимъ напряженіемъ силъ украсилъ Романовыхъ навѣки ореоломъ историческаго величія и безсмертія. Перенеся столицу на берега Невы, онъ поставилъ Русь рядомъ съ Западной Европой, чтобы приблизить свое государство къ просвѣтительнымъ центрамъ. Кіевскіе ученые, терпѣвшіе въ Москвѣ неудачи, стали здѣсь главными орудіями его просвѣтительныхъ задачъ. Переводная литература развилась до широкихъ размѣровъ, и самъ Петръ собственноручно дѣлалъ наставленія для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ. Устроивъ въ Петроградѣ Академію Наукъ, онъ привилъ къ русскому сознанію понятіе о наукѣ, какъ высочайшей потребности историческихъ народовъ. Кромѣ школъ греко-латинскихъ, имъ заведены были школы цифирныя-математическія и школы морскія-корабельныя. Устроивъ гражданскій шрифтъ и арабскую численность, Петръ обособилъ церковную письменность отъ свѣтскихъ произведеній и чрезъ то положилъ начало свѣтской литературѣ. Тому же послужила и основанная имъ въ Петроградѣ Публичная Библіотека.

Всѣ остальныя Романовскія царствованія суть лишь ступени на пути развитія въ Россіи наукъ и искусствъ, кои нерѣдко достигаютъ высоты, вызывающей уваженіе гордаго и просвѣщеннаго Запада.

Многомилліонное крестьянство, мирно и безъ всякихъ потрясеній одаренное свободой и землею, нынѣ облагораживается школами церковными и гражданскими.

О, если когда, то именно въ день настоящаго свѣтлаго торжества, невольно вспоминается народная молитва:

«Спаси, Господи, Царя-бога Русійскаго,
«Спаси, Господи, Царицу благовѣрную
«Со милыма, сердечныма, со дѣтушкамъ».

Е. Барсовъ.

Введеніе

Начиная въ честь трехвѣковаго юбилея Царствующаго Дома Романовыхъ наше изданіе, считаемъ нужнымъ предпослать подробному изложенію хода Русской исторіи данной эпохи общее обозрѣніе этого важнаго трехвѣковья. Оно составляетъ въ Отечественной исторіи ея особый РОМАНОВСКІЙ ПЕРІОДЪ, не менѣе важный, чѣмъ предшествующій ему семивѣковый періодъ правленія династіи Рюрика.

Прежде всего, мы должны вглядѣться не во всемірно-историческія, а въ національно-русскія заслуги Романовыхъ—именно, въ заслуги ихъ передъ своимъ государствомъ, передъ нашимъ народомъ.

Велики заслуги предшествовавшей династіи Рюрика: она основала русское государство, сплотила отдѣльныя восточно-славянскія племена въ единый православно-русскій народъ и, наконецъ, послѣ тяжкой борьбы съ удѣльной системой и азіатскими завоевателями, создала мощное Московско-Всероссійское Царство. Именно здѣсь въ Москвѣ, какъ въ царствующемъ градѣ, родилась идея великой Россіи, наслѣдницы разрушенной Визан-

тійской имперіи. «Вся христіанскія царства проидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, (т.-е., соединились въ Россійское царство): два убо Рима падоша, третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти», писалъ въ своихъ посланіяхъ къ великому князю Василію Іоанновичу и дьяку Мунехину старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей, выражая тѣмъ уже окрѣпшее чувство національнаго самосознанія и народной гордости. Такимъ образомъ, Россія уже въ тѣ времена провидѣла свое великое будущее и смѣло намѣчала передъ собою грандіозную цѣль—стать въ уровень со старой Византійской имперіей и съ новой Священной Римской имперіей. Приливъ внутреннихъ новыхъ силъ, мощный ростъ государства, великіе успѣхи, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ устройствѣ,—все это на закатѣ династіи Рюриковичей показывало, что труды и заботы князей и государей русскихъ не пропали даромъ и принесли свои благодатные плоды.

Но, достигнувъ такихъ важныхъ результатовъ, династія Рюриковская все же не дала государству и народу той крѣпости, которая спасла бы ихъ вслѣдъ за прекращеніемъ царствовавшаго рода отъ потрясающихъ смутъ ужаснаго лихолѣтья, отъ полной разрухи государства, отъ безумныхъ междоусобій, подобныхъ тѣмъ, которыя предшествовали въ девятомъ столѣтіи призванію первыхъ князей, основателей Русскаго государства. Эти былыя междоусобія лѣтописецъ объяснялъ, какъ результатъ того, что «правды не было» у восточныхъ славянъ: и въ лихолѣтье XVII вѣка дали пышный всходъ сѣмена разрушительной смуты, брошенныя еще во времена Іоанна Грознаго, и снова не стало зиждительной правды у русскихъ людей.

Смута загорѣлась съ полной своей силой послѣ смерти царя Ѳеодора Іоанновича,—послѣдней отрасли Рюрикова дома. Тогда одинъ родъ возставалъ на другой изъ-за обладанія верховной властью и «несъ розно» и русскій народъ, и русскую землю: Шуйскіе со своими приверженцами свергали Годуновыхъ, Шуйскихъ опрокидывали Голицыны, поддерживаемые другими родами. Умаленіе государственнаго разума и разслабленіе политическаго инстинкта создали тучную почву для самозванства разныхъ видовъ и именъ, а тутъ въ эту разруху вмѣшались хищныя руки польщизны и католическаго іезуитизма. Московскіе люди начала XVII столѣтія до того измалодушествовались, какъ прекрасно выразилась мать царя Михаила Ѳеодоровича, и даже изворовались политически, что сперва призвали на русскій престолъ польскаго королевича Владислава, а потомъ отдались въ полную власть самого польскаго короля Сигизмунда III, который, съ помощью іезуитовъ, душилъ въ западной Руси не только православную вѣру, но и русскую народность.

Великая восточно-европейская равнина издавна стала ареною спора о первенствѣ между двумя славянскими народностями—русской и польской. Эти два народа—по волѣ судьбы и обстоятельствъ—должны были мечомъ рѣшать свой споръ, и одинъ изъ нихъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ поглотить другой, потому что иного исхода изъ этого соперничества не представлялось и не могло представиться. Въ дни лихолѣтія казалось, что счастливый жребій упалъ на сторону Польши, и что Россія должна была пасть безвозвратно къ ногамъ Рѣчи Посполитой. У насъ крамола и измѣна взяли такую силу, что сердце Россіи Москва была сдана полякамъ, и они неограниченно властвовали по всей Русской землѣ.

Русское государство лежало въ развалинахъ и готовилось войти въ качествѣ нѣсколькихъ провинцій и повѣтовъ въ составъ Рѣчи Посполитой, или великой Польши, простиравшейся тогда «отъ моря до моря».

Коротко говоря— надъ Русью отяготѣлъ страшный вопросъ: быть или не быть ей, какъ государству и націи? Найдутся ли у насъ силы изгнать поляковъ и призвать на престолъ вмѣсто польской династіи свой русскій царствующій домъ?

По всѣмъ тогдашнимъ видимостямъ, слѣдовало бы на это отвѣтить отрицательно... Положеніе было отчаянное, безвыходное, погибельное.

Но въ Россіи и ея народѣ хранились могучія жизненныя силы; въ ней еще оставался національно-государственный духъ, который чище всего и сильнѣе всего хранился въ Церкви Православной. Святѣйшій патріархъ Гермогенъ свято и доблестно пробудилъ этотъ изнемогшій и упавшій на время духъ своими проповѣдями, своими грамотами, своими страданіями и, наконецъ, мученическою смертью, и національный разумъ, національное чувство и государственное сознаніе воспрянули во весь свой ростъ, и руками Гермогеновскихъ учениковъ, какъ преподобный Діонисій, Авраамій Палицынъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ, Козьма Мининъ и князь Пожарскій, спасли Россію отъ гибели въ когтяхъ Польши.

Передъ этимъ подъемомъ православно-народнаго духа исчезла, какъ дымъ, растаяла какъ воскъ, смута, крамола и измѣна. И народъ, очистившійся отъ внутренней и внѣшней скверны, достаточно ею «наказавшійся», объединился, чтобы вновь основать Всероссійское государство.

Какой же политическій строй ляжетъ въ основу обновленной жизни возрождающейся Россіи? Будетъ ли избранъ строй конституціонный, которымъ поляки прельщали русскихъ въ 1612 году? Или же воскреснетъ старо-русскій, до-монгольскій, удѣльно-вѣчевой укладъ жизни? Нѣтъ. Великій земскій соборъ 1613 года рѣшилъ возстановить государство въ видѣ того царства, въ какомъ создала его Москва и ея государи, и эту мощную наслѣдственную самодержавную власть соборъ возложилъ на юнаго боярина Михаила Ѳеодоровича Романова и его родъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, несмотря на натискъ враговъ съ разныхъ сторонъ и страшное разореніе русской земли, вынесъ на себѣ тягчайшее бремя возсозданія Русскаго государства. Этимъ онъ какъ бы во второй разъ основалъ наше государство и именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ создала его предшествовавшая страдная исторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ возстановилъ Москву, разрушенную смутою и поляками гораздо сильнѣе, чѣмъ Наполеоновыми полчищами въ 1812 году.

Но главнѣйшее значеніе царя Михаила Ѳеодоровича Романова заключается въ томъ, что онъ явился основателемъ новой національной царствующей династіи и въ своемъ потомствѣ далъ рядъ выдающихся государей, которые возвеличили Россію.

Уже сынъ Михаила Ѳеодоровича—Алексѣй Михайловичъ, второй государь изъ дома Романовыхъ, своимъ законодательствомъ, своимъ управленіемъ, а также и своимъ симпатичнымъ характеромъ пріобрѣлъ безграничную любовь своего народа и привлекъ къ себѣ сочувствіе иностранцевъ, которые говорили, что каждый христіанскій народъ желалъ бы имѣть у себя такого государя, но не всѣ и рѣдко кто имѣетъ подобныхъ. При немъ про-

должалось дѣло собиранія Русскаго государства возвращеніемъ отторгнутой отъ насъ Польшей Малой и Бѣлой Руси.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ передъ русскимъ народомъ стояла основная задача укрѣпленія государства въ его естественныхъ границахъ. Эту задачу выполнили два нашихъ государя, по справедливости получившихъ названіе великихъ—Петръ Великій и Екатерина Великая. Петръ I добылъ для насъ морскіе берега, «ногою твердой ставъ на Балтійскомъ морѣ», и вдвинулъ Россію въ составъ европейскихъ государствъ, при чемъ онъ возвелъ средней величины Московское государство на степень великой имперіи и сдѣлалъ его одною изъ первенствующихъ въ мірѣ державъ. Екатерина II дала намъ своими блестящими турецкими войнами безопасныя границы у Чернаго моря, и съ ея царствованія было положено начало полнаго и окончательнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Споръ о первенствѣ на востокѣ Европы между поляками и русскими рѣшился безповоротно въ пользу Россіи, какъ державы, заключающей въ себѣ больше жизненныхъ силъ и государственнаго смысла, чѣмъ Польша. Раздѣлы Польши и ея окончательное паденіе завершили собою укрѣпленіе Россіи у западныхъ ея границъ и устранили врага, долго угрожавшаго цѣлости и безопасности русскаго государства.

Государи Романовскаго періода Русской исторіи своимъ трудомъ раздвинули предѣлы Московскаго государства до того, что оно обняло одну шестую часть земного шара, почти въ 20 тысячъ квадратныхъ верстъ. Продолжая дѣло московскихъ князей—собирателей Руси, они возвратили Малую, Бѣлую и Черную Русь, Холмщину, Волынь и Подолію,—наши извѣчныя владѣнія. Но не ограничиваясь этимъ, они присоединили къ Всероссійскому государству Привислинскій край, Финляндію, Сѣверное Черноморье, Бессарабію. Крымъ, Кавказъ и Закавказье, Туркестанъ, Закаспійскій край, Восточную Сибирь, Амуръ, Уссурійскую область и Камчатку. Всѣ эти пріобрѣтенія утроили пространство, входившее въ составъ Московской Руси. Благодаря этому мы смѣло можемъ сказать, что солнце никогда не заходитъ во владѣніяхъ русскаго царя [1]).

Подъ скипетромъ Романовыхъ наше населеніе, не доходившее прежде до 10 милліоновъ, увеличилось до 170 милліоновъ, съ ежегоднымъ приростомъ (путемъ рожденій) въ 5 милліоновъ [2]). Государственные доходы, не составлявшіе прежде одного десятка милліоновъ рублей въ годъ, теперь превысили уже три милліарда. Изъ года въ годъ наша торговля и промышленность дѣлаютъ колоссальные успѣхи.

Грозно возросла и боевая наша сила. Она представлялась въ московскій періодъ бѣдной горстью, плохо сорганизованной и слабо вооруженной. По своей численности она вся не могла сравняться съ войсковой массой одного изъ военныхъ округовъ Императорской Россіи, которые могутъ нынѣ выдвинуть четыре милліона войска.

---

[1]) Громадное пространство Россіи, въ 10 тысячъ верстъ отъ прусской границы до Великаго океана и въ $3^1/_2$ тысячи верстъ отъ Памира до Ледовитого океана, объединенное громадными судоходными рѣками и рельсовою сѣтью въ 100 тысячъ верстъ, даетъ намъ: а) всѣ климаты, отъ подтропическаго до полярнаго и б) всѣ произведенія царствъ минеральнаго, растительнаго, животнаго, почему Россія считается страной самодовлѣющею, т. е., такою, которая можетъ добывать все не только необходимое, но и составляющее роскошь, в) громадный резервъ свободныхъ земель, который дѣлаетъ излишнею для насъ эмиграцію въ чужія земли и даетъ сотни тысячъ десятинъ для громадныхъ массъ нашихъ переселенцевъ.

[2]) Чрезвычайно важно, что изъ этого количества 100 милліоновъ одной крови, одного языка и одной вѣры съ своимъ Русскимъ Православнымъ царемъ, а остальные 70 милліоновъ раздѣлены между инородцами разнаго этнографическаго происхожденія, при томъ разновѣрными и разноязычными.

До-Романовская Русь плавала только на ладьяхъ, а теперь мы владѣемъ военнымъ и торговымъ флотомъ. Мало этого, начата дѣятельная работа по завоеванію воздуха, и у насъ создается военный воздушный флотъ.

Пути сообщенія, знавшіе прежде только грунтовыя дороги и рѣдкія деревянныя и каменныя мостовыя, теперь имѣютъ огромную сѣть желѣзныхъ дорогъ, среди которыхъ выдается первая въ мірѣ по своему протяженію Сибирская желѣзная дорога, соединяющая рельсами Атлантическій океанъ (во Франціи) съ Великимъ океаномъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ.

Торговля и промышленность въ дотолѣ невиданныхъ формахъ разрослись въ огромныхъ размѣрахъ. Количество городовъ, прежде немногочисленное, удесятерилось.

Но это выражаетъ успѣхи Россіи преимущественно въ матеріальной, экономической культурѣ; выше этого культура ея духа.

Государственная организація при нашемъ самодержавномъ строѣ совершенствовалась безъ нарушенія, однако, основного начала нашей исторической жизни—Самодержавія. Но отраднымъ свидѣтельствомъ того, что въ законодательствѣ нашемъ не было застоя, служитъ громадный Сводъ Законовъ, явившійся черезъ 200 лѣтъ послѣ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и обширное Собраніе Узаконеній, какихъ не имѣютъ другія страны.

Дому Романовыхъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, императорское время Россіи. Царствующій родъ въ этотъ періодъ выставилъ цѣлый рядъ выдающихся по своему уму и талантамъ носителей верховной власти. Самая верховная власть, при быстро измѣняющихся историческихъ условіяхъ, показала необычайную жизненность и способность становиться на какой угодно высотѣ государственно-народныхъ потребностей. То грозная и сильная въ лицѣ Петра I и Николая I, то мягкая и гуманная во времена Екатерины II и Александра II, то склонная къ чужеземнымъ заимствованіямъ, то твердо и крѣпко становившаяся на національныя основы, какъ при императорѣ Александрѣ III—она являла себя, какъ неистощимый и разнообразный источникъ народнаго благосостоянія.

Но власть въ рукахъ рода Романовыхъ никогда не направлялась на угнетеніе и порабощеніе народа. Государи наши всегда уважали личность человѣка въ своихъ подданныхъ и не только не подавляли роста общественнаго самосознанія, но неизмѣнно шли ему навстрѣчу. Исторія Романовыхъ является исторіей постепеннаго раскрѣпощенія человѣческой личности ихъ подданныхъ путемъ просвѣщенія. Не послушнымъ стадомъ рабовъ хотѣли управлять Романовы, но свободными людьми въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ отношеніе нашихъ государей къ крестьянамъ, находившимся подъ гнетомъ крѣпостного права. «Увижу-ль я народъ неугнетенный и рабство, павшее по манію царя», взывалъ одинъ изъ лучшихъ людей своего времени—Пушкинъ, и въ этихъ его словахъ отразились взгляды передовыхъ людей той эпохи, возлагавшихъ надежды на проведеніе этой труднѣйшей реформы только на царскую власть. И, въ самомъ дѣлѣ, верховная власть стремилась къ этой цѣли. Екатерининскій Наказъ рѣзко и опредѣленно высказался противъ рабства крестьянъ. Александръ I старался его уничтожить, Николай I всю жизнь подготовлялъ практическія для этого средства, и, наконецъ, могучее слово Царя-Освободителя разбило цѣпи крѣпостного

права на вѣки вѣчные, и; по его державному указу, крестьяне получили не только волю, но и надѣлы землею, примѣровъ чего мы не видимъ въ исторіи западно-европейскихъ государствъ. Издавна русскіе государи стремились уничтожить средостѣніе между верховной властью и народомъ, и теперь въ правленіе нынѣ благополучно Царствующаго Императора Николая II народу вручена, въ разумныхъ предѣлахъ, законодательная власть въ государственномъ совѣтѣ и государственной думѣ. Въ этихъ двухъ учрежденіяхъ—особенно въ послѣднемъ—народъ черезъ своихъ выборныхъ людей свободно можетъ нести свои мнѣнія и высказывать свои нужды передъ царскимъ тономъ.

За весь этотъ періодъ русской жизни цари изъ дома Романовыхъ были настоящими вождями своего народа. Они твердою рукою вели ихъ къ свѣту и правдѣ, всегда не только оставаясь на уровнѣ своего вѣка, но и опережая его. Если представителямъ Царствующаго Дома не удавалось выполнить свои планы и начинанія во всей ихъ полнотѣ, то виною этому былъ не недостатокъ ихъ доброй воли, но слишкомъ медленное движеніе впередъ народной массы, неспѣвавшей вслѣдъ за неуклоннымъ порывомъ все впередъ и впередъ своихъ державныхъ водителей.

Неизмѣнно оставаясь господствующей въ Россіи, православная церковь, при всѣхъ перемѣнахъ отношеній къ ней правящихъ круговъ и высшихъ общественныхъ классовъ, продолжала исполнять на Руси свою священную миссію, вводя въ свою ограду массы нехристіанъ и людей инославныхъ и благотворно дѣйствуя на жизнь православнаго русскаго народа. Романовы, какъ русскіе цари, всегда оставались царями православными.

Россія въ Кіевскій періодъ находилась въ тѣсномъ и живомъ общеніи съ такимъ очагомъ образованности, какимъ была Византія, и поэтому въ начальное время своего просвѣщенія она ни въ чемъ не уступала первенствовавшимъ странамъ Запада. Но монгольское иго и борьба съ удѣльной системой подавили благодатные всходы нашего образованія. И въ то время, когда мы въ отчаянной борьбѣ съ дикими азіатскими кочевниками отстаивали не только свою политическую независимость, но также спасли «Европы вольность, честь и миръ», западно-европейскіе народы, безмятежно жившіе за нашей спиной, пользовались греко-византійскимъ вліяніемъ и переживали плодотворную эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, время великихъ изобрѣтеній и географическихъ открытій, быстро продвигаясь впередъ на поприщѣ просвѣщенія. Россія же должна была довольствоваться скуднымъ образованіемъ, и тутъ въ нашемъ развитіи камнемъ преткновенія на пути стала пора смуты и междуцарствія.

Но, вотъ, Романовы, положивъ конецъ лихолѣтью и сознавая, что «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать», стали дѣятельно покровительствовать насажденію у насъ добытаго Западомъ образованія. Благодаря имъ, рухнула стѣна недовѣрія и нетерпимости, отдѣлявшая насъ отъ западной Европы и препятствовавшая правильному росту просвѣщенія на Руси. Намъ все казалось въ старину, что сближеніе съ западною Европою должно нарушить у насъ крѣпость и чистоту православной вѣры. Противъ стремленія русскихъ государей «въ Европу прорубить окно» сурово ополчалось общественное мнѣніе, косно тяготѣвшее къ старинѣ. Петръ Великій показалъ примѣръ своему народу, отправившись самъ на Западъ смиреннымъ ученикомъ и вернувшись оттуда могущественнымъ и просвѣщеннымъ повелителемъ. По его волѣ русскій народъ

сталъ «въ чину учимыхъ» и долженъ былъ взяться за науки. Наша связь съ западно-европейской культурой была упрочена на незыблемыхъ основаніяхъ. Тьма невѣжества быстро стала разсѣиваться, и русскіе люди скорыми шагами начали догонять обогнавшую насъ на пути просвѣщенія западную Европу. Исполнялось предсказаніе Лейбница, которое было обращено имъ къ Петру I: наука обошла кругомъ всю Европу и теперь пришла въ Россію, которая можетъ взять все лучшее изъ культуры Азіи и Европы, избѣгнувъ ошибокъ этой послѣдней. Правда, простецъ Посошковъ жаловался, что въ своемъ трудѣ Петръ самъ—десять въ гору тянетъ, а его подъ гору тянутъ милліоны, но и онъ сознавалъ, что со времени Петра «вся Россія явно отъ сна пробудилась». «Россійскій народъ гибокъ», говорилъ Ломоносовъ, показывая «приступъ ко всѣмъ имъ знаемымъ наукамъ» и оправдывая на себѣ эту характеристику. Проснулась постепенно въ обществѣ и въ народѣ жажда знанія и свѣта, и Романовы съ удивительной настойчивостью насаждали у насъ по примѣру Запада образовательныя заведенія, начиная съ Академіи Наукъ, университетовъ, высшихъ художественныхъ и техническихъ школъ, продолжая соотвѣтствующими средними и кончая низшими народными школами. Періодъ подражанія и заимствованій отъ Запада быстро миновалъ, и русскій національный геній сталъ дѣлать безцѣнные вклады въ сокровищницу общечеловѣческаго образованія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Въ 1660 году Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ говорилъ: «искалъ я корня духовнаго недуга, поразившаго христоименное царство русское, и, наконецъ, придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ недостатка училищъ. Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я отвѣчалъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища». Теперь, спустя два съ половиною вѣка послѣ этихъ горькихъ рѣчей, вся Россія покрылась густою сѣтью разнообразнѣйшихъ образовательныхъ учрежденій, и на ближайшей очереди поставленъ вопросъ о введеніи всеобщаго обязательнаго народнаго обученія. Такимъ образомъ, мы можемъ надѣяться, что близко то время, когда грамотность будетъ общимъ удѣломъ всего народа.

Въ настоящее время Россія имѣетъ болѣе 100.000 учебныхъ заведеній, начиная съ высшихъ училищъ до церковно-приходскихъ школъ грамоты включительно, въ коихъ учатся свыше 7.000.000 человѣкъ. Во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній стоятъ университеты и академіи различныхъ спеціальностей. Постоянное и дѣятельное покровительство этимъ важнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ составляетъ характеристичную черту Дома Романовыхъ.

Эпоха Романовыхъ—эпоха наступленія зрѣлости нашего національнаго генія. Многіе изъ представителей Дома Романовыхъ энергически поддерживали у насъ національное направленіе нашей образованности, и за этотъ періодъ появились свои самостоятельные русскіе ученые—отъ Ломоносова до Менделѣева и Мечникова, свои великіе писатели—отъ Пушкина и Гоголя до Достоевскаго и Льва Толстого, свои историки—отъ Карамзина до Соловьева и Ключевскаго, свои музыканты—отъ Глинки до Чайковскаго и Римскаго-Корсакова, свои живописцы—отъ Брюллова и Иванова до Рѣпина и Васнецова. Въ это время русскій геній проявилъ себя и въ великихъ русскихъ полководцахъ, какъ Румянцевъ, Суворовъ, Кутузовъ, Паскевичъ, Дибичъ, Черняевъ, Скобелевъ и другіе, и въ морякахъ, какъ Грейгъ, Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ и т. д. Дѣйствительно, мы можемъ съ гор-

достью сказать, что за этотъ періодъ времени «высоко взлетѣлъ орелъ двуглавый» Россіи, и Романовы, какъ ея правители, руководились принципомъ не угашать духа, но во всемъ и всегда всѣми силами и мѣрами способствовать прогрессу русскаго государства.

Триста лѣтъ правленія Романовыхъ дали удивительный по своей силѣ и блеску расцвѣтъ Русскаго государства. При нихъ «Россія вышла въ Европу, какъ спущенный корабль при стукѣ топора и при громѣ пушекъ», какъ характеризовалъ эпоху Петра Великаго Пушкинъ. Но не только громовые успѣхи русскаго оружія, не только необычайный ростъ пространства Русской державы знаменуютъ собою время правленія этой династіи, но и культурныя завоеванія въ области наукъ и искусствъ заставляютъ насъ гордиться этимъ трехсотлѣтіемъ, наложившимъ свою неизгладимую печать на жизнь нашего народа и даже всѣхъ европейскихъ народовъ. Мы выражаемъ твердую увѣренность, что наше отечество и впередъ будетъ итти неуклонно, можетъ быть, иногда и тернистымъ путемъ, къ свѣту и славѣ, къ своему великому будущему. И, вѣря въ это, подъ державой Романовыхъ «въ надеждѣ славы и добра впередъ глядимъ мы безъ боязни». . . . . .

РОДЪ БОЯРЪ РОМАНОВЫХЪ.

(ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

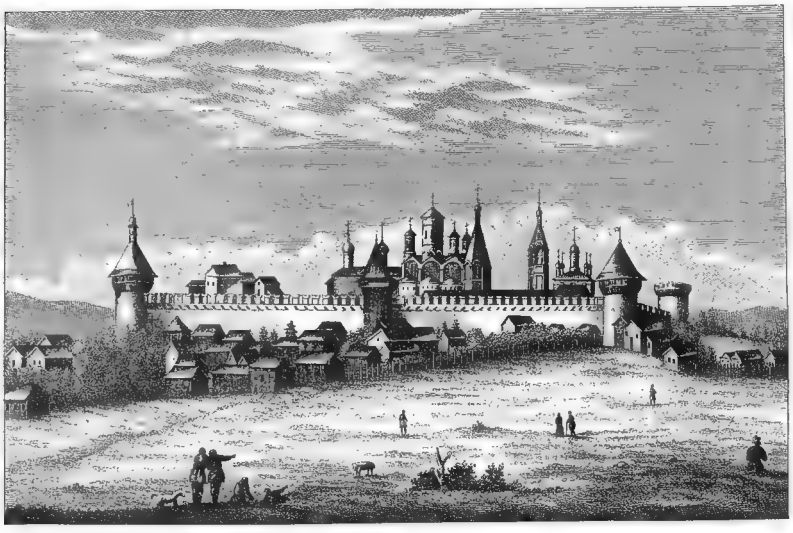
На высокомъ берегу Москвы рѣки расположенъ за Таганской площадью величественный Новоспасскій монастырь. «Монастырь сей ровесникъ Москвѣ», говоритъ одно изъ раннихъ его описаній [1]), «онъ возникъ въ сельцѣ Даниловѣ, потомъ водворенъ въ кремникѣ Калиты, подъ сѣнію бора, наконецъ въ Васильевскомъ стану, на Крутицѣ; пережилъ, въ теченіе пяти вѣковъ своего бытія монголо-татарское иго, литовско-польское нашествіе, бѣдственную эпоху самозванцевъ, боярскія смуты и Наполеоновское вторженіе. Въ началѣ дворцовый монастырь первыхъ князей Москвы, ихъ моленная и усыпальница, первая богадѣльня; потомъ твердыня противъ крымцевъ, ногайцевъ и поляковъ; напослѣдокъ родовое кладбище Романовыхъ, Спасовъ домъ, хотя и не имѣлъ славнаго жребія Троицкой Лавры, но также былъ разсадникомъ іерархіи благочестія и сострадальцемъ Москвы, свидѣтелемъ и участникомъ ея спасенія. Такія событія соединяютъ его исторію съ исторіей Москвы и Россіи».

Когда эта древняя и прославленная обитель стала усыпальницей рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ, точно опредѣлить нѣтъ никакой возможности [2]). Во время княженія

[1]) Новоспасскій монастырь. Соч. И. Сн. Изданіе архимандрита Аполлоса 1842 г.

[2]) См. интереснѣйшія данныя объ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ въ книгѣ «Царскіе прародители, погребенные въ обители Спаса на Новомъ». Изд. Новоспасскаго монастыря.

Ивана III Васильевича Новоспасскій монастырь былъ перенесенъ изъ Кремля на его теперешнее мѣсто, и весьма вѣроятно, что одновременно съ этимъ возникла и усыпальница бояръ Романовыхъ. Она была устроена внизу храма. Уже въ 1498 году—черезъ два года послѣ освященія храма — тамъ былъ погребенъ Василій Юрьевичъ Захарьинъ. Слѣдуетъ предположить, что его родъ принималъ участіе и въ постройкѣ новой церкви и, вообще, въ устройствѣ монастыря на новомъ мѣстѣ. Уже тогда родъ Захарьиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ въ рядахъ московскаго боярства по своей знатности и по своимъ богатствамъ: это подтверждаетъ уже то обстоятельство, что они избрали для погребенія такой видный монастырь, какъ Новоспасскій [3]).



Новоспасскій монастырь въ царствованіе Петра Великаго.

Эта усыпальница—мѣсто великихъ воспоминаній. Проходя подъ ея сводами, останавливаясь у гробницъ предковъ нынѣ правящей нашей Русью династіи, переносишься мыслью къ давно ушедшимъ вдаль временамъ и переживаешь въ сердцѣ ходъ событій, измѣнившихъ теченіе русской исторіи. Про это мѣсто можно смѣло повторить слова поэта: «Здѣсь колыбель имперіи твоей, здѣсь родилась великая Россія».

Но въ генеалогической исторіи бояръ Романовыхъ для объясненія главнѣйшихъ причинъ ихъ призванія на русское царство, необходимо имѣть въ виду прежде всего не ранній, а позднѣйшій ея періодъ, когда Романовы стали особенно близки къ престолу, и ранѣе народнаго призванія въ 1613 году.

Могилы: 1) Родоначальника Дома Романовыхъ Романа Юрьевича Захарьина († 16 февраля 1543 г.). 2) Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, въ иноцахъ схимника Нифонта († 23 апр. 1586 г.).

[3]) См. книгу «Царскіе прародители», стр. 101 и дальше.

Дѣйствительно, этотъ родъ какъ бы предназначался уже Божіей милостью и волей послѣднихъ царей изъ династіи Рюрика къ дѣламъ правленія и къ сосредоточенію въ его рукахъ верховной власти всея Руси. Сами современники смотрѣли на избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство, какъ на Божіе предопредѣленіе. Авраамій Палицынъ называетъ Михаила Романова «избраннымъ отъ Бога прежде его рожденія». Грамота съ извѣстіемъ объ избраніи его на царство прямо подчеркивала это: «Богъ его, государя, на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему-либо заводу; избралъ его мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости; всѣмъ людемъ о его избраніи *Богъ въ сердце вложилъ* одну мысль и утвержденіе».

В. Васнецовъ. Иванъ Грозный.

Къ тому же родъ Романовыхъ былъ связанъ въ представленіи народномъ съ родомъ Рюрика. «Въ царѣ Михаилѣ видѣли не соборнаго избранника, а племянника царя Ѳеодора, природнаго наслѣдственнаго царя», говоритъ Ключевскій [4]). Современный хронографъ указываетъ, что Михаила просили на царство «сродственнаго его ради соуза царскихъ искръ».

Самымъ важнымъ моментомъ вступленія Романовыхъ на эту царственную высоту былъ достопамятный 1547 годъ. Тогда—въ ту пору еще великій князь всея Руси Іоаннъ IV Васильевичъ объявилъ всероссійскому первосвятителю митрополиту Макарію и боярамъ, что онъ желаетъ вѣнчаться и брачнымъ и царскимъ вѣнцомъ. «Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ у какого-нибудь короля или царя»,—сказалъ Іоаннъ, «но я эту мысль отложилъ: если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ. Поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ,—у кого Богъ благословитъ по твоему благословенію».

---

[4]) Проф. В. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, часть III.

Но царское вѣнчаніе, возводившее Московское государство на новую высшую ступень политическаго значенія, предшествовало брачному и было торжественно совершено въ Успенскомъ соборѣ 16-го января.

Георгіевскій монастырь (нынѣ упраздненный).

Черезъ 18 дней послѣ этого важнаго государственнаго акта, т.-е. 3-го февраля, тотъ же первосвятитель, который возложилъ царскій вѣнецъ на перваго русскаго царя, возлагалъ брачные вѣнцы въ томъ же Успенскомъ соборѣ на него и на первую русскую царицу. Это была Анастасія, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянница боярина Михаила Юрьевича, бывшаго близкимъ человѣкомъ къ великому князю Василію. Въ житіи св. Геннадія Костромского разсказывается, какъ святой, въ бытность свою въ Москвѣ, былъ съ честью принятъ у боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, благословилъ ея чадъ Даніила, Никиту, Анастасію и этой послѣдней предсказалъ царское супружество. «Ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будешь намъ государыня царица», сказалъ святой, благословляя Анастасію. Она жила до этого въ домѣ своего дѣда Юрія Захарьевича, въ началѣ нынѣшней Большой Дмитровки. Тутъ раньше была Юріемъ Захарьевичемъ выстроена церковь во имя св. Георгія, а царица Анастасія на свое иждивеніе построила женскую обитель—Георгіевскій монастырь.

Личность царицы Анастасіи въ нашей исторіи озарена тихимъ и яснымъ свѣтомъ, подобнымъ тому, который окружаетъ образы свв. княгинь Ольги и Ефросиніи, супруги Димитрія Донского. Добрая, кроткая и набожная, она оказывала самое умиротворяющее вліяніе на душу своего супруга—грознаго царя, омраченную тяжелыми воспоминаніями дѣтства и отрочества. Время замужней жизни царицы Анастасіи (съ 1547—1560 гг.) совпало съ блистательной порой царствованія Іоанна IV, когда покорены были царства Казанское и Астраханское, когда собирались первые земскіе соборы, когда былъ изданъ судебникъ и была сдѣлана попытка завести въ Москвѣ книгопечатаніе. Кроткая слава царицы Анастасіи отразилась въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и свѣтлымъ ореоломъ окружила ея родъ.

Какъ можемъ судить мы по немногочисленнымъ даннымъ относительно дѣятельности царицы, она не была пассивнымъ существомъ, стоящимъ вдали отъ дѣлъ правленія. Она была настоящей подругой Іоанна, и это возбудило противъ нея недоброжелательство со стороны партіи Курбскаго и Адашева, стремившихся захватить первенствующее вліяніе въ государствѣ. «За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ неугодна, за одно малое слово ея они разсердились», жаловался Іоаннъ [5]). Это прямое указаніе на то, что Анастасія становилась на пути домогательствъ совѣтниковъ царя. Іоаннъ любилъ Анастасію

[5]) Переписка Грознаго съ княземъ Курбскимъ.

страстною, нѣжною любовью, и ея преждевременную кончину онъ объяснялъ тѣмъ, что «вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели». Онъ самъ открыто признавалъ ея благодѣтельное вліяніе на себя. «Зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то кроновыхъ жертвъ и не было бы [6])».

Глубокая нѣжность царя къ своей первой супругѣ, безграничная любовь къ ней народа доказываютъ, что, дѣйствительно, она была выдающейся по своимъ нравственнымъ качествамъ личностью своего времени. Когда Анастасія скончалась, то вся Москва была охвачена глубокой, неутѣшной скорбью. Народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь ко гробу царицы, когда ея тѣло несли въ Вознесенскій монастырь. Всѣхъ неутѣшнѣе плакали бѣдняки и нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обычную въ такихъ случаяхъ милостыню,—они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ день печали. Такова была народная любовь къ Анастасіи. Ея обаяніе распространилось и на ея ближайшую родню, представители которой, впрочемъ, были достойны широкой популярности и по своимъ личнымъ качествамъ.

Самое родство съ царемъ чрезъ Анастасію рода Романа Захарьевича Юрьева, потомки котораго съ этого времени зовутся уже Романовыми, возвысило этотъ родъ на уровень родовъ княжескихъ и даже поставило ихъ выше послѣднихъ. Братъ царицы Анастасіи Никита Романовичъ, шуринъ царя, сталъ быстро возвышаться по ступенямъ служебной лѣстницы и былъ виденъ въ народѣ. Значеніе его не исчерпывалось военной службой, но выражалось въ административной, правительственной и придворной службѣ боярина. Онъ воеводою участвовалъ въ войнахъ: Ливонской, Крымской, Польской и Шведской. Въ 1574 году онъ былъ назначенъ начальникомъ всей сторожевой службы на югѣ Россіи и эту службу онъ, чтобы усилить ее, организовалъ по-своему. Въ 1566 году онъ получилъ важное придворное званіе дворецкаго. Іоаннъ Грозный укрѣплялъ въ его лицѣ и матеріальную силу Романовыхъ, щедро жалуя его вотчинами большихъ размѣровъ: къ 80-мъ годамъ столѣтія у Никиты Романовича было свыше 5.000 десятинъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ и Кашинскомъ.

Соборный храмъ въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

О выдающемся значеніи въ Московскомъ государствѣ Никиты Романовича мы имѣемъ много современныхъ свидѣтельствъ. Онъ сохранилъ свою близость къ Іоанну до самой смерти этого послѣдняго. Это видно, напримѣръ, изъ свадебныхъ разрядовъ: во время свадьбы Іоанна, въ 1547 году, онъ «вмѣстѣ съ царемъ въ мыльнѣ мылся и спалъ у постели».

---

[6]) Тамъ же.

Прекрасную характеристику Никиты Романовича даетъ поэтъ нашъ гр. Алексѣй К. Толстой въ своей трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго»:

У царскаго престола
Онъ тридцать лѣтъ стоитъ и чистъ, и бѣлъ.
Онъ смѣлымъ словомъ тысячи безвинныхъ
Спасалъ не разъ, когда уже надъ ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя жъ онъ не берегъ. Всегда онъ смерти
Глядѣлъ въ глаза,—и смерть намъ всѣмъ на диво
Его главы почтенной не коснулась—
И стелется предъ нами жизнь его
Безъ пятнышка, какъ снѣжная равнина.

Эта характеристика совершенно тождественна съ образомъ боярина Никиты Романовича, запечатлѣннымъ въ народной нашей поэзіи. Въ пѣснѣ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское» разсказывается, какъ онъ спасъ отъ послѣдствій необузданнаго гнѣва грознаго царя его родного сына Ѳеодора Іоанновича, котораго царь приказалъ казнить. Бояринъ Никита вырываетъ изъ рукъ Малюты Скуратова царевича и на радости устраиваетъ пиръ въ честь Ѳеодора Іоанновича. Между тѣмъ гнѣвъ царя остылъ, и онъ горько раскаивается въ гибели царевича. Все вокругъ него облекается въ печаль и лютую скорбь, но тутъ доносятъ царю о весельѣ въ домѣ Никиты Романовича, и царь готовъ отдать на казнь дерзкаго. Никита Романовичъ сообщаетъ ему о спасеніи царевича, и царь цѣлуетъ въ уста сахарныя своего вѣрнаго слугу и говоритъ ему:

«А чѣмъ боярина пожаловати,
А стараго Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ питья разнаго;
А сверхъ тебѣ грамота тарханная:
Кто чѣмъ на себя царскій гнѣвъ наведетъ,
И уѣдетъ во село во боярское
Ко старому Никитѣ Романовичу—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ» [7]).

Царь Іоаннъ IV при слабомъ своемъ наслѣдникѣ Ѳеодорѣ учредилъ совѣтъ изъ пяти бояръ: князя Мстиславскаго, Никиты Романовича, князя Ивана Петровича Шуйскаго, князя Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова. Имъ Грозный приказалъ послѣ своей смерти «правити великія Россіи царство державы своея и сына своего Ѳеодора въ самодержательствѣ укрѣпляти» [8]).

Сейчасъ же послѣ кончины Іоанна вспыхнули волненія. Московскіе посадскіе люди, вооружившись дубьемъ, подступили къ Кремлю и стали звать къ себѣ «царскаго дядю» Никиту Романовича, за котораго опасался народъ, чтобы его не извели недруги царевы, и которому одному только онъ вѣрилъ, называя всѣхъ остальныхъ бояръ измѣнниками и ворами [9]).

---

[7]) Кирша Даниловъ. Древнія россійскія стихотворенія XLIII.

[8]) Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы. Изд. Андрея Попова 1869 г.

[9]) Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени.

Вмѣстѣ съ Щелкаловымъ бояринъ Никита твердо стоялъ у кормила правленія въ первые годы царствованія Ѳеодора Іоанновича. Интересенъ отзывъ о немъ озлобленнаго неудачей своей миссіи посла англійскаго сэра Боуса: «Объявляю, что, когда я выѣхалъ изъ Москвы, Никита Романовичъ и Андрей Щелкаловъ считали себя царями, и потому такъ и назывались многими людьми, даже многими умнѣйшими и главнѣйшими совѣтниками». Эти желчныя слова иностранца очень характерны: съ его точки зрѣнія, Никита Романовичъ былъ «царемъ похитителемъ», но эта ложь не заслуживаетъ и опроверженія, потому что Никита Романовичъ былъ на краю могилы и никакихъ властолюбивыхъ плановъ не могъ питать въ своей душѣ. Вліяніе его при дворѣ государя зависѣло отъ его государственной мудрости и многолѣтняго политическаго опыта. Тотъ же Боусъ свидѣтельствуетъ, что Грозный ему довѣрялъ во всемъ [10]). Очевидно, иностранцы надѣялись при слабомъ царѣ Ѳеодорѣ достигнуть многихъ выгодъ, но на стражѣ русскихъ интересовъ твердо сталъ бояринъ Никита. Были имъ недовольны и римскіе кардиналы, и папскій легатъ въ Польшѣ кардиналъ Болоньетти съ радостью доносилъ въ Римъ, что «Никита Романовичъ не можетъ жить долго по причинѣ тяжкой болѣзни». И, въ самомъ дѣлѣ, скоро «умре Микита Романовичъ, и бысть преемникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ» [11]).

Знаменскій монастырь. (На старомъ Государевомъ дворѣ).

«Въ описываемое время смерть благодушнаго, уважаемаго всѣми Никиты Романовича Юрьева составляла событіе большой важности. Этотъ бояринъ, принадлежавшій къ знатному роду, состоявшій въ ближайшемъ родствѣ съ царемъ, былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы предохранить отечество отъ грядущихъ тяжкихъ испытаній. Ни въ комъ не возбуждалось сомнѣній о правѣ Никиты Романовича на первенство въ сонмѣ московскихъ бояръ», совершенно справедливо говоритъ о немъ историкъ А. Барсуковъ [12]).

Старшему брату Никиты Романовича Даніилу досталось меньшее значеніе, но и оно было высокимъ. Въ 1549 году онъ изъ окольничихъ былъ возведенъ въ санъ боярина и въ качествѣ воеводы участвовалъ во многихъ походахъ. Такъ, въ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводой передового полка въ первомъ походѣ подъ Казань и былъ строителемъ города

[10]) Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей. Грамоты, собранныя Юріемъ Толстымъ С.-Пб. 1875 г.

[11]) Лѣтопись о многихъ мятежахъ.

[12]) Родъ Шереметевыхъ. Кн. II.

Свіяжска, слѣдствіемъ чего былъ переходъ въ русское подданство черемисовъ и чувашей. Во второмъ походѣ подъ Казань онъ сражался съ Япанчей на Арскомъ полѣ. Послѣ взятія Казани онъ былъ отправленъ съ этой радостной вѣстью къ сестрѣ-царицѣ.

Никитскій монастырь.

Никита Романовичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ — на боярышнѣ Варварѣ Ховриной, а во второй — на княгинѣ Евдокіи, дочери князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго. Онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства: имѣлъ шесть сыновей (Ѳеодора, впослѣдствіи въ монашествѣ Филарета, Александра, Михаила, Ивана, Василія и Льва) и шесть дочерей. Чрезъ бракъ тѣхъ и другихъ онъ породнился съ главнѣйшими княжескими и боярскими родами своего времени.

Въ Москвѣ доселѣ стоитъ памятникъ религіозности Никиты Романовича: это основанный имъ Никитскій монастырь. Самъ Никита Романовичъ жилъ въ приходѣ Знаменья Божіей Матери, на Варваркѣ, прежде называемой Варварской улицей, расположенной на одномъ изъ холмовъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки—Варварѣ-горѣ. Тамъ стоялъ дворъ бояръ Романовыхъ, который, по вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, сталъ называться «старымъ государевымъ дворомъ, что на Варварскомъ крестцѣ» или «у Варвары-горы». Несомнѣнно, этотъ дворъ пострадалъ во время ужасныхъ пожаровъ 1547 и 1571 годовъ, но, по возстановленіи Москвы, и онъ былъ возстановленъ. Однажды бѣшеный гнѣвъ царя Ивана Грознаго не пощадилъ и Никиту Романовича, попавшаго во временную опалу: 200 стрѣльцовъ разорили и разгромили его дворъ по царскому повелѣнію, такъ что бояринъ со своими дѣтьми обращался за помощью и одеждой въ «Англинское подворье», бывшее по сосѣдству. Впрочемъ, опала быстро миновала голову Никиты Романовича, и снова его озарила милость и благоволеніе государевы, какъ въ этомъ мы уже имѣли случай убѣдиться.

Отъ всего стараго государева двора до нашего времени уцѣлѣла боярская каменная палата, современная рожденію царя Михаила Ѳеодоровича. На мѣстѣ домовой церкви Романовыхъ, по обѣту юнаго царя Михаила, былъ воздвигнутъ Знаменскій монастырь. Каменная палата является древнѣйшимъ въ Китай-городѣ памятникомъ гражданскаго зодчества. Этотъ остатокъ боярскихъ палатъ—яркій сколокъ жизни шестнадцатаго вѣка. Его щадило время, хотя много превратностей наносило этой палатѣ существенный уронъ. Обновленіе палаты было начато въ 1858 году и закончено къ слѣдующему году. Теперь, обозрѣвая

этотъ домъ, можно составить себѣ полное понятіе о тогдашнемъ образѣ жизни бояръ—объ ихъ «строеніи домовномъ»[13]).

Здѣсь-то получилъ воспитаніе Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ со своими братьями. Ихъ отецъ Никита Романовичъ не чуждался сношеній съ иноземцами и, пользуясь тѣмъ, что англинское подворье было поблизости, не разъ принималъ у себя англичанъ, какъ гостей. Одинъ изъ нихъ, приказчикъ подворья, давалъ уроки латинскаго языка юному Ѳеодору Никитичу[14]). Вообще, Ѳеодоръ Никитичъ былъ очень образованъ по тому времени: даже его враги говорили о немъ, что онъ и «Божественное писаніе отчасти разумѣлъ; всякими же дѣлами царскими и ратными владѣлъ»[15]). По его просьбѣ англичанинъ Горсей составилъ для него латинскую грамматику, написавъ въ ней латинскія слова русскими буквами.

Ѳеодоръ Никитичъ всегда отличался и между своими братьями, и между сверстниками. Народу онъ уже былъ тѣмъ дорогъ, что онъ былъ «Никитичъ», т.-е. сынъ Никиты Романовича, что напоминало народу и о былинномъ Добрынѣ Никитичѣ. Его и его братьевъ просто звали Никитичами, въ чемъ выражалось особенное уваженіе къ памяти ихъ отца, но Ѳеодоръ былъ особенно примѣтенъ. Онъ отъ природы былъ надѣленъ острымъ и живымъ умомъ, любознательный и начитанный, онъ и въ физическихъ упражненіяхъ выдавался своей силой и ловкостью. Наконецъ, онъ былъ первый красавецъ въ Москвѣ. Его красота вошла въ пословицу: разсказываютъ, что, когда портной, сдѣлавъ платье и примѣривъ его, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «Теперь ты совершенно Ѳеодоръ Никитичъ».Однако,

Домъ бояръ Романовыхъ. (На Варваркѣ въ Москвѣ).

[13]) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Текстъ И. М. Снегирева 1860 г.
[14]) Сказаніе англичанина Герсея о Россіи.
[15]) Хронографъ митрополита Пахомія 1630 года.

какъ свидѣтельствуетъ голландецъ-современникъ, онъ и его братья жили очень скромно, хотя держали себя съ истинно-царскимъ достоинствомъ.

При такихъ данныхъ не много бы труда стоило Романовымъ отстранить отъ престола Годуновыхъ. Московскіе бояре очень желали видѣть на престолѣ Ѳеодора Никитича. Преданье говоритъ, что самъ бездѣтный царь Ѳеодоръ Іоанновичъ собирался передать послѣ себя престолъ Ѳеодору Романову, своему двоюродному брату. Но родовое благородство Романовыхъ не допустило ихъ до домогательства завладѣть престоломъ, и чистота ихъ намѣреній не внушала имъ даже достаточной осторожности по отношенію къ возсѣвшему на престолъ Борису Годунову.

И. Е. Рѣпинъ. Боярин Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.

Новый царь видѣлъ въ Романовыхъ самыхъ опасныхъ для себя недруговъ и поэтому только выжидалъ случая, чтобы устранить ихъ со своей дороги. Есть извѣстіе, что сначала Годуновъ, при восшествіи своемъ на престолъ, далъ старшему изъ Романовыхъ страшную клятву, что онъ будетъ его «яко братію и царствію помогателя имѣти», но это было сдѣлано для того, чтобы заставить Романовыхъ забыть права свои на престолъ. На самомъ дѣлѣ, новый царь продолжалъ видѣть въ этомъ любимомъ въ народѣ боярскомъ родѣ опасныхъ для себя соперниковъ. Романовы, дѣйствовавшіе всегда прямо и честно, не давали никакихъ поводовъ къ подозрѣнію противъ себя. Эти поводы тогда были созданы злонамѣренною рукою.

Къ клеврету царя Бориса—Семену Годунову пришелъ одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова второй Бартеневъ и предложилъ свои услуги для оговора Романовыхъ. Услуги были приняты. Семенъ Годуновъ далъ ему нѣсколько мѣшковъ съ какими-то будто смертоносными кореньями, чтобы холопъ подкинулъ ихъ въ одну изъ кладовыхъ Романовыхъ, а самъ донесъ, что Романовы изготовляютъ отравное зелье для царскаго рода. Борисъ черезъ окольничаго Салтыкова произвелъ обыскъ, коренья были найдены, а Романовы пошли на судъ къ боярамъ, приверженцамъ Годунова. Тѣ не замедлили приговорить Романовыхъ вмѣстѣ съ ихъ родными Черкасскими, Сицкими, Шестуновыми къ далекимъ и тяжкимъ заточеніямъ. Такъ разсказываютъ намъ это дѣло лѣтописныя сказанія...

Сыскъ надъ Романовыми производился съ особенною жестокостью. Бояре всячески издѣвались надъ заключенными Романовыми, ихъ истязали на допросахъ. Нѣкоторые изъ холопей Романовыхъ на сыскѣ показывали необыкновенную любовь и преданность своимъ господамъ: они умирали на пыткѣ, прославляя своихъ господъ. Ѳеодоръ Никитичъ прекрасно понялъ причину такого гоненія: «Бояре де лишь великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научили на насъ говорить людей нашихъ; а я де самъ видѣлъ то не единожды» [16]). Дѣйствительно, родственники и сторонники Годунова, а также и Шуйскіе употребили всѣ усилія, чтобы погубить самыхъ опасныхъ своихъ соперниковъ.

Часовня въ с. Ныробѣ, построенная въ 1703 году надъ ямой, гдѣ томился бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ.

Ѳеодоръ Никитичъ былъ разлученъ со своею женою и сыномъ, насильно постриженъ въ иноки подъ именемъ Филарета и отправленъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь подъ тяжкій надзоръ. Женатъ онъ былъ на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой, небогатой дѣвушкѣ, жившей у его сестры княгини Черкасской. У него былъ сынъ пятилѣтній Михаилъ—впослѣдствіи царь всея Руси. Супруга Ѳеодора Никитича тоже была пострижена въ монастырь подъ именемъ Марѳы, и ее отправили въ Егорѣевскій погостъ, Толвуйской волости въ Заонежьѣ. Ея дѣтей—Михаила и его сестру вмѣстѣ съ теткою ихъ дѣвицею Анастасіей тоже сослали на Бѣлоозеро. Постригли и мать Ксеніи Марію Шестову. Сосланы были и братья Ѳеодора Никитича: Александръ былъ отправленъ въ Усолье у Бѣлаго моря, Михаилъ—въ Пермь въ Ныробскую волость, Иванъ—въ Пелымь, а Василій—въ Яренскъ.

Такъ неправедно удалены были Годуновымъ изъ Москвы опасные для него не замыслами, а своимъ царственнымъ значеніемъ Романовы. Скоро смерть, вслѣдствіе лишеній и жестокаго обращенія стала вырывать одного страдальца за другимъ: умерли въ заточеніи Александръ, Василій, Левъ и Михаилъ. Уцѣлѣли только Ѳеодоръ (Филаретъ) и Іоаннъ.

Сочувствіе народное провожало въ заточеніе Романовыхъ: всѣ знали, что они страдаютъ невинно: «Ужаснулись отъ этого люди царствующаго града и впали въ великую скорбь»,—пишетъ современникъ. Скоро надъ Русью пронеслась буря бѣдствія—голодъ и моръ,

---

[16]) Акты историческіе. Т. II. С.-Пб. 1841 г., стр. 51.

разбои и грабежи дошли до неслыханныхъ размѣровъ; наконецъ, вспыхнула самозванщина. Народъ прямо объяснялъ эти невзгоды гнѣвомъ Божіимъ за неправду, совершенную надъ Романовыми. «Сихъ ради Никитичевъ»,—читаемъ мы въ лѣтописи:—«паче же всего міра за премногіе и многочисленные грѣхи наша и беззаконіе и неправды, изліяніе гнѣва быстрое бысть отъ Бога»[17]).

Цѣпи, хранящіяся въ Екатеринбургскомъ музеѣ Общества Любителей Естествознанія, представляющія собой копію оковъ боярина Михаила Никитича Романова.

За Филаретомъ — Ѳеодоромъ Никитичемъ въ монастырѣ былъ учиненъ самый бдительный надзоръ. Приставъ его Воейковъ усердствовалъ изо всѣхъ силъ и всячески въ своихъ доносахъ старался выказать свою рачительность. Онъ увѣрялъ, что «старецъ Филаретъ живетъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житіе, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ».

Но, на самомъ дѣлѣ, Филаретъ Никитичъ былъ стѣсненъ рѣшительно во всемъ и со всѣхъ сторонъ окруженъ сыщиками, доносившими о каждомъ его шагѣ. Воейковъ велѣлъ «малому» жить въ кельѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, несмотря на его протесты, что «бѣльцу съ чернецомъ въ одной кельѣ жить непригоже»; этотъ малый долженъ былъ точно передавать обо всемъ, что съ нимъ будетъ говорить Филаретъ. «Я малаго разспрашивалъ», пишетъ Воейковъ: «что съ тобою старецъ о какихъ-нибудь дѣлахъ разговаривалъ ли или про кого-нибудь не разсуждалъ ли, друзей своихъ по имени поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ: «Отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ». Единственно горькія жалобы иногда срывались съ устъ мученика: «Милыя мои дѣтки», плакался онъ: «маленьки бѣдныя остались: кому ихъ кормить и поить? Такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная жива ли уже? чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ. Мнѣ ужъ что надобно? Бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, и мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душею».

Какая раздирающая душу, неизбывная скорбь слышится въ этихъ вопляхъ страдальца, окруженнаго врагами! Для него смерть его собственная и его близкихъ кажется единственнымъ утѣшеньемъ, единственнымъ прибѣжищемъ въ несчастьяхъ. Изъ указовъ царя его приставу видно, что самъ Борисъ сдерживалъ чрезмѣрную ретивость тюремщика, опасаясь, очевидно, нареканій противъ себя: онъ приказывалъ обращаться съ узникомъ поснисходительнѣе; «ты бы старцу Филарету платье давалъ изъ монастырской казны и покой

[17]) Авраамій Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря.

всякій къ нему держалъ, чтобы ему нужды ни въ чемъ не было; если онъ захочетъ стоять на крилосѣ, то позволь, только бы съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривалъ; малому у него въ кельѣ быть не вели, вели съ нимъ жить въ кельѣ старцу, въ которомъ бы воровства никакого не чаять» [18]).

Однако, несмотря на весь бдительный надзоръ, Филаретъ поддерживалъ кое какія сношенія съ внѣшнимъ міромъ. «Находились добрые люди, которые облегчали участь страдальца. Въ Толвуйской волости былъ попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне, которые освѣдомлялись о положеніи Филарета и собирали о немъ извѣстія женѣ его, а отъ нея переносили вѣсти ему. Они, какъ будто, предчувствовали, что эта погибшая, повидимому, фамилія будетъ въ состояніи вознаградить за это сочувствіе къ ея несчастію всѣхъ ихъ потомковъ» [19]).

Четыре гробницы (въ нижнемъ этажѣ въ юго-восточномъ углу въ особой палаткѣ) Романовыхъ, братьевъ патріарха Филарета: Александра, Василія, Михаила и Іоанна Никитичей, пострадавшихъ во время царствованія Бориса Годунова. (Новоспасскій монастырь).

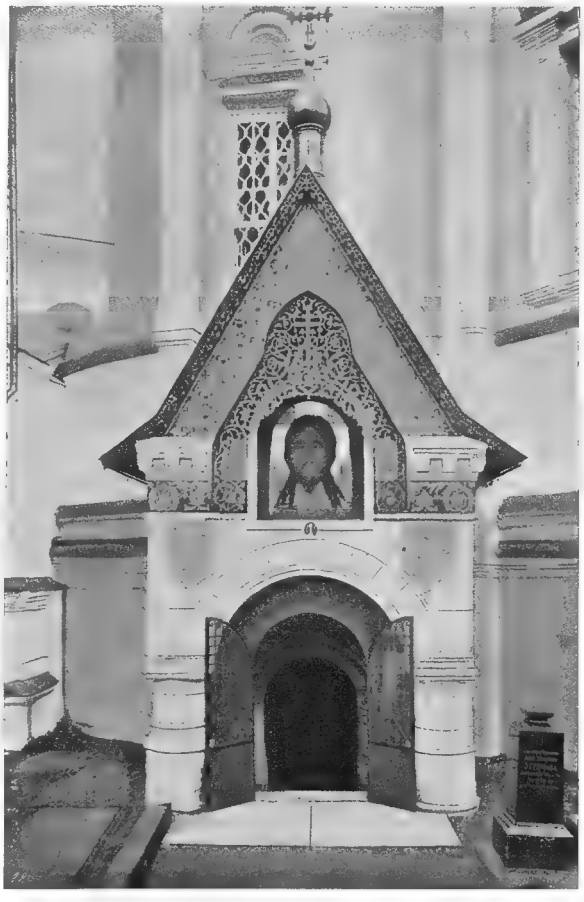
Страшныя муки въ ссылкѣ и заточеніи претерпѣли и другіе братья Романовы. Особенно горькую чашу страданій пришлось испить Михаилу Никитичу. Его вмѣстѣ съ приставомъ Романомъ Тушинымъ отослали въ селеніе Ныробь Пермскаго уѣзда. Онъ былъ богатырь ростомъ и силою, и эта его физическая сила дала ему возможность такъ долго вынести придуманныя для него страшныя мученія. Онъ былъ посаженъ въ спеціально для него вырытую яму. Эта «земельная темница» была объемомъ немного болѣе кубической сажени. Сверху она была закрыта настиломъ изъ брусьевъ, засыпанныхъ землею. Въ этомъ настилѣ было оставлено маленькое отверстіе, чрезъ которое заточенный получалъ пищу и дрова. Дровами онъ топилъ маленькую печку, съ помощью которой кое-какъ защищался отъ лютыхъ морозовъ Пермскаго края. Изъ пищи получалъ лишь хлѣбъ и воду.

Окрестные жители всячески старались облегчить страданія несчастнаго. Дѣти, играя около темницы, потихоньку отъ стражи опускали въ отверстіе въ дудочкахъ квасъ и масло, но однажды ихъ поймалъ на этомъ съ поличнымъ приставъ Тушинъ. Отцы дѣтей тотчасъ же были схвачены и подъ стражей отправлены въ Москву, гдѣ ихъ предали жестокимъ пыткамъ. Изъ нихъ шестерыхъ въ Ныробь вернулись только двое, остальные умерли въ пыткѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, по вступленіи на престолъ, осыпалъ милостями своими ныробскихъ крестьянъ за ихъ жалость къ своему дядѣ.

---

[18]) См. Исторію Россіи С. Соловьева, т. VIII, стр. 68 и дальше.
[19]) «Смутное время»—Николая Костомарова, т. I, стр. 55.

Послѣ смерти Михаила Никитича, послѣдовавшей черезъ годъ его заточенія, его стали чтить, какъ святого мученика. Надъ его земляной темницей была воздвигнута часовня. На этомъ мѣстѣ была явлена чудотворная икона св. Николая, привлекающая къ себѣ многочисленныхъ богомольцевъ. Они, приходя сюда, захватываютъ изъ ямы заключенія Михаила Никитича горсточку земли, приписывая ей чудотворную силу. Тамъ же хранятся цѣпи, въ которыхъ томился страдалецъ; ихъ вѣсъ былъ три пуда.



Входъ въ усыпальницу Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Вообще, пристава сосланныхъ Романовыхъ всячески старались мучить заключенныхъ, думая выслужиться этимъ передъ царемъ. Были слухи, что приставъ Александра Никитича даже удавилъ его по прибытіи на мѣсто, озлобившись на то, что будто тотъ съ мѣста попытался бѣжать. Отъ худого обращенія погибъ и Василій, который тоже хотѣлъ бѣжать съ дороги, но безуспѣшно.

Гробы этихъ страдальцевъ, по низверженіи Годуновыхъ, были перевезены въ Москву частію, по приказанію Лжедимитрія, объявившаго Романовыхъ своими родственниками, частью по воцареніи Михаила Ѳеодоровича. Тѣла этихъ мучениковъ покоятся въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ погребены и другіе «пресвѣтлые царскіе прародители».

Такъ отомстилъ Годуновъ Романовымъ не за ихъ властолюбивые планы, а за ихъ близость къ царскому престолу, за ихъ популярность, за ихъ права на царскій вѣнецъ. Тутъ кстати привести одну легенду, которая ходила въ народѣ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и была записана однимъ иностранцемъ [20]). Эта легенда разсказываетъ слѣдующее: когда умиралъ Ѳеодоръ, то его супруга царица Ирина убѣждала государя вручить скипетръ ея брату Годунову. Но Ѳеодоръ предложилъ скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Ѳеодору Никитичу Романову. Этотъ изъ скромности не хотѣлъ взять скипетръ и уступалъ его своему брату Александру, а Александръ хотѣлъ, чтобы Михаилъ былъ царемъ и т. д. Никто изъ нихъ не рѣшался принять знаки царской власти. Царь, передавая долго жезлъ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: «Такъ возьми же

[20]) Буссовъ.

его, кто хочетъ». Тутъ Годуновъ протянулъ руки къ скипетру, схватилъ его и, такимъ образомъ, сталъ царемъ на Москвѣ [21]).

Судьба сохранила отъ смерти малолѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова и его родителей невольныхъ иноковъ Филарета Никитича и Марѳу Іоанновну.

Доброю жизнью, честною службою государямъ и отечеству, крестомъ страданій достигли царственнаго положенія Романовы. Ихъ предки также много и честно потрудились на благо Россіи.

Если начало царственнаго возвышенія Романовыхъ связано съ началомъ русскаго царства въ Москвѣ, то начало ихъ постепеннаго служебнаго возвышенія сплетено съ началомъ возвышенія Московскаго княжества при первыхъ князьяхъ—собирателяхъ Руси.

О предкахъ Романовыхъ, какъ и Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, безусловно вѣрныя и точныя свѣдѣнія мы имѣемъ отъ времени великаго князя Іоанна Даниловича Калиты и его сына Симеона Гордаго. Съ этого именно времени мы можемъ прослѣдить возвышеніе этого рода.

Черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Іоанна Даніиловича Калиты его сынъ Симеонъ Гордый сочетался бракомъ съ дочерью тверского князя Александра Михайловича, княжной Маріей. Въ числѣ почетныхъ поѣзжанъ за невѣстою упоминается Андрей Ивановичъ—по прозвищу Кобылинъ. Это былъ, очевидно, одинъ изъ знатныхъ московскихъ бояръ, сдѣлавшійся родоначальникомъ боярскихъ родовъ Колычевыхъ, Шереметевыхъ, Коновницыныхъ, Неплюевыхъ и другихъ.

Древнѣйшій родословный списокъ, составленный въ книгѣ царствованія Іоанна Грознаго, ничего не говоритъ о происхожденіи боярина Андрея Ивановича, но исчисляетъ пять его сыновей—Семена, Александра, Василія, Гавріила и Ѳеодора, а также его брата Ѳеодора Ивановича Шевлягу. Лишь о послѣднемъ сынѣ Андрея Ивановича Ѳеодорѣ (Кошкинѣ) мы имѣемъ современныя (XIV вѣка) извѣстія, и отъ него собственно ведутъ свое происхожденіе Захарьины-Юрьевы.

Но уже другой родословецъ XVI вѣка (времени царя Ѳеодора Іоанновича) говоритъ, что «родъ Андрея Ивановича выѣхалъ изъ прусскія земли,—изъ нѣмецъ».

Еще позднѣйшая поколѣнная роспись бояръ Шереметевыхъ, представленная въ разрядный приказъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681 году, говоритъ уже «о родѣ прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича»: «пріѣхалъ изъ Прусъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳеодоръ Андреевичъ».

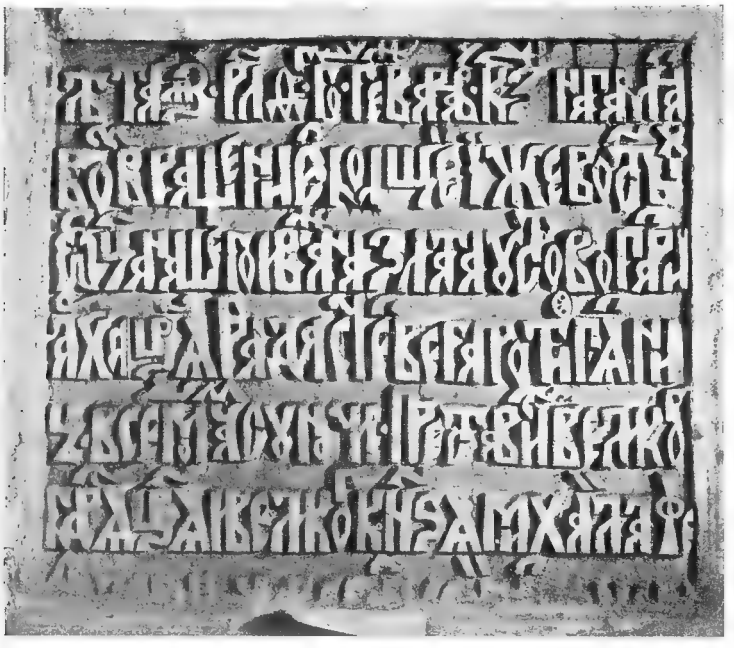
Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ книгѣ царствованія Петра I (въ 1722 году) герольдмейстеръ Колычевъ, уже пользуясь помимо русскихъ нѣмецкими и польскими источниками, идетъ далѣе и происхожденіе Андрея Ивановича возводитъ къ прусскому королю Прутено и его брату Вейдевуду. Этотъ Вейдевудъ отдалъ сыну своему Недрону удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля, но «крыжаки (орденъ меченосцевъ) край земель Недронскихъ мечемъ и огнемъ люте паче прочихъ раззорили»; это было, по Колычеву, въ XIII вѣкѣ, когда тамъ княжилъ Дивонъ, предокъ Недрона въ девятомъ колѣнѣ. Сыновья Дивона князь Руссингенъ и Камбила, нареченный Гландою или Гландосомъ, перешелъ въ подданство къ ордену меченосцевъ и принялъ крещеніе, а въ 1283 году «помянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича поколѣніе свое линейное производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всея Руси самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ римскую вѣру, а изъ римской въ греческую».

Послѣдующія родословныя начала XIX вѣка, повторяя эти свѣдѣнія о прусскихъ

---

[21]) См. исторію Соловьева т. VIII, примѣчаніе 2. Тамъ же есть ссылка на одинъ изъ хронографовъ, гдѣ сказано, что «Ѳеодоръ благословилъ и велѣлъ быть по себѣ на престолѣ братаничу своему Ѳеодору Романову».

короляхъ и удѣльныхъ князьяхъ, какъ предкахъ боярина Андрея Ивановича, вносятъ въ нихъ слѣдующія видоизмѣненія: Камбила Дивоновичъ былъ пруссо-самогитскій князь, происходившій отъ древнѣйшихъ пруссо-литовско-самогитскихъ языческихъ царей, князей или державцевъ. Онъ пришелъ въ Россію вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ Ивановичемъ, когда этотъ Андрей былъ малолѣтенъ, его приходъ былъ не при Даніилѣ Александровичѣ, а при его отцѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ или, по крайней мѣрѣ, при его сынѣ Димитріи Александровичѣ. Самъ Камбила принялъ крещеніе съ именемъ Іоанна, а его сынъ съ именемъ Андрея.



Надпись на гробницѣ старицы Марѳы Іоанновны, матери царя Михаила Ѳеодоровича (Новоспасскій монастырь).

Надо замѣтить, что эта родословная, какъ въ своемъ первоначальномъ, такъ и въ окончательномъ видѣ, имѣетъ въ себѣ много спорнаго и неяснаго. Сказаніе о короляхъ и князьяхъ прусскихъ носитъ на себѣ характеръ баснословности, и уже давно предположеніе о происхожденіи Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ подвергнуто основательному научному критическому изслѣдованію. Уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка было въ ходу въ Московскомъ государствѣ сказаніе о происхожденіи Рюрика отъ рода римскихъ кесарей. Въ «Степенной книгѣ» находится вполнѣ сложившееся повѣствованіе объ Августѣ, Пруссѣ, Рюрикѣ, Гостомыслѣ и Мономаховыхъ утваряхъ, которое перешло въ царское родословіе, составленное при Грозномъ. Эта легенда о римскомъ происхожденіи Московскихъ государей оказала сильное вліяніе на генеалогію русскихъ дворянскихъ родовъ. Разъ царскій родъ происходилъ отъ Прусса, то и боярскіе роды должны были, по мнѣнію составителей генеалогій знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, происходить по крайней мѣрѣ отъ служившихъ у Прусса князей и бояръ. Поэтому-то такъ и стремились наши бояре установить свое иноземное происхожденіе отъ «честныхъ мужей»—выходцевъ изъ иныхъ земель [22]).

Мы не станемъ вдаваться въ подробную критику сказаній родословія Романовыхъ и изыскивать предположенія объ родоначальникѣ этого славнаго поколѣнія, откуда онъ былъ родомъ—изъ Пруссіи ли, Литвы, или еще откуда нибудь. Ближе всего считать Андрея Ивановича виднымъ представителемъ чисто русскаго крупнаго боярскаго рода, который

[22]) См. «Родъ Шереметевыхъ» А. Барсукова и книгу «Царскіе прародители, погребенные въ обители Всемилостиваго Спаса на Новомъ». Москва 1912 года.

выдвинулся при московскомъ дворѣ около середины XIV вѣка, отъ него и пошла отрасль Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ.

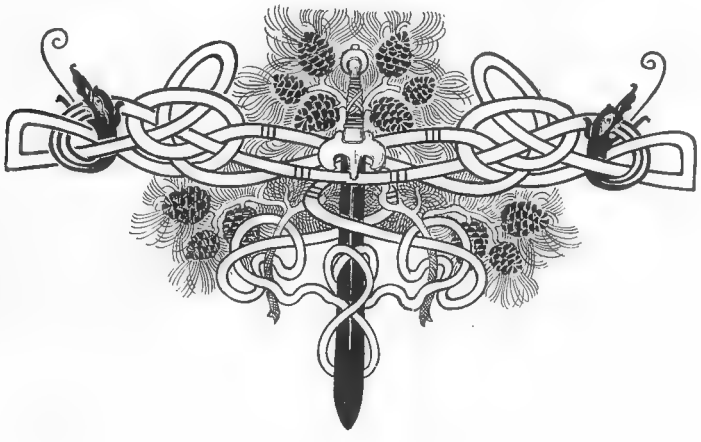
Сынъ Андрея Ивановича Ѳеодоръ Андреевичъ былъ настолько виднымъ бояриномъ великихъ князей московскихъ, что въ 1389 году, на ряду съ именитыми московскими боярами, онъ и его сынъ Иванъ подписывали духовное завѣщаніе Димитрія Іоанновича Донского. Ѳеодоръ Андреевичъ былъ извѣстенъ, какъ вліятельный совѣтникъ этого великаго князя, и его помнили долго послѣ его смерти даже въ Золотой Ордѣ. Въ 1409 году побѣдитель Витовта на Ворсклѣ, ханъ Эдигей, разорившій и Москву, такъ писалъ великому князю Василію Димитріевичу: «Прежде у тебя былъ добрый къ Ордѣ человѣкъ—бояринъ Ѳеодоръ, а нынѣ у тебя любимецъ и казначей сынъ его Иванъ. И ты бы молодыхъ людей не слушалъ, а слушалъ старѣйшихъ бояръ и старцевъ земскихъ, и тогда не разорилась бы твоя держава».

Сынъ Ивана Ѳеодоровича Захарій Ивановичъ при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ былъ бояриномъ и большимъ воеводою. Онъ-то и далъ своимъ дѣтямъ и внукамъ прозваніе Захарьиныхъ. Отъ сына его Якова Захарьевича пошли Захарьины-Яковлевы, а отъ его брата Юрія Захарьевича стали на Руси Захарьины-Юрьевы. Этотъ Юрій Захарьевичъ при великомъ собирателѣ Руси Іоаннѣ III былъ воеводою и въ 1493 году пожалованъ былъ бояриномъ. Его сынъ звался Романомъ Юрьевичемъ; его потомки стали именоваться сперва Романовыми-Юрьевыми, а затѣмъ прямо Романовыми.

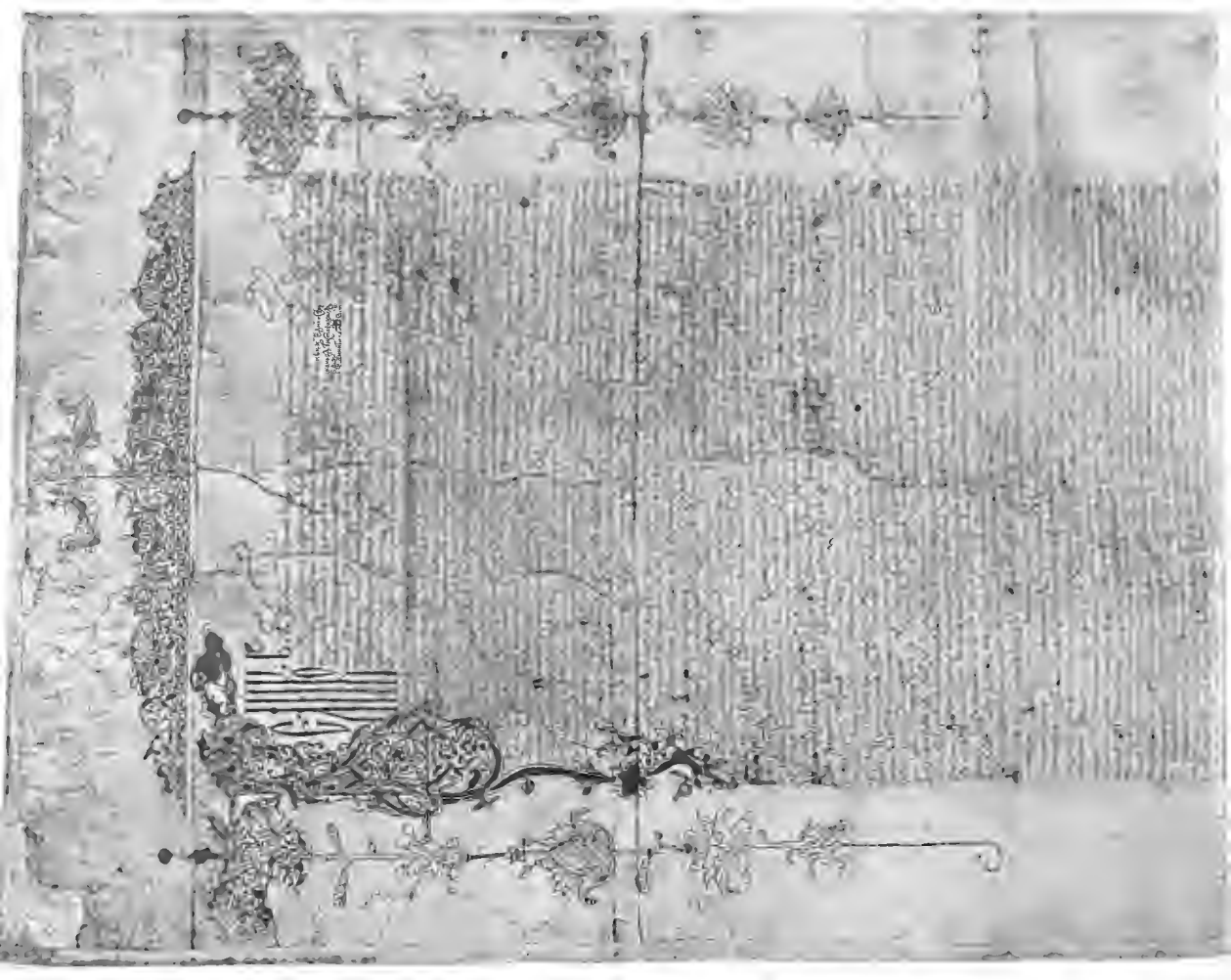
Такимъ образомъ, поколѣнная преемственность Романовыхъ отъ боярина Андрея Ивановича представляется слѣдующимъ образомъ:

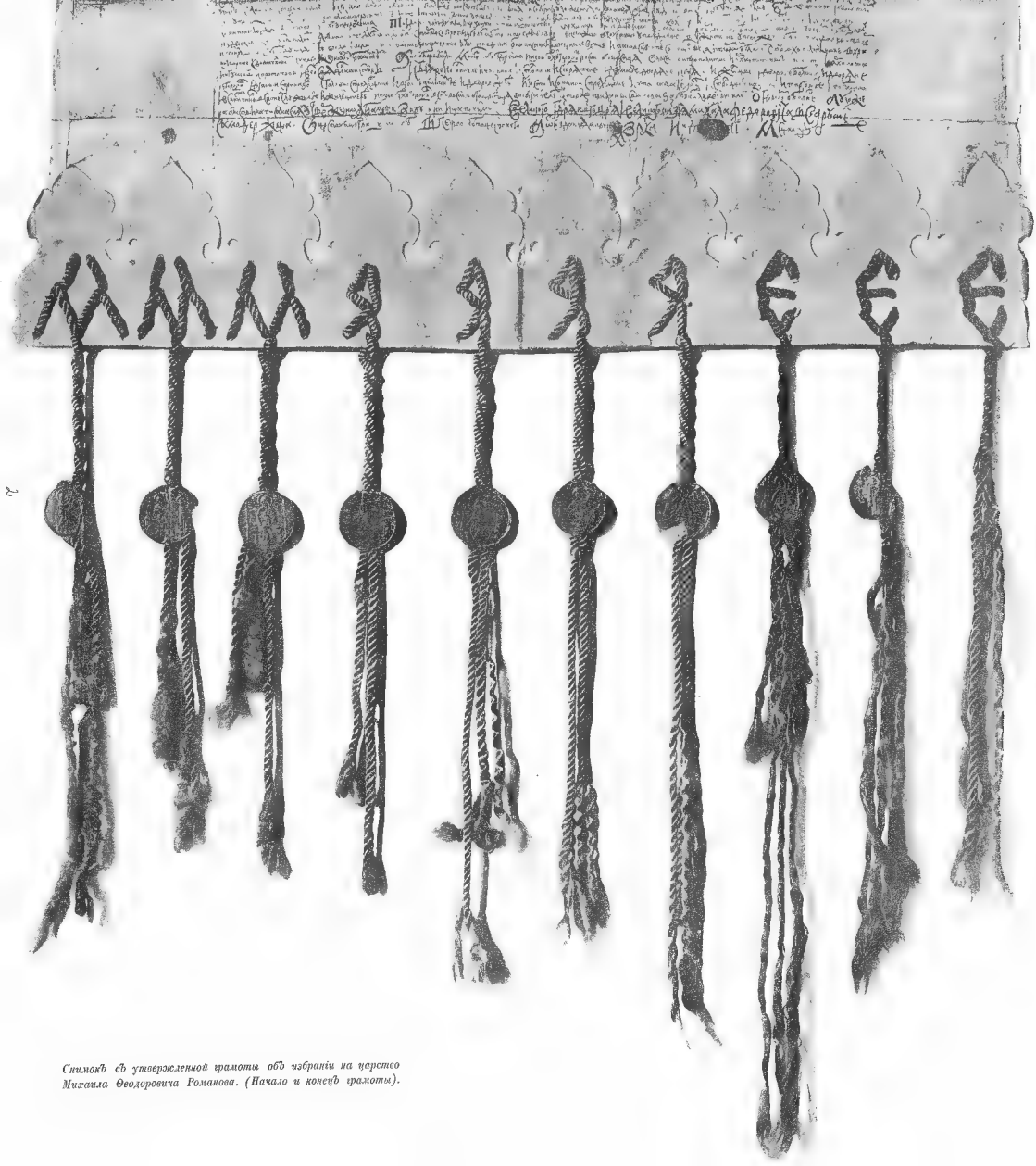
I	колѣно—	Андрей Ивановичъ.
II	»	Ѳеодоръ Андреевичъ (пятый сынъ Андрея).
III	»	Иванъ Ѳеодоровичъ (первый сынъ Ѳеодора).
IV	»	Захарій Ивановичъ.
V	»	Юрій Захарьевичъ.
VI	»	Романъ Юрьевичъ.
VII	»	Царица Анастасія и ея братъ Никита Романовичъ.
VIII	»	Ѳеодоръ Никитичъ съ братьями.
IX	»	Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Таково родословіе боярскаго рода Романовыхъ въ его ранней и позднѣйшей стадіяхъ.



А. Васнецовъ.—Старая Москва.





Снимокъ съ утвержденной грамоты объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. (Начало и конецъ грамоты).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смутное время и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Скорбное и гнетущее впечатлѣніе осталось въ народной памяти отъ той поры въ нашемъ историческомъ прошломъ, которая получила названіе «смутнаго времени». Въ представленіи современниковъ это была пора «великой разрухи московскаго государства». Даже иностранцы, бывшіе свидѣтелями смуты, прозвали ее tragoedia moscovitica—московская трагедія [1]). Дѣйствительно, то было смутное время! Мы видимъ передъ собою картину полнаго разложенія русскаго общества. Вотъ, какъ современники относились къ дѣйствительности, имѣвшей тогда мѣсто на Руси. «Шатость въ умахъ и сердцахъ», въ пониманіи современниковъ, учинилась у русскихъ людей по грѣхамъ ихъ, а слѣдствіемъ такой шатости и явилась конечная погибель русской земли: «праведнымъ судомъ Божіимъ за умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства учинилось въ Московскомъ Государствѣ междоусобіе, не только между народомъ, но и между близкими родственниками: отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца, и пролилась родная кровь», — говоритъ намъ одна изъ знаменитыхъ троицкихъ грамотъ преподобнаго Діонисія и продолжаетъ дальше такимъ образомъ:—«сами видите, сколько польскіе и литовскіе люди погубили христіанъ во всѣхъ городахъ, которыми завладѣли, и какое раззореніе учинили въ Московскомъ Государствѣ. Гдѣ Божіи церкви и святыя иконы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ, вообще, народъ христіанскій? Не всѣ ли скончались лютыми и горькими смертями? Гдѣ безчисленное множество рабочихъ людей въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли пострадали и разведены въ плѣнъ? Смилуйтесь предъ общею смертною погибелью, чтобъ и васъ не постигла такая же лютая смерть».

---

[1]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 18.

Такъ же говоритъ и авторъ «Новаго лѣтописца»:—«Богу же попущающу, а врагу дѣйствующу, видя Богъ наши неправды и лукавство, наипаче жъ любви не имѣхомъ, всякія козни наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ: аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая воставаетъ»[2]). Такъ же говорилъ и простой вѣрующій народъ въ своихъ пѣсняхъ о смутномъ времени, видя въ его бѣдствіяхъ гнѣвъ Божій.

Ты, Боже, Боже, Спасе милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Послалъ намъ, Боже, прелестника,
Злого разстригу, Гришку Отрепьева.
Ужели онъ, разстрига, на царство сѣлъ?

Исключительныя событія, сознаніе, что государство находится на краю гибели, постоянная боязнь за свою собственную жизнь и за жизнь своихъ близкихъ заставляли русскихъ людей того времени жить въ особенно напряженномъ настроеніи. Въ этой атмосферѣ ужаса и отчаянія рождались слухи и толки о чудесахъ, о таинственныхъ и вѣщихъ видѣніяхъ, и эти слухи и толки почти немедленно же отливались въ форму сказаній, призывающихъ народъ къ очищенію и покаянію. Такъ, къ московскому благовѣщенскому протопопу Терентію въ 1606 году пришелъ нѣкій человѣкъ духовнаго сана и повѣдалъ ему чудное свое видѣніе. Въ полночь этотъ человѣкъ былъ разбуженъ звономъ колокола и увидѣлъ съ изумленіемъ, что уже свѣтло. По зову одного своего знакомца, онъ пошелъ къ Успенскому Собору, замѣтилъ, что западныя его двери раскрыты, а въ алтарѣ узрѣлъ Господа, сидящаго на престолѣ. Одесную его стояла Божія мать, налѣво—Іоаннъ Креститель, и передъ Господомъ предстояли лики святыхъ. Богоматерь молила Господа пощадить православный народъ, но Господь ей на это отвѣтствовалъ: «Много разъ твоихъ ради молитвъ отвращалъ я праведный гнѣвъ свой отъ нихъ; но сильно стужаютъ они мнѣ злобами своими и лукавыми нравами. Не говорилъ ли я вамъ, что нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ моемъ, новомъ Израили». Но внемля моленіямъ Божіей Матери, Господь обѣщалъ пощадить православныхъ, наказавъ ихъ, если они покаются[3]). Въ 1607 году сторожа Архангельскаго Собора въ Москвѣ донесли окольничему и казначею, что имъ довелось слышать «въ церкви у собора Архангела Михаила, гдѣ благовѣрніи великіи князи лежатъ». Въ пятомъ часу ночи тамъ раздался великій шумъ и говоръ, словно собралось тамъ двадцать или тридцать человѣкъ. Одинъ изъ этихъ голосовъ по книжному читалъ за упокой безпрестанно. Потомъ тамъ раздался смѣхъ, но чей-то «толстый голосъ» на всѣхъ крикнулъ, замолкли всѣ, между ними всѣми начался плачъ великій. Извѣстія о такихъ же необычайныхъ явленіяхъ распространялись и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ

Архимандритъ Діонисій.
(Изъ «Древностей Россійскаго Государства»).

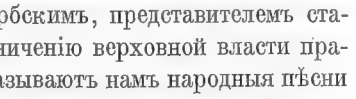
[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, стр. 283.
[3]) Четвертая часть «Иного сказанія» о видѣніи нѣкотораго мужа въ Москвѣ.

Новгородѣ, и они говорятъ о страшномъ нравственномъ потрясеніи въ русскомъ обществѣ, которое искало высшаго смысла въ происходящемъ на Руси и доходило до скорбнаго сознанія, что «нѣсть истины во царѣ же и патріархѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ» [4]).

Среди извѣстій въ такихъ сказаніяхъ одно обращаетъ на себя, въ особенности, вниманіе. Въ одномъ очень распространенномъ сказаніи 1611 года разсказывается, какъ автору его въ чудесномъ видѣніи было повѣдано, что самъ Господь укажетъ, кому владѣть Россійскимъ Государствомъ; если же поставятъ царя по своей волѣ, «навѣки не будетъ царь» [5]). Это указаніе въ высшей степени важно: оно говоритъ, что народное сердце ждало *настоящаго царя*, что всѣ тѣ, кто государили послѣ смерти послѣдняго отпрыска династіи Рюриковичей—Ѳеодора Іоанновича, были цари не настоящіе. Народъ не хотѣлъ царя волею или избраніемъ народнымъ, онъ жаждалъ царя Божіей милостью, ибо только этотъ Господній избранникъ можетъ установить на Руси «сладостныя тишины свободный день».

Характерно это страстное желаніе въ то самое время, когда государство окончательно вышло изъ своихъ пазовъ, когда народъ всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ, когда разнообразные претенденты на Московскій престолъ заманивали къ себѣ приверженцевъ самыми богатыми обѣщаніями и готовы были дать народу самыя прочныя гарантіи, лишь бы укрѣпить власть за собою. Народное сознаніе ясно видѣло, что съ прекращеніемъ старой династіи порвалась руководящая нить, связывавшая его со стариною, и эту нить народъ хотѣлъ возстановить и связать ее съ настоящимъ во что бы то ни стало Іоаннъ Грозный первымъ изъ русскихъ царей далъ ясное обоснованіе идеи царской власти, и его толкованіе вполнѣ совпало съ народными представленіями о царѣ, какъ о самодержцѣ православномъ. Не отъ народа, а отъ Божіей милости идетъ къ народу Царское Самодержавіе. «Побѣдоносная хоругвь и крестъ честной» были даны Господомъ сначала Константину, «первому во благочестіи»—первому христіанскому императору. Отъ него эта освященная самимъ Богомъ власть передавалась другимъ государямъ. Самодержавіе Божіимъ изволеніемъ началось отъ св. Владиміра Равноапостольнаго, когда «искра благочестія дойде и до русскаго царства», потомъ черезъ рядъ государей дошла самодержавная власть и до самого Іоанна, который, по его словамъ, «не восхитилъ ни у кого царства, но Божіимъ изволеніемъ, и прародителей, и родителей своихъ благословеніемъ, какъ родился во царствѣ, такъ возросъ и воцарился, свое взялъ, а не чужое восхитилъ» [6]). Такъ опредѣлялъ свою власть грозный царь.

Въ принципіальномъ спорѣ между Іоанномъ и кн. Курбскимъ, представителемъ старыхъ удѣльно-дружинныхъ традицій, стремящихся къ ограниченію верховной власти правителя, народъ, несомнѣнно, принялъ сторону царя. Это доказываютъ намъ народныя пѣсни и сказки о Грозномъ, въ которыхъ Іоаннъ выступаетъ въ ореолѣ силы и величія; къ боярамъ же, потомкамъ удѣльныхъ князей, къ «сильнымъ во Израили», какъ зоветъ ихъ Курбскій, народъ отнесся съ явно выраженной враждебностью, а царя онъ прославлялъ за то, что онъ «выводилъ измѣну изъ Кіева, что вывелъ измѣну изъ Москвы, что вывелъ измѣну изъ Новагорода». Для русскаго народа его страна—это «Святая Русь»; своихъ политическихъ идеаловъ онъ ищетъ въ волѣ Божіей: подобно тому, какъ царь принимаетъ свою власть лишь отъ Бога, такъ и народъ лишь отъ Бога желаетъ ее надъ собою получить. Такое настроеніе, естественно, приводитъ народъ къ исканію единоличнаго

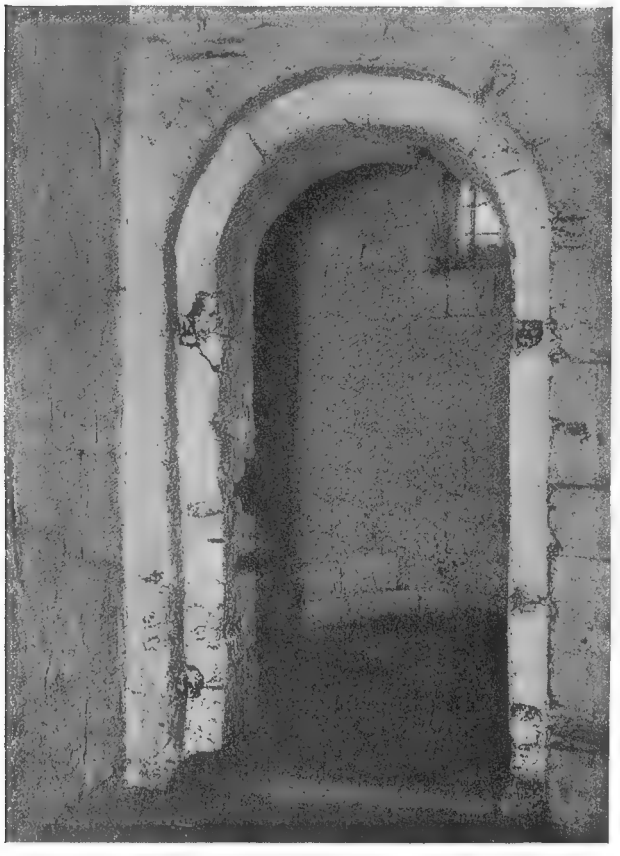


Подпись Патріарха Гермогена.

[4]) Ѳ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, стр. 61.
[5]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 64.
[6]) Переписка Іоанна Грознаго съ кн. Курбскимъ. Первое отвѣтное посланіе Іоанна.

носителя власти и притомъ подчиненнаго волѣ Божіей, т.-е., именно, Монарха Самодержца [7]). «Царь земной подъ Царемъ небеснымъ ходитъ»,—говоритъ народная мудрость, заключенная въ формѣ пословицъ. «Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь наставляетъ», «царь отъ Бога приставъ», поэтому-то «нельзя царству безъ царя стоять», «безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится».

Дѣйствительно, это монархическое сознаніе русскаго народа не только не погасло въ минуты испытанія смутнаго времени, и тогда, когда не было «настоящаго царя» на московскомъ престолѣ, и тогда, когда царя на Руси совсѣмъ не стало, но, напротивъ, оно разгоралось все ярче и ярче, пока, наконецъ, своимъ свѣтомъ не разогнало великій мракъ и тьму лихолѣтья. Величайшій подвижникъ эпохи смуты патріархъ Гермогенъ именно такъ смотрѣлъ на царскую власть, какъ она была опредѣлена народнымъ чувствомъ. «Писано есть»,—говоритъ Гермогенъ,—«что царь существомъ тѣлеснымъ равенъ человѣкомъ, властію же приличенъ Вышнему надъ всѣми Богу». «Царь—Божій ставленникъ, ибо писано—царское поставленіе Божій жребій есть, кому хощетъ, тому даетъ, Господня бо есть земля и концы ея, и безъ Божія велѣнія ничто не бываетъ» [8]). Поэтому то онъ одно время защищалъ царя неудачника Василія Шуйскаго, а потомъ изъ скорбной темницы своей слалъ благословенія русскимъ людямъ, поднимающимся на спасеніе родины, чтобы они не мѣшкали съ избраніемъ законнаго государя.



Мѣсто заключенія Гермогена въ подземельѣ Чудова монастыря.

Отсюда ясна основная причина смуты: «царя не стало на московскомъ государствѣ», а тѣ, которые пытались занимать праздный престолъ, не могли удержаться на немъ, потому что они были не «настоящими царями». Насильственное и таинственное пресѣченіе старой династіи заложило огонь многихъ мятежей, искусственное ея воскрешеніе въ лицѣ перваго самозванца раздуло этотъ огонь до состоянія страшнаго, всепожирающаго и грозящаго Россіи полной гибелью пожара.

Какой-то особенной тоскующей нѣжностью былъ окруженъ въ воспоминаніяхъ народныхъ послѣдній царь Рюриковой династіи Ѳеодоръ Іоанновичъ: послѣ его смерти народъ готовъ былъ чтить его, какъ святого. Его называли «освятованнымъ царемъ», т.-е., свыше предназначеннымъ къ святости, къ вѣнцу небесному. Патріархъ Іовъ въ своей «Повѣсти о

[7]) См. Л. Тихомировъ. Монархическая государственность. Часть III, стр. 46 и дальше.

[8]) Акты Арх. Экспедиціи II 289.

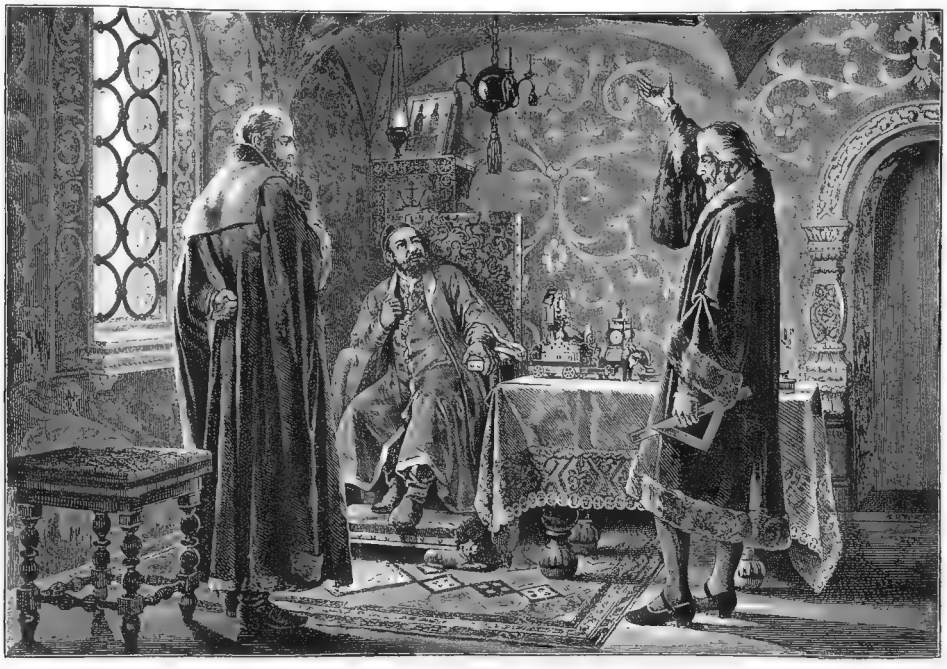
честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича» не находитъ словъ, чтобы по достоинству восхвалить почившаго государя: онъ «древнимъ царемъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ же красота и свѣтлость, будущимъ же сладчайшая повѣсть и слуха благое наслажденіе»[9]). Это почти выраженія акафиста святому угоднику. Но съ такимъ освѣщеніемъ личности царя Ѳеодора согласны и другія повѣсти и сказанія того времени. Знаменательны такія слова о Ѳеодорѣ въ устахъ патріарха Іова, этого приверженца Годунова: «Се днесь благочестивый государь... оставивъ земное царство, восходитъ къ Вышнему, отселѣ же... престолъ великія Россіи *вдовствовати начинаетъ*». Это точное повтореніе народной пословицы: «безъ царя земля вдова». Іовъ, конечно, обмолвился, но эта обмолвка въ высшей степени характерна. Извѣстно, что онъ былъ главнымъ хлопотуномъ и усердникомъ по возведенію на престолъ Бориса. Онъ самъ говорилъ про себя: «Въ большую печаль я впалъ о преставленіи сына моего царя Ѳеодора Ивановича: тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленіе, клеветы, укоризны; много слезъ пролилъ я тогда». Все это стряслось надъ нимъ ради его стремленія доставить царскій вѣнецъ Годунову. Онъ хотѣлъ видѣть въ немъ законнаго наслѣдника Ѳеодору и ради этого, въ пылу своего рвенія, старался соединить Бориса съ угасшимъ царскимъ родомъ: вслѣдствіе этого въ соборномъ опредѣленіи, редактированномъ патріархомъ, говорится, напримѣръ, что Грозный, поручая Борису сына своего Ѳеодора, сказалъ: «по его преставленіи тебѣ приказываю и царство его». Царь Ѳеодоръ, умирая тоже, будто бы, Борису же вручилъ царство. Такое указаніе мы находимъ въ «Повѣсти о царѣ Ѳеодорѣ» Іова, гдѣ патріархъ утверждаетъ, что, награждая Бориса царскою золотою цѣпью, Ѳеодоръ этимъ какъ бы предсказывалъ ему царство. Но всѣ эти попытки Іова осмыслить въ глазахъ народныхъ доставшуюся Годунову царскую власть оставались безъ отвѣта и не пускали корней въ сердцѣ народномъ. Противъ Бориса было брошено крылатое слово «рабоцарь»—царь изъ рабовъ, «изъ грязи да въ князи»—и въ огромномъ большинствѣ отзывовъ о немъ современниковъ мы найдемъ только жгучую, бѣшеную къ нему ненависть.

Она станетъ намъ понятна, если мы сопоставимъ ее со страшною скорбью о почившемъ Ѳеодорѣ. Иностранцы, видѣвшіе царя Ѳеодора Іоанновича при жизни, отзывались о немъ пренебрежительно, насмѣшливо, говоря, что онъ вовсе былъ лишенъ разсудка; въ представленіи же народномъ жизнь Ѳеодора была «святымъ житіемъ». «Благороднивъ бысть отъ чрева матери своея и ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи», говоритъ о Ѳеодорѣ бывшій близкимъ ко двору кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій[10]). «Послѣдній

[9]) Никоновская лѣтопись VII, стр. 316—359.
[10]) См. прекрасную характеристику Царя Ѳеодора въ «Курсѣ русской исторіи» Ключевскаго.

цвѣтъ русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ», рыдалъ народъ надъ гробомъ своего государя. Его оплакивали, какъ послѣднюю «пресвѣтлую отрасль царскаго корени».

Если народъ возвышалъ Ѳеодора до горнихъ высотъ высшей святости, если онъ, по народной вѣрѣ, послѣ смерти своей «достигъ въ премирная селенія и ясно узрѣлъ Трипостаснаго



Н. В. Невревъ. Борисъ Годуновъ и астрологъ, предсказывающій его судьбу.

Существа пресвѣтлое сіянье», то осмѣлившійся занять его мѣсто Годуновъ считался безусловнымъ и злостнымъ узурпаторомъ. Ясно стремленіе современныхъ ему книжниковъ доказать, что власть Борису Годунову дана не отъ Бога, а отъ дьявола. Пусть Годуновъ былъ «изрядный правитель», пусть онъ зарекомендовалъ себя мудрымъ правленіемъ еще при Ѳеодорѣ, пусть онъ обѣщался послѣднюю сорочку раздѣлить съ нуждающимся своимъ подданнымъ, пусть долго подъ его рукою Русь наслаждалась тихимъ и безмятежнымъ житіемъ,—онъ не былъ царемъ для народа, народное чувство было глубоко оскорблено уже тѣмъ, что онъ занималъ мѣсто Ѳеодора, и потому снисхожденія къ нему не было. Не говоря прямо о сношеніяхъ Годунова съ нечистымъ духомъ, современники усиленно подчеркиваютъ, что Борисъ и до своего воцаренія, и уже во время своего царствованія любилъ призывать къ себѣ волхвовъ и подолгу бесѣдовать съ ними. Этимъ волшебствомъ и прелестью онъ сотворилъ, что царь Ѳеодоръ любилъ его. Волхвы задолго предсказали ему царскій вѣнецъ и даже, будто бы, назначили ему срокъ его правленія—семь лѣтъ, на что Годуновъ воскликнулъ: «Хотя бы семь дней! Только бы имя царское положити и желаніе свое совершити»[11]). Интересно, что Лжедимитрія перваго объявили чернокнижникомъ: «онъ де рано сталъ вникать... въ премудрости богомерзкихъ книгъ», былъ «волшебной премудрости исполненъ»[12]), а жена его Марина была злою чародѣйкою. Говорили и про Василія Шуйскаго, что онъ склоненъ ворожбой заниматься и часто зоветъ къ себѣ чародѣевъ: «нечестивъ...

[11]) Морозов. лѣтопись, л. 75.
[12]) «Иное сказаніе».

къ симъ же и во вражбахъ богомерскихъ, ими же мняся во царствіи утвердити», пишетъ современникъ [13]). Это были тяжкія обвиненія противъ царей: всякое занятіе чародѣйствомъ считалось тяжкимъ неизбывнымъ грѣхомъ. Старо-русскому человѣку было строго на строго предписано и «волхвовъ, и кудесниковъ, и всякаго чарованія не знать» [14]). Плохо дѣло, если царь о власти своей гадаетъ: это прямое указаніе на то, что онъ ищетъ помощи себѣ у дьявола.

Главное обвиненіе противъ Бориса заключалось въ томъ, что онъ былъ виновникомъ смерти царевича Димитрія.

Какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ,
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ [15]).

Это обвиненіе и до сихъ поръ тяготѣетъ надъ его памятью, и самыя добросовѣстныя изслѣдованія не могутъ приподнять завѣсы надъ тайной смерти царевича Димитрія. Если руководиться основнымъ указаніемъ что is fecit, cui prodest, то, конечно, смерть царевича была больше всѣхъ выгодна для Годунова, потому что этимъ устранялся самый опасный для него соперникъ на пути его къ царскому престолу. Общественное мнѣніе тѣхъ дней непреложно приписало смерть св. царевича дѣлу рукъ Бориса Годунова. Многочисленныя сказанія о кончинѣ царевича Димитрія прямо называютъ Бориса убійцей. Въ нихъ подробно разсказывается, какъ Борисъ нѣсколько разъ посылалъ царевичу «смертоноснаго яда вкушеніе», но ядъ не дѣйствовалъ,—и тогда царевича зарѣзали подосланные Борисомъ убійцы, которые, будучи схвачены послѣ преступленія народомъ, принесли полное покаяніе.

Убіеніе царевича Димитрія.
Изъ «Лицевого Лѣтописца XVII вѣка».

Сейчасъ же послѣ смерти Грознаго св. царевичъ Димитрій вмѣстѣ со своею матерью Маріей и со своими дядьями Нагими былъ отправленъ въ Угличъ, бывшій его удѣломъ. «И лобызавъ его, Димитрія, царь Ѳеодоръ», говоритъ лѣтопись:—«и вельми прослезився», но, на самомъ дѣлѣ, жизнь Нагихъ, царицы и царевича въ Угличѣ походила на настоящую ссылку. За ними надзиралъ дьякъ Битяговскій, доносившій о каждомъ шагѣ Нагихъ Годунову и постоянно съ ними

[13]) Временникъ дьяка Ивана Тимофеева.
[14]) Домострой, глава 64.
[15]) Кирѣевскій, Пѣсни VII. 1.

имѣвшій столкновенія. Нагіе не теряли надежды когда-нибудь вернуть свое утраченное при дворѣ вліяніе и всѣ надежды свои возлагали на Димитрія. Весьма вѣроятно, что они настраивали царевича противъ Годунова и его приверженцевъ. Самъ Годуновъ распускалъ слухи о зломъ нравѣ и жестокости Димитрія.

Домикъ царевича Димитрія въ Угличѣ.

Годуновъ не ограничивался только этимъ: онъ хотѣлъ было доказать народу, что царевичъ не можетъ быть признанъ законорожденнымъ, потому что мать его была осьмой женой царя Іоанна. Одно время даже было запрещено молиться за него въ церквахъ. Но эти мѣры нисколько не дѣйствовали на народъ, для котораго ребенокъ Димитрій все-таки былъ сыномъ царя, его плотью и кровью.

15 мая 1591 года въ Угличѣ въ полдень раздался тревожный звонъ въ Углицкой Спасской церкви, что въ земляномъ городѣ. На звонъ прибѣжалъ первымъ пономарь другой церкви Царя Константина, вдовый попъ, по прозвищу Огурецъ. Стряпчій кормового дворца Суббота Протопоповъ, попавшійся ему навстрѣчу, крикнулъ: «Царевича не стало! Царица велѣла звонить!» Огурецъ ударилъ въ набатъ, всполошившій весь Угличъ. Стали стекаться толпы народа, изъ нихъ многіе бѣжали съ дубинами и топорами. Ихъ встрѣтилъ страшный крикъ: «Царевича зарѣзали». На заднемъ дворѣ кормилица держала ребенка съ зіяющей раной на горлѣ. Царица Марія въ неистовствѣ била полѣномъ мамку царевича Василису Волохову. Царица и ея братья Нагіе открыто обвинили царскаго чиновника Битяговскаго въ смерти царевича. Толпа убила и Битяговскаго, и его сына, и еще до десяти человѣкъ. Осипа Волохова, сына мамки, убили уже въ церкви, куда перенесли тѣло царевича. Василису Волохову, сильно избитую, посадили подъ караулъ.

Эта кровавая расправа съ убійцами уничтожила возможность раскрыть съ очевидностью все это дѣло. Очень быстро въ Угличъ пріѣхали изъ Москвы слѣдователи — князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Вылузгинъ и крутицкій митрополитъ Геласій. Слѣдствіе дало совершенно новые результаты. Слѣдователи прежде всѣхъ опросили городового прикащика Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ въ подстрекательствѣ народа къ мятежу и показалъ, что царевичъ убился самъ. На этомъ основаніи былъ сдѣланъ допросъ Нагихъ, якобы уже уличенныхъ въ заговорѣ. Самаго показанія Ракова въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ. Ставлен-

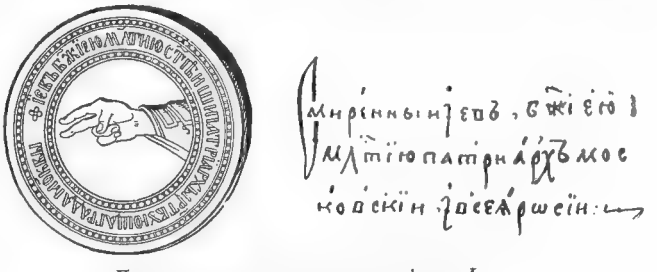
ница Годунова Василиса Волохова, на которой лежало тяжкое обвиненіе въ пособничествѣ въ преступленіи, сынъ которой Осипъ былъ растерзанъ, какъ убійца, показала первой, что «на царевича пришла черная болѣзнь (падучая) и бросила его на землю, и тутъ покололъ царевичъ *самъ* себя въ горло, и било его *долго*, да тутo его не стало». Картина происшествія въ слѣдственномъ дѣлѣ получилась такая: царевичъ съ «потѣшными робятками» игралъ ножомъ «въ тычку», въ это время его схватилъ припадокъ падучей, онъ упалъ на ножъ и накололся на смерть. Изъ 94 свидѣтелей, опрошенныхъ на слѣдствіи, 85 утверждали, что царевичъ накололся самъ, но любопытно, что почти всѣ они монотонно повторяютъ постановку отвѣта Волоховой: «*самъ*», «*долго*». У всѣхъ эти слова повторяются въ показаніи, даже у не бывшихъ на мѣстѣ убійства.

Царевичъ Димитрій Іоанновичъ (по титулярнику).

Слѣдователи и не потрудились указать въ дѣлѣ, сами ли свидѣтели видѣли происшествіе, или только слышали о немъ отъ другихъ, и отъ кого именно. Это упорное повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій производитъ такое впечатлѣніе, словно имъ продиктована кѣмъ-то эта фраза, и они твердятъ заученное съ чьихъ-то чужихъ словъ [16]). Такимъ образомъ, слѣдствіе превратило царицу Марію и ея братьевъ изъ обвинителей въ обвиняемыхъ. Кара не замедлила на нихъ обрушиться.

Царицу сослали въ Суздаль-монастырь на Выксѣ и постригли; Нагіе были тоже сосланы. Угличане, принимавшіе участіе въ расправѣ, были жестоко наказаны: кому изъ нихъ отрубили голову, кого утопили, кому вырѣзали языки. Всѣхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и заселили ими городъ Пелымъ. Даже колоколъ, въ который звонили, былъ тоже сосланъ въ Сибирь.

Кому же вѣрить — народному ли голосу, говорившему объ убійствѣ царевича, или слѣдственному дѣлу, установившему нечаянное самоубійство? Дѣло о кончинѣ св. царевича можно назвать словами царицы Маріи: это дѣло «грѣш-



Печать и подпись перваго патріарха Іова.

[16]) И. С. Бѣляевъ. Слѣдственное дѣло объ убіеніи Димитрія царевича. Москва 1907 г.

ное, виноватое». Вокругъ него сплелось столько запутанныхъ нитей партійной борьбы, возникшей подъ вліяніемъ угасанія старой династіи, что распутать этотъ узелъ чрезвычайно трудно. Тотъ, кто теперь вздумалъ бы основываться на данныхъ офиціальнаго слѣдствія, не могъ бы изъ нихъ ничего вывести, кромѣ одного заключенія: слѣдователи сдѣлали все, чтобы запутать и затемнить обстоятельства скорбнаго событія. Ими были нарушены всѣ требованія процесса слѣдствія, но кромѣ того, слѣдственное дѣло въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, возбуждаетъ сомнѣнія во многихъ отношеніяхъ. Вотъ заключеніе изслѣдователя, подробно проанализировавшаго самый подлинникъ слѣдственнаго дѣла: оно перебито, спутано и даже въ свое время подтасовано. Вѣдь послѣ убійства царевича, въ теченіе 15 лѣтъ перемѣнился цѣлый рядъ правителей на московскомъ престолѣ, и всѣ они имѣли съ этимъ дѣломъ живую, близкую связь. Не можетъ же быть, чтобы они не просмотрѣли листковъ дѣла. Вполнѣ можно допустить, что всѣ пристрастные къ этому дѣлу правители вертѣли его въ ту или другую сторону: затрудненій особенныхъ не представлялось—дѣло было не перенумеровано, его склейки можно сдѣлать и больше и меньше, или совсѣмъ замѣнить другими, тѣмъ болѣе, что на многихъ показаніяхъ, даже на такомъ важномъ, какъ Михаила Нагого, подлинность котораго по многимъ соображеніямъ подозрительна, нѣтъ собственноручнаго рукоприкладства[17]). Слѣдователи словно предчувствовали, что этому дѣлу предстоитъ сыграть впослѣдствіи очень сложную роль, и поэтому всячески старались сдѣлать его поддающимся самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ и толкованіямъ.

Патріархъ Іовъ въ своемъ докладѣ о событіи выразился очень знаменательно: царевича не стало Божіимъ судомъ. Онъ, какъ будто, не хотѣлъ сказать неправды и уклонился отъ нея туманнымъ выраженіемъ. Разъ этотъ самый ярый сторонникъ Годунова смутился передъ сущностью дѣла, то уже ясно, что оно было нечисто: о несчастномъ случаѣ такъ уклончиво говорить онъ не сталъ бы. Андрей Александровичъ Нагой въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ въ 1617 году, прямо говоритъ, что «его животы взяли въ опалѣ на государя, какъ царевича Димитрія убили». Какъ онъ показывалъ на слѣдствіи, что царевича зарѣзали, такъ онъ остался вѣренъ этому показанію до самой своей смерти. Во всякомъ случаѣ, теперь можно сказать вполнѣ утвердительно, что младенецъ умеръ не отъ своей руки, а всѣ показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, что онъ самъ накололся, фалышивы и невѣрны [18]).

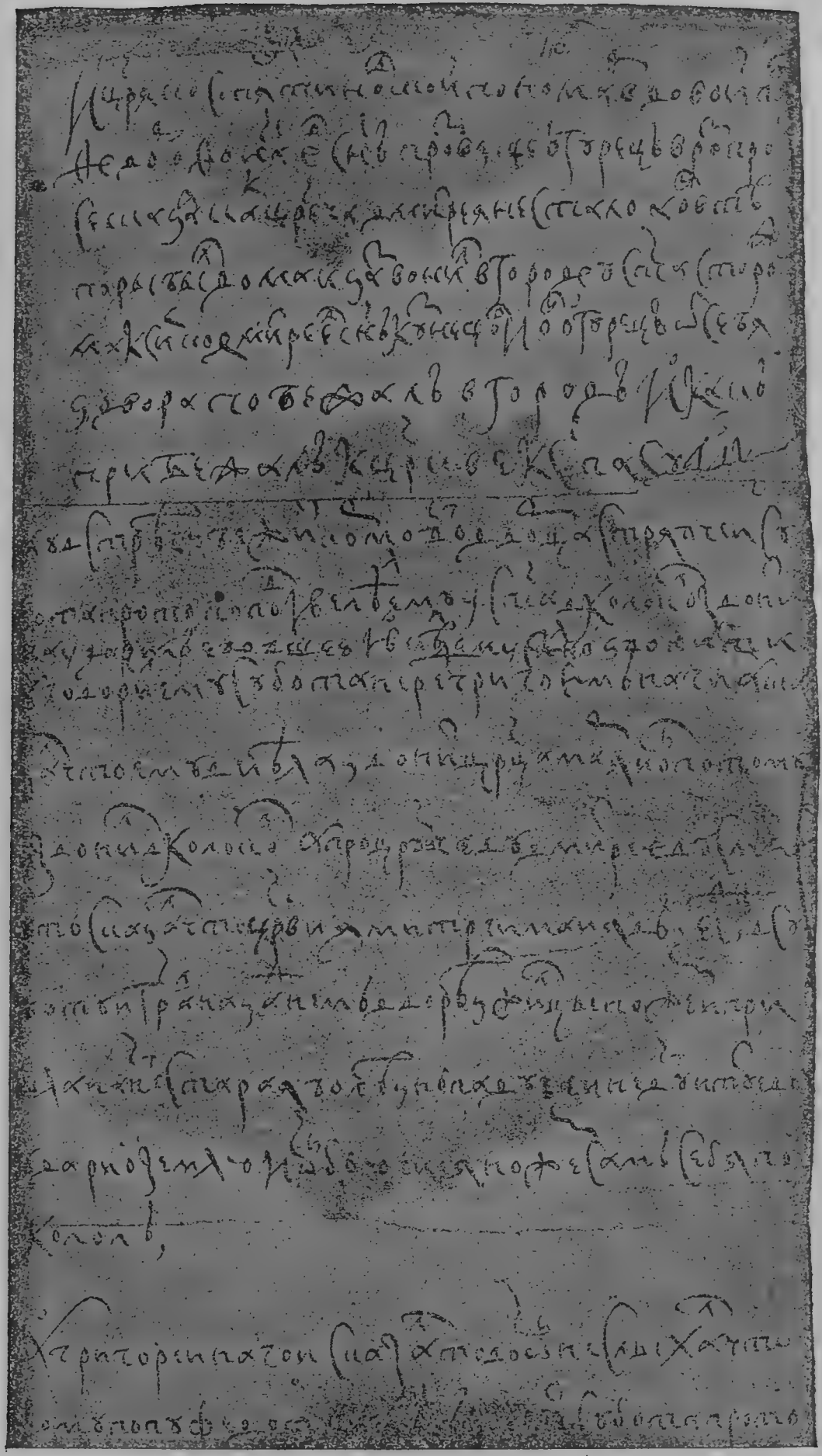
Кроткій образъ св. царевича Димитрія, «яко ягня незлобивое закланнаго», несмотря на всѣ усилія лукавыхъ правителей и слѣдователей неизгладимо врѣзался въ память современниковъ смуты. Ему молились въ тревожные годы вѣрующіе люди: «Царству своему буди миротворецъ отъ междоусобныя брани». Еще при Борисѣ отъ его мощей «начаша знаменія и чюдеса бывати». Въ 1601 или 1602 году царевичъ въ видѣніи предсталъ «нѣкоему отъ Калугеръ тамо живущихъ въ Углечѣ, именемъ Тихону»—и предсказалъ ему появленіе и гибель многихъ самозванцевъ, разсказываетъ намъ повѣсть «О явленіи благовѣрнаго Царевича Димитрія старцу Тихону и очищеніи крови его».

Во всякомъ случаѣ, смерть св. царевича открыла Борису Годунову широкій путь къ престолу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,наложила въ народномъ представленіи на его имя и дѣятельность неизгладимую каинову печать. Народная молва упорно повторяла, что Димитрій «пріялъ неповинное закланіе отъ лукаваго рода Бориса Годунова». Это убѣжденіе охватило собою самые разнообразные слои русскаго народа и сдѣлало впослѣдствіи совершенно непрочнымъ положеніе Бориса и его сына на русскомъ престолѣ.

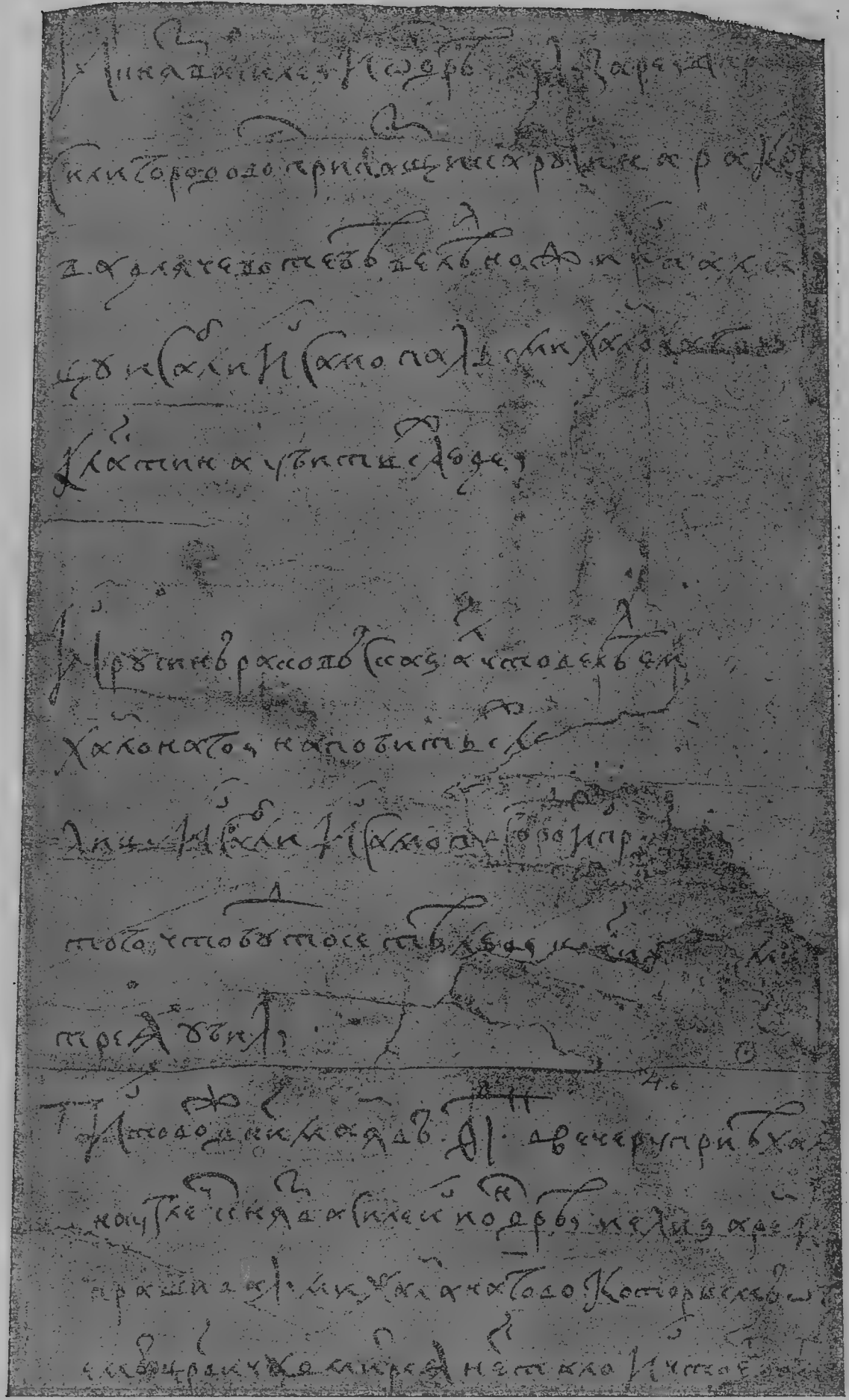
Избраніе Годунова на царство совершилось вполнѣ законнымъ путемъ земскаго соборнаго избранія. Съ точки зрѣнія формальной, тутъ было не къ чему придраться. Самъ Борисъ, повидимому, хотѣлъ прочности и всенародности своего воцаренія и принялъ всѣ мѣры для

[17]) Ibid, стр. 3.

[18]) Ibid., стр. 24—25.



Листъ изъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи Царевича Димитрія.



того: онъ отказывался отъ престола и заставилъ народъ умолить и уплакать себя на царствованіе. Онъ принялъ вѣнецъ безъ всякихъ условій и ограниченій, хотя бояре и надѣялись, что онъ «государству по предписанной грамотѣ крестъ поцѣлуетъ». Казалось, что бразды правленія вложены ему въ руки преданнымъ и единодушнымъ народомъ, но время вскорѣ же показало обратное.

Любопытно, что народное чувство упрямо говорило противъ очевидности, отрицая законность избранія на царство Бориса. Сложилось мнѣніе, впослѣдствіи запечатлѣнное сказаніями, что онъ «неправдою восхити царскій престолъ». Всенародность его избранія претворилась въ слѣдствія его хитрой политики и работы его агентовъ. «Рачители» Годунова чуть не кнутами, будто бы, гнали народъ молить его занять царскій престолъ, и обыватели московскіе слюнями намазывали себѣ глаза, чтобы изобразить слезы. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ въ своемъ временникѣ насмѣшливо говоритъ, что въ то время не было на Руси отъ величайшихъ людей до простыхъ, которые бы не онѣмѣли и все попустили Борису, а сами безгласны стали, какъ рыбы [19]). Дѣло доходило до того, что Борису приписывали смерть самого Ѳеодора Іоанновича и даже его маленькой дочери. Всѣ эти толки сводились къ тому, что Борисъ сѣлъ на тронъ неправдою, хитростью, ложью, преступленіемъ.

Борисъ Годуновъ. Оригиналъ находится въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Эта неправда словно подтверждалась свыше. Страшный трехлѣтній неурожай въ его царствованіе навелъ голодъ и моръ на русскихъ людей. Мерли люди, какъ никогда отъ

[19]) Рукопись Флорищ. пустыни.

морового повѣтрія не мерли. Видали людей, которые, валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, зимою ѣли сѣно. Разсказываютъ, будто на рынкахъ мясо человѣческое продавалось за говяжье. Въ одной Москвѣ погибло, по тогдашнимъ извѣстіямъ, до полумилліона человѣкъ. Всѣ мѣры, принятыя царемъ, ревностно спѣшившимъ на помощь къ голоднымъ, ни къ чему не приводили. Разбои усилились до послѣдней степени. И въ это-то время вдругъ вспыхиваетъ слухъ, что царевичъ Димитрій не погибъ отъ руки убійцъ, а что онъ живъ и намѣренъ вырвать царскій вѣнецъ у своего врага Годунова.

1600 годъ—годъ рокового перелома въ правленіи Бориса. До тѣхъ поръ «подаде ему Богъ время тихо и безмятежно отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ, и возвыси руку его Богъ, яко и прежнихъ великихъ государей и наипаче» [20]). Въ тѣ дни «всѣми благами Россія цвѣтяше, царь же Борисъ о всякомъ благочестіи по исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся» [21]).

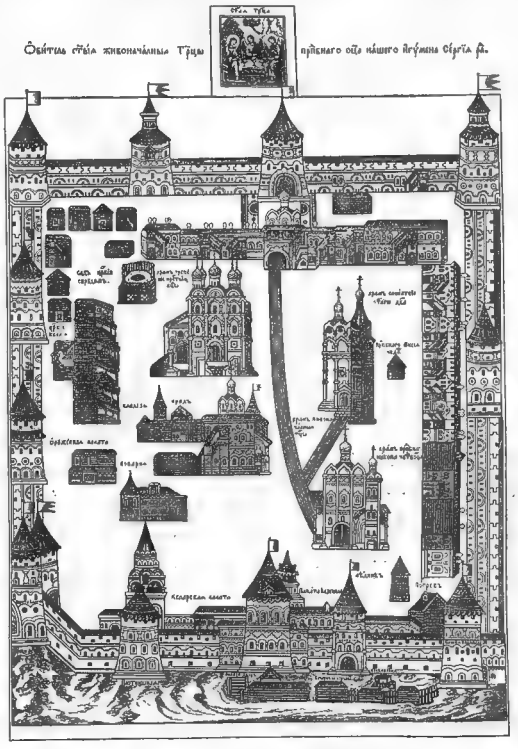
Но 1600 годъ приноситъ рѣзкую перемѣну въ характерѣ самого Бориса. Чудный и сладкорѣчивый мужъ, свѣтлодушный и нищелюбивый царь вдругъ превращается въ озлобленнаго и подозрительнаго тирана. Онъ прячется во дворцѣ, рѣдко является въ народѣ, всѣхъ подозрѣваетъ, выслушиваетъ доносчиковъ, окружаетъ всѣхъ выдающихся бояръ цѣлою сѣтью сыска и шпіонства. «Восхотѣвшу ему въ московскомъ государствѣ все вѣдати, чтобы ничто у него утаено не было, и помышляше о семъ много: какъ бы, отъ кого бы вѣдати?» пишетъ современникъ. Обвиняемыхъ въ недоброжелательствѣ къ государю предавали пыткѣ и заточенію: ихъ имущества конфисковывались, «и сталась у Бориса на царствѣ великая смута», говоритъ лѣтописецъ.

Къ этому времени относится его нападеніе на семью Романовыхъ и страшный ея разгромъ. Разсказываютъ, будто волхвы и звѣздочеты предсказали царю Борису, что «отъ рода Никитичевъ Романовыхъ возстати имать скипетродержецъ Россійскому государству». Годуновъ и рѣшилъ истребить этотъ родъ [22]). Онъ слышитъ, что другъ и сторонникъ Романовыхъ Богданъ Бѣльскій, жившій въ ссылкѣ въ Борисоградѣ, живетъ тамъ, какъ царь, и даже говоритъ о себѣ: «Борисъ царь на Москвѣ, а я въ Борисоградѣ»,—и тотчасъ же, по царскому приказу, Бѣльскаго привозятъ въ Москву въ каторжномъ уборѣ. Борисъ съ утонченной жестокостью приказываетъ нѣмцу цырюльнику по волоску выщипать густую бѣлую бороду несчастнаго Бѣльскаго.

Во всѣхъ поступкахъ Годунова, начиная съ той поры, ясно проступаетъ растерянность.

[20]) Повѣсть кн. И. М. Катырева—Ростовскаго.
[21]) Сказаніе келаря Авраамія Палицына.
[22]) Сказаніе Авраамія Палицына.

Онъ, какъ-будто, теряетъ отчетливое пониманіе происходящаго вокругъ него и знаетъ только одно, что почва власти уходитъ изъ-подъ его ногъ, и нужно итти на всѣ крайнія мѣры, чтобы спасти свое положеніе. Онъ знаетъ, что противъ него готовится какой-то заговоръ, онъ знаетъ, что бояре враждебны къ нему, и спѣшитъ, прежде всего, отдѣлаться отъ тѣхъ, кто ближе всего стоитъ по своимъ правамъ къ достиженію царскаго престола. Ударъ его въ сторону Романовыхъ нанесенъ именно съ этою цѣлью; Ѳеодоръ Никитичъ постриженъ въ монахи именно потому, что онъ больше всѣхъ имѣлъ правъ стать царемъ.



Обитель Преподобнаго Сергія (съ картины XVII вѣка).

Однако, Борисъ ошибся: заговоръ шелъ совсѣмъ не со стороны Романовыхъ. «Законнѣйшій скиптроносецъ» Филаретъ-Ѳеодоръ Никитичъ пострадалъ совсѣмъ не за свои намѣренія, а только за свои права на скипетръ. Наконецъ, Годунову стала ясна сущность заговора, направленнаго противъ него: она облеклась въ форму самозванства. Узнавъ о появленіи самозванца, Борисъ въ бѣшенствѣ кинулъ въ лицо боярамъ: «Вотъ, наконецъ, оно, вотъ что вышло! Я знаю, это ваше дѣло, измѣнниковъ и предателей, князей и бояръ дѣло!» [23]).

Ему нужно было найти имя этого самозванца. По его приказу, составляется офиціальное объясненіе появленія Лжедимитрія. Подхватывается первое попавшееся имя, первая попавшаяся подъ руки исторія. Нашелся какой-то Юшка или Гришка Отрепьевъ, сынъ галицкаго сына боярскаго, и ему приписали намѣреніе «быть царемъ на Москвѣ». Это былъ безпутнѣйшій малый—пьяница, воръ, игрокъ въ кости, впослѣдствіи поступившій въ монахи. Это имя было удобно еще для того, чтобы заднимъ числомъ еще разъ бросить тѣнь на несчастныхъ Романовыхъ: Отрепьевъ, прежде чѣмъ уйти въ монастырь, былъ холопомъ Романовыхъ и укрывался въ палатахъ боярина Романова и его родственника князя Черкасскаго. Для большаго правдоподобія впослѣдствіи, уже въ правленіе Василія Шуйскаго, воспользовавшагося Годуновскимъ измышленіемъ, даже была сочинена цѣлая исторія отъ имени якобы достовѣрнаго свидѣтеля старца Варлаама [24]), утверждавшаго, что онъ бѣжалъ за рубежъ вмѣстѣ съ Гришкой Отрепьевымъ и сопровождалъ его въ его скитаніяхъ. Этотъ старецъ въ концѣ своей повѣсти очень наивно проговаривается, что онъ былъ агентомъ Годунова и для этой цѣли былъ посланъ въ Литву.

Польская Украйна была тѣмъ гнѣздомъ, откуда выползла змѣя самозванства. Недаромъ въ тогдашнихъ литературныхъ памятникахъ Украйна получила очень характерное названіе «преждепогибшей». Знаменательно, что эта сторона уже имѣла значительную практику въ поставкѣ самозванцевъ въ другія государства. XVI вѣкъ далъ Молдавіи цѣлый рядъ смутъ и

[23]) Буссовъ 27.

[24]) Извѣтъ старца Варлаама.

потрясеній, и тамъ, опираясь на украинскую вольницу, одинъ за другимъ являлись самозванцы, искавшіе себѣ молдавскаго престола на основаніи своихъ мнимыхъ правъ на него.

Усыпальница Годуновыхъ въ Троицко-Сергіевомъ посадѣ Московск. губ. (Фотографія 1903 г.)

За короткій сравнительно промежутокъ времени отъ 1561 до 1592 года домогались верховной власти въ Молдавіи одинъ за другимъ цѣлыхъ четыре самозванца, и одинъ изъ нихъ Василидъ, сынъ критскаго рыбака, цѣлыхъ два года былъ на молдавскомъ престолѣ, пока не погибъ отъ возмущенія за то, что хотѣлъ жениться на дочери одного польскаго пана, протестанта по вѣрѣ, что для молдаванъ угрожало ущербомъ ихъ національной религіи [25]). Съ этихъ поръ украинцы искали безумныхъ предпріятій и смѣлыхъ авантюристовъ, которые могли бы ихъ вести къ приключеніямъ и къ наживѣ. Король Сигизмундъ III наложилъ на казаковъ обязательство не принимать къ себѣ «господарчиковъ», но это обязательство не было выполнено, потому что среди нихъ появился претендентъ на Московскій престолъ—названный Димитрій.

Польская и сѣверская украины были военной границей московскаго государства. Жизнь здѣсь считалась трудной и опасной въ виду дѣйствительной необходимости жить постоянно съ оружіемъ въ рукахъ. Чтобы колонизировать эти мѣста, русскому правительству приходилось посылать сюда ссыльныхъ, опальныхъ людей и даже приговоренныхъ къ смертной казни, но помилованныхъ. Поэтому тутъ образовывалась очень пестрая по своему составу масса населенія, въ которой больше всего преобладали люди вольные и неразборчивые въ средствахъ для наживы. Недовольныхъ русскимъ правительствомъ тутъ было больше даже, чѣмъ нужно, потому что опалы и ссылки годуновскія сюда направляли волну за волной ссыльныхъ послѣ разгрома знатныхъ боярскихъ семей. Всѣ эти и вольные, и служилые люди мечтали о наживѣ, о крупныхъ помѣстьяхъ и только и ждали смѣлаго предпринимателя, который бы имъ пообѣщалъ и далъ возможность нажиться. Словомъ, эта безпокойная и уже закаленная въ воинскихъ тревогахъ земля была пороховою миною, ожидавшей искры для взрыва и повсемѣстнаго пожара.

Печать Бориса.

Эта искра и явилась въ видѣ обѣщанія Лжедимитрія «изобильно воинскому чину дать помѣстья и вотчины, и сребромъ и золотомъ удовлити и богатствомъ наполнить». Для Украйны, для Польши самозванецъ въ Россіи былъ выгоденъ, какъ нельзя больше. Онъ, дѣйствительно, могъ сказать про себя, что «всѣ они—

---

[25]) Костомаровъ. Смутное время, т. I, стр. 82.

Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны:
Имъ это лишь и нужно.

Для Годунова самозванецъ былъ страшенъ именно тѣмъ, что онъ стоялъ во главѣ воинскаго возстанія, военнаго мятежа. Подъ его руководствомъ воины изъ стройной дисциплинированной массы, созданной страной для обороны, превращались въ вооруженныхъ завоевателей, жаждущихъ раздѣлить между собою плоды своихъ побѣдъ, видящихъ передъ собою неисчислимыя богатства, которыя должны достаться въ ихъ руки. Несчастная Русь для этихъ польскихъ и русскихъ кондотьеровъ казалась вожделѣнною добычей, объ одеждахъ которой они уже заранѣе метали жребій.

Что же могла имъ противопоставить Москва со своимъ непопулярнымъ, «не настоящимъ» царемъ? Тамъ язва дезорганизаціи ширилась не по днямъ, а по часамъ. Борисъ, окруженный ненавидящими его боярами, чувствовавшій всю грозную силу народной непріязни, изнемогалъ въ непосильной борьбѣ. Народъ хотѣлъ вѣрить въ чудо, хотѣлъ признать воскрешеніе старой династіи въ лицѣ Димитрія, потому что это воскрешеніе избавляло его отъ трудной обязанности искать себѣ царя Божіей милостью. Съ воцареніемъ Димитрія жизнь должна была войти въ старое русло: смута, всколыхнувшаяся было, должна была стать призракомъ и растаять. Въ это хотѣлось вѣрить и этого хотѣлось ждать. Драма разрѣшалась счастливой развязкой, и для искупительной жертвы уже предназначенъ былъ родъ Годуновыхъ — выскочекъ и пролазовъ, какъ народное чувство опредѣлило Бориса и его положеніе на престолѣ.

К. Маковскій. Убіеніе Ѳеодора Борисовича Годунова.

Внезапная смерть Бориса положила конецъ его безнадежной борьбѣ съ неумолимо надвигавшимся на него бѣдствіемъ. Прошелъ слухъ, что онъ «умертвилъ себя съ горя ядомъ змѣинымъ», но душевной скорби было вполнѣ достаточно, чтобы разрушить его плоть. Началось кратковременное царствованіе его сына Ѳеодора, быстро оборванное боярскимъ заговоромъ. «Ѳеодоръ же мало послѣ отца царскою державою насладился, и такъ скончался, какъ тихій овенъ, не имѣющій ни на кого злобы; о немъ многіе изъ народа тайно въ сердцахъ своихъ плакали за непорочное его житіе», говоритъ одинъ изъ хронографовъ. Въ Москвѣ произошло возмущеніе подъ вліяніемъ агентовъ самозванца, и совершился государственный переворотъ: Ѳеодоръ былъ низложенъ. Офиціальное посольство повезло въ Тулу къ самозванцу повинную грамоту, призывающую ложнаго царевича занять московскій престолъ, но названный Димитрій принялъ московскихъ бояръ очень неласково, онъ

ихъ «наказываше и лаяше» и публично унизилъ ихъ, позвавши къ себѣ посольство отъ донскихъ казаковъ и допустивши ихъ къ рукѣ «прежде московскихъ бояръ». Въ Москву онъ отправилъ своихъ наиболѣе довѣренныхъ людей—переметнувшагося на его сторону Басманова, князей Голицына и Мосальскаго и дьяка Ступова, приказавъ имъ управлять столицей.

Димитрій Самозванецъ.

Князь Василій Голицынъ и Мосальскій, явившись въ Москву, свергнули патріарха Іова, отправивъ его въ заключеніе, послѣ того какъ приверженцы самозванца подвергли его безчеловѣчному позорованію и избіенію. Затѣмъ ставленники самозванца отправились въ старый домъ Борисовъ, чтобы покончить съ Ѳеодоромъ и его матерью. Царица Марія была удавлена, былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и Ѳеодоръ. Тѣло Бориса выкопали изъ могилы въ Архангельскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ. Впослѣдствіи тѣла Годуновыхъ были перенесены въ усыпальницу въ Троицкую Лавру.

20 іюня 1605 г. Лжедимитрій съ необыкновенной пышностью прибылъ въ столицу. «Всѣ улицы», разсказываетъ очевидецъ-иностранецъ [26]), «были наполнены народомъ такъ, что невозможно было протолкаться. Многіе, не знавшіе объ истинномъ его происхожденіи, плакали отъ радости. Подъѣхавъ къ лобному мѣсту, онъ остановился со всѣми людьми и, сидя на лошади, снялъ съ головы свою царскую шапку и сейчасъ же ее надѣлъ. Окинувъ взглядомъ великолѣпныя укрѣпленія, городъ и несмѣтную толпу народа, онъ, повидимому, очень горько заплакалъ и возблагодарилъ Бога за то, что онъ продлилъ его жизнь и далъ ему возможность видѣть отцовскій городъ Москву и всѣхъ любезныхъ подданныхъ, которыхъ онъ сердечно любилъ. Много и другихъ рѣчей говорилъ Дмитрій, проливая горячія слезы. Многіе вмѣстѣ съ нимъ плакали».

Къ лобному мѣсту направилось въ торжественномъ крестномъ ходѣ духовенство съ честными и святыми крестами и иконами, съ множествомъ свѣчей и кадильницъ. Новый царь прошествовалъ въ Кремль, гдѣ онъ въ Архангельскомъ соборѣ поклонился со слезами гробницамъ Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича.

Кто былъ Лжедимитрій,—объ этомъ много было и толковъ, и споровъ въ нашей исторической наукѣ, но они не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Одинъ изъ наиболѣе тонкихъ знатоковъ смуты проф. С. Ѳ. Платоновъ прямо заявляетъ: «для нашей цѣли нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться на вопросѣ о личности перваго самозванца»; онъ выражаетъ только убѣжденіе, что названный Димитрій былъ дѣйствительно самозванецъ и притомъ московскаго происхожденія [27]). Такого же мнѣнія и Ключевскій: «винили поляковъ, что они подстроили самозванца, но онъ былъ только испеченъ

[26]) Масса.
[27]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты. Изд. 3, стр. 237.

въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ»[28]). Наиболѣе распространенное мнѣніе сводится къ тому, что самозванецъ былъ подготовленъ боярскою интригою еще въ Москвѣ; весьма вѣроятно, что его даже воспитали въ увѣренности, что онъ подлинный царевичъ. Бояре думали этимъ своимъ созданіемъ «воли себѣ прибавить». Переданный въ польскія руки, этотъ названецъ попалъ въ цѣпкія лапы іезуитовъ, которые рѣшили сдѣлать его орудіемъ своей завѣтной цѣли—водворенія католичества на Руси. Для Польши Лжедимитрій былъ тоже, какъ нельзя больше, выгоденъ для ея вожделѣній распространить свою власть на русское государство. Трудно съ точностью опредѣлить даже національность этого загадочнаго человѣка по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ изъ устъ современниковъ: одни изъ нихъ видятъ въ немъ коренного москвича, другіе называютъ его полякомъ, иные предполагаютъ въ немъ и трансильванца, и волоха, и итальянца, и иллирійца. Во всякомъ случаѣ, русская кровь въ немъ преобладала и тянула его къ русскимъ обычаямъ и нравамъ, хотя онъ по своему легкомыслію, по своей любви къ эффектамъ и театральности, по пристрастію къ веселой и разгульной жизни былъ прямой противоположностью степенной, важной и домовитой Москвѣ, не замедлившей все это учесть не въ пользу своему новому государю.

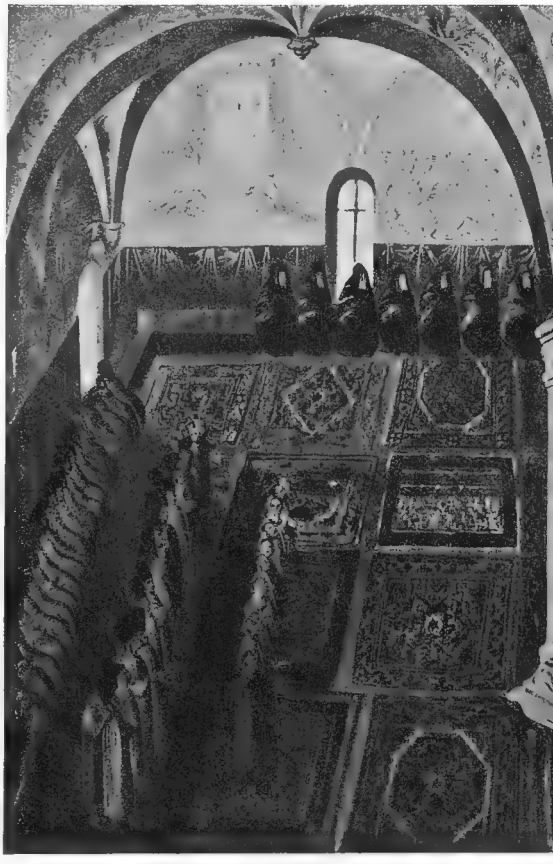
Самозванецъ былъ, прежде всего, военнымъ человѣкомъ съ ногъ до головы. Его стихія была борьба; его излюбленнымъ мѣстопребываніемъ—военный станъ. Онъ пришелъ въ Москву при громѣ и шумѣ оружія и военныхъ доспѣховъ, въ городѣ онъ ѣздилъ со многимъ воинствомъ въ броняхъ съ протазанами и аллебардами, и инымъ многимъ оружіемъ, и москвичи съ испугомъ смотрѣли на «множество оружій блещащихся»[29]). Для своей трехсотенной иноземной гвардіи онъ изобрѣталъ роскошную форму. Русскій современникъ отмѣ-

Вѣнчаніе на царство Лжедимитрія (Историческій музей въ Москвѣ).

чаетъ: «невѣсть съ какой радости всѣ ходили по улицамъ веселые, какъ женихи, въ золотѣ, серебрѣ и чужестранной багряницѣ, а передъ его лицомъ служащіе ему украшались много

[28]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи; ч. III, стр. 36.
[29]) Авраамій Палицынъ.

цѣннымъ каменіемъ и дорогимъ бисеромъ, и никого онъ не хотѣлъ видѣть смиренно ходящимъ». Своимъ приближеннымъ онъ щедро раздавалъ деньги и драгоцѣнности, и царская сокровищница быстро стала истощаться. Онъ умѣлъ къ себѣ вызывать любовь и даже обожаніе. Перешедшій на его сторону Басмановъ былъ вѣренъ ему до крови и до смерти, хотя онъ и не вѣрилъ въ его царское происхожденіе. Онъ сказалъ пастору Бэру: «Вы, нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата, молитесь же вмѣстѣ со мною объ его счастьи. Хотя и не истинный царевичъ, однакожъ нашъ государь; мы присягнули ему, да лучшаго царя и не найти намъ». Въ послѣднія минуты самозванца онъ бросается защищать его и умираетъ съ крикомъ: «я умру, а ты спасайся». Начальникъ стрѣлецкаго отряда Микулинъ готовъ былъ, по указанію самозванца, растерзать, кого угодно. Когда въ этомъ отрядѣ началось броженіе и семеро стрѣльцовъ «поговорили» о томъ, что царь ихъ вѣру разоряетъ, то ихъ же товарищи схватили и убили этихъ недовольныхъ почти на глазахъ названнаго Димитрія, чтобы показать ему свою вѣрность.



Пріемъ пословъ Лжедимитріемъ

Самозванецъ былъ крѣпышемъ небольшого роста, страстнымъ охотникомъ до всякихъ физическихъ упражненій. Онъ любилъ похвастаться своею силой и удалью, особенно на охотѣ, гдѣ онъ выказывалъ большую силу и ловкость. Такъ, однажды онъ приказалъ спустить въ поле медвѣдя и, бросившись за нимъ верхомъ, такъ ударилъ его рогатиной, что звѣрь тутъ же палъ мертвымъ. Онъ съ особенной страстностью предавался обученію солдатъ воинскому дѣлу: на льду Москвы рѣки происходили примѣрныя сраженія, въ которыхъ принималъ горячее участіе самъ царь и не претендовалъ на то, что въ этихъ схваткахъ его сбивали съ ногъ и мяли. Устроена была подвижная крѣпость на колесахъ, расписанная такъ ужасно, что москвичи дали ей прозваніе «ада».

Вообще, Москва закипѣла военными приготовленіями. Съ самаго прибытія самозванца война съ турками и татарами не сходила у него съ языка. На пушечномъ дворѣ кипѣла работа, дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья. Для будущей войны добывались средства—производилась опись даже монастырскихъ имуществъ и доходовъ. Новый царь мечталъ объ обширной коалиціи европейскихъ державъ противъ Турціи [30]). Маржеретъ увѣряетъ, что идеаломъ для Димитрія былъ французскій король Генрихъ IV, и, въ самомъ дѣлѣ, между ними есть нѣкоторое сходство, отмѣченное еще А. С. Пушкинымъ: «Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣняютъ религію ради политическихъ видовъ, оба любятъ войну и удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ».

Однако, между ними была и существенная разница: несмотря на свои несомнѣнныя способности, самозванецъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ людямъ геніальнымъ.

---

[30]) В. С. Иконниковъ. Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III.

У него все показное, онъ больше шумѣлъ и рисовался, чѣмъ дѣлалъ настоящее дѣло. Онъ зазнался, у него закружилась голова, о чемъ свидѣтельствуютъ почти единогласно всѣ его современники: «гордость его была безпредѣльна», пишетъ одинъ изъ нихъ[31]), «затмевая пышностью всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ царя царей». О томъ же говоритъ іезуитъ Савицкій: «онъ возгордился до того, что считалъ себя выше всѣхъ христіанскихъ монарховъ, и говорилъ, что будетъ, подобно какому-то второму Геркулесу, вождемъ цѣлаго христіанства противъ турокъ». Близкій къ Лжедимитрію Бучинскій осуждалъ его за требованіе признать себя непобѣдимымъ царемъ и императоромъ, а воевода Познанскій уже давно предупреждалъ самозванца: «по твоей великой спѣси и гордости подлинно тебя Богъ спихнетъ со столицы твоей, и надо бъ то указать всему свѣту, какой ты человѣкъ, а и сами москвичи о томъ догадаются, какой ты человѣкъ и что имъ хочешь сдѣлать»[32]).

(Картина находится въ Будапештскомъ музеѣ. Копія въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ).

Между тѣмъ, такія претензіи были ему не по разуму и не по способностямъ. Въ сущности, самозванецъ не обнаружилъ талантовъ полководца, потому что его походъ на Москву окончился побѣдой вовсе не благодаря его личнымъ планамъ и предначертаніямъ, а лишь благодаря счастливымъ для него обстоятельствамъ, которыми онъ даже не всегда успѣвалъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться; не обнаружилъ онъ и талантовъ правителя. Совершенно правильно указываетъ одинъ изслѣдователь, что наиболѣе примѣчательные въ царствованіе Лжедимитрія приговоры боярской Думы о кабалахъ и бѣглыхъ холопахъ врядъ ли отъ него исходили, потому что въ то время онъ былъ всецѣло занятъ вызовомъ изъ Польши Марины Мнишекъ: эта забота, судя по количеству оставшихся послѣ него бумагъ, составляла главный предметъ его государственной дѣятельности [33]).

Ослѣпленный своимъ счастьемъ самозванецъ ничего не видѣлъ вокругъ себя, и это лучшее доказательство его недалекаго и неостраго ума. У него не хватало главнаго: такта въ обращеніи съ окружающими. До вступленія на престолъ онъ былъ искуснымъ актеромъ, онъ льстилъ, умѣлъ носить на себѣ маску покорности и смиренія, давалъ обѣщанія направо и налѣво, и весьма вѣроятно, что всѣ тѣ, кто велъ его на престолъ, были увѣрены въ немъ. И бояре-интриганы, и поляки, и іезуиты видѣли въ немъ лишь куклу, лишь послушное орудіе своихъ плановъ. Когда же онъ увѣрился въ своемъ торжествѣ, онъ сбросилъ съ себя маску и далъ понять всѣмъ, что по даннымъ имъ обязательствамъ онъ платить не будетъ. Онъ не сообразилъ того, что его вѣнецъ добытъ заговоромъ и военной силой, и что заговоръ и военная сила легко смогутъ его сбросить съ престола, какъ это и оказалось впослѣдствіи.

---

[31]) Буссовъ.

[32]) См. Изслѣдованіе о личности перваго самозванца П. С. Казанскаго «Русскій Вѣстникъ» 1877 г. 10.

[33]) Ibid.

То войско, на которое онъ разсчитывалъ, было ненадежно, потому что оно было составлено съ крайней неразборчивостью: коренной московскій человѣкъ и рядомъ съ нимъ шляхтичъ, презиравшій всякую «Москву»; казакъ, ушедшій отъ московскихъ порядковъ, и съ нимъ рядомъ служилый москвичъ, представлявшій опору этихъ самыхъ порядковъ; щепетильный рыцарь, исполненный воинской чести со всѣми условностями его времени и среды, а съ нимъ рядомъ не признающій никакихъ условностей казакъ, ищущій одной добычи,— вотъ, кто сталъ сталъ за самозванца подъ одно знамя, одну команду[34]). Типиченъ, какъ ярый сторонникъ и панегиристъ самозванца, Маржеретъ: этотъ продажный воинъ, нанятый Борисомъ, перешелъ къ Лжедимитрію, отъ него къ Шуйскому, отъ Шуйскаго ко второму самозванцу; послѣ предлагаетъ свои услуги Пожарскому, который не только не принимаетъ ихъ, но и воспрещаетъ ему доступъ въ русскіе предѣлы[35]). Въ такихъ людяхъ надежной опоры въ бѣдѣ не найдешь.

А такая опора была ему болѣе, чѣмъ нужна. Бывшіе его доброхоты, убѣдившись, что тотъ, кого они считали за куклу въ своихъ рукахъ, обратился въ живого человѣка, поставившаго передъ собою твердую цѣль дѣйствовать вполнѣ независимо, рѣшили, что отъ него пора отдѣлаться. Польское правительство увидѣло, что московскій царь совсѣмъ не желаетъ быть покорнымъ вассаломъ Рѣчи Посполитой. Въ сношеніяхъ между Россіей и Польшей начались такія тренія, которыя грозили привести къ вооруженному столкновенію. Димитрій прямо далъ понять, что король польскій не получитъ ни одной пяди русской земли, да еще впослѣдствіи прибавилъ его посламъ: «Король польскій оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога, и всѣхъ христіанъ. Мы объявили королю польскому, что онъ имѣетъ въ насъ сосѣда, брата и друга, какого еще никогда у короны польской не было; теперь же намъ должно опасаться короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ государей». Мало этого, онъ, по свидѣтельству голландца Масса, прямо готовился къ неожиданному нападенію на Польшу, а сверхъ того его агенты и приверженцы въ Польшѣ вели интригу противъ короля Сигизмунда III, враги котораго уже начинали подумывать о томъ, чтобы низвергнуть Сигизмунда и возвести на престолъ Димитрія [36]).

Іезуиты уже на всю Европу сдѣлали рекламу самозванцу. Въ далекой Испаніи великій драматургъ Лопе-ди-Вега, въ то время уже принявшій постриженіе и называвшій себя «почтительнѣйшимъ слугой инквизиціи», посвящаетъ похожденіямъ Димитрія и его чудесному спасенію отъ рукъ убійцъ и его воцаренію комедію «Великій князь Московскій или гонимый императоръ».

Недолго пришлось торжествовать ученикамъ Игнатія Лойолы, что на московскомъ престолѣ сидитъ католикъ. Лжедимитрій, по достиженіи своей цѣли, выказалъ себя не только не нетерпимымъ католикомъ, но, напротивъ, онъ сталъ являть себя религіознымъ индиферентомъ. Изъ его поступковъ совсѣмъ не было видно его привязанности къ католичеству: его обѣщанія, данныя слугамъ папы, были пустыя обѣщанія, объ исполненіи которыхъ онъ меньше всего заботился. Когда поляки стали требовать отъ него исполненій его обѣщанія позволить іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государство и строить тамъ церкви, онъ лаконически заявилъ: «Церквей латинскихъ и іезуитовъ не хочу»[37]). Кардиналъ Боргезе, выразитель мнѣнія римской куріи, писалъ уже послѣ убійства Димитрія, когда разнеслась вѣсть, будто онъ спасся отъ заговора, что отъ Димитрія нечего было ждать, потому что онъ былъ окруженъ еретиками, а эта дружба

---

[34]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты.

[35]) П. С. Казанскій. Изслѣдованіе о личности самозванца.

[36]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Костомаровъ на основаніи найденныхъ документовъ въ польскихъ библіотекахъ.

[37]) Пирлингъ.

обнаружила, что въ немъ нѣтъ истиннаго благочестія [38]). Лжедимитрій оказался искуснымъ комедіантомъ, когда онъ нуждался въ іезуитахъ, и сумѣлъ перехитрить ихъ, но его хитростей хватило не надолго.

Но хуже всѣхъ пришлось русскимъ людямъ. Самозванецъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ Россіи, какъ къ странѣ дикой и невѣжественной. Сидя въ боярской Думѣ, онъ въ глаза смѣялся надъ боярами во время ихъ долгихъ преній. «Столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку», говорилъ онъ имъ. «Такъ я вамъ скажу—дѣло вотъ въ чемъ»...

До насъ не дошло ни одного указанія на какое-нибудь дѣйствительно блестящее рѣшеніе запутаннаго вопроса: вѣроятно, Димитрій просто хотѣлъ похвалиться быстротой своего ума и сократить наскучившее ему засѣданіе. Съ большинствомъ изъ своихъ русскихъ приближенныхъ онъ обращался, какъ съ подлымъ быдломъ. «Не было», говоритъ Масса, «ни дьяка, ни чиновника, который бы не испыталъ на себѣ его немилости. Уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, царь изломалъ объ ихъ ляшки не мало палокъ». Московское боярство не могло забыть, какъ онъ «наказываше и лаяше» ихъ представителей при своемъ вступленіи на престолъ.

Особенно ярко это пренебреженіе къ русскимъ выступало на фонѣ преклоненія царя передъ польской культурностью. Къ приближеннымъ своимъ полякамъ онъ особенно благоволилъ. Едва только онъ распустилъ, щедро наградивъ, свое польско-литовское воинство, какъ на смѣну ему, словно жадная саранча, прибывали все новые и новые выходцы изъ Польши. Во время свадьбы царя съ Мариною Мнишекъ на Москву хлынуло цѣлое польское нашествіе. Всѣ просьбы поляковъ милостиво выслушивались и, большею частью, исполнялись. Буйства поляковъ оставались безнаказанными, хотя жены самыхъ знатныхъ вельможъ русскихъ не смѣли показаться на улицу, боясь ихъ необузданнаго сладострастія. За все время только одинъ полякъ былъ обвиненъ по приговору суда, да и того поляки отбили отъ стражи, и осужденный получилъ помилованіе отъ царя. Поляки дерзко бросали и русскимъ, и ихъ царю надменныя слова: «Престолъ Димитрію достался милостью нашего короля и помощью польскаго народа: вы скоро забыли это благодѣяніе».

Оскорбляя національное чувство русскаго народа, Лжедимитрій больно задѣвалъ и его любовь къ старинѣ, которая для русскихъ людей была всегда чѣмъ-то неприкосновеннымъ. Онъ хотѣлъ насаждать на Руси западную цивилизацію, онъ былъ любитель веселья, пировъ, «пустошныхъ игръ», одѣвался по-польски. Словомъ, онъ былъ полной противоположностью былымъ благочестивымъ царямъ. Но, что хуже всего—въ немъ видѣли наклонность къ «латинству», даже «люторству», видѣли іезуитовъ, какъ его постоянныхъ спутниковъ, и подозрѣвали, что и самъ онъ — тайный «езовитъ». Его толки о вѣротерпимости, частыя вольнодумства въ разговорахъ,—все это учитывалось и запоминалось. Рождалось убѣжденіе, что онъ ведетъ святую Русь къ «окатоличенію», что онъ—«богоотступникъ», «попратель православія» и гонитель православной церкви [39]).

Не ясно ли, что это царь не истинный, не настоящій?

Если считать, что боярскій заговоръ былъ первоисточникомъ появленія Лжедимитрія, то самозванецъ кончилъ тѣмъ, съ чего онъ началъ: противъ него разростался боярскій заговоръ во главѣ съ Василіемъ Шуйскимъ. Василій Шуйскій, взведенный на плаху самозванцемъ и потомъ имъ помилованный, откровенно заявлялъ въ боярскихъ кругахъ, что названный Димитрій нуженъ имъ былъ лишь для низверженія Годуновыхъ. Были наведены справки въ Польшѣ, не будетъ ли польское правительство имѣть что-нибудь противъ низверженія самозванца, но, конечно, Сигизмундъ III отступился отъ опаснаго для него Московскаго

---

[38]) См. «Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католичества» Н. Левитскаго.

[39]) Н. Левитскій. Лжедимитрій, какъ пропагандистъ католичества.

государя. Повидимому, и іезуиты знали о заговорѣ, но они тоже теперь отошли въ тѣнь, предоставляя событія ихъ теченію. Отъ самозванца незамѣтно, нечувствительно для него, всѣ отступали, открывая его грудь неожиданному удару.

И. Е. Рѣпинъ. Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ въ заточеніи въ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ.

Желая доказать, что онъ истинный сынъ Грознаго, Димитрій всячески благоволилъ своей мнимой роднѣ — Нагимъ и Романовымъ. Старецъ Филаретъ Никитичъ былъ вызванъ изъ Сійскаго монастыря и посвященъ въ митрополита Ростовскаго; сынъ его Михаилъ, будущій самодержецъ, переведенъ былъ къ нему въ епархію въ Кострому и водворенъ въ тамошнемъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Иванъ Никитичъ Романовъ былъ возвращенъ въ Москву еще при Борисѣ Годуновѣ, теперь ему было сказано боярство. Даже прахъ умершихъ въ ссылкѣ Романовыхъ былъ возвращенъ для погребенія въ Москвѣ. Были пролиты милости и на Богдана Бѣльскаго, на кн. Черкасскаго, на Шереметева.

Лжедимитрій не обманулъ этими милостями Романовыхъ. Есть одно извѣстіе, что онъ *едва умолиша* Филарета Никитича принять санъ митрополита. Хотя самозванецъ и старался приблизить его къ себѣ, но Филаретъ Никитичъ до поры, до времени оставался вполнѣ пассивнымъ, приглядываясь къ тому, что происходило при дворѣ. Вновь же пожалованный бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ прямо примкнулъ къ заговору противъ мнимаго Димитрія.

14 мая 1606 года нападеніе на самозванца совершилось. Поводомъ послужилъ распространившійся слухъ, что Лжедимитрій готовилъ на 18-е мая избіеніе двадцати лучшихъ бояръ. Набатъ былъ сигналомъ къ избіенію, Шуйскій былъ предводителемъ. Вскорѣ обезображенный трупъ самозванца съ наложенною на него скоморошескою дудой и маской былъ вытащенъ на Красную площадь на поруганье, послѣ чего этотъ трупъ былъ сожженъ въ деревнѣ Котлахъ, и его пепломъ выстрѣлили изъ пушки. Произошла схватка съ поляками, при чемъ множество ихъ было перебито. Бояре и въ ихъ числѣ И. Н. Романовъ долго разъѣзжали по городу, стараясь успокоить народъ, свирѣпствовавшій, какъ море въ бурю.

Участники заговора провозгласили царемъ московскимъ своего главу Василія Шуйскаго, но боярство сразу же позаботилось о томъ, чтобы новый царь цѣловалъ всей землѣ крестъ въ ограниченіе своей власти. Шуйскій нахрапомъ сѣлъ на московскій престолъ. Его, по мѣткому выраженію Соловьева, «выкрикнули» его сторонники. «Этому провозглашенію толпы, только что ознаменовавшей свою силу истребленіемъ Лжедимитрія, никто не осмѣливался противодѣйствовать, и Шуйскій былъ—не скажемъ, избранъ, но выкрикнутъ царемъ. Онъ сдѣлался царемъ такъ же, какъ былъ свергнутъ Лжедимитрій,—скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ

случаяхъ, не сказала своего «да»,—гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что, когда усердіе его клевретовъ охладѣетъ, то кто поддержитъ его?»[40]).

Шуйскій старался всячески доказать свое право на престолъ. Онъ указывалъ на свое происхожденіе отъ Рюрика, «иже бѣ отъ римскаго кесаря», и называлъ московскій престолъ «отчиною прародителей» своихъ. Но, несмотря на то, что, дѣйствительно, въ лицѣ царя Василія, родъ Рюрика имѣлъ старѣйшаго изъ оставшихся въ живыхъ своихъ представителей, и этотъ новый государь не былъ признанъ народнымъ чувствомъ. Къ нему не было довѣрія, онъ былъ запачканъ съ ногъ до головы своимъ прошлымъ, да и самое его воцареніе было слѣдствіемъ лукаваго пріема.

Этотъ подслѣповатый старикъ былъ олицетвореніемъ самыхъ непривлекательныхъ сторонъ домостроевскаго уклада жизни. Народъ далъ ему насмѣшливое прозвище «шубника».—Это названіе произошло отъ шубнаго промысла, который былъ развитъ въ старыхъ вотчинахъ его рода—Шуйскомъ уѣздѣ[41]). Прозвище подходило къ нему: онъ весь былъ погруженъ въ чисто торгашескіе расчеты о своихъ выгодахъ, ради которыхъ онъ способенъ былъ не только на компромиссъ, но и на самую безпощадную ложь. Примѣръ лжи Шуйскаго былъ памятенъ всѣмъ: въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убіеніи царевича Димитрія онъ доказывалъ, что царевичъ самъ накололся ножомъ, и при появленіи самозванца, по приказу Борисову, говорилъ публично и велегласно, что царевича Димитрія нѣтъ въ живыхъ, но когда побѣда оказалась на сторонѣ Лжедимитрія, то Шуйскій сталъ говорить совершенно противоположное и вмѣстѣ съ другими боярами пошелъ на поклонъ самозванцу, признавая его законнымъ государемъ.

Прежде всего, Шуйскій, по вступленіи своемъ на престолъ, озаботился положить предѣлъ кривотолкамъ о смерти царевича. Имъ было дано порученіе Шереметеву и кн. Воротынскому вмѣстѣ съ Ростовскимъ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ, Астраханскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ и двумя братьями Нагими перевезти тѣло царевича изъ Углича въ Москву.

К. Г. Маковскій. Убіеніе Димитрія Самозванца.

Какъ свидѣтельствуетъ самъ Филаретъ Никитичъ, посланные долго не могли отыскать могилу царевича, пока, наконецъ, не докопались до гроба, заключавшаго въ себѣ тѣло св. царевича. Сейчасъ же былъ произведенъ осмотръ св. мощей: «въ ту пору отъ гроба весь храмъ наполнился многимъ благоуханіемъ, и мощи благовѣрнаго царевича цѣлы и ничѣмъ нерушимы, и оже-

[41]) Исторія Россіи С. Соловьева т. VIII, стр. 144.
[40]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты.

рельице низано жемчужное есть и съ пуговицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ ширіночка шерстяная, шита золотомъ и серебромъ, тоже цѣла, и саванъ на немъ цѣлъ, и покрытъ кафтанцемъ камчатымъ... а сапожки на немъ цѣлы жъ, только подошвы у носковъ отстали»—доносили они въ Москву.

Св. мощи были перенесены въ Москву, и торжественно ихъ встрѣтилъ царь со своимъ народомъ и духовенствомъ. Мощи мученика-царевича были положены открытыми въ Архангельскомъ соборѣ «на увѣреніе людямъ и на обличеніе разстригину ложному ухищренію».

Однако, «тѣнь растерзаннаго самимъ же народомъ самозванца ускользнула, какъ призракъ, и снова понеслась въ излюбленную сѣверскую землю. Народъ, склонный ко всему чудесному, слѣпо вѣрилъ пущеннымъ оттуда слухамъ, что Димитрію удалось бѣжать изъ Москвы и что былъ убитъ не онъ, а его слуга»[42]).

Любопытно, что наканунѣ дня прибытія св. мощей царевича въ Москву, польскіе послы узнали отъ бояръ, что тѣло св. Димитрія царевича будетъ привезено *патріархомъ* Филаретомъ. Это не было оговоркою: Шуйскій, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе поставить въ патріархи именно Филарета, и онъ кратковременно пребывалъ въ достоинствѣ названнаго патріарха московскаго, но потомъ, вслѣдствіе какого-то замѣшательства, вскорѣ возвращенъ въ прежнее званіе митрополита ростовскаго[43]). Отчего это произошло? Шуйскій ясно сознавалъ, что Романовы слишкомъ опасны для него по своимъ правамъ на престолъ; съ одной стороны, онъ не хотѣлъ имѣть ихъ своими врагами и потому, очевидно, сначала заискивалъ передъ Филаретомъ Никитичемъ, но съ другой стороны, сдѣлавши шагъ къ возведенію Филарета на патріаршее мѣсто, онъ испугался и поспѣшилъ исправить то, что было только что сдѣлано. Вѣдь сейчасъ же послѣ убійства самозванца пошли слухи о томъ, что теперь во главѣ правленія долженъ стать кто-либо изъ Романовскаго рода; объ этомъ прямо говоритъ нѣмецкое донесеніе того времени изъ Нарвы—das einer von Romanowitzen soll gubernator sein. Для Шуйскаго, трусливаго и злого, вполнѣ было достаточно такихъ толковъ, чтобы начать исподволь унижать и тѣснить Романовыхъ, тѣмъ болѣе, что его собственная непопулярность становилась для него все яснѣе и яснѣе.

Возстаніе противъ Шуйскаго быстро вспыхнуло. Его однимъ изъ первыхъ поднялъ путивльскій воевода князь Григорій Шаховскій. Огнемъ мятежа одинъ за другимъ занимались города и области. Народъ не хотѣлъ полу-царя Шуйскаго, избраннаго кружкомъ бояръ, которые играли имъ, какъ ребенкомъ, и потому поддавался на навѣты и обѣщанія мятежниковъ, на убѣжденія авантюристовъ и хищниковъ. Въ народной массѣ развивались и росли инстинкты грабительства и жажда наживы. «Въ общемъ круженіи головъ», пишетъ Авраамій Палицынъ: «всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы хотѣли быть господами, чернь—дворянствомъ, дворяне—вельможами. Не только простые—простыхъ, но и знатные—знатныхъ и разумные—разумныхъ обольщали измѣною въ домахъ и въ самыхъ битвахъ говорили: «мы блаженствуемъ, идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ»... не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи, ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою—скирды хлѣба и домы—да будетъ Русь пустынею необитаемою»[44]).

Во главѣ людей смуты сталъ холопъ князя Телятевскаго Иванъ Болотниковъ. Со своими шайками онъ двигался въ Москвѣ, разбивая нѣсколько разъ полки Шуйскаго, и, наконецъ, остановился лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ, угрожая столицѣ.

Въ это-то время выступилъ великій патріотъ и подвижникъ святитель Гермогенъ, возведенный въ санъ патріарха 3 іюля 1606 г. Этого великаго мужа смѣло можно назвать первоначальникомъ русскаго спасенія. Онъ является первымъ представителемъ пробудившагося

---

[42]) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. II, стр. 118.

[43]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты 289—294.

[44]) Лѣтопись о мятежахъ.

въ русскихъ людяхъ здороваго національнаго чувства, выведшаго наше отечество изъ страшной пучины смуты и бѣдствій. Въ годы общаго шатанія, оставаясь «единъ и уединенъ», патріахъ велъ безпримѣрно героическую борьбу за, казалось бы, вполнѣ проигранное и погибшее дѣло русской самобытности. Онъ погибъ жертвой своей великой идеи, оставаясь ей вѣрнымъ вплоть до послѣдняго издыханія, но пламя патріотизма, возженное имъ, не погасло вмѣстѣ съ его кончиною, но, напротивъ, оно разгорѣлось еще ярче и выжгло на Руси плевелы смуты. «Въ то убо злое время», пишетъ одинъ изъ современниковъ: «аще не бы Господь положилъ на свѣтильницѣ церковнѣмъ таковое свѣтило, то мнози во тьмѣ еретичества заблудили».

Характерны отзывы о немъ письменныхъ памятниковъ: онъ «столпъ вѣры», «твердый адамантъ», «крѣпкій воинъ Христовъ». Всѣмъ бросалась въ глаза его необыкновенная нравственная крѣпость и стойкость. Гермогенъ всегда шелъ только прямою дорогой, въ его душѣ былъ заложенъ несокрушимый фундаментъ убѣжденій, изъ которыхъ онъ не могъ уступить ни одной буквы. Въ этомъ отношеніи онъ, вѣроятно, доходилъ до нѣкоторой суровости—«прикрутъ былъ въ словесѣхъ и воззрѣніихъ», несмотря на весь свой «нравъ благосердъ». Отъ этого, конечно, и зависѣло то, что и въ нѣкоторыхъ твореніяхъ того времени его обрисовывали съ невыгодной стороны непріязненные къ нему люди[45]). Но эти враждебные противъ него выпады тонутъ въ общемъ согласномъ хвалебномъ гимнѣ доблестямъ Святителя. Гимнъ этотъ былъ вполнѣ заслуженъ: человѣкъ святой жизни, рѣдкаго образованія, крупнаго литературнаго таланта посвящаетъ себя дѣлу защиты исконныхъ русскихъ началъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, несмотря на сознаніе своего полнаго одиночества. Это подвижникъ долга, хотѣвшій пробудить въ русскихъ людяхъ сознаніе своихъ обязанностей передъ родиной въ то время, когда большая часть народа отъ мала до велика—только и заботилась о личномъ благѣ, издѣваясь надъ дѣломъ обще-государственнымъ, надъ своей присягой, надъ самой вѣрой православною.

Началомъ широкой политической дѣятельности Гермогена на защиту русской государственности надо считать тотъ моментъ, когда онъ, въ правленіе Лжедимитрія, въ бытность свою Казанскимъ митрополитомъ, былъ назначенъ во вновь образованный «сенатъ». Первый же шагъ самозванца во вредъ православію и въ пользу католичества встрѣтилъ въ Гермогенѣ рѣшительный отпоръ. Когда самозванецъ заявилъ въ сенатѣ о своемъ намѣреніи жениться на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ безъ присоединенія ея къ православію и большинство сенаторовъ во главѣ съ поставленнымъ въ то время въ патріархи грекомъ-уніатомъ Игнатіемъ молчало, то Гермогенъ смѣло высказалъ свой протестъ вмѣстѣ съ Коломенскимъ епископомъ Іосифомъ: «непристойно», говорилъ онъ: «христіанину царю брать замужъ неправославную, вводить ее въ св. церковь и строить для нея римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь: изъ прежнихъ государей никто такъ не поступалъ, кромѣ нечестивыхъ». За это самозванецъ набросился на него съ бѣшенствомъ и велѣлъ сослать его въ Казань въ его епархію, грозя ему лишеніемъ сана и заключеніемъ въ монастырь.

Ставши патріархомъ при Василіи Шуйскомъ, Гермогенъ считалъ своимъ долгомъ защищать этого царя, прежде всего, какъ носителя монархическаго принципа. При нашествіи Болотникова, патріархъ разослалъ грамоты по городамъ, въ которыхъ онъ извѣщалъ о гибели Лжедимитрія, о перенесеніи св. мощей истиннаго царевича и о воцареніи Шуйскаго, законнаго нынѣ государя. Весьма вѣроятно, что эти грамоты оказали свое вліяніе на разложеніе болотниковскаго движенія, отъ котораго въ сторону Шуйскаго отошли многіе колеблющіеся, во главѣ съ Ляпуновымъ и Сумбуловымъ. Царскіе воеводы, среди

[45]) Напр. Хронографъ 1616—1617 г. Совершенно вѣроятно предположеніе одного изслѣдователя (С. Кедрова), что неблагопріятный отзывъ принадлежитъ протопопу Терентію, бывшему отъ Гермогена подъ запрещеніемъ за свою неблагонадежность.

которыхъ находился Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, одержали побѣду надъ Болотниковымъ, и онъ бѣжалъ въ Калугу.

Прежде всего Гермогенъ заботился объ очищеніи душъ своей паствы, чтобы направить ее на стезю раскаянія. Онъ вызвалъ бывшаго, уже ослѣпшаго патріарха Іова и устроилъ въ Успенскомъ соборѣ всенародное покаяніе въ прежнихъ измѣнахъ. Въ 1608 году въ октябрѣ опять былъ установленъ недѣльный покаянный постъ. Тогда уже въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ стоялъ окруженный польско-литовскими и казацкими отрядами Лжедимитрій II—тушинскій воръ, котораго Марина Мнишекъ признала своимъ мужемъ. Москва, оцѣпленная полчищами чужеземцевъ и смутьяновъ, голодала. Была осаждена поляками и измѣнниками Троицкая Лавра, но геройской обороной защитники русской святыни сумѣли показать всѣмъ примѣръ. Шестнадцать мѣсяцевъ длилась осада, и кончилась отступленіемъ осаждавшихъ. Патріархъ Гермогенъ съ келаремъ Сергіевской обители побуждалъ царя подать помощь осажденной Лаврѣ, потому что съ нею погибъ бы «весь предѣлъ Россійскій до океана моря, конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ».

Святитель твердо вѣрилъ, что «святая и Богомъ любимая Русь не погибнетъ». Когда мятежники въ самой Москвѣ набросились на патріарха съ великою дерзостью и поруганіемъ, указывая ему на незаконность избранія на царство Шуйскаго, то онъ твердо заявилъ: «Доселѣ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Тверь, ни Астрахань, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала, что кровь льется, то не вина царя». Однако, защита Гермогеномъ Шуйскаго была дѣломъ безнадежнымъ. Вспыхнула было надежда на спасеніе въ лицѣ князя Скопина-Шуйскаго, но его безвременная смерть, а затѣмъ пораженіе поляками царскаго брата Димитрія Шуйскаго стали концомъ для царя Василія: онъ былъ низвергнутъ и постриженъ насильственно. До конца стоялъ за Шуйскаго Гермогенъ, но его голосъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ... Развѣнчанный царь былъ отданъ въ руки поляковъ. Правленіе перешло въ руки семи бояръ изъ Думы, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Мстиславскій.

Въ то же время по мѣрѣ силъ своихъ боролся съ крамолой «чистый сердцемъ передъ людьми и Богомъ» Филаретъ Никитичъ. Онъ былъ лучшимъ и достойнѣйшимъ сподвижникомъ святителя Гермогена. Когда въ 1608 году Сапѣга съ ляхами возмутилъ Суздаль и Переяславль противъ царя Василія, Филаретъ находился въ Ростовѣ. Ростовцы со слезами молили его, чтобы онъ уѣхалъ изъ Ростова въ Ярославль, онъ же отказался, говоря: «Я не хочу быть наемникомъ, но хочу быть истиннымъ пастыремъ овецъ, врученныхъ мнѣ,—ради нихъ я и душу свою положу. Вы же крѣпко станьте противъ враговъ: если побѣдите ихъ, свободу себѣ получите; если же мы побиты будемъ, то получимъ отъ Господа награду». Воевода Ростовскій и его приближенные уда-

В. П. Верещагинъ. Осада Троицкой Лавры. Музей Императора Александра III.

лились въ Ярославль, митрополитъ же вошелъ въ соборную церковь и облекся въ святительскія одежды; вмѣстѣ со своимъ архипастыремъ въ церкви затворилось множество гражданъ. Всѣ они во главѣ съ митрополитомъ пріобщились св. Таинъ и приготовились къ смерти. Въ это время въ городъ ворвались Литва и измѣнники, перебили много людей и устремились къ церкви. Около затворенныхъ дверей храма завязался бой. Напрасно митрополитъ старался увѣщевать переяславцевъ на истину обратиться и вспомнить крестное цѣлованіе, но они еще болѣе разсвирѣпѣли, выломали двери, ворвались въ храмъ вмѣстѣ съ ляхами, и началось избіеніе находившихся тамъ ростовцевъ. Храмъ былъ разграбленъ, мощи чудотворца Леонтія подверглись поруганію, и на митрополитѣ изодрали всю его святительскую одежду и, облекши его въ худыя одежды, отправили къ тушинскому вору [46]).

Патріархъ Филаретъ
(Романовская галлерея въ Петербургѣ).

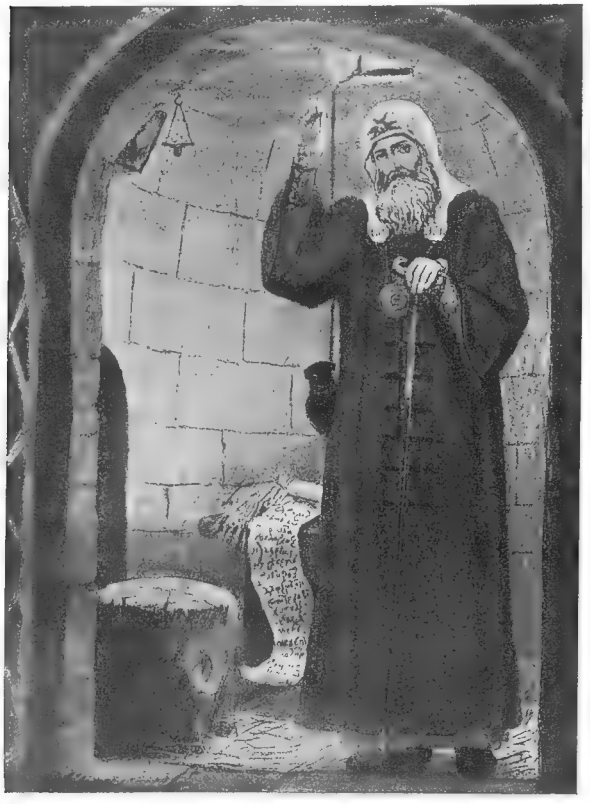
Самозванецъ принялъ Филарета Никитича со многимъ почетомъ, какъ своего мнимаго родственника, далъ ему золотой поясъ и святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи. Окруженный въ Тушинѣ знаками патріаршескаго сана, Филаретъ, по словамъ Авраамія Палицына, «разуменъ сый и не преклонился ни на десно, ни на лѣво, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ». Тактика тушинскаго вора, старавшагося доказать, что Романовы съ нимъ заодно, никого не обманула. Грамоты Гермогена, писанныя въ 1609 году, называли его «плѣнникомъ»: «а которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ, и прочіе, не своею волею, но нужею, и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, таковыхъ мы не порицаемъ».

Со вторженіемъ короля Сигизмунда III въ русскіе предѣлы надвигалась конечная бѣда для русскаго государства. Хотя тушинскій лагерь и распался, и воръ ушелъ отъ Москвы въ Калугу, а потомъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приверженцевъ, но тучи смуты не только не расходились, но сгущались все грознѣе и грознѣе. Среди бояръ созрѣло рѣшеніе возвести на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Но патріархъ Гермогенъ, требовавшій призванія на престолъ русскаго, настоялъ, чтобы польскій королевичъ принялъ православіе, казнилъ смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ православія въ латинство, женился на русской, не раздавалъ бы въ Россіи должностей полякамъ—кромѣ того, бояре требовали, чтобы онъ ничего не предпринималъ въ верховномъ управленіи безъ согласія боярской думы, а въ законодательствѣ и налогахъ безъ одобренія земскаго собора. Этими ограниченіями власти царской русскіе люди хотѣли защитить свою вѣру, свою самобытность отъ польско-католическихъ захватовъ. Гетманъ Жолкѣевскій принялъ всѣ условія и далъ клятву за королевича, и москвичи стали цѣловать крестъ Владиславу.

Послѣ страшной внутренней борьбы далъ на все это свое согласіе Гермогенъ, однако, онъ

[46]) Новый лѣтописецъ.

скоро убѣдился, что у поляковъ на умѣ совсѣмъ другіе планы и намѣренія. Бояре, вопреки патріарху, сдали полякамъ Кремль и Китай-городъ. Жолкѣевскій уговорилъ отправить подъ Смоленскъ къ Сигизмунду въ великомъ посольствѣ тѣхъ именно лицъ, которыя были наиболѣе опасны для Владислава—отца Михаила Ѳеодоровича Романова, митрополита Филарета Никитича, освобожденнаго въ то время отъ тушинцевъ послѣ двухмѣсячнаго плѣна, и князя Василія Голицына, тоже намѣчавшагося въ государи. Тамъ они оказались попросту въ плѣну. Будучи въ великомъ посольствѣ, Филаретъ «подвизашеся, чтобъ пострадать за православную христіанскую вѣру и товарищей своихъ укрѣпляше». Въ глаза врагамъ говорилъ онъ, что «радъ страдать» за православіе, и не сдался на ихъ увѣщанія, какъ сдавались другіе. Его твердость повела къ тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословенія и «начаша его почитать и честь ему воздавать велію», когда онъ былъ плѣннымъ въ Польшѣ. Лѣтопись разсказываетъ, что Филаретъ грозно обличалъ самого короля въ вѣроломствѣ; когда Сигизмундъ задумалъ отправить русскихъ пословъ въ Смоленскъ съ требованіемъ сдачи: «зачѣмъ ты посылаешь насъ въ городъ, чтобы сдался Смолепскъ», говорилъ Филаретъ Никитичъ. «Ты обѣщалъ намъ дать на царство сына своего, и, когда онъ воцарится, не только Смоленскъ, но и все Московское государство будетъ сына твоего, а ты разоряешь и пустошишь вотчину его, разсылаешь людей своихъ во всѣ города московскіе, берешь ихъ въ плѣнъ, сжигаешь, убиваешь людей и земли опустошаешь. Ты это дѣлаешь не какъ отецъ, а какъ врагъ и непріятель» [47]).



В. Васнецовъ. Святитель Гермогенъ, патріархъ всея Россіи въ заточеніи въ подземеліи Чудова монастыря 1612 г. 17 февраля.

Въ самомъ дѣлѣ, король скоро пересталъ скрывать свои настоящія намѣренія. Изъ-подъ Смоленска въ Москву прибылъ измѣнникъ Ѳедоръ Андроновъ съ приказомъ готовить москвичей къ присягѣ самому королю Сигизмунду. Польша уже смотрѣла на Русь, какъ на свою добычу. Измѣна въ Москвѣ свила прочное гнѣздо. Тамъ въ то время, по словамъ современника, «оскудѣша премудрые старцы и изнемогоша чудные совѣтники и отъя Господь крѣпкія земли». Во главѣ управленія стали предавшіеся полякамъ русскіе измѣнники въ родѣ Андронова и Салтыковыхъ.

Гермогенъ понялъ, что «иному некому пособить ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ», и геройски сталъ на великую стражу Россіи. Когда Михайло Салтыковъ явился къ нему и началъ

[47]) Новый лѣтописецъ.

рѣчь о Сигизмундѣ, «все на то приводя, чтобы крестъ цѣловать королю», патріархъ властно прекратилъ его разговоры. Но Салтыковъ не унялся; на слѣдующій день онъ пришелъ съ боярами правительствующей Думы и потребовалъ разрѣшенія народу отъ патріарха присягать королю, но Гермогенъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и благословеніемъ русскимъ людямъ итти на Москву и помереть всѣмъ за вѣру православную. Въ ярости Салтыковъ бросился съ ножомъ на святителя. Тогда Гермогенъ, поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ и въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ».

П. Чистяковъ. Патріархъ Гермогенъ отказывается подписать грамоту о роспускѣ войскъ.

Своимъ словомъ, своими грамотами старецъ патріархъ сталъ поднимать народъ на борьбу съ поляками. Правду писали жители Ярославля въ своей грамотѣ: «Если бы патріархъ Гермогенъ не учинилъ такого досточуднаго дѣла, то никто, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, не смѣлъ бы молвить ни одного слова». Теперь Гермогенъ сталъ «начальнымъ человѣкомъ земли русской», и на его одинокій голосъ раздались отклики съ разныхъ сторонъ. Въ своихъ грамотахъ онъ кликнулъ кличъ по областямъ «всѣмъ, не мѣшкая, собрався со всѣми городы, итти вооруженными ополченіями къ Москвѣ на польскихъ и литовскихъ людей». Гонцы съ подорожными отъ патріарха и съ призывными его грамотами скакали по всѣмъ областямъ. Русскіе люди поднимались на эти призывы, просыпалось національное чувство, просыпалась національная совѣсть.

Снимокъ Казанской чудотворной иконы Богоматери, что въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ.

Къ Пасхѣ 1611 года къ Москвѣ уже подходило первое ополченіе противъ поляковъ, неся, какъ хоругвь, Казанскую икону Божіей Матери, снимокъ съ той явленной иконы, которую «взялъ отъ земли» Гермогенъ, еще будучи священникомъ въ Казани. Прибылъ Ляпуновъ съ рязанцами и приволжскими отрядами, явился Трубецкой съ калужанами, и Просовецкій и Заруцкій съ казаками.

Тогда уже Гермогенъ измѣнниками и поляками былъ брошенъ въ подземелье Чудова монастыря—его «во храминѣ пустѣ, яко во гробѣ, затвориша», говоритъ лѣтописецъ. Ему въ окно спускали хлѣбъ и воду. Но и тутъ не прекратилась его работа на спасеніе отечества. Онъ успѣлъ изъ своего заключенія послать свою грамоту въ Нижній Новгородъ. Это былъ его послѣдній предсмертный призывъ. Въ заточеніи онъ не переставалъ молиться за родную страну и, какъ благовонный ѳиміамъ, шли отъ желаннаго сердца богомольца патріарха его молитвенныя слова къ Господу.

Между тѣмъ, польскій король уже взялъ приступомъ Смоленскъ, и шведы, овладѣвши Псковомъ, осаждали Новгородъ. Первое русское ополченіе распалось и кончилось полною неудачей.

Дѣло Гермогена продолжила Троицкая Лавра, во главѣ которой стояли ученикъ и ставленникъ мученика-патріарха архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Они посадили въ келліяхъ писцовъ скорыхъ, которые писали одну за другою грамоты, призывающія возстать противъ враговъ за святую вѣру и отечество. Монахи садились на коней и развозили эти грамоты по городамъ.

Особенно могучій подъемъ народнаго духа грамоты троицкія вызвали въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ и развилось то великое народное движеніе, во главѣ котораго сталъ торговый человѣкъ Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукій.

Участь Гермогена была рѣшена. Онъ угасалъ въ своемъ подземельѣ. Враги попытались было еще разъ угрозами склонить его на свою сторону: они требовали, чтобы онъ своимъ проклятіемъ остановилъ двигавшіяся на Москву ополченія. «Онъ же, великій государь-исповѣдникъ, отвѣтилъ»,—разсказываетъ намъ лѣтопись: «Да будетъ надъ тѣми, кто идутъ на очищеніе московскаго государства, милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе, а на окаянныхъ измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Тогда враги его «по многомъ страданіи и тѣснотѣ уморили голодною смертью». Онъ скончался 17 февраля 1612 года.

В. Васнецовъ. Архимандритъ Діонисій диктуетъ грамоту, призывающую народъ на спасеніе отечества.

Но заря спасенія восходила и разгоралась все ярче и ярче. Народныя ополченія подъ водительствомъ князя Дмитрія Пожарскаго въ августѣ 1612 года были уже подъ Москвою. Польскія войска подъ командою Хоткевича были разбиты въ нѣсколькихъ битвахъ. Польскій гарнизонъ заперся въ Кремлѣ и, терпя страшный голодъ, долго отбивался. Поляки, чтобы освободиться отъ лишнихъ ртовъ, выпустили изъ Кремля семьи бояръ и въ ихъ числѣ семью бояръ Романовыхъ съ юнымъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. 22-го октября былъ взятъ приступомъ Китай-городъ,

а вскорѣ Струсь сдалъ Пожарскому и Кремль. Въ память освобожденія Москвы отъ поляковъ была воздвигнута церковь на Красной Площади — нынѣ Казанскій соборъ.

Маковскій. Мининъ призываетъ Нижегородское населеніе на защиту Москвы. Картина находится въ Н.-Новгородѣ въ Музеѣ.

На очереди стоялъ вопросъ первостепенной важности объ избраніи царя. «Начальники же и вси людіе, видя надъ собою милость Божію, начаша думати, како бы имъ избрати

государя на Московское государство праведна, *чтобъ данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ*», говоритъ лѣтопись [48]).

Земскій совѣтъ при кн. Пожарскомъ разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ бѣдственное положеніе Россіи ставилось въ зависимость отъ отсутствія царя: «Безъ государя московское государство ничѣмъ не строится и воровскими заводы на многія части раздѣляется, и воровство многое множится... И впредь московскому государству безъ государя никоторыми дѣлы строиться не можно». Поэтому русскіе люди должны были учинить между собою крѣпкій совѣтъ и договоръ, выбрать изъ всѣхъ городовъ лучшихъ и разумныхъ постоятельныхъ людей для земскаго великаго совѣта и государскаго обиранія и прислать ихъ къ Москвѣ, чтобы выбрать государя царя и великаго князя всея Руси, «кому поручитъ Богъ скиѳетръ Московскаго государства въ державу».

Въ декабрѣ уже стали съѣзжаться выборные люди изъ городовъ, а въ январѣ 1613 года земскій соборъ уже дѣйствовалъ. На предварительныхъ частныхъ совѣщаніяхъ стало все чаще и чаще повторяться имя Михаила Ѳеодоровича Романова. Онъ былъ дорогъ народу сходствомъ по своей кротости съ родственникомъ своимъ царемъ Ѳеодоромъ: «Подобенъ ему тихимъ нравомъ, кротостью, смиреніемъ и благоувѣтливостью» [49]). На него указывалъ еще святитель Гермогенъ, говорившій, что Романовъ больше другихъ имѣетъ право на престолъ. Къ Авраамію Палицыну еще до засѣданія собора приходили многіе люди, открывали свой совѣтъ объ избраніи царемъ Михаила Ѳеодоровича и просили келаря, чтобы онъ возвѣстилъ объ этомъ державствующимъ боярамъ и воеводамъ [50]). Среди всѣхъ кандидатовъ на московскій престолъ Михаилъ Романовъ былъ самымъ излюбленнымъ: на немъ сходились люди разныхъ сословій до буйныхъ казаковъ включительно. Гласъ народный, дѣйствительно, тутъ былъ гласомъ Божіимъ.

Находившійся на чужбинѣ Филаретъ Никитичъ горячо радѣлъ о благѣ родины. Онъ писалъ Ѳ. И. Шереметеву, какъ человѣку вліятельному, чтобы онъ крѣпче подумалъ о пользахъ отечества и добрыми представленіями склонялъ къ тому товарищей, и чтобы въ предстоящемъ земскомъ соборѣ было полное единодушіе. Онъ и не подозрѣвалъ, что земскіе люди почти совсѣмъ остановили свой выборъ на его сынѣ [51]).

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой въ 1612 году.

Трехдневнымъ постомъ, очищавшимъ русскихъ людей отъ грѣховъ смуты, начался земскій соборъ, безспорный и всесословный съ участіемъ посадскихъ и даже сельскихъ обывателей. Сначала, какъ разсказываетъ лѣтопись, согласія не было: много они изыскивали, избирая, и не могли ни на одномъ согласиться—одни называли того, другіе другого,

[48]) Русская лѣтопись по Никонову списку.
[49]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V.
[50]) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря А. Палицына.
[51]) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. 314.

и каждый хотѣлъ по своей мысли учинить. Многіе изъ вельможъ, желая царемъ быть, шли на подкупы, давали денегъ и обѣщали многіе дары. «Но Богу не извольшу ни единому быти отъ нихъ на таковое избраніе, но хотя паки возвести на царскій престолъ отъ рода царскаго, да не изсякнетъ царскій родъ»[52]). Твердо рѣшено было не допускать къ царскому престолу никого изъ иноземцевъ: «литовскаго и шведскаго короля, и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ, и нѣкоторыхъ государствъ иноземныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть».

Знамя князя Пожарскаго.

Но, вотъ, въ соборъ стали поступать одно за другимъ «писанія» отъ дворянъ, большихъ купцовъ, отъ городовъ сѣверской земли, даже отъ казаковъ, и въ этихъ писаніяхъ говорилось о Михаилѣ Романовѣ. На самомъ соборѣ дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно выбрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту?» Тутъ вышелъ донской атаманъ тоже съ письменнымъ мнѣніемъ: «что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его Пожарскій. «*О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ*», отвѣтилъ онъ. Это рѣшило дѣло. Тогда, говоритъ лѣтопись, всѣ единогласно, одними устами завопили: «да будетъ царемъ Михаилъ Ѳедоровичъ». Постановивши это, участники избранія съ радостью и весельемъ пошли въ соборъ молебенъ пѣть, при чемъ многіе отъ радости плакали, ибо не надѣялись до того на царскомъ престолѣ истиннаго царя видѣть, но думали, что быть Москвѣ въ рабствѣ у иноплеменниковъ[53]).

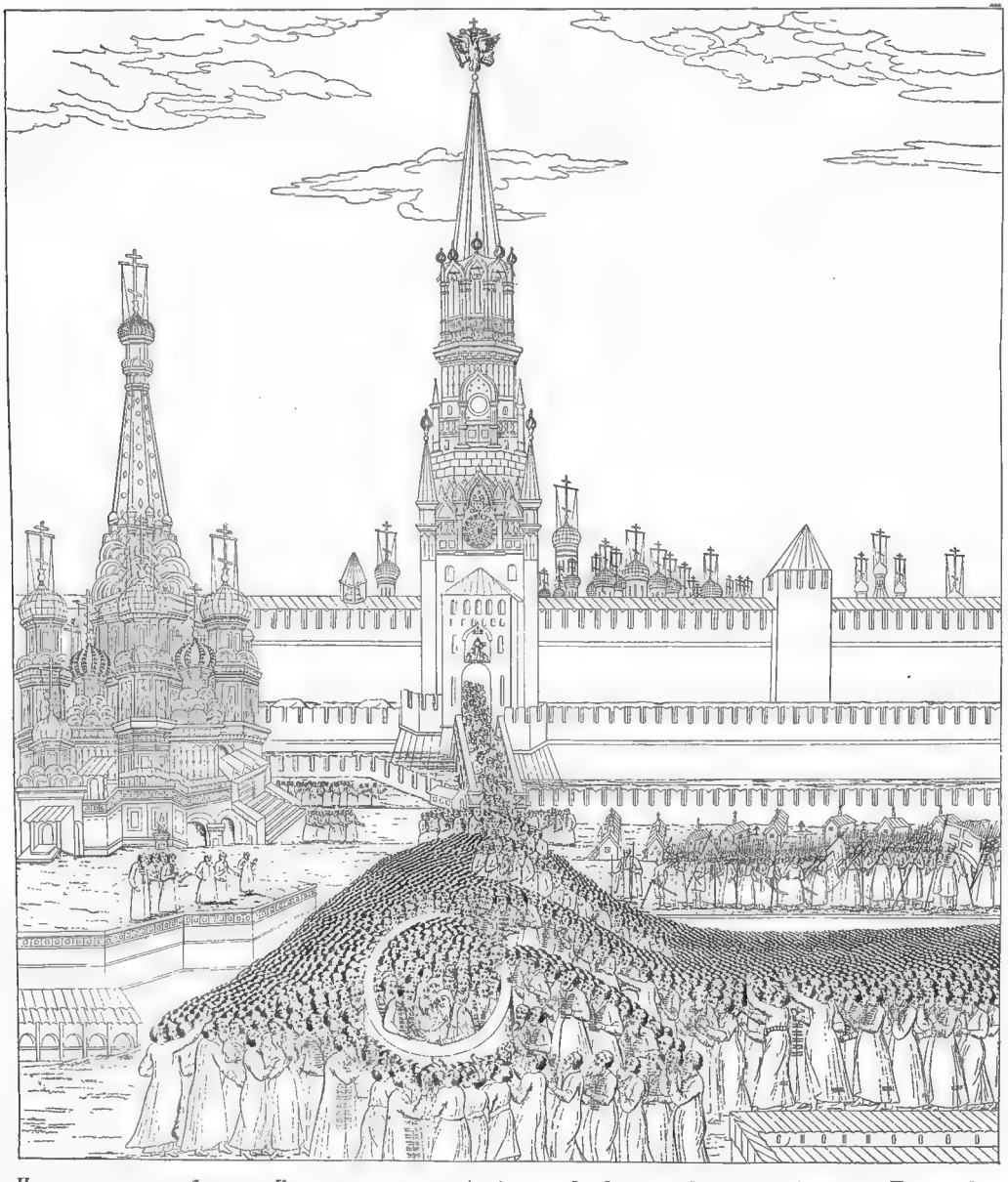
Тѣмъ временемъ пріѣхали запоздавшіе на соборъ выборные, вернулись также и посланные по городамъ узнать мысль народа о новомъ избранникѣ, и всѣ они принесли единодушный отвѣтъ народа съ радостнымъ согласіемъ на избраніе царемъ Михаила Романова. 21 февраля 1613 года происходилъ послѣдній соборъ, на которомъ каждый чинъ подалъ письменный отзывъ, и всѣ отзывы единогласно указывали: «да будетъ Михаилъ царемъ государемъ». Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Авраамій Палицынъ, Новоспаскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ В. П. Морозовъ взошли на лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари? «Михаила Ѳеодоровича Романова», былъ отвѣтъ.

Тогда великая земская дума назначила ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Ѳеодориту архіепископу съ троими архимандритами, троицкимъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ,

---

[52]) Новый лѣтописецъ.
[53]) Новый лѣтописецъ.

протопопами и боярами. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ, и въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ». Въ это время



Послы земскаго собора на Красной площади. Архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ и боринъ Морозовъ спрашиваютъ съ Лобнаго мѣста у народа Московскаго, кого онъ желаетъ въ государи (Изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова»).

Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью инокиней Марѳой, жилъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Послы выѣхали изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде, отъ 25-го февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила:

Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. 14-го числа, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ: Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались; давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, «чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрѣлъ: выбрали его по изволенію Божію, а не по его желанью. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень — царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству,

Видъ Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ.

многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились; все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его, чтобъ онъ воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разоренье государства; подъ дѣйствіемъ такихъ чрезвы-

чайныхъ убѣжденій Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ полагаются на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; и мать благословила сына, Михаилъ принялъ царскій посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова пословъ, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе—были вполнѣ справедливы. Михаилъ всходилъ на престолъ по единодушной волѣ будущихъ своихъ подданныхъ, извѣдавшихъ всю горечь анархіи. Это избраніе было свято и непорочно: народъ избралъ себѣ въ цари *невиннѣйшаго*—чистаго сердцемъ юношу изъ незапятнаннаго никакими темными дѣлами, чистаго рода, къ тому же связаннаго тѣсными узами родства съ угасшимъ царскимъ родомъ. Этотъ избранный на царство юноша въ стѣнахъ монастыря былъ огражденъ отъ смуть и суеты житейской. Народъ видѣлъ въ немъ *Божьяго избранника*, и самое свое единодушіе въ его избраніи толковалъ, какъ Господнее направленіе. Юный царь предсталъ передъ своимъ народомъ въ ясномъ ореолѣ чистоты и Божьяго предопредѣленія, и народъ склонялся передъ нимъ съ чувствомъ глубокаго умиленія и безграничной любви. Это былъ подлинный, *настоящій* царь, которымъ жила его держава, ради котораго и нужно, и должно было его подданнымъ отдать всю свою кровь и жизнь.

До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія и охраненія новаго царя, призваннаго возстановить государственный нарядъ, показывалъ всего лучше извѣстный подвигъ Сусанина, отдавшаго свою жизнь за юнаго Михаила [54]).

19-го марта выѣхалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Костромы въ Ярославль. Послѣ недолгаго его пребыванія въ обители преподобнаго Сергія, 2-го мая Москва торжественно и восторженно встрѣтила юнаго царя, а 11-го іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило его вѣнчаніе на царство.

Памятникъ Сусанину въ Костромѣ.

[54]) См. «Памяти Ивана Сусанина» В. А. Самарянова. Кострома. 1882 г.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.
1613—1645.

Государь Царь и Великий Князь Самодержецъ Всероссійскій.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.

1613—1645.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.
1613—1645.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй основатель русскаго государства — Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

«Излюбленный всею землею» Михаилъ Ѳеодоровичъ взошелъ на долго сиротѣвшій московскій престолъ. «Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога», говоритъ объ его избраніи лѣтописецъ [1]). Задача огромной трудности предстояла юному царю. Его государство лежало въ развалинахъ. «Люди уступали свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ, враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ, могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ невѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходили обсушиться. И лѣса не спасали: люди, покинувъ звѣроловство, ходили со псами на ловлю людей, матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ рты и душили ихъ до смерти».—Такими яркими красками набрасываетъ картину конечнаго разоренія русской земли современникъ [2]). Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ вывести Россію изъ состоянія такого жуткаго одичанія, онъ долженъ былъ съ самаго основанія возстановить разрушенное до тла русское государство и его столицу Москву. Поэтому его, по всей справедливости, за весь титаническій трудъ его царствованія, за дѣло «великаго поту и слезъ его» можно назвать вторымъ основателемъ русскаго государства.

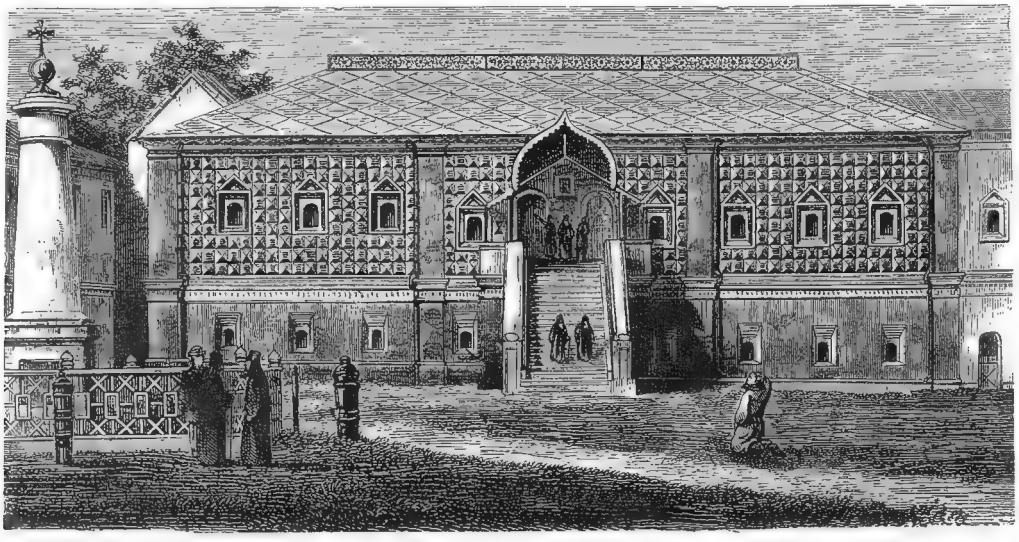
---

[1]) Авраамій Палицынъ.

[2]) Лѣтопись о многихъ мятежахъ А. Палицына.

Сдѣлаемъ же обзоръ дѣлъ его царствованія.

Соборъ устами своихъ посланцевъ просилъ «великаго государя умилиться надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство россійскаго царства отъ расплѣненія сыроядцевъ—отъ Польскихъ и Литовскихъ людей—собрать воедин-



Кострома. Дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича.

ство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу». «А какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, говорили послы: то, послыша про твой царскій приходъ, Литовскіе люди и всѣ твои государства недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди образуются».

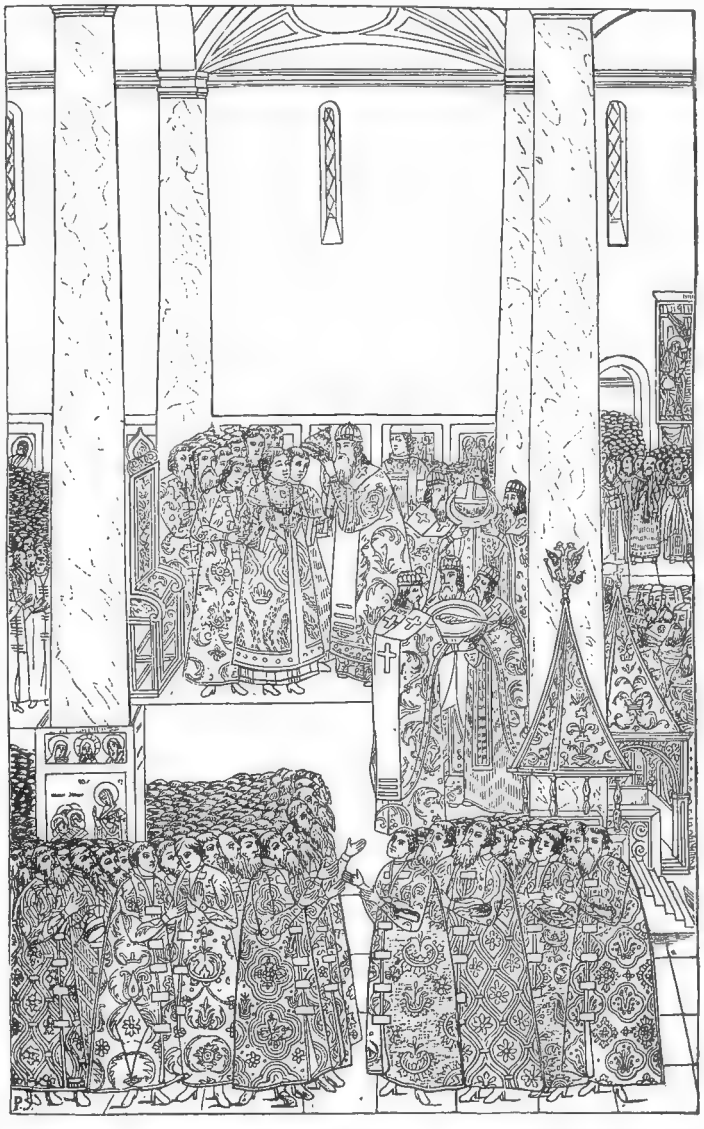
Въ этихъ словахъ высказаны тѣ упованія, которыя возлагались лучшими русскими людьми на новоизбраннаго царя, и, кромѣ того, въ общихъ чертахъ указываются тѣ ближайшія цѣли, къ исполненію которыхъ придется ему стремиться.

Россія со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Съ сѣвера ей грозили шведы, съ запада тѣснили поляки, съ юга и съ юго-востока всегда слѣдовало опасаться внезапныхъ набѣговъ татаръ, «черкасъ» и «воровскихъ людишекъ». Заруцкій бродилъ около Епифани, Лисовскій со своими «лисовчиками» рыскалъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ Орловской и Смоленской губерній въ какихъ-нибудь 250—300 верстахъ отъ Москвы. Самая Москва лежала въ развалинахъ, такъ что даже царю Михаилу не нашлось болѣе или менѣе подходящаго помѣщенія. Многіе города совсѣмъ какъ бы исчезли съ лица земли Русской, не говоря уже о селахъ и деревняхъ. Грабежи не прекращались. Молодому царю во время его пути въ Москву чуть ли не ежедневно являлись съ жалобами на казаковъ жители опустошаемыхъ городовъ, посадовъ, селъ.

Два года спустя уже, Антонъ Гетеерисъ, голландскій посолъ, отправленный въ Россію въ качествѣ посредника при мирныхъ переговорахъ со Швеціею, разсказываетъ, что на пути изъ Старой Русы въ Дедерино все время ихъ посольству приходилось ѣхать по опустошенной странѣ, ночевать въ лѣсу, такъ какъ вмѣсто деревень находили только обуглившѝяся головешки, а если и приходили въ случайно уцѣлѣвшее селеніе, то не находили въ немъ жителей и не могли ночевать въ избахъ, зараженныхъ запахомъ разлагающихся труповъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Россіи въ моментъ вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, и шестнадцатилѣтній царь былъ призванъ вновь возродить Россію. Какими же средствами обладалъ онъ для выполненія этой великой задачи?

Казна русская была совершенно пуста. Дѣло дошло до того, что остававшіеся въ Москвѣ для надзора бояре писали царю: «тѣхъ хоромъ, что государь приказалъ приготовить, скоро построить нельзя, да и нечѣмъ,—денегъ въ казнѣ нѣтъ, а плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли, надобно все дѣлать новое, а лѣсу пригоннаго скоро не добыть». Когда же они прислали въ отвѣтъ на требованіе царя роспись, сколько въ Москвѣ хранится запасовъ, то оказалось, что ихъ не хватитъ и для немногочисленной свиты царя. «Денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ, а Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей до конца разорено, города и уѣзды многіе отъ войны запустѣли, наши дворцовыя села и волости розданы были въ помѣстья и запустошены, а иныя теперь въ раздачѣ, и на нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованіе денегъ и хлѣба сбирать не съ кого», писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ 8 апрѣля 1613 года собору. Много надо было имѣть вѣры въ себя и въ Русскій народъ, чтобы не только не впасть въ отчаяніе, но и надѣяться на благопріятный выходъ изъ столь затруднительнаго положенія.



Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича. По книгѣ «Объ избраніи его на царство».

Михаилу Ѳеодоровичу нужно было пользоваться тѣмъ подъемомъ національнаго духа и національнаго самосознанія, который вспыхнулъ въ душахъ Русскихъ людей въ концѣ смутнаго времени. Нельзя было разсчитывать на продолжительность такого состоянія. Подъ вліяніемъ сильной усталости отъ бурнаго перваго десятилѣтія XVII вѣка неизбѣжно должна была наступить въ скоромъ времени

реакція, нѣкоторый упадокъ духа. И надо было не упускать удобнаго времени. Прежде всего слѣдовало приняться за ликвидацію тѣхъ дѣлъ, которыя грозили непосредственною опасностью: надо было расквитаться съ «воровскими людьми», и въ первую голову съ Заруцкимъ, который послѣ гибели тушинскаго вора сблизился съ Мариною, объявилъ ея сына—царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ и разъѣзжалъ съ ними изъ города въ городъ, грабя все по пути. Противъ него былъ отправленъ князь Одоевскій. Но Заруцкій со своей подвижной шайкой былъ неуловимъ. Онъ, наконецъ, бросился къ Астрахани. Здѣсь онъ думалъ основать что-то въ родѣ собственнаго государства и, чтобы найти себѣ сильную поддержку, предлагалъ персидскому шаху принять его подъ свою высокую державу. Однако, его дружина была сильно утомлена постоянными скитаньями съ мѣста на мѣсто; самый составъ ея былъ непостояненъ. Этимъ искусно воспользовалось правительство, оно старалось ослабить войско Заруцкаго и привлечь хотя часть его на свою сторону различными обѣщаніями и посулами. «А чѣмъ будете вы скудны, писали въ Астрахань воеводы:—то, знайте, съ нами государевъ запасъ: вино, денежная казна, и сукна есть, ничѣмъ скудны не будете». Страшная жестокость его давно уже навлекла на него ненависть астраханскихъ жителей. Наконецъ, и самая его орда не могла уже болѣе переносить ея. Одинъ изъ его подначальныхъ атамановъ, нѣкій Усъ, рѣшилъ самъ стать главой шайки; онъ ночью захватилъ въ свою власть Заруцкаго и Марину съ сыномъ, послѣ того какъ они принуждены были бѣжать изъ Астрахани, осажденной правительственными войсками. Погоня, отправленная за ними, настигла ихъ, и казаки выдали своихъ недавнихъ атамановъ. Заруцкій и сынъ Марины были казнены, Марина же умерла въ тюрьмѣ [3]).

Знамя князя Пожарскаго.

Кромѣ Заруцкаго приходилось еще обратить вниманіе и на болѣе мелкія казацкія шайки и орды татаръ и черемисовъ, которыя разгуливали по всей Руси. Но съ ними справиться было гораздо легче, потому что никогда эти шайки не были особенно многочисленными, дисциплина у нихъ совершенно отсутствовала, и онѣ нерѣдко дрались другъ съ другомъ изъ-за лакомыхъ кусочковъ. Путемъ разсылки военныхъ отрядовъ, чаще путемъ обѣщаній и денежныхъ подарковъ удалось болѣе или менѣе покончить и съ ними.

Труднѣе было справиться съ неутомимымъ наѣздникомъ польскимъ—Лисовскимъ. Его легкій конный отрядъ съ непостижимой быстротой перелеталъ съ мѣста на мѣсто. Лисовскій оставлялъ далеко за собою московскихъ воеводъ, не привыкшихъ къ такой стремительности. Даже такой опытный вождь, какъ Д. М. Пожарскій, не могъ угоняться за нимъ. Въ концѣ концовъ, не видя пользы въ своихъ скитаніяхъ и не получая поддержки изъ Польши, Лисовскій ускользнулъ въ Литву. Съ его уходомъ Московское государство теряло послѣдняго изъ враговъ, которые были опасны для него внутри самой Россіи.

---

[3]) См. Исторія Россіи С. Соловьева. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ Н. Костомарова, т. II.

Теперь можно было съ болѣе спокойнымъ духомъ приниматься за урегулированіе нашихъ отношеній съ другими государствами.

Сношенія Россіи съ сосѣдними державами прекратились чуть ли не со времени смерти Бориса Годунова. Но въ началѣ 1613 года нужно было увѣдомить иностранныя государства, что въ Россіи наконецъ установилась твердая власть, извѣстить о вступленіи на престолъ новаго монарха. Какъ ни странно покажется на первый взглядъ, но всѣхъ теплѣе приняли русскихъ пословъ правители магометанскихъ государствъ. Шахъ Аббасъ извинялся за то, что хотѣлъ оказать помощь Заруцкому, и сказалъ: «Пусть Богъ меня убьетъ, если я брату моему, царю Михаилу Ѳеодоровичу какую неправду сдѣлаю». Мало того, вскорѣ онъ прислалъ Михаилу Ѳеодоровичу серебра на 7000 рублей. Послы русскіе въ Константинополѣ также были приняты радушно, но скорому улаженію дѣла постоянно мѣшали казаки, безпрестанно нападавшіе на турецкія владѣнія. Наконецъ, переговоры были благополучно кончены и здѣсь. Визирь заявилъ: «вы у насъ гости добрые, прихóдите къ намъ съ дѣломъ добрымъ и любительнымъ (дружескимъ), и государь нашъ велѣлъ вамъ почесть воздавать свыше всѣхъ пословъ великихъ государей, и ставить себѣ государя вашего великимъ и неложнымъ другомъ и пріятелемъ». Въ заключеніе султанъ двинулъ войска противъ Польши, которая въ это время собиралась наступать на Русь.

Гораздо холоднѣе отнеслись къ русскимъ посланникамъ западные государи. Такъ, императоръ Матѳей, по словамъ русскихъ, «къ государеву имени немного только приклонялся и шляпу снималъ, приказывалъ къ государю челобитье сидя же», а не стоя, какъ требовалось придворнымъ ритуаломъ. Въ грамотѣ, которую онъ прислалъ къ царю, говорилось, что онъ принялъ къ сердцу тяжелое положеніе Руси и постарается примирить ее съ Польшей, но самая грамота не упоминала ни имени, ни титула царя. А между тѣмъ, и то и другое—имѣли для Михаила Ѳеодоровича огромное значеніе. Это не была простая придирка къ буквѣ, къ мелкой формальной погрѣшности. Нѣтъ, для новаго царя крайне важно было, чтобы западными государями онъ былъ признанъ русскимъ царемъ; самый титулъ царскій, складываясь долгимъ историческимъ путемъ, въ то же время былъ своего рода историческимъ документомъ, показывавшимъ постепенное расширеніе власти русскаго царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и русскаго народа; вотъ, почему необходимо нужна была величайшая точность въ написаніи титула.

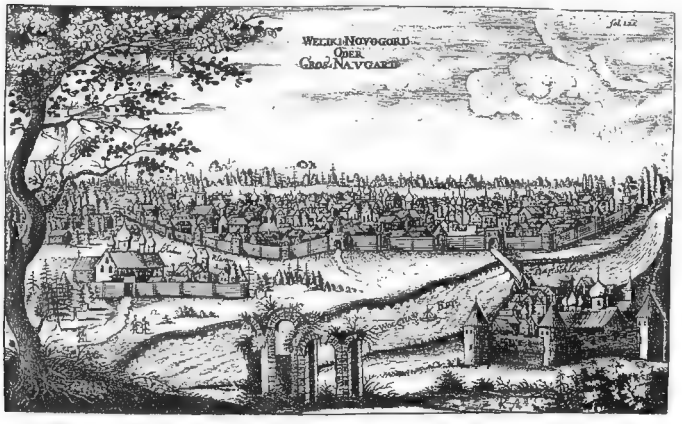
Пришлось вскорѣ же отправить новую миссію въ Австрію, уже въ другомъ составѣ. Но только при третьемъ посольствѣ удалось добиться соблюденія всѣхъ формальностей. Наконецъ, императоръ повторилъ обѣщаніе воздѣйствовать на Польшу въ пользу заключенія мира съ Русскими.

Торжественное шествіе Михаила Ѳеодоровича. Съ нѣмецкой гравюры того времени.

Посольство въ Голландіи добилось у генеральныхъ штатовъ обѣщанія помощи при мирныхъ переговорахъ со Швеціей.

Еще болѣе благопріятные результаты достигнуты были при дворѣ Іакова, короля англійскаго. Кромѣ того, что онъ пообѣщалъ «съ царемъ Михаиломъ вести дружбу свыше всѣхъ прежнихъ царей», обласкалъ пословъ и велѣлъ имъ надѣть шапки въ своемъ присутствіи, самъ стоя съ обнаженной головой и «приклякивая» (кланяясь) при имени Михаила Ѳеодоровича, онъ немедленно же назначилъ и англійскаго посредника, который долженъ былъ присутствовать при веденіи мирныхъ переговоровъ съ Густавомъ Адольфомъ.

Покончивъ болѣе или менѣе съ внутренними неурядицами, урегулировавши до нѣкоторой степени дипломатическія отношенія съ Западной Европой, Михаилъ Ѳеодоровичъ могъ, наконецъ, обратить свое исключительное вниманіе на двухъ крупныхъ своихъ противниковъ, все еще представлявшихъ большую опасность для Россіи,—на Швецію и на Польшу.



Великій Новгородъ. (Изъ «Путешествія Олеарія»).

Въ тѣ дни, когда всѣ потеряли голову и искали спасенія себѣ и Россіи, гдѣ придется, одна изъ новгородскихъ партій обратилась къ шведскому королю Карлу съ челобитьемъ, дать имъ въ государи кого-нибудь изъ своихъ сыновей. Густавъ-Адольфъ въ отвѣтъ извѣстилъ Новгородъ, что онъ шлетъ своего брата Карла Филиппа.

Новгородцы попали въ затруднительное положеніе: въ это время уже произошло избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, а къ нимъ направлялся намѣстникъ шведскаго короля, готовясь принять ихъ подъ шведскую державу. Съ одной стороны—голосъ сердца привлекалъ ихъ на сторону Михаила, съ другой—страхъ передъ могущественнымъ шведскимъ королемъ заставлялъ ихъ колебаться принести присягу царю. Они стали оттягивать рѣшительный отвѣтъ Густаву-Адольфу.

Наконецъ, прямодушный и рѣшительный князь Мещерскій на собраніи новгородскихъ начальныхъ людей заявилъ: «надобно намъ умереть за православную вѣру, а королю креста не цѣловать». Получивъ благословеніе игумена Хутынскаго монастыря, онъ наотрѣзъ сказалъ фельдмаршалу шведскому Горну: «Вы хотите души наши погубить, а намъ отъ Московскаго царства не отлучаться и королю креста не цѣловать». Такимъ образомъ, вопросъ о вѣрѣ православной и здѣсь далъ перевѣсъ въ пользу отказа отъ призванія на престолъ иноземнаго царя.

На этой почвѣ вспыхнула война со Швеціей.

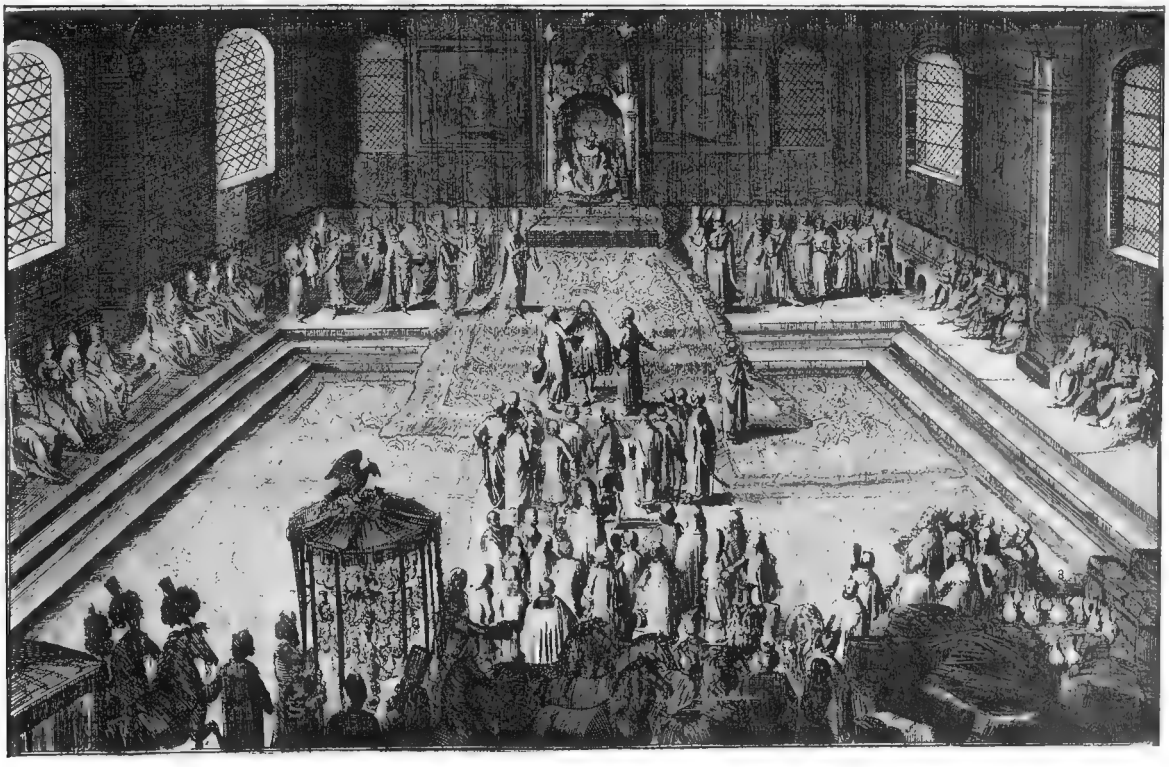
Горнъ осадилъ Псковъ, Делагарди—Бронницы, съ сѣвера спѣшилъ самъ Густавъ-Адольфъ, направляясь тоже къ Пскову. Надобно замѣтить, что всѣ трое отличались выдающимся воинскимъ талантомъ и большой опытностью, пріобрѣтенной въ нѣсколькихъ походахъ. Но войско шведовъ было утомлено многочисленными смѣлыми предпріятіями своего воинственнаго короля. Кромѣ того, война постоянно отвлекала лучшія силы изъ страны, которая благодаря этому мало-по-малу стала приходить въ упадокъ.

Густавъ-Адольфъ отлично понималъ, что борьба Россіи со Швеціей идетъ вовсе не изъ-за династическихъ интересовъ или изъ-за куска земельной территоріи. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что борьба происходила за Новгородъ и новгородскую область, которые представляли для русскихъ огромное экономическое и культурное значеніе.

Шведскій король видѣлъ, что русскіе не отдадутъ безъ долгаго и упорнаго сопротивленія ни Новгорода, ни другого болѣе или менѣе значительнаго пункта на театрѣ войны. Вотъ, почему онъ не особенно ревностно велъ осаду и въ то же время хлопоталъ при дворѣ Англіи и передъ Голландскими штатами о посредничествѣ. Того же добивался и Михаилъ Ѳеодоровичъ и его правительство. Англія и Голландія охотно послали своихъ

представителей въ Дедерино, гдѣ долженъ былъ состояться предварительный съѣздъ уполномоченныхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

На этомъ предварительномъ дедеринскомъ съѣздѣ были только формулированы основные пункты мирнаго соглашенія, которые должны были окончательно опредѣлиться на съѣздѣ «великихъ пословъ» черезъ два мѣсяца. Онъ состоялся въ Столбовѣ. Девять мѣсяцевъ тянулись переговоры. 27 февраля 1617 года былъ написанъ договоръ вѣчнаго мира Россіи со Швеціей. Шведы очищали Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Сулирскую волость, Ладогу, Гдовъ. Русскіе уступили Густаву-Адольфу Карелію и Лифляндію.



Пріемъ Голштинскаго посольства Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Съ Голландскаго офорта того времени.

Итакъ, какъ бы то ни было миръ былъ заключенъ, и русскіе не остановились передъ довольно тяжелыми условіями мира; Россія теряла часть своихъ земель и значительную по тому времени сумму денегъ, не говоря уже о потеряхъ людьми и о затратахъ на веденіе войны. Но для Россіи въ данный моментъ необходимо было окончить войну во что бы то ни стало, и, принявъ во вниманіе это обстоятельство, приходится признать, что миръ былъ заключенъ еще при сравнительно терпимыхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что къ серединѣ 1617 года достигла самаго большого развитія война Россіи съ Польшей. Причины ея и поводы къ ней—тѣ же, что были и у шведовъ. Послѣ смерти Шуйскаго, королевичъ Владиславъ былъ избранъ на царскій престолъ. Во время подъема національнаго самосознанія этотъ выборъ былъ отвергнутъ. Однако, Владиславъ считалъ себя царемъ Русскимъ. Сигизмундъ завладѣлъ пограничными русскими областями и оставался въ нихъ и послѣ того, какъ поляки были изгнаны изъ Москвы, и на царство былъ избранъ Михаилъ. Только послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ обнаружилось, что о мирномъ соглашеніи между Польшей и Россіей

не можетъ быть пока и рѣчи, и въ 1616 году началась война. Владиславъ не желалъ отказаться отъ престола, русскіе, конечно, не желали имѣть его своимъ царемъ.

Военныя дѣйствія сосредоточились въ Смоленской области. Мало-по-малу примѣнились русскіе къ польской манерѣ сражаться, и въ нѣсколькихъ битвахъ верхъ одержали уже они. Тогда Польша стала подумывать о мирѣ на почетныхъ условіяхъ; хотя въ армію былъ посланъ королевичъ Владиславъ, но ему было наказано—не отклонять и не противодѣйствовать заключенію мира съ Московіей. Долго войско Владислава стояло подъ Вязьмой безъ движенія, но, получивъ отъ сейма нѣкоторую, правда, очень небольшую сумму денегъ, Владиславъ тронулся дальше. Въ то время, какъ русскіе удачно состязались съ поляками у Калуги и Клина, Владиславъ рѣшилъ итти къ Москвѣ. Холода задержали его наступленіе. Съ приходомъ весны, онъ двинулся въ путь. Въ концѣ сентября 1617 года Владиславъ остановился въ Тушинѣ, Сагайдачный — малороссійскій гетманъ — появился у Донского монастыря. Москвичами овладѣла паника. «Думали Москвѣ быть взятой отъ королевича». Въ ночь на первое октября поляки бросились на приступъ. Имъ удалось прорваться въ одномъ мѣстѣ до Арбатскихъ воротъ, но дальше ихъ не пустили окольничій Никита Годуновъ и Данило Леонтьевъ. Другіе русскіе военачальники— кн. Мелецкій и Волконскій отбили натискъ враговъ. Съ наступленіемъ утра поляки, потерпѣвъ большой уронъ, принуждены были отступить, ничего не пріобрѣтя своимъ внезапнымъ приступомъ. Приближались опять холода, и полякамъ нужно было подумывать о зимнихъ квартирахъ. Русскіе были слишкомъ утомлены, чтобъ думать о продолженіи войны. Миръ былъ одинаково желателенъ—и полякамъ, и русскимъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, уступая общему желанію, началъ мирные переговоры. Мѣстомъ съѣзда была выбрана деревня Деулино, недалеко отъ Троицы. Исключительно тяжелое положеніе Россіи заставило Михаила Ѳеодоровича согласиться на неблагопріятныя для нея условія мира. Договоръ заключался срокомъ на 14½ лѣтъ. При размѣнѣ плѣнныхъ возвратился въ Россію Филаретъ Никитичъ, отецъ царя, задержанный поляками въ 1610 году въ плѣну.

Но этотъ миръ не могъ быть прочнымъ. Несомнѣнно было, что какъ только истечетъ срокъ перемирія, война между Россіей и Польшей вспыхнетъ съ новой силой. Русское правительство мало-по-малу стало готовиться къ ней; понемногу стягивались войска къ Смоленской области, въ Россіи былъ объявленъ повсемѣстный сборъ денегъ и провіанта и всякихъ вообще запасовъ для войны [4]).

Въ серединѣ 1632 года, когда истекъ, наконецъ, установленный деулинскимъ договоромъ мирный срокъ, русскія войска двинулись въ Смоленскую область. Въ Польшѣ въ это время умеръ Сигизмундъ, и, пользуясь междуцарствіемъ и нѣкоторою растерянностью поляковъ, русскіе одержали нѣсколько побѣдъ. Но Смоленскъ, сильно укрѣпленный еще русскими въ смутное время, задержалъ русскія войска. Тѣмъ временемъ, на польскій престолъ вступилъ Владиславъ и тотчасъ же двинулся съ войскомъ къ Смоленску. Русская армія была отрѣзана отъ сообщенія съ Россіей. Наступили сильные холода, а войско стояло въ открытомъ полѣ. Подвоза провіанта не было. Началась смертность отъ холода, голода и болѣзней. Престарѣлый Шеинъ, воевода русскій и герой первой осады Смоленска, отбившій всѣ нападенія непріятелей въ эпоху смуты, теперь палъ духомъ. Онъ рѣшилъ капитулировать. 19 февраля 1633 года русскія войска вышли изъ своего стана со свернутыми знаменами, съ погашенными пушечными фитилями, безъ музыки и барабаннаго боя, въ мрачномъ молчаніи. Поравнявшись съ королемъ, они сложили знамена передъ нимъ. Гетманъ, именемъ короля, приказалъ поднять ихъ и развернуть и, запаливъ фитили и ударивъ въ барабаны, русская армія прошла мимо Польскаго лагеря. Это печальное событіе такъ по-

[4]) См. «Письма рус. государей» М. 1848. № 371 и 378 Акты Моск. гос. I № 267—332.

разило всѣхъ, что Шеинъ былъ присужденъ къ смертной казни. Забыты были его прежнія заслуги, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе [5]).

Но у Бѣлой поляки потерпѣли рѣшительную неудачу.

— Это не Бѣлая,—говорилъ впослѣдствіи Радзивиллъ,—а Красная: столько крови польской пролили мы у ея стѣнъ.—Русскому правительству удалось вступить въ союзъ съ турецкимъ султаномъ, и турецкое войско направилось въ Польшу. Владиславу приходилось теперь думать уже не о завоеваніи, а о томъ, какъ бы самому отбиться отъ неожиданнаго нападенія. Вотъ, почему онъ первый предложилъ Россіи начать мирные переговоры. Въ апрѣлѣ 1634 года договорились до условій, пріемлемыхъ и той, и другой стороной. За Польшей оставались всѣ области, уступленныя въ 1618 году, но Владиславъ отказывался отъ правъ на русскій престолъ. Послѣ торжественнаго богослуженія и принесенія присяги, Вла-

Сцена преклоненія Шеина съ товарищами передъ Владиславомъ IV при отступленіи остатковъ Русской рати изъ-подъ Смоленска. Съ современной гравюры Гондіуса.

диславъ передалъ русскимъ посламъ грамоты, которыми онъ приглашался на русскій престолъ и сказалъ: «Надѣюсь, что съ Божьей помощью будетъ у насъ крѣпкая и вѣчная пріязнь съ государемъ вашимъ и братомъ моимъ,—передайте ему этотъ задатокъ нашего братства». Этимъ самымъ Владиславъ признавалъ права Михаила и навсегда отказывался отъ претензій на царскій престолъ.

Такимъ образомъ, послѣдній изъ претендентовъ былъ устраненъ. Былъ заключенъ «вѣчный миръ» съ Польшей.

Желѣзное кольцо непріятелей, окружавшее въ 1613 году со всѣхъ сторонъ Россію, было разорвано и къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича совершенно распалось. Но въ послѣдніе годы жизни Михаила вновь собрались грозовыя тучи на юго-востокѣ.

Юго-восточныя границы Россіи населены были казаками. Казаки постоянно сталкивались съ турками и татарами, съ которыми они были ближайшими сосѣдями, и этимъ вызывали раздраженіе султана противъ Россіи. Напрасно Михаилъ Ѳеодоровичъ отрекался отъ этихъ разбойныхъ людей,—султанъ не вѣрилъ его словамъ, а для Россіи война съ Турціей была очень нежелательна, такъ Русь была ослаблена.

Россія исподволь начала строить укрѣпленія на окраинахъ. Турція со своей стороны

---

[5]) Изборникъ А. Попова 417—318, 373. Олеарій, кн. III, гл. 6.

укрѣпила Азовъ, и тѣмъ совершенно отрѣзала казакамъ выходъ къ морю, а море было единственнымъ почти средствомъ пропитанія донскихъ казаковъ. Положеніе ихъ было безвыходное. Въ пылу раздраженія ими былъ убитъ посолъ султана, назначенный имъ въ Москву. Послѣ этого поступка война съ султаномъ оказалась неизбѣжной. Казаки прислали въ Москву атамановъ просить у царя помощи, а одновременно осадили Азовъ, взяли его и просили Михаила принять его подъ свою высокую руку. На соборѣ, который былъ созванъ по этому поводу царемъ, обнаружилось, что, хотя и очень желательно было бы пріобрѣсти Азовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и выходъ къ морю, но что «великая бѣдность и разоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, отъ великихъ податей» еще увеличатся въ случаѣ новой войны. И съ великимъ сожалѣніемъ было приказано казакамъ оставить Азовъ, лишь бы только сохранить миръ съ Турціей. Казаки ушли, на прощанье срывъ до тла всѣ укрѣпленія и разоривъ его. Опасность войны съ Турціей миновала, и у Россіи установились мирныя отношенія со всѣми государствами.

Такимъ образомъ, трудами слишкомъ тридцатилѣтней неустанной работы, цѣною огромныхъ потерь, Россія опять была поставлена въ рядъ со всѣми другими европейскими государствами. Михаилъ Ѳеодоровичъ признанъ былъ всѣми европейскими правительствами русскимъ царемъ, и династія Романовыхъ укрѣпилась на престолѣ.

Натянутыя отношенія съ сосѣдями и безпрестанныя войны, которыя пришлось вести Михаилу Ѳеодоровичу съ самаго вступленія на престолъ, заставляли московское правительство обращать главное вниманіе на внѣшнюю политику и отвлекли его отъ задачъ внутренняго управленія. А между тѣмъ 14 лѣтъ смуты нарушили равновѣсіе многихъ внутреннихъ отношеній. Лучшія силы страны были потребны на борьбу съ непріятелями. При такихъ условіяхъ не приходилось думать о какихъ-нибудь коренныхъ преобразованіяхъ, нельзя было задаваться какими бы то ни было реформаціонными замыслами. Прежде всего необходимо было озаботиться упорядоченіемъ разстроеннаго смутою государства, предоставивъ болѣе крупныя задачи будущимъ поколѣніямъ. Поэтому во внутренней жизни Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и не происходило какихъ-либо крупныхъ и неожиданныхъ переворотовъ и переломовъ. При немъ только развивались и завершались тѣ важные соціальные процессы, которые намѣчались уже въ предшествующія времена.

Одинъ только крупный факторъ долженъ быть отмѣченъ, какъ порожденіе этого именно періода. Это—начало западнаго вліянія на русскую жизнь. Правда, сношенія съ Западомъ были у насъ задолго до Михаила Ѳеодоровича, но они были совершенно случайны и вызывались только крайнею необходимостью и по минованіи ея прекращались впредь до новаго случая, создававшаго подобную же необходимость. Но въ XV—XVI вѣкахъ, преисполнившись своей національной исключительностью, русскіе смотрѣли на Западъ и на европейцевъ свысока и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Только тогда стало возможнымъ воздѣйствіе Запада на русскихъ, когда у насъ возникли начала самокритики, а они какъ разъ и явились результатомъ нашихъ неудачъ въ смутное время при ближайшемъ столкновеніи лицомъ къ лицу съ представителями и носителями западно-европейской культуры. Потому-то и усвоеніе ея началось въ Россіи съ перениманія «военныхъ хитростей» и того, что ближе всего соприкасается съ ними. Еще съ середины XVI вѣка Московскіе цари приглашаютъ на службу иноземныхъ бойцовъ. Они вѣрно служили Россіи и ея интересамъ. Ко второй польской войнѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ уже приготовилъ большой отрядъ англичанъ подъ командой полковниковъ Лесли и Сандерсона.

Для перевооруженія и переснаряженія войскъ по новому образцу понадобились большіе запасы металла. Закипѣла усиленная разработка ископаемыхъ богатствъ Россіи. Но русскіе и въ этомъ отношеніи были вполнѣ безпомощны, и опять приходилось звать на помощь иностранцевъ. Такъ положено было начало желѣзоплавильному дѣлу. Единствен-

ное условіе, которое ставилось при этомъ иноземцамъ—это «нашего бъ государства люди то ремесло переняли, и вы бъ въ томъ имъ помѣшки не чинили».

Вмѣстѣ съ этими мастерами явились и цѣлыя толпы спеціалистовъ по другимъ отраслямъ промышленности, потянулись вереницы купцовъ въ надеждѣ выхлопотать себѣ право безпошлинной торговли въ Россіи. Особенно конкурировали другъ съ другомъ на этомъ поприщѣ Голландія и Англія. Но русскіе выказали при этомъ необычайную осторожность и дальновидность, и всѣ ходатайства иноземныхъ купцовъ въ этомъ направленіи потерпѣли неудачу. Только въ началѣ царствованія Михаила англичане за многую ихъ государю службу получили право безпошлинной торговли сукнами; другимъ же націямъ и частнымъ лицамъ, просившимъ о томъ же, предоставлялось право монопольной безпошлинной торговли только на извѣстный небольшой срокъ. Къ концу царствованія его, въ уваженіе ходатайствъ русскихъ купцовъ, которые не могли «стянуть» съ иноземными, подавлявшими ихъ богатствомъ, мало-по-малу проводятся ограниченія чужестранныхъ гостей.

Съ своей стороны и русскіе постепенно стали расширять предѣлы своего вліянія. Конечно, оно могло простираться только на Востокъ. Къ 1645 году за тѣ потери, которыя Россія понесла въ войнахъ съ Польшей и Швеціей, она пріобрѣла 70.000 кв. миль на восточныхъ предѣлахъ. Казаки по рѣкамъ, этимъ естественнымъ путямъ, пробирались все въ глубь и въ глубь Азіи, приводя подъ высокую руку цареву новыя и новыя племена и земли. Былъ изданъ указъ: «кто захочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ рѣкѣ—и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ». Впослѣдствіи обѣщаны были еще болѣе льготныя условія тѣмъ, кто пожелаетъ колонизовать Сибирь[6]). Эти заботы увѣнчаны были открытіемъ въ Тобольскѣ епископіи, на которую былъ назначенъ игуменъ Хутынскій, знаменитый Кипріанъ, ободрявшій новгородцевъ во время шведской войны.

Что касается административнаго строя Россіи, то здѣсь вся задача правительства сводилась къ урегулированію расшатанныхъ смутою отношеній. Въ этомъ юный царь былъ безсиленъ, «но боголюбивая мать его, инока великая старица Марѳа, правила подъ нимъ (то-есть его именемъ), ибо отецъ его былъ тогда еще въ плѣну у короля польскаго», говоритъ сказаніе «о бѣдахъ и напастяхъ». Вѣрнѣйшими, постоянными помощниками царя на этомъ трудномъ поприщѣ были потомъ его отецъ—митрополитъ Ростовскій Филаретъ, по возвращеніи изъ плѣна утвержденный патріархомъ всея Руси, и земскіе соборы.

Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ представлялъ собою выдающееся явленіе въ государственной жизни конца XVI и начала XVII вѣковъ. Стоя въ силу своихъ родственныхъ связей съ царскимъ домомъ близко къ центру правленія, онъ имѣлъ возможность серьезно ознакомиться съ ходомъ государственныхъ дѣлъ въ Россіи. Отличаясь дальновидностью, энергіей и настойчивостью, онъ могъ бы примѣнить свои познанія ко благу родной страны. По возвращеніи изъ плѣна, Филаретъ быстро становится во главѣ правленія, что казалось всѣмъ вполнѣ естественнымъ. Такимъ образомъ, въ Московскомъ царствѣ установилось двоевластіе. Оказалось два великихъ государя всея Руси—великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Всѣ грамоты писались отъ имени ихъ обоихъ, доклады совершались имъ обоимъ, посольства принимались ими обоими и т. д. Молодой царь привыкъ во всемъ повиноваться отцу, ввѣряясь его опытности. Вотъ, почему Филаретъ не только «слово Божіе исправлялъ, но и земскія дѣла всѣ правилъ» [7]).

---

[6]) См. акты Истор. III № 85—234. Буцинскій, заселеніе Сибири. Харьковъ 1889.

[7]) См. «Исторія русской церкви» митрополита Макарія т. XI. Патріаршество въ Россіи кн. II, Патріархъ Филаретъ Никитичъ.

Суровая жизненная школа, природный широкій умъ и огромная практичность патріарха не могли не внушать довѣрія къ нему. Его прямота и откровенность дѣлали ему ненавистнымъ всякое уклоненіе отъ правды, и за подобные поступки патріархъ каралъ безпощадно. Всѣми мѣрами старался онъ вытравить слѣды того «малодушія» въ русскихъ людяхъ, которое отмѣтила инокиня Марѳа въ рѣчи къ посланцамъ великаго собора при извѣстіи объ избраніи ея сына на царство.

Патріархъ Филаретъ. Отецъ Михаила Ѳеодоровича. (По титулярнику).

Патріархъ Филаретъ отлично понималъ, что не время задаваться широкими планами, что врядъ только управиться съ мелкими, но настоятельными потребностями. Здѣсь вѣрнымъ помощникомъ и сотрудникомъ его и царя всегда былъ земскій соборъ. Время Михаила Ѳеодоровича—настоящая эпоха земскихъ соборовъ. Ни до него, ни послѣ—не созывались они такъ часто. Начиная съ великаго земскаго собора 1613 года, лишь только ожидалось какое-нибудь болѣе или менѣе крупное событіе въ жизни Россіи, немедленно шли указы сбивать всякаго чина всякихъ людей на государское обиранье. Количество депутатовъ на каждомъ изъ соборовъ и порядки выборовъ измѣнялись каждый разъ, такъ что единой нормы состава земскихъ соборовъ опредѣлить нельзя. Но нужно указать, что въ XVII вѣкѣ на соборѣ участвуютъ, дѣйствительно, всякаго чина всякіе люди. Соборъ былъ учрежденіемъ только совѣщательнымъ, но его мнѣніемъ царь очень дорожилъ и соглашался съ нимъ.

Помимо собора, царь иногда обращался къ свѣдущимъ людямъ, спрашивая ихъ совѣта о болѣе спеціальныхъ вопросахъ внутренней политики, и относился къ нимъ очень внимательно. Такъ, неоднократно Михаилъ созывалъ торговыхъ людей и гостей и просилъ ихъ высказаться по поводу просьбъ иноземныхъ кущовъ о различныхъ привилегіяхъ въ торговлѣ.

Печать Филарета Никитича.

И мѣры, принимаемыя правительствомъ, рѣдко шли въ разрѣзъ съ желаніями земскаго собора или свѣдущихъ людей. Такъ, въ единеніи съ народомъ, шла работа царя надъ объединеніемъ и упорядоченіемъ разстроенной и разоренной разрухой Русской земли. Изъ развалинъ и пепла Россія возникла и возродилась, какъ фениксъ. Изъ Московіи наша страна готовилась стать Россіей. Изъ отдаленной и дикой, внушавшей иностранцамъ страхъ своею грубостью страны, Русь становилась

мало-по-малу великимъ государствомъ. И Михаилу Ѳеодоровичу Романову выпала на долю огромной трудности задача—положить начало этому возвышенію Россіи. Много было сдѣлано имъ на этомъ пути, но еще болѣе осталось довершать его преемникамъ. Во всякомъ случаѣ, корни всей новой Россіи надо искать въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича.

Печать государыни великія старицы, инокини Марѳы Іоанновны.

Во всей многовѣковой исторіи Россіи, кажется, трудно найти другую эпоху столь же бурную и обильную войнами, какъ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Онъ вступилъ на престолъ при заревѣ пожаровъ, все царствованіе его—сплошной рядъ войнъ съ Польшей, Швеціей, сраженій съ воровскими людьми, казаками и т. п., и почти наканунѣ его смерти Россіи угрожало столкновеніе съ Турціей изъ-за Азова.

Судьба не баловала Михаила Ѳеодоровича Романова во дни его дѣтства. Ранніе годы жизни его прошли нерадостно для будущаго царя. Не говоря уже объ общемъ тяжеломъ положеніи Россіи, благодаря смутамъ и неурядицамъ, царившимъ на Руси, младенческій періодъ сложился для него особенно неблагопріятно—въ разлукѣ съ отцомъ. Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ былъ насильственно постриженъ въ монахи. Марья Ивановна Романова, жена Ѳеодора Никитича и мать будущаго государя всея Руси, также была пострижена въ иноческій чинъ съ именемъ Марѳы и тоже услана въ глухую обитель, а Михаилу Ѳеодоровичу только что исполнилось тогда пять лѣтъ.

Такимъ образомъ, мальчикъ былъ съ ранняго дѣтства лишенъ родительской ласки и наставленія. Строгія лица инокинь окружали его, и все дѣтство его протекло безъ товарищей и сверстниковъ, среди церковнаго пѣнія и долгихъ молитвенныхъ стояній и службъ. Подъ такими-то вліяніями складывался характеръ Михаила Ѳеодоровича. Неудивительно потому, что онъ всегда отличался молчаливостью, задумчивостью, кротостью и необычайнымъ уваженіемъ къ родителямъ. Онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на мучениковъ, пострадавшихъ за правду. Съ своей стороны, и мать его—инокиня Марѳа наложила свой отпечатокъ на характеръ сына, съ которымъ она не разлучалась ни на одинъ день.

Мать Михаила Ѳеодоровича, великая инокиня Марѳа Іоанновна (Романовская Галлерея).

Согбенная старческая фигура, опирающаяся на длинный костыль, сухое старушечье лицо, густыя черныя—несмотря на почтенный возрастъ — брови, почти сросшіяся, что, всегда служитъ признакомъ сильнаго характера, сурово сжатыя тонкія губы — вотъ образъ царицы Марѳы Ивановны, переданный намъ современнымъ художникомъ. Тѣ, кому приходилось видѣть этотъ портретъ, вѣроятно, обратили вниманіе, что на этомъ сморщенномъ старомъ

лицѣ огромные темные глаза горятъ затаеннымъ огнемъ, и только они одни выдаютъ истинный темпераментъ ихъ обладательницы. Дѣятельная помощница своего мужа, послѣ постриженія въ монашество, Марѳа Ивановна принуждена была отказаться отъ широкихъ плановъ, и она затаила въ себѣ горе, но не примирилась съ незаслуженно-нанесеннымъ оскорбленіемъ.

Ей выпало на долю воспитывать сына и за отсутствіемъ отца присматривать за нимъ до его совершеннолѣтія. Само собою понятно, въ какомъ направленіи должно было итти воспитаніе Михаила Ѳеодоровича. До насъ дошло свѣдѣніе, что при вступленіи на престолъ онъ едва умѣлъ читать, и это обстоятельство объясняется, конечно, тѣмъ, что и сама Марѳа Ивановна не гораздо грамотѣ была научена. Зато развивалась въ мальчикѣ религіозность. Уже будучи царемъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ нѣсколько разъ уѣзжалъ съ матерью на богомолье, иногда на довольно продолжительное время. Только указаніемъ на гнѣвъ Божій, который постигнетъ его, если онъ откажется взойти на русскій престолъ и тѣмъ спасти Россію отъ конечнаго разрушенія, добились посланцы великаго собора 1613 года согласія его и его матери принять царскую власть. И впослѣдствіи, облагая все новыми и новыми налогами и повинностями людей всякихъ сословій, царь Михаилъ не только освободилъ отъ нихъ монастыри и обители, но и постоянно давалъ имъ новыя льготныя грамоты.

Икона Ѳеодоровскія Божіей Матери. Материнское благословеніе.

Царица Марѳа не оставила сына и по вступленіи его на престолъ.

Она продолжала вліять на сына и по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Въ 1616 году царь задумалъ жениться. На царскія смотрины были собраны по старому русскому обычаю дѣвушки боярскія и дворянскія со всей Руси. Выборъ царя палъ на дворянскую дочь Марью Ивановну Хлопову. Ее взяли «на верхъ» къ царицѣ Марѳѣ и, согласно принятому обыкновенію, переименовали въ Анастасію, уже имя ея поминали послѣ царскаго на эктеньяхъ, дворовые люди ей крестъ цѣловали и оказывали почести, какъ царицѣ. Но и здѣсь судьба оказалась сильнѣе желанія царя Михаила. Однажды послѣ обѣда невѣста почувствовала себя дурно. Хотя призванные доктора увѣряли, что болѣзнь эта скоро пройдетъ безслѣдно, но Салтыковы представили царю ихъ свидѣтельства въ извращенномъ видѣ, заявивъ, что Марья Хлопова «къ царской радости непрочна». Марью свели съ «верха», она перестала быть царской невѣстой [8]).

Михаилъ Ѳеодоровичъ очень грустилъ по невѣстѣ. Его мягкое, привязчивое сердце тосковало по ней, и на настоянія матери жениться на другой царь отвѣталъ отказомъ, говоря, что не хочетъ жениться ни на комъ, кромѣ Хлоповой. Но по кротости натуры, по долгой привычкѣ повиноваться родителямъ, Михаилъ впослѣдствіи перемѣнилъ

[8]) См. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ.

свое намѣреніе. Когда возвратился изъ Польши Филаретъ Никитичъ, онъ думалъ придать болѣе значенія своей династіи путемъ заключенія брачнаго союза съ какимъ-нибудь царствующимъ домомъ Западной Европы. Въ такихъ цѣляхъ въ 1621 году было отправлено посольство въ Данію съ такимъ порученіемъ: «если королевское величество захочетъ съ великимъ государемъ царемъ быть въ дружбѣ, братствѣ, любви, соединеньи и пріятельствѣ навѣки, то его королевское величество далъ бы за великаго государя племянницу свою, которая къ тому дѣлу годна». Но король Христіанъ отнесся холодно къ посланникамъ, не принялъ ихъ лично, и сватовство не дало никакихъ результатовъ.

К. Маковскій. Выборъ невѣсты.

Та же почти участь постигла и вторую попытку патріарха женить сына на племянницѣ Густава-Адольфа: король шведскій категорически отказалъ дать разрѣшеніе племянницѣ перейти въ православіе, на чемъ настаивалъ Филаретъ.

Послѣ этихъ неудачъ оставалось обратиться опять къ исконному русскому обычаю — выбрать царю невѣсту изъ русскихъ дѣвицъ. Подъ вліяніемъ прямодушнаго Филарета опять заговорили было о невинно оскорбленной Хлоповой. Говорятъ, патріархъ горячо пенялъ Михаилу Ѳеодоровичу за то, что онъ не отстоялъ своей воли. Но царица Марѳа, по преданію, поклялась, что не останется въ царствѣ своего сына, если онъ женится на Хлоповой. Марѳа Ивановна сама выбрала ему невѣсту—Марью Владиміровну Долгорукову, и царь Михаилъ долженъ былъ подчиниться ея рѣшенію. Но уже на слѣдующій день послѣ свадьбы молодая царица занедужила, и менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца—скончалась. Въ 1626 году Михаилъ Ѳеодоровичъ снова женился на дочери мелкаго дворянина Стрѣшнева—Евдокіи Лукьяновнѣ, «доброзрачной и благоумной отроковицѣ», какъ говоритъ современный русскій хронографъ [9]). Отъ этого брака онъ имѣлъ трехъ дочерей—Ирину, Анну и Татьяну, и трехъ сыновей—Ивана, Василія и Алексѣя.

Въ своей личной жизни царь Михаилъ Ѳеодоровичъ проявлялъ тѣ же качества своего характера, которыя сказались уже въ первые годы его жизни. Чрезвычайно сосредоточенный и скромный, онъ не любилъ пышныхъ торжествъ и веселья. Его любимымъ и, пожалуй, единственнымъ развлеченіемъ были частыя поѣздки на богомолья къ Троицѣ, къ Николѣ на Угрѣшу и т. п., гдѣ онъ могъ спокойно провести нѣкоторое время, не за-

[9]) О бракѣ Мих. Ѳеод. съ Евдокіей Лук. Стрѣшневой см. Изборникъ Ан. Попова 208 и подробный чинъ бракосочетанія въ Древней Рос. Виѳліофикѣ XIII, также въ Дворцѣ Разр. I. 763—788.

нимаясь государственными дѣлами и будучи спокойнымъ и вполнѣ увѣреннымъ въ правильномъ теченіи ихъ, такъ какъ онъ оставлялъ все управленіе своему отцу—великому патріарху и государю всея Руси.

Царица Евдокія Лукьяновна (Стрѣшнева).

Вообще, царь Михаилъ по общему укладу своей домашней жизни не отличался отъ своихъ современниковъ. Его руководствомъ служилъ все тотъ же Домострой, съ его строго распредѣленнымъ разъ навсегда порядкомъ жизни. Такъ же царь усиленно посѣщалъ богослуженія, такъ же почиталъ родителей своихъ безпрекословно, такъ же миловалъ нищую братію своей царской милостыней, такъ же старался вести домъ свой, какъ предписывалъ Домострой. Но въ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ не было суроваго формализма, который является отличительной чертой Домостроя. Все его обращеніе съ окружающими проникнуто было снисходительностью и благожелательствомъ. «Теперь воздвигъ на Руси Богъ на царство тезоименитаго Архистратигу силы Его кроткаго, тихаго царя, Христова подражателя. Былъ царь молодъ, когда сѣлъ на царство, лѣтъ осьмнадесяти, но былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ любилъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳеодору Ивановичу», говоритъ о первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ «сказаніе о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастяхъ». Это—не простой шаблонный панегирикъ, какъ можно было бы подумать. Здѣсь неизвѣстный авторъ выразилъ тѣ воззрѣнія на царя Михаила, которыя господствовали въ массѣ русскаго народа.

Но будучи воспитанъ на завѣтахъ Домостроя, являя въ своемъ характерѣ черты, близкія старо-русскому національному идеалу, Михаилъ Ѳеодоровичъ въ то же время, не былъ врагомъ или противникомъ Запада. Не говоря уже о томъ, что именно съ его времени начинаются очень интенсивныя сношенія, дипломатическія и торговыя, съ западными государствами, нужно упомянуть, что царь живо интересовался успѣхами западной техники, наукъ и искусствъ. По его просьбѣ, органный мастеръ Мельхартъ сдѣлалъ машину, которая сама играла,—органъ,—а на немъ птицъ—соловья и кукушку. И какъ тотъ органъ заиграетъ, кукушка и соловей поютъ. Царь пожаловалъ искусному мастеру за такую его работу 2676 рублей. Царь не прочь былъ и отъ нововведеній въ домашнемъ обиходѣ, заимствованныхъ съ Запада. Такъ, очень любя часы, онъ имѣлъ ихъ нѣсколько штукъ,

и при торжественныхъ пріемахъ по обѣ стороны царя стояло по часамъ. Онъ выписалъ для своихъ садовъ дорогія растенія изъ Голландіи и Германіи и къ нимъ приставилъ иноземца садовника. «Вѣдомо намъ учинилось,—писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ извѣстному ученому Адаму Олеарію,—что ты гораздо наученъ и извыченъ астрономіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю таковъ мастеръ годенъ». Интересъ къ Западу и къ западнымъ дѣламъ и обычаямъ заставлялъ царя много о немъ разспрашивать европейскихъ пословъ, но въ болѣе активной формѣ онъ вылиться не могъ. Воспитанный въ духѣ старыхъ, исконно русскихъ, православныхъ, традицій Михаилъ Ѳеодоровичъ не могъ, конечно, сразу порвать съ прошлымъ, сложившимся долгимъ историческимъ путемъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, призналъ законность и

С. Ивановъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву. (Третьяковская галлерея).

желательность усвоенія нѣкоторыхъ мелкихъ чертъ, присущихъ Западу. Помимо тѣхъ необходимыхъ сношеній съ Европой, которыя вызывались требованіями политики и государственной экономіи, царь мечталъ сблизиться съ нею и на другой почвѣ, на почвѣ личныхъ семейныхъ отношеній. Какъ нѣкогда Филаретъ задавался подобною мыслью относительно Михаила, такъ онъ самъ подъ конецъ жизни задумалъ выдать одну изъ своихъ дочерей за кого-нибудь изъ владѣтельныхъ особъ западной Европы. Въ 1640 году, собравъ точныя свѣдѣнія о предполагавшемся женихѣ-королевичѣ датскомъ Вольдемарѣ, сынѣ Христіана отъ его морганатической супруги, Михаилъ далъ понять, что желалъ бы лично повидать Вольдемара. Онъ прибылъ въ Россію сначала въ качествѣ простого посла, и когда произвелъ на царя благопріятное впечатлѣніе, начались уже формальные переговоры о бракѣ его съ царевной Ириной. Теперь, когда Россія уже вполнѣ оправилась отъ послѣдствій «великой разрухи», и Данія не прочь была породниться съ Россіей. Но, когда принцъ пріѣхалъ вторично въ Москву уже въ качествѣ жениха, то возникло сильное препятствіе къ предполагавшейся свадьбѣ. Царь категорически заявилъ: «не соединясь со мною вѣ-

рою, въ присвоеньи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужу съ женой въ разной вѣрѣ быть не можно,—не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось». Были сдѣланы попытки склонить принца перейти въ православіе, но и онъ не пожелалъ измѣнить вѣрѣ предковъ. Такимъ образомъ, столь долго тянувшееся сватовство прервалось, и свадьба не состоялась въ силу приверженности царя Михаила къ вѣрѣ и традиціи отцовъ, ибо «того у насъ не повелось». Но характерна уже одна возможность появленія подобной мысли въ умѣ Михаила Ѳеодоровича. Пользуясь великолѣпнымъ образомъ, брошеннымъ В. О. Ключевскимъ въ его характеристикѣ тишайшаго царя [10]), и расширяя его, мы можемъ сказать, что если Алексѣй Михайловичъ одной ногой еще упирался въ родную старину, а другую уже занесъ за ея черту, то Михаилъ Ѳеодоровичъ поднималъ ногу, чтобы переступить границу между Московіей и Западомъ, но принужденъ былъ опять опустить ее, такъ какъ вѣковая традиція пересилила неясные порывы впередъ. Врожденная нерѣшительность и мягкость царя препятствовали крутому разрыву съ прошлымъ, хотя царь отлично сознавалъ пользу нѣкоторыхъ нововведеній.

Тронъ Михаила Ѳеодоровича. (Оружейная Палата).

Такъ, царь былъ большимъ любителемъ природы. Его сады были лучшими въ Россіи, онъ горячо заботился о нихъ; но, связанный суровымъ придворнымъ ритуаломъ и не имѣя мужества измѣнить его, Михаилъ Ѳеодоровичъ почти лишенъ былъ возможности стать ближе къ природѣ. Все его время протекало въ низкихъ полутемныхъ покояхъ дворца или въ старыхъ, массивныхъ кремлевскихъ соборахъ. Ему недоставало движенія, и доктора, призванные къ нему во время болѣзни, констатировали ослабленіе дѣятельности всѣхъ внутреннихъ органовъ «отъ многаго сидѣнья». Послѣдніе годы жизни Михаила Ѳеодоровича представляютъ картину постепеннаго угасанія. Онъ и съ молодыхъ лѣтъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Бурныя волненія всего его царствованія сильно дѣйствовали на его впечатлительную душу. Онъ становился все задумчивѣе, сосредоточеннѣе, молчаливѣе, рѣже

Государственная печать царя Михаила Ѳеодоровича.

[10]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. III.

показывался на выходахъ. Крупное семейное несчастье—почти одновременная смерть двухъ сыновей еще усугубило печальное настроеніе царя. Въ началѣ 1645 года нѣмцы-доктора указали, какъ на одну изъ причинъ недуга Михаила Ѳеодоровича, на «меланхолію, сирѣчь кручину». Силы его быстро слабѣли, лекарства, прописанныя докторами, не оказывали никакого дѣйствія, и въ ночь на 13-е іюля царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался, окруженный семействомъ, какъ разъ въ день своего рожденія, когда ему исполнялось 49 лѣтъ. Онъ благословилъ на царство сына своего Алексѣя Михайловича, поручивши воспитателю Б. И. Морозову имѣть и впредь о немъ попеченіе. Горько плакались великимъ воплемъ о своемъ избранникѣ русскіе люди. Въ вечеръ дня его кончины тѣло почившаго государя было вынесено на саняхъ подъ бархатнымъ покровомъ большими боярами. За нимъ шелъ молодой царь, а на лубяныхъ носилкахъ несли вдовствующую царицу, которая, склонивъ свою голову на грудь ближней боярынѣ, горько плакала. Безграничная любовь подданныхъ все время окружала этого народнаго избранника. О ней свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и иностранцы [11]), видѣвшіе съ какимъ умиленіемъ народъ взиралъ на царскую семью и выражалъ ей пожеланія всякаго счастья и благополучія. До сихъ поръ живетъ въ народной памяти воззрѣніе на Михаила Романова, какъ на народнаго царя. Вотъ преданье, записанное со словъ народа въ наши времени въ Костромской губерніи:

Домовая церковь въ Кремлевскомъ теремѣ. (Временъ Михаила Ѳеодоровича).

Спальня Михаила Ѳеодоровича въ домѣ Романовыхъ (до воцаренія).

«Завелись большіе непорядки во всей землѣ, и стали разбираться бояре и князья по книгамъ, кому быть царемъ. И пришелъ къ нимъ святой человѣкъ и говорилъ имъ: «ни къ чему всѣ ваши книги, а, по Божьему благословенію, будетъ царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ

[11]) Олеарій (oft begehrte Beschreibung der orientalischen Reise).

Романовъ». Хотѣли князья и бояре вывести вонъ со своего собранія этого святого человѣка, а онъ вышелъ на площадь, гдѣ было множество чернеди и объявилъ: «князья и бояре фальшатъ: самъ Господь Богъ указалъ Михаилу Ѳеодоровичу быть царемъ, а они хотятъ поставить своего, чтобы имъ можно было притѣснять и грабить простой народъ». И вся чернядь въ одинъ голосъ закричала: «Не надо намъ другого царя! Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ нашимъ царемъ». Такъ и выбрали на царство Михаила» [12]).

Царь Михаилъ былъ дорогъ народу, какъ народный избранникъ, который долженъ былъ спасти, возродить свое государство и который выполнилъ эту великую миссію, дорогъ онъ былъ и какъ личность, воплотившая народный идеалъ.

Надо замѣтить въ заключеніе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ возсоздалъ разрушенную почти до основанія первопрестольную столицу, такъ, что прибывшій черезъ двадцать лѣтъ послѣ его вступленія на престолъ, голштинецъ Олеарій уже нашелъ ее большимъ и цвѣтущимъ городомъ. Сынъ Михаила Алексѣй принялъ отъ своего отца Москву уже возстановленной и хорошо обстроенной. Но, подобно Москвѣ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ возродилась къ новой жизни и вся великая Россія.

[12]) Н. Виноградовъ. Матеріалы по исторіи, этнографіи и статистикѣ Костромской губерніи. Выпускъ II. Сказаніе о спасеніи отъ поляковъ Михаила Романова.

Алексѣй

Алексѣй Михайловичъ.
Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.
1645—1676.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ неоднократно привлекалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Наши наиболѣе выдающіеся историки старались нарисовать обликъ «тишайшаго царя». Соловьевъ, Костомаровъ, Забѣлинъ, Платоновъ даютъ въ своихъ сочиненіяхъ попытки характеристики личности его. Съ выходомъ въ свѣтъ третьей части «Курса Русской исторіи» В. О. Ключевскаго русское общество получаетъ новый блестящій опытъ въ томъ же направленіи. Интересъ ученыхъ къ личности Алексѣя Михайловича объясняется, съ одной стороны, тою ролью, какую пришлось ему играть въ эту важную эпоху, а съ другой—и самой психологическою сущностью ея. Безусловно правъ С. Ѳ. Платоновъ, утверждая, что «послѣднее слово о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, конечно, еще не сказано и не скоро будетъ сказано»[1]).

Вотъ, въ какихъ чертахъ описываетъ наружность царя Алексѣя Коллинсъ: «Наружность его—красива; онъ здоровъ сложеніемъ; волосы его свѣтлорусые; онъ не брѣетъ бороды, высокъ ростомъ и толстъ; его осанка величественна». Другой иностранецъ Рейтенфельсъ прибавляетъ, что на лицѣ царя выражается строгость вмѣстѣ съ милостью; взглядъ его голубыхъ глазъ внушаетъ всякому надежду—и никому страха, несмотря на его величественную, царскую осанку. И, дѣйствительно, Алексѣй Михайловичъ высоко ставилъ свои царскія права: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и судить люди своя на Востокѣ, и на Западѣ, и на Сѣверѣ, и на Югѣ—вправду», говорилъ онъ. Отсюда про-

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Статьи по русской исторіи: «Царь Алексѣй Михайловичъ».

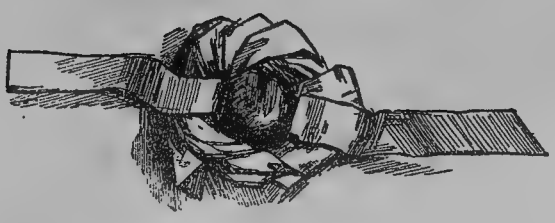
истекаетъ его важность и строгость, о которой говорятъ иностранцы. Алексѣй Михайловичъ выступаетъ величественно и окружаетъ себя большимъ блескомъ. Онъ считаетъ своимъ долгомъ подавать примѣръ своимъ подданнымъ во всемъ—и прежде всего въ благочестіи. Очень религіозный по природѣ и по унаслѣдованнымъ завѣтамъ, онъ усердно исполняетъ всѣ религіозные обряды, усиленно посѣщаетъ богослуженія, справляетъ посты, способствуетъ благолѣпію служенія. Иностранцы отмѣчаютъ, что нищіе никогда не получаютъ отказа въ подаяніи, что царь лично посѣщаетъ тюрьмы и бесѣдуетъ съ заключенными. Высокое сознаніе своихъ державныхъ задачъ побуждаетъ царя во всемъ принимать личное участіе. Онъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ при составленіи новаго уложенія, онъ самъ ведетъ войска на войну, самъ отдаетъ распоряженія. И при всемъ томъ царь никогда не забываетъ, что онъ не только повелитель, но прежде всего—человѣкъ. Гуманность и памятованіе о правахъ его окружающихъ сопровождаютъ каждый поступокъ, каждое слово царя. Во время шведской войны, когда войско русское бѣжало, а воевода М. Шереметевъ попалъ въ плѣнъ, царь не тужитъ о пораженіи, не осуждаетъ полководца и солдатъ, но горюетъ совсѣмъ о другомъ: «о Матвѣѣ не тужи»,—пишетъ онъ, сообщая о неудачѣ русскихъ одному изъ своихъ друзей:—«будетъ здоровъ,—впередъ ему къ чести; *радуйся, что люди цѣлы*, а Матвѣй будетъ по прежнему»[2]). Когда же одинъ изъ иностранцевъ предложилъ ввести смертную казнь для покинувшихъ строй въ бою, царь категорически отклонилъ это предложеніе, замѣтивъ, что Богъ не всѣхъ надѣлилъ одинаковою храбростью. Между прочимъ, по свидѣтельству Коллинса, самъ Алексѣй отличался неустрашимостью. Но всякая жестокость претила его мягкому сердцу. Когда князь Ромодановскій не исполнилъ его приказанія объ отсылкѣ подкрѣпленія, то царь отправилъ ему грозное посланіе: «Врагу креста Христова, новому Ахитофелу, князь Григорью Ромодановскому. Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому Государю, прямую сатанинскую службу, яко же Даѳану и Авирону, и Ананіи и Сапфирѣ... Яко же и Іюда продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же лжею»... Но никакой кары ослушнику за такимъ угрожающимъ письмомъ не послѣдовало. Вообще, Алексѣй Михайловичъ предпочиталъ прибѣгать къ словеснымъ увѣщаніямъ, нежели къ наказаніямъ. И здѣсь, какъ и всегда у него, на первый планъ выдвигается не ослушаніе царя, а грѣхъ передъ Богомъ. «Богъ на тебѣ взыщетъ слезы ихъ», говоритъ царь Куракину, который не пошелъ на помощь жителямъ Глухова и Нѣжина.

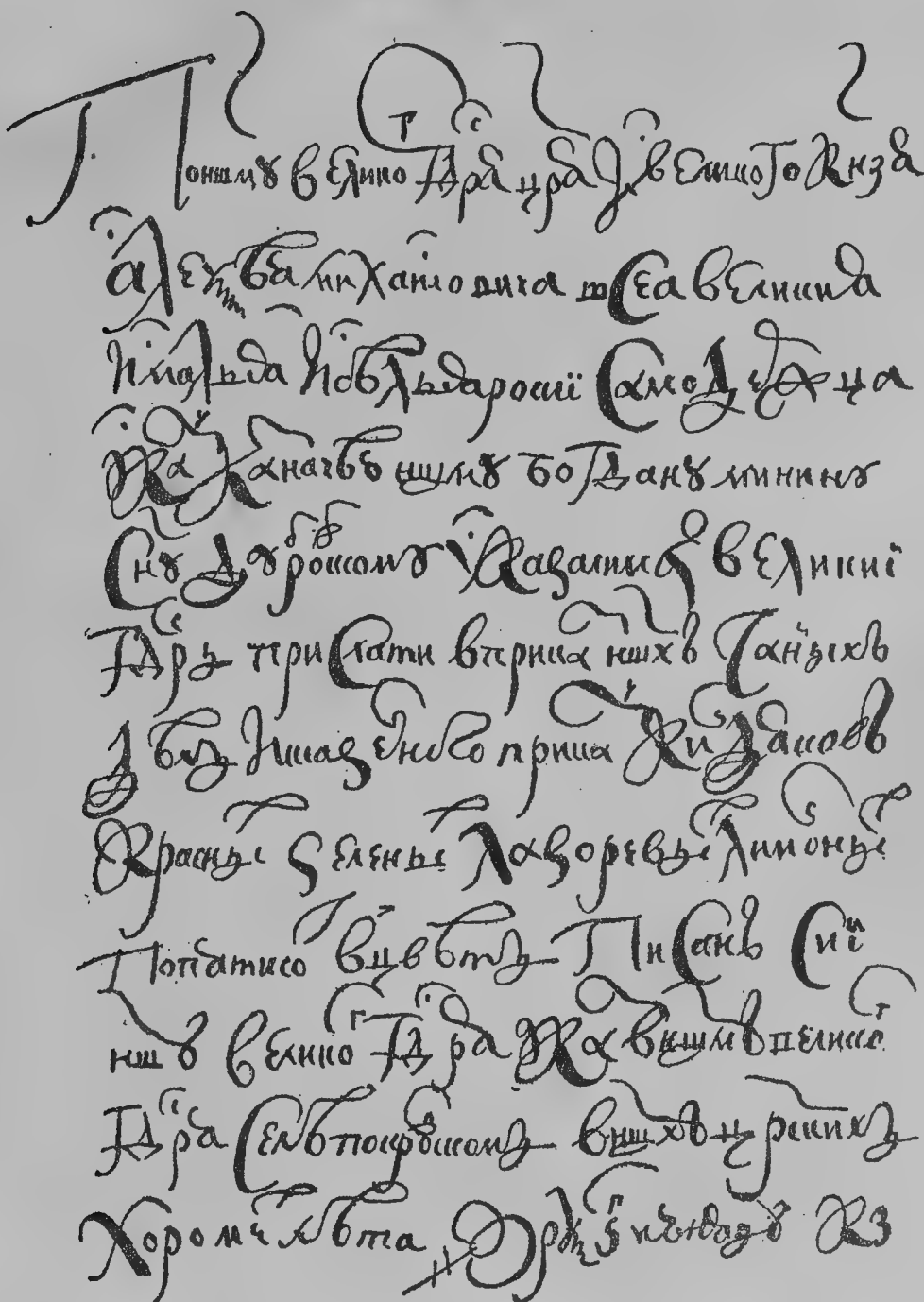
Какъ нравственная личность, Алексѣй Михайловичъ мало имѣетъ равныхъ себѣ во всей, пожалуй, русской исторіи. Онъ постоянно взвѣшиваетъ, насколько его поступокъ согласуется съ требованіями морали, и въ этомъ отношеніи онъ неумолимо суровъ къ себѣ. Патріархъ Іосифъ, умирая, назначилъ его свдимъ душеприказчикомъ. И, вотъ, царь ежедневно ходитъ въ палаты патріарха, присутствуя при описи его имущества, «а то все бы раскрали», говоритъ онъ. Царь былъ большой любитель до рѣдкостныхъ вещей, а патріархъ при жизни набралъ ихъ довольно. Царю приглянулись нѣкоторыя диковинки, и «немного и я не покусился инымъ судáмъ (на кое-какую посуду), да милостію Божіей воздержался, и вашими молитвами святыми, ей-ей, владыко святый; и меня было бы столько, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу, для того—се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорны: а се—какой же я буду приказчикъ, самому мнѣ имать, а деньги платить себѣ жъ?» [3]) Но въ то же время Алексѣй Михайловичъ относился удивительно снисходительно къ проступкамъ другихъ.

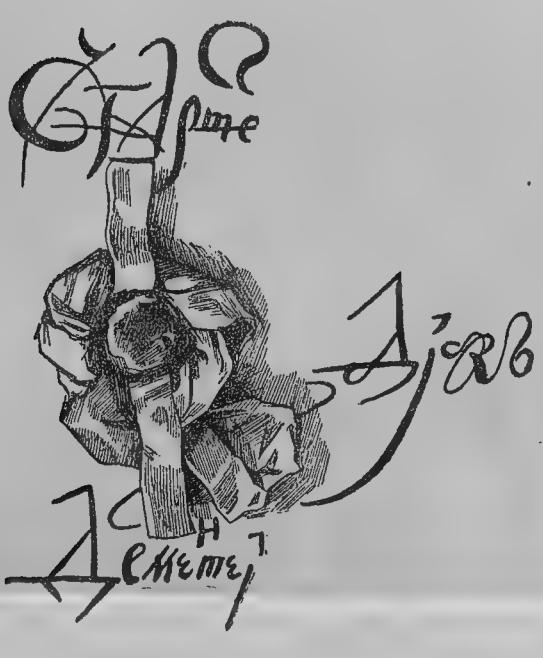
---

[2]) Письма царя Алексѣя Михайловича изданы Бартеневымъ въ 1856 г., потомъ въ болѣе полномъ видѣ Хмыровымъ въ 1875 г.

[3]) Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Патріарху Никону.







Указъ изъ приказа Великаго Государя тайныхъ дѣлъ за тремя печатями.

Митрополитъ новгородскій (вскорѣ знаменитый патріархъ) Никонъ, посланный за мощами святителя Филиппа Митрополита, вздумалъ наложить строжайшій монастырскій постъ и монашескій уставъ не только на монаховъ, но и на свѣтскихъ лицъ своей свиты; по этому поводу царь писалъ ревностному митрополиту: «И потомъ я тебя, владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ,—пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: да Василій Отяевъ пишетъ,—что силою заставливаетъ говѣть, никого де силою не заставить Богу вѣровать».

Нѣжность, тонкая предупредительность, удивительная рѣшительность, глубина и сердечность чувства—вотъ отличительныя качества характера Алексѣя, сказывающіяся въ его отношеніяхъ къ друзьямъ. Всегда у него готово для нихъ ласковое, привѣтливое слово, и въ горѣ—онъ истинный другъ и надежный помощникъ. Когда у извѣстнаго дипломата XVII вѣка А. Ордынъ-Нащокина бѣжалъ за границу сынъ, наслушавшійся о ней красныхъ рѣчей пріѣзжихъ иноземцевъ и поляковъ, гордый и заносчивый обыкновенно Ордынъ-Нащокинъ былъ страшно удрученъ. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ пишетъ грамотку старику, утѣшаетъ его, старается представить дѣло совсѣмъ незначительнымъ; онъ говоритъ, что сынъ Нащокина сдурилъ по молодости и по недоумію; захотѣлось ему полетать по Божьему міру, а улетается—и прилетитъ въ родное гнѣздо; поэтому не слѣдуетъ такъ огорчаться, чтобъ отказываться даже отъ своего дѣла. Между тѣмъ еще не такъ давно отъѣздъ за границу разсматривался, какъ тягчайшее преступленіе! У кн. Н. И. Одоевскаго, занимавшаго по удаленіи Б. И. Морозова въ правительствѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, внезапно умеръ сынъ Михаилъ. Царь съ честью похоронилъ его и пишетъ отцу, находившемуся въ это время въ отлучкѣ: «И тебѣ, боярину нашему и слугѣ, и дѣтямъ не скорбѣть черезъ мѣру, а нельзя, чтобъ не поскорбѣть и не прослезиться; и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобы Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобиться бъ тебѣ Іову праведному»; онъ утѣшаетъ старика тѣмъ, что «твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ палатою подавилъ», сообщаетъ, что пожаловалъ другого сына Нащокина, и въ заключеніе приписываетъ въ самомъ концѣ грамотки: «Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся (не огорчайся), токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ». И за подобные поступки Алексѣя Михайловича даже такіе строгіе судьи-историки, какъ Костомаровъ [4]) и Ключевскій [5]) единогласно признаютъ Алексѣя Михайловича самымъ добрымъ изъ русскихъ монарховъ и лучшимъ изъ людей XVII вѣка.

По природѣ своей царь Алексѣй Михайловичъ былъ здоровый, жизнерадостный человѣкъ. Его жизненная энергія требовала выхода и находила его въ развлеченіяхъ. Была у царя любимая забава—охота. Только придя въ зрѣлый возрастъ и сильно занятый государственными заботами, Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ отказаться отъ нея. Но и въ охотѣ сказывалась мягкая, немного лѣнивая натура царя. Его привлекало не раздолье, не приволье широкаго поля или дремучаго бора, не бѣшеная скачка за добычей, а спокойное созерцаніе, наблюденіе самаго процесса охоты. Въ этой забавѣ царя интересовали, главнымъ образомъ, качества соколовъ. Въ его письмахъ къ стольнику Матюшкину и его товарищу Голохвастову, которымъ поручена была царская охота, и въ сочиненіи самого царя—«Урядникъ сокольничья пути» цѣлыя страницы посвящены изображенію преимуществъ одного сокола передъ другимъ. «Отпустили сокола Мадина, и онъ хорошо полетѣлъ, да не слѣзъ... отпустили сокола Семена Ширяева—дикомытъ: такъ безмѣрно хорошо полетѣлъ, такъ погналъ, да осадилъ въ одномъ концѣ два гнѣзда шилохвостей, да полтретья гнѣзда чирятъ; такъ вдругорядь погналъ, да такъ понеслось

---

[4]) Костомаровъ, Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ, в. IV, гл. III.

[5]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. III, лекція LVI.

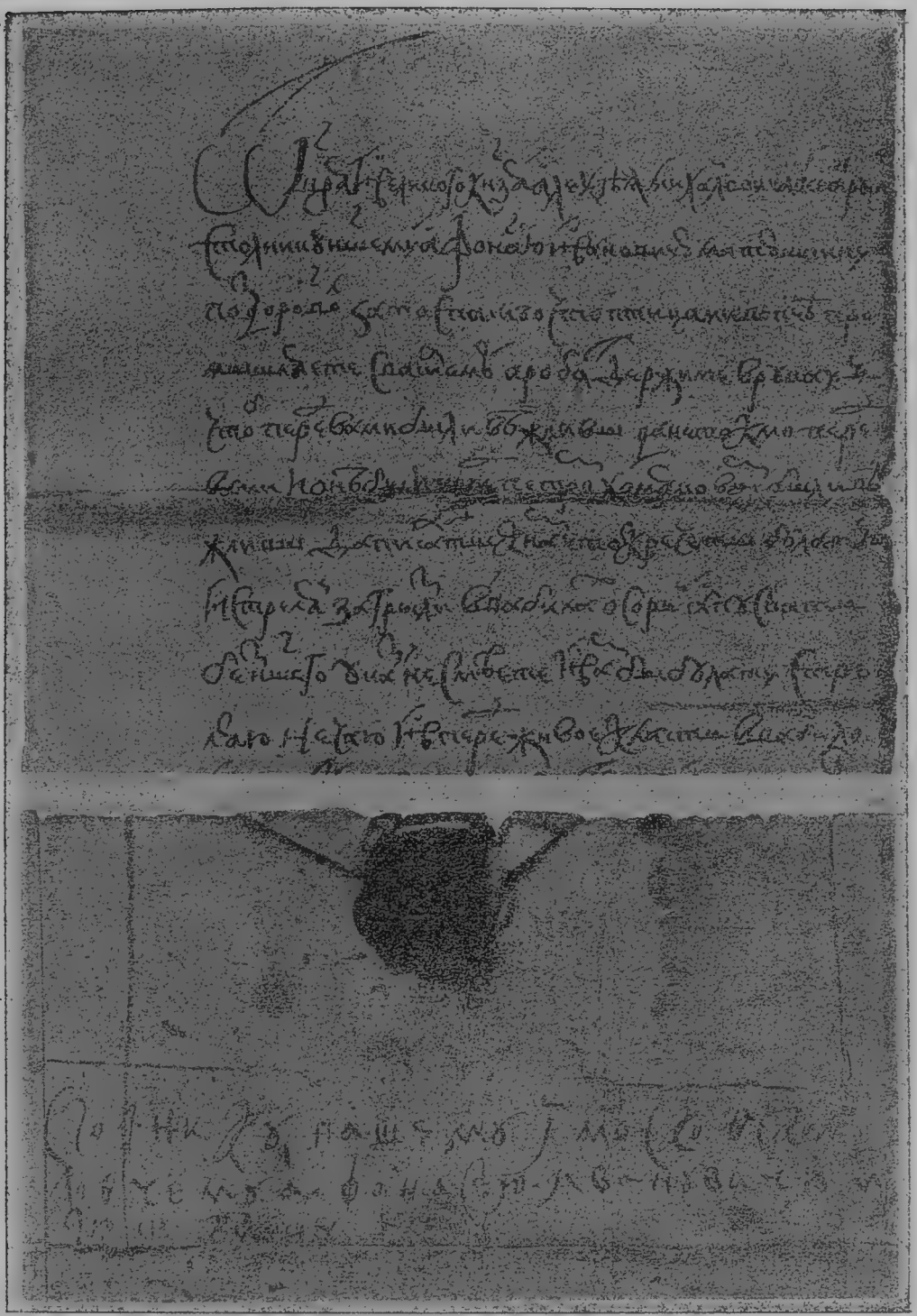
одно утя шилохвость, и милостію Божіею и твоими молитвами и счастіемъ какъ мякнетъ ее по шеѣ, такъ она десятью перекинулась»... и т. д. Царь съ упоеніемъ слѣдитъ здѣсь за своимъ соколомъ—его увлекаетъ каждый взмахъ крыла, и съ охотничьими описаніями Алексѣя Михайловича могутъ сравниться развѣ только художественные разсказы другого славнаго русскаго охотника—С. Т. Аксакова[6]). «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ, сія птичья добыча. *Красносмотрителенъ* же и радостенъ высокова сокола летъ. *Добровидна же* и кощова (копчика) добыча и летъ. Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сію доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія!» заключаетъ Алексѣй Михайловичъ своего «Урядника», обращаясь къ охотникамъ[7]). Эта эстетическая жилка, сказывающаяся въ страсти царя къ охотѣ и неразрывно связанная съ любовью къ природѣ, вообще сильно билась въ Алексѣѣ Михайловичѣ. Его любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ было подмосковное село Коломенское. Здѣсь царь выстроилъ дворецъ по своему вкусу и всячески старался его украсить и сдѣлать его возможно изящнѣе. Онъ охотно принималъ участіе во всякихъ обрядахъ и торжественныхъ процессіяхъ, и не только потому, что считалъ пышность неотъемлемымъ знакомъ царскаго достоинства, но и потому, что его привлекала ихъ красота и блескъ. Этимъ же стремленіемъ къ красотѣ объясняются и тѣ нововведенія, которыя онъ позволилъ произвести въ отправленіи богослуженій. Именно при немъ введено нотное пѣніе и кіевскій распѣвъ, которые казались Алексѣю Михайловичу болѣе красивыми, чѣмъ унисонное древне-русское пѣніе съ его однообразными, тягучими унылыми мотивами.

К. В. Лебедевъ. Царскій выѣздъ изъ Кремля на Соколиную охоту.

И еще одна черта должна быть отмѣчена въ характерѣ Алексѣя,—это его постоянное стремленіе къ порядку. «Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна — никто же зазритъ, никто же похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. Безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возстановляетъ бездѣлье». «Чинъ», порядокъ, равновѣсіе,—вотъ основной принципъ житейской филосо-

[6]) Кстати, С. Т. Аксаковъ какъ разъ и редактировалъ первое изданіе «Урядника Сокольничья пути».

[7]) „Урядникъ Сокольничья пути“ царя Алексѣя Михайловича.



Собственноручное письмо царя Алексѣя Михайловича къ стольнику и московскому ловчему А. И. Матюшкину.

фіи царя Алексѣя. Только тогда чувствуетъ онъ себя счастливымъ, когда вокругъ него все идетъ по чину. Зато, когда чинъ нарушенъ,—душевное равновѣсіе царя пропадаетъ мгновенно. Онъ становится вспыльчивъ, раздражителенъ и суровъ не въ мѣру. Присутствуя на торжественномъ патріаршемъ богослуженіи, онъ рѣзкимъ словомъ обрываетъ ошибившагося, то есть нарушившаго чинъ чтеца, тутъ же въ церкви. Прямодушный и благодушный царь терпѣть не могъ, когда кто-нибудь спѣшилъ выдаться впередъ, и органически не могъ переносить бахваловъ и пустослововъ. Въ несчастной польской войнѣ Хованскій и Нащокинъ потерпѣли пораженіе; на сидѣніи царя съ боярами, разсуждая по этому поводу, И. Д. Милославскій, тесть царя, похвастался:—«пусть де государь меня пожалуетъ, дастъ войско, такъ я приведу польскаго короля въ полонъ». Царь вспыхнулъ гнѣвомъ, закричалъ на тестя: «Когда ты ходилъ съ полками? какія надъ непріятелемъ побѣды показалъ?» И выгналъ его изъ зала засѣданія [8]). Но насколько скоро вспыхивалъ гнѣвъ Алексѣя Михайловича, настолько же быстро и охладѣвалъ, и доброе сердце царя начинало болѣть за проявленную строгость, и тогда царь не зналъ, чѣмъ и пожаловать обиженнаго.

Всѣ эти качества Алексѣя Михайловича уже у современниковъ его снискали ему прозваніе «гораздо тихаго царя», тишайшаго.

Судьба болѣе покровительствовала Алексѣю Михайловичу въ дѣтскіе годы, чѣмъ его отцу. Правда, зарево пожаровъ, шумъ войнъ и бряцаніе оружія еще не прекращались почти ни на одинъ годъ, но царевича они мало касались. Онъ росъ вдали отъ безпокойствъ, въ тихихъ покояхъ дворца, въ мирной семейной обстановкѣ, окруженный постояннымъ бдительнымъ надзоромъ кроткихъ отца и матери и подъ разумнымъ руководствомъ престарѣлаго дѣда, святѣйшаго патріарха всея Руси Филарета. Здѣсь еще въ самые молодые годы была привита ему искренняя и глубокая религіозность, которою онъ отличался и впослѣдствіи. Алексѣй Михайловичъ всегда исполнялъ религіозныя обязанности охотнѣе и точнѣе своихъ современниковъ, являясь для нихъ образцомъ вѣрующаго христіанина. Патріархъ Филаретъ заботился самъ и объ образованіи своего внука. По его указаніямъ, старшій патріаршій дьякъ составилъ для царевича начальный букварь. По достиженіи шестилѣтняго возраста царевича посадили за науку, «въ словесное ученіе». Царевичъ Алексѣй оказался очень способнымъ, воспріимчивымъ ученикомъ, живо усваивалъ онъ преподаваемую науку. Но любознательность царевича не ограничилась только пройденнымъ: его пытливый умъ шелъ дальше, и Алексѣй Михайловичъ пополнялъ свои свѣдѣнія и изъ книгъ, и изъ разспросовъ бывалыхъ людей, особенно иностранцевъ. Царь Алексѣй, по мнѣнію Соловьева, зналъ всю славяно-русскую литературу той эпохи во всемъ ея объемѣ [9]). Въ своихъ письмахъ онъ обнаруживаетъ совершенное знаніе св. Писанія и современной богословской литературы. Иностранецъ Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ 1670 году, говорилъ, что «царь, посвящая немало времени чтенію книгъ, пріобрѣлъ основательныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ» [10]).

Съ переходомъ къ отроческому возрасту къ царевичу былъ приставленъ особый дядька маститый бояринъ Б. И. Морозовъ. Онъ сумѣлъ привязать къ себѣ царевича и пріобрѣсти его любовь. Морозовъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ «западниковъ» въ XVII вѣкѣ, и, можетъ быть, его вліянію до нѣкоторой степени должно приписать тяготѣніе Алексѣя Михайловича къ западнымъ новшествамъ.

---

[8]) Мейербергъ.

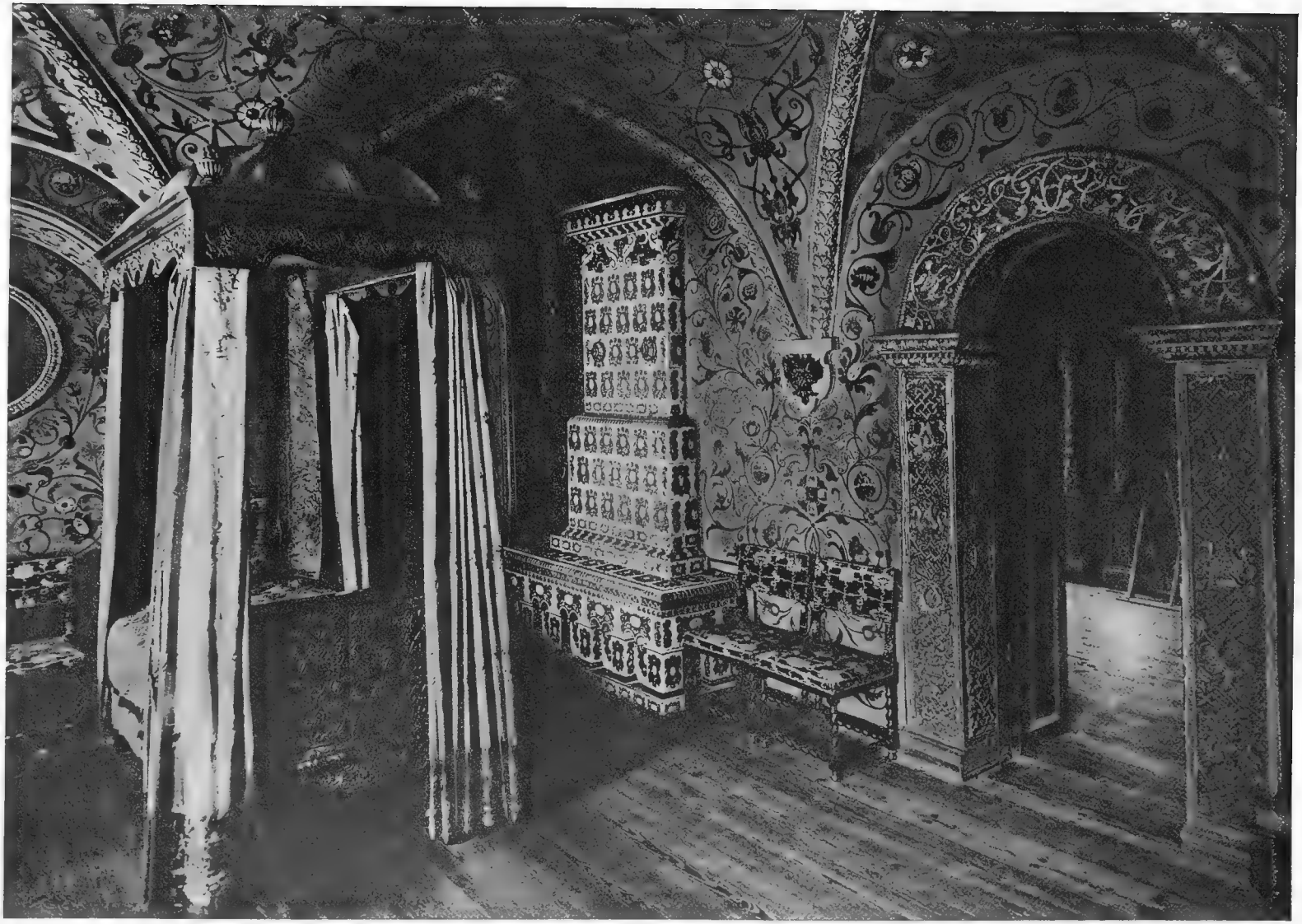
[9]) Соловьевъ, Исторія Россіи, ч. 12, гл. V.

[10]) См. Забѣлина, Опыты изученія исторіи и древностей Россійскихъ, ч. I, «Алексѣй Михайловичъ».

Смерть отца явилась для царевича совсѣмъ неожиданной: царь Михаилъ былъ еще вовсе не старъ, и никто не предвидѣлъ такой скорой развязки его болѣзни. Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, подобно своему отцу, едва достигнувъ шестнадцати лѣтъ. Умирая, Михаилъ Ѳеодоровичъ благословилъ Алексѣя на царство и поручилъ его заботамъ Б. И. Морозова. Первыми событіями царствованія Алексѣя были—отпускъ на родину принца Вальдемара Датскаго, насильственно задержаннаго въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ по приглашенію царя, свататься къ одной изъ царевенъ, и самозванца Лубы, назвавшагося Иваномъ Дмитріевичемъ, будто бы сыномъ Лжедимитрія. Благодаря этому нѣсколько улучшились наши отношенія съ Даніей и Польшей. Ставъ во главѣ правленія, Морозовъ не сумѣлъ удержаться на высотѣ призванія. Если даже самъ Морозовъ и не принималъ непосредственнаго участія въ тѣхъ лихоимствахъ, въ которыхъ обвинялъ его народный голосъ, то все-таки онъ выдвинулъ и поддерживалъ своей протекціей подлинныхъ лиходѣевъ. Молва приписываетъ ему устраненіе первой невѣсты Алексѣя Михайловича—Е. Ѳ. Всеволожской для того, чтобы женить молодого царя на дочери И. Д. Милославскаго, своего «вѣрнаго подручника», какъ выражается Костомаровъ [11]), Марьѣ Ильинишнѣ, на сестрѣ которой онъ самъ десять дней спустя послѣ свадьбы царя женился. Такимъ образомъ, онъ, сталъ своякомъ царя и попалъ въ родство съ нимъ. Бояринъ предполагалъ этимъ пріобрѣсти еще больше вліянія на Алексѣя Михайловича, и съ этою цѣлью, чтобы создать себѣ кружокъ преданныхъ друзей, сталъ выдвигать на первыя мѣста родственниковъ царицы—Милославскихъ, Траханіотова и Плещеева. А между тѣмъ, эти двое не отличались высотою нравственныхъ понятій. Народъ и безъ того былъ подавленъ тяжелыми налогами, податями, обложеніями и повинностями. И, вотъ, къ серединѣ 1648 года мало-по-малу накопившееся неудовольствіе противъ лихоимныхъ поборовъ вылилось, наконецъ, въ формѣ бунта. Но онъ направленъ былъ только противъ мздоимцевъ, а не противъ правительства. Народъ сначала просилъ царя смѣнить Плещеева, Траханіотова, Морозова. Вмѣшательство ихъ сторонниковъ испортило все дѣло. Толпа перестала слушать увѣщанія и въ раздраженіи бросилась громить дома своихъ недруговъ. Плещеевъ и Траханіотовъ, пытавшіеся скрыться, были захвачены толпой и убиты. Морозовъ отдѣлался только разгромомъ дома и удаленіемъ отъ двора въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Впослѣдствіи, возвратившись оттуда, онъ уже не игралъ въ управленіи никакой роли.

Обрученіе царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной.
(Собраніе Ровинскаго. Румянцовскій музей).

[11]) Н. И. Костомаровъ, Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, второй отдѣлъ, вып. IV.



Опочивальня Алексѣя Михайловича.

Черезъ годъ вспыхнули подобныя же народныя возмущенія въ Новгородѣ и Псковѣ и на той же почвѣ. Произошло нѣсколько столкновеній съ боярами, а заодно—какъ съ ихъ единомышленниками—и съ иноземцами. Въ одной изъ этихъ схватокъ пострадалъ митрополитъ новгородскій Никонъ, пытавшійся образумить толпу. «Меня ухватили со всякимъ безчиніемъ,—писалъ онъ царю,—ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, и нынѣ лежу въ концѣ живота, кашляю кровью, и животъ весь запухъ. Чая себѣ скорой смерти, масломъ я соборовался»... Были отправлены изъ Москвы военные отряды. Новгородцы скоро принесли повинную. Но псковичи заперлись въ кремлѣ, и только долгими угрозами и увѣщаніями отъ имени царя и созваннаго по этому поводу земскаго собора удалось склонить ихъ къ покорности.

Молодой и благодушный царь былъ очень пораженъ, узнавъ, что, пользуясь его молодостью и неопытностью, его приближенные позволили себѣ злоупотреблять своею властью. Онъ при самомъ своемъ вступленіи на престолъ увидѣлъ недовольство народа на нѣкоторые установившіеся порядки и нѣсколько познакомился съ неотложными нуждами народа изъ подносимыхъ царю челобитныхъ. Въ удовлетвореніе этихъ просьбъ было смѣнено нѣсколько чиновниковъ, облегчены, насколько было возможно, подати. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было очевидно, что прежде всего надобно заняться установленіемъ порядка въ государственномъ управленіи.

На пути къ установленію порядка царь не могъ полагаться на свои собственныя силы и прибѣгнулъ къ обычному средству—къ созыву собора «всякихъ чиновъ всякихъ людей». 1 сентября 1648 года собрались представители отъ 130 городовъ, служилые и тяглые люди (горожане). Боярская дума и духовенство засѣдали отдѣльно. На ихъ рѣшеніе комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Н. И. Одоевскаго предлагала выработанные проекты постановленій, комиссіи же вмѣнялось царемъ: «которыя статьи написаны въ правилахъ св. Апостолъ и св. Отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей и пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать; также прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать и справить со старыми судебниками; а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ нѣтъ, тѣ статьи написать и изложить общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны». Значитъ, собору ставились задачи и цѣли болѣе широкія, нежели только кодификація и систематизація законовъ. Ему предоставлялась возможность «общимъ совѣтомъ изложить» свои нужды и ввести ихъ въ качествѣ законодательныхъ формулъ въ новое Уложеніе. Все Уложеніе состояло изъ 25 главъ, содержащихъ 967 статей. Работа шла необыкновенно быстро, и весь этотъ громадный трудъ былъ оконченъ къ концу января 1649 года.

Н. Ѳ. Некрасовъ. Соборное Уложеніе.

Общее тяжелое финансовое положеніе государства вслѣдствіе потрясеній смутнаго

времени и постоянныхъ войнъ требовало наложенія большихъ пошлинъ, налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ на населеніе, а оно не могло еще никакъ оправиться отъ разоренія. Приходилось изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Правительство рѣшило не выпускать болѣе въ общее пользованіе серебрянаго запаса, а предложить къ обращенію мѣдныя деньги, по вѣсу равныя серебрянымъ. Но, съ одной стороны, само правительство выпустило мѣдныхъ денегъ слишкомъ много, съ другой — «воровскіе людишки» стали заниматься выдѣлкой мѣдной монеты, и скоро мѣдь заполонила денежный рынокъ. Въ 1663 году за одинъ серебряный рубль уже надо было давать 12 мѣдныхъ![12]) Для бѣдныхъ людей голодъ былъ неизбѣженъ. «Въ концѣ погибаемъ и помираемъ голодною смертью,—на мѣдныя не купишь, не продаютъ, а серебряныхъ нѣтъ», говорилъ народъ. Опять разгорѣлось возмущеніе на «измѣнниковъ», опять стали просить царя выдать ихъ, и опять неумѣлое вмѣшательство довело дѣло до кровопролитія. Однако въ 1663 году мѣдныя деньги были запрещены въ обращеніи, и опять пошелъ въ ходъ серебряный запасъ. Это волненіе было такимъ образомъ усмирено, но наростало другое, захватившее широкое пространство и обширные слои народа.

Взятіе Астрахани Стенькой Разинымъ.
(Изъ путешествія Стрюйса 1676 г.).

Въ результатѣ долгой борьбы съ шайками «воровскихъ людей»—наслѣдіемъ смутнаго времени—правительству удалось вытѣснить эти неспокойные элементы на окраины. Да и вообще всѣ недовольные густымъ потокомъ текли на окраины, къ широкимъ природнымъ артеріямъ—могучимъ русскимъ рѣкамъ и въ привольныя степи на востокѣ и юго-востокѣ Россіи [13]).

На Дону болѣе дѣлать было нечего. «Домовитые» казаки не давали ни заработка, ни возможности грабить по Дону; въ море выходъ былъ запертъ неприступнымъ Азовомъ. Голытьбѣ оставалось только броситься на свободную пока Волгу и тамъ вознаградить себя грабежомъ. Пока шайки были разрознены,—онѣ не представляли опасности для государства. Но, когда явилось лицо, объединившее ихъ, и выставило имъ заманчивыя цѣли, государству пришлось принять рѣшительныя мѣры. Такимъ лицомъ оказался донской казакъ Стенька (Степанъ) Разинъ. Странное сочетаніе религіозности съ страшной жестокостью и кровожадностью, лживости и изворотливости съ безумной храбростью, неутомимости и желѣзной энергіи, расточительности съ простотой создали ему необыкновенный престижъ у голытьбы, все увеличивавшійся отъ его первыхъ удачъ. Его первоначальной задачей было только «добыть зипуновъ» казакамъ. Именно съ этой цѣлью онъ метеоромъ пронесся со своей шайкой по низовьямъ Волги, Яику и по персидскимъ берегамъ Каспійскаго моря. Его необыкновенная удачливость и щедрость привлекли къ нему толпы охотниковъ легкой наживы. Когда, обманувъ правительство обѣщаніемъ покорности, Стенька возвратился на Волгу,

[12]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, гл. IV.

[13]) Өирсовъ, Разиновщина, какъ соціальное явленіе.

его шайка уже сильно разрослась, и теперь Разинъ могъ поставить себѣ болѣе широкія цѣли. Онъ уже не ограничивался грабежомъ по Волгѣ,—онъ думалъ двинуться на Москву, разсчитывая на помощь со стороны крестьянъ и черни. Такъ, изъ обычнаго «воровства» возникало сложное соціальное явленіе. Стенька быстро взялъ Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, Самару и т. д., и повсюду ему содѣйствовали стрѣльцы и чернь. Только съ прибытіемъ регулярныхъ войскъ подъ начальствомъ кн. Ю. Барятинскаго удалось разбить его орду у Симбирска. Барятинскій гнался за нимъ неустанно, и загналъ его на Донъ. Тамъ домовитые казаки выдали его. Стенька былъ отправленъ въ Москву и казненъ, а лишенныя главы шайки мало-по-малу были разсѣяны и уничтожены одна за другой (1671 г.).

Наконецъ, еще одно крупное событіе царствованія Алексѣя Михайловича захватило уже всѣ слои русскаго народа, но на почвѣ не соціальныхъ отношеній или экономическихъ условій, касающихся только опредѣленныхъ группъ, а на почвѣ религіозно-психологической, которое именно поэтому и отозвалось на цѣломъ народѣ, во всемъ его составѣ: это—распаденіе всей народной массы на раскольниковъ и ортодоксальныхъ православныхъ.

Патріархъ Никонъ (По Мейерберу).

Уже давно въ русской церковной жизни замѣчались нѣкоторые непорядки и въ области поведенія духовныхъ лицъ, и въ области отправленія богослуженія, и т. п. Еще патріархъ Филаретъ старался водворить порядокъ въ церкви и съ этою цѣлью издалъ нѣсколько указовъ о строеніи церковной жизни. Но и онъ слишкомъ былъ занятъ неотложными дѣлами государственнаго правленія, чтобы посвятить этому дѣлу достаточно вниманія. Такимъ образомъ, предоставлено было событіямъ итти своимъ чередомъ. Тогда борьбу съ церковнымъ нестроеніемъ предприняли отдѣльныя энергичныя лица или небольшіе кружки «ревнителей». Дѣло обновленія церковной жизни значительно оживилось, когда во главѣ его сталъ Никонъ [14]).

Сынъ скромнаго нижегородскаго крестьянина, Никита (въ монашествѣ Никонъ), конечно, никакъ не могъ предполагать, что ему суждено стать вторымъ лицомъ въ Россіи послѣ царя. Тяжелое дѣтство способствовало закалкѣ его характера, и лишь только представилась возможность, мальчикъ обнаружилъ свою волю и свою самостоятельность. Онъ уходитъ изъ отчаго дома въ монастырь Макарія Желтоводскаго. Ставъ священникомъ, онъ лишается подъ рядъ всѣхъ своихъ дѣтей. Это производитъ на его сосредоточенную натуру потрясающее впечатлѣніе: онъ видитъ въ этомъ гнѣвъ Божій, и чтобъ искупить его, рѣшаетъ отказаться отъ жизни, міра и его прелестей. Уговоривъ жену постричься, онъ и самъ принимаетъ монашество въ Анзерскомъ скиту. Перейдя въ Кожеозерскую пустынь, Никонъ тутъ такъ выдается изъ всей братіи своею строгою жизнью, что скоро становится ея игуменомъ по общему выбору. Свиданіе съ царемъ въ Москвѣ, куда прибылъ Никонъ по дѣламъ обители, рѣшило его участь. Твердость нрава и въ то

[14]) Пр. Н. Ѳ. Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. I.

А. Д. Литовченко. Алексѣй Михайловичъ и Никонъ (Третьяковская галлерея).

же время кротость, начитанность и краснорѣчіе привлекли къ нему душу царя. Никонъ становится архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, особенно любимаго царемъ. Скоро Никонъ сталъ митрополитомъ Новгородскимъ. На этомъ посту онъ еще болѣе выказалъ свои дарованія и убѣжденія. Помимо «подвиговъ нищелюбія» [15]) и милосердія (устройство богадѣленъ, посѣщеніе тюремъ, кормленіе бѣдныхъ), Никонъ занялся приведеніемъ въ порядокъ богослуженія церковнаго и жизни духовенства. Царь внимательно слѣдилъ за своимъ любимцемъ. Его поведеніе во время новгородскаго бунта еще болѣе увеличило любовь царя Алексѣя къ Никону. «Великое солнце сіяющее, пресвѣтлый богомолецъ, архіерей великій, великій святитель, избранный и крѣпкостоятельный пастырь, наставникъ душъ и тѣлесъ, милостивый, кроткій, благосердый, беззлобивый, наипаче же любовникъ и наперсникъ Христовъ, крѣпкій воинъ и страдалецъ царя небеснаго и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ»—вотъ эпитеты, съ которыми обращается постоянно къ Никону Алексѣй Михайловичъ. Понятно, что онъ желалъ имѣть его при себѣ какъ можно ближе; и лишь только скончался патріархъ Іосифъ, на его мѣсто былъ назначенъ Никонъ.

Такимъ образомъ, во главѣ всего церковнаго строительства становился человѣкъ еще сравнительно молодой (Никону было лѣтъ 45—47 въ это время), полный силъ, энергіи, а главное—стремленій къ возрожденію и очищенію церкви и церковной жизни. Теперь онъ могъ проводить свои идеи и замыслы уже не въ одной подвластной ему области, но и во всей Россіи. Облеченный полнымъ довѣріемъ и исключительной любовью царя, опираясь на обѣщанія собора «послушати его во всемъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго», патріархъ могъ надѣяться на успѣхъ своихъ предпріятій. «Собинный другъ» царя, Никонъ получилъ небывалый еще знакъ царскаго расположенія—титулъ «великаго государя», какимъ пользовался только патріархъ Филаретъ, отецъ царя Михаила [16]). При такихъ условіяхъ патріархъ горячо принялся за дѣло упорядоченія церковной жизни и исправленіе церковныхъ книгъ

Ни одинъ изъ догматовъ православной вѣры не былъ затронутъ дѣятельностью Никона, а между тѣмъ послѣдствія ея оказались самыя неожиданныя: встрѣтивъ въ извѣстныхъ слояхъ русскаго народа противодѣйствіе, она привела русскую религіозно-духовную жизнь къ расколу, къ распаденію народа на двѣ части, отдѣльныя другъ отъ друга и, въ концѣ концовъ, различающіяся между собою даже міросозерцаніемъ. Причинъ этому надо искать не въ неразвитости русскаго общества XVI вѣка, а въ общихъ законахъ человѣче-

---

[15]) Костомаровъ, Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ, в. IV.

[16]) По отъѣздѣ Алексѣя Михайловича на войну, патріархъ Никонъ управлялъ всѣмъ государствомъ и заботился о царской семьѣ.

скаго духа [17]). Истина христіанской вѣры, выраженная въ догматахъ вѣроученія, усваивается народнымъ сознаніемъ только въ тѣсной связи съ той формой, въ которую догматъ облеченъ—съ обрядомъ, съ внѣшней стороной. Эта ассоціація неизбѣжна. Попробуйте теперь отнять форму,—и содержаніе будетъ казаться совершенно инымъ, особенно для примитивнаго сознанія. Народъ строилъ такой силлогизмъ: древніе русскіе подвижники молились двумя перстами и по старымъ книгамъ—и спаслись. Никонъ и его сотрудники учатъ креститься тремя перстами и молиться по новымъ книгамъ, не освященнымъ авторитетомъ святыхъ; слѣдовательно, они идутъ противъ святыхъ, слѣдовательно, они ихъ враги. Ясное дѣло—на чью сорону статнетъ народъ.

Н. В. Невревъ. Судъ надъ патріархомъ Никономъ.

Помимо этого Никонъ вооружилъ всѣхъ противъ себя непреклонностью и прямолинейностью. «Добро было при протопопѣ Степанѣ,—писалъ впослѣдствіи Аввакумъ,—ясна вся быша, тиха и не мятежна, ради его слезъ и рыданій и не гордаго ученія; понеже не губилъ никого Степанъ до смерти, яко же Никонъ, ниже не поощрялъ на убіеніе» [18]). Своею непреклонностью Никонъ возстановилъ противъ себя и царя. Поэтому, когда онъ ушелъ самовольно съ патріаршей каѳедры, то возврать на нее сталъ для него невозможенъ. Начатое имъ дѣло исправленія продолжалось и было одобрено тѣмъ самымъ соборомъ, который осудилъ Никона [19]). Недавно почти всемогущій патріархъ былъ въ качествѣ простого монаха сосланъ въ Ферапонтовъ монастырь на Бѣломъ озерѣ. Только при Ѳеодорѣ ему позволили возвратиться въ созданный имъ Воскресенскій монастырь, но на пути туда Никонъ умеръ. Похоронили его «съ честію».

Обширныя пространства на югѣ Россіи, главнымъ образомъ по Днѣпру, составлявшія Малую Россію, къ XVII вѣку только въ двухъ отношеніяхъ сохраняли связь съ остальною Русью — въ языкѣ и въ вѣрѣ. Въ политическомъ же отношеніи они подпадали все болѣе и болѣе подъ власть Польши. Полонизаціонная политика, которую преслѣдовала

---

[17]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, т. III, лекція LIV.

[18]) Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ.

[19]) Каптеревъ въ книгѣ «Патріархъ Никонъ и его противники», 2 изд., 1912, доказываетъ, что соборъ, судившій Никона, едва ли обладалъ достаточными правами для той миссіи, которую онъ на себя взялъ.

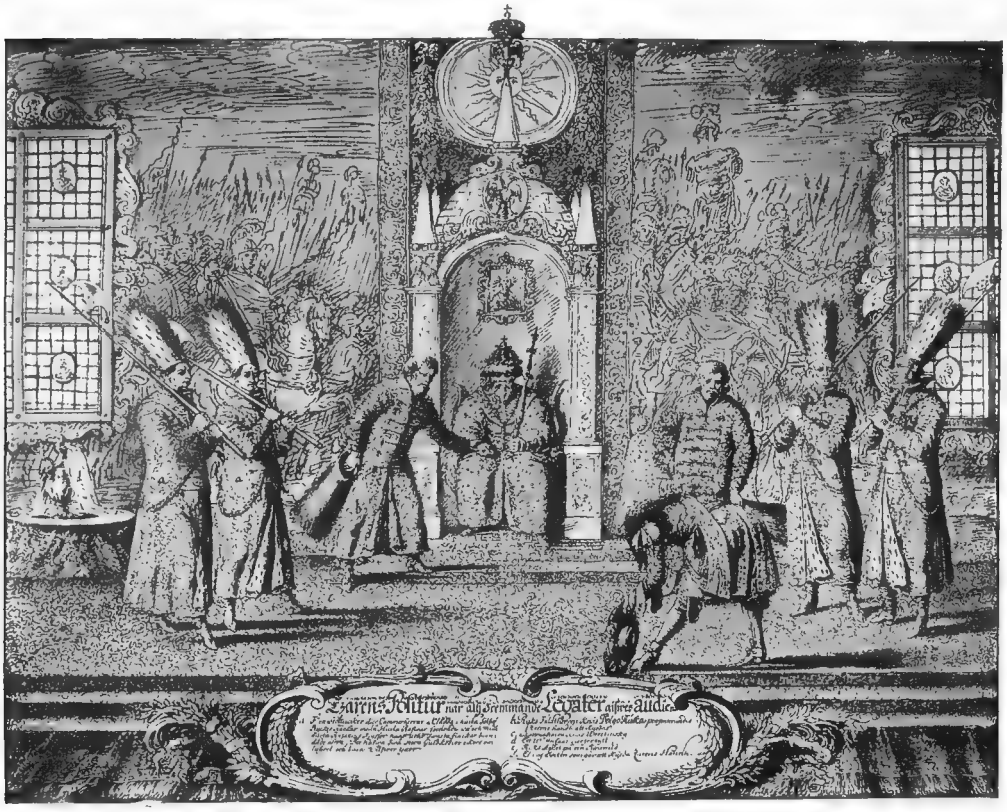
въ Малороссіи Рѣчь Посполитая, вызывала частыя столкновенія казаковъ съ Польшей. Когда же Польша посягнула на послѣдній залогъ народности, на вѣру, тогда должна была вспыхнуть уже борьба на почвѣ сохраненія національной самостоятельности. Руководителемъ этой борьбы явился Зиновій Богданъ Хмельницкій. Не найдя нигдѣ управы на своихъ обидчиковъ шляхтичей, онъ бѣжалъ въ исконное гнѣздо, куда стекались всѣ недовольные и протестующіе — въ Запорожье. Получивъ помощь отъ татаръ, Хмельницкій быстро разгромилъ поляковъ при Желтыхъ водахъ и въ Корсуни и вырвалъ у Польши признаніе православія господствующей религіей Малороссіи и удаленіе изъ нея іезуитовъ и евреевъ. Вторая война Хмельницкаго, вспыхнувшая черезъ годъ, однако, была неудачна для казаковъ: число реестровыхъ казаковъ было уменьшено вдвое, и надо было ожидать, что Польша опять примется за свою политику. Тогда взоры Малороссіи обратились на Московскаго царя; къ нему обратился Хмельницкій съ предложеніемъ принять Малороссію подъ свою высокую руку. По приговору земскаго собора, рѣшено было принять это предложеніе. 8 января 1654 года на великой радѣ въ Переяславлѣ весь народъ постановилъ: «Волитъ подъ царя восточнаго православнаго! лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову поганому достаться! Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобы мы во вѣки всѣ едино были!» Такимъ образомъ, къ Московскому государству присоединилась новая область. Но ясно было, что Польша не уступитъ ее безъ борьбы. Война началась весною 1654 года. Царь Алексѣй лично повелъ войска. Подъ его руководствомъ взяты были Смоленскъ, Вильно, Ковно, Гродно. Хмельницкій овладѣлъ Люблиномъ. Съ сѣвера на Польшу напалъ Карлъ X, король шведскій. Здѣсь столкнулись интересы Россіи и Швеціи, между которыми также были старыя неудовольствія изъ-за сѣверныхъ и западныхъ русскихъ областей. Вотъ, почему Алексѣй Михайловичъ, заключивъ поспѣшно миръ съ Польшей, началъ войну со Швеціей. Она тянулась три года безъ видимаго перевѣса какой-либо изъ сторонъ.

Шарлемань. Присоединеніе Малороссіи.

Въ это время умеръ энергичный Богданъ, сумѣвшій объединить вокругъ себя Малороссію. Избранный ему въ преемники гетманомъ Выговскій, когда казачья «старшина» (своего рода казацкая аристократія), протестуя противъ зависимости отъ Москвы, выразила желаніе передаться вновь Польшѣ, примкнулъ къ ней. Его помощниками опять явились татары, и благодаря имъ русскіе, не ожидавшіе подобнаго поворота, потерпѣли пораженіе подъ Конотопомъ. Но простые казаки прибѣгнули къ покровительству Россіи. Они заставили Выговскаго сложить бунчукъ и булаву, а гетманомъ былъ избранъ сынъ Хмельницкаго Юрій, который подтвердилъ свою вѣрность Москвѣ. Неизбѣжна стала вторая война съ Польшей. Она приняла затяжной характеръ. Если въ Литвѣ русскимъ не давалась побѣда, то въ Малороссіи поляки терпѣли неудачи. Хмельницкій въ концѣ концовъ также передался на сторону Польши, но не находя въ окружающихъ сочувствія, сложилъ свои гетманскія полномочія и ушелъ въ монастырь. При выборахъ новаго гетмана голоса раздѣлились: Малороссія, лежавшая на лѣвомъ берегу Днѣпра, избрала гетманомъ запорожскаго коше-

Шереметевъ. Царскій выходъ изъ Благовѣщенскаго собора. (Картина находится въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

вого Брюховецкаго, сторонника Москвы, правобережная Украйна, послѣ долгихъ колебаній остановилась на Дорошенкѣ, который и изъявилъ покорность Польшѣ. Послѣ долгой и не принесшей осязательныхъ успѣховъ войны Россія и Польша заключили перемиріе



Ближніе бояре, князья Долгорукій и Воротынскій представляютъ царю Алексѣю Михайловичу шведскаго посла въ 1674 году. Съ рисунка того времени Э. Пальмквистъ.

на $13^1/_2$ лѣтъ. Россія удерживала или, вѣрнѣе сказать, возвращала себѣ исконныя русскія области—Смоленскую и Сѣверскую и получала лѣвобережную Украину, а на правомъ берегу Днѣпра колыбель русскаго государства—Кіевъ. Таковы главные результаты Андрусовскаго мирнаго договора (1667 г.).

Такимъ образомъ, Россія опять вернула нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ земель и получила еще нѣкоторыя территоріальныя приращенія, стремясь къ Черному морю.

Алексѣй Михайловичъ поддерживалъ сношенія и съ другими государствами. Онъ или добивался заключить заемъ въ Англіи и въ Голландіи, или искалъ помощи противъ турокъ у Швеціи, Польши, Венеціи, обращался даже съ этой цѣлью къ папѣ, или же отправлялъ посольства прямо изъ вѣжливости и любознательности въ Испанію, Флоренцію, даже въ Китай.

Къ началу царствованія Алексѣя Михайловича относится смѣлый походъ Е. Хабарова на Амуръ, гдѣ онъ послѣ долгой борьбы съ туземцами пытался основать городокъ. Въ 1659 году былъ присланъ сюда дьякъ, чтобы принять управленіе новымъ краемъ. Такъ было положено начало русской политики на Дальнемъ Востокѣ.

Чувствовалось, что близится новая пора, что назрѣваетъ великій переломъ Тяга къ западно-европейскому просвѣщенію обнаруживается уже въ самомъ государѣ. Старина уже не можетъ удовлетворять его. Онъ всѣми стремленіями своими стоитъ на порогѣ новаго времени.

Еще въ годы ранней молодости Алексѣй Михайловичъ отличался величайшею любознательностью. Не праздное любопытство, а желаніе знать все, что только было доступно и возможно для него въ то время, побуждало его читать всевозможныя книги и пытливо разспрашивать иноземцевъ. Его впечатлительный духъ требовалъ все новой и новой пищи. И эта сильно возбужденная духовная дѣятельность обнаруживается въ страсти писать. Царь пробовалъ свои силы и въ стихотворствѣ. До насъ дошло его письмо къ кн. Г. Г. Ромодановскому [20]), писанное виршами. Вотъ его начало:

«Рабе Божій, дерзай о имени Божіи
И уповай всѣмъ сердцемъ—подастъ Богъ побѣду;
И любовь и совѣтъ великій имѣй съ Брюховецкимъ [21]),
А о себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко...» и т. д.

Печать царя Алексѣя Михайловича.

Алмазный тронъ царя Алексѣя Михайловича (Оружейная палата въ Москвѣ).

Самъ очень начитанный, царь и въ письмахъ своихъ щеголялъ изысканнымъ, по понятіямъ XVII вѣка, слогомъ, изобилующимъ, хитроумнымъ «словоизвитіемъ». Но у него, замѣчаетъ Платоновъ [22]), «нѣтъ пустословія — продуманъ каждый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль», такъ что литературныя упражненія Тишайшаго—не модное въ XVII вѣкѣ «плетеніе словесъ».

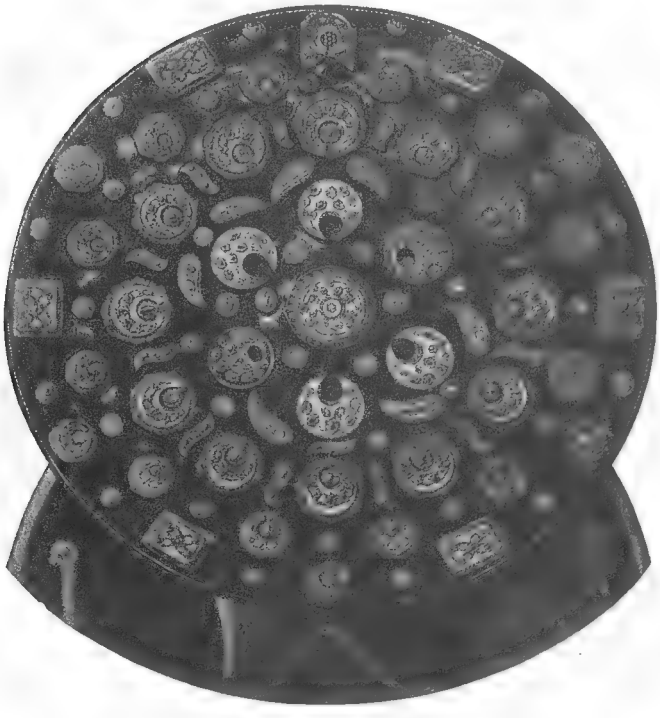
Такимъ образомъ, царь не довольствовался уже старой наукой. Ему нужны были болѣе обширныя свѣдѣнія, а пріобрѣсти ихъ отъ русскихъ масте-

[20]) Тому самому, которому было адресовано и приведенное выше гнѣвное письмо.
[21]) Гетманъ Правобережной Русской Украины.
[22]) Платоновъ, Статьи по русской исторіи.

ровъ, конечно, невозможно. Приходится прибѣгать къ помощи болѣе свѣдущихъ людей. И царь обращается къ западно-русскимъ ученымъ. Ѳ. М. Ртищевъ выписываетъ въ свой монастырь нѣсколько кіевскихъ ученыхъ монаховъ и открываетъ при монастырѣ школу. Такъ, мало-по-малу, Москва идетъ по пути сближенія съ Западомъ. При царѣ Михаилѣ это сближеніе существовало только на почвѣ чисто матеріальныхъ отношеній; теперь оно переходитъ и въ сферу интересовъ духовныхъ. Кіевскіе ученые хотя и отстали значительно отъ общаго западно-европейскаго уровня, но все-таки они воспитаны до нѣкоторой степени на западной культурѣ, и имъ-то и суждено было перенести ее на русскую почву. Переходъ къ новой жизни осуществлялся очень медленно и постепенно, и начаться онъ долженъ былъ съ мелочей, съ незамѣтныхъ частностей. Такою, на первый взглядъ, мелочью покажется, что Алексѣй Михайловичъ, будучи лѣтъ десяти, одиннадцати, получилъ «нѣмецкія карты»—картинки. Но по нимъ онъ еще въ раннемъ дѣтствѣ получалъ представленіе о Западѣ, и оно навсегда запечатлѣлось въ его душѣ. Съ началомъ польской войны царь самъ рѣшаетъ вести войска въ походъ и разстаться, такимъ образомъ, на довольно продолжительное время съ Москвой. Эта отлучка вырываетъ его изъ традиціонной консервативной среды и переноситъ въ другую совсѣмъ область. Царь знакомится съ новыми людьми, новыми понятіями, новыми отношеніями, и нѣкоторыя изъ нихъ онъ рѣшается привить русской жизни, начавъ съ своей собственной. Онъ уже не чуждается иностранцевъ. Въ его домашнемъ обиходѣ все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться вещи, заимствованныя съ Запада. Нѣкоторые изъ его придворнымъ уже сравнительно давно стали кое-что перенимать у западныхъ сосѣдей для своей обстановки, и царь все это санкціонировалъ теперь своимъ примѣромъ. Заводятся пышныя кареты, зеркала, картины, мягкая мебель и т. п. Наконецъ, царь Алексѣй, веселый и полный жизни, позволилъ себѣ посѣтить «комидійное дѣйство», а уже ранѣе завелъ себѣ обыкновеніе, что во время стола «въ органы игралъ нѣмчинъ, въ трубы трубили и по литаврамъ били». Ясно, что съ чисто внѣшнихъ отношеній Россія перешла на путь идейнаго сближенія съ остальной Европой. Во главѣ этого движенія стоялъ царь Алексѣй. Преемникамъ Алексѣя Михайловича оставалось пробиться къ Черному и Балтійскому морю, къ той цѣли, которая намѣчалась еще въ половинѣ XVI столѣтія, и съ этой точки зрѣнія

Кубокъ царя Алексѣя Михайловича изъ раковины.

Держава царя Алексѣя Михайловича.



Государственный щитъ.

Скипетръ большого наряда.

дѣятельность тишайшаго царя является подготовительнымъ періодомъ для новой эпохи въ жизни русскаго государства. Заря этой новой эпохи ярко горѣла въ годы правленія Алексѣя Михайловича, предвѣщая собою наступленіе новаго дня.

В. Т. Шварцъ. Выѣздъ царицы на богомолье (Третьяковская галлерея).

Оглядываясь на правленіе тишайшаго царя, мы можемъ сказать, что правъ иноземецъ Лизекъ, говорившій, что Алексѣй Михайловичъ своими дарованіями покорилъ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, а его безпримѣрныя къ иностранцамъ милости достойны того, чтобы и нѣмецкіе писатели увѣковѣчили имя его хвалами [23]). Обаяніе тишайшаго царя было такъ велико, что Рейтенфельсъ, познакомившись съ нимъ, восклицаетъ въ восторгѣ: «Алексѣй Михайловичъ такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но лишь немногіе имѣютъ!»

[23]) Чтенія въ Имп. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ, часть I, кн. 1, стр. 13 и сл.

Царь Феодоръ

Θеодоръ Алексѣевичъ.
Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.
1676—1682.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, желая предотвратить могущія возникнуть въ случаѣ его смерти недоразумѣнія по поводу престолонаслѣдія, еще 1 сентября 1674 года при торжественной обстановкѣ, по особо составленному чину, «объявилъ» народу въ Успенскомъ соборѣ своимъ наслѣдникомъ старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей — Ѳеодора Алексѣевича. Наканунѣ своей смерти онъ вторично подтвердилъ это и благословилъ Ѳеодора на царство. Ѳеодору Алексѣевичу шелъ еще пятнадцатый годъ, когда онъ сталъ государемъ. Онъ былъ хилъ здоровьемъ и мягокъ характеромъ. При вступленіи на престолъ ему пришлось выбирать между двумя партіями, боровшимися при дворѣ. Одна, группировавшаяся вокругъ молодой царицы Натальи Кирилловны, имѣла во главѣ А. С. Матвѣева; руководителями другой являлись родственники матери молодого царя — Милославскіе и сестра Ѳеодора — царевна Софья. Верхъ взяла вторая: нарышкинцы частью были сосланы въ отдаленные края, а сама Наталья Кирилловна съ маленькимъ Петромъ были удалены отъ двора. Но приближенными къ царю лицами стали не Милославскіе, а совсѣмъ молодые люди—И. М. Языковъ, А. Т. Лихачевъ, кн. В. В. Голицынъ. Поэтому государственныя дѣла пошли не совсѣмъ въ томъ направленіи, какъ ожидали представители стараго поколѣнія.

Царствованіе Ѳеодора—еще одинъ шагъ на пути къ обновленію Россіи, и въ этомъ процессѣ обновленія самъ царь, несмотря на всю свою молодость и болѣзненность, принимаетъ живѣйшее участіе. Алексѣй Михайловичъ отлично сознавалъ всю необходимость

образованія. Видя превосходство въ этомъ отношеніи западно-русскихъ ученыхъ передъ московскими «мастерами», онъ приставилъ учителемъ къ своимъ дѣтямъ знаменитаго Симеона Полоцкаго, питомца кіевской академіи. Помимо обычнаго круга наукъ, которыя въ свое время прошелъ и Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ изучилъ еще и польскій языкъ, такъ что еще въ 1672 году Лазарь Барановичъ, посвящая ему свои «Житія святыхъ отецъ», писалъ: «Издахъ языкомъ ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ языкомъ чтетъ книги». Татищевъ на основаніи недошедшихъ до насъ свѣдѣній, сообщаетъ: «сей государь (т.-е. Ѳеодоръ) при отцѣ своемъ ученъ былъ въ латинскомъ языкѣ старцемъ Симіономъ Полоцкимъ» [1]). Есть также указаніе и на то, что Ѳеодоръ былъ любителемъ наукъ математическихъ. Учитель счелъ необходимымъ познакомить своего царственнаго ученика и съ правилами піитики, и Ѳеодоръ «черезъ показаніе онаго учителя великое искусство въ поэзіи имѣлъ и весьма изрядныя вирши слагалъ». Вообще, запросы художественно-эстетическіе приходились сильно по душѣ слабому, больному, сосредоточенному Ѳеодору. Кромѣ стихотворства «его величество и къ пѣнію былъ великій охотникъ», замѣчаетъ та же записка Татищева.

Такимъ образомъ, уже по самому воспитанію своему царь выдѣляется изъ общей среды, приближаясь нѣсколько къ уровню западнаго міровоззрѣнія, на первый разъ—на сторону польскаго. Въ этомъ направленіи вліяніе на него оказываетъ и Симеонъ Полоцкій, и первая супруга его—Агаѳія Семеновна, урожденная Грушецкая, происходившая изъ польскаго рода. Перенимаются нѣкоторые польскіе обычаи, вкусы и т. д. Съ другой стороны, поддерживаются и тѣ связи съ западной Европой, которыя начались при дѣдѣ и отцѣ Ѳеодора. Теперь уже можно говорить о вліяніи западной Европы на Русь,—вліяніи, которое сказывается не въ отдѣльныхъ случайныхъ явленіяхъ, а касается уже внутренней, идейной стороны.

Въ это царствованіе былъ намѣченъ и принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ болѣе успѣшному развитію духовныхъ силъ Россіи. Прежде всего предполагалось устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ «храмины чиномъ академіи и въ оныхъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія. При томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ справляется быти». Иными словами, академія должна была охранять чистоту православія въ своихъ ученикахъ, сообщая имъ въ то же время выводы науки. Доступъ въ академію предполагался свободнымъ для лицъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Окончившихъ успѣшно предполагалось награждать чинами, даже лицъ, происходившихъ изъ неблагородныхъ сословій, а не окончившихъ ея и, вообще, не учившихся свободнымъ наукамъ вовсе въ государскіе чины не допускать. Программа, какъ видно, очень широкая; ей, правда, не суждено было осуществиться при Ѳеодорѣ. Но важно было уже одно то, что сознана была необходимость государственной школы, которая дала бы возможность получить образованіе довольно большому кругу желающихъ. Смерть Ѳеодора помѣшала привести въ исполненіе этотъ проектъ. Въ 1681 году удалось только открыть школу при типографіи. Но этотъ проектъ легъ въ основу учрежденной въ 1686 году Славяно-греко-латинской академіи.

Изумрудъ съ перстня царя Ѳеодора Алексѣевича.

Другое важное мѣропріятіе было внушено царю Ѳеодору самой жизнью,—это уничтоженіе мѣстничества. Боярство, какъ правительственное учрежденіе и какъ правящій классъ,

[1]) Примѣчаніе къ XIII т. Исторіи Россіи Соловьева

основано было на принципѣ мѣстничества, т.-е. на принципѣ генеалогическихъ отношеній, сложившихся долгимъ историческимъ путемъ. Создавалось понятіе о родовой чести, которую каждый изъ представителей опредѣленной фамиліи долженъ былъ оберегать пуще зѣницы ока; обереганіе же ея состояло въ томъ, чтобы не уступать разъ навсегда опредѣленнаго происхожденіемъ въ правительственной іерархіи мѣста представителю иной фамиліи. Благодаря этому, во главѣ правительственныхъ дѣлъ стояли постоянно носители однѣхъ и тѣхъ же фамилій, независимо отъ личныхъ качествъ ихъ обладателей. На почвѣ считанья мѣстами неизбѣжны были конфликты между представителями разныхъ боярскихъ родовъ. Они и происходили при всякомъ удобномъ случаѣ. Но иногда отъ этихъ споровъ страдали не частныя самолюбія, а интересы государства. Указы царя о «бытіи безъ мѣстъ» служили только временными средствами и не всегда достигали цѣли. Но, мало-по-малу, военное устройство Россіи перестраивалось на новыхъ началахъ; очевидно, должно было реорганизоваться и командованіе арміей, и составъ командnаго класса. Такимъ образомъ, уничтоженіе мѣстничества стоитъ въ тѣсной связи съ реформой воинскаго строя. 12 января 1682 года было назначено экстренное «сидѣнье» царя съ боярами (т.-е. съ Боярской думой) и освященнымъ соборомъ. Оно открылось чтеніемъ челобитной предварительной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына, заключеніе которой гласило: «Для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ и у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста оставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было». Затѣмъ царь высказался въ томъ смыслѣ, что уничтоженіемъ мѣстничества отъ «злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь благой помыслъ Божій соединить благоволитъ». Патріархъ отъ имени освященнаго собора присоединился къ мнѣнію комиссіи, ибо отъ мѣстничества, «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило». Бояре и всѣ думные люди единогласно отвѣчали: «чтобъ великій государь указалъ учинить по прошѣнію Святѣйшаго патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ». Въ заключеніе всего на слѣдующій день сожжены были разрядныя книги, и этимъ самымъ уничтоженъ символъ и доказательство правъ каждаго семейства бояръ на извѣстное мѣсто. Такъ палъ старый, многовѣковой обычай. Было проведено еще нѣсколько болѣе мелкихъ, но имѣющихъ важное мѣстное значеніе мѣръ. Отмѣнены были должности горододѣльцевъ, губныхъ старостъ, сыщиковъ, ямскихъ приказчиковъ, разныхъ головъ, сборщиковъ, и ихъ функціи переданы

Шарлемань. Уничтоженіе разрядныхъ книгъ.

были воеводѣ. Благодаря этому, достигалось нѣкоторое упрощеніе въ системѣ мѣстнаго управленія, и отпадали расходы по содержанію всѣхъ этихъ должностей. Были уменьшены нѣкоторыя финансовыя обложенія. Запрещено примѣнявшееся въ очень широкой степени отсѣканіе преступникамъ отдѣльныхъ членовъ тѣла и указано нѣсколько мѣропріятій подобнаго же гуманнаго характера.

Во все продолженіе царствованія Ѳеодора русскіе интересы въ области внѣшней политики вращались, главнымъ образомъ, вокругъ нашихъ отношеній къ Турціи, въ чемъ Ѳеодоръ являлся продолжателемъ дѣла Алексѣя Михайловича. Малороссійскій вопросъ только осложнялся условіями Андрусовскаго мирнаго договора. Вся правобережная Украина оставалась за Польшей, отъ которой стремилась отдѣлиться. Дорошенку, гетману правобережной Украины, казалось меньшимъ изъ двухъ золъ—предложить султану свое подданство: султанъ находился сравнительно далеко, и зависимость отъ него была чисто номинальной. Но Дорошенко не разсчиталъ одного: лишь только онъ изъявилъ покорность султану, тотчасъ по его приказанію орды татаръ хлынули на Украину. Увлеченный Дорошенкомъ Брюховецкій, гетманъ лѣвобережной Украины, тоже было присягнулъ султану, и татары устремились на русскую половину Малороссіи. Тутъ только Дорошенко спохватился и поспѣшно заявилъ Московскому правительству, что переходитъ на его сторону. Султанъ, узнавъ объ этомъ, назначилъ вмѣсто Дорошенка гетманомъ Юрія Хмельницкаго, царь-Самойловича. Тѣмъ временемъ осажденъ былъ Чигиринъ, гдѣ заперлись русскія войска и казаки. Запорожскій кошевой Сірко велъ себя двусмысленно, не примыкая ни къ той, ни къ другой сторонѣ, и, очевидно, выжидая, какъ повернется дѣло. Наконецъ, Чигиринъ былъ совершенно разрушенъ частыми приступами, и защитникамъ его пришлось отступить. Татары бросились грабить польскія владѣнія. И передъ лицомъ грозной опасности Польша стала сговорчивѣй. Переговоры, длившіеся до сихъ поръ безъ всякаго успѣха въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, окончились въ 1678 году. Мирный договоръ, подписанный въ Москвѣ, гласилъ, что перемиріе продолжено еще на тринадцать лѣтъ, а въ этотъ промежутокъ должно стараться о выработкѣ условій вѣчнаго мира. Кіевъ былъ уступленъ Россіи навсегда въ обмѣнъ на Невель, Себежъ и Велижъ съ приплатою 200.000 руб. наличными деньгами. Султанъ, видя такой исходъ долгой вражды и боясь, какъ бы между Россіей и Польшей не былъ заключенъ союзъ противъ Турціи, также согласился на сравнительно выгодныя для Россіи условія мира: Россія ничего не теряла изъ своихъ земель и ничего не платила султану, за которымъ оставалась правобережная Украина, опустошенная и выжженная до тла. Населеніе ея почти все переселилось на русскую сторону или направилось къ С. Донцу; такимъ образомъ, заселились, огромныя степи на югѣ Россіи—такъ называемая Слободская Украина. Перемиріе было заключено въ Бахчисараѣ, срокомъ на двадцать лѣтъ.

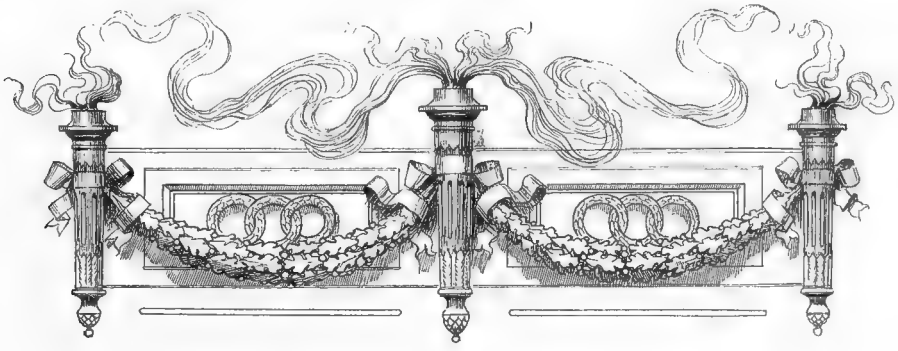
Царица Марѳа Матѣевна (Романовская галлерея).

Изъ-за этой затяжной войны приходилось особенно осторожно вести сношенія со Шве-

ціей, всячески избѣгая съ нею столкновеній, могущихъ вызвать военную грозу. Зато Россія все расширяла и расширяла свои владѣнія на югѣ, юго-востокѣ и востокѣ. Донскіе и сибирскіе казаки медленно, но настойчиво оттѣсняли мелкія туземныя племена и занимали ихъ земли.

К. В. Лебедевъ. Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича.

Такимъ образомъ, кратковременное царствованіе Ѳеодора Алексѣевича важно въ томъ отношеніи, что мало-по-малу въ теченіе его уничтожались устарѣлыя традиціи и понятія и открывалось свободное мѣсто для новаго міровоззрѣнія, и въ этомъ стремленіи впередъ самому царю — еще совсѣмъ юному (онъ умеръ, не достигнувъ еще и 21 года) и слабому физически—принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду передовыхъ бойцовъ за новые идеалы. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался въ апрѣлѣ 1682 года всего двадцати лѣтъ отъ роду. За годъ до его смерти скончалась его супруга и маленькій сынъ; царь женился вторично на М. М. Апраксиной, но, спустя два мѣсяца послѣ свадьбы Господь отозвалъ его изъ этого міра. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ умеръ бездѣтнымъ, и, умирая, не распорядился относительно престолонаслѣдія. Слѣдовавшій за нимъ братъ Іоаннъ Алексѣевичъ былъ крайне слабъ и тѣломъ и духомъ... Назрѣвали новыя замѣшательства и смятенія на русской землѣ.

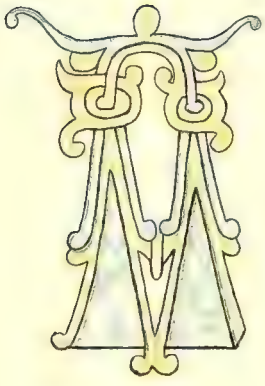


Крестовая палата въ теремахъ.

Иоаннъ Алексѣевичъ.
Соцарствовалъ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Юность Петра Великаго и правительница Софья.



О смерти кроткой, болѣзненной Маріи Ильиничны Милославской царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ жениться вторично. На этотъ разъ выборъ его палъ на Наталью Кирилловну Нарышкину, веселую, жизнерадостную молодую красавицу, отдаленную родственницу и воспитанницу любимца тишайшаго царя Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ домѣ котораго царь съ нею и познакомился. 30 мая 1672 года, въ четвергъ, на память св. Исаакія Далматскаго, «въ отдачу часовъ ночныхъ» родился Петръ. На радостяхъ царь пожаловалъ въ окольничьи отца Натальи Кирилловны—К. П. Нарышкина и «своего друга Сергѣевича»—А. С. Матвѣева. Отпраздновать достойнымъ образомъ рожденіе сына немедленно не представлялось возможнымъ: подходилъ Петровскій постъ; поэтому празднованіе было отложено до наступленія мясоѣда, но царь приказалъ ознаменовать радостное событіе своей семейной жизни грандіознымъ представленіемъ «комидійнаго дѣйства», для чего былъ созданъ особый театръ въ Преображенскомъ и подобрана для него труппа.

Ребенокъ былъ необычайно здоровъ и крѣпокъ и черезъ полгода сталъ уже ходить, а вскорѣ и играть. Въ «Архивѣ Оружейной Палаты» за время дѣтства Петра можно найти любопытныя указанія на игрушки, которыя предназначались для царевича. Онѣ были самаго разнообразнаго характера: встрѣчаются здѣсь и звѣри, и птицы, и сосуды, и простѣйшіе музыкальные инструменты («цинбальцы»). Но скоро начинаютъ преобладать игрушки, такъ или иначе относящіяся къ «воинской потѣхѣ». Царевичу, когда ему едва исполнилось два года, купили нѣсколько лучковъ-жильничковъ и къ нимъ соот-

вѣтствующее число гнѣздъ стрѣлъ. Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще упоминаются игрушки воинской потѣхи—то стрѣлы и луки, то знамена и прапорцы, то бубны и барабаны, то ножи и воинскіе топорики; наконецъ, Петръ получилъ потѣшную пушечку, а затѣмъ потребовалось уже значительное количество пистолей, карабиновъ, пищалей и т. п. Судя по тому, что всѣхъ этихъ принадлежностей дѣтскихъ воинскихъ игръ Петра требовалось постоянно по нѣсколько экземпляровъ, надо полагать, что Петръ не одинъ развлекался подобными забавами. И, дѣйствительно, вскорѣ начинаютъ попадаться въ замѣткахъ Архива слова: «взято тогда-то *робятокъ* того-то столько-то». Вѣроятно, уже въ то время у Петра былъ свой кружокъ такихъ же малолѣтковъ сверстниковъ или мальчиковъ немного старше него, которые составляли дѣтскую дружину и въ которыхъ можно видѣть зерно будущихъ потѣшныхъ полковъ, а впослѣдствіи первыхъ русскихъ гвардейскихъ региментовъ.

Представленіе «Іудиѳи» на сценѣ Преображенскаго театра 24 ноября 1674 года въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича.

Состоялъ этотъ кружокъ изъ обычнаго дѣтскаго штата царевича—стольниковъ, спальниковъ и т. п. Тутъ впервые мы встрѣчаемъ имена будущихъ его сподвижниковъ—Л. Нарышкина, А. Головина, И. Головкина и др. Крекшинъ даже увѣряетъ, что Алексѣй Михайловичъ, «повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ со знаменемъ и ружьемъ и наименовать оный полкъ Петровъ. Царевича объявить того полка полковникомъ и, по обычаю военному, обо всемъ репортовать, что самъ государь своею персоною всегда наблюдалъ». Такимъ образомъ, въ дитяти уже развивалась и поддерживалась страсть къ военному дѣлу. Петръ съ трехъ лѣтъ самъ началъ проходить военную науку, сначала, конечно, въ видѣ забавы, потѣхи. Эта служба поставлена уже была на иноземный ладъ. Сохранилось извѣстіе [1]), что царь приставилъ къ сыну для обученія шотландца полковника Менезіуса,—человѣка, много пространствовавшаго по свѣту, много видѣвшаго и очень умнаго, который служилъ Россіи и въ качествѣ дипломата, и въ качествѣ инструктора, и въ качествѣ администратора.

Но за воинской потѣхой не забывали удовлетворять и умственныя потребности Петра. По обычаю, свято соблюдавшемуся въ царской семьѣ, Петра посадили за «книжное ученіе» на исходѣ пятаго года его жизни. Въ это время царь Алексѣй уже скончался, и забота о воспитаніи и образованіи Петра перешла къ старшему его брату, царю Ѳеодору Алексѣевичу. Но, судя по записямъ въ расходныхъ книгахъ Тайнаго приказа, о заготовленіи учебниковъ Петру старался еще отецъ его и заказалъ написать для него азбуку и часословъ. Нашли «мужа кроткаго и смиреннаго и всякихъ добродѣтелей исполненнаго, въ писаніи искуснаго»,—то былъ приказный Никита Моисеевичъ Зотовъ. Кротость и смиреніе свое онъ доказалъ тѣмъ, что при извѣстіи о чести, выпавшей на его долю, не могъ двинуться съ мѣста и вымолвить слова, а искусство его въ грамотѣ и письмѣ обнаружилось на экзаменѣ, произведенномъ ему старымъ учителемъ Ѳеодора—Симеономъ Полоцкимъ. На другой день

[1]) Невилль (Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie).

послѣ этого испытанія Зотовъ «сотворилъ царевичу земное поклоненіе» и приступилъ къ наукѣ. По своимъ пріемамъ Зотовъ нѣсколько отличался отъ старыхъ русскихъ мастеровъ. Онъ не все время держался за указку, но предпочиталъ примѣнять методъ наглядnаго обученія. Почитавъ нѣкоторое время, онъ обращался къ разсматриванію «потѣшныхъ фряжскихъ листовъ, картъ» (картинокъ), въ изобиліи доставленныхъ ему, объясняя царевичу непонятное для него. Кромѣ того, Зотовъ съ жаромъ разсказывалъ питомцу «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы... повѣдалъ дѣла великаго князя Дмитрія Донского и дѣла князя Владиміра и Александра Невскаго и о прочихъ»[2]). Это замѣняло отчасти уроки исторіи. Любознательный и живой царевичъ охотно слушалъ эти разсказы о своихъ предкахъ; его умъ отчасти получалъ отвѣтъ на нѣкоторые запросы, которыхъ отъ обычнаго мастера онъ бы не получилъ.

Лѣтъ съ восьми начали учить Петра письму. Но живой, непосѣдливый мальчикъ съ трудомъ соглашался просидѣть нѣсколько времени, согнувшись надъ писаніемъ. Поэтому писанные Петромъ манускрипты читаются нелегко. Вѣроятно, обучали Петра, какъ и всѣхъ вообще дѣтей знатныхъ лицъ[3]) въ XVII вѣкѣ, и церковному пѣнію. Свѣдѣній объ этомъ до насъ не дошло. Но, если судить по тому, что впослѣдствіи Петръ нерѣдко самъ пѣлъ на клиросѣ и охотно читалъ своимъ звучнымъ, высокимъ баритономъ «Апостолъ», то несомнѣнно надобно признать, что научился этому онъ въ ранніе годы, когда было у него для того вполнѣ достаточно времени. Вообще, образованіе Петра шло еще по-старому, но въ воспитаніи уже сказывается двойственность: съ одной стороны мы видимъ придворные исконные русскіе обычаи, съ другой—замѣтное вліяніе иноземщины[4]).

Никита Моисеевичъ Зотовъ.
Съ гравюры, изд. П. Бекетовымъ.

Петръ религіозенъ — онъ приказываетъ служить молебствія по поводу какой-нибудь одержанной викторіи, самъ прочтетъ на молебнѣ «Апостолъ», въ его письмахъ мы постоянно встрѣтимъ указанія на Божій Промыселъ, на Божью волю; онъ знаетъ отлично священное Писаніе и при случаѣ охотно цитируетъ его. Когда Петръ взялъ въ свои руки бразды правленія, онъ, сближаясь съ инославными народами, оставался вѣрнымъ сыномъ православной церкви, хотя и преобразовалъ ея строй. Онъ заботился о распространеніи православія среди язычниковъ. Онъ строго слѣдилъ, чтобы его подданные посѣщали церковныя службы и пріобщались ежегодно. Много заботъ было имъ посвящено религіозно-нравственному просвѣщенію народа. Петръ принималъ строгія мѣры противъ совращенія православныхъ въ иныя исповѣданія. Отличаясь по временамъ нѣкоторымъ вольномысліемъ, онъ не допускалъ въ другихъ легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ вѣры: Такъ, однажды онъ больно поучилъ дубинкой за вольнодумство Татищева, сказавши ему: «Не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго благоустройству общественному. Не затѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ церкви и общества».

---

[2]) Крекшинъ.

[3]) Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей.

[4]) Забѣлинъ, Опыты изученія исторіи и древностей Россіи, I, «Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время».

Когда, не оставивъ потомства, умеръ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, возникалъ вопросъ, кому долженъ достаться престолъ? Оставался еще царевичъ Іоаннъ Алексѣвичъ, сынъ Алексѣя Михайловича отъ перваго брака съ М. И. Милославской; онъ былъ лѣтъ на шесть старше Петра. Но здоровьемъ онъ былъ еще слабѣе Ѳеодора, очень медленно развивался и страдалъ какою-то хроническою болѣзнью глазъ. Боясь причинить ему вредъ, его держали вдали отъ всякихъ дѣлъ и заботъ. А съ другой стороны, всѣмъ невольно напрашивалось сравненіе его съ крѣпкимъ цвѣтущимъ Петромъ, и оно, конечно, оказывалось далеко не въ пользу Ивана. Вотъ, почему на сторонѣ Петра оказался и патріархъ Іоакимъ. Онъ обратился къ собравшемуся на площади народу съ вопросомъ, кому быть царемъ, и въ отвѣтъ послышалось имя Петра; патріархъ его и объявилъ царемъ. Само собою понятно, что десятилѣтній царь не могъ самъ управлять государствомъ, что теперь опять во главѣ правленія станетъ партія Нарышкиныхъ и А. С. Матвѣевъ, а партія Милославскихъ и царевны Софьи должна будетъ уступить имъ свое мѣсто. Но Софья не соглашалась сдаться такъ легко. Не говоря уже о томъ, что она только немногимъ была моложе своей мачехи,— Натальи Кирилловны, и не желала еще при жизни отца признавать ея авторитета, Софья сама претендовала на первое мѣсто въ дѣлахъ государственнаго управленія. Надѣленная энергичнымъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ характеромъ, она мало похожа была на теремныхъ затворницъ, какими въ XVII вѣкѣ были московскія женщины. Она всей душой стремилась къ дѣятельности и къ дѣятельности крупной. Теперь ей представлялся, повидимому, удобный случай выступить на арену общественной дѣятельности. Для той заманчивой цѣли, которая рисовалась ей въ грезахъ, для того, чтобы стать правительницей, стоило рискнуть и нарушить традицію. Въ случаѣ удачи— ея игра была бы выиграна, въ случаѣ пораженія ее ожидалъ, вѣроятно, монастырь; но если бы она и не рѣшилась дѣйствовать въ такомъ направленіи, то ея участь при главенствѣ нелюбимой мачехи была бы очень и очень печальна и не лучше, во всякомъ случаѣ, монастырскаго заключенія. Софья рѣшила возвести на престолъ Ивана, чтобы самой править, прикрываясь его именемъ.

Царица Наталья Кирилловна (Романовская галлерея).

А. С. Матвѣевъ. Съ гравюры И. Ческаго.

Уже первый изъ ея поступковъ по смерти Ѳеодора— открытое присутствіе на погребеніи царя — показалъ, что Софья не остановится передъ тѣми затрудненіями, которыя представлялись ей преданіемъ, традиціей; напрасно ставили ей на видъ, что «такое у насъ не повелось», Софья поставила на своемъ, и народъ былъ не мало изумленъ ея появленіемъ на отпѣваніи и слѣдованіемъ за гробомъ царя. Дальнѣйшія ея дѣйствія были еще

болѣе рѣшительны. Она не задумалась опереться на не особенно надежную опору. Софья обратилась къ помощи стрѣльцовъ. Ихъ всегда можно было возбудить, указавъ на тѣ злоупотребленія, которыхъ, дѣйствительно, не чуждо было стрѣлецкое высшее начальство, и какъ на причину ихъ — на создавшійся новый порядокъ вещей. Стоило только пообѣщать исполненіе ихъ претензій и возвращеніе къ старымъ порядкамъ, и этимъ можно было пріобрѣсти въ нихъ себѣ вѣрныхъ слугъ. Софья и воспользовалась ими для приведенія въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы они возмутились. Въ это-то время имъ стали внушать, что «измѣнники - бояре», въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ тѣхъ, на которыхъ жаловались и сами стрѣльцы, замышляютъ убить или уже убили царевича Ивана. Списокъ бояръ былъ врученъ стрѣльцамъ. Толпа ихъ пришла 15 мая 1682 года къ крыльцу дворца, требуя выдачи «измѣнниковъ». Напрасно Наталья Кирилловна вывела Петра и Ивана на крыльцо, напрасно Иванъ увѣрялъ всѣхъ, что съ нимъ обходятся хорошо. Стрѣльцы вломились во дворецъ. Здѣсь вырвавъ Матвѣева изъ рукъ Петра, они убили престарѣлаго боярина на глазахъ маленькаго царя, затѣмъ, найдя нѣсколько дядей его, Нарышкиныхъ, убили и ихъ. Три дня продолжались эти безпорядки. Наконецъ, стрѣльцы болѣе или менѣе успокоились, когда удовлетворили ихъ требованіе, чтобы царевичъ Иванъ былъ также объявленъ царемъ, чтобы государствомъ правила за малолѣтнихъ царей Софья (а не царица Наталья, какъ слѣдовало бы по старому обычаю), и чтобы сами стрѣльцы остались безнаказанными. Мятежъ улегся, но кровавыя картины буйствъ стрѣльцовъ навсегда остались въ памяти впечатлительнаго Петра.

Дмитріевъ. Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году. Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

Начальникомъ стрѣлецкаго приказа Софья назначила кн. И. А. Хованскаго, кичливаго, гордаго старика, участника многихъ походовъ, всегда почти неудачныхъ, заслужившаго въ народѣ ироническую кличку «Тараруя». Благодаря его содѣйствію было устроено въ Грановитой палатѣ «преніе о вѣрѣ» раскольниковъ съ православнымъ духовенствомъ. На засѣданіи участвовали патріархъ, оба царя и Софья. Расколоучители во главѣ съ Никитой Пустосвятомъ держали себя дерзко, позволяя себѣ поносить царя Алексѣя. По окончаніи безплоднаго спора раскольники съ громкими криками: «побѣдихомъ! препрехомъ!» толпами шли по улицамъ, приглашая всѣхъ креститься двумя перстами. Можно было опять опасаться возобновленія безпорядковъ. Но Софьѣ удалось убѣдить стрѣльцовъ задержать виднѣйшихъ расколоучителей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ казнили. Послѣ такой расправы раскольники стали удаляться въ отдаленныя и глухія мѣстности. Стрѣльцы не оказали имъ той поддержки, на которую раскольники надѣялись. Болѣе того, получивъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, стрѣльцы вполнѣ ими удовольствовались и не поддержали своего начальника кн. Хованскаго въ его честолюбивыхъ планахъ. Прошли слухи, что князь Иванъ Андреевичъ самъ за-

В. Перовъ. Никита Пустосвятъ
(Третьяковская галлерея).

мыслилъ сѣсть на престолъ. Онъ уже отказывался исполнять распоряженія Софьи. Тогда Софья прибѣгнула къ испытанному въ русской исторіи средству: угрожая покинуть правленіе и побудить братьевъ отказаться отъ царской власти, она, взявъ съ собой царей, уѣхала изъ Москвы въ «потѣшныя свои деревни», куда собрала дворянскіе отряды. Затѣмъ сюда былъ вызванъ кн. Хованскій съ сыномъ; оба были схвачены, имъ предъявили обвиненія въ измѣнахъ и злоумышленіяхъ на царей, и обоихъ приговорили къ казни. Стрѣльцы, видя такую рѣшительность Софьи, сами принесли ей повинную въ своихъ безчинствахъ и просили ее возвратиться въ Москву. Къ концу года она пріѣхала въ столицу съ царемъ Иваномъ, а Петръ остался въ потѣшныхъ селахъ, переѣзжая часто изъ одного въ другое. Теперь, когда улеглись до нѣкоторой степени волненія, можно было приступить къ дѣламъ государственнаго управленія.

Царица Софья Алексѣевна (Романовская галлерея).

Вѣрнымъ помощникомъ Софьи въ этомъ отношеніи былъ кн. В. В. Голицынъ,—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей русской исторіи конца XVII вѣка. В. О. Ключевскій набросалъ рѣзкими штрихами мастерской портретъ кн. Голицына, какъ политика и одного изъ раннихъ русскихъ западниковъ [5]). Опираясь на слова Невилля [6]), что кн. Голицынъ «хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей превратить въ людей, трусовъ въ храбрецовъ, пастушечьи шалаши въ каменныя палаты», Ключевскій полагаетъ, что Голицынъ имѣлъ продуманный планъ общихъ реформъ, и пробуетъ выяснить этотъ планъ. Между прочимъ, Голицынъ предполагалъ освобожденіе крестьянъ съ выкупомъ земли, мечталъ о распространеніи въ Россіи образованія, о своеобразной сословной реформѣ и т. д.

Голицыну пришлось опять приняться за безконечную борьбу съ Турціей. Ради большей успѣшности ея кн. Голицынъ заключилъ «вѣчный» миръ съ Польшей. Благодаря его ловкости и тактичности, Россіи окончательно былъ возвращенъ Кіевъ, изъ-за котораго шли столь долгіе споры съ Польшей, и словесные, и съ оружіемъ въ рукахъ. По заключеніи мира съ Рѣчью Посполитой, Голицынъ выступилъ въ походъ противъ Турціи. Но дальновидный политикъ, вдумчивый и глубокій мыслитель, онъ не надѣленъ былъ талантомъ полководца и оказался не особенно предусмотрительнымъ организаторомъ. Голицыну пришлось итти въ Крымъ, чтобы уничтожить крымское татарское ханство, постоянно и давно уже грозившее Московскому царству. Русское войско двинулось въ походъ, не имѣя ни достаточнаго количества провіанта, ни фуража. Начались неудовольствія между великорусскими и малорусскими воинами. Появились болѣзни, поднялся ропотъ въ войскѣ и посыпались взаимныя обвиненія. Кн. Голицынъ приказалъ войску повернуть назадъ, даже не дойдя до Крыма. Несмотря на полную неудачу, Голицынъ былъ

[5]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. III, лекція LVIII.
[6]) De la Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie.

щедро награжденъ Софьей. Черезъ годъ онъ опять рѣшилъ отправиться походомъ въ Крымъ. На этотъ разъ выступили въ походъ гораздо раньше и сдѣлали кое-какіе запасы и приняли мѣры предосторожности. Благодаря этому удалось продвинуться нѣсколько дальше, до Перекопа. Но вновь пришлось отступать. Въ глазахъ царевны это отступленіе безъ малѣйшей стычки со врагомъ казалось чуть ли не подвигомъ со стороны Голицына.

Князь В. В. Голицынъ. Собраніе Ровинскаго.

Но не такъ смотрѣло на это большинство русскихъ: они видѣли въ дѣйствіяхъ Голицына позоръ для Руси, и вмѣстѣ съ Голицынымъ винили въ этой неудачѣ Софью. Недавно столь популярная Софья теперь уже начинала встрѣчать явное противодѣйствіе нѣкоторымъ своимъ приказаніямъ и планамъ. Такъ, желая окончательно укрѣпить за собою власть, царевна рѣшила именовать себя уже не правительницей, а самодержицей. Въ этомъ намѣреніи ей долженъ былъ способствовать Голицынъ. Но по натурѣ своей слишкомъ осторожный, онъ сейчасъ же поспѣшилъ черезъ Шакловитаго навести справки о мнѣніи по этому поводу въ Москвѣ. Софья въ грамотахъ уже стала писаться самодержицей. Ея посланникъ въ Венеціи говорилъ дожу, что царевна соцарствуетъ братьямъ. Эти первыя попытки Софьи стать незамѣтно самодержавной государыней встрѣтили, однако, противодѣйствіе у царицы Натальи Кирилловны, патріарха и, вообще, ни въ комъ не возбудили сочувствія. Надобно было устранить прежде всего этихъ опасныхъ противниковъ. Съ этою цѣлью Софья опять начала подбивать стрѣльцовъ черезъ преданнаго ей начальника стрѣлецкаго приказа Шакловитаго подать царю Петру челобитную о томъ, чтобы Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ, а предварительно потребовать удаленія патріарха, Льва Нарышкина, Бориса Голицына и др. приближенныхъ Петра. Но большинство стрѣльцовъ оставалось холодно къ увѣщаньямъ Шакловитаго и его посуламъ. Съ другой стороны, и Петръ нашелъ себѣ поддержку среди группы стрѣльцовъ. Между тѣмъ, Петръ начиналъ показывать сестрѣ свою власть. Однажды, когда она задумала явиться вмѣстѣ съ обоими царями въ крестномъ ходу, Петръ рѣзко ей заявилъ, что это не женское дѣло, и потребовалъ, чтобы она не ходила. Софья не послушалась, и разгнѣванный царь ускакалъ въ Преображенское. Тамъ онъ явно высказывалъ недовольство создавшимся положеніемъ дѣлъ. Стали бродить тревожные слухи. Софья собрала въ Кремль значительную массу стрѣльцовъ. Двое изъ стрѣльцовъ—Мельновъ и Ладогинъ—прискакали ночью съ 7 на 8 августа 1789 года въ Преображенское, гдѣ былъ въ то время Петръ, и разсказали о замыслахъ Софьи. Петръ тотчасъ же, какъ былъ неодѣтый, вскочилъ на коня и поскакалъ къ Троицѣ [7]), гдѣ разсказалъ обо всемъ архимандриту-игумену. Днемъ туда же поспѣшно прибыли царица Наталья и Евдокія (жена Петра), потѣшные, стрѣлецкій полкъ Сухарева; постепенно начала собираться къ Троицѣ и придворная знать изъ Москвы.

Мало-по-малу всѣ стали покидать Софью. Стрѣльцы ничего не отвѣчали на ея увѣщанія. Ея посланники къ Петру возвращались съ малоутѣшительными извѣстіями. Нако-

[7]) P. Gordon. Tagebuch.

нецъ, ушли къ Троицѣ и иноземцы во главѣ съ Гордономъ. Царевнѣ категорически отказали въ ея просьбѣ увидѣться съ Петромъ. Стрѣльцы настаивали на выдачѣ Шакловитаго. Голицынъ не помогалъ Софьѣ и не переходилъ на сторону Петра. Софья осталась одна и принуждена была сдаться. Шакловитый былъ присужденъ къ смертной казни; Гордонъ говоритъ, что Петръ былъ противъ такой мѣры наказанія, но уступилъ настояніямъ патріарха. Кн. В. В. Голицына сослали. Софьѣ былъ объявленъ приказъ Петра итти въ монастырь, и она поселилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. «А теперь, государь-братецъ,— писалъ Петръ Ивану,—настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ быть не позволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ!» Но, конечно, всѣмъ было понятно, кто теперь станетъ править государствомъ, и самъ Петръ намекалъ на это въ своей грамотѣ: «позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государь, учинить...» Такимъ образомъ, Петръ сдѣлался истиннымъ государемъ и правителемъ Россіи. Ему исполнилось въ это время семнадцать лѣтъ.

Царевна Софья, занятая своими честолюбивыми планами и мечтами, какъ бы совершенно забыла о Петрѣ, забыла о томъ, что онъ растетъ и мужаетъ. Она даже не поинтересовалась

К. В. Лебедевъ. Царевна Софья получаетъ у Троицы письмо Василія Голицына.

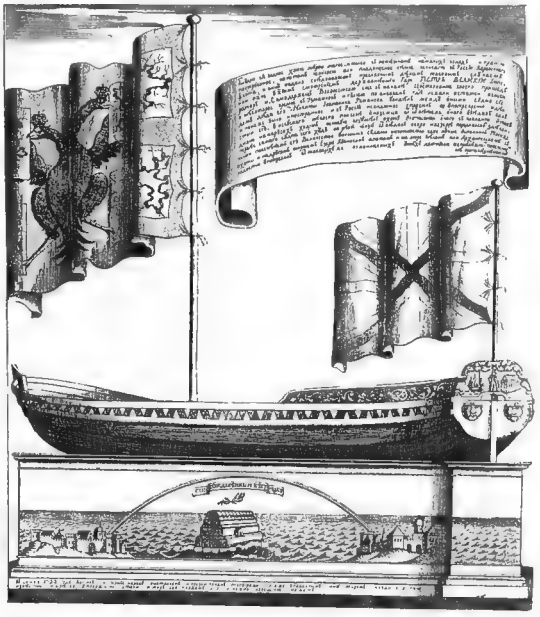
узнать, чѣмъ онъ занимался цѣлыхъ семь лѣтъ. А они не прошли для Петра безслѣдно. Въ теченіе ихъ почти совершенно сложился характеръ Петра. Удалившись въ 1682 году во время стрѣлецкихъ волненій изъ Москвы, царица Наталья Кирилловна съ Петромъ до 1689 года уже болѣе не жили въ Московскихъ дворцахъ. Петръ росъ на свободѣ, не связанный этикетомъ и условностями. Живой и подвижной, какъ ртуть, мальчикъ всѣмъ интересовался, все хотѣлъ знать, во всемъ принимать участіе; онъ всюду бѣгалъ, всюду

лазилъ, проникалъ туда, куда рѣдко заглядывалъ глазъ человѣка. Его воинственныя забавы, которыми онъ увлекался еще въ раннемъ дѣтствѣ, здѣсь имѣли полный просторъ развиваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Теперь Петръ, главнымъ образомъ, интересуется «огненнымъ боемъ», т.-е. огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мало-по-малу, игра переходила въ стройную организованную воинскую систему. Изъ окружающихъ его спальниковъ, конюховъ, сокольниковъ и т. п. онъ набралъ себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ и составилъ изъ нихъ два «потѣшныхъ» отряда, придавъ имъ военное устройство, вооруживъ ихъ и подчинивъ опредѣленной дисциплинѣ. Это была подлинная служба: потѣшная казна платила каждому извѣстное содержаніе. Потѣшнымъ были присвоены мундиры нѣмецкаго образца и назначенъ былъ своеобразный офицерскій корпусъ. На Яузѣ была выстроена потѣшная фортеція Плесбурхъ (Пресбургъ), предназначенная для потѣшныхъ экзерицій. Впослѣдствіи здѣсь нѣсколько разъ происходили примѣрныя потѣшныя сраженія. Такъ было положено начало регулярной русской арміи, основанной на новыхъ принципахъ.

Почти одновременно съ созданіемъ арміи возникла у Петра мысль о созданіи флота. Еще въ Преображенскомъ для Петра строились потѣшныя лодки, и самъ Петръ, увидѣвъ въ Оружейной палатѣ какіе-то «корабли малые», приказалъ перенести ихъ къ себѣ. Въ 1688 году, будучи въ Измайловѣ, бывшемъ владѣніи Никиты Ивановича Романова, своего двоюроднаго дѣда, и шныряя, по своему обыкновенію, въ самыхъ недоступныхъ на первый взглядъ мѣстахъ, онъ въ одномъ изъ сараевъ откопалъ въ грудѣ мусора заваленный англійскій ботъ. Тиммерманъ сказалъ ему, что судно это можетъ ходить по вѣтру и противъ вѣтра. Петръ заинтересовался находкой, и, чтобы удовлетворить его любопытство, нашли человѣка, который могъ поправить ботъ и показать его ходъ. То былъ голландскій плотникъ Карштенъ Брандтъ, пріѣхавшій въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ и принимавшій участіе въ постройкѣ перваго русскаго корабля, предназначавшагося противъ Стеньки Разина. Брандъ исправилъ кое-какъ ботъ и спустилъ его на Яузу, но попытки плавать въ Яузѣ оказались неудачными: рѣка была слишкомъ узка и мелка, и ботъ не могъ повернуться въ ней. Перевезли его на Просяной прудъ въ Измайловѣ, но и здѣсь дѣло шло не лучше. Тогда опять перевезли ботъ на Переяславское озеро, имѣвшее въ окружности верстъ тридцать. Петръ принималъ живѣйшее участіе въ маневрированьи своего судна. Здѣсь же, на Переяславскомъ озерѣ заложена была Петромъ первая въ Россіи кораблестроительная верфь, но страсть къ плаванію въ Петрѣ разросталась все больше и больше, и скоро Пе-

И. Рѣпинъ. Петръ вербуетъ молодыхъ сокольниковъ въ потѣшные.

реяславское озеро перестало уже удовлетворять требованіямъ царя. Онъ осмотрѣлъ еще нѣсколько озеръ,—малы и они. Петръ понялъ, что только въ морѣ можно завести настоящій флотъ изъ крупныхъ судовъ. У Россіи было только одно море—Бѣлое: туда-то и стремился Петръ всѣми силами души. Наталья Кирилловна, какъ нѣжная мать, боявшаяся за отважнаго сына, долго противилась и не давала ему позволенія ѣхать на море. Думая нѣсколько остепенить сына, привязать его къ семьѣ, она женила его на боярышнѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной (январь 1689 года). Но въ началѣ апрѣля Петръ уже опять умчался на озеро, неотступно прося мать отпустить его на море. Царица принуждена была уступить волѣ сына. Въ 1693 году Петръ, наконецъ, увидѣлъ настоящее море [8]). Съ этихъ поръ оно навсегда приковало къ себѣ впечатлительную душу великаго царя. Море и огонь—вотъ любимыя стихіи царя Петра; не даромъ же, когда одна изъ нѣмецкихъ принцессъ спросила его, что онъ любитъ, онъ чистосердечно признался, что терпѣть не можетъ охоты и недолюбливаетъ пѣнія, а очень любитъ кораблеплаваніе и огненную потѣху—фейерверкъ [9]) и т. п. Такимъ образомъ, потѣхи Петра, начавшись еще въ дѣтскомъ возрастѣ, постепенно переходятъ въ серьезное занятіе воинскимъ дѣломъ, и хотя Петръ, уже будучи полновластнымъ царемъ, не прекращаетъ ихъ, но онѣ получаютъ уже другой характеръ, иное значеніе, чѣмъ раньше.



Ботикъ Петра Великаго.

Однако, среди воинскихъ забавъ Петръ не забывалъ и объ умственныхъ занятіяхъ. Онъ зналъ уже всю русскую науку, и въ этой области ему учиться было нечему. Русскіе учителя при его дальнѣйшемъ образованіи ничѣмъ не могли быть для него полезны. Ему приходилось итти въ этомъ стремленіи къ знанію, такъ сказать, ощупью, безъ руководителя, случайнымъ путемъ. Такъ, однажды, будучи еще лѣтъ четырнадцати, пятнадцати, онъ мелькомъ услыхалъ отъ кн. Я. Ѳ. Долгорукаго, что «былъ де у него такой инструментъ, которымъ можно брать дистанцію или разстоянія, не доходя до того мѣста, да жаль—украли». Когда во Францію отправилось посольство во главѣ съ тѣмъ же кн. Долгорукимъ, Петръ попросилъ его привезти ему такой инструментъ. Князь привезъ ему астролябію, но никто изъ русскихъ не умѣлъ ею пользоваться и объяснить ея устройства. Пришлось обратиться къ «нѣмцамъ». Петру указали на голландца Тиммермана, который объяснилъ употребленіе астролябіи. Но пользоваться ею, не зная математики, все-таки еще было невозможно. И, вотъ, Петръ «гораздо съ охотою» [10]) начинаетъ учиться прямо съ азовъ ариѳметикѣ, геометріи, а кстати—артиллеріи и фортификаціи. Необыкновенно способный и принявшійся

[8]) Тогда же въ Архангельскѣ была устроена имъ новая верфь.
[9]) Varnhagen von Ense, Leben der Königin von Preussen, Sophie Charlotte.
[10]) Слова самого Петра («гораздо съ охотою присталъ къ геометріи...») въ его дневникѣ.

съ горячимъ рвеніемъ за науку, Петръ быстро усвоилъ все, что могъ преподать его учитель, который и самъ былъ не слишкомъ большимъ знатокомъ всѣхъ этихъ наукъ и ошибался въ задачахъ не менѣе, чѣмъ его державный ученикъ (до насъ дошло нѣсколько тетрадей задачъ, рѣшенныхъ Петромъ, съ исправленіями, нерѣдко невѣрными, Тиммермана).

Уже въ это время Петръ понялъ, что, живя въ Россіи, многому не научишься, что надо ближе сойтись съ Западной Европой, стараться примкнуть къ ея развитію, а для этого одинъ путь—непосредственное ознакомленіе съ западно-европейской жизнью, обычаями, наукой. Разсказы очевидца Лефорта о западной культурѣ и образованности раскрывали передъ Петромъ новыя перспективы. Вотъ, почему, даже сознавая неосвѣдомленность самого Лефорта въ наукахъ, Петръ, однако, очень любилъ его, тотчасъ же возвелъ его въ генералъ-маіоры еще несуществующей русской арміи, а впослѣдствіи возвысилъ еще болѣе. Поэтому же царь стремился въ Нѣмецкую слободу, гдѣ до нѣкоторой степени знакомился съ западными привычками и образомъ жизни, и самъ многое перенималъ отъ иноземцевъ, сначала, конечно, лишь во внѣшности. Онъ одѣлъ нѣмецкій костюмъ и сталъ курить табакъ,—нѣчто невозможное, неслыханное еще на Русской землѣ: царь, курящій табакъ, который еще недавно церковные пастыри осыпали проклятіями, какъ «зломерзостное діавольское зелье». Посѣщенія Петромъ Нѣмецкой слободы служили для него, такъ сказать, подготовительной школой для усвоенія западной культуры. Болѣе или менѣе полнымъ, однако, оно могло сдѣлаться только послѣ личнаго ближайшаго ознакомленія царя съ западной жизнью. Нѣмецкая слобода для него была преддверіемъ ко всему блеску и великолѣпію западной Европы, бѣдный ботикъ села Измайлова становится родоначальникомъ русскаго флота, на скудныхъ водахъ смиренной Яузы Петръ мечтаетъ о безбрежномъ просторѣ синяго моря. Старая, домовитая и малоподвижная Русь была слишкомъ тѣсна для порывовъ Петра—онъ мечталъ о новой великой Россіи, которая должна была грозной и мощной державой стать въ первыхъ рядахъ европейскихъ державъ. Царь-богатырь сбирался съ силами, чтобы во всеоружіи знаній и умѣнья приступить къ дѣлу великихъ преобразованій.

Петръ I.

Петръ I.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1682—1725.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сѣверный исполинъ.

Петръ Великій! Крупное лицо съ рѣзкими, но не непріятными чертами, обрамленное волною пушистыхъ кудрей, высокій открытый лобъ, огромные широко-раскрытые темные глаза, горящіе глубокимъ скрытымъ огнемъ подъ тонко очерченными дугами бровей, большой носъ и рѣзко обрисованный разрѣзъ рта съ полными губами, надъ которыми змѣится тонкая полоска черныхъ усовъ—вотъ, портретъ Петра, сдѣланный съ него Кнеллеромъ, когда Петру было лѣтъ двадцать пять. Лицо Петра не отличается правильной красотою античности, но оно прекрасно красотою одухотворенности. Спокойствіе, сознаніе своей силы, увѣренность въ себѣ и какая-то тѣнь беззлобной усмѣшки выражаются на немъ. У насъ есть всѣ основанія полагать, что художникъ не польстилъ Петру, давая такой его образъ. Свидѣтельства современниковъ единогласно рисуютъ намъ обликъ Петра приблизительно въ такихъ же чертахъ. Курфюрстины нѣмецкія были весьма пріятно разочарованы, когда вмѣсто грубаго обрубка, мужика, какимъ себѣ представляли онѣ Московскаго царя, не-

редъ ними предсталъ высокій, стройный молодой человѣкъ, съ пріятной, мужественной физіономіей, нѣсколько неуклюжій, но не лишенный своеобразной граціи. Одно только нѣсколько портило его физіономію—конвульсивныя сокращенія лицевыхъ мускуловъ, явившіяся слѣдствіемъ сильныхъ нервныхъ потрясеній. Петръ былъ 2 арш. инъ 14 вершковъ ростомъ, выдаваясь на полголовы среди своихъ отборныхъ гвардейцевъ, но онъ казался нѣсколько ниже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Постоянная работа съ топоромъ или пилою въ рукахъ преждевременно согнули его станъ. Зато эта работа развила въ царѣ колоссальную силу. Онъ, шутя, свертывалъ въ трубку серебряную тарелку и разрубалъ налету кусокъ сукна,—фокусъ, требующій кромѣ большой физической силы еще и неменьшей ловкости. Для Петра являлось своего рода спортомъ занятіе кораблестроеніемъ и метанье гранатъ. По отзывамъ его голландскихъ учителей, черезъ три мѣсяца послѣ начала обученія никто не могъ лучше его оснастить корабль. Впослѣдствіи, при встрѣчѣ со своимъ другомъ—Августомъ, королемъ польскимъ, Петръ показалъ и удивительную вѣрность глаза. Мишень, на которой упражнялись въ стрѣльбѣ державные друзья, сохраняется и до сихъ поръ: отверстіе близъ центра ея сдѣлано пулей Петра. Отличаясь съ дѣтства прекраснымъ здоровьемъ, Петръ не признавалъ занятій въ комнатѣ. Его тянуло на волю, на просторъ, къ морю, къ простому, грубому физическому труду, и въ этомъ Петръ оставался никѣмъ непревзойденнымъ. Говорятъ, онъ зналъ четырнадцать ремеселъ. Судя по тѣмъ вещицамъ, которыя хранятся въ музеяхъ, онъ былъ незаурядным столяромъ, рѣзчикомъ, токаремъ, слесаремъ и т. п. Занятый цѣлый день крупными государственными дѣлами, онъ въ антрактахъ между ними находилъ время заняться своимъ любимымъ токарнымъ «рукомесломъ». И онъ гордился этимъ. Нерѣдко иностранные послы заставали его на верфи съ топоромъ въ рукахъ, обтесывающимъ бревно, или съ огромною кувалдой, забивающимъ сваи.

Жакъ. Петръ I (Академія Художествъ).

Великій Петръ былъ крайне скроменъ въ своихъ привычкахъ. Его любимою одеждой былъ короткій камзолъ грубаго темнаго сукна, короткія панталоны, не разъ штопанные чулки и башмаки изъ грубой кожи. «Мнѣ мотать не изъ чего», говаривалъ царь и поэтому ограничивалъ себя самымъ необходимымъ. Петръ совершенно упразднилъ всю пышность и весь этикетъ московскихъ царей. Онъ ѣздилъ чаще всего въ одноколкѣ и въ запряжкѣ въ одну лошадь, въ сопровожденіи дежурнаго денщика. Онъ откинулъ всякія церемоніи и являлся запросто, къ кому хотѣлъ, разъ навсегда запретивъ принимать какія бы то ни было мѣры къ пышной встрѣчѣ и угощенію его. На ассамблеяхъ часто можно было видѣть

царя, сидящаго съ трубкой въ зубахъ и потягивающаго пиво изъ изрядной кружки за однимъ столомъ съ голландскимъ или англійскимъ матросомъ.

Самъ простой и умѣренный въ своихъ житейскихъ привычкахъ, человѣкъ дѣла прежде всего, онъ требовалъ того же и отъ окружающихъ. Пріѣхавшіе изъ-за границы молодые люди должны были въ его присутствіи обнаружить свои познанія по всѣмъ предметамъ, и всегда изумлялись познаніямъ царя-экзаменатора. Его способности были изумительны; онъ налету усваивалъ все и вѣрно понималъ сущность самыхъ запутанныхъ и сложныхъ построеній. Онъ горячо всѣмъ интересовался за границей. Всякое полезное знаніе, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, Петръ спѣшилъ запечатлѣть въ памяти. По возвращеніи въ Россію онъ мечтаетъ о переносѣ всего видѣннаго къ себѣ, въ родную страну. Такъ, имъ положено начало картинныхъ галлерей и медицинскихъ музеевъ въ Россіи.

Но самое лучшее понятіе о личности царя дастъ знакомство съ его трудовымъ днемъ.

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

Вставая чѣмъ свѣтъ, часовъ въ 5—6 утра, Петръ принимался за работу. Къ нему приходили съ докладами, и онъ обсуждалъ ихъ и ставилъ на нихъ свои резолюціи. По словамъ одного современника, онъ въ одинъ часъ дѣлалъ то, чего другой не сдѣлаетъ въ четыре. Часовъ въ 11 подавался скромный обѣдъ. Петръ никакъ не могъ привыкнуть къ изысканнымъ кушаньямъ и тонкимъ манерамъ западныхъ дворовъ. Послѣ обѣда царь уходилъ соснуть часа 2—3, а затѣмъ опять принимался за работу. Вечеромъ иногда Петръ посѣщалъ ассамблеи или навѣщалъ своихъ друзей. Въ 10 часовъ Петръ обыкновенно уже бывалъ въ постели, но и здѣсь дежурный адъютантъ нерѣдко среди ночи долженъ былъ записывать пришедшую въ голову царя мысль. Конечно, во время походовъ точное расписаніе дня измѣнялось, но и здѣсь Петръ своимъ трудолюбіемъ показывалъ примѣръ, съ лопатой въ рукахъ роя рвы, насыпая валы, укрѣпляя фортеціи, и т. п. Петръ дорожилъ буквально каждой минутой и потому терпѣть не могъ праздной болтовни. Его собственноручные указы о самыхъ важныхъ предметахъ нерѣдко состоятъ изъ одной строчки. Напримѣръ, указъ объ учрежденіи Сената гласитъ:

«для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили Управительный Сенатъ». Рекомендуя перевести какую-то книгу, Петръ указываетъ переводчику: «понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла, переводить не надлежитъ...» Онъ постоянно стремился все впередъ, рвался къ дѣлу, и когда на закатѣ дней обернулся на прошлое, то оказалось, что въ своемъ собственномъ домѣ, въ своемъ «парадизѣ»—Питербурхѣ, онъ не провелъ и двухъ лѣтъ! Его богатырской натурѣ необходимъ былъ просторъ русскихъ необъятныхъ степей и полей. Широкій размахъ Петра сказывался и въ роскошныхъ празднествахъ, маскарадахъ, имъ устраиваемыхъ, и тѣхъ гомерическихъ попойкахъ, которыя на своемъ образномъ языкѣ Петръ называлъ баталіями съ Ивашкою Хмельницкимъ, въ коихъ иногда викторію одерживалъ оный Ивашка. Однако, на другое утро, когда всѣ еще находились въ плѣну у Хмельницкаго, Петръ, какъ ни въ чемъ не бывало, становился за работу. Петръ прежде всего и выше всего ставилъ работу на благо государства. «Была бы жива Россія, ея честь, благосостояніе и слава»—вотъ слова, которыя могутъ служить девизомъ всей дѣятельности великаго царя. Петръ считаетъ себя не хозяиномъ своего государства, а работникомъ для него. Онъ привыкъ считать себя состоящимъ на службѣ у государства и его интересовъ. «Я какъ почалъ служить»,—вотъ слова, которыя вы неоднократно встрѣтите въ его письмахъ. «Я вамъ отъ Бога приставникъ»,—сказалъ онъ своимъ придворнымъ,—«а должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, *не мнѣ, а болше отечеству* добро сдѣлаешь. А буде худъ будешь—такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ сдѣлать... служи же вѣрой и правдой!» Тѣмъ не менѣе, на себя, какъ на помазанника Божія, Петръ смотритъ по старому. Служеніе обществу въ качествѣ рядового работника это—не прихоть Петра, а его священный долгъ. Все для отечества,—какъ можно менѣе для себя—вотъ правило Петра. «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все оттого: показать вамъ примѣръ и хоть подъ старость видѣть достойныхъ помощниковъ и *слугъ отечеству*», обратился онъ къ Неплюеву [1]). Самъ неутомимый работникъ, какъ никто другой, добросовѣстно относившійся къ взятой на себя задачѣ, онъ того же неуклонно требовалъ отъ своихъ приближенныхъ. Отсюда его крайняя строгость, даже жестокость при взысканіяхъ, налагаемыхъ за крупныя упущенія по службѣ. Она объясняется не свойствами характера Петра: по природѣ своей, Петръ былъ вовсе не жестокъ, хотя впослѣдствіи его неоднократно упрекали въ кровожадности, указывая на массовыя казни стрѣльцовъ и т. д. Но

В. И. Суриковъ. Большой маскарадъ на улицахъ г. Москвы съ участіемъ Петра Великаго и цесаря князя И. Ѳ. Ромодановскаго.

[1]) Дневникъ Неплюева.

едва ли можно указать хоть одинъ случай, когда кого-нибудь постигло бы наказаніе по личной прихоти Петра. Правда, иногда на Петра находили припадки неудержимаго бѣшенства. Нервная система его была сильно расшатана и тяжелыми впечатлѣніями дѣтства, и его колоссальными трудами. Въ такіе моменты лучше было не попадать ему

В. Сѣровъ. Петръ Великій на набережной. (*Третьяковская галлерея.*)

на глаза. Только одна Екатерина могла успокоить его. Онъ засыпалъ и, проснувшись, возвращалъ хорошее настроеніе духа и себѣ, и окружающимъ. Гроза проходила. Царь шутилъ, смѣялся и былъ опять веселъ и привѣтливъ. Только къ нарушившимъ свой долгъ по отношенію къ государству Петръ былъ неумолимо суровъ, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами. Въ иныхъ же случаяхъ онъ расправлялся съ виновнымъ собственноручно: онъ призывалъ провинившагося въ отдѣльную комнату, и тамъ увѣсистая дубинка гуляла по плечамъ и спинѣ виновнаго, а затѣмъ царь выходилъ къ обществу, ведя, какъ ни въ чемъ ни бывало, наказаннаго подъ руку.

Самъ прямодушный и прямолинейный Петръ терпѣть не могъ лукавства, обмана, неправды. «Въ беззаконіи зачатъ, во грѣхѣ рожденъ, плутомъ и помретъ», выразился онъ про Алексашку Меншикова, зная о всѣхъ его плутняхъ. Только необычайное усердіе и ловкость Меншикова въ исполненіи велѣній Петра спасали его отъ кары.

Таковы были основныя черты характера, жизни и дѣятельности Великаго Преобразователя. «Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ насъ знать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его источникомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будетъ», такъ писалъ при вѣсти о смерти Петра одинъ изъ его приближенныхъ и учениковъ, Неплюевъ.

Въ Третьяковской картинной галлереѣ есть полотно художника Сѣрова. Оно не бросается въ глаза посѣтителей своими размѣрами и не привлекаетъ сразу къ себѣ вни-

манія яркостью и блескомъ красокъ. Вся небольшая картина написана въ скромныхъ, темныхъ тонахъ. Но подойдя поближе и всмотрѣвшись въ нее пристальнѣе, всякій, несомнѣнно, поневолѣ остановится передъ нею надолго. — Берегъ моря. Гигантскими шагами, упругой и легкой, но твердой и увѣренной походкой стремится впередъ великанъ. Нервнымъ усиліемъ сжимаетъ его рука массивную крѣпкую трость, но вы ясно видите, что предназначается она вовсе не для опоры ему. Вѣтеръ взвиваетъ волны его кудрей, но съ гордо поднятымъ челомъ великанъ безстрашно вперяетъ въ невѣдомую даль пытливый взоръ огромныхъ огненныхъ очей. Неукротимой силой, мощной энергіей и непреклонной волей вѣетъ отъ всей его фигуры. А за нимъ, согнувшись въ три погибели, съ портфелями подъ мышкой, въ припрыжку, чуть не бѣгомъ спѣшитъ толпа людей въ тщетныхъ усиліяхъ догнать великана. Ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ ему по плечо, и ни одинъ изъ нихъ, несмотря на все напряженіе и на всѣ старанія, не можетъ стать съ нимъ наравнѣ въ его побѣдномъ шествіи. По замыслу художника, таковъ Петръ и его приближенные, тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ его сподвижниками, птенцами гнѣзда Петрова. Если одинъ изъ современниковъ Великаго Петра [2]) еще въ то время замѣчалъ, что царь на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору его милліоны тянутъ, то мы теперь можемъ сказать, что Петръ въ своихъ стремленіяхъ всегда былъ совершенно одинокъ, что никогда у него не было и десяти человѣкъ, на которыхъ онъ могъ бы вполнѣ положиться. Его первая супруга, навязанная ему въ ранней молодости, явно тянула къ старинѣ. Царевичъ Алексѣй также не раздѣлялъ плановъ своего отца. До девяти лѣтъ онъ росъ у матери, слыша ея горькія жалобы на отца. Это уже вложило въ Алексѣя чувство отчужденности отъ своего великаго родителя. Петръ, захваченный своей грандіозной дѣятельностью, не могъ лично удѣлять много времени для воспитанія своего наслѣдника, и царевичъ выросталъ, укрѣпляя въ себѣ враждебное отношеніе къ дѣлу и труду своего отца. Къ тому же, по своему вялому, лѣнивому характеру, онъ былъ полною противоположностью Петру. Передъ отцомъ онъ чувствовалъ только страхъ. Поборники старины видѣли въ царевичѣ «единую свою надежду» и исподволь настраивали его противъ отца. Скоро между Петромъ и Алексѣемъ образовалась глубокая пропасть. «Если я за отечество и за подданныхъ своихъ жизни не жалѣлъ и не пожалѣю»,— говорилъ Петръ сыну,—«то неужели пожалѣю тебя? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный». Дѣло, какъ извѣстно, кончилось судомъ надъ царевичемъ, попытавшимся подняться на отца, и его безвременною смертью. Вторая жена Петра, несмотря на всю ея привязанность и нѣжную любовь къ супругу, едва ли понимала величіе его проектовъ. Такимъ образомъ, у Петра не было помощниковъ, сотрудниковъ, были только работники.

Н. Н. Ге. Петръ I и Алексѣй (Музей Императора Александра III).

[2]) Посошковъ.

Правда, Петръ умѣлъ находить себѣ способныхъ исполнителей своихъ предначертаній, но ни одинъ изъ нихъ самостоятельно, безъ его настойчивыхъ указаній, не сдѣлалъ ничего. Только одинъ онъ могъ и умѣлъ заставить ихъ работать, трудиться надъ осуществленіемъ своихъ колоссальныхъ задачъ.

Взятіе Азова въ 1696 году. Съ современной гравюры.

Само собою понятно, что въ этомъ бѣгломъ очеркѣ нѣтъ никакой возможности сколько-нибудь полно обозрѣть дѣло великаго царя. Одинъ изъ историковъ[3]) основательно замѣчаетъ, что несмотря на множество изслѣдованій, посвященныхъ выясненію личности Петра, значенію его дѣятельности, освѣщенію со всѣхъ сторонъ его эпохи[4]), время Петра еще ждетъ капитальныхъ работъ и кропотливыхъ изысканій. Мы можемъ постараться прослѣдить только хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ личность царя-реформатора отразилась въ крупнѣйшихъ событіяхъ его царствованія.

Прежде всего предстояло Петру постараться какъ-нибудь разрѣшить долголѣтній, завѣщанный ему не только его предками, но и цѣлымъ рядомъ его державныхъ предшественниковъ турецкій вопросъ, нужно было во что бы то ни стало пріобрѣсти выходъ къ морю. Единственнымъ возможнымъ пока средствомъ къ этому служило завоеваніе Азова, этого ключа двухъ морей, этой неприступной, казалось, твердыни. Чтобы отвлечь часть турецкихъ войскъ, Петръ снарядилъ огромную армію подъ начальствомъ боярина Бориса Шереметева и отправилъ ее къ устьямъ Днѣпра, а самъ съ другой, меньшей арміей двинулся къ Азову. Начальствованіе осаднымъ войскомъ было довѣрено Головину и Лефорту, самъ же Петръ, по собственноручной его записи, «зачалъ служить съ перваго азовскаго похода бомбардиромъ». Но овладѣть Азовомъ было невозможно: съ моря постоянно подвозились туда провіантъ, припасы и подкрѣпленія, и русская армія должна была отступить. Сами обстоятельства подсказали Петру, что̀ надо ему предпринять, чтобы добиться успѣха. Не задумываясь, Петръ рѣшилъ построить корабли, чтобы отрѣзать Азовъ и съ моря. Послѣ смерти своего брата Іоанна, ставши единодержавнымъ правителемъ, Петръ энергично принялся за новое для Руси дѣло: заложена была верфь въ Воронежѣ, на рѣкѣ того же

Медаль въ память постройки флота въ Воронежѣ.

[3]) Милюковъ, «Государственное хозяйство въ Россіи въ первую четверть XVIII в. и при Петрѣ Великомъ», Ж. М. Н. П. 1890—1892 гг. и отдѣльно, предисловіе.

[4]) Достаточно указать, что еще 20—25 лѣтъ тому назадъ библіографія о Петрѣ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по указателямъ Шмурло (библіогр. на русск. яз.) и Минцлова (Pierre le Grand dans la littérature étrangère), и въ то время не отличавшимся абсолютной полнотой, насчитывала почти до 10000 названій; теперь, конечно, это количество должно быть еще увеличено.

имени, и самъ царь съ топоромъ въ рукахъ показываетъ всѣмъ примѣръ неустанной работы. Менѣе чѣмъ въ годъ создано было двадцать три галеры, два «корабля», четыре брандера и 1300 «струговъ». На работы собрано было 26.000 человѣкъ. И лѣтомъ 1696 года Азовъ вновь увидѣлъ подъ своими стѣнами армію московскаго царя, а съ моря—его новоявленный флотъ. Петръ, не руководя осадой, дѣйствовалъ въ качествѣ простого капитана корабля «Принципіумъ». 19-го іюля Азовъ, наконецъ, сдался. Эта побѣда только что собраннаго наспѣхъ войска и флота русскихъ надъ считавшимися до сихъ поръ непобѣдимыми турками была отпразднована съ необычайною пышностью. «Небываемое бываетъ»—съ полнымъ правомъ гласитъ гордая надпись, вычеканенная на медали въ честь основанія русскаго флота на югѣ. Гигантская идея Петра стала осуществляться въ плоть и кровь.

Баронъ М. Клодтъ. Петръ Великій въ Саардамѣ.

Получивъ море, надо было обезпечить себѣ и возможность пользоваться и владѣть имъ,—т.-е., создать флотъ: завоеваніе Азова было лишь первымъ шагомъ къ намѣченной цѣли. У быстраго Петра сейчасъ же созрѣлъ планъ: «корабли сдѣлать со всею готовностью, какъ имъ быть къ войнѣ, къ 1698 году, такъ: св. патріарху и монастырямъ съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ—корабль; съ бояръ и служилыхъ людей съ 10.000 дворовъ—корабль; гостямъ и гостиной сотнѣ и т. п.—двѣнадцать кораблей съ припасами». Помѣщики и вотчинники должны были сгруппироваться для этой цѣли въ «кумпанства». Всего должно было быть построено пятьдесятъ кораблей, общей стоимостью на 500.000 рублей (при всемъ бюджетѣ Россіи 1695—1698 гг. въ 2.000.000 рублей)[5]). На долю каждаго двора приходилось приблизительно 1 р.—1 р. 25 к. Пятьдесятъ стольниковъ и спальниковъ были посланы въ Италію, Англію и Голландію «учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Желая во всемъ быть образцомъ своимъ подданнымъ, Петръ и самъ рѣшилъ пройти ту же науку.

И, вотъ, съ великимъ посольствомъ Московскаго государства, которое отправилось ко дворамъ европейскихъ державъ «для подтвержденія древней дружбы и любви и ослабленія враговъ креста Господня—салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ», во главѣ котораго стояли Ф. Я. Лефортъ, Ѳ. А. Головинъ и дьякъ П. Б. Возницынъ, ранней весною, въ мартѣ 1697 года выѣзжаетъ изъ Москвы «Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ». Онъ считалъ себя въ «чину учимыхъ» и пошелъ на западъ за наукой и за учителями.

Миновавъ Ригу, гдѣ встрѣча пословъ и царя была строго офиціальна, чтобы не сказать попросту, негостепріимна и суха, Курляндію, Петръ заѣхалъ въ курфюршество Бранденбургъ. Здѣсь заключенъ былъ дружественный союзъ. Двѣ прусскихъ принцессы увидѣли здѣсь русскаго царя и впослѣдствіи подѣлились своими впечатлѣніями о немъ съ

[5]) Приложенія къ названной книгѣ Милюкова.

своими придворными. Петръ поразилъ ихъ своею внѣшностью, простотой, умомъ и сообразительностью, а въ то же время крайнею застѣнчивостью и грубоватостью. Въ Пруссіи онъ занимался артиллеріей, за что въ Кенигсбергѣ получилъ дипломъ, гласившій, что «Петръ Михайловъ основательно изучилъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія и все артиллерійское дѣло». Отсюда Петръ одинъ направился въ Голландію. Здѣсь, въ Заандамѣ (Сардамѣ) онъ рѣшилъ на дѣлѣ изучить кораблестроеніе. Царь поселился въ каморкѣ, облачился въ красную фризовую куртку и бѣлые холщевые просмоленные штаны,—обычный костюмъ голландскихъ плотниковъ, и принялся за работу съ топоромъ и пилой въ рукахъ немедленно. Но любопытство толпы, пронюхавшей о высокомъ происхожденіи и истинномъ званіи плотника Михайлова, не давало ему спокойно заниматься дѣломъ. Дошло дѣло до стычекъ и рукопашной, и Петръ принужденъ былъ уѣхать въ Амстердамъ. Тутъ онъ помѣстился на громадныхъ верфяхъ остъ-индской компаніи и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ прошелъ всю навигаціонную строительскую науку. Кромѣ того, Петръ всѣмъ интересовался, всюду бывалъ, все осматривалъ—и фабрики, и мастерскія, и заводы, и госпитали, и воспитательные дома, и анатомическій театръ, и музеи, а въ то же время успѣлъ повидаться съ штатгальтеромъ голландскимъ и королемъ англійскимъ. «Но понеже въ Голландіи нѣтъ на мастерство препорціи корабельной совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи,—тогда зѣло ему стало противно, что желаемаго конца не достигъ, то немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ черезъ 4 мѣсяца оную науку окончилъ» [6]) (въ Дентфордѣ). Оттуда Петръ направился въ Австрію, осматривая на своемъ пути все достопримѣчательное, нерѣдко ночью, во время пути останавливая для того карету. Петру не удалось добиться главной цѣли своего посольства — заключенія союза противъ Турціи. Но поѣздка его за границу имѣла громадное значеніе не только для него самого, но и для Россіи. Царь не только самъ знакомился съ Европой, но и Европу ознакомилъ съ собой и Россіей. Смѣло можно сказать, что съ этого времени Россія уже примыкаетъ къ европейскимъ державамъ. Благодаря стараніямъ Петра, на польскій престолъ избранъ былъ желательный для него кандидатъ — курфюрстъ Саксонскій Августъ. Самъ «цесарь» принужденъ былъ считаться съ Россіей въ восточномъ вопросѣ.

И. Рѣпинъ. Царевна Софья (Третьяковская галлерея).

Петръ намѣревался еще посѣтить Венецію, чтобы посмотрѣть итальянское корабельное

[6]) Предисловіе Петра къ «Морскому регламенту».

искусство. Но его извѣстили, что готовятся вспыхнуть волненія въ стрѣлецкихъ полкахъ, которые отправлены были въ Азовъ, и въ тѣхъ, что остались въ Москвѣ, что царевна Софья опять стала тѣмъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточены всѣ нити заговоровъ и возмущеній. Петръ тотчасъ же повернулъ въ Россію. Къ его пріѣзду Ромодановскому удалось подавить безпорядки. Петръ занялся только жестокимъ «розыскомъ». Царевнамъ Софьѣ и Маѳѣ, служившей посредницей между стрѣльцами и Софьей, указано было постричься— Софьѣ въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, Маѳѣ въ Успенскомъ, Владимірской губерніи. Виновные стрѣльцы были казнены, а самое стрѣлецкое войско уничтожено.

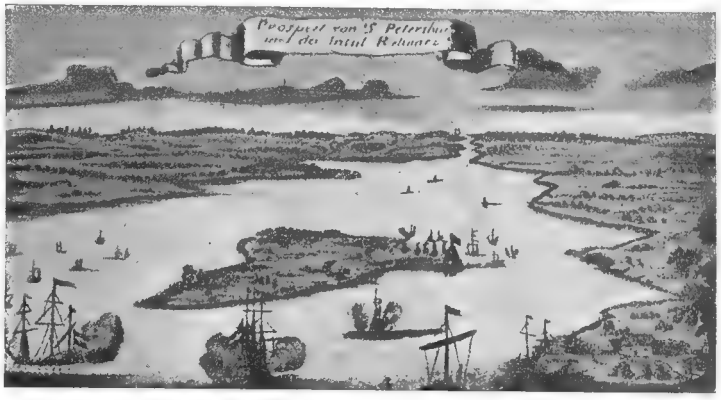
Послѣдствія пребыванія Петра за границей начали сказываться немедленно по возвращеніи въ Россію. «Какъ только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него, такъ сейчасъ же является подражаніе, которое естественно и необходимо начинается со внѣшняго» [7]). Поэтому, естественно, что Петръ началъ свои преобразованія съ замѣны русскихъ охабней, опашней и т. п. нѣмецкими кафтанами, со стрижки бородъ и т. п. Принимая послѣ своего возвращенія въ селѣ Преображенскомъ боярство, онъ самъ обрѣзалъ высшимъ служилымъ людямъ ножницами бороды и длинныя полы ихъ платья. Былъ изданъ указъ, по которому служилымъ людямъ и городскимъ жителямъ было поставлено въ обязанность брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья. Впрочемъ, тѣмъ, кто ужъ очень стоялъ за свою бороду, было разрѣшено носить ее при условіи внесенія ежегодной подати, при чемъ такимъ поборникамъ старины выдавались особые «бородовые знаки», съ насмѣшливыми надписями.

20 декабря 1699 года жителей Москвы ожидала новая неожиданность: вышелъ указъ царя о томъ, что «всѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осьмь дней спустя». Такимъ образомъ, было установлено новое лѣтосчисленіе; съ перваго января 7208 года по сотвореніи міра приказано было считать начало новаго, 1700-аго года. Этимъ Россія ставилась въ рядъ со всѣми другими европейскими государствами. Но для того, чтобы Россія окончательно вступила въ ихъ семью, необходимо было прочно завязать постоянныя сношенія съ Западной Европой. Стремленія къ этому со стороны Россіи замѣчались очень давно. Уже Иванъ Грозный предпринялъ борьбу за Балтійское побережье, которое долженствовало служить этапомъ на пути въ Европу. При его преемникахъ длилась эта постоянная борьба безъ успѣха для русскихъ, силы которыхъ дробились между врагами съ сѣвера и съ юга. Теперь Турція на нѣкоторое время была успокоена, и Петръ могъ уже всѣ свои силы сосредоточить на одномъ театрѣ войны. Онъ исподволь сталъ приготовляться къ борьбѣ. Моментъ, повиди-

М. Клодтъ. Начало реформъ Петра I.

[7]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 14, гл. III. Сравни Ключевскій, Курсъ Русской Исторіи, ч. III, лекція LIV.

мому, былъ вполнѣ благопріятенъ. На шведскомъ престолѣ сидѣлъ юный Карлъ XII. До сихъ поръ онъ славился только своими кутежами: для него ничего не значило устроить въ сеймовомъ залѣ гоньбу по зайцу, совершить торжественный въѣздъ въ столицу—въ однѣхъ ночныхъ сорочкахъ, но съ обнаженными саблями и при звукахъ музыки, переломать и выбросить изъ храма всѣ скамьи, ночью съ шумомъ и гамомъ, при зловѣщемъ свѣтѣ факеловъ пронестись вихремъ по городу и перебить по пути окна во всѣхъ домахъ и т. д., и т. д. Но никто не видѣлъ подъ этой непривлекательной внѣшностью затаенной истинной сущности его натуры. Карлъ XII отчасти напоминаетъ Петра своею энергіей и рѣшительностью, сказывающимися въ затруднительную минуту. Но онъ уступалъ своему сопернику въ широтѣ ума и разнообразіи дѣятельности[8]). Карлъ былъ талантливый полководецъ, Петръ—геніальный государь. И эти особенности противниковъ вполнѣ выяснились въ первомъ же ихъ столкновеніи. Поводомъ къ войнѣ со стороны Россіи послужили «многія свейскаго короля на русскихъ неправды»—обычный поводъ къ войнѣ,—и «многія противности и непріятности, отъ Рижскихъ жителей царю учиненныя» при его проѣздѣ черезъ Ригу. Тотчасъ же русскія войска подъ начальствомъ Б. П. Шереметева двинулись къ Нарвѣ. Петръ шелъ въ чинѣ бомбардирскаго капитана Преображенскаго полка. Нарва была окружена тридцатипятитысячной русской арміей. Но въ этотъ моментъ Карлъ показалъ, на что онъ способенъ. Въ страшную снѣжную вьюгу, бившую нашимъ войскамъ прямо въ лицо, съ восьмитысячнымъ отрядомъ онъ не задумался броситься на вчетверо превосходившаго врага, прорвалъ линію укрѣпленій и проникъ въ центръ лагеря. Русское войско смѣшалось; началось безпорядочное отступленіе, скорѣе—бѣгство. Шведы одержали блестящую побѣду; ими была захвачена русская артиллерія, сдался въ плѣнъ самъ русскій главнокомандующій де-Кроа съ другими генералами. Но Петръ, несмотря на эту неудачу, не только не палъ духомъ, но съ новой энергіей сталъ приготовляться къ дальнѣйшему веденію войны, а Карлъ показалъ свою полную политическую близорукость и незнаніе врага. Желая разгромить союзника Петра Августа, курфюрста Саксонскаго и короля польскаго, который не пользовался никакимъ авторитетомъ у подданныхъ, онъ бросился въ Польшу и «увязъ въ ней», по выраженію Петра Великаго. Карлъ неутомимо гонялся за Августомъ по всей Польшѣ, добился низложенія его съ престола и возведенія на его мѣсто своей креатуры—Станислава Лещинскаго. Мало того, онъ бросился за Августомъ въ Саксонію и заставилъ его согласиться на мирныя условія, предложенныя Швеціей (1707). Пока Карлъ переносился со своей небольшой арміей изъ Польши въ Саксонію и обратно, истощая свои силы, Петръ не терялъ даромъ времени «Господа шведы, можетъ быть, еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся и



Петербургъ въ 1703 году. Съ современной Петру I гравюры.

[8]) Костомаровъ, Исторія Росс. въ жизнеопис. ея главнѣйшихъ дѣятелей, в. 6.

нобѣждать ихъ»,—говорилъ онъ. Онъ вновь собиралъ войска, обучалъ ихъ, приготовлялъ артиллерію, возобновлялъ крѣпости, изыскивалъ новыя финансовыя мѣропріятія, которыя должны были доставить средства для веденія войны. Уже черезъ годъ послѣ Нарвскаго пораженія, кромѣ уцѣлѣвшихъ войскъ, было набрано еще десять драгунскихъ полковъ, а А. Виніусъ [9]) отлилъ болѣе трехсотъ новыхъ орудій. Петръ писалъ, ободряя Шереметева, растерявшагося отъ неудачи: «Понеже нелѣть есть (т.-е. нельзя) при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть». Во исполненіе желанія царя, Шереметевъ скоро возобновилъ наступленіе. Въ нѣсколькихъ столкновеніяхъ съ шведскими отрядами русскимъ удалось одержать верхъ. Наконецъ, Шлиппенбахъ потерпѣлъ довольно крупную неудачу при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ; русскими были заняты Ямъ и Копорье. «Слава Богу!» — сказалъ Петръ, — «наконецъ мы можемъ бить шведовъ!» Самъ Петръ овладѣлъ крѣпостью Нотебургъ и переименовалъ ее въ Шлиссельбургъ— настоящій ключъ къ свободному морю. «Правда, что зѣло жестокъ былъ сей орѣхъ (Нотебургъ стоялъ на мѣстѣ русскаго города Орѣшка), однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ», писалъ Петръ Виніусу. Взятъ былъ и Ніеншанцъ и переименованъ въ Шлотбургъ. Въ самомъ устьѣ Невы Петръ заложилъ собственноручно Петропавловскую крѣпость и тѣмъ положилъ начало «Питербурху». Это событіе громаднаго значенія совершилось при самой скромной обстановкѣ. На Невскомъ островѣ Люстъ-Эйландѣ Петръ собственноручно срубилъ березу, сдѣлалъ изъ нея крестъ и сказалъ, вбивая его въ землю: «Здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла». Такъ, «на зло надменному сосѣду» былъ здѣсь заложенъ городъ, которому суждено было стать «полночныхъ странъ красой и дивомъ», новою столицей Россіи. На о. Котлинѣ немедленно же возникаетъ крѣпость Кронштотъ (теперь Кронштадтъ). Въ 1704 году взяты уже довольно значительныя шведскія крѣпости — Дерптъ и злосчастная Нарва, которую взялъ самъ царь. Въ то же время вся Эстляндія и Лифляндія были разорены и выжжены, чтобы врагъ, возвратившись сюда, не нашелъ себѣ здѣсь пристанища и провіанта. Всѣ эти сраженія придавали русскимъ смѣлость и надежду, вдыхали имъ увѣренность въ себя. Петръ отлично понималъ это и умѣлъ этимъ пользоваться въ своихъ цѣляхъ. За первую же удачу Шереметева при Эрестферѣ царь возвелъ его въ фельдмаршалы, пожаловалъ орденомъ Андрея Первозваннаго и своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. Когда самому Петру и Меншикову удалось захватить врасплохъ два шведскія судна и нѣсколько лодокъ, вошедшихъ въ устье Невы, то Петръ писалъ Апраксину: «смѣю и то писать, что истинно съ восемь лодокъ только на самомъ дѣлѣ было. И сею никогда бываемою викторіей вашу милость поздравляю». За сію викторію бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ пожалованы отъ генералъ-фельдмаршала Андреевскими кавалерами. Съ другой стороны, русскія войска

Первая морская побѣда 1703 года.

[9]) Сынъ Виніуса, положившаго начало Тульскимъ оружейнымъ заводамъ.

Петръ Великій
перевозитъ въ ботикѣ черезъ р. Неву Императрицу Екатерину Алексѣевну, кн. Меншикова, адмирала Головина, канцлера Головкина и Макарова.

Ищу Ваших

Предлагаю фотографии, открытки, разные. Готовлю для заказов и продаю.
Желающие обращаться: г. Нарва, Пушкинская, 7, кв. 4, Шмидт Вере Ивановне.

Петръ Великій
перевозитъ въ ботикѣ черезъ р. Неву Императрицу Екатерину Алексѣевну,
кн. Меншикова, адмирала Головина, канцлера Головкина и Макарова.

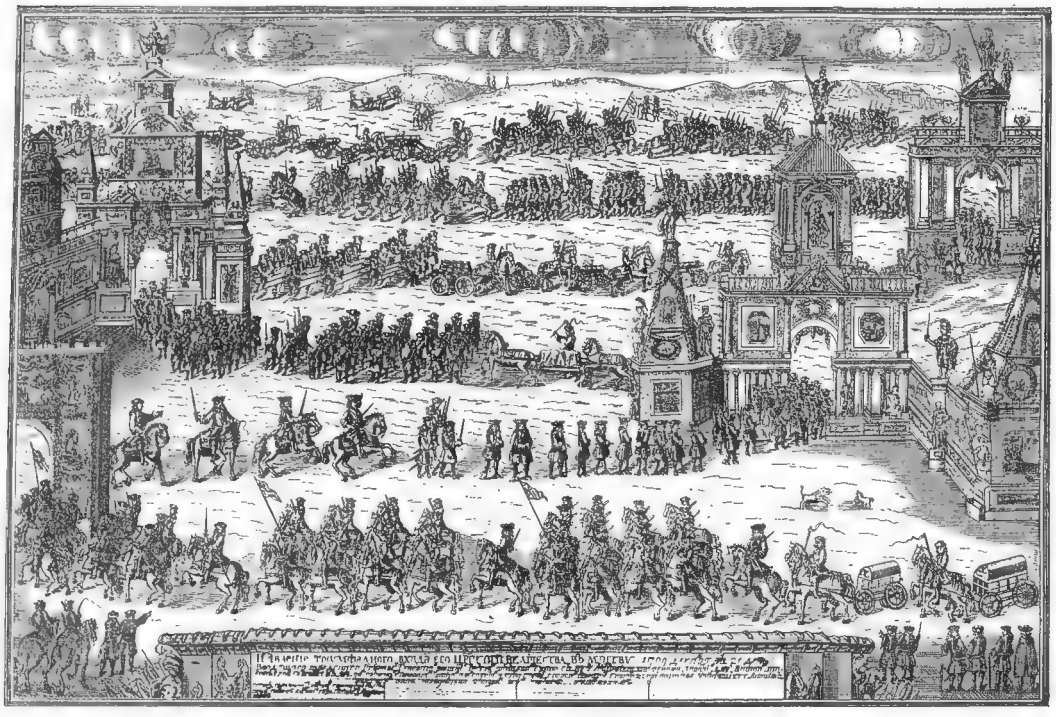
мало-по-малу пріучались къ европейской тактикѣ и въ постоянныхъ походахъ пріобрѣтали сплоченность и стойкость.

Такъ шло до конца 1707 года, когда Карлъ изъ Саксоніи опять повернулъ на сѣверо-востокъ и двинулся въ русскіе предѣлы. Онъ направился черезъ Польшу въ Литву, думая оттуда проникнуть до самой Москвы. Положеніе Петра было въ высшей степени затруднительное. Онъ оставался одинъ, безъ союзниковъ противъ грознаго врага. «Сія война надъ одними нами осталась», говорилъ Петръ въ одномъ изъ писемъ. Мало того, въ самой Россіи далеко не все обстояло благополучно. Долговременныя экономическія неурядицы, тяжесть обложеній уже давно служили поводомъ къ неудовольствіямъ въ народной массѣ. Теперь къ этому присоединились и религіозные мотивы. Разочаровавшіеся въ скоромъ возстановле-

Проф. Коцебу. Петръ Великій послѣ битвы подъ Полтавой.

ніи «старой вѣры» раскольники также бѣжали на окраины, куда скрывались вообще всѣ недовольные правительственнымъ режимомъ. Съ 1705 года начались явныя выраженія неудовольствій въ обычной формѣ бунтовъ, мятежей противъ «бояръ и нѣмцевъ» (въ Астрахани). Вскорѣ заволновались башкиры. Наконецъ, началось волненіе среди донскихъ казаковъ. Петръ требовалъ, чтобы на Дону не принимали болѣе «воровскихъ людей», искавшихъ тамъ спасенія отъ тяжести налоговъ или обязательной военной службы. Такимъ образомъ, принципъ «съ Дону выдачи нѣтъ», которымъ гордились казаки, Петромъ отмѣнялся. Домовитые казаки и теперь не прочь были оказать помощь царю, но они были подавлены массою голытьбы. Посланный Петромъ отрядъ былъ ими уничтоженъ. «Воры» овладѣли Черкасскомъ и «прелестными грамотами» подняли весь Донъ. Только къ концу 1708 года многочисленнымъ отрядамъ царя Петра удалось мало-по-малу локализировать мятежъ. Предводитель казаковъ, Булавинъ, покончилъ съ собой самоубійствомъ. Такимъ образомъ, бунтъ донскихъ казаковъ былъ подавленъ, но до Петра стали доходить дурныя вѣсти о

Мазепѣ, старомъ малороссійскомъ гетманѣ, которому Петръ особенно довѣрялъ, какъ старательному и умѣлому исполнителю его указаній и намѣреній. Мазепа неоднократно оказывалъ Петру и его отцу незамѣнимыя услуги; за участіе въ первыхъ сраженіяхъ Сѣверной войны онъ даже былъ награжденъ вновь учрежденнымъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Но крайне честолюбивый, хитрый политикъ, Мазепа помогалъ Петру до поры, до времени. Теперь же, когда Петръ попалъ въ безвыходное, повидимому, положеніе, когда онъ отовсюду былъ окруженъ непріятелями, моментъ для открытаго выступленія показался Мазепѣ очень подходящимъ. Когда Карлъ вернулся въ предѣлы Россіи, Мазепа явно перешелъ на его сторону. Вѣсть объ этой измѣнѣ, какъ громомъ, поразила Петра, который еще совсѣмъ недавно выдалъ Мазепѣ доносчиковъ на него—генеральнаго судью А. Л. Кочубея и пол-



Тріумфальный входъ Его Царскаго Величества въ Москву 21 декабря 1709 года. Съ русской гравюры того времени изъ собранія П. Я. Дашкова.

ковника Искру. Но Мазепа очень ошибся въ своихъ предположеніяхъ: изъ рядовыхъ казаковъ никто почти не примкнулъ къ нему, потому что отпаденіе отъ Россіи представлялось выгоднымъ только для малороссійской аристократіи, но не для народной массы. Заручившись такимъ союзникомъ, какъ Мазепа, и полагаясь на его обѣщанія, Карлъ быстро возобновилъ военныя операціи: онъ взялъ Гродно и направился къ Москвѣ, по пути къ которой еще разъ разбилъ русскихъ при с. Головчинѣ. Это была послѣдняя побѣда Карла. Русскіе, отступая, уничтожали все на своемъ пути и опустошали страну, по которой проходили. Тогда Карлъ, не желая подвергать свое войско лишеніямъ и голоду и получивъ извѣстіе о переходѣ Мазепы на его сторону, повернулъ въ Малороссію, богатую и плодородную, какою рисовалась она ему въ мечтахъ. Изъ Лифляндіи спѣшилъ на соединеніе съ нимъ корпусъ Левенгаупта съ запасами и порохомъ. Петръ двинулся ему на перерѣзъ. При деревнѣ Лѣсной (на р. Сожѣ) произошла встрѣча съ Левенгауптомъ. Шведы

потерпѣли полнѣйшее пораженіе (сентябрь 1708); эту побѣду Петръ впослѣдствіи называлъ «начальнымъ днемъ нашего добра, матерью Полтавской викторіи». Карлъ остался безъ провіанта, безъ пороху и безъ поддержки, которую обѣщалъ ему Мазепа. Онъ принужденъ былъ зазимовать въ Малороссіи и безпомощно наблюдать, какъ русскіе опустошаютъ страну, чтобы не дать ему возможности укрѣпиться, какъ Петръ постепенно стягиваетъ вокругъ него желѣзное кольцо войскъ. Съ наступленіемъ весны Карлъ продвинулся до Полтавы, предполагая, повидимому, взятіемъ этой крѣпости открыть себѣ выходъ въ степь. Петръ поспѣшилъ на выручку Полтавы, и здѣсь произошло рѣшительное сраженіе, отъ котораго зависѣла всецѣло участь Карла, а также Петра и Россіи. Великій царь прекрасно сознавалъ это, и это сознаніе высказано имъ въ знаменитыхъ словахъ, обращенныхъ къ войскамъ: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, ему врученное... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, была бы жива Россія, слава, честь и благосостояніе ея!»... И онъ на дѣлѣ доказалъ свои слова. Получивъ извѣстіе, что шведы уже идутъ, Петръ сталъ на колѣни передъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса и горячо сталъ молиться. Взявши крестъ, лежавшій на этомъ образѣ, онъ осѣнилъ себя имъ и произнесъ: «Ты мнѣ щитъ, шлемъ и непобѣдимое оружіе». Потомъ онъ сказалъ Шереметеву: «Господинъ фельдмаршалъ, поручаю вамъ мою армію и надѣюсь, что въ начальствованіи поступите согласно предписанію, а въ случаѣ непредвидѣнномъ, какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать за всѣмъ и быть готовымъ на помощь во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность». На просьбу поберечь свою священную особу, царь отвѣтилъ: «Оставьте это моему попеченію» [10]).

«И грянулъ бой, Полтавскій бой». Петръ сражался въ качествѣ простого офицера, давъ новыя доказательства своего мужества и неустрашимости: одна пуля пробила его шляпу, другая—сѣдло, третья попала въ грудь, но ударилась въ шейный крестъ, изломала его и сама сплющилась, не причинивъ Петру раны. Карлъ еще разъ обнаружилъ весь свой задоръ и безумную, дерзкую отвагу. Почти наканунѣ сраженія онъ ночью самъ отправился на развѣдки, наткнулся на казачій разъѣздъ, былъ раненъ въ ногу и едва ускакалъ, убивъ приблизившагося къ нему казака. Благодаря этому онъ не могъ руководить сраженіемъ и участвовалъ въ немъ только въ качествѣ наблюдателя, разъѣзжая въ каретѣ. Шальное ядро разнесло его карету въ щепы, но судьба пощадила своего любимца: Карлъ остался живъ. Это происшествіе, однако, смутило шведовъ, и даже крики Карла, который, несмотря на раны, потребовалъ, чтобъ его носили на сложенныхъ пикахъ по рядамъ, не могли удержать бѣгства. Русскіе одержали рѣшительную, блестящую побѣду. Шведскій главнокомандующій Реншильдъ и много генераловъ взяты были въ плѣнъ, и самъ Карлъ вмѣстѣ съ Мазепой едва не былъ захваченъ на другой день преслѣдовавшимъ шведовъ Меншиковымъ, который появился на берегу Ворсклы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Карлъ приставалъ къ другому берегу. Оттуда шведскій король бросился прямо ко двору султана. Между тѣмъ, русскій государь со своими войсками вознесъ горячую благодарность Господу за свою побѣду. Петръ самъ рылъ могилы убитымъ воинамъ и со слезами пѣлъ во время ихъ отпѣванія вмѣстѣ съ пѣвчими. «Храбрые воины!»—сказалъ онъ въ своей рѣчи надъ ихъ могилами:—«за благочестіе, отечество и родъ свой души положившіе! Вѣмъ, яко вѣнцами вы увѣнчалися и у Праведнаго Господа дерзновеніе имате. Споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими; да возможемъ въ мирѣ прославить Бога и ваши

Походная печать Петра I.

[10]) Бумаги Меншикова, хранящіяся въ Академіи наукъ.

Петръ I на Прутѣ.

подвиги». Послѣ побѣднаго молебна, когда государь со своей прострѣленной шляпой въ рукахъ появился передъ войсками, князья Голицынъ и Меншиковъ привѣтствовали его отъ лица родины: «Государь, въ тебѣ утвердились сердца наши. Ты силою разума, ученья и храбростью обогатилъ насъ», говорилъ Голицынъ. «Тебѣ мы одолжены побѣдою», сказалъ Меншиковъ; «Въ рѣшительный часъ, когда шведы прорвали ряды наши, тогда ты явился спасителемъ, не щадя своей жизни».

Печать Петра I.

Перефразируя Тита Ливія, можно сказать, что одинъ день—27 іюня 1709 года—погубилъ сразу все долголѣтнее счастье шведовъ и уничтожилъ удачу Карла. Отнынѣ уже Петръ начинаетъ наступательную войну на Швецію, и его звѣзда восходитъ и сіяетъ все ярче и ярче, въ то время какъ звѣзда Карла меркнетъ и клонится къ закату, а вмѣстѣ съ ней—и судьба Швеціи. «Полтавская викторія» низвела Швецію въ число второразрядныхъ европейскихъ государствъ, а Россію выдвинула въ первые ряды. Война еще не была окончена, то есть, она не заключилась мирнымъ договоромъ, но уже было вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ окажется несомнѣнная побѣда, кто будетъ предписывать и ставить свои условія.

Не имѣя возможности возвратиться въ Швецію, Карлъ надолго остался въ Турціи. Однако, ему удалось возстановить султана противъ Петра. Тотчасъ по объявленіи войны Петръ двинулся съ сорокатысячной арміей къ Дунаю, ожидая, что тамъ къ нему присоединятся войска господарей молдавскаго и валашскаго и Августа, короля польскаго, который, узнавъ о пораженіи Карла, опять сѣлъ на польскомъ престолѣ и поспѣшилъ возобновить союзъ съ Петромъ. Однако, обѣщанія Бранкована и Августа такъ и остались обѣщаніями, и Петръ опять оказался одинъ, въ чужой странѣ, безъ провіанта и безъ надежды на какую бы то ни было помощь, съ небольшою сравнительно арміей, передъ двухсоттысячнымъ войскомъ турокъ. Около Прута русскій лагерь былъ окруженъ врагами со всѣхъ сторонъ. Несмотря на крайнее мужество и отчаянную отвагу осажденныхъ, ясно было, что долго держаться противъ впятеро превосходящаго непріятеля они не въ состояніи. 10 іюля положеніе русскихъ особенно обострилось. Говорятъ, Петръ даже написалъ въ Сенатъ письмо, въ которомъ приказывалъ въ виду неизбѣжнаго своего плѣненія избрать ему преемника. Но путемъ колоссальныхъ посуловъ удалось склонить визиря къ заключенію мира. Царь и все войско могли выйти изъ лагеря въ полномъ вооруженіи. Мирные переговоры тянулись очень долго. Русскій уполномоченный Шафировъ упорно отстаивалъ свои предложенія. Въ концѣ концовъ миръ былъ заключенъ на такихъ условіяхъ: турки получали обратно Азовъ и прилежащія къ нему земли, уступленныя ими Россіи въ 1700 году. Петру удалось добиться того, что Карлу предложено было удалиться изъ Турціи. «Сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною намъ прибылью есть», писалъ по этому поводу Петръ. Такимъ образомъ, прутская экспедиція окончилась сравнительно очень благополучно для Россіи; кромѣ того, прочный миръ съ турками развязывалъ руки Петру для его операцій на сѣверѣ противъ Швеціи. Здѣсь ему удалось занять всю Финляндію, разбить шведскій флотъ при Гангудѣ, овладѣть Аландскими островами. Путь на Стокгольмъ былъ открытъ. Въ виду этого Карлъ началъ мирные переговоры. Но его внезапная смерть (онъ былъ убитъ шальною пулею при осадѣ Фридригсгаля) прервала ихъ. Тогда Петръ вторгнулся въ Швецію и дошелъ до самаго Стокгольма. Швеція была обезсилена и опять возбудила вопросъ о мирѣ. 30 августа 1721 года Ништадт-

скимъ договоромъ положенъ былъ конецъ Великой Сѣверной войнѣ, тянувшейся 21 годъ. Россія пріобрѣтала Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, Карелію. Финляндія уступлена была Швеціи. Кромѣ того, за занятыя земли Россія уплачивала Швеціи 200.0000 ефимковъ.

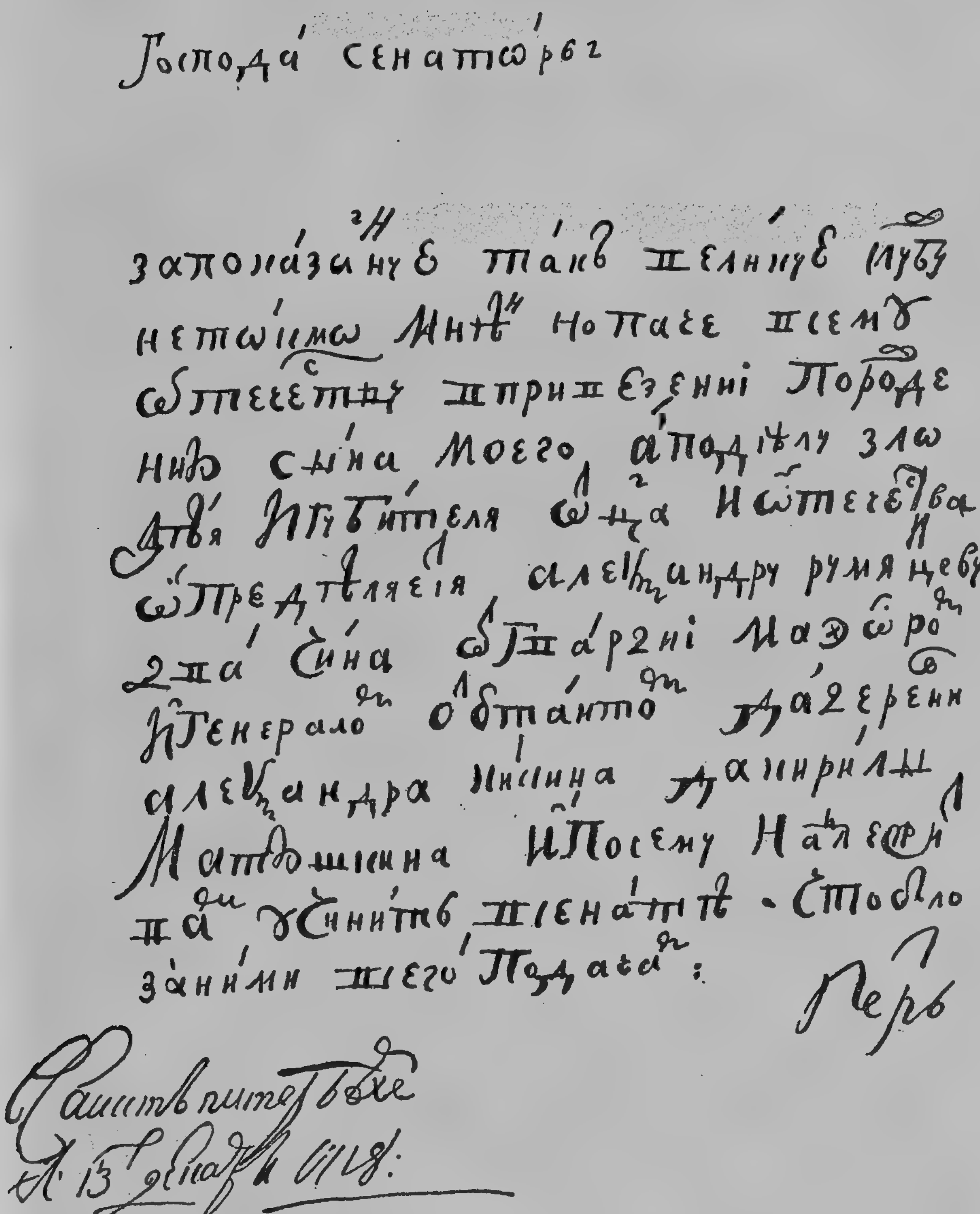
Заключеніе мирнаго договора было отпраздновано съ большимъ торжествомъ. 22 октября 1721 года Петръ принялъ титулъ Императора Всероссійскаго. «Великія государства Россійскаго царствія» отнынѣ стали называться «Всероссійскою имперіей». Князь Меншиковъ отъ имени Сената просилъ царя принять еще наименованіе «Отца Отечества и Великаго» за то, что государь «изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руковожденіе».

Но недолго наслаждалась Россія миромъ. Уже въ 1722 году Петръ, желая воспользоваться смутами въ Персіи и слѣдуя приглашенію грузинскаго князя Вахтанга, двинулъ войска на Персію; поводомъ послужило разграбленіе русскаго купеческаго каравана въ Шемахѣ. Петръ заявлялъ, что идетъ помогать шаху противъ его враговъ. Русскіе отряды заняли нѣсколько городовъ. Въ 1723 году заключенъ былъ договоръ, согласно которому императоръ Россійскій долженъ былъ оказывать шаху помощь въ борьбѣ съ непріятелями, за это Россія получала провинціи Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ и города Дербентъ и Баку. Такимъ образомъ, Россія получила при Петрѣ третій выходъ къ морю и новый рынокъ для своихъ торговыхъ операцій. Этимъ Петръ положилъ начало нашимъ новымъ дѣйствіямъ на азіатскомъ востокѣ.

При столь интенсивномъ развитіи внѣшнихъ отношеній Петръ не упускалъ, однако, изъ вида необходимости регулировать и внутреннюю жизнь своего государства и удѣлялъ много вниманія связаннымъ съ этимъ вопросамъ. Въ настоящее время наиболѣе выдающимися представителями русской исторической науки уже твердо установлено, что ходъ государственныхъ преобразованій Петра Великаго не направлялся какимъ-либо опредѣленнымъ, твердо выработаннымъ планомъ, но совершался постепенно и всецѣло подъ вліяніемъ текущихъ событій. Такъ какъ во все почти продолженіе царствованія Петра ни на минуту не прекращался шумъ битвъ, то наиболѣе крупными и неотложными событіями являлись, конечно, событія военныя. Вотъ почему и вся внутренняя политика петровской эпохи проходитъ подъ сильнѣйшимъ отпечаткомъ военныхъ нуждъ. Но преобразованія Петра не ограничились одной областью спеціально военныхъ реформъ, они проникли во всю русскую жизнь, до самыхъ ея корней и мало-по-малу начали принимать видъ болѣе или менѣе опредѣленной системы.

Характеръ великаго царя, переносившагося съ быстротой молніи изъ Архангельска въ Азовъ, изъ Петербурга въ Дербентъ, изъ Москвы въ Саардамъ, все желавшаго видѣть и узнать самолично, сказывается и въ его реформаціонной дѣятельности. Онъ самъ сочиняетъ указы, касающіеся самыхъ различныхъ предметовъ. То издается манифестъ объ учрежденіи Сената, и одновременно повелѣніе о томъ, чтобы дома въ «Питербурхѣ» строились фасадомъ на улицу, а службами—во дворъ; то появляется указъ о «поголовщинѣ», и вскорѣ—о томъ, чтобы жители новой столицы не выкидывали на улицу отбросовъ и т. п. и т. д. До нашего времени, почти два вѣка спустя, еще не подведены итоги всей дѣятельности Великаго Петра. Но общіе выводы намѣчены уже вполнѣ ясно.

Петръ не являлся иниціаторомъ новаго военнаго устройства,—оно завѣщано было ему отцомъ и дѣдомъ, — Петръ только энергично довершилъ начатое ими. Единственной арміей онъ признавалъ регулярную и малу-по-малу преобразовалъ все русское войско въ регулярное. Учреждены были «рекрутскіе наборы» изъ податныхъ сословій (по рекруту съ 15—25 дворовъ). Дворянство также не избавлялось отъ воинской *повинности;* мало того, для дворянства военная служба была обязательна, и Петръ не останавливался передъ принудительными мѣрами для привлеченія къ отбыванію ея.



Господа сенаторы

за показанную так великую службу
не только мне но паче всему
отечеству в привожении породе
нию сына моего, а по делу зло
дея и губителя отца и отечества
определяется Александру Румянцеву
[illegible] сына [illegible]
и генерало[illegible]
Александра Кикина, Даниила
Матюшкина и посему на [illegible]
да учинить в сенате. Что было
за ними и его подачи:

Петр

Санктпитербурх
в 13 день генваря 1718:

Собственноручный указъ сенату, данный Петромъ I.

Содержаніе огромнаго войска требовало большихъ матеріальныхъ средствъ. Приходилось изыскивать какія-нибудь новыя средства для пополненія государственной казны [11]). Такимъ образомъ, военныя реформы Петра тѣсно связаны съ финансовыми. Въ 1718 была введена «поголовщина»—подушная подать. Она исчислялась приблизительно 75 копейками съ ревизской души [12]). Въ видахъ правильнаго поступленія этой подати предписано было произвести перепись тягольщиковъ.

Къ концу царствованія Петра доходы достигли 10.500.000 рублей. Петръ видѣлъ главное богатство страны въ притокѣ денегъ золотыхъ и серебряныхъ. Поэтому, стараясь какъ можно больше собрать ихъ въ Россіи, онъ и желалъ особенно привлечь ихъ изъ другихъ странъ путемъ усиленнаго вывоза. Но это само собою ставило на первое мѣсто вопросъ о развитіи торговли и промышленности. Вотъ почему онъ такъ рвался къ морямъ, какъ къ путямъ скорѣйшаго взаимообщенія между государствами, и такъ заботился о проведеніи каналовъ. Его личнымъ трудамъ обязаны мы существованіемъ Вышневолоцкаго и Ладожскаго каналовъ и цѣлымъ рядомъ проектовъ другихъ.

Но видя, что торговля сырыми продуктами менѣе выгодна, нежели обработанными, Петръ, естественно, долженъ былъ интересоваться и развитіемъ промышленности. Имъ было основано и оборудовано нѣсколько фабрикъ, которыя онъ передавалъ обыкновенно въ частныя руки. Можно только удивляться, какъ царь до мелочей заботился о каждомъ шагѣ родной промышленности и торговли. Онъ издалъ огромную массу предписаній о томъ, какъ разводить табакъ, шелкъ, виноградники, улучшенныя породы скота, даже, какъ лучше обрабатывать поля, сѣять ленъ и т. д., и т. д. Вывозъ Россіи въ 1727 году (хотя и послѣ смерти великаго царя, но благодаря, конечно, его стараніямъ) превысилъ ввозъ въ Россію почти на милліонъ рублей. Одно только сильно заботило Петра и не осуществилось при его жизни—это созданіе національнаго торговаго флота,—русскимъ все еще приходилось прибѣгать къ посредничеству иноземцевъ. Въ концѣ концовъ главнымъ портомъ Россіи сталъ Петербургъ, Архангельскъ же мало-по-малу потерялъ свое значеніе. Такимъ образомъ, военно-финансовая реформа повлекла за собою рядъ преобразованій и въ народнохозяйственной области [13]). Увеличеніе значенія торговли и промышленности неизбѣжно вело къ увеличенію значенія и того класса, который является носителемъ торгово-промышленныхъ интересовъ, то-есть городского сословія, и мы, слѣдовательно, подходимъ къ сословнымъ реформамъ Петра.

Дворянство осталось служилымъ сословіемъ и притомъ преимущественно военнымъ (на гражданскую службу Петръ предписалъ принимать не болѣе $^1/_3$ части наличныхъ членовъ каждой дворянской фамиліи). Но въ составѣ самаго дворянства произошли значительныя измѣненія. Со введеніемъ всеобщей воинской повинности утратило всякій смыслъ раздѣленіе на дворянъ московскихъ, «отецкихъ дѣтей», и дворянъ городовыхъ—обычныхъ. Теперь всѣ служили одинаково: «отечество» не имѣло болѣе значенія при служебномъ движеніи. Начало личной заслуги получило преобладаніе надъ «породой». Служить стало труднѣе, тѣмъ болѣе, что Петръ безпощадно наказывалъ уклонявшихся отъ исполненія своихъ обязанностей и наложилъ даже новыя обязательства—обученіе грамотѣ, цыфири и геометріи. Это объединенное дворянство стало именоваться шляхетствомъ. Ради *службы* оно благородно и отъ подлости отлично. Служба открывала доступъ въ дворянское сословіе и не дворянамъ, лишь только достигали они чина оберъ-офицера. 24 января 1722 года такой порядокъ былъ закрѣпленъ «табелью о рангахъ». Опираясь на свои заслуги, всякій могъ на-

---

[11]) Была даже учреждена особая должность «прибыльщиковъ», обязанностью которыхъ являлось измышленіе новыхъ источниковъ доходовъ.

[12]) Впрочемъ, цифра эта колебалась; см. Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи.

[13]) П. Н. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, А.

дѣяться на постепенное движеніе вверхъ по четырнадцати ступенямъ этой чиновной лѣстницы. Но выдвигая на первое мѣсто дворянство, Петръ предназначалъ его для выполненія только строго опредѣленныхъ функцій военнаго и административно-правительственнаго характера. Но надобно признать, что, несмотря на всѣ принимавшіяся Петромъ мѣры, наше среднее сословіе развивалось очень туго. Города были слабо населены, торговля и промышленность оставляли желать многаго.

Всѣ сословныя реформы имѣли конечнымъ своимъ результатомъ служеніе «государеву и земскому дѣлу».

Наконецъ, Петръ коснулся и центральнаго управленія. Онъ совершенно упразднилъ Боярскую думу, которая и при его предшественникахъ уже значительно утратила свой

Д. Кордовскій. Засѣданіе Сената при Петрѣ I. (Академія Художествъ.)

прежній характеръ. Теперь всѣ законы и всѣ крупныя дѣла царь разрѣшалъ самъ, иногда совѣтуясь съ особо довѣренными лицами изъ своихъ приближенныхъ у себя въ «кабинетѣ», какъ говаривалъ онъ. Однако эти совѣщанія не имѣли никакого опредѣленнаго характера, не составляли собою учрежденія. Съ другой стороны, самъ Петръ постоянно принужденъ былъ отлучаться изъ столицы, отвлекаемый дѣлами внѣшней политики, а между тѣмъ, иногда представлялась настоятельная необходимость скорѣйшаго разрѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса. 22 февраля 1711 года Петръ издалъ лаконическій указъ: «опредѣлили: быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія», и къ нему былъ приложенъ списокъ новыхъ сенаторовъ, въ количествѣ девяти человѣкъ. На Сенатъ возлагались обязанности надзора за судомъ, за доходами и расходами, за нѣкоторыми военными надобностями и т. п. Всѣ лица и учрежденія должны были повиноваться Сенату, какъ государю. Но первоначально временное учрежденіе съ неясной и расплыв-

чатой компетенціей, Сенатъ, вслѣдствіе долгихъ отлучекъ Петра постепенно превратился въ постоянное. «Сенатъ, оставаясь высшимъ блюстителемъ правосудія и государственной экономіи, изъ отвѣтственнаго приказчика становился компетентнымъ совѣтникомъ»[14]). Онъ обнародовалъ законы и указы государя, слѣдилъ за правильностью дѣйствій администраціи и разрѣшалъ возникающія при этомъ затрудненія, словомъ, получилъ распорядительно - исполнительныя функціи. Ему, по словамъ одного изъ позднѣйшихъ указовъ Петра, поручалось «трудиться о распорядкѣ государства, дотолѣ нераспоряженнаго».

Кн. А. Д. Меншиковъ. Съ гравюры П. Симонъ.

Свой надзоръ за мѣстной администраціей генералъ-прокуроръ осуществлялъ черезъ оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ—явнымъ образомъ, и тайнымъ—черезъ генералъ, оберъ и просто фискаловъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность «тайно провѣдывать, доносить и обличать» всякія злоупотребленія должностныхъ лицъ. Наконецъ, генералъ - прокурору предоставлено было даже право законодательной иниціативы. Онъ возбуждалъ законодательный вопросъ, бралъ на него справки, а Сенатъ «мыслилъ и толковалъ подъ присягою». Такимъ образомъ, обсужденный законопроектъ направлялся черезъ генералъ-прокурора на утвержденіе государя.

Апелляціонныя жалобы также направлялись помимо Сената черезъ рекстмейстера государю и могли быть передаваемы послѣднимъ въ Сенатъ.

Непосредственно дѣлами управленія завѣдывали съ 1718 года «коллегіи». Онѣ учреждались взамѣнъ устарѣвшихъ приказовъ съ ихъ сложной и хаотической компетенціей. По указу 12 декабря 1718 года ихъ было девять, впослѣдствіи число ихъ дошло до двѣнадцати.

Заботы Петра о болѣе правильной раскладкѣ налоговъ на населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о болѣе правильномъ полученіи доходовъ привело его къ новой мысли о раздѣленіи всего государства на новыя административныя единицы. Въ 1708 году вся Россія была раздѣлена на восемь округовъ. Каждый округъ получилъ названіе губерніи. Всѣ войска были распредѣлены по этимъ губерніямъ, такъ что каждая изъ губерній должна была сама содержать приписанныя къ ней воинскія части. Во главѣ губерніи поставленъ былъ губернаторъ.

Самъ Петръ бдительно наблюдалъ за ходомъ дѣлъ. Всѣмъ, конечно, извѣстны его собственноручныя расправы съ тѣми, кто не исполнялъ или исполнялъ не такъ, какъ должно, порученное ему дѣло. До насъ дошло очень много его собственноручныхъ записокъ въ Сенатъ, гдѣ онъ укоряетъ сенаторовъ за ихъ лѣность, грозитъ имъ, иногда убѣждаетъ приняться за дѣло со всѣмъ рвеніемъ. Къ упорнымъ ослушникамъ онъ примѣняетъ самыя суровыя мѣры. Такъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ, славившійся своею ретивостью, самъ по-

[14]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, IV, лек. LXVII.

пался впросакъ, былъ уличенъ во взяточничествѣ и казненъ. Та же участь постигла сибирскаго губернатора Гагарина. Наконецъ, даже любимецъ Петра, Меншиковъ, неоднократно былъ битъ царемъ собственноручно его знаменитой дубинкою, нѣсколько разъ подвергался крупнымъ штрафамъ, даже опалѣ царя. И только память объ его прежнихъ заслугахъ заставляла Петра опять приближать его къ себѣ.

Каково же, однако, общее значеніе реформъ Петра? Мы уже видѣли, что онѣ проводились безъ заранѣе обдуманнаго плана и только мало-по-малу приняли болѣе или менѣе систематическій видъ. Всѣ онѣ намѣчаются уже въ царствованія его предшественниковъ, но именно только намѣчаются. Петру же принадлежитъ честь ихъ развитія. Всѣ военныя преобразованія, финансовыя мѣропріятія, сословныя реформы, измѣненія въ управленіи — начались еще задолго до Петра. Но они были едва чувствительны и проходили слишкомъ медленно. Тотъ процессъ сближенія Россіи съ Западомъ, который заро-

Петръ I въ бурю на Ладожскомъ озерѣ.

дился еще въ концѣ XVI вѣка, только при Петрѣ выразился въ вполнѣ ясной формѣ. Благодаря именно Петру, Россія стала въ ряды другихъ европейскихъ державъ, какъ полноправный членъ. Своими внутренними реформами Петръ думалъ окончательно сгладить пропасть, до тѣхъ поръ раздѣлявшую Европу на двѣ части—на Европу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и на Московію, какую-то полу-легендарную страну. Робкія единичныя попытки перешагнуть эту пропасть бывали, конечно, и ранѣе, но всѣ онѣ обречены были на неудачу и именно потому, что онѣ были единичными. Необходимо было передѣлать весь строй жизни, дать ему новыя начала. И задача довершить это дѣло выпала на долю Петра.

Теперь обратимся къ обзору трудовъ Петра, положенныхъ имъ на духовное развитіе нашей родины. Единственнымъ средствомъ для этого являлось и является, конечно, образованіе, просвѣщеніе. И вся дѣятельность Петра, въ сущности говоря, направлена къ тому, чтобы дать Россіи свѣтъ знанія. «Самодержавною рукою онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье, не презиралъ земли родной, онъ зналъ ея предназначенье»,—совершенно вѣрно опредѣляетъ великую заслугу Петра Пушкинъ. Неудержимое влеченіе Петра къ морямъ ведетъ къ сближенію съ иноземцами; сближеніе съ иноземцами—влечетъ за собою преобразованіе

Вѣдомости.

ѿ военныхъ и иныхъ дѣ-
лахъ достойныхъ знанїа
и памяти, случившихся
в московскомъ государствѣ, и во
иныхъ окрестныхъ странахъ.
Начаты въ лѣто ѿ Христа
҂аѱе, ѿ генваря,
а ѡкончены декабремъ
сегѡже года.

Заглавный листъ первой Русской газеты, основанной Петромъ I.

Россіи въ ея внутренней жизни. «Свѣтъ знанія» необходимъ Россіи, и Петръ всѣми силами заставляетъ своихъ подданныхъ учиться: «Азъ бо есмъ въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую»—эта надпись, вырѣзанная на одной изъ печатей Великаго царя, могущая служить девизомъ всей дѣятельности его, въ то же время необычайно ясно формулируетъ основное положеніе Петра: Россіи необходимо ученіе прежде всего. Вотъ почему всѣ мѣры, принимаемыя Петромъ съ цѣлью насажденія просвѣщенія въ Россіи носятъ узко практическій характеръ. Дѣло идетъ пока еще не о наукѣ, а только о подготовкѣ къ воспріятію ея. Прежде всего надо было озаботиться созданіемъ элементарныхъ школъ, такъ какъ Петръ убѣдился въ недостаточности образовательныхъ посылокъ молодыхъ людей за границу. Петръ думалъ у себя въ Россіи завести такую школу, чтобы изъ нея «во всякія потребы люди происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство» [15]), то-есть, своеобразное универсальное учебное заведеніе. Однако, реальныя жизненныя условія и отсутствіе средствъ—воспрепятствовали осуществленію мечты Петра Великаго. Пришлось удовольствоваться болѣе скромными планами. Открыты были инженерная школа (въ Москвѣ), морская академія, дѣйствовала и славяно-греко-латинская академія. По губерніямъ предполагалось открыть цѣлый рядъ ариѳметическихъ или цифирныхъ школъ.

Петръ I на смертномъ одрѣ. (Академія Художествъ.)

Но, стараясь какъ можно скорѣе пріобщить своихъ подданныхъ и свое государство къ сонму прочихъ европейскихъ державъ, Петръ не останавливался на этихъ первыхъ попыткахъ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобъ «учинить академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ... ежели бъ таковое собраніе изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны суть [16]): 1) науки производить и совершить однакожде тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли»[17]). Иными словами, «оное собраніе» совмѣщало въ себѣ теперешніе наши гимназію, университетъ, академію и еще имѣло обязанностью переводить книги. Этому плану не суждено уже было осуществиться при жизни Петра. Этимъ же стараніемъ Петра дать русскому обществу ту же умственную пищу, что и на Западѣ, чтобы тѣмъ скорѣе сравнять Россію съ Европой, объясняются и заботы Петра о переводѣ книгъ. Петръ рѣшительно и разъ навсегда отдѣлилъ другъ отъ друга духовную и свѣтскую литературы, присвоивъ имъ разные типографскіе шрифты и указавъ, что подобаетъ печатать однимъ и

---

[15]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ по исторіи русской культуры, ч. III.
[16]) То-есть—которые могутъ.
[17]) Изъ указа 24 янв. 1724 года.

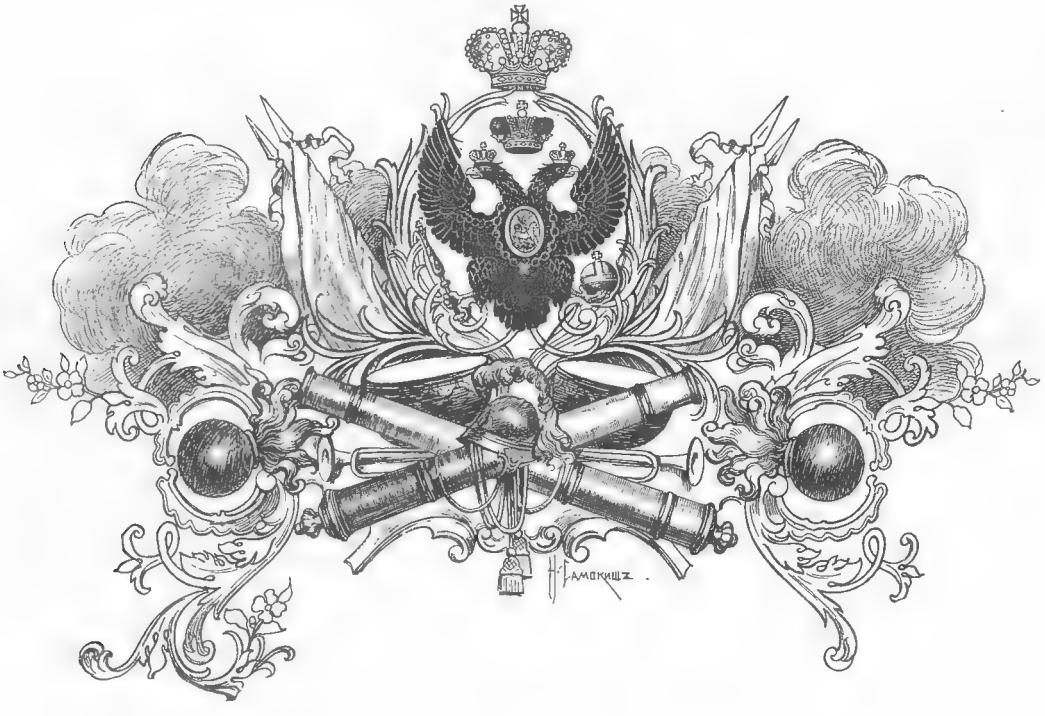
чтб—другимъ. Свѣтской литературы до Петра не существовало, а если она и была, то принуждена была таиться подъ спудомъ. Теперь Петръ призналъ ее не только полноправной съ духовной, но даже выдвинулъ ее на первое мѣсто, какъ служащую болѣе непосредственно его цѣлямъ и интересамъ государства.

Въ заключеніе должно упомянуть, что при Петрѣ получила свое начало и русская періодическая печать. Съ января 1703 года, по приказу царя, стала выходить въ Москвѣ газета «Вѣдомости», которая заключала въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о событіяхъ въ западной Европѣ, извлеченныя изъ европейскихъ газетъ и донесеній русскихъ пословъ, и кое-какія извѣстія о Россіи, доставляемыя приказами. Такимъ образомъ, это было еще новое средство, устанавливавшее болѣе тѣсную духовную связь между двумя половинами Европы.

Страшныя, сверхчеловѣческія усилія, гигантскіе труды по преобразованію Россіи надорвали несокрушимую, казалось бы, мощь Петра Великаго. Уже для окружающихъ было ясно, что его силы идутъ на убыль, что его здоровье постепенно истощается, но онъ, вѣрный своему призванію, работалъ съ прежней энергіей.

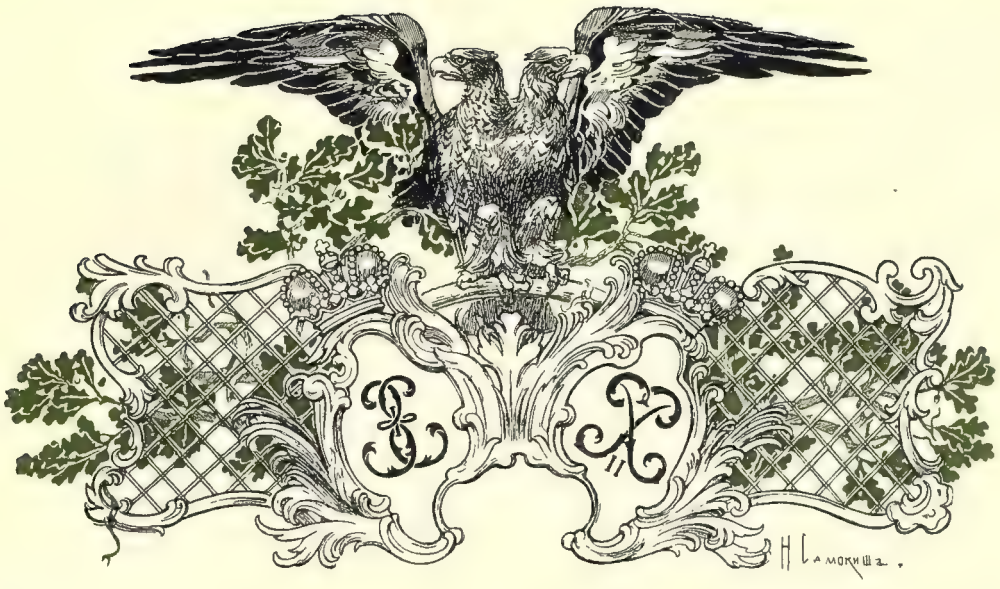
Въ ноябрьскіе холода 1724 года царь жестоко простудился, самоотверженно бросившись спасать погибавшихъ въ морѣ близъ Лахты солдатъ. Смерть уже подстерегала его за этимъ геройскимъ дѣломъ. Въ Крещенье 1725 года онъ простудился окончательно и слегъ въ постель, чтобы не вставать больше. Онъ встрѣтилъ свой конецъ истиннымъ православнымъ христіаниномъ, пособоровавшись и пріобщившись. 28 января онъ тихо почилъ.

«До чего дожили мы, Россіяне!»—прерывавшимся отъ слезъ голосомъ говорилъ надгробную проповѣдь надъ тѣломъ Петра его «звычный» сотрудникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ «Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ». Рыданья присутствовавшихъ заглушили голосъ проповѣдника. Утрата была невознаградимая, но дѣло великаго Царя не погибло вмѣстѣ съ нимъ: Россія, съ его могучей помощью вступивши на путь славы, твердо пошла впередъ, слѣдуя его великимъ предначертаніямъ.



Ц. Екатерина

Екатерина I Алексѣевна.
Императрица и Самодержица Всероссійская.
1725—1727.



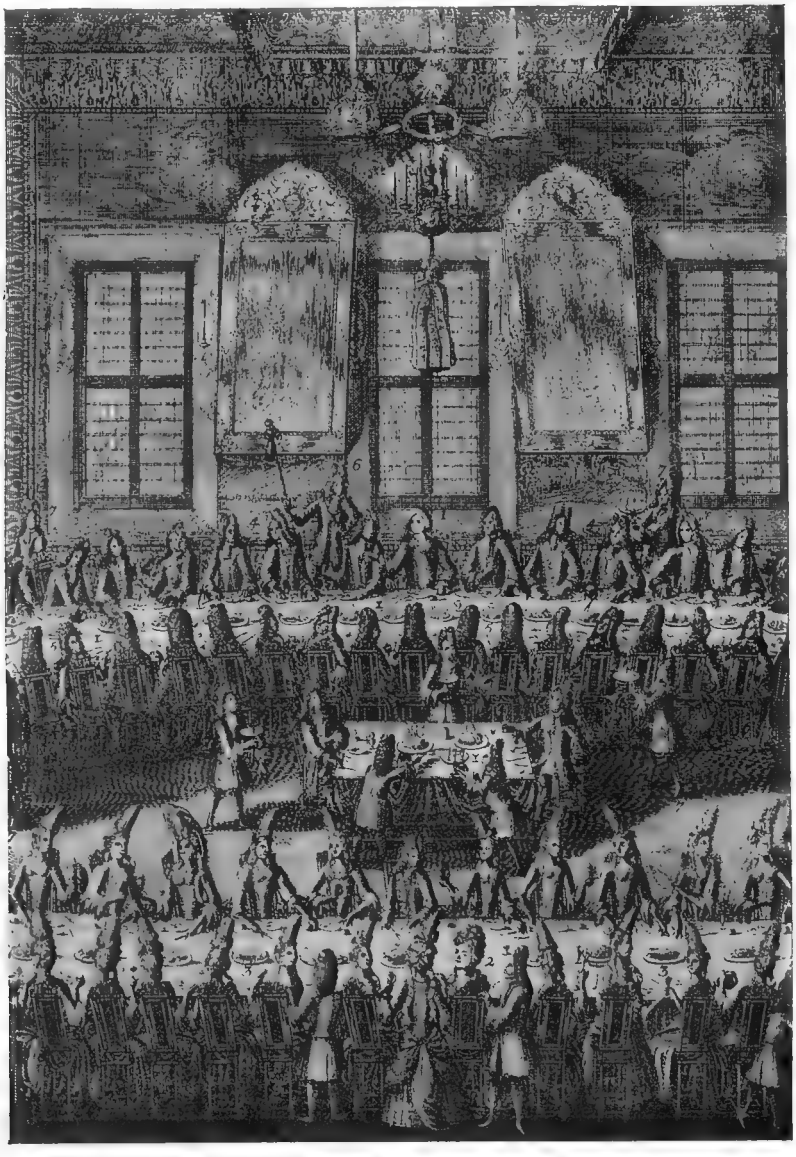
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Царица-крестьянка и отрокъ на тронѣ.

Въ 1705 году Великій Преобразователь Россіи императоръ Петръ I, посѣтивъ, какъ это онъ часто дѣлалъ, своего любимца князя Александра Даниловича Меньшикова, увидѣлъ у него молодую, красивую дѣвушку Марту. Дочь литовскаго крестьянина Самуила Скавронскаго Марта рано лишилась отца. Ея мать переселилась въ Лифляндію, гдѣ молодая дѣвушка поступила къ суперинтенданту Глюку, у котораго получила воспитаніе вмѣстѣ съ дочерьми Глюка. Воспитаніе это, по тогдашнему времени, ограничивалось грамотой, хозяйствомъ и рукодѣліями. Марта жила въ Маріенбургѣ до взятія этого города русскими. Тогда Марта перешла на службу къ Шереметеву, а отъ него къ Меншикову, гдѣ ее встрѣтилъ Петръ I.

Веселая, красивая, достаточно по тогдашнему времени образованная молодая дѣвушка произвела на императора такое сильное впечатлѣніе, что онъ сразу ею плѣнился и ужъ не разставался съ нею до самой смерти. Марта приняла православіе и была наречена Екатериной. Впослѣдствіи императоръ сочетался съ Екатериной бракомъ. Судя по современнымъ протретамъ императрицы, легко можно судить объ ея наружности: черты ея лица неправильны, ее нельзя назвать красавицей, но она обладала удивительной привлекательностью. Ея роскошная черная коса убрана съ такимъ вкусомъ, на алыхъ полныхъ

губахъ играетъ такая пріятная улыбка, черные глаза блестятъ такимъ огнемъ, въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что не мудрено понять, какъ такой колоссъ духа, какъ Петръ, всецѣло отдался особенно-нѣжной любви къ этой неизмѣнной подругѣ его суровыхъ дней. Ему часто приходилось быть въ разлукѣ съ нею, и тогда письмо за письмомъ посылалось къ ней—одно другого нѣжнѣе и пре-

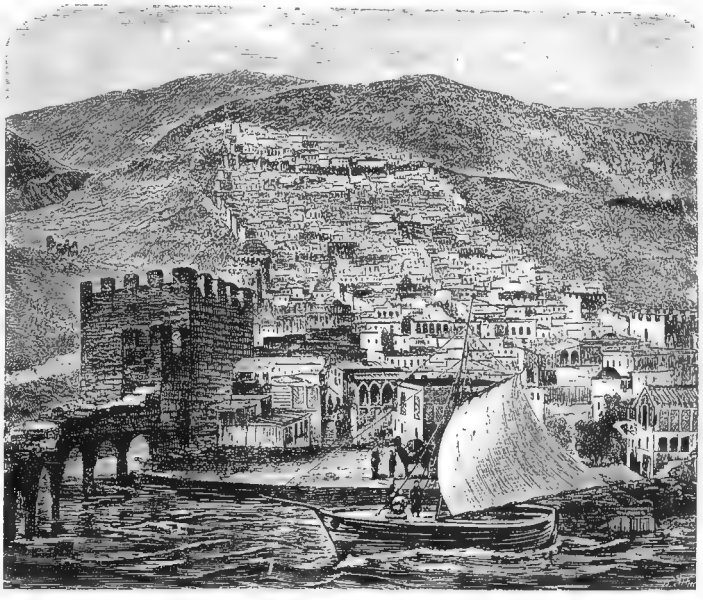


Парадный обѣдъ по случаю брака Петра I съ Екатериной Алексѣевной 1712 года. Грав. А. Зубова, изъ собранія П. Я. Дашкова.

дупредительнѣе: «гораздо безъ васъ скучаю»,—пишетъ ей грозный государь: «дай, Боже, васъ видѣть въ радости и безъ васъ скучно очень!» Но и Екатеринѣ «зѣло скучно»

безъ ея супруга и повелителя, которому она то и дѣло шлетъ подарки и угощенье на чужбину [1]).

Въ 1711 году Екатерина сопровождала императора въ Прутскій походъ и своею находчивостью въ трудную минуту оказала Петру I и Россіи огромную услугу. Екатерина до тонкости изучила императора, умѣла ему угодить, ободрить его, успокоить, умѣла выказать горячее участіе къ его дѣламъ, всегда готова была раздѣлить его удовольствія, оживлять пиры своею природною веселостью. Зачастую императоръ, послѣ припадковъ страшнаго гнѣва, впадалъ въ мрачное расположеніе духа, и тогда только Екатерина осмѣливалась нарушить его уединеніе; ей же нерѣдко удавалось спасать отъ опалы, а иногда и отъ казни виновниковъ его гнѣва.



Видъ города Дербента.

Императоръ обожалъ свою супругу, которую онъ называлъ «маткой» и своимъ «другомъ сердечненькимъ». Не учреждая вокругъ себя никакихъ придворныхъ должностей, Петръ I признавалъ въ то же время необходимость внѣшней торжественности и блеска для придворнаго обычая [2]). Дворъ царицы, по словамъ современниковъ, не уступалъ въ блескѣ и величіи германскимъ дворамъ той эпохи. По тѣмъ высочайшимъ повелѣніямъ и другимъ документамъ, которые дошли до насъ за время царствованія Петра I, можно судить, что придворные чины состояли не при немъ, а при его супругѣ. Сохранилось очень любопытное указаніе на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ императоръ пользовался придворною обстановкою своей супруги, чтобы придать больше торжественности церемоніи. Вотъ, какъ описанъ въ «юрналѣ» въѣздъ ихъ величествъ въ Дербентъ:

«1722 года, августа 23-го. Въ четвертомъ часу пополудни пошли къ городу строемъ, съ распущенными знаменами и съ музыкой и шли такимъ образомъ: перво шелъ баталіонъ гренадеровъ, предъ которыми Его Величество ѣхалъ на лошади, яко полковникъ, съ обнаженною шпагою; по сторонамъ шли пѣшкомъ Его Величества четыре пажа въ уборномъ платьѣ; за Его Величествомъ послѣдовала гвардія; позади полковъ гвардіи изволила ѣхать въ каретѣ Ея Величество Государыня Императрица, а за Ея Величествомъ въ четырехъ каретахъ ѣхали Гофъ-Дамы; за Ея Величествомъ шли Астраханской, Ингерманландской и прочіе пѣхотные полки отъ авангарды» [3]).

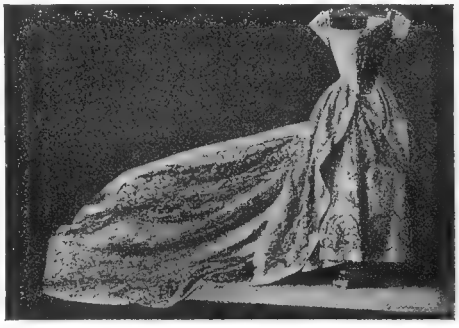
---

[1]) М. И. Семевскій. Царица Екатерина Алексѣевна. Спб. 1886, глаы III и V.
[2]) Столѣтіе военнаго министерства, т. I, стран. 72.
[3]) Столѣтіе военнаго министерства, т. I, стран. 73.

Желая слѣдовать примѣру греческихъ императоровъ, Петръ I рѣшился совершить надъ своею супругою обрядъ священнаго коронованія[4]).

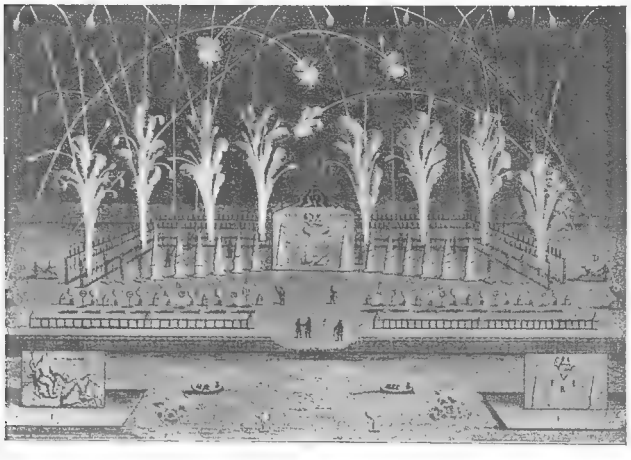
15 ноября 1723 года императоръ издалъ слѣдующій манифестъ:

«Понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть потентатамъ супругъ своихъ короновать, и не точію нынѣ, но и древлѣ право у славныхъ императоровъ греческихъ сіе многократно бывало, а именно: императоръ Василискъ супругу свою Зиновію, императоръ Іустиніанъ супругу свою Лютицію, императоръ Ираклій супругу свою Мартинію, императоръ Левъ Премудрый супругу свою Марію императорскимъ вѣнцомъ короновали, и прочіе та же чинили, о которыхъ здѣсь пространно изображать за потребно не разсудили. И понеже не невѣдомо есть, что въ прошедшей двадцатиединолѣтней войнѣ коль тяжкіе труды и самый смертный страхъ отложа, собственной Нашей персоны



Коронаціонное платье Екатерины I. (Оружейная Палата).

за отечество наше полагали, что съ помощью Божіею и окончали, что еще Россія такъ честнаго и прибыточнаго мира не видала и во всѣхъ дѣлахъ славы такой никогда не имѣла, въ которыхъ вышеописанныхъ нашихъ трудахъ наша любезнѣйшая Супруга Государыня Императрица Екатерина великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствахъ, отложа немощь женскую, волею съ Нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской баталіи съ турки (гдѣ нашего войска 22.000, а турокъ 270.000 было) почитай отчаянномъ времени, какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей нашей арміѣ, и отъ нихъ несумненно всему Государству. Того ради данною Намъ отъ Бога самовластію, за такіе супруги Нашея труды коронаціею Короны почтить, еже Богу изволившу, нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣть совершено быть. Сіе Наше намѣреніе объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, къ которымъ мы Нашею Императорскою милостью неотмѣнно благосклонно пребываемъ».



Фейерверкъ въ Москвѣ по случаю коронаціи Екатерины I-ой 7 мая 1724 г. Съ русской грав. того времени.

Коронація эта состоялась 7 мая 1724 года.

Не истекло еще года со времени коронаціи первой русской императрицы, какъ 26 января 1725 года въ шестомъ часу Петра Великаго не стало. Несомнѣнно, что въ послѣднія минуты своей жизни императоръ былъ озабоченъ вопросомъ о престоло-

[4]) Д. И. Языковъ, «Коронованіе Императрицы Екатерины Алексѣевны Петромъ Великимъ» (составлено по рукописи) «Отечественныя Записки», т. 38, С.-Пб. 1845 года.

наслѣдіи: онъ потребовалъ себѣ бумагу, но ослабѣвающая рука монарха могла лишь начертать: «отдать все»...[5])

Цесаревна Анна Петровна приблизилась къ ложу умирающаго, чтобы выслушать послѣднюю его волю, но словъ императора разобрать уже было нельзя. Петръ I унесъ въ могилу неразрѣшенный вопросъ о своемъ наслѣдникѣ и скончался, не успѣвъ воспользоваться установленнымъ имъ же закономъ о правѣ государя на свободный выборъ своего преемника; законнымъ наслѣдникомъ престола являлся великій князь Петръ, сынъ царевича Алексѣя, но великому князю было всего двѣнадцать лѣтъ, и, естественно, являлся вопросъ о регентствѣ. Съ другой стороны, императоръ оставилъ коронованную имъ супругу.

Митрополитъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

И та и другая кандидатуры имѣли своихъ сторонниковъ. За великаго князя стояла старинная знать, оттертая «птенцами гнѣзда Петрова», за него же стояло «народное большинство», какъ «за единственнаго мужскаго представителя династіи»[6]).

Сторонники императрицы были всѣ сподвижники Великаго Преобразователя, т. е. люди, обладавшіе громадною энергіею и умомъ. Какъ стоящіе у кормила правленія, они должны были взять перевѣсъ въ борьбѣ съ противною партіею. Собравшіеся во дворцѣ первые сановники въ вопросѣ о преемникѣ раздѣлились на двѣ партіи. Князья Репнинъ, Голицынъ, Долгорукій и нѣкоторые другіе стояли за внука императора, другіе-же, главнымъ образомъ, Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій, Апраксинъ и Бутурлинъ, а также представители Святѣйшаго Синода, во главѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, были за провозглашеніе императрицей Екатерины Алексѣевны.

Главнымъ средствомъ для борьбы были, конечно, войска. Армія, разбросанная по всѣмъ предѣламъ имперіи, не могла представить изъ себя ни удобнаго, ни внушительнаго орудія. Въ совершенно иномъ положеніи находилась гвардія и, вообще, петербургскій гарнизонъ: сосредоточенныя въ самомъ Петербургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ эти войска представляли изъ себя внушительный, какъ по своей численности, такъ и по своей дисциплинѣ и сплоченности, отрядъ до тридцати тысячъ человѣкъ. Не подлежало сомнѣнію, что весь петербургскій гарнизонъ послѣдуетъ примѣру гвардіи, а потому главною заботою было заручиться ея поддержкой. Но гвардія была предана до обожанія умершему императору; эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видѣли постоянно съ мужемъ, и которая умѣла казаться солдату «настоящей полковницей»[7]). Правда, во главѣ Военной Коллегіи, за смѣщеніемъ Меншикова, былъ поставленъ противникъ Екатерины, фельдмаршалъ князь Репнинъ, но зато оба подполковники гвардіи, Меншиковъ Преображенскаго полка и Бутурлинъ Семеновскаго, были на ея сторонѣ.

Пока въ ночь на 28-е января важнѣйшіе сановники совѣщались во дворцѣ о престолонаслѣдіи, залъ наполнился гвардейскими офицерами. «Главнѣйшіе изъ офицеровъ сами,

[5]) Исторія Государевой свиты, т. I, стран. 81.
[6]) Соловьевъ, т. XVIII, стран. 269.
[7]) Соловьевъ, т. XVIII, стран. 272.

безъ всякаго зова, приходили уже къ царицѣ и поклялись ей въ вѣрности и въ неизмѣнномъ рѣшеніи своемъ утвердить ее на престолѣ, хотя бы пришлось для этого подвергнуть опасности свою жизнь»[8]).

Партія родовитой знати пошла на уступки и предложила провозгласить императоромъ Петра II, а регентшей назначить Екатерину. Но... подъ окнами дворца раздался бой барабановъ: преображенцы и семеновцы стояли уже на плацу передъ дворцомъ. На вопросъ князя Репнина: «Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?»—эму отвѣчалъ Бутурлинъ:«я велѣлъ имъ прійти сюда по волѣ императрицы, которой всякій подданный обязанъ повиноваться, не исключая и тебя» [9]).

Императрица, пока шло совѣщаніе вельможъ, «имѣла предусмотрительность заранѣе послать въ крѣпость деньги для уплаты жалованія гарнизону, который не получалъ его уже шестнадцать мѣсяцевъ, подобно прочимъ войскамъ. Гвардіи она дала слово заплатить все ей слѣдуемое изъ собственныхъ денегъ... Чтобы еще болѣе расположить къ себѣ, солдатъ, царица распорядилась раздачею всѣмъ полкамъ денегъ не въ счетъ жалованія; солдатамъ-же, занятымъ на различныхъ работахъ, приказано было прекратить работы и отправится къ мѣстамъ своей стоянки и молиться Богу за государя» [10]).

Екатерина Алексѣевна провозглашена была царствующею императрицею. Въ первые же дни своего правленія, она изъявила желаніе итти неуклонно путемъ, ей указаннымъ Петромъ Великимъ: «Мы желаемъ всѣ дѣла, зачатыя трудами императора, съ Божіею помощью завершить» [11]).

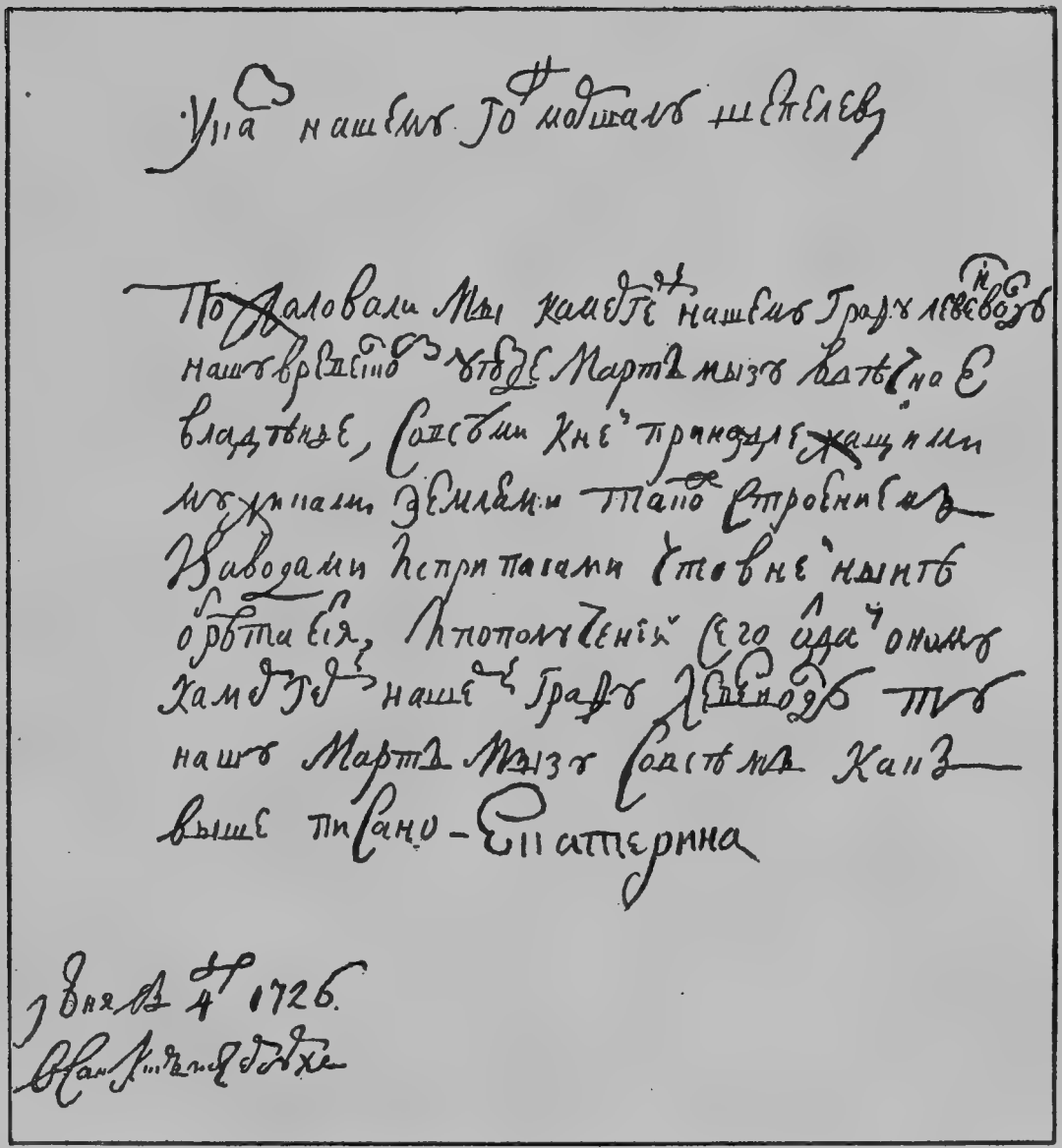
Въ наставленіе будущимъ поколѣніямъ поручила она Шафирову написать подробную исторію Преобразователя. Нельзя сомнѣваться въ искренности ея желанія подражать дѣламъ усопшаго императора и довершить имъ начатое. Доказательствомъ тому служитъ ея забота о скорѣйшемъ снаряженіи Камчатской экспедиціи Беринга, объ открытіи Академіи Наукъ и объ учрежденіи ордена св. Александра Невскаго. Но тамъ, гдѣ императрицѣ приходилось выступать въ государственныхъ дѣлахъ самостоятельно, тамъ она чувствовала себя безпомощной. Не имѣя требуемой опытности въ дѣлахъ, Екатерина Алексѣевна неминуемо должна была руководиться совѣтами человѣка, не только умудреннаго государственной опытностью, но и такого, интересы котораго были бы связаны съ ея собственными. Такимъ лицомъ явился ближайшій сподвижникъ почившаго императора Петра Великаго, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

По его совѣтамъ 12 февраля 1726 года былъ изданъ указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Главнымъ дѣятелемъ этого Совѣта былъ А. Д. Меншиковъ. Онъ одинъ докладывалъ государынѣ о дѣлахъ секретныхъ и о важныхъ воинскихъ дѣлахъ. Конечно, съ этого момента многое изъ учрежденнаго Петромъ Великимъ измѣнилось. Сенатъ, который до тѣхъ поръ былъ средоточіемъ всѣхъ дѣлъ управленія государствомъ, названъ былъ вмѣсто Правительствующаго—Высокимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ палъ со своей прежней высоты, занявъ второстепенное мѣсто, ибо надъ нимъ былъ поставленъ Верховный Тайный Совѣтъ.

Членами этого совѣта были: генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, графъ Толстой, князь Дмитрій Голицынъ и баронъ Остерманъ. Черезъ мѣсяцъ въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта включенъ былъ и зять императрицы герцогъ Гол-

---

[8]) Сборникъ LII, стран. 438.
[9]) Соловьевъ, XVIII, стран. 273.
[10]) Сборникъ, т. 52, стран. 441, 442.
[11]) Указъ 25 февраля 1725 года.



Указъ Императрицы Екатерины I гофмаршалу Шепелеву.

штинскій, «на радѣніе котораго», какъ офиціально заявлено императрицею, «Мы вполнѣ положиться можемъ»[11]).

Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ въ началѣ былъ составленъ почти исключительно изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова». Но въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ существованія Совѣта одинъ изъ видныхъ членовъ графъ Толстой былъ вытѣсненъ кознями князя А. Д. Меншикова.

Императрица Екатерина I.
Съ рис. перомъ, приготовленнаго для гравированія по наброску Риго.
(Подлинный рис. находится въ собраніи П. Я. Дашкова).

Желаніе Верховнаго Тайнаго Совѣта удержать въ своихъ рукахъ законодательную власть вызвало, между прочимъ, и Высочайшій указъ отъ 10 августа 1726 года: «о непроизведеніи дѣйства по словеснымъ объявленнымъ именнымъ указамъ безъ подписанія Ея Императорскаго Величества руки или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта». Подобный порядокъ вещей, конечно, не могъ существовать долго; дѣйствительно, мы видимъ, что черезъ семнадцать дней послѣ указа 10-го августа словесное Высочайшее повелѣніе о раздачѣ земли на Васильевскомъ островѣ разнымъ лицамъ, объявленное генералъ-фельдмаршаломъ Меншиковымъ, принимается къ исполненію, а 23-го сентября того же года однородное повелѣніе императрицы объявляется генералъ-адъютантомъ Девьеромъ, послѣ чего все возвращается къ прежнему порядку, хотя указъ «о непроизведеніи дѣйства» не отмѣняется [12]).

Царствованіе Екатерины I омрачали возникавшіе то и дѣло толки о заговорахъ съ цѣлью возвести на престолъ сына царевича Алексѣя. Говорили, что украинская армія, состоявшая подъ предводительствомъ кн. Михаила Голицына, уже готова къ возмущенію, не мало опасеній возбуждали и раздоры среди «птенцовъ гнѣзда Петрова», угрожавшіе переходомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону враговъ Екатерины.

У сына царевича Алексѣя, малолѣтняго Петра Алексѣевича, было много приверженцевъ среди знати и среди провинціальнаго духовенства. Въ Аранскомъ монастырѣ, Нижегородской губерніи, архимандритъ Исаія поминалъ сына царевича Алексѣя «благовѣрнымъ го-

[11]) Сборникъ гг. 1886, 87, 88 и 89.
[12]) Архивъ Прав. Сената 1726 года, № 1837 и 1884.

сударемъ», а не «благовѣрнымъ великимъ княземъ», говоря, что готовъ казнь принять, а иначе поминать не станетъ. Тогда рѣшено было объявить великаго князя Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола[13]).

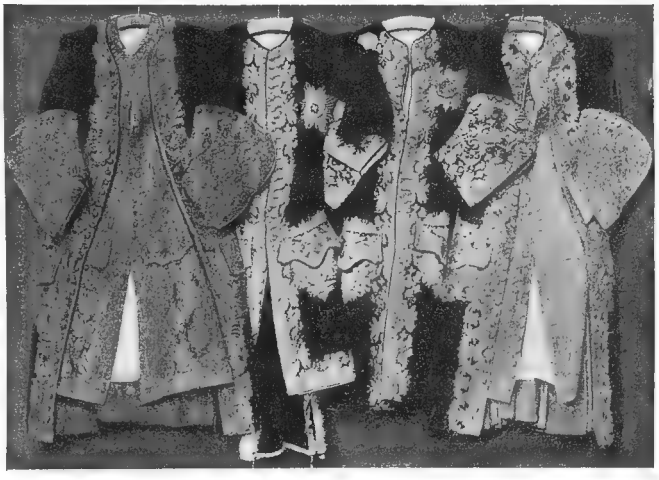
Княжна М. А. Меншикова, съ грав. А. Зубова.

Стали искать пути къ тѣсному сближенію будущаго императора съ семействомъ Екатерины I. Остерманъ составилъ проектъ женить бы Петра Алексѣевича на его теткѣ Елизаветѣ Петровнѣ, не обращая вниманія ни на церковные уставы, ни на разницу лѣтъ. Австрійскій дворъ, чтобы привлечь на свою сторону Меншикова, предложилъ другой выходъ изъ затруднительнаго положенія — помолвить за великаго князя дочь Меншикова Марію, которой говорили, что этотъ планъ сочинилъ датскій дипломатъ Вестфаленъ. Екатерина I должна была съ этимъ планомъ согласиться, чтобы не поставить Меншикова въ ряды своихъ враговъ.

Въ 1727 году императрица занемогла горячкою и скончалась.

Найденное послѣ смерти Екатерины I завѣщаніе объявляло наслѣдникомъ престола двѣнадцатилѣтняго внука Петра Великаго великаго князя Петра Алексѣевича и учреждало до его совершеннолѣтія регентство изъ обѣихъ цесаревенъ, Анны и Елизаветы, герцога голштинскаго и Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Петръ Алексѣевичъ — императоръ всероссійскій, сынъ царевича Алексѣя Петровича и принцессы Софьи-Шарлотты Бланкенбургской, родился 12 октября 1715 года. Мать его умерла вскорѣ послѣ его рожденія, отецъ погибъ въ 1718 году. За великаго князя Петра Алексѣевича все время стояла партія родовитой знати и народъ, который видѣлъ въ немъ законнаго наслѣдника. Только раскольники не признавали его потомкомъ царя, такъ какъ онъ родился отъ брака съ иностранкою[14]).



Кафтаны Императора Петра II. (Оружейная палата въ Москвѣ).

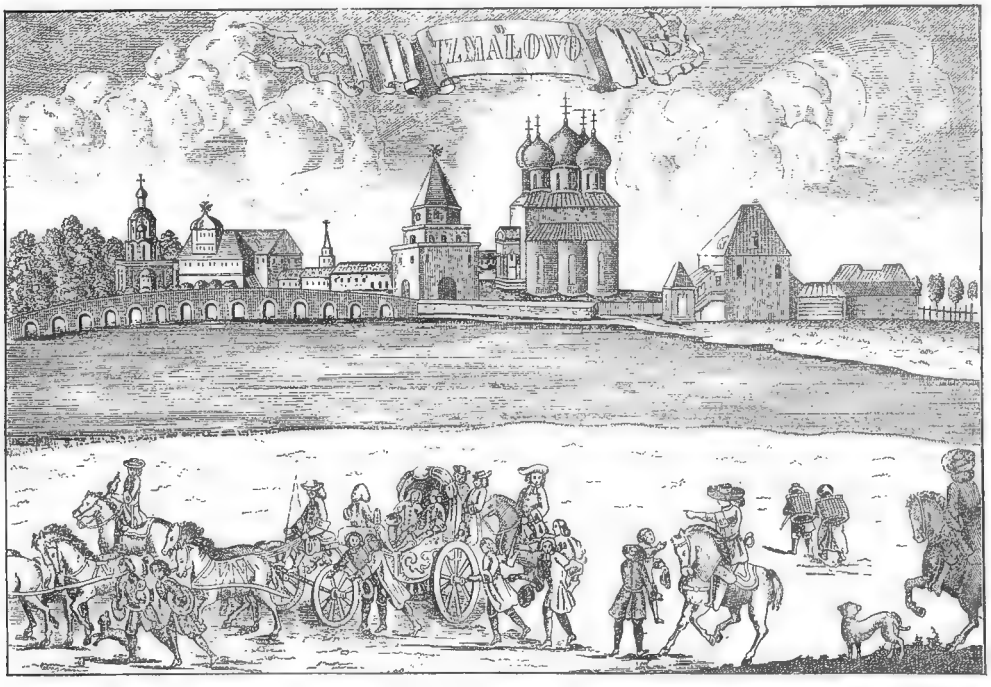
На воспитаніе цесаревича Петра, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и при Екатеринѣ I

[13]) Е. Бѣловъ, «Екатерина I Алексѣевна».
[14]) К. И. Арсеньевъ, «Царствованіе Петра II». С.-Пб. 1839 г.

Петръ II.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1727—1730.

не обращали много вниманія. Изъ его учителей извѣстны двое—Семенъ Аѳанасьевичъ Мавринъ и Иванъ Алексѣевичъ Зейкинъ, обучавшіе цесаревича исторіи, географіи, математикѣ и латинскому языку.

7 мая 1727 года императоръ Петръ II вступилъ на престолъ. Въ завѣщаніи Екатерины было сказано, что за Петра II выдается княжна Меншикова и что законъ Петра Великаго о престолонаслѣдіи отмѣняется. Надѣясь породниться съ царемъ, Меншиковъ сталъ еще болѣе самовластнымъ. По его настоянію герцогъ голштинскій уѣхалъ въ Голштинію вмѣстѣ съ Анной Петровной; съ цесаревной Елизаветой онъ совершенно не считался, а Верховный Тайный Совѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Меншикова. Дѣйствительнымъ правителемъ государства остался князь Меншиковъ. Онъ перевезъ молодого государя въ свой домъ, обручилъ его со своей дочерью Маріей и получилъ званіе генералиссимуса[15]). Уже



Выѣздъ Императора Петра II изъ с. Измайлова на охоту. Съ грав. И. Зубова.

его имя вмѣстѣ съ именами его семьи поминалось на эктеніяхъ наряду съ именами членовъ царствующей фамиліи.

Молодой двѣнадцатилѣтній царь, окруженный родовитой знатью, напоминавшей, пожалуй, времена боярскаго мѣстничества, находился подъ сильнымъ вліяніемъ князя Меншикова, и, быть можетъ, именно этимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить ту роскошь придворной жизни и пышности церемоній, которыя проникли въ царскую жизнь. Если покрой и видъ одежды, вообще, могутъ имѣть силу историческаго достоинства, то относительно времени Петра II нужно сказать, что скромный суконный кафтанъ общаго военнаго покроя Петра I смѣняется при немъ атласнымъ и бархатнымъ французскимъ платьемъ, богато украшеннымъ кружевами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ московской Оружейной палатѣ «гардеробъ Императора Петра II» состоитъ исключительно изъ роскошныхъ камзоловъ и кафтановъ изъ атласа и бархата, украшенныхъ кружевами и жемчугомъ.

[15]) Есиповъ, «Жизнеописаніе Александра Даниловича Меншикова» («Русскій Архивъ», 1876 г.).

Еще при жизни императрицы Екатерины I Меншиковъ понялъ, что нельзя разсчитывать на возможность устраненія отъ престола сына Алексѣя Петровича Петра Алексѣевича въ пользу дочерей Петра и Екатерины, и потому заблаговременно перешелъ на сторону приверженцевъ отрока Петра. Въ 1726 году по ходатайству Меншикова одинъ

В. Сѣровъ: Выѣздъ Императора Петра II съ цесаревной Елисаветой Петровной на охоту. (Музей Императора Александра III въ Петербургѣ).

изъ наиболѣе ярыхъ приверженцевъ Петра II князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ возведенъ былъ императрицей Екатериной I въ званіе сенатора, назначенъ гофмейстеромъ и вторымъ воспитателемъ великаго князя Петра Алексѣевича. Когда вступилъ на престолъ Петръ II, князь Алексѣй Григорьевичъ былъ осыпанъ наградами и назначенъ членомъ

Верховнаго Тайнаго Совѣта. На этомъ новомъ посту князь Алексѣй Григорьевичъ приложилъ всѣ усилія, чтобы возстановить юнаго императора противъ Меншикова, и, наконецъ, добился своей завѣтной цѣли. Честолюбивый и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченный князь Долгоруковъ, чтобы совершенно подчинить себѣ императора Петра II, отвлекалъ его отъ занятій, поощряя его страсть къ охотѣ и другимъ удовольствіямъ. Съ этой цѣлью князь безпрестанно увозилъ императора въ свое подмосковное имѣніе Горенки, гдѣ около Петра II находились только члены Долгоруковской семьи. Государь сталъ все больше и больше тяготиться опекою заносчиваго и высокомѣрнаго Меншикова.

В. Суриковъ. Меншиковъ въ Березовѣ. (Третьяковская галлерея.)

Его непріязнь къ самовластному временщику разжигалась Долгоруковымъ, воспользовавшимся болѣзнью Меншикова, чтобы подготовить его окончательное паденіе.

Воспитатели императора Зейкинъ и Мавринъ были устранены.

Наконецъ, 8 сентября 1727 года Долгорукову, при дѣятельномъ участіи Остермана, удалось добиться ареста князя Александра Даниловича Меншикова, а на слѣдующій день послѣдовалъ указъ о ссылкѣ Меншикова въ Раненбургъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ его несмѣтныя богатства были конфискованы, а послѣ того, какъ въ Москвѣ было найдено подметное письмо въ пользу Меншикова, онъ съ женой, сыномъ и дочерьми былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ и умеръ въ 1729 году.

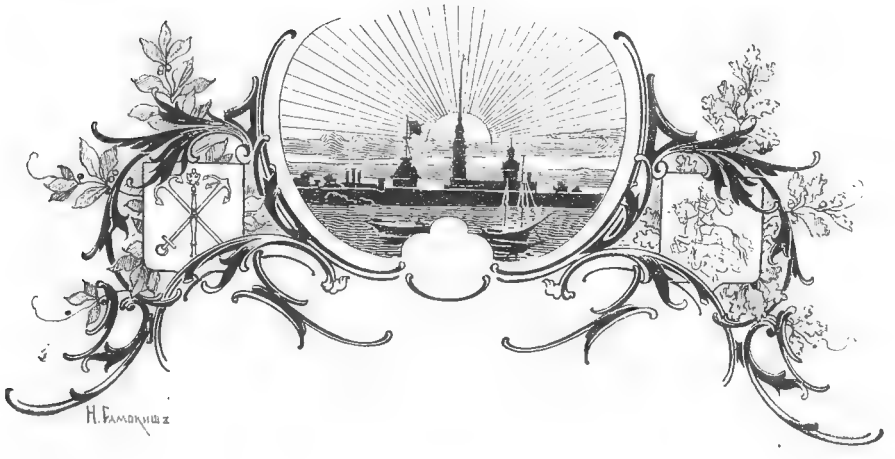
Долгоруковы были на зенитѣ своей славы. Рядомъ съ нимъ правилъ дѣлами представитель старо-русской знати князь Голицынъ. Переѣздъ, по ихъ настоянію, императорскаго двора въ 1727 году въ Москву знаменовалъ ихъ торжество. Для усиленія своего вліянія Долгоруковы рѣшили женить Петра II на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, съ которой юный императоръ познакомился, посѣщая подмосковное долгоруковское имѣніе Горенки. Кн. Иванъ Ал. Долгоруковъ, братъ невѣсты, молодой красавецъ, былъ любимцемъ государя и почти не разставался съ нимъ ни днемъ, ни ночью.

30 ноября 1729 года состоялось торжественное обрученіе Петра II, при чемъ княжнѣ Долгоруковой былъ данъ титулъ «ея высочества государыни-невѣсты». Однако, обвѣнчать ее съ государемъ Долгоруковымъ не удалось. Императоръ заразился оспой и въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года, находясь передъ этимъ нѣсколько дней въ безпамятствѣ, скончался.

Говорить о самостоятельной дѣятельности Петра II, умершаго на шестнадцатомъ году своей жизни, нельзя; онъ постоянно находился подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ, являлся орудіемъ въ рукахъ какой-либо изъ многочисленныхъ дворцовыхъ партій того времени, хотя онъ и объявилъ себя по вступленіи на престолъ совершеннолѣтнимъ и

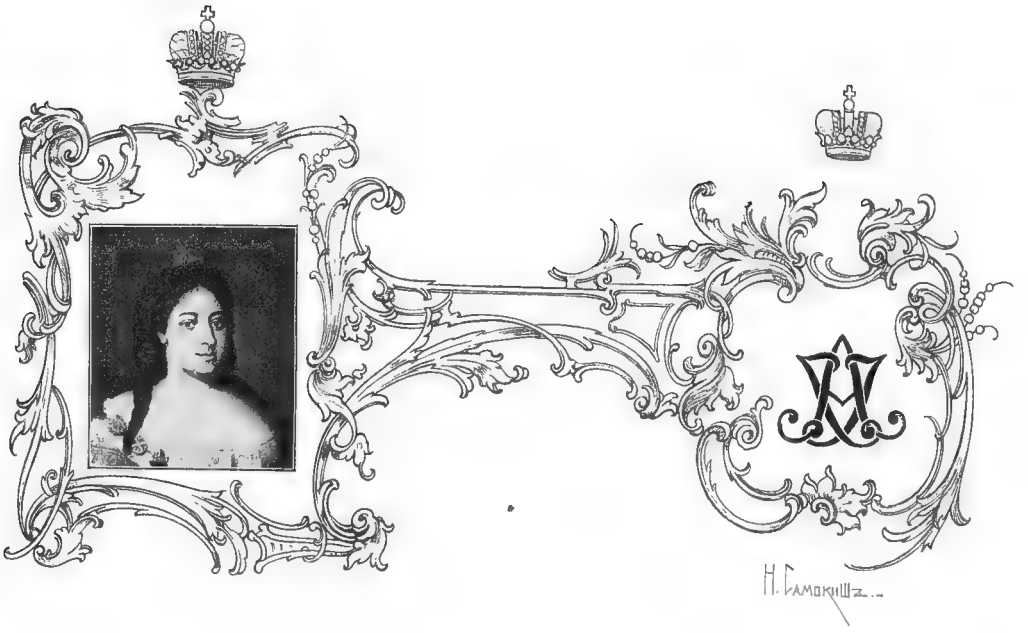
хотѣлъ лично приняться за дѣла правленія. Относительно Верховнаго Тайнаго Совѣта можно замѣтить, что онъ, какъ учрежденіе, при Петрѣ II совершенно падаетъ.

За время его короткаго царствованія было издано нѣсколько указовъ и законовъ, заслуживающихъ упоминанія, напримѣръ: указъ 24 мая 1727 года о переносѣ важныхъ дѣлъ изъ кабинета прямо въ Верховный Тайный Совѣтъ, указы того же года о болѣе правильномъ сборѣ подушной подати; указъ объ упраздненіи главнаго магистрата; знаменательный указъ 16 іюля 1727 года о переносѣ малороссійскихъ дѣлъ изъ сената въ иностранную коллегію, чѣмъ какъ бы создавалось обособленное положеніе этой области въ имперіи; вексельный уставъ 1729 года и любопытный указъ 29 сентября 1729 года о запрещеніи духовенству носить мірскую одежду.



Анна

Анна Іоанновна.
Императрица и Самодержица Всероссійская
1730—1740.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Императрица Анна Іоанновна и ея преемники.

По смерти императора Петра II, по завѣщанію Екатерины I, ему должна была наслѣдовать одна изъ дочерей Петра Великаго. Но, несмотря на завѣщаніе императрицы, ея потомство было отстранено отъ престола подъ предлогомъ молодости и легкомыслія Елизаветы, младшей дочери Петра I и Екатерины, и по малолѣтству ихъ внука, сына Анны Петровны и герцога Голштинскаго. Отстранена была и кандидатура бабки Петра II, монахини Лопухиной. Словамъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго объ избраніи на престолъ его дочери Екатерины, обрученной невѣсты покойнаго императора Петра II, никто не придалъ никакого значенія, хотя Долгорукіе хотѣли пустить въ ходъ составленное въ этомъ направленіи подложное завѣщаніе Петра II.

Вопросъ объ избраніи государя рѣшилъ вліятельный голосъ князя Димитрія Михайловича Голицына. Онъ заявилъ, что домъ Петра I пресѣкся смертью Петра II и потому слѣдуетъ обратиться къ старшей линіи, о правахъ которой тогда всѣ забыли тѣмъ болѣе, что самое царствованіе Іоанна Алексѣевича считалось, да и, на самомъ дѣлѣ, было только номинальнымъ.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что старшая дочь Іоанна Алексѣевича Екатерина была замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, Голицынъ предложилъ избрать Анну, бездѣтную вдову герцога Курляндскаго [1]).

Анна Іоанновна родилась 28 января 1693 года. Она была второй дочерью царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳеодоровны, урожденной Салтыковой. Анна Іоанновна росла при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ тяжелой семейной обстановки. Слабый тѣломъ и духомъ царь Іоаннъ не имѣлъ значенія въ семьѣ, а царица Прасковья не любила дочери. Естественно поэтому, что царевна Анна не получила хорошаго воспитанія, которое могло бы развить ея природныя дарованія. Учителями ея были братъ вице-канцлера Дидрихъ Остерманъ и «танцовальный мастеръ» Рамбурхъ. Конечно, результаты такого обученія были ничтожны. Анна Іоанновна пріобрѣла нѣкоторыя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, а отъ танцовальнаго мастера могла научиться «тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ», но плохо писала по-русски. До семнадцатилѣтняго возраста Анна Іоанновна большей частію проводила время въ селѣ Измайловѣ, Москвѣ или Петербургѣ подъ надзоромъ тетки Екатерины и дяди Петра Великаго, который, однако, не заботился исправить недостатки ея воспитанія и изъ-за политическихъ разсчетовъ выдалъ ее замужъ осенью 1710 года за Курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма [2]).

Но вскорѣ послѣ шумной свадьбы, отпразднованной съ разными торжествами и «курьезами», 9 января 1711 года герцогъ заболѣлъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ Анна Іоанновна провела девятнадцать лѣтъ въ Курляндіи. Еще молодая, но овдовѣвшая герцогиня жила здѣсь не особенно веселой жизнью; она нуждалась въ матеріальныхъ средствахъ и поставлена была въ довольно щекотливое положеніе среди иностранцевъ въ странѣ, которая была постояннымъ яблокомъ раздора между сильными сосѣдями—Россіей, Швеціей и Польшей. Со смертью Фридриха-Вильгельма и послѣ ссоры его преемника Фердинанда съ курляндскимъ рыцарствомъ, претендентами на курляндское герцогство явились кн. А. Д. Меншиковъ и Морицъ Саксонскій (побочный сынъ короля Августа II). Морицъ Саксонскій притворялся даже влюбленнымъ въ Анну Іоанновну; но планы его были разстроены благодаря вмѣшательству петербургскаго кабинета.

Во время пребыванія своего въ Курляндіи Анна Іоанновна жила преимущественно въ Митавѣ. Приблизивъ къ себѣ около 1727 года курляндскаго дворянина Эрнеста Іоганна Бирона, окруженная небольшимъ штатомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ особеннымъ значеніемъ пользовался Петръ Михайловичъ Бестужевъ съ сыновьями Михаиломъ и Алексѣемъ, она находилась въ мирныхъ отношеніяхъ къ курляндскому дворянству, хотя и не прерывала связей съ Россіей, куда ѣздила изрѣдка, напримѣръ, въ 1728 году на коронацію Петра II, внезапная смерть котораго измѣнила судьбу герцогини.

Неожиданная кандидатура на Россійскій престолъ Анны Іоанновны объясняется, во-первыхъ, аристократическимъ предубѣжденіемъ, съ которымъ Голицынъ и родовитые сановники того времени относились къ браку Петра I съ ливонской плѣнницей-крестьянкой и къ ея дочерямъ; во-вторыхъ, ненавистью Голицына къ реформамъ Петра, къ заимствованіямъ у иностранцевъ.

— Къ чему намъ,—говаривалъ Голицынъ,—нововведенія? Развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и давали намъ законъ?

Но Голицынъ шелъ еще дальше. Онъ мечталъ объ ограниченіи власти самодержавнаго монарха. Это онъ откровенно высказалъ на совѣщаніи въ слѣдующихъ выраже-

---

[1]) Е. Бѣловъ, «Верховники».

[2]) С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIX и XX.

Божiею милостiю. Мы Анна
императрица и самодержица всероссiйская,
и протчая, и протчая, и протчая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Карла фонъ Бирона, которой намъ вслѣдъ регментъ полковникомъ служилъ, для его къ службѣ Нашей ревности и прилѣжности, въ Наши Генералъ Маэоры тысяща седмь сотъ тридесятого года ноября девятого надесять дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили, якоже Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ помянутого Карла фонъ Бирона за Нашего Генерала Маэора надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Напротивъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ Насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму Офицѣру надлежитъ. Во свидѣтельство того Мы сiе, Собственною Нашею рукою подписали, и Государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Москвѣ лѣта 1730, ноября 25 дня.

Анна

Указъ Императрицы Анны Іоанновны о производствѣ Бирона.

ніяхъ: «Выберемъ кого угодно, господа; только во всякомъ случаѣ *надо себѣ полегчить!*»—«Какъ это полегчить?»—спросилъ канцлеръ Головкинъ.—«А такъ полегчить: *воли себѣ прибавить*»,—отвѣтилъ Голицынъ.—«Хоть и затѣемъ, но не удержимъ»,—возразилъ В. Л. Долгорукій. «Удержимъ, право»,—настаивалъ Голицынъ:—«будетъ во всемъ воля ваша, господа!» Такъ возникъ замыселъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта измѣнить форму правленія, что, конечно, казалось легче сдѣлать при бездѣтной Аннѣ Іоанновнѣ. Передъ объявленіемъ означенной кандидатуры сенату, синоду и генералитету выбраны были еще два члена въ Верховный Тайный Совѣтъ: фельдмаршалы Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукій. Это назначеніе, говоритъ историкъ Соловьевъ, было знакомъ соединенія двухъ самыхъ сильныхъ фамилій. Затѣмъ канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ, что совѣтъ рѣшился предложить корону герцогинѣ Курляндской, если послѣдуетъ соглашеніе собравшихся членовъ. Согласіе, разумѣется, послѣдовало. Особенное сочувствіе означенному избранію оказалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ псковскій. Его страшило владычество Долгорукихъ, лично ему враждебныхъ. Но настроеніе Ѳеофана Прокоповича и, вообще, большинства духовенства измѣнилось, когда узнали, что Голицынъ и другіе «верховники» предложили написать Аннѣ Іоанновнѣ пункты или кондиціи, которыми ограничивалась ея власть въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Приводимъ этотъ любопытный документъ цѣликомъ:

«Понеже по воле всемогущаго Бога и по общему желанію всероссійскаго народа Мы по представленіи всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго Государя Петра второго Императора и самодержца всероссійскаго Нашего любезнѣйшаго Государя племянника, Императорскій всероссійскій престолъ воспріяли, и слѣдуя Божественному закону правительство свое такимъ образомъ вести намерена и желаю дабы оное вначалѣ къ прославленію Божескаго имени и къ благополучному всего нашего Государства і всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло. Того ради черезъ сіе найкрѣпчайше обѣщаемся, найглавнѣйше мое попеченіе въ стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но і о крайнемъ і всевозможномъ распространеніи православныя наши вѣры Греческаго Исповѣданія, такожде попринятіи короны россійской, всупружество во всю мою жизнь не вступать, и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого неопредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный, тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія, 1) ниже войны не начинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе, такъ і ввоенные сухопутные и морскія выше полковничья ранга не жаловать, ниже кзнатнымъ дѣламъ никого неопредѣлять, и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подведеніемъ верховнаго тайнаго совѣта, 5) у шляхетства живота и имѣнія и чести безсуда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) впридворныя чины какъ русскихъ, такъ и іноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить, 8) государственныя доходы вросходъ не употреблять і всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ внеотемлемой своей милости содержать.

А буде чего посему обещанію не исполню і недодержу, то лишена буду короны россійской, по сему обѣщаю все безъ всякаго изъятія содержать.

Анна [3]).

Въ этихъ кондиціяхъ большинство знатнаго и незнатнаго шляхетства, какъ тогда называлось дворянство, увидѣло намѣреніе создать въ Россіи олигархію, присвоеніе двумя фамиліями права избранія государя и перемѣны формы правленія. Въ письмѣ Во-

[3]) Исторія Государевой свиты, т. I, стр. 101.

лынскаго выразилось общее настроеніе. Волынскій, бывшій тогда казанскимъ губернаторомъ, писалъ: «Боже сохрани, чтобы вмѣсто одного самодержца, не сдѣлалось десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, мы, шляхетство, тогда совсѣмъ пропадемъ».

Антіохъ Кантемиръ. Собраніе Ровинскаго.

Многіе думали, что не только шляхетство—пропадетъ и Россія отъ неминуемыхъ въ грядущемъ раздоровъ фамилій. Это мнѣніе раздѣляли самые просвѣщенные люди того времени: Антіохъ Кантемиръ и Василій Никитичъ Татищевъ. Въ ряды противниковъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сталъ и генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій. Сначала онъ былъ на сторонѣ верховниковъ, надѣясь, что его выберутъ въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но когда фельдмаршалы М. М. Голицынъ и В. В. Долгорукій заняли мѣста въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а его обошли; когда оказалось, что въ Совѣтѣ засѣдаютъ четверо Долгорукихъ и двое Голицыныхъ и только двое остальныхъ членовъ Головкинъ и Остерманъ, не принадлежатъ къ племени св. Владиміра, какъ Долгорукіе, или къ племени Гедимина, какъ Голицыны—тогда Ягужинскій понялъ, что для людей не родовитыхъ, хотя бы и сподвижниковъ Петра, въ Совѣтѣ мѣста не будетъ. Поэтому Ягужинскій круто поворотилъ въ другую сторону. Узнавши, что «верховники» отправили посольство въ Митаву, во главѣ котораго находился Василій Лукичъ Долгорукій, Ягужинскій со своей стороны, отправилъ въ Митаву камеръ-юнкера Сумарокова, который долженъ былъ предупредить Анну Іоанновну, чтобы она не довѣрялась Василію Лукичу Долгорукому, и что всю правду она узнаетъ въ Москвѣ. Сумароковъ успѣлъ увидѣться съ Анною Іоанновною и передать ей наказъ Ягужинскаго, но послы верховниковъ провѣдали, что онъ въ Митавѣ, приказали его схватить и арестованнаго отправить въ Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 2-го февраля изъ Митавы пришло извѣстіе, что Анна Іоанновна согласна на кондиціи, о чемъ и объявлено было 3-го февраля въ общемъ собраніи Верховному Тайному Совѣту, сенату, синоду, генералитету. Всѣмъ заявили, что милостію ея величества довольны и удовольствіе свое закрѣпили рукоприкладствомъ. Всѣхъ подписей было до пятисотъ. Но тогда же князь Черкасскій потребовалъ на словахъ, чтобы ему и другимъ позволено было подать мнѣніе о новомъ государственномъ устройствѣ. «Верховники» должны были согласиться, что и подало поводъ разнымъ шляхетскимъ кружкамъ составлять проекты. Эти проекты, незначительные по сущности своей, на ходъ дѣла вліянія не имѣли. Многіе совсѣмъ не понимали, въ чемъ дѣло, и подписывались изъ страха передъ «верховниками».

Въ этомъ же засѣданіи рѣшено было арестовать Ягужинскаго. Это еще болѣе усилило волненіе въ шляхетствѣ; въ самомъ Верховномъ Совѣтѣ былъ недоволенъ Головкинъ, тесть Ягужинскаго. Пришлось выпустить послѣдняго и возстановить въ прежнемъ значеніи; но Ягужинскій не хотѣлъ милости и прощенія, не признавая себя виновнымъ: «вы меня

Божиею милостию. мы: Анна императрица. и само-
держица Всеросийская. и прочая. и прочая. и прочая.

Пожаловали мы в наши Дулитель Антанты вранта полко-
вника. графа Алексея Апраксина: а прежде сего ~~пред нас~~ Дулите-
л антантов никого не бывало. и впредь опосле Апраксина
никто Дулитель Антантом ~~при нас~~ не будет. ~~дан~~ дан в
Москве. ноября 26 дня 1731 году

Подписано собственною Ея императорского
Величества рукою тако:
Анна

Приказъ Императрицы Анны Іоанновны.

запятнали», говорилъ онъ, «но очистить вы меня не можете». Затрудненіе верховниковъ усложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдствіе ихъ собственной непредусмотрительности на молебнѣ 3-го февраля, въ Успенскомъ соборѣ протодьяконъ провозгласилъ Анну Іоанновну самодержицею [4]).

10-го февраля Анна Іоанновна прибыла въ село Всесвятское подъ Москвою. Послѣдовавшія затѣмъ мелочныя приключенія не предвѣщали дѣлу «верховниковъ» хорошаго конца. Во Всесвятскомъ императрица объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. 14-го февраля «верховники» поднесли ей орденъ Андрея Первозваннаго. Она сказала: «Да, правда, я забыла его надѣть». И приказала надѣть на себя орденъ одному изъ окружавшихъ ее кавалеровъ ордена, но только не члену Верховнаго Тайнаго Совѣта.

15-го февраля императрица вступила въ Москву. Началась присяга; новой формы присяги «верховники» не выработали, и перемѣна состояла только въ томъ, что присягали императрицѣ и отечеству. Это добавленіе «верховникамъ» пользы не принесло. Говорятъ, что князь Василій Владимировичъ Долгорукій предложилъ Преображенскому полку присягнуть государынѣ и Верховному Тайному Совѣту, но офицеры грозились за такое предложеніе переломать ему ноги [5]).

Императрица Анна Іоанновна.

Между тѣмъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, родственники императрицы Салтыковы, Апраксинъ, Еропкинъ, кн. Волконскіе, Татищевъ, Кантеміръ и др. объединялись, чтобы дать отпоръ «верховникамъ». 25-го февраля сенатъ, генералитетъ и шляхетство, въ числѣ 800 человѣкъ, собрались во дворецъ и подали императрицѣ прошеніе, чтобы по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія. Просьба была подписана немногими лицами; но присутствующіе заявили, что все шляхетство ее одобряетъ. Князь Василій Лукичъ Долгорукій предложилъ императрицѣ обдумать дѣло вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, но Екатерина Іоанновна, сестра Анны Іоанновны, уговорила ее подписать прошеніе тутъ же. Вдругъ поднялись офицеры гвардіи и потребовали возстановленія самодержавія съ громкими криками: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывали условія». Хотя Анна Іоанновна и дозволила шляхетству пересмотрѣть кондицію, но она не рѣшалась вступить въ споръ съ вооруженною силою. Въ 4 часа того же 25-го февраля, возвратясь во дворецъ, шляхетство просило Анну Іоанновну самодержавствовать по примѣру предковъ. При этомъ оно ходатайствовало уничтожить Верховный Тайный Совѣтъ и высокій сенатъ, а возстановить правительствующій сенатъ, какъ было при Петрѣ I, и чтобы на убылые мѣста, въ сенатъ, въ губернаторы и въ президенты выбирались шляхетствомъ по баллотировкѣ. Просьбу эту подписали канцлеръ графъ Головкинъ, двое князей Трубецкихъ и проч. всего до 150 человѣкъ. Императрица казалась удивленной и сказала:

---

[4]) Д. Корсаковъ, «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны».
[5]) Д. Корсаковъ, «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка».

— Развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, составлены не по желанію цѣлаго народа? Значитъ, князь Василій Лукичъ, ты меня обманулъ?

Пункты, подписанные Анной Іоанновной въ Митавѣ, она тутъ же разорвала при всемъ собраніи. 26-го февраля сочинили вновь присягу о самодержавіи ея величества, а 1-го была вторичная общая присяга. Такъ кончилась самонадѣянная попытка «верховниковъ» [6]).

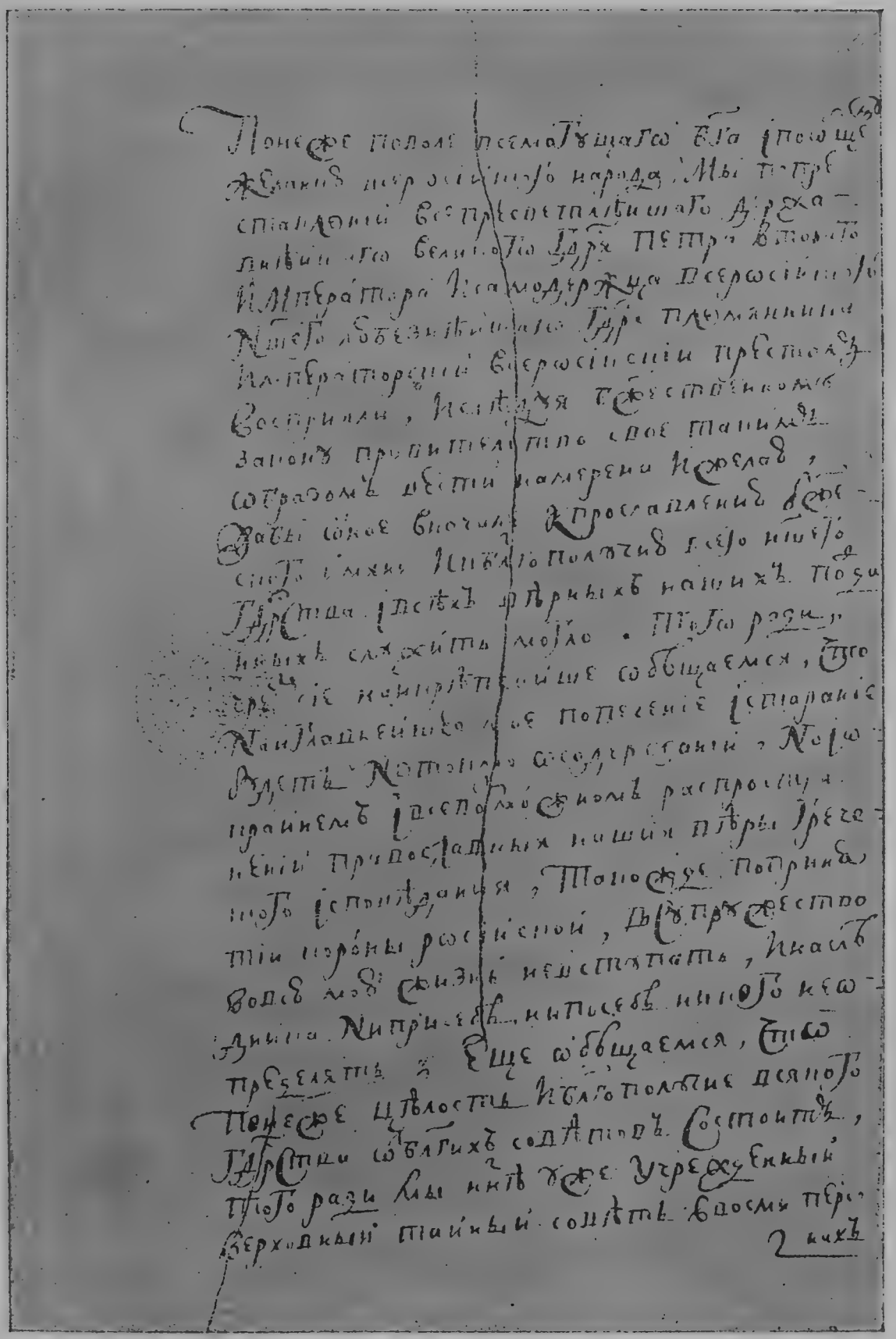
Аннѣ Іоанновнѣ было 37 лѣтъ, когда она стала самодержавною императрицей Всероссійской. Одаренная чувствительнымъ сердцемъ и природнымъ умомъ, она, какъ отецъ ея, лишена была, однако, твердой воли, а поэтому легко мирилась съ той первенствующей ролью, какую игралъ ея любимецъ Э. І. Бирономъ при дворѣ и въ управленіи. Подобно дѣду (царю Алексѣю Михайловичу), императрица охотно бесѣдовала съ монахами, любила церковное благолѣпіе, но, съ другой стороны, страстно увлекалась стрѣльбою въ цѣль, псарнями, травлей и звѣринцами. Старый московскій чинъ не могъ уже удовлетворить новымъ потребностямъ придворной жизни XVIII вѣка. Необыкновенная роскошь мирилась нерѣдко съ безвкусіемъ. Западно-европейское платье и свѣтская вѣжливость не всегда сглаживали природную грубость нравовъ, которая такъ рѣзко сказывалась въ характерѣ придворныхъ развлеченій того времени. Императрица оказывала свое покровительство святошамъ и приживалкамъ, держала при дворѣ разныхъ шутовъ (кн. Волконскаго, кн. Голицына, Апраксина, Балакирева, Восту, Педрилло), устраивала «маскарады» и курьезныя процессіи. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны тѣ, которыя состоялись по случаю женитьбы шута кн. Голицына и постройки ледяного дома въ концѣ зимы 1739 года. Такимъ образомъ, придворная жизнь этого времени уже не регулировалась строгимъ и скучнымъ ритуаломъ московскаго терема, но не привыкла еще къ утонченнымъ формамъ западно-европейскаго придворнаго быта.

По возстановленіи самодержавія императрица поспѣшила уничтожить учрежденіе, которое обнаружило стремленіе къ ограниченію ея верховной власти. Верховный Совѣтъ въ 1731 году былъ замѣненъ Кабинетомъ, впрочемъ, равнымъ ему по значенію. Кабинетъ, въ сущности, управлялъ всѣми дѣлами, хотя и дѣйствовалъ иногда въ смѣшанномъ составѣ съ сенатомъ. Послѣдній пріобрѣлъ большее значеніе, чѣмъ прежде. Сдѣлана была также попытка привлечь «добрыхъ и знающихъ людей» изъ шляхетства [7]), духовенства и купечества къ со-

I. Шарлемань. Императрица Анна разрываетъ актъ 20 августа 1730 г.

[6]) Е. Бѣловъ, «Верховники».

[7]) Указъ 1 іюня 1730 года.



Актъ, подписанный Императрицею Анною передъ вступленіемъ на престолъ и разорванный ею 20 августа 1730 г.

всегда содержать, и без оного Верховного
тайного совета согласия. 1. Ни с кем
войны не всчинать. 2. Миру не заклю-
чать. 3. Верных наших подданных
никакими новыми податьми не отяго-
щать. 4. В знатные чины, как в ста-
тцкие, так и в военные сухопутные и
морские, выше полковничья ранга
не жаловать, ниже к знатным де-
лам никого не определять, и гвардии
и протчим войскам быть под веде-
нием Верховного тайного совета.
5. У шляхетства живота, имения и чести
без суда не отымать. 6. Вотчины
и деревни не жаловать. 7. В придво-
рные чины как руских, так и ино-
земцов без совету Верховного тайного
совету не производить. 8. Государстве-
нные доходы в росход не употреблять.
И всех верных своих подданных в неотме-
нной своей милости содержать, а буде
чего по сему обещанию не исполню и не до-
держу, то лишена буду короны росій-
ской. Посему обещаю все без вся-
кого изъятия содержать.

Анна

ставленію Новаго Уложенія. Но, по случаю неявки большинства выборныхъ къ сроку (1-го сентября), дѣло это указомъ 10 декабря 1730 года поручено вѣдѣнію особой комиссіи, которая работала надъ составленіемъ вотчинной и судной главъ Уложенія до 1744 года. Такимъ образомъ, просьбы, высказанныя дворянствомъ 25 февраля 1730 года, остались далеко не выполненными. Тѣмъ не менѣе, въ его положеніи произошли перемѣны политическаго и экономическаго свойства,—перемѣны, благодаря которымъ существенно измѣнилось и его служебное значеніе. Эти перемѣны вызваны были, съ одной сторон, помимо правительства тѣмъ участіемъ, какое принимало дворянство въ дворцовыхъ переворотахъ со смерти Великаго Преобразователя, а съ другой—стремленіемъ самого правительства облегчить сильное напряженіе, въ какомъ находилось народное хозяйство со временъ Петра. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ облегчена была военная служба. Манифестомъ 31 де-

В. И. Якоби. Шуты при дворѣ Анны Іоанновны. (Румянцевскій музей).

кабря 1736 года дозволено одному изъ шляхетскихъ сыновей, «кому отецъ заблагоразсудитъ», оставаться дома «для содержанія экономіи». Однако, этотъ сынъ долженъ былъ обучаться грамотѣ или, по крайней мѣрѣ, ариѳметикѣ, для того чтобы быть годнымъ къ гражданской службѣ. Жалованіе тѣхъ изъ шляхетскихъ дѣтей, которые отправлялись на службу, еще съ января 1732 года сравнено было съ жалованіемъ иностранцевъ, а манифестомъ 31-го декабря самая служба ихъ была ограничена двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, считая ее дѣйствительной съ двадцатилѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ облегченіемъ службы увеличены привилегіи землевладѣльцевъ. Указомъ 17 марта 1731 года отмѣненъ законъ о единонаслѣдіи (маіоратѣ), окончательно уравнены помѣстія съ вотчинами, опредѣленъ порядокъ наслѣдованія супруговъ, при чемъ вдова получала $^1/_7$ часть недвижимой и $^1/_4$ часть движимой собственности покойнаго мужа, даже и въ томъ случаѣ, если вступала во второй бракъ. Военная служба была тяжела не только для дворянъ, но и для крестьянъ, которые нанимали рекрутовъ за большія деньги (среднимъ числомъ по 150 рублей за каждаго). Въ 1732 году Минихомъ предложено сбирать рекрутовъ въ 15—30 лѣтъ по жре-

бію съ крестьянскихъ семей, гдѣ находится болѣе одного сына или брата, и выдавать рекрутамъ увѣрительныя письма въ томъ, что, если онъ прослужитъ десять лѣтъ рядовымъ и не получитъ повышенія, то можетъ выйти въ отставку.

Но, если во внутренней дѣятельности правительства замѣтны довольно значительныя отступленія отъ взглядовъ Петра, то въ отношеніи къ Малороссіи и во внѣшней политикѣ оно, напротивъ, стремилось выполнить петровскіе планы. Правда, правительство отказалось отъ мысли утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, и въ началѣ 1732 года возвратило Персіи завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области. Зато въ Малороссіи, по смерти гетмана Апостола въ 1734 году, новаго гетмана не назначили, а учредили «правленіе гетманскаго уряда» изъ шести персонъ, трехъ великороссовъ и трехъ малороссовъ, которые подъ вѣдѣніемъ сената, но въ «особливой конторѣ» управляли Малороссіей. Въ отношеніяхъ къ Польшѣ и Турціи также продолжали дѣйствовать прежнія начала петровской политики. По смерти польскаго короля Августа II, при поддержкѣ Франціи, королемъ былъ избранъ Станиславъ Лещинскій, но Россія вмѣстѣ съ Австріей двинула войска въ Польшу. Лещинскій бѣжалъ во Францію, а на престолѣ утвердился угодный Россіи Августъ III. Петръ Великій не могъ безъ досады вспомнить о Прутскомъ мирѣ и, повидимому, предполагалъ начать новую войну съ Турціей; теперь это не замедлило осуществиться.

Ближайшимъ поводомъ къ объявленію войны послужили набѣги татаръ на Украйну. Правительство воспользовалось временемъ, когда турецкій султанъ занятъ былъ тяжелой войной съ Персіей и когда крымскій ханъ находился въ отлучкѣ съ отборными войсками въ Дагестанѣ, и открыло военныя дѣйствія. Тѣмъ не менѣе, первая экспедиція генерала Леонтьева въ Крымъ съ двадцатитысячнымъ отрядомъ оказалась неудачною (въ октябрѣ 1735 г.).

Графъ Б. Х. Минихъ. Съ оффорта Е. Чемесова.

Дальнѣйшія дѣйствія были удачнѣе: они частью были обращены на Азовъ, частью на Крымъ. Азовская армія (въ 1736 г.) находилась подъ начальствомъ Ласси, который послѣ довольно продолжительной осады овладѣлъ 20-го іюня Азовомъ. Въ то же время Минихъ взялъ 22-го мая Перекопъ и дошелъ до Бахчисарайскихъ тѣснинъ, а Кинбурнъ сдался генералу Леонтьеву. Въ слѣдующемъ году Ласси опустошилъ западную часть Крыма, а Минихъ приступилъ къ осадѣ Очакова, который взятъ 2-го іюля. Этимъ, однако, военныя дѣйствія не закончились. Въ 1739 году Ласси снова вторгнулся въ Крымъ съ цѣлью завладѣть Кафою, а Минихъ двинулся на юго-западъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ 17-го августа, черезъ два дня взялъ Хотинъ, а 1-го сентября вступилъ въ гор. Яссы и принялъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ Молдавіи изъявленіе покорности императрицѣ. Но въ началѣ сентября Минихъ получилъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Русское правительство желало мира: давно начатая война требовала большихъ средствъ и становилась утомительной для самаго войска, которое въ дикой степной мѣстности должно было возить съ собой не только припасы, но и воду, даже дрова, больныхъ и раненыхъ. Императрица принуждена была заключить миръ поспѣшно и невыгодно для Россіи.

Заключеніе мира было пышно отпраздновано въ Петербургѣ 14 февраля 1740 года.

Въ царствованіе Анны Іоанновны было обращено сравнительно большое вниманіе на потребности народнаго образованія. При Академіи Наукъ читались лекціи «россійскому юношеству»; впрочемъ, съ 1733 по 1738 г. такихъ лекцій «не преподано». Въ 1731 году, по предложенію Миниха, основанъ кадетскій корпусъ, состоявшій первоначально изъ 200, затѣмъ изъ 360 воспитанниковъ. Обязательными для всѣхъ предметами были Законъ Божій, ариѳметика и «военныя экзерциціи». Остальнымъ наукамъ, также и языкамъ, учился кто хотѣлъ. По указу 1737 года недоросли, шляхетскія дѣти, когда являлись во второй разъ въ Петербургъ къ герольдмейстеру, въ Москвѣ и губерніяхъ къ губернатору, умѣть должны были читать и писать. Отцу или родственникамъ, желавшимъ продолжать это воспитаніе, дозволено было приводить дѣтей черезъ четыре года, но уже со знаніемъ Закона Божія, ариѳметики и геометріи. Наконецъ, и послѣ третьяго смотра шестнадцатилѣтнихъ недорослей въ Москвѣ или въ Петербургѣ, возможно было молодымъ людямъ оставаться при родителяхъ, но съ обязательствомъ изучать географію, фортификацію и исторію. Въ двадцать лѣтъ назначалась послѣдняя явка въ герольдію, при чемъ тѣ изъ шляхетскихъ дѣтей, которые обнаруживали наибольшіе успѣхи въ наукахъ, скорѣе другихъ производились въ чины.

В. Татищевъ.

Кромѣ образованія высшихъ классовъ, правительство обратило вниманіе и на образованіе низшихъ слоевъ общества. Указомъ 29 октября 1735 года велѣно было устраивать школы при фабрикахъ для дѣтей фабричныхъ рабочихъ, съ 12-го декабря того же года велѣно основать церкви при фабрикахъ съ многочисленнымъ персоналомъ, если эти фабрики отдалены отъ приходскихъ церквей. Впрочемъ, 28 сентября 1736 года издано было распоряженіе, по которому всѣхъ церковнослужителей, не присягавшихъ императрицѣ, приказано было взять въ солдаты, отъ этого въ 1740 году церквей безъ причта, праздныхъ оказалось до шестисотъ.

Наука и литература въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны также имѣли своихъ довольно видныхъ представителей. В. Н. Татищевъ знакомился съ древними рукописями, издавалъ «Судебникъ», составлялъ свой лексиконъ, написалъ извѣстную «Исторію Россійскую»; Байеръ, «профессоръ антиквитетовъ», занимался изслѣдованіемъ скиѳосарматской древности; бывшій лейпцигскій студентъ Герардъ Миллеръ участвовалъ въ Камчатской экспедиціи въ 1733 году, собиралъ памятники, касавшіеся исторіи Сибири, и издавалъ рукописные тексты; академики Гольдбахъ, Делиль, Виштейнъ, Гензіусъ, Дювернуа, Крафтъ, Эйлеръ, Вейбрехтъ и Аммонъ занимались изученіемъ математическихъ и естественныхъ наукъ. Князь Антіохъ Кантеміръ выступилъ передъ русскими читателями, какъ первый у насъ писатель европейскаго духа и направленія; онъ въ извѣстныхъ своихъ сатирахъ выставлялъ недостатки современнаго ему общества; Василій Тредьяковскій составлялъ «Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ», занимался переводами и упражнялся въ стихотворствѣ. Въ области духовной литературы продолжалась полемика, которая возбуждена была изданіемъ «Камня вѣры» Стефана Яворскаго.

Несмотря на замѣтное развитіе науки и литературы при Аннѣ Іоанновнѣ, положеніе государства въ послѣдніе годы нѣсколько поблекло въ своей яркости. Петровскія войны и тяжелые походы 1733—1739 гг., а также жестокое правленіе и злоупотребленія Бирона давали себя чувствовать, вредно отзываясь на состояніи народнаго хозяйства.

Якобій. Генералъ-адъютантъ А. П. Волынскій въ кабинетѣ министровъ.

Ропотъ и неудовольствіе возбуждали подозрѣнія правительства; была возстановлена уничтоженная Петромъ II Тайная Канцелярія; лазутчики и доносчики, выкликавшіе страшное «слово и дѣло», роились всюду. Терпѣли не только низшіе классы, но и нѣкоторые изъ представителей аристократіи, если чѣмъ-либо мѣшали усиленію Бирона. Фельдмаршалъ князь Долгорукій былъ сосланъ, въ 1733 году также сосланъ ни въ чемъ неповинный кн. А. Черкасскій. Извѣстна печальная судьба Артемія Волынскаго, который возвысился благодаря Бирону, но вскорѣ возстановилъ противъ себя своего бывшаго покровителя, Остермана и Куракина. Обвиненный въ государственныхъ преступленіяхъ, Артемій Волынскій былъ казненъ 27 іюня 1740 года. Тяжело было управленіе временщика, но ропотъ и неудовольствіе народные, благодаря его стараніямъ почти не доходили до императрицы. Притомъ, въ послѣднее время Анна Іоанновна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой. 5-го октября за обѣдомъ ей стало дурно, а 17 октября 1740 года императрица скончалась, оставивъ своимъ преемникомъ малолѣтняго Іоанна Антоновича и регентомъ до его совершеннолѣтія—Бирона, герцога Курляндскаго [8]).

Императоръ Іоаннъ VI Антоновичъ вступилъ на престолъ Всероссійскій двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія, а когда ему было всего 1 годъ и 4 мѣс., онъ былъ свергнутъ съ престола и до конца своей жизни, пресѣкшейся на 24-мъ году, находился въ строгомъ заточеніи то у береговъ Балтійскаго моря, то въ глуши Рязанской губерніи, то въ Холмогорахъ, то, наконецъ, въ мрачномъ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.

Печать Императора Іоанна.

Іоаннъ Антоновичъ былъ сыномъ племянницы Анны Іоанновны, принцессы Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго Антона-Ульриха. По матери императоръ-младенецъ приходился внукомъ царю Алексѣю Михайловичу. Его мать была дочерью герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Карла-Леопольда и родной сестры Анны Іоанновны, Екатерины Іоанновны. Она была крещена по обрядамъ протестантской церкви и наречена Елизаветой-Екатериной-Христиной. Однако, молодая принцесса недолго

[8]) Германъ, «Geschichte des Russischen Staates». Д. Корсаковъ, «Воцареніе Анны Іоанновны».

Іоаннъ III.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1740—1741.

Указъ

Нашемъ правительствующемъ Сенату

Сего: Апрѣля 27: дня: пожаловали мы
Нашего генерала лейтенанта Андрѣя
Ушакова. В наши генералы адъютанты
дабившаго: Блаженныя памяти дяди
Нашего Его императорского Величества
Петра Великого: генерала адъютанта.
графа Карла густава Ролевеволда в ге
нералы маоры и в наши генералы адъютанты:
Анна

Дан в Сенатѣ: Апрѣля 27. дня
1730.

Указъ Сенату, данный Императрицей Анной Іоанновной

оставалась при отцѣ: грубый, деспотичный нравъ герцога принудилъ Екатерину Іоанновну покинуть мужа и вмѣстѣ съ дочерью возвратиться въ 1722 году въ Россію. Родители Елизаветы едва ли особенно заботились о ея воспитаніи. На это воспитаніе, повидимому, обращено было нѣкоторое вниманіе лишь по восшествіи на Россійскій престолъ младшей сестры герцогини Екатерины—Анны Іоанновны, когда снова возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Анна Іоанновна, какъ уже извѣстно, не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ. И вотъ, чтобы оставить послѣ себя законныхъ преемниковъ, императрица, по совѣту Ѳеофана Прокоповича, графа Левенвольда и графа Остермана, выразила намѣреніе оставить наслѣдникомъ престола кого-либо изъ будущихъ дѣтей самой Елизаветы. Это намѣреніе сразу придало Елизаветѣ особенное значеніе при дворѣ.

Ѳеофану Прокоповичу поручено было наставить юную принцессу въ православной вѣрѣ, а 12 мая 1733 года Елизавета приняла православіе и названа Анной, въ честь императрицы. Анна Іоанновна заботилась не только о духовномъ, но и о свѣтскомъ воспитаніи племянницы. Для этихъ цѣлей она избрала ей въ наставницы г-жу Адеркасъ—женщину умную и опытную. Есть также упоминаніе объ учителѣ Гелингерѣ. Императрица стала думать о замужествѣ своей племянницы. Выборъ первоначально палъ на маркграфа бранденбургскаго Карла, родственника короля прусскаго. Уже начались переговоры по этому дѣлу; но встревоженный вѣнскій дворъ поручилъ фельдмаршалу Секендорфу, находившемуся тогда въ Берлинѣ, всѣми мѣрами воспрепятствовать успѣшному ходу этихъ переговоровъ. Секендорфъ дѣйствовалъ настолько удачно, что дѣло дѣйствительно разстроилось, и изъ Вѣны послѣдовало предложеніе выбрать въ женихи принцессы Анны принца Антона-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго, племянника императрицы Римской.

Принцесса Анна Леопольдовна.
Съ гравированнаго портрета Вортмана.

Предложеніе не было отвергнуто, и молодой принцъ въ февралѣ 1733 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Хотя принцъ и не нравился Аннѣ Леопольдовнѣ, тѣмъ не менѣе ей пришлось считать его своимъ женихомъ. Черезъ четыре года, 3 іюля 1739 года, съ особой пышностью была отпраздпована эта свадьба, а черезъ 13 мѣсяцевъ, 12 августа 1740 года, у молодыхъ супруговъ родился сынъ Іоаннъ.

Манифестъ 17-го октября 1740 года, извѣщавшій о кончинѣ императрицы Анны Іоанновны, давалъ знать, что согласно волѣ покойной, утвержденной ея собственноручной подписью, имперія должна быть управляема, по особому уставу и опредѣленію, которые изложены будутъ въ указѣ Сенату. Дѣйствительно, на слѣдующій день обнародованъ былъ указъ, которымъ герцогъ Бирон, согласно волѣ императрицы, назначался регентомъ до совершеннолѣтія, т.-е, до семнадцатилѣтняго возраста принца Іоанна и, такимъ образомъ,

получалъ «мочь и власть управлять всѣми государственными дѣлами, какъ внутренними, такъ и иностранными».

Хотя назначенію Бирона въ регенты способствовали важнѣйшіе придворные чины и сановники государства, тѣмъ не менѣе самъ Биронъ сознавалъ всю шаткость своего положенія. Регентъ поэтому началъ свое управленіе рядомъ милостей, но, тѣмъ не менѣе, въ гвардіи послышались недовольные голоса, явились доносы. Движеніе это было тѣмъ опаснѣе для Бирона, что недовольные не только отрицали право герцога на регентство, но прямо задавали вопросъ, почему же регентами не назначены были родители молодого принца? Вполнѣ естественно, что центрами этого движенія противъ регента были принцъ Антонъ и Анна Леопольдовна.

Биронъ, герцогъ Курляндскій.
(Галлерея Гатчинскаго дворца).

Испуганный Биронъ, чувствуя, что почва начинаетъ ускользать у него изъ-подъ ногъ, для вящшей увѣренности въ своемъ положеніи, въ торжественномъ собраніи кабинета министровъ, сенаторовъ и генералитета 23-го октября, заставилъ Антона-Ульриха, наравнѣ съ другими, подписать распоряженіе покойной императрицы о регентствѣ, а черезъ нѣсколько дней принудилъ принца отказаться отъ военныхъ чиновъ. Но кромѣ принца Антона, во всякомъ случаѣ, не менѣе законныя притязанія на регентство имѣла и Анна Леопольдовна. Слишкомъ мягкая и нерѣшительная для того, чтобы самой осуществить эти притязанія, принцесса нашла себѣ защитника въ лицѣ графа Миниха.

Честолюбивый и рѣшительный фельдмаршалъ разсчитывалъ, что въ случаѣ удачи онъ займетъ первенствующее положеніе въ государствѣ, и поэтому немедленно взялся за дѣло. 7-го ноября Анна Леопольдовна жаловалась фельдмаршалу на свое безвыходное положеніе, а въ ночь съ 8-го на 9-е, съ согласія принцессы, онъ, вмѣстѣ съ Манштейномъ и 80 солдатами своего полка, арестовалъ регента, ближайшихъ его родственниковъ и приверженцевъ. Самого герцога особая комиссія приговорила даже къ смертной казни. Наказаніе это, однако, было смягчено: Биронъ былъ сосланъ въ Пелымъ.

Такимъ образомъ, 9-го ноября, по низверженіи Бирона, Анна Леопольдовна была провозглашена правительницей.

Однако, при малоспособности лицъ, стоящихъ во главѣ правленія имперіей и нескончаемой распрѣ между министрами, нечего было ожидать особенно богатой результатами внутренней и внѣшней политики. Заслуживаетъ упоминанія только война со Швеціей. Благодаря французскому золоту, Швеція получила возможность улучшить вооруженіе арміи. Кромѣ того, нѣкоторые слои шведскаго общества, разсчитывая на слабость правительства Анны Леопольдовны, мечтали отнять Выборгъ. 28-го іюля шведскій надворный канцлеръ выразилъ М. П. Бестужеву въ Стокгольмѣ рѣшимость короля объявить войну, а

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ІОАННЪ ТРЕТІИ, ИМПЕРАТОРЪ

И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІИСКІИ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица АННА ІОАННОВНА Самодержица всероссiйская, Наша вселюбезнѣйшая Государыня бабка Карла Магнуса фонъ Левенволда, которой Лейбгвардiи Нашей въ Измайловскомъ полку Капитаномъ Поручикомъ служилъ, для оказанной ево въ службѣ ревности и прилѣжности тысяча седьмь сотъ тридесять девятаго года Ноября осьмагонадесять дня, тогожъ полку въ Капитаны всемилостивѣйше пожаловала, но токмо ему на тотъ чинъ патента не дано, того ради Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ подданнымъ помянутаго фонъ Левенволда, за Нашего гвардiи Капитана, надлежащимъ образомъ признавать и почитать, напротивъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ Насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму Офицеру надлежитъ. данъ въ Санктпетербургѣ лѣта тысяча седьмь сотъ четыредесять перваго. ноября 10 дня

Именемъ Его Императорского Величества

Анна.

[illegible]

[illegible]

Патентъ, данный Анной Леопольдовной фонъ Левенвольду.

23

13 августа 1741 года, по этому же поводу, былъ изданъ манифестъ отъ имени императора Іоанна. Главнымъ начальникомъ шведскихъ войскъ въ Финляндіи назначенъ былъ графъ Левенгауптъ; главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ Ласси. Единственно важнымъ дѣломъ этой войны было взятіе 23-го августа русскими войсками Вильманстранда, при чемъ

Императоръ Іоаннъ VI. Собраніе Ровинскаго.

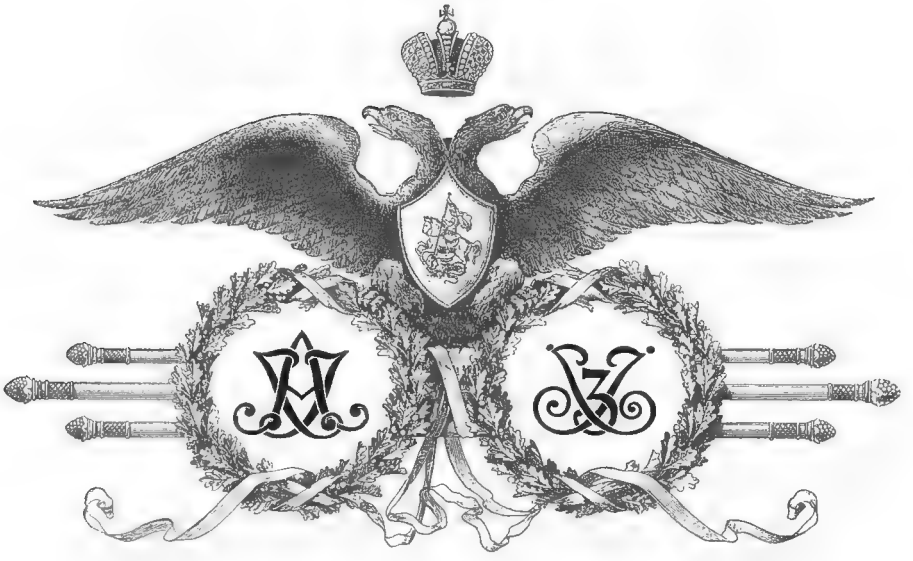
шведскій генералъ Врангель со многими офицерами и солдатами попался въ плѣнъ. Война эта закончилась въ пользу Россіи уже при императрицѣ Елизаветѣ ПетровнѣАбосскимъ миромъ.

Царствованіе Іоанна VI и регентство Анны Леопольдовны кончилось въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года [9]).

[9]) Соловьевъ, «Исторія Россіи» (т.т. XXI и XXII), Брикнеръ, «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ», В. М-нъ «Іоаннъ VI Антоновичъ» и «Русская Старина» 879 г. т.т. XXIV и XXV «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ».

На престолъ взошла дочь Петра Великаго—Елизавета Петровна, восторженно привѣтствованная всѣмъ русскимъ обществомъ. На нее возлагались великія надежды, и, казалось, она имѣла всѣ данныя, чтобы облечь ихъ въ плоть и кровь. Главнымъ образомъ, отъ нея ожидали возвращенія русской политической жизни въ прежнее ея національное русло. Участь императора Іоанна, низверженнаго съ престола, хорошо извѣстна, и мы на ней останавливаться не будемъ. Переходимъ теперь къ характеристикѣ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны.

Подпись Императора Іоанна.



Елисавет

Елисавета Петровна.
Императрица и Самодержица Всероссійская.
1741—1761.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Императрица Елизавета Петровна.

Проснувшись яснымъ морознымъ утромъ 25 ноября 1741 года, жители Петербурга съ радостнымъ удивленіемъ внимали словамъ манифеста, объявлявшаго «во всенародное извѣстіе», что «Божіею милостію Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская по единогласному прошенію, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина подданныхъ, а особливо лейбъ-гвардіи тотъ свой отеческій престолъ воспріять всемилостивѣйше соизволили». Иными словами, малютка императоръ Іоаннъ Антоновичъ отстранялся отъ престола, на который взошла цесаревна Елизавета Петровна. Ея восшествіе было встрѣчено въ столицѣ общимъ ликованіемъ. Во время правленія Анны Леопольдовны, всѣ недовольные создавшимся положеніемъ вещей съ ожиданіемъ смотрѣли на Елизавету Петровну, какъ на прямой отпрыскъ великаго царя, котораго теперь стали высоко цѣнить. Правительница знала о тѣхъ упованіяхъ, которыя возлагались обществомъ на цесаревну Елизавету, и

думала отстранить опасную соперницу. Она предполагала выдать цесаревну замужъ за принца Людвига Брауншвейгскаго, но Елизавета категорически отклонила ея предложеніе. Тогда стали поговаривать при дворѣ, что Елизавету ожидаетъ монастырь. Наконецъ, правительница предписала всей гвардіи, среди которой особенно была популярна цесаревна, выступленіе въ походъ въ Финляндію. Это обстоятельство побудило Елизавету Петровну положить конецъ колебаніямъ. Позднею ночью 24-го ноября въ ея дворецъ были призваны гвардейцы гренадерской роты Преображенскаго полка. Елизавета привела ихъ къ присягѣ, одѣла кирасу и въ сопровожденіи Воронцова, Лестока и Шварца отправилась въ казармы Преображенскаго полка. Взявъ тамъ гренадерскую роту, она направилась въ Зимній дворецъ, гдѣ обитала управительница. Глубокій снѣгъ препятствовалъ быстрой ходьбѣ. Елизавета скоро устала. Тогда гвардейцы на рукахъ донесли ее до дворца. Здѣсь были арестованы правительница, принцъ Антонъ и императоръ Іоаннъ. Другіе отряды арестовали одновременно Миниха, Остермана и другихъ приспѣшниковъ «Брауншвейгской фамиліи». Елизавета Петровна была объявлена императрицей.

Переворотъ 1741 года (изъ собранія Ровинскаго).

Вскорѣ начался судъ надъ недругами новой императрицы. «Брауншвейгской фамиліи» для жительства были назначены Холмогоры. Іоаннъ Антоновичъ впослѣдствіи былъ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Минихъ и Остерманъ приговорены были верховнымъ судомъ къ смертной казни. Но, говорятъ, отправляясь во дворецъ, Елизавета дала клятву никому не подписывать смертныхъ приговоровъ, и смерть была обоимъ замѣнена ссылкой: первому въ Пелымъ, второму въ Березовъ и т. д. Такимъ образомъ, вступленіе Елизаветы Петровны не омрачилось кровопролитіемъ. Минихъ изъ ссылки наводнялъ канцелярію императрицы безчисленнымъ множествомъ всякихъ «прожектовъ», добиваясь своего возвращенія [1]).

Гренадерская рота Преображенцевъ была названа лейбъ-кампаніей. Капитаномъ ея стала сама императрица. Всѣ сподвижники Елизаветы были богато награждены.

Такимъ образомъ, уже первые шаги царствованія Елизаветы Петровны обнаружили ея кротость, незлобивость и добродушіе. Въ своемъ дальнѣйшемъ правленіи она обѣщала слѣдовать завѣтамъ своего великаго отца и возвратить къ жизни его порядки. Елизавета усиленно подчеркивала, что она дочь Петра. «Вы знаете, чья я дочь?» обратилась она къ

[1]) Часть его писемъ помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 г.

гвардейцамъ, «хотите ли мнѣ служить, какъ моему отцу и вашему служили?» Она всячески старалась указать на связь своего царствованія съ царствованіемъ Петра.

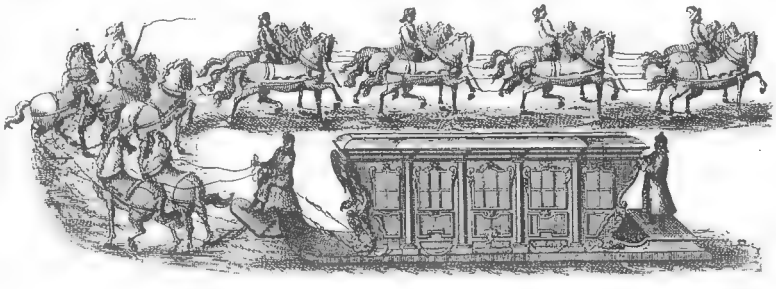
И въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Елизавета Петровна, правда, является истинною «дщерью Петра». Такъ, юные годы ея жизни протекли въ обстоятельствахъ, нѣсколько похожихъ на юношескій періодъ жизни Петра, въ томъ смыслѣ, что Елизавета была вполнѣ предоставлена самой себѣ и развивалась на свободѣ. Въ своихъ неустанныхъ трудахъ на благо Россіи и своихъ подданныхъ, Петръ Великій не имѣлъ времени озаботиться устройствомъ своей собственной семейной жизни. Постоянно погруженный въ заботы государственнаго правленія, онъ мало обращалъ вниманія на семью. Маленькія дѣти, конечно, не могли принимать участія въ непрерывныхъ разъѣздахъ отца. Такимъ образомъ, дѣти царя росли въ отдаленіи отъ отца. Елизавета родилась въ селѣ Измайловѣ, въ старомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда проводилъ свои дѣтскіе годы и Петръ. Другую половину дворца занимала царица Прасковья, вдова соправителя Петра, царя Іоанна Алексѣевича, съ семьей. Все дѣтство Елизаветы протекло въ Измайловѣ. Здѣсь выростала она, пользуясь полной свободой. Къ Елизаветѣ приставлена была въ качествѣ гувернантки француженка, madame Латуръ. Елизавета Петровна выучилась говорить по-французски и по-нѣмецки и знала нѣсколько англійскихъ и итальянскихъ общеупотребительныхъ фразъ. Но дальше образованіе цесаревны Елизаветы не пошло, и она даже подъ старость была вполнѣ увѣрена въ томъ, что въ Англію можно попасть сухимъ путемъ. Впослѣдствіи, когда она стала взрослой дѣвушкой, къ ней приставили француза, танцмейстера Рамбура, который обучилъ ее моднымъ танцамъ. Въ это время Петръ задумалъ соединиться родственными узами съ Франціей и предложилъ свою дочь въ супруги французскому королю Людовику XV, такъ что цесаревнѣ необходимо было пріобрѣсти нѣкоторый свѣтскій лоскъ. Но этимъ и ограничился весь кругъ наукъ, пройденныхъ будущей императрицей. Такъ, уже съ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ Елизавета попала подъ воздѣйствіе двухъ противорѣчащихъ другъ другу вліяній—старорусскихъ благочестивыхъ традицій и новыхъ культурныхъ вѣяній, и никогда она не могла уже вырваться изъ этихъ противорѣчій. Подъ вліяніемъ духовника ея отца Дубянскаго въ ней до крайней степени развилась религіозность. Усердно посѣщавшая всѣ богослуженія, Елизавета съ вечерни отправлялась на балъ, а съ бала къ утренѣ и молилась до обмороковъ, со слезами и на колѣняхъ. Усердная почитательница русскихъ святыхъ, она постоянно совершала паломничества въ наиболѣе чтимыя наши обители, пустыни и монастыри. Возвращеніе же съ богомолья въ столицу праздновалось великолѣпнымъ баломъ и фестиваломъ, образцомъ которыхъ служили версальскія празднества, и императрица открывала его менуэтомъ въ первой парѣ [2]).

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь, мѣсто заточенія Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ.

[2]) «Нигдѣ такъ изящно не танцуютъ менуэты, какъ при русскомъ дворѣ», замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ Ландэ.

Отъ своего отца унаслѣдовала она простоту въ обращеніи съ окружающими, любовь къ природѣ и веселую, жизнерадостную, здоровую натуру. Выросшая въ Измайловѣ, проведшая всю свою молодость въ знаменитой Александровской слободѣ, вдали отъ двора, Елизавета Петровна не знала придворныхъ стѣсненій. Она охотно принимала участіе въ играхъ и хороводахъ своей прислуги и сама сочинила нѣсколько пѣсенокъ въ народномъ духѣ. До нашего времени дошла одна, связанная съ ея именемъ и нѣкогда очень популярная, это — «Во селѣ - селѣ Покровскомъ». Елизавета Петровна участвовала и въ святочныхъ гаданьяхъ, справляла по старому обычаю Рождество, съ подблюдными пѣснями, масленицу съ катаньями и ряженьями. Можетъ быть, съ тѣхъ поръ укоренилась въ ней страсть къ переодѣваньямъ, особенно въ мужской костюмъ, который очень къ ней шелъ. Впослѣдствіи, уже ставъ императрицей, Елизавета нашла удовлетвореніе своей страсти въ блестящихъ машкерадахъ, на которые всѣ мужчины являлись одѣтыми въ женскія, а дамы—въ мужскія платья. Страсть къ всевозможнымъ развлеченіямъ осталась навсегда въ душѣ императрицы. Она была большою любительницею танцевъ и не знала въ нихъ себѣ соперницъ. Никто не могъ состязаться съ нею съ скачкѣ; необузданность отцовской натуры, его удаль сказались въ Елизаветѣ въ ея увлеченіи верховой ѣздой. Когда же она стала императрицей, и уже не приличествовало ея сану носиться на конѣ верхомъ, она стала съ неслыханной до той поры быстротой разъѣзжать въ каретѣ: разстояніе отъ Петербурга до Москвы она проѣзжала въ 48 часовъ. Впослѣдствіи ея эстетическіе запросы значительно увеличились. Она очень любила пѣніе и музыку, и ея слухъ услаждали малороссійскій и итальянскій хоры. Елизавета пріохотилась постепенно и къ театру. Французская комедія, итальянская опера процвѣтали при ея дворѣ, и она же положила начало русскому театру. Ставъ государыней, она возобновила ассамблеи Петра, но онѣ теперь измѣнили свой характеръ, получивъ блескъ, отчасти заимствованный у французскаго двора. Благодушная и веселая, любящая посмѣяться, она, однако, бывала очень недовольна, если видѣла, что кто-нибудь изъ ея придворныхъ дамъ стремится въ чемъ-либо перещеголять ее. А она была одна изъ первыхъ

Парадный въѣздъ Императрицы Елизаветы въ Москву. Изъ коронаціоннаго изданія того времени.



Зимній выѣздъ Императрицы. Съ гравюры того времени.

щеголихъ и модницъ своего времени[3]). Въ 1753 году въ пожаръ сгорѣло свыше 4.000 ея платьевъ, и несмотря на то, послѣ ея смерти въ ея шкапахъ оказалось до 15.000 платьевъ! Всѣ матеріи, привозившіяся изъ-за границы, прежде всего подвергались ея осмотру и, только выбравъ себѣ все лучшее, она позволяла ихъ продавать. Императрица отличалась большой добротой, но и порядочной вспыльчивостью. Однажды, выведенная изъ себя безтактностью принцессы Ангальтъ-Цербстской, матери Екатерины, Елизавета ужъ приказала имъ складывать пожитки и отправляться во-свояси[4]). Но гнѣвъ Елизаветы умѣрялся ея женственностью и мягкостью, и въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивалось нѣсколькими бранными словами, такъ что на императрицу никто не былъ въ претензіи.

Первый реверансъ. (Пасъ).

Вообще же, Елизавета Петровна была крайне незлобива, незлопамятна и, наоборотъ, отзывчива и мягкосердечна. Хотя при ней и состоялъ огромный штатъ приживалокъ, но мы не знаемъ ни объ одномъ случаѣ внезапной опалы, ссылки или преслѣдованія кого-нибудь изъ лицъ, неугодныхъ или враждебныхъ царицѣ, что такъ часто встрѣчалось при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. Услышавъ о знаменитомъ лиссабонскомъ землетрясеніи (1755 г.), она въ первомъ горячемъ порывѣ сочувствія пообѣщала выстроить на свой счетъ цѣлый кварталъ въ возобновляемомъ городѣ, и канцлеру стоило большихъ трудовъ отговорить ее отъ исполненія этого обѣщанія. Она охотно помогала тѣмъ, кто обращался къ ней за вспомоществованіемъ. Въ годы молодости она крестила дѣтей у гвардейцевъ и у своей прислуги, щедро одаривая крестниковъ, и принимала живѣйшее участіе въ заключеніи браковъ между женской и мужской половинами своей дворни. Нельзя видѣть въ этомъ только ловкій пріемъ съ ея стороны для пріобрѣтенія популярности, потому что подобныя же отношенія она сохранила, ставши императрицей; это, скорѣе, привычка, унаслѣдованная отъ Петра, всего менѣе заботившагося о популярности.

Съ такими-то данными приходилось Елизаветѣ приниматься за осуществленіе намѣченной программы. Мы заранѣе можемъ сказать, что ихъ слишкомъ недостаточно для поставленной ею себѣ цѣли. Елизаветѣ отчасти только удалось исполнить свою задачу, которую она намѣтила въ словахъ, обращенныхъ къ гвардейцамъ: освободиться отъ мучителей-нѣмцевъ, отъ которыхъ и сама она терпѣла, и народъ весь терпитъ. Дѣйствительно, съ этихъ поръ и уже навсегда нѣмцы утрачиваютъ свое вліяніе на ходъ русскаго государственнаго развитія. На мѣсто нѣмцевъ становятся русскіе; когда ей рекомендовали на какую-нибудь должность лицо съ нерусскою фамиліей, она, обыкновенно, спрашивала: «А развѣ

---

[3]) Этой сторонѣ ея характера посвящена даже спеціальная работа Трефелева—Имп. Елизавета, какъ щеголиха, «Русск. Архивъ» 1878 г.

[4]) Дневникъ Екатерины II, подъ ред. и съ примѣч. А. Н. Пыпина.

нельзя найти на эту должность русскаго человѣка?» Такимъ образомъ, Елизаветѣ Петровнѣ удалось въ значительной степени опять поставить дѣло на твердую національную почву. Но гораздо труднѣе было исполнить другую часть обѣщанія—возродить петровскіе порядки. Прежде всего, со времени Петра исторія успѣла уже уйти далеко впередъ, и Россія также, конечно, не стояла на мѣстѣ. Во времена Елизаветы дѣло Петра уже казалось далекимъ прошлымъ. Съ другой стороны, и сама Елизавета едва ли обладала всѣми качествами, необходимыми для приведенія въ исполненіе своего обѣщанія.

У Елизаветы не было недостатка въ добромъ желаніи во всемъ принять личное участіе. Ея канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ даже жаловался Петцольду на императрицу, что «она хочетъ быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, требуетъ даже, чтобы ничто не рѣшалось безъ ея вѣдома». Но императрица Елизавета, до тридцати трехъ лѣтъ заботливо отстраняемая отъ всякаго знакомства съ государственными дѣлами, потомъ, естественно, не могла уже быстро разбираться въ сложномъ ходѣ государственной машины, быстро утомлялась и нуждалась въ отдыхѣ. Такимъ образомъ, никакихъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ реформъ въ духѣ Петра Великаго мы и не можемъ ожидать отъ Елизаветы Петровны.

Правда, она сдѣлала нѣсколько попытокъ пойти по стопамъ Петра. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ она уничтожила Кабинетъ. Теперь главную роль въ управленіи имперіей получилъ Сенатъ, которому Елизавета возвратила права, присвоенныя ему Петромъ, и который былъ пополненъ новыми сотрудниками императрицы.

Вся дѣятельность правительства Елизаветы свелась къ ряду частныхъ мѣръспріятій, перечислить каковыя нѣтъ возможности. Они касались въ различной степени различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи, нѣкоторыя изъ нихъ важны по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя были ими порождены. Такъ, напримѣръ, рядъ отдѣльныхъ указовъ, обнародованныхъ въ разное время, сдѣлалъ исключительнымъ правомъ дворянства, и притомъ—дворянства только потомственнаго, пріобрѣтеніе земель и «недвижимыхъ имѣній». Дворянство расширяетъ свои права, но само постепенно складывается въ замкнутое сословіе. Это уже одинъ изъ первыхъ шаговъ къ раскрѣпощенію сословій, которое началось еще при Аннѣ Іоанновнѣ, а завершилось при Александрѣ II. Дворянству предоставлены были льготы. Однимъ изъ важнѣйшихъ мѣропріятій царствованья является учрежденіе государственныхъ заемныхъ банковъ. Цѣлый рядъ мѣръ былъ принятъ къ урегулированію экономическихъ и финансовыхъ отношеній. Упразднялись внутреннія таможни, крайне стѣснявшія свободное и скорое движеніе товаровъ. Фиксированъ былъ 15-лѣтній срокъ для производства «ревизій», благодаря чему упорядочивалось поступленіе податей. Въ области торгово-промышленныхъ отношеній также замѣчается нѣкоторое оживленіе, и въ этомъ отношеніи время Елизаветы, дѣйствительно, является какъ бы продолженіемъ петровскаго. Въ цѣляхъ «распространенія и размноженія промышленности» она старалась улучшить отечественные виды промышленности путемъ выписки изъ Западной Европы опытныхъ инструкторовъ. Она предполагала дать въ Россіи пріютъ гонимымъ во Франціи гугенотамъ. Примѣръ Пруссіи, пригласившей къ себѣ гугенотовъ и необычайно быстро развившей при ихъ помощи свою промышленность, соблазнялъ и Елизавету; но ея смерть прервала переговоры съ гугенотами.

Наконецъ, Елизавета пыталась увеличить населеніе Россіи путемъ вызова сюда иностранцевъ-колонистовъ. Она прибѣгла къ помощи родственныхъ Россіи славянскихъ народовъ, и въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія три сербскихъ полка—Хорвата, Шевича и Прерадовича—получаютъ земли въ слабо населенныхъ степяхъ юга Россіи, тамъ, гдѣ теперь находятся Херсонская и Екатеринославская губерніи. Эти «полки» образовали такъ называемую «ландъ-милицію», то-есть имѣли военную организацію, а въ свободное время занимались земледѣліемъ.

Указъ нашему Сенату

Указали мы быть при насъ генерал адъютантами нижеписаннымъ имянно: генералъ и лейбъ гвардии нашей Семеновского полку подполковнику графу Андрею Ушакову, генералу Василью Салтыкову, генералу князь Василью Репнину, о чемъ имъ нашъ указъ объявленъ; для вѣдома оного во всѣ команды и судныя мѣста посылать наши указы.

Елисаветъ

въ 15 декабря 1744 года
в Москвѣ в Головинскомъ домѣ

Указъ Сенату, данный Императрицей Елизаветой.

Елизавета Петровна обратила особенное вниманіе на духовную культуру Россіи, въ чемъ также является прямой продолжательницей дѣлъ своего отца. Изъ мѣръ, принятыхъ ею для поднятія просвѣщенія и образованности, должно отмѣтить новый регламентъ для «де сіянсъ академіи», имѣвшій цѣлью возвысить значеніе Академіи Наукъ, которая при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ совершенно утратила свое истинное назначеніе. Физико-химическое отдѣленіе ея превратилось въ мастерскую для придумыванія и выдѣлки новыхъ составовъ фейерверковъ, употреблявшихся при всякихъ торжественныхъ случаяхъ и празднествахъ; а словесное отдѣленіе Академіи занималось почти исключительно составленіемъ надписей для транспарантовъ и т. п.[5]). Новымъ регламентомъ былъ значительно пополненъ штатъ Академіи и притомъ—русскими учеными. При Академіи открытъ былъ университетъ, гдѣ должны были читать профессора-академики, и въ качествѣ подготовительной школы къ университету—гимназія. Но Петербургъ былъ слишкомъ отдаленъ отъ центральныхъ губерній, гдѣ находились родовыя дворянскія гнѣзда, и благодаря этому петербургскій университетъ и гимназія долго пустовали, такъ какъ они предназначались, главнымъ образомъ, для дворянъ. Нѣсколько лучше шло дѣло въ Москвѣ, гдѣ благодаря стараніямъ и хлопотамъ И. И. Шувалова въ 1755 году былъ открытъ также университетъ, первоначально въ составѣ трехъ факультетовъ, соотвѣтствующихъ приблизительно теперешнимъ медицинскому, юридическому и отчасти филологическому («философскій разрядъ»—такъ назывался третій факультетъ въ уставѣ). При университетѣ состояли двѣ приготовительныя школы-гимназіи: одна для дворянъ, для «благородныхъ», другая для «разночинцевъ», т.-е., для выписавшихся изъ другихъ свободныхъ сословій. Было открыто нѣсколько общеобразовательныхъ школъ въ губерніяхъ, а въ обѣихъ столицахъ—нѣсколько спеціальныхъ.

И. Шуваловъ. Изд. Мюнстера.

Толчокъ, данный Петромъ Великимъ, не пропалъ даромъ—и въ царствованіе Елизаветы уже налицо результаты его. Россія уже имѣетъ собственнаго ученаго въ полномъ смыслѣ этого слова—М. В. Ломоносова, этого геніальнаго самородка. Если о Петрѣ Неплюевъ сказалъ, что на что бы мы въ Россіи ни взглянули—все Петра началомъ имѣетъ, то о Ломоносовѣ можно сказать—на какую бы отрасль наукъ мы въ Россіи ни взглянули—во всякой почти началомъ Ломоносова увидимъ. Ему не были чужды ни словесность, ни исторія, ни географія, ни физика, ни химія, ни астрономія, ни математика, ни археологія, ни медицина (отчасти). Въ своихъ опытахъ съ теплотою Ломоносовъ является предшественникомъ Румфорда; его эксперименты съ электричествомъ предупредили подобныя же изысканія Франклина.

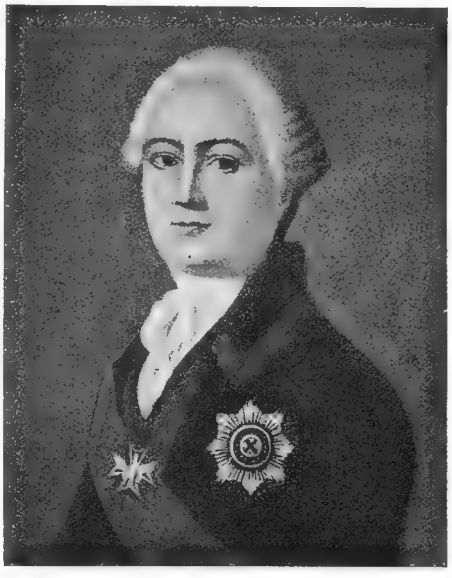
[5]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ.

Его физическія и химическія наблюденія и составленныя на основаніи ихъ гипотезы въ нашемъ столѣтіи повторяются и подтверждаются Гровомъ, Фарэдэемъ, Гельмгольцемъ и др. Императрица Елизавета цѣнила его и давала возможность обнаружить свои таланты, выражая ему свое сочувствіе и интересъ къ его работамъ.

На литературномъ поприщѣ въ елизаветинское время также легко можно замѣтить нѣкоторый подъемъ. Въ области художественной литературы Россія знакомится съ тѣми литературными направленіями, которыя царятъ въ Западной Европѣ. Ломоносовъ и Сумароковъ усердно пересаживаютъ на русскую почву западные образцы. Ломоносовъ и Третьяковскій стараются выработать русскій литературный языкъ и стихъ.

Наконецъ, Россія получаетъ и свой русскій театръ. Сумароковъ съ кадетами подвизается въ столицѣ. «Купеческій сынъ Ѳедоръ Волковъ» организуетъ театральныя представленія въ Ярославлѣ, но вскорѣ слухъ о немъ доходитъ до императрицы, и Волковъ появляется въ столицѣ.

Однимъ словомъ, время Елизаветы Петровны—это эпоха пробужденія умственной дѣятельности въ Россіи. На западѣ начинаютъ усиленно интересоваться и самой Россіей. Рѣчь Мюллера о «Происхожденіи народа и имени Русскихъ» вызываетъ оживленные дебаты и диспуты. Тотъ же Мюллеръ издаетъ исторію Сибирскаго царства, статью «о лѣтописцѣ Россійскомъ Несторѣ, о его лѣтописи и о продолжателяхъ оныя» и т. д. Средосталась въ наслѣдство отъ ея предшественниковъ долго тянувшаяся война со Швеціей, успѣхи въ которой не склонялись рѣшительно ни въ одну изъ воюющихъ сторонъ. По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, однако, удача перешла на сторону Россіи. Русскія войска тѣснили шведовъ въ Финляндіи, и въ 1743 году Швеція предложила Россіи миръ, по которому Россія получила финляндскія земли, лежавшія къ востоку отъ Кюмени.

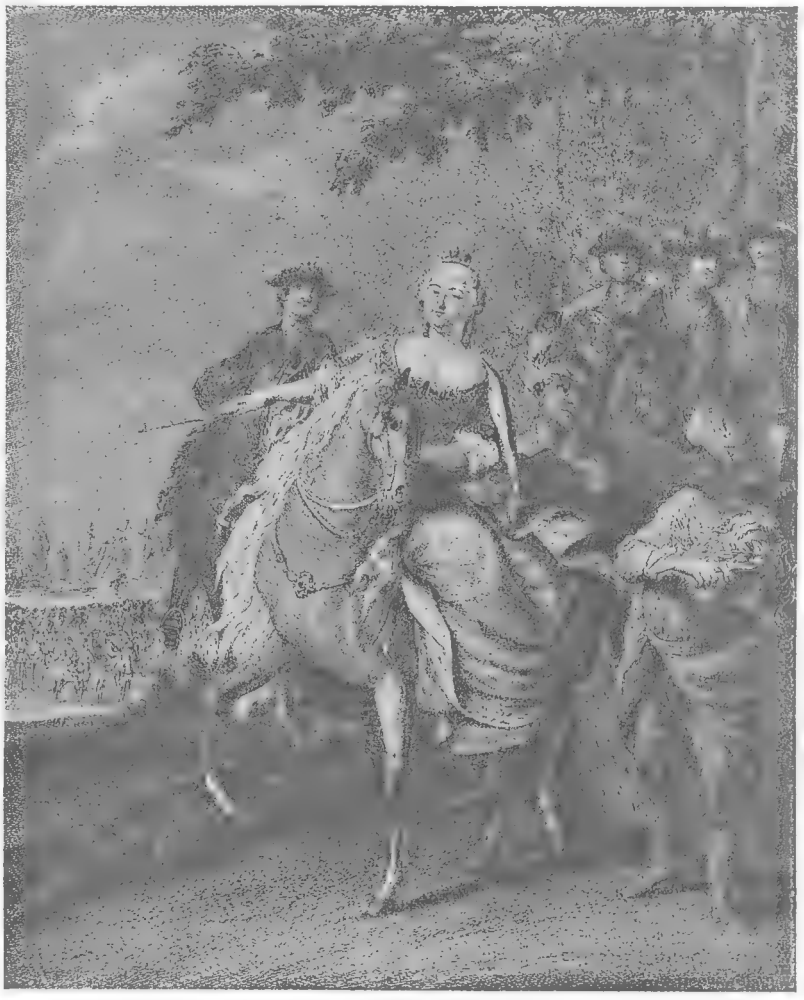


Графъ А. Г. Разумовскій.

Послѣ шведской войны въ теченіе тринадцати лѣтъ Россія наслаждалась миромъ, въ то время какъ въ Западной Европѣ шла ожесточенная борьба за «Австрійское наслѣдство». Россія не была безучастна къ происходившимъ событіямъ западно-европейской политики. Каждая изъ воюющихъ державъ старалась привлечь къ себѣ русскую императрицу. Въ европейскомъ концертѣ Россія занимала теперь далеко не послѣднее мѣсто, и заручиться ея поддержкой было очень полезно. Искусный дипломатъ Фридрихъ Великій прилагалъ и самъ всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону Елизавету, и дѣйствовалъ окольными путями. За Пруссію стояла Франція, и ея представитель при дворѣ Елизаветы, маркизъ де-ла-Шетарди, дѣйствовалъ на императрицу въ пользу Фридриха и лично, и черезъ лейбъ-ди ближайшихъ сотрудниковъ Елизаветы слѣдуетъ назвать ея любимца Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, бывшаго простымъ малорусскимъ казакомъ и достигшаго впослѣдствіи графскаго достоинства и званія фельдмаршала. Во вторую половину царствованія выдвинулись Петръ Шуваловъ и его двоюродный братъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Дѣлами внѣшней политики вѣдалъ канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Елизаветѣ Петровнѣ

медика Елизаветы Лестока. Оба они оказывали нѣкоторыя услуги Елизаветѣ Петровнѣ, когда она была еще цесаревной и отчасти содѣйствовали восшествію ея на престолъ. Въ ихъ разсчетахъ очень большую роль играло, конечно, соображеніе, что Елизавета вспомнитъ объ ихъ старыхъ заслугахъ передъ нею. Съ другой стороны, были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы въ окружающей императрицу придворной средѣ создать какъ можно больше сторонниковъ союза съ Пруссіей. Въ перепискѣ Фридриха, въ сообщеніяхъ де-ла-Шетарди[6]) мы находимъ нерѣдко замѣтки о значительныхъ суммахъ, израсходованныхъ на подкупъ вліятельныхъ лицъ.



Императрица Елисавета Петровна со свитою. Съ гравюры Ридингера.

Но руководитель русской внѣшней политики канцлеръ А. П. Бестужевъ - Рюминъ отлично понималъ смыслъ завоевательныхъ тенденцій Фридриха и значеніе возвышенія Пруссіи[7]). Онъ чуть ли не первый изъ русскихъ дипломатовъ принялъ въ качествѣ руководящей нити программы своей дѣятельности принципъ политическаго равновѣсія и старался, насколько возможно, осуществлять его. Онъ предвидѣлъ послѣдствія политики «скоропалительнаго короля», какъ иронически называлъ онъ Фридриха Великаго, и цѣли его стремленій. И Бестужевъ всѣми мѣрами старался противодѣйствовать Фридриху въ его домогательствахъ. Никакія обѣщанія «скоропалительнаго короля», никакія выгодныя предложенія, сдѣланныя Фридрихомъ Бестужеву, не заставили послѣдняго измѣнить своего поведенія. И Фридрихъ II вполнѣ сознавалъ значеніе «de cet enragé chancelier», какъ Фридрихъ въ свою очередь называлъ Бестужева.

[6]) Пекарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи.
[7]) Ѳеоктистовъ, Отношенія Россіи къ Пруссіи при Елизаветѣ Петровнѣ.

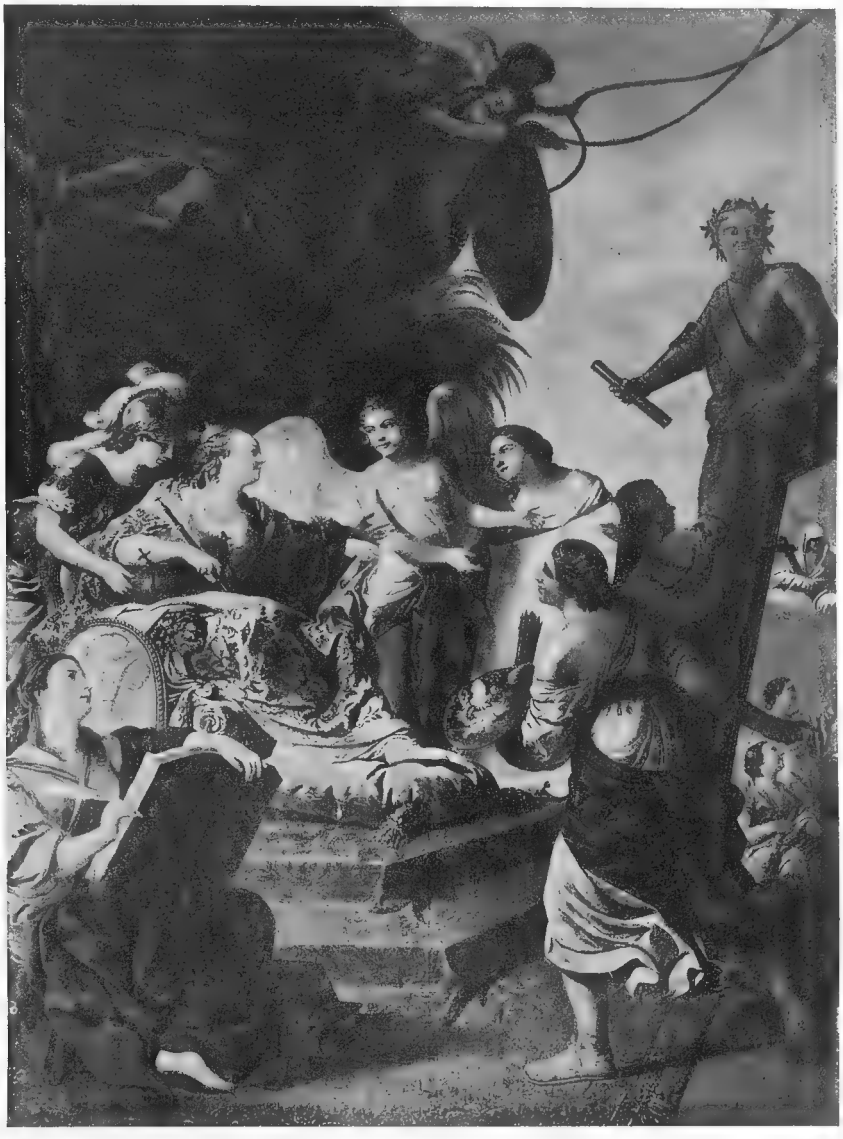
Императрица, повидимому, также отлично понимала внутренній смыслъ политики своего канцлера. Если въ то время де-ла-Шетарди въ своихъ донесеніяхъ французскому правительству упрекаетъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ русскую императрицу за ея нерѣшительность, колебанія примкнуть къ союзу съ Пруссіей, приписывая ихъ ея трусости и лѣни[8]), то современные историки едва ли согласятся съ такимъ толкованіемъ поведенія Елизаветы. Съ ея стороны эта медлительность является только показателемъ ея осторожности и дальновидности. И, въ концѣ концовъ, въ борьбѣ Шетарди и Бестужева верхъ взялъ послѣдній. Императрица поддержала своего канцлера, и Бестужеву удалось даже настоять на удаленіи Шетарди, навлекшаго на себя неудовольствіе Елизаветы своими выпадами по ея адресу въ письмахъ французскому правительству. Лестокъ также потерпѣлъ неудачу, и ему пришлось разстаться съ дворомъ Елизаветы Петровны. Такимъ образомъ, Россія примкнула къ Австріи въ ея борьбѣ противъ Пруссіи[9]), и въ вспыхнувшей въ 1756 году войнѣ Елизаветѣ Петровнѣ пришлось принять активное участіе.

Русская армія, доведенная Петромъ Великимъ къ концу его царствованія почти до двухсотъ тысячъ человѣкъ, при его преемникахъ въ значительной степени утратила свои боевыя качества. Благодушное правленіе Елизаветы Петровны, повидимому, должно было еще болѣе понизить ея достоинство. Россія уже давно не вела серьезныхъ войнъ съ крупными противниками. Вотъ, почему Фридрихъ Великій, — этотъ признанный всѣми военный геній конца XVIII вѣка, полагаясь на свои дарованія и на свою отлично дисциплинированную армію, позволялъ себѣ презрительно отзываться о своихъ противникахъ. Онъ не видѣлъ у русскихъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося полководца, который могъ бы противостоять геніальному прусскому тактику и стратегу. Его письма пестрятъ ироническими кличками и прозвищами, которыми онъ, полагаясь на донесенія своихъ агентовъ, надѣлилъ русскихъ генераловъ[10]). Первыя дѣйствія правительства Елизаветы при объявленіи войны, какъ будто, оправдали до нѣкоторой степени ожиданія Фридриха. Русская армія собиралась крайне медленно, и прошелъ цѣлый годъ, пока ей удалось перейти границу Восточной Пруссіи. Но первое же крупное столкновеніе русскихъ войскъ съ прусаками показало всю неосновательность предположеній короля. Медлительному и нерѣшительному Апраксину, благодаря удивительной стойкости русскихъ солдатъ, удалось разбить прусскую армію. Но Апраксинъ не воспользовался плодами своей побѣды. Дальновидный и осторожный, онъ зналъ о серьезной болѣзни императрицы и, предвидя коренное измѣненіе хода русской политики въ случаѣ ея смерти, боялся дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, чтобы не навлечь на себя неудовольствія наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, бывшаго герцога Голштинскаго, яраго поклонника Фридриха Великаго. Ссылаясь на малую численность и плохое состояніе своихъ войскъ, Апраксинъ вывелъ ихъ изъ Пруссіи. Негодованіе Елизаветы

Русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгуновъ. (Собраніе Ровинскаго).

[8]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи.
[9]) Е. Н. Щепкинъ, Русско-австрійскій союзъ.
[10]) Д. Масловскій, Русская армія въ Семилѣтнюю войну.

Петровны противъ него не знало границъ. Апраксинъ былъ немедленно смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ былъ впослѣдствіи престарѣлый Салтыковъ. Однако, не довѣряя болѣе главнокомандующимъ, какъ слишкомъ самостоятельнымъ и мало зависящимъ отъ императрицы лицамъ, главное начальствованіе всей кампаніей Елизавета оставила за особой



Аллегорическое изображеніе: Императрица Елисавета—покровительница искусствъ.

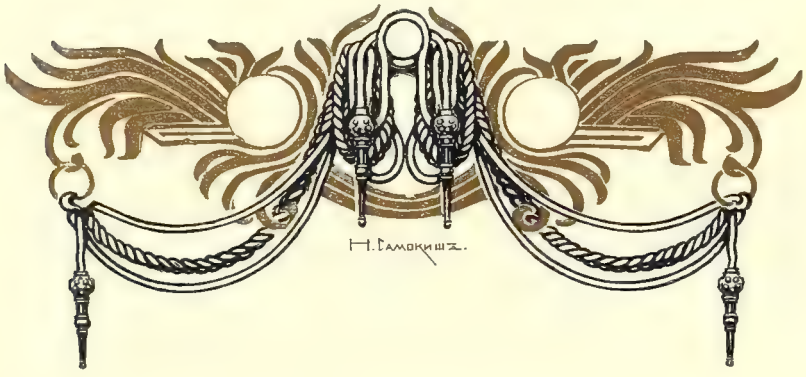
военной конференціей, засѣданія которой происходили нерѣдко подъ предсѣдательствомъ самой императрицы.

Въ теченіе двухъ лѣтъ успѣхъ неизмѣнно сопутствовалъ русскимъ на полѣ битвы. Съ занятіемъ столицы коронованія прусскихъ королей Кенигсберга, вся Восточная Пруссія оказалась въ рукахъ русскихъ. Русскія войска вторглись въ Бранденбургъ, представлявшій собою ядро прусскаго королевства. Фридрихъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы задержать дви-

женіе русскихъ въ глубь страны. Въ битвѣ при Цорндорфѣ русское войско принуждено было отступить. Цѣлый годъ послѣ этого русская армія собиралась съ силами, а Фридрихъ въ это время сражался съ Австріей, не обращая болѣе вниманія на Россію. Но въ 1759 году Салтыковъ энергично двинулся навстрѣчу Фридриху. Сраженіе произошло при Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ. Фридрихъ потерпѣлъ такое пораженіе, какъ никогда ни ранѣе, ни послѣ этого времени. Изъ всей его арміи едва осталось 3.000 человѣкъ. Самому Фридриху едва удалось спастись бѣгствомъ отъ смерти. Русскіе побѣдоносно двинулись впередъ, почти не встрѣчая препятствій. «Я этого не переживу... Послѣдствія дѣла хуже, чѣмъ самое дѣло. У меня болѣе нѣтъ никакихъ силъ. Мнѣ кажется, что все погибло... Я не переживу гибели своей родины. Прощай навѣки!..» писалъ послѣ этой битвы своему брату Фридрихъ. Говорятъ, онъ думалъ покончить жизнь самоубійствомъ, и только евда-едва его друзьямъ удалось уговорить его нѣсколько отсрочить свое рѣшеніе. Русскіе заняли Берлинъ и взяли съ него контрибуцію. Фридриху не откуда было ждать помощи. Русская государыня, считая всю восточную Пруссію окончательно присоединенной къ Россіи, раздѣлила ее на губерніи и назначила туда русскихъ губернаторовъ. Для завоеванныхъ областей уже, по ея повелѣнію, чеканилась русская монета. Могущество Пруссіи, казалось, было сломано безвозвратно.

Но развязка наступила совершенно неожиданно. Въ самый день Рождества Христова 1761 года, императрица Елизавета скончалась.

Такъ окончилось одно изъ самыхъ популярныхъ царствованій, представляющее нѣсколько блестящихъ страницъ въ русской исторіи.



Петръ.

Императоръ Петръ III.
1761—1762.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

„Принцесса, кочующая и бѣдная", и императоръ Петръ III.

о смертью императора Петра II пресѣклось мужское потомство Великаго Преобразователя. Въ лицѣ представительницъ своихъ, дочерей Петра I, домъ Романовыхъ скрѣпляется тѣсными родственными узами съ владѣтельной фамиліей Голштинской: Анна Петровна стала женой владѣтельнаго герцога Голштейнъ-Готторнскаго Карла-Фридриха. При воцареніи Петра Алексѣевича (II) всесильный Меншиковъ для полной свободы дѣйствій добился удаленія изъ предѣловъ Россіи Анны Петровны съ мужемъ. Они пріѣхали въ Голштинію, и городъ Киль сталъ съ тѣхъ поръ постояннымъ ихъ мѣстопребываніемъ. 10-го февраля 1728 г. у нихъ родился сынъ — Карлъ-Петръ-Ульрихъ. Въ маѣ умерла мать его, а на одиннадцатомъ году Петръ-Ульрихъ лишился отца[1]). Круглый сирота

[1]) О молодости Петра III, герцога Голштинскаго, потомъ наслѣдника русскаго престола см. Ист. Россіи съ древн. временъ Соловьева, томы XXI, гл. II, стр. 131, гл. III, 217, IV, 265 и сл. Т. XXII, гл. I, 339, 342, 376 (воспитаніе въ Голштиніи). Т. XXIV, гл. I,921, 930 сл. (воспитаніе въ Россіи). Соч. Брикнера «Жизнь Петра III до вступленія на престолъ». Русск. Вѣстникъ 1883 г., въ январск. №. Зап. акад. Штелина о Петрѣ III. Чтенія Импер. О-ва Исторіи и древн. россійскихъ при Москов. унив. за 1866 г., № 4.

рось подъ опекой дяди Адольфа-Фридриха, мало обращавшаго на него вниманія. Заботы о воспитаніи мальчика были предоставлены оберъ-гофмаршалу, графу Брюммеру. Это былъ почти необразованный человѣкъ; служа долго въ кавалеріи, онъ былъ опытнымъ и лихимъ наѣздникомъ и годился для хорошей муштровки солдатъ-кавалеристовъ, но никакъ не для педагогической дѣятельности; при этомъ грубый, деспотичный воспитатель прямо ненавидѣлъ воспитанника, нисколько не скрывая этого. Послѣдній часто голодалъ, почти не пользовался прогулками и играми на свѣжемъ воздухѣ, за малѣйшую провинность или неприготовленіе уроковъ подвергался всевозможнымъ карамъ и особенно—тѣлеснымъ наказаніямъ, въ которыхъ, повидимому, Брюммеръ находилъ особенное удовольствіе, стараясь постоянно унижать молодого принца. Болѣзненный и слабый отъ природы ребенокъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ всякихъ предосудительныхъ сценъ въ средѣ взрослыхъ. Результаты сказались быстро: у мальчика развился характеръ, испорченный въ концѣ, развилась крайняя нервность, склонность къ эксцессамъ, способности притупились. «Говорили», пишетъ Екатерина II въ автобіографическихъ запискахъ[2]), «что молодой герцогъ строптивъ и вспыльчивъ, не любитъ приставленныхъ къ нему, особенно Брюммера; однако, онъ не лишенъ развязности, но слабъ и болѣзненъ. Цвѣтъ лица его былъ блѣдный, и онъ казался худощавымъ и хрупкаго тѣлосложенія. Ребенку окружающіе его хотѣли придать видъ взрослаго, поэтому постоянно стѣсняли, заставляли держаться въ напряженномъ состояніи, которое должно было вселить въ немъ фальшь во всемъ, начиная съ манеры держаться и кончая характеромъ». Такое впечатлѣніе произвелъ принцъ на Екатерину, которая видѣла его тогда въ первый разъ въ 1739 году, будучи еще Ангальтъ-Цербстской принцессой, десяти лѣтъ отъ роду. Петръ былъ годомъ старше нея. Въ наукахъ юный герцогъ еле подвигался: неспособные учителя не только не могли заинтересовать его предметами своихъ занятій, но, напротивъ, успѣли внушить полное отвращеніе къ нимъ: онъ проклиналъ латынь и впослѣдствіи, будучи уже совсѣмъ взрослымъ, видѣть не могъ латинской книги[3]). Его учили, между прочимъ, и русскому языку, но по смерти отца Брюммеръ тотчасъ же прогналъ преподавателя Рихарда, такъ какъ считалъ русскій языкъ пригоднымъ только «собакамъ да рабамъ». Однако, этому маленькому принцу судьба готовила мѣсто именно въ Россіи; несмотря на всѣ свои изъяны и недостатки, онъ, тринадцатилѣтній герцогъ Голштинскій, сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія императрицы Елизаветы, тетки своей. Права его на русскій престолъ были очевидны: вѣдь онъ былъ внукомъ (по матери) Петра Великаго. Тестаментъ императрицы Екатерины I-й[4]) гласилъ, что по смерти Петра II, при отсутствіи у него дѣтей, престолъ

Цесаревна Анна Петровна.

[2]) Зап. Екатерины II, изд. Суворина.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXIV, гл. I, стр. 922.

[4]) На это завѣщаніе ссылалась въ манифестѣ 28 ноября вступившая на престолъ Елизавета. См. Соловьевъ, XXI, гл. II (начало).

переходить къ Аннѣ Петровнѣ Голштинской и ея потомству, а затѣмъ уже, въ случаѣ неимѣнія его у нея—къ цесаревнѣ Елизаветѣ; но не принадлежащіе къ православной вѣрѣ, или же имѣющіе другую корону—наслѣдниками быть не могутъ. Итакъ, препятствіями для молодого голштинскаго племянника государыни къ полученію русскаго престола были его герцогская корона и лютеранская вѣра. И то и другое свободно могло остаться у него на родинѣ, въ Килѣ. Надо было навсегда отказаться отъ правъ своихъ на Голштинское герцогство и вмѣсто лютеранскаго катихизиса засѣсть за заучиваніе православнаго[5]).

По неожиданномъ вступленіи на престолъ императрица Елизавета сейчасъ же позаботилась объ обезпеченіи россійской короны за потомствомъ своего отца и послала маіора барона Корфа въ Голштинію за племянникомъ. 5 февраля 1742 года принцъ былъ благополучно доставленъ въ Петербургъ. Съ большой радостью онъ встрѣченъ былъ императрицей и тутъ же награжденъ знаками ордена Андрея Первозваннаго. Желая ознакомиться съ познаніями племянника, Елизавета, не блиставшая солидностью образованія, стала экзаменовать его въ пройденномъ[6]); здѣсь она лично убѣдилась въ неуспѣшности его занятій. Слѣдовало начинать все сызнова. Изъ способностей Петра-Ульриха выдѣлялась одна—его довольно хорошая память, чѣмъ и нужно было всячески воспользоваться при его обученіи. Приставлены были русскіе учителя; академикъ Штелинъ[7]), педагогъ очень способный, скоро понялъ свою задачу—вести преподаваніе простѣйшимъ, наглядным способомъ, опуская по возможности все отвлеченное, требующее отъ мальчика малѣйшаго напряженія ума. Возобновилось изученіе русскаго языка подъ руководствомъ іеромонаха Тодорскаго, которому съ ученикомъ пришлось еще труднѣе. По самымъ условіямъ дѣтства, ребенокъ, не могъ проникнуться чувствами вѣры, страхомъ Божіимъ, христіанской любовью; онъ выказывалъ пренебреженіе къ религіи и къ Закону Божію. А теперь онъ долженъ былъ изучать начатки русской православной вѣры. Императрицѣ стоило не малаго труда сдержать племянника и добиться отъ него мало-мальски приличнаго отношенія къ преподавателю. Что касается другихъ предметовъ, то Петръ изучалъ довольно охотно начала военныхъ наукъ—фортификацію и науку артиллерійскую, которыя ему нравились и занимали его. Частые уроки танцевъ (по модѣ того времени) съ успѣхомъ шли у Петра, и учитель танцевъ успѣлъ даже заслужить нѣкоторую симпатію со стороны ученика. Игры и развлеченія его также происходили безъ надлежащаго правильнаго надзора. Особенно любилъ онъ

Академикъ Яковъ Штеликъ.
Съ гравированнаго портрета 18-го столѣтія Бергера.

---

[5]) По настоянію Елизаветы онъ долженъ былъ отказаться и отъ права на шведскую корону. (Онъ приходился внукомъ сестры Карла XII, королевы шведской, умершей въ 1741 г.). См. Соловьева, стр. 216 и слѣд.

[6]) Соловьевъ, XXIV, I, стр. 922.

[7]) Авторъ «Записокъ» подробно сообщилъ въ нихъ о занятіяхъ и характерѣ воспитанника.

играть въ куклы, въ солдатики, наряжаться въ военные костюмы; барабаны, сабли и ружья были постоянными его игрушками. Остановившись въ своемъ умственномъ развитіи, онъ, будучи уже совсѣмъ взрослымъ, не оставлялъ своихъ дѣтскихъ игръ и забавъ. Такъ росъ и воспитывался будущій императоръ Россіи.

Принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II).
Съ гравированнаго портрета 18-го столѣтія Герасимова.

Послѣ коронованія въ Москвѣ Елизаветы 25 апрѣля 1742 года, когда императрица во время торжества заняла въ Успенскомъ соборѣ императорское мѣсто, а герцогъ помѣстился на царицыномъ, въ изданномъ 7-го ноября манифестѣ сообщалось о назначеніи Петра наслѣдникомъ русскаго престола, указывалась, что герцогъ «по крови Намъ ближайшій»,и повелѣвалось отнынѣ называть его «великимъ княземъ съ титуломъ его императорское высочество», такъ какъ онъ уже принятъ въ лоно православной церкви. Въ богослуженіи послѣ «благочестивѣйшую», «самодержавнѣйшую» продолжалось: наслѣдника ея, внука Петра I, благовѣрнаго государя и великаго князя Петра Ѳеодоровича. Запоздавшій ровно на срокъ царствованія Елизаветы и ея двухъ предшественницъ актъ династической справедливости совершился: Петръ признанъ былъ будущимъ императоромъ. Однако, въ домашнемъ быту ничто не перемѣнилось въ жизни наслѣдника. Тотъ же Брюммеръ, то же презрительное и грубое обращеніе, смѣняющееся теперь иногда униженнымъ заискиваніемъ; видя упрочившееся высокое положеніе питомца, наставникъ эгоистично захотѣлъ эксплоатировать свое вліяніе на Петра, сдѣлать его послушнымъ орудіемъ для своихъ политическихъ интригъ. Впрочемъ, со стороны воспитанника непріязнь по отношенію къ нему нисколько не уменьшалась. Разъ даже наслѣдникъ чуть не закололъ Брюммера шпагой[8]). Вообще, «защищаясь противъ несправедливыхъ и преувеличенныхъ упрековъ Брюммера»,—говоритъ историкъ—Петръ привыкалъ къ спору и къ бѣшенымъ выходкамъ, отъ которыхъ худѣлъ. Такимъ образомъ,

[8]) Штелинъ, Записки.

дурное воспитаніе дѣйствовало разрушительно на здоровье Петра, «безъ того слабое»[9]). Наконецъ, Брюммеръ былъ удаленъ.

По объявленіи Петра Ѳеодоровича наслѣдникомъ престола, само собою выдвинулся вопросъ о продолженіи его рода. Кого же было выбрать невѣстой великому князю? Во всякомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе можно было найти подходящую партію, тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе можно было надѣяться на спокойное будущее русскаго престола. Не считаясь ни съ лѣтами наслѣдника, ни съ его болѣзненностью, заботливая императрица стала хлопотать о его женитьбѣ. Можно представить, какая агитація поднялась среди приближенныхъ государыни, среди иностранныхъ посланниковъ при русскомъ Дворѣ! Наперерывъ одна за другой выставлялись кандидатки въ невѣсты, при чемъ предлагающіе исходили, разумѣется, изъ своихъ личныхъ взглядовъ на тѣ или другія политическія отношенія Россіи съ иностранными державами. Между прочимъ, прусская партія выставила кандидатуру принцессы Ангальтъ-Цербстской Софіи-Августы-Фредерики; сама Елизавета симпатизировала сестрѣ Фридриха прусскаго, который, однако, въ своихъ политическихъ видахъ не счелъ возможнымъ осуществить желаніе императрицы. Съ своей стороны, на просьбу довѣрявшей ему Елизаветы подыскать невѣсту онъ тоже рекомендовалъ черезъ Мандерфельда принцессу Цербстскую[10]), родственницу Голштинской фамиліи. И графъ Лестокъ, и Брюммеръ, вошедшій въ довѣренность Елизаветы, и прусскій посланникъ Мандерфельдъ единодушно высказывались за принцессу Цербстскую. На ней остановилась и императрица. Въ глубокой тайнѣ начались приготовленія по поводу задуманнаго брака. Только рекомендовавшіе невѣсту знали о выборѣ ея. Брюммеру было поручено вызвать въ Россію будущую жену Петра Ѳеодоровича съ ея матерью. Въ декабрѣ 1743 года принцессы получили письмо Брюммера, съ подробной инструкціей относительно переѣзда въ Россію, и другое — отъ Фридриха

Принцесса Іоганна-Елизавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).
Съ гравированнаго портрета 18-го столѣтія Бернигерота.

[9]) Соловьевъ, т. XXIV, I, 913.
[10]) Переписка Фридриха II приведена у Соловьева XXI, 4, 218.

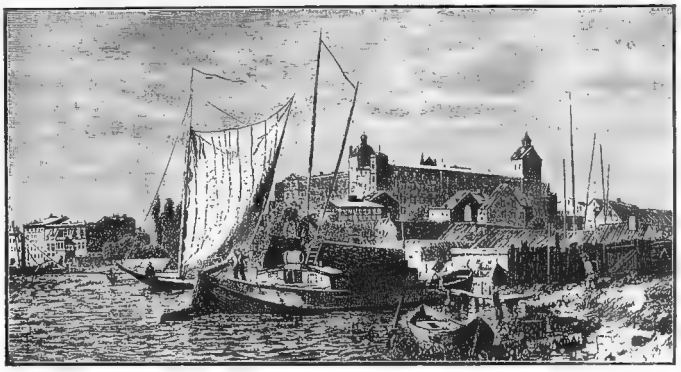
прусскаго, въ которомъ заключалась просьба поторопиться съ отъѣздомъ, идя навстрѣчу горячему желанію Россійской императрицы. Въ началѣ слѣдующаго года мать съ дочерью тронулись въ далекій и тяжелый путь. Отъ Митавы русскій почетный конвой сопровождалъ ихъ до Риги; здѣсь ихъ ожидала почетная и торжественная встрѣча. Черезъ нѣсколько дней онѣ уже въѣзжали въ С.-Петербургъ при пальбѣ салютующихъ пушекъ, а 9-го февраля были, наконецъ, въ Кремлѣ древней столицы, гдѣ ихъ торжественно и вмѣстѣ съ большою задушевностью встрѣтила Елизавета. Окруженные придворнымъ блескомъ и роскошью, принцессы зажили (по словамъ самой ихъ матери), какъ королевы. Онѣ были осыпаны милостями довольной, успокоенной императрицы.

Итакъ, молодая принцесса Ангальтъ-Цербстская должна была сдѣлаться женой наслѣдника русскаго престола. Принявъ православіе, бывшая Софія-Августа-Фредерика получила имя Екатерины. Ея отецъ, князь Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстъ-Дернбургскій, женатый на Іоганнѣ-Елизаветѣ, принцессѣ Голштейнъ-Готторнской, сначала находился на службѣ у Фридриха прусскаго и былъ губернаторомъ Штетина, потомъ послѣ смерти владѣтельнаго князя Цербстскаго, Іоганна-Августа, въ 1742 году вмѣстѣ со старшимъ своимъ братомъ сталъ править маленькимъ Ангальтъ-Цербстомъ, который и сталъ ихъ мѣстопребываніемъ. Старшій изъ братьевъ скоро умеръ; Христіанъ-Августъ остался единодержавнымъ княземъ и умеръ въ 1747 году, когда дочь его уже 2 года была замужемъ за великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Это былъ хорошо образованный (въ Берлинской Рыцарской Академіи) человѣкъ, набожный лютеранинъ и храбрый солдатъ. Іоганна-Елизавета, мать Екатерины была двоюродной теткой Петра Ѳеодоровича и въ 1727 году вышла замужъ за Христіана-Августа; онъ состоялъ тогда комендантомъ Штетина. Молодая жена была обречена на одиночество; частыя и долговременныя отлучки мужа, совершенно не привыкшаго сидѣть дома, скоро надоѣли Іоганнѣ-Елизаветѣ и заставили ее послѣдовать его примѣру. Незавидная будничная обстановка дома наводила на нее скуку, или раздражала ее, привыкшую къ блеску владѣтельныхъ герцоговъ; она часто уѣзжала и путешествовала. Одаренная значительными способностями, она не отличалась хорошимъ характеромъ, была мелочна и капризна, властолюбива и тщеславна. Первый ребенокъ родился у ней въ 1729 году, 21-го апрѣля. Дочь назвали Софіей-Августой-Фредерикой. Дѣтскіе годы маленькой Фигхенъ[11]), какъ называла принцессу мать, протекли въ приморскомъ городѣ Штетинѣ въ Помераніи. Будучи уже императрицей, она сообщаетъ Гримму (въ письмѣ), что мѣсто ея рожденія—домъ (нѣкоего Грейфенгейма), Маріинскаго прихода, стоялъ на углу Соборной

Императрица Екатерина II (въ дѣтскомъ возрастѣ).
(Рис. Розиной-Лисчевской въ 1740 году).

[11]) Документальные источники о жизни Екатерины: автобіографическія замѣтки, ея мемуары, оконч. 1758 г., переписка съ Гриммомъ, изд. въ Сборникѣ Р. Ист. О-ва, т. XXIII (на франц. языкѣ) и т. XXXIII съ переводомъ и соч. Грота «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» (1879 г).

улицы, что она жила и воспитывалась въ угловой части дома, въ которомъ занимала три комнаты наверху возлѣ церкви. Около самой спальни ея приходилась колокольня. Черезъ весь этотъ флигель она бѣгала къ матери, помѣщавшейся на другомъ концѣ флигеля. Жизнь въ родномъ городѣ была однообразна и тиха; тишина нарушалась развѣ только звономъ церковнаго колокола по праздникамъ. Простота обстановки и убранства комендантскаго флигеля ясно указывали на непритязательность его хозяина. Въ самомъ характерѣ стараго служаки коменданта не было никакой склонности къ блеску, къ роскоши: къ дѣтямъ своимъ онъ былъ строгъ, въ противоположность Іоганнѣ-Елизаветѣ, мягкость которой уравновѣшивала отцовскую суровость[12]). Строгій, но любезный отецъ, посвящая все почти время своимъ служебнымъ обязанностямъ, не могъ, конечно, правильно слѣдить за воспитаніемъ дѣтей. Послѣднія оставались исключительно на обязанности матери. Можно заключить, что, какъ воспитательница, она оставляла желать много лучшаго; Іоганна-Елизавета не была способна къ веденію правильныхъ систематическихъ занятій, да и частыя путешествія, на время которыхъ дѣти отсылались къ бабушкѣ ихъ въ Гамбургъ, очень вредили имъ. Объ учителяхъ Софіи-Августы упоминается въ письмахъ ея, уже въ бытность императрицей, къ барону Гримму[13]). Офиціальной, такъ сказать, воспитательницей и вмѣстѣ гофмейстериной этого крохотнаго штетинскаго двора была госпожа Кардель «старосвѣтская» француженка, знавшая все, ничему не учившись; дѣвица съ большимъ умомъ, знавшая, кромѣ разныхъ наукъ, всякія комедіи и трагедіи и читавшая съ дѣвочкой сочиненія Мольера. Придворный штетинскій проповѣдникъ Моклеръ, бывшій другомъ и совѣтникомъ госпожи Кардель, принималъ нѣкоторое участіе въ воспитаніи ребенка и очень интересовался ученицей. Почетный пасторъ Вагнеръ, человѣкъ ограниченный и скучный педантъ, преподавалъ нѣмецкій языкъ, «ничтожный» по отзыву самой Екатерины. Лоранъ, бывшій школьный учитель, французскій эмигрантъ и ярый кальвинистъ, училъ чистописанію и французскому языку. Музыкѣ обучалъ нѣкто Веллигъ, комично описанный бывшей своей ученицей. Эти краткія указанія въ письмахъ Екатерины характеризуютъ хорошо писавшую ихъ. Впечатлѣнія дѣтскаго возраста, всѣ типичныя стороны окружавшихъ ее учителей глубоко врѣзались въ ея память. Наблюдательность, воспріимчивость юной принцессы, способность схватывать все существенное въ предметѣ, рано проснувшаяся склонность къ критикѣ—вотъ основныя черты, изъ коихъ сложились со временемъ характеръ, умственный кругозоръ и цѣльная индивидуальность взрослой Екатерины. Очевидно, что еще дѣвочкой она чувствовала недостатки, неспособность и умственную ограниченность своихъ педагоговъ, и только природный тактъ, сдержанность не позволяли ей высказываться, критиковать вслухъ и сомнѣваться въ качествахъ своихъ почтенныхъ на-



Видъ Штетинскаго замка, въ которомъ родилась Екатерина II. Съ гравюры 18-го столѣтія.

[12]) Воспит. Екатерины II Грота въ «Др. и Нов. Россіи», т. I.

[13]) Сборникъ, изд. Ист. О-ва, т. 23-й (по-франц.). Письма 23 тома, нѣкот. въ русск. переводѣ, помѣщ. въ Р. Архивѣ за 1778 г. № 9, 10.

ставниковъ. Очевидно, нѣкоторая скрытность стала образовываться въ характерѣ самой воспитанницы съ юныхъ лѣтъ. «Философское расположеніе ума» Софіи-Августы, какъ выразился графъ Гилленборгъ о молодой принцессѣ, очень хорошо понимало все это. Поэтому она и казалась послѣднему ребенкомъ выше своихъ лѣтъ. «Видя, что матушка мало, или почти вовсе не занималась мной, графъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія», писала о себѣ императрица[14]). Чувство человѣческаго достоинства рано развилось въ ней, и проницательный умъ внушалъ ей сознательное отношеніе къ поступкамъ, что видно изъ ея же словъ: «самымъ унизительнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось быть обманутой; бывъ ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тѣмъ я поспѣшно исполняла все, что отъ меня требовали, и даже ненравившееся мнѣ, когда мнѣ объясняли настоящія причины»[15]).

Такимъ образомъ, она не могла удовлетворить свою любознательность на урокахъ съ своими наставниками и сама начала читать многое, безпрестанно пополняя недостаточныя свои познанія. Съ раннихъ лѣтъ она начала познавать и жизненный опытъ; дѣло въ томъ, что ей приходилось иногда сопровождать въ переѣздахъ мать; съ матерью она бывала въ Брауншвейгѣ, ѣздила въ Киль, Эйтинъ, Гамбургъ, Цербстъ и Берлинъ. Въ Эйтинѣ Софія видѣла Карла-Ульриха, троюроднаго брата, которому суждено было сдѣлаться скоро великимъ княземъ. Путешествія эти, множество различныхъ знакомствъ, соприкосновеніе съ обществомъ, давали принцессѣ въ значительной мѣрѣ, при ея наблюдательности, практическую подготовку къ жизни, опытъ, знаніе людей. «При всѣхъ дворахъ Екатерина съ равнымъ успѣхомъ производила одинаково благопріятное для нея впечатлѣніе»[16]). Что касается религіи, то стараніемъ родителей она росла примѣрной лютеранкой; основы вѣры крѣпко были заложены въ дѣвочкѣ. Отецъ ея былъ твердо увѣренъ въ ней въ этомъ отношеніи, и когда подошелъ вопросъ о принятіи дочерью православной вѣры, онъ былъ пораженъ готовностью ея и всячески препятствовалъ переходу ея въ православіе.

Итакъ, курсъ элементарныхъ предметовъ проходился безъ всякой системы, урывками. Впослѣдствіи сама она сознавалась[17]), что ни единаго языка правильно не знаетъ, грамматикѣ не училась, орѳографіи тоже. Изученіе литературы шло значительно лучше, благодаря занятіямъ съ г-жею Кардель. Дѣвочка росла одна, подругъ у нея не было. Слѣдующій за ней братъ Вильгельмъ умеръ на 12-мъ году; младшій ея братъ Фридрихъ-Августъ былъ ребенокъ болѣзненный и часто хворавшій; заботливые родители, боясь за его здоровье, не имѣли возможности дать ему правильнаго образованія. Этотъ братъ по смерти отца унаслѣдовалъ Цербстское герцогство. Двѣ младшія сестры Софіи-Августы умерли еще совсѣмъ маленькими. Въ противоположность всѣмъ имъ, старшая Софія, будущая Екатерина, отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, была рослой, крѣпкой дѣвушкой, хорошо развитой физически[18]). Избытокъ энергіи, выносливость соединялись у нея съ увѣренностью въ своихъ силахъ. Отсюда—упорное, не взирающее ни на какія препятствія стремленіе къ разъ поставленной цѣли. «Желаніе достичь совершенія великихъ дѣлъ», писала потомъ Екатерина Гилленборгу[19]), «было развито у меня болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ», т.-е., когда она была 14-лѣтнимъ подросткомъ. Она будто предчувствовала свое великое будущее. Блестящую судьбу предсказалъ матери ея одинъ католическій каноникъ, хиро-

---

[14]) Записки Екат., цитиров. у Брикнера, т. I, 32.
[15]) Замѣтки В. Кн. Екатер. Ал. въ Сб. Ист. О-ва. VII, 89.
[16]) Гротъ. Воспитаніе Екатерины.
[17]) Записки Грановскаго (ея секретаря).
[18]) Что сыграло нѣкоторую роль въ глазахъ рекомендов. ее прусск. министра Подевильса.
[19]) Сб. Ист. О-ва, т. X, 157.

мантъ и провидецъ: когда она съ дочерью была въ Брауншвейгѣ у вдовствующей герцогини, этотъ каноникъ, находившійся при епископѣ Корвенскомъ, серьезно и таинственно сообщилъ, что видитъ на лбу дочери ея[20]), по крайней мѣрѣ, три короны. Позже, при отъѣздѣ обѣихъ въ Россію, мать разсказала это Софіи. Пророчество стало сбываться. 1-го января 1744 года Іоганна-Елизавета получила письмо Брюммера, отъ имени императрицы Елизаветы, приглашающее ихъ обѣихъ собираться безотлагательно въ Россію и выѣзжать въ секретѣ, ѣхать до Риги, соблюдая инкогнито; тутъ же былъ приложенъ вексель (на 2000 р.) на путевыя издержки. Въ тотъ же день было получено письмо отъ короля Фридриха, гдѣ онъ сообщалъ о самой цѣли этого приглашенія[21]): «Не стану болѣе скрывать отъ васъ, что, цѣня васъ и любезную вашу дочь, я пожелалъ, чтобъ сей послѣдней достался жребій отмѣнный, и сталъ обдумывать, нѣтъ ли возможности сочетать ее съ ея кузеномъ, нынѣ русскимъ великимъ княземъ». Блестящія перспективы открылись передъ Іоганной. Честолюбивая, жаждущая блеска и богатства, всегда готовая вырваться изъ неудовлетворявшей ее обстановки, она была теперь въ восхищеніи: ея дочь—супруга великаго князя, наслѣдника, будущаго императора; какъ возвысится она сама, жена мелкаго князя, служившаго у короля прусскаго! Совершенно иное думала ея 14-лѣтняя дочь. Она уѣзжала изъ родной страны. Тихій Штетинъ съ его будничнымъ видомъ, скромная обстановка дѣтства, любимый и уважаемый отецъ — все это она покидала, все это видѣла въ послѣдній разъ. На чужой сторонѣ, дѣлавшейся ея новымъ отечествомъ, въ Россіи, суждено было осуществиться завѣтнымъ ея мечтамъ о величіи, славѣ. Она, впрочемъ, уже знала кое-что о русскихъ, о землѣ ихъ. Въ семьѣ часто должны были слышаться разговоры на эту тему; окружающіе и мать разсказывали юной принцессѣ о бракѣ Карла-Фридриха, дяди ея, съ Анной Петровной, о нѣжной склонности царицы Елизаветы къ другому дядѣ принцессы, преждевременно умершему Карлу-Августу. Еще на памяти было недавнее пребываніе здѣсь русскихъ отрядовъ, но всего болѣе толковъ было объ удивительномъ русскомъ царѣ Петрѣ Великомъ, о недавнемъ его царствованіи, чисто геройской по самоотверженности любви его къ родинѣ, для блага которой положилъ онъ всю свою нечеловѣческую энергію, пожертвовалъ силы, здоровье и жизнь. Образъ этого царя-гиганта носился въ воображеніи молодой дѣвушки... Она будетъ со всѣмъ пыломъ подражать великому императору: это ея идеалъ; а если она захочетъ полюбить Россію, если это необходимо,—она съ полной готовностью разовьетъ и укрѣпитъ въ себѣ такую любовь: благо народа, государства будетъ и ея конечной цѣлью. Сколько труда и заботъ надо будетъ перенести Августѣ для достиженія ея,—надо понять духъ націи, проникнуться ея интересами, узнать народъ, изучить его исторію, языкъ, бытъ и пр. Въ этомъ отношеніи она надѣялась на свои силы. Она должна вынести все, но корона, которая увѣнчаетъ ее, будетъ еще ярче сіять на головѣ ея. Такъ рѣшила Софія-Фредерика-Августа...

Императоръ Петръ III.

[20]) Въ бум. кн. Безбородко «Восемнадцатый вѣкъ», I, (въ нач.).

[21]) Письмо, заимств. изъ соч. Зибика, приводится Диринымъ, стр. 27.

Роскошь и великолѣпіе русскаго двора поразили, но не ослѣпили 14-лѣтнюю принцессу. Радушіе императрицы подкупало ее. Великій князь выказалъ большую радость, увидѣвъ кузину, былъ предупредителенъ и любезенъ, но только первые дни. Невѣста скоро поняла его. Онъ не цѣнитъ націи, надъ которой предназначается царствовать, дорожитъ лютеранствомъ, не любитъ окружающихъ его; вообще, онъ еще ребенокъ. Какъ кузенъ, онъ съ откровенностью близкаго родственника, поспѣшилъ сообщить своей невѣстѣ, что влюбленъ и готовъ жениться на одной изъ фрейлинъ императрицы, но по желанію ея долженъ жениться на ней, кузинѣ. Невѣста, разумѣется, не могла не покраснѣть отъ такого страннаго изліянія, и только благодарила Петра за такое довѣріе къ себѣ, но она не могла не замѣтить отсутствія здраваго смысла во многомъ, что онъ говорилъ ей[22]).

Быстро прошли торжества и удовольствія первыхъ дней встрѣчи. Цербстской принцессѣ надо было учиться. Своими способностями и прилежаніемъ она удивляла учителей. Особенно усердно принялась она за русскій языкъ; вставая по ночамъ, тайкомъ ото всѣхъ, она учила уроки по русскому языку, задаваемые ей преподавателемъ Ададуровымъ[23]). Въ годъ она уже довольно свободно писала и объяснялась съ самой Елизаветой. Съ присущей ей проницательностью, принцесса усвоила духъ языка, со всѣми его неисчерпаемыми богатствами, фигурами, пословицами и поговорками. Ей уже не трудно стало читать русскія книги, присылаемыя для нея изъ библіотеки Академіи и покупаемыя самой неустанной читательницей. Бывшій законоучитель Петра Ѳеодоровича, Тодорскій наставлялъ ее въ православной вѣрѣ и Законѣ Божіемъ. Во время своихъ уединенныхъ занятій по ночамъ ученица простудилась и опасно заболѣла. Страшно обезпокоенная императрица обнаружила всю свою материнскую заботливость и нѣжность къ боровшейся между жизнью и смертью больной. Чувствуя себя очень плохо, больная попросила къ себѣ духовника Тодорскаго, вмѣсто лютеранскаго пастора, за которымъ послала было ея мать. Это особенно расположило къ Софіи государыню и весь дворъ[24]). Что касается перемѣны вѣры, то, несмотря на неохоту матери и упорство отца Софіи Христіана-Августа, Елизавета Петровна съ помощью Фридриха прусскаго, убѣдившаго, наконецъ, упрямаго Христіана, добилась того, что скоро назначенъ былъ день для торжественнаго перехода невѣсты въ православіе. Мать ея, послѣ долгихъ разговоровъ съ духовными о различіи вѣроисповѣданія, нашла, что въ православіи нѣтъ заблужденій, и въ лютеранскомъ и въ русскомъ катихизисѣ суть одна, перемѣнены одни только слова. Такъ

Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна.
Съ гравюры Штенглина.

[22]) Записки Екатерины.
[23]) Записки Екатерины.
[24]) Записки Екатерины.

смотрѣла и дочь, которая писала въ Штетинъ отцу[25]), что не находитъ разницы между греческой и лютеранской вѣрою, внѣшніе обряды лишь различны, что она перемѣнитъ исповѣданіе и пришлетъ ему православный символъ вѣры. Наконецъ, отъ родителя получено было согласіе и благословеніе[26]). Въ концѣ іюля въ придворной церкви принцесса приняла публично исповѣданіе православнаго греческаго закона, послѣ чего отъ епископа Новгородскаго помазана св. мѵромъ, наименована Екатериной Алексѣевной и причастилась Св. Тайнъ. Передъ этимъ она говѣла, постилась и не являлась при дворѣ. Въ церкви она держалась съ такимъ благородствомъ и граціей, что всѣ пришли въ умиленіе. «Съ благочиніемъ соединенное усердіе при томъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что ея императорское величество, сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержаться» (С.-Петерб. Вѣдом. 1744 г.)[27]). Нечего говорить, какими драгоцѣнностями задарила ее императрица. На слѣдующій день, въ именины Петра Ѳеодоровича, именинникъ былъ обрученъ съ Екатериной Алексѣевной, получившей теперь титулъ великой княжны. Въ іюлѣ царская фамилія уѣхала въ Кіевъ до октября.

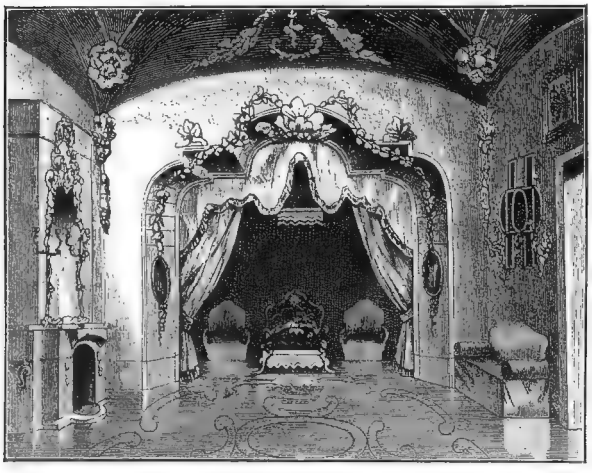
За все время пребыванія въ Россіи, Екатерина вполнѣ освоилась съ окружающими, поняла характеры государыни, жениха, придворныхъ; она хорошо чувствовала жизнь русскаго двора, деспотизмъ вельможъ, смѣнявшійся униженной угодливостью, запутанную нить интригъ, личныхъ и политическихъ. Вотъ гдѣ, дѣйствительно, пригодилась ея выдержанность, проницательность и осторожность. Положеніе опредѣлилось, поведеніе ея было для нея ясно. Результаты не замедлили появиться: покорностью передъ Елизаветой, тактомъ, скромностью она завоевала всѣ симпатіи государыни. Проявленіемъ религіозности новообращенной въ неукоснительномъ исполненіи обрядовъ русской Церкви было много выиграно въ глазахъ ревнительницы православія, императрицы, въ глазахъ всѣхъ окружающихъ и, наконецъ, народа [28]). Совершенную противоположность ей въ этомъ отношеніи представляла мать Екатерины. Всѣмъ скоро бросилась въ глаза мелочность ея, эгоистичность; Іоганна-Елизавета не могла не окунуться въ омутъ интригъ и козней двора, гдѣ сейчасъ же занялась политикой. Сама императрица дѣлала ей строгіе выговоры за непрошенное участіе въ политикѣ. Въ концѣ концовъ, дѣло кончилось удаленіемъ ея изъ предѣловъ Россіи [29]) тотчасъ же послѣ свадьбы Петра и дочери ея. Скоро былъ отпущенъ и Брюммеръ.

Великая княжна Екатерина сторонилась отъ всякихъ интригъ и заискиваній, понимая, къ чему могутъ повести они. Съ начала слѣдующаго года (1744) государыня и дворъ жили въ Петербургѣ. Молодая княжна почувствовала себя свободнѣе. Кончились путешествія и переѣзды, парадные спектакли и увеселенія, въ которыхъ она, будучи на виду Елизаветы и придворныхъ, ни одного дня не могла остаться сама съ собой, распорядиться временемъ по своему усмотрѣнію, отдохнуть отъ окружающей офиціальности, отъ своей искусной, выдержанно веденной роли, не дешево стоившей самой княжнѣ. Уединеніе, спокойствіе и досугъ, жизнь въ отведенныхъ ей отдѣльныхъ комнатахъ дали ей возможность возобновить любимое занятіе — чтеніе. Здѣсь посѣтилъ ее старый знакомый графъ Гилленборгъ, по совѣту котораго она стала читать серьезныя книги: біографіи великихъ людей, Плутарха, жизнь Цицерона, историко-философское изслѣдованіе Монтескье о римской республикѣ. Вліяніе графа на Екатерину было очень значительно.

---

[25]) Сборникъ Рус. Истор. О-ва, т. VII.
[26]) Соловьевъ XXI, 4.
[27]) Привед. у Соловьева.
[28]) Записки Екатерины II.
[29]) Записки Екатерины (17).

Они много бесѣдовали о ея настоящемъ положеніи, о дальнѣйшемъ ея самовоспитаніи. Разговоры эти давали обильную пищу развивающемуся «философскому уму» великой княжны, укрѣпляли величіе души, силу воли. Твердость и почти стоическая невозмутимость во всякихъ превратностяхъ судьбы, самообладаніе въ самыхъ критическихъ моментахъ — такія цѣнныя качества можно будетъ скоро замѣтить у ревностной послѣдовательницы Гилленборга. Уроки русскаго языка и музыки шли своимъ чередомъ. Надо сказать при этомъ, что серьезныя разсужденія не заглушали въ ней живыхъ потребностей возраста: пятнадцатилѣтній «философъ», она весело играла по вечерамъ въ жмурки съ молодыми фрейлинами, рѣзвилась и дурачилась, пользуясь тѣмъ, что гр. Разумовская, приставленная смотрѣть за нею, забывала все за игрой въ карты въ сосѣдней комнатѣ. Веселость была, вообще, присуща характеру будущей императрицы. Она уже формировалась въ женщину, кокетство, желаніе нравиться, наряды, сознаніе своей привлекательности—все это было далеко не чуждо ей. Способностью своей быть привѣтливой, казаться предупредительной она завоевывала всеобщія симпатіи. Всякій, поговоривъ съ ней четверть часа, чувствовалъ себя какъ бы старымъ ея знакомымъ[30]).



Спальня Петра III въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ. Съ гравюры первой половины 18-го столѣтія.

Императрица Елизавета, выписавшая племянника и назначившая его наслѣдникомъ престола, спѣшила и съ женитьбой его. День бракосочетанія былъ, наконецъ, рѣшенъ. Жениху было семнадцать лѣтъ. Организмъ его былъ слабъ и неразвитъ. Какъ на грѣхъ онъ за полгода до свадьбы опасно заболѣлъ, какъ опредѣлили доктора, корью. Не оправившись отъ болѣзни, онъ съ невѣстой долженъ былъ переѣзжать изъ Москвы въ Петербургъ. На полдорогѣ онъ снова занемогъ; открылся сильный жаръ, появились пятна на тѣлѣ. Это была вѣтряная оспа, продолжавшаяся 1½ мѣсяца и оставившая слѣды на лицѣ выздоровѣвшаго. Невѣста, изолированная отъ больного, съ трудомъ узнала его: такъ онъ измѣнился, вытянулся и такъ подурнѣлъ. По умственному развитію онъ оставался ребенкомъ. Не чувствуя никакого влеченія къ молодой княжнѣ, онъ не заботился, да и не умѣлъ скрывать этого, для виду забѣгая къ ней по вечерамъ, но обычно онъ предпочиталъ оставаться на своей половинѣ, гдѣ предавался своимъ ребяческимъ забавамъ. При переѣздѣ съ государыней въ Лѣтній дворецъ, онъ пересталъ бывать у невѣсты, которая жила съ матерью въ другомъ домѣ, и даже велѣлъ ей сказать, что живетъ слишкомъ далеко. Самолюбіе невѣсты страдало, она плакала наединѣ, но гордость не позволяла ей выказывать свое несчастіе; это она считала унизительнымъ[31]). Мать также обращалась съ ней очень холодно и офиціально. Мелочностью и раздражительностью она скоро вооружила противъ себя и Петра Ѳеодоровича. Злопамятный князь долго не могъ забыть, какъ она устроила скандалъ по поводу опрокинутой имъ нечаянно шкатулки. Злоба была

---

[30]) Записки Екатерины.
[31]) Записки Екатерины.

обоюдная: они всегда готовы были оскорблять другъ друга; положеніе невѣсты было очень тяжелое: обѣ стороны считали себя правыми и не мирились. Въ довершеніе всего сама государыня часто косо посматривала на княжну, причиной чего были всякіе непровѣренные наговоры. Были случаи строгихъ порицаній, большею частью несправедливыхъ, вродѣ, напримѣръ, упрека въ чрезмѣрныхъ расходахъ, нарушеніи невѣстой придворнаго этикета, совершенно невинныхъ шалостей и т. п.

Екатерина откровенно заявляла, что съ приближеніемъ дня свадьбы, меланхолія все болѣе овладѣвала ею. «Сердце не предвѣщало мнѣ счастья»—пишетъ она,—«только честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ моей души было что-то, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь того, что сдѣлаюсь самодержавной русской императрицей». Это былъ главный мотивъ, руководившій будущей государыней. Цѣль выяснилась опредѣленно; энергіи было у нея въ избыткѣ. Впослѣдствіи въ шуточной эпитафіи[32]) себѣ самой, Екатерина писала: «Екатерина II... прибыла въ Россію, чтобы выйти замужъ за Петра III. Будучи 14 лѣтъ, она составила себѣ тройной проектъ,—понравиться мужу, Елизаветѣ и націи. Она ничего не упустила, чтобъ имѣть успѣхъ»... Шутка, въ которой все правда. Она пустила въ ходъ всѣ средства своей богато одаренной натуры. Когда она отчаялась въ выполненіи перваго условія—понравиться великому князю, то удвоила старанія для выполненія второго и третьяго. Симпатія императрицы Елизаветы быстро смѣнялась холодностью, часто раздраженіемъ и гнѣвомъ къ молодой Екатеринѣ, но и здѣсь обнаружилась тонкая, осторожная, но идущая навѣрняка игра ея юной партнерши. Глубокое знаніе психологіи, выдержка и тактъ, ясность соображенія даже въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ, гдѣ, казалось, иному и не сдобровать,—все это ни на минуту не измѣняло Екатеринѣ. Увѣренность въ себѣ, въ своемъ будущемъ дѣлала ее неутомимой, способной даже рискнуть въ рѣшительный моментъ. Меланхолія ея сразу исчезала въ такіе моменты, и активная, сильная натура являлась налицо. Строго говоря, рискъ въ ея дѣйствіяхъ никогда не былъ слѣпымъ рискомъ игрока: элементъ увѣренности въ себѣ доминировалъ у нея всегда.

Спальня Екатерины II въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ. Съ гравюры первой половины 18-го столѣтія.

25 августа 1745 года состоялось бракосочетаніе Екатерины и Петра Ѳеодоровича съ большимъ торжествомъ. Императрица лично входила во всѣ мелочи приготовленія къ торжественному церемоніалу. Любительница роскоши и блеска, она весьма хлопотала о немъ. Скоро послѣ свадьбы Екатерина трогательно прощалась съ матерью. Онѣ не видѣлись болѣе. Молодые, однако, оставались въ прежнихъ отношеніяхъ. Въ шестнадцатый день послѣ свадьбы супругъ довѣрилъ женѣ тайну, что влюбленъ въ одну фрейлину государыни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—новое признаніе въ любви къ другой. Трудно было молодой княгинѣ бороться со своимъ самолюбіемъ; ревности, конечно, быть

[32]) Въ «Запискахъ», изд. Акад. Наукъ, т. III, 1863 г.

не могло. Иногда же великій князь дѣлалъ Екатерину повѣренной въ своихъ дѣтскихъ проектахъ разныхъ фантастическихъ желаній. Между тѣмъ, къ молодымъ супругамъ назначены были мужъ съ женой Чоглоковы «для ежедневнаго обхожденія», и Чоглокова объявила княгинѣ отъ имени ея императорскаго величества, что доступъ ея къ послѣдней безъ приглашенія не допускается, и всякаго рода просьбы должны передаваться черезъ нее, Чоглокову [33]).

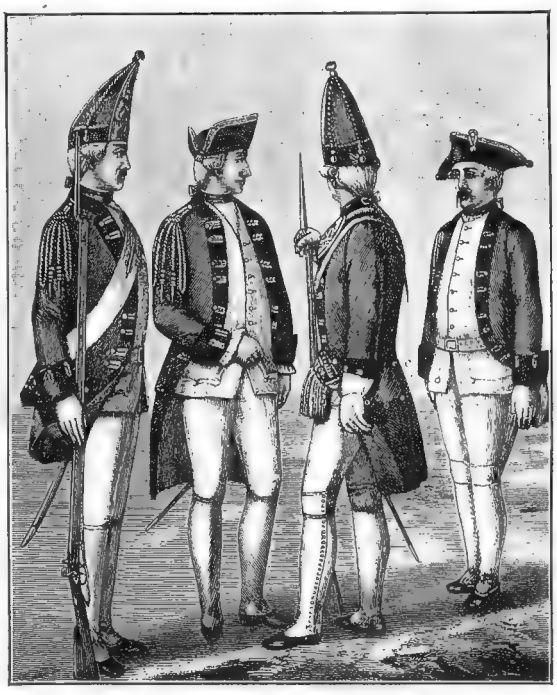
Начался, въ сущности, формальный полицейскій надзоръ, далеко не всегда исправный. Камеръ-фрау Крузе[34]) ухитрялась приносить князю игрушки; днемъ ихъ прятали подъ кровать, а послѣ ужина восемнадцатилѣтній ребенокъ съ увлеченіемъ игралъ въ нихъ въ запертой спальнѣ до глубокой ночи, пока ему не хотѣлось спать. Екатеринѣ приходилось быть невольной сообщницей мужа. Незамѣтно онъ сформировалъ изъ своихъ кавалеровъ и слугъ маленькій полкъ. Тогда молодые жили въ Петергофѣ; подъ окнами своего дворца Петръ уже разводилъ караульныхъ. По пріѣздѣ его въ Ораніенбаумъ, все стало тамъ по-военному; всѣ дни проводились на гауптвахтѣ, маршировка смѣнялась другими военными упражненіями. Отъ дѣла серьезнаго бралась только внѣшняя сторона; обширное дѣло было не по немъ: онъ стремился дать ему маленькіе размѣры, низвести до дѣтской игрушки; всякій серьезный вопросъ, требованіе подумать были ему тяжки и непріятны. Петръ подчинялся первому своему порыву, пожеланію. То игралъ на скрипкѣ, заботясь особенно о силѣ звука, терзая слухъ окружающихъ, которые не могли показать и виду неудовольствія, то хлопалъ бичемъ при дрессировкѣ собакъ, то устраивалъ маскарады, гдѣ плясали переряженные лакеи и служанки его жены; поздняя ночь лишь прерывала веселье.

Вольтеръ. Портр. Barat, грав. въ Россіи 1777 г. Изъ коллекціи В. М. Соболевскаго.

Среди этого шума и гвалта, врывавшагося иной разъ и въ спальню княгини вмѣстѣ съ запахомъ сосѣдней псарни, жила Екатерина. «Съ самой моей свадьбы я только и знала, что читала», писала она впослѣдствіи. Въ первый годъ она зачитывалась романами. Это ей надоѣло. Вскорѣ ревностной читательницѣ попадаются подъ руки «Письма г-жи Севинье»; заинтересованная, она «проглатываетъ» ихъ и затѣмъ съ большимъ увлеченіемъ и вниманіемъ надолго останавливается на твореніяхъ Вольтера. Въ Петербургѣ въ 1754 году у ней родился сынъ, будущій императоръ Павелъ; скоро послѣ родовъ она въ Зимнемъ дворцѣ «съ твердой рѣшимостью не выходитъ изъ своей комнаты до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ достаточно силъ, для преодолѣнія своей ипохондріи», продолжаетъ чтеніе «Исто-

[33]) У Соловьева, т. XXIV, гл. 12.
[34]) Записки Екатерины.

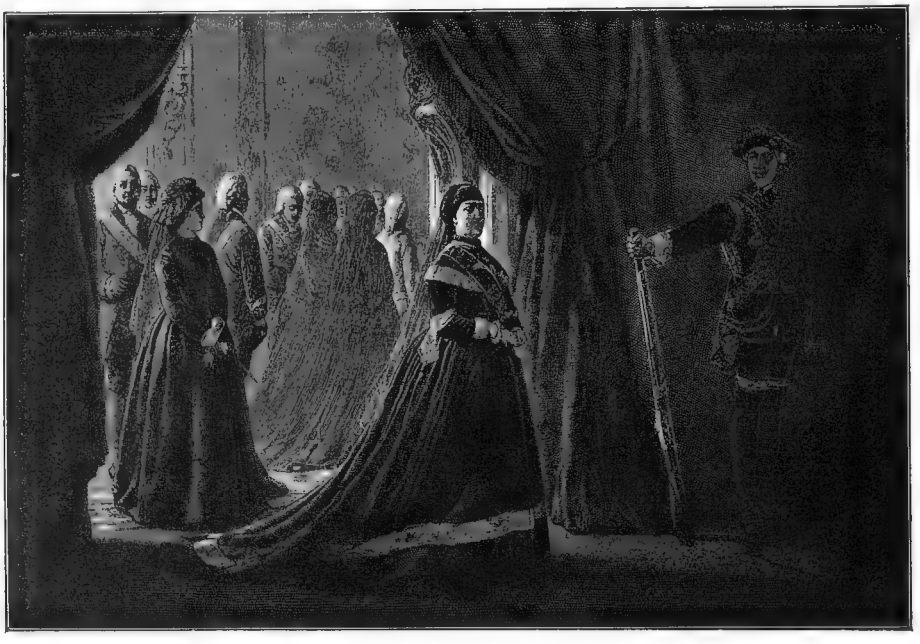
рі и Германіи», берется за всеобщую исторію Вольтера. Въ тоскливомъ одиночествѣ читала она столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, и, между прочимъ, обширную «Церковную исторію» ученѣйшаго кардинала Бароніуса. Увлекаясь знаменитымъ сочиненіемъ Монтескье «Духъ законовъ», она уже дѣлаетъ выписки изъ него, проникается всецѣло идеями, которыя войдутъ впослѣдствіи въ ея «Наказъ». Но выше всѣхъ для нея стоялъ Вольтеръ. Онъ ея учитель. «Его произведенія образовали мой умъ, мою голову», говоритъ она. Сдѣлавшись императрицей, она вступила въ переписку съ Вольтеромъ, относилась къ философу съ энтузіазмомъ, съ обожаніемъ. Въ 1758 году эта «философка, насколько возможно не дающая волѣ страстямъ», упивается первыми томами Энциклопедіи Дидро[35]). Она уже успѣла прочитать и величайшаго историка древности Тацита. Развиваясь умственно, Екатерина ни на минуту не упускала и практической стороны жизни. Заставляла, напримѣръ, свою камеръ-фрау Владиславову, великолѣпно знавшую родословныя всѣхъ почти извѣстныхъ фамилій, разсказывать всю, такъ сказать, хронику ихъ событій, эпохи, чуть не за сто лѣтъ, всевозможные анекдоты прошлаго, преданія старины. Привѣтливостью она привлекала къ себѣ окружающихъ. Свою привлекательную наружность и природную грацію она сама сознавала. Женщина чувствовала силу, знала цѣну своей обаятельности. Ей душно было въ той тѣсной замкнутой обстановкѣ, вѣдь не все же отдаваться уединенному самообразованію. Строгіе Чоглоковы были причиной многихъ слезъ княгини. Никто изъ постороннихъ не долженъ былъ допускаться въ ея комнаты. Возможно ли было ей не пуститься на хитрости, чтобы обмануть бдительность этихъ «аргусовъ»[36]). Молодая княгиня дѣйствовала весьма осмотрительно. Веселое общество, непринужденная бесѣда, развлеченія, танцы—были необходимой потребностью жизнерадостной, пышущей здоровьемъ и молодостью Екатерины. Она легко бросала свою «ипохондрію» и всецѣло забывалась въ такой вольной, не связанной правилами этикета компаніи. Кромѣ того, она и въ образѣ жизни, въ распредѣленіи часовъ занятій и отдыха дѣйствовала, по мѣрѣ возможности, по своему усмотрѣнію. Лѣтомъ вставала въ три часа утра, одѣвалась сама въ мужской костюмъ[37]) и въ сопровожденіи стараго егеря отправлялась на охоту. Они садились въ лодку и стрѣляли утокъ въ тростникахъ Ораніенбаумскаго канала. Любительница сильныхъ ощущеній, она не боялась, когда бурный вѣтеръ уносилъ иногда ихъ челнокъ въ открытое море. Екатерина страстно любила верховую ѣзду. Чѣмъ горячѣе, опаснѣе была лошадь, тѣмъ



Форма Голштинскихъ войскъ при Петрѣ III.
Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одежды и вооруженія русскихъ войскъ».

[35]) Письмо къ Іог.-Елизаветѣ. Сб. Ист. О-ва VII, т. 72.
[36]) Инструкціи, данныя Чоглоковой смотри у Соловьева, Ист. Рос.
[37]) Записки Екатерины.

веселѣе чувствовала себя амазонка. Въ нарядахъ княгиня обнаруживала вкусъ и стремилась къ оригинальности; она выдѣлялась на придворныхъ балахъ изящной простотой костюма, что нравилось особенно императрицѣ. Въ танцахъ она была едва ли неутомимѣе, чѣмъ въ верховой ѣздѣ. Отношенія Чоглоковыхъ къ молодой княгинѣ стали улучшаться. Послѣ смерти Чоглокова должность его перешла къ Александру Шувалову, начальнику страшной «Тайной канцеляріи». Въ союзѣ съ Салтыковымъ и съ его помощью, Екатерина постаралась ликвидировать непріятныя отношенія съ канцлеромъ. Бестужевъ съ радостью пошелъ навстрѣчу и съ готовностью предлагалъ свои услуги. Для великой княгини это былъ полезнѣйшій человѣкъ. Наступила пора, когда въ жизни ея наступилъ нѣкоторый просвѣтъ. Она дѣйствуетъ теперь увѣреннѣе. «Въ своемъ уединеніи, послѣ многихъ и

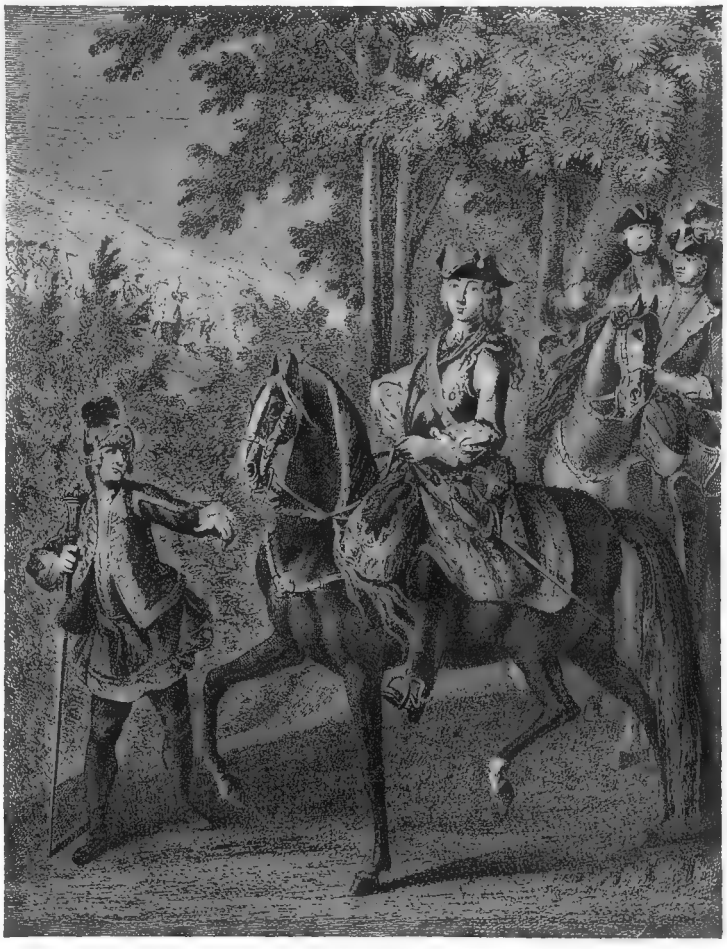


Ге. Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы Петровны.
Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

многихъ размышленій, я рѣшилась... доказать тѣмъ, кто причинилъ мнѣ столько различныхъ огорченій, что меня нельзя оскорблять безнаказанно, и что со мной надо обращаться хорошо, если хотятъ склонить меня въ свою пользу и заслужить мое расположеніе»[38]). Скромная прежде великая княгиня не замедлила вмѣшаться теперь и въ политику. Это стало извѣстно императрицѣ; государыня преисполнилась гнѣва, и большинство придворныхъ стали сторониться опальной княгини; тутъ, казалось, отчаяніе овладѣло Екатериной. Она просила передать государынѣ просьбу объ отсылкѣ ея на родину. «Оставленная всѣми, ненавидимая великимъ княземъ и вовсе не любимая императрицей, я, наконецъ, хочу успокоиться, никому не быть въ тягость и причинять несчастія тѣмъ, кто меня любитъ», жаловалась она Шувалову[39]). Она написала письмо императрицѣ, гдѣ благодарила за всѣ благодѣянія имилости, и просила положить конецъ ея несчастіямъ и

[38]) Записки Екатерины.
[39]) Записки Екатерины.

отослать ее къ родным. Сына она не видитъ, но, зная, какъ печется о немъ ея величество, она спокойна за него. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Вскорѣ расположенный къ Екатеринѣ духовникъ устроилъ ей свиданіе съ императрицей, которая была тронута слезами княгини и возмущена безтактностью Петра Ѳедоровича. Второе свиданіе съ Елизаветой покончило непріязненныя отношенія; вопросъ былъ исчерпанъ. Екатерина почувствовала себя хозяйкой положенія.



Императоръ Петръ III со свитою.
Съ гравюры I. E. Ридингеръ.

Что касается великаго князя, то императрица давно уже знала, что это за человѣкъ. Она плакала и жаловалась, что Богъ далъ ей такого наслѣдника. Есть извѣстія, что она одно время думала лишить его права на престолъ, отчаиваясь за судьбу Россіи при будущемъ царѣ. Великій князь не снималъ съ себя голштинскаго мундира и расхрабрился до того, что выписалъ себѣ изъ родного Киля цѣлый отрядъ, который и прибылъ въ Ораніенбаумъ. Дворецъ охранялся здѣсь караулами изъ 2-хъ русскихъ полковъ; солдаты, глядя на голштинцевъ, говорили: «эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю, вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ». Скоро этотъ отрядъ увеличился до 1.300 человѣкъ. Разные авантюристы занимали въ немъ офицерскія мѣста, обѣдали и ужинали съ великимъ княземъ.

Здоровье Елизаветы Петровны въ 1760 году стало замѣтно хуже; въ слѣдующемъ году она не выѣзжала никуда, за исключеніемъ переѣзда лѣтомъ въ Петергофъ. Въ Петербургѣ въ первый день Рождества Христова она скончалась. Передъ смертью она, прощаясь съ племянникомъ и Екатериной, завѣщала ему любить своихъ подданныхъ, жить въ согласіи съ женой, заботиться о сынѣ. Великая княгиня обнаружила благоговѣніе при совершеніи печальныхъ обрядовъ, и очевидцы не замедлили отнеститься съ похвалой поведенію ея у гроба Елизаветы. Когда императрица испустила послѣдній вздохъ, старшій въ Сенатѣ

кн. Трубецкой торжественно объявилъ о восшествіи на престолъ императора Петра III.

Въ первый же день воцаренія новымъ императоромъ были посланы курьеры въ дѣйствующую армію, съ приказомъ прекратить военныя дѣйствія противъ Фридриха[40]). Ревностный «слуга короля», какъ называлъ себя императоръ, возвратилъ всѣ завоеванныя у него земли, купленныя такой дорогой цѣной. Участіе въ войнѣ стоило русскому государству громадныхъ затратъ, въ жестокихъ битвахъ было пролито много русской крови. Врагъ сталъ союзникомъ государя, но это не значило, что пруссаки стали друзьями Россіи. Упрямый Петръ бросилъ ей вызовъ, не видя или не считаясь съ ропотомъ общества, съ увеличивающимся «всенароднымъ» негодованіемъ, описаннымъ Болотовымъ[41]). Зато первые указы въ области внутренняго государственнаго устройства нѣсколько говорятъ въ пользу императора, характеризуя его доброту и гуманность.

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Скоро послѣ одного засѣданія Сената, гдѣ было объявлено о желаніи государя дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, — вышелъ манифестъ о вольности дворянской. По этому манифесту всѣ дворяне, числящіеся какъ на военной, такъ и на гражданской службѣ, по желанію имѣли право продолжать службу, или выходить въ отставку, послѣднее не разрѣшалось только во время кампаніи. Гуманностью вѣетъ и отъ указа, уничтожавшаго страшную Тайную Канцелярію. Дѣла изъ упраздненной навсегда Тайной Канцеляріи переходятъ въ Сенатъ и «за печатью, къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся». Зловѣщее «слово и дѣло» считается теперь простымъ нарушеніемъ тишины и спокойствія и влечетъ за собою наказаніе, обыкновенно примѣняемое полиціей къ озорникамъ и безчинникамъ. Тайная Канцелярія съ своими допросами, съ пристрастіемъ, съ кнутомъ и дыбой и прочими ужасными аксессуарами, въ застѣнкахъ которой безъ суда, безъ слѣдствія пытали взятыхъ по одному подозрѣнію или наговору,—отошла, наконецъ, въ область преданій. Наконецъ, явился указъ о раскольникахъ. Въ немъ указывалась вся несостоятельность прежнихъ административныхъ притѣсненіи къ старообрядцамъ, заставлявшихъ ихъ толпами бѣжать изъ предѣловъ государства, спасаться за границу, жить въ Польшѣ и другихъ земляхъ «безполезно» (для отечества). Раскольники—тѣ же христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ; поэтому препятствовать

---

[40]) Шестимѣсячное царствованіе Петра III занимаетъ I главу 25-го тома Ист. Россіи Соловьева; Брикнеръ Ист. Екатерины II, см. гл. IV, т. I-го. Бильбасовъ Ист. Екат. II, т. I. Ключевскій Курсъ Р. Ист., ч. 4-я, конецъ. Записки Болотова, Штелина, Сабурова (въ Рус. Архивѣ за 1869 г.).

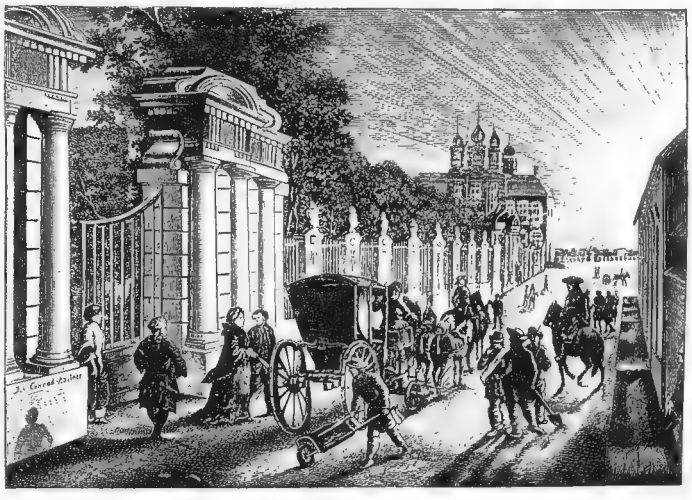
[41]) Болотовъ. Записки въ «Русск. Старинѣ», 1870 г.

ихъ обрядамъ не слѣдуетъ точно такъ же, какъ этого не принято по отношенію къ магометанамъ, идолопоклонникамъ, живущимъ невозбранно внутри Россійской имперіи; во всякомъ случаѣ, отвращать ихъ должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ. Громадное количество раскольниковъ возвратились теперь на родину. Имъ были предоставлены земли въ Сибири, Барабинской степи и др. Дѣла ихъ вѣдались въ раскольничьей конторѣ; непосредственно въ контору эту раскольники и должны были платить деньги за расколъ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Съ гравированнаго портрета Скородумова.

Неровность характера государя, — податливость вліянію и совѣтамъ, смѣняемая упрямствомъ и самоувѣренностью, была хорошо извѣстна приближеннымъ; первое качество было, конечно, всецѣло къ его собственной пользѣ и даже популярности: благія намѣренія и помыслы канцлера или секретаря приводились въ жизнь въ формѣ указовъ, за подписью государя императора. Доброта императора непосреднѣе выразилась въ возвращеніи многихъ вельможъ, находившихся въ ссылкѣ, заключенныхъ при Елизаветѣ въ крѣпости. Наталья Лотринъ, старый Минихъ съ сыномъ, Биронъ съ семьей, графъ Лестокъ появились снова на виду. Одинъ Бестужевъ былъ обойденъ милостью, къ недоумѣнію и огорченію всего общества. Недаромъ онъ былъ когда-то союзникомъ молодой Екатерины.

Но проектомъ реформъ управленія монастырскими землями, вотчинами, введеніемъ административнаго контроля въ доходы монастырей, направленіемъ въ каз(въ коллегію экономіи) взносовъ монастырскихъ крестьянъ Петръ вооружилъ противъ себя духовенство. Онъ хотѣлъ реформировать и религію, но только чисто внѣшнимъ образомъ. Петръ I брилъ бороды боярамъ и одѣвалъ ихъ въ нѣмецкое платье, Петръ III приказалъ обрить[42]) бороды священникамъ и нарядиться въ одежду иноземныхъ пасто-



Отъѣздъ Екатерины II изъ Петергофа въ Петербургъ 28 іюня 1762 г. Съ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины II и находящагося въ Эрмитажѣ.

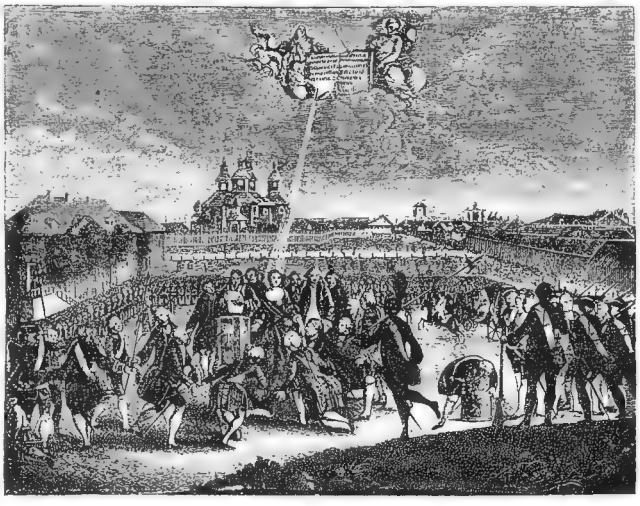
[42]) Записки Болотова.

ровъ. Это было рискованнѣе, нежели переодѣвать гвардейскихъ солдатъ въ прусскіе мундиры. Но какъ должно было возмутиться духовенство съ своей паствою иконоборческими посягательствами императора, приказывавшаго вынести всѣ иконы изъ храмовъ, кромѣ Спасителя и Богородицы! Ропотъ дѣлался всенароднымъ. Явное предпочтеніе къ голштинской гвардіи, оскорбительные отзывы о русскихъ гвардейцахъ, называемыхъ имъ «янычарами», переобмундировка ихъ въ прусскую форму, раздражали солдатъ и офицеровъ, а ежедневные вахтпарады и всякія воинскія упражненія въ присутствіи государя, съ мелочной придирчивостью видящаго въ каждой мелочи нарушеніе воинской дисциплины, могло возмутить всякаго.

Провозглашеніе Екатерины II Самодержавной Императрицей въ Казанскомъ соборѣ.

Съ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины II и находящагося въ Эрмитажѣ.

Понятно, что чувствовала государыня. Ей приходилось благоразумно держаться вдали отъ мужа, и все-таки не удавалось избѣгать публичныхъ оскорбленій расходившагося императора. Относительно положенія, занимаемаго тогда Екатериною, сообщенія иностранныхъ пословъ твердили одно и то же[43]): императрица не пользуется ни малѣйшимъ вліяніемъ при дворѣ, имѣетъ совершенно убитый видъ, обращаются съ ней съ явнымъ презрѣніемъ. Болѣе проницательные изъ иностранцевъ прибавляли, однако, что тутъ что-то не такъ. Такую безпомощность, покорность странно было видѣть въ энергичной и гордой дотолѣ натурѣ. Поэтому, хорошо знавшіе ее, не могли допустить, чтобы рано или поздно она не рѣшилась на какія-нибудь крайнія мѣры, тѣмъ болѣе, что у нея много друзей, готовыхъ для нея на все. Но послѣ переѣзда двора въ Зимній дворецъ (новый), государыня была помѣщена въ отдаленномъ концѣ его. Говори-



Присяга въ полкахъ въ присутствіи Екатерины II.

[43]) Сравни Соловьева, Брикнера, Дирина.

ли, что по разводѣ съ Екатериной, Петръ хотѣлъ заключить ее въ Шлиссельбургскую крѣпость вмѣстѣ съ сыномъ Павломъ. Манифестъ объ этомъ былъ уже готовъ. Всѣ чувствовали, что царицѣ не сдобровать, но, съ другой стороны, была какая-то увѣренность въ томъ, что она готова отразить роковой ударъ. Эта смутная надежда таилась въ массахъ, въ народѣ. Всѣ видѣли надменность государя, угнетенное положеніе Екатерины, ея христіанское терпѣніе, ея привязанность къ религіи, соблюденіе праздниковъ и постовъ. Ореолъ безвинной

Императрица Екатерина II. 28 іюня 1762 года.
Съ гравюры Новелли. Собраніе П. Я. Дашкова.

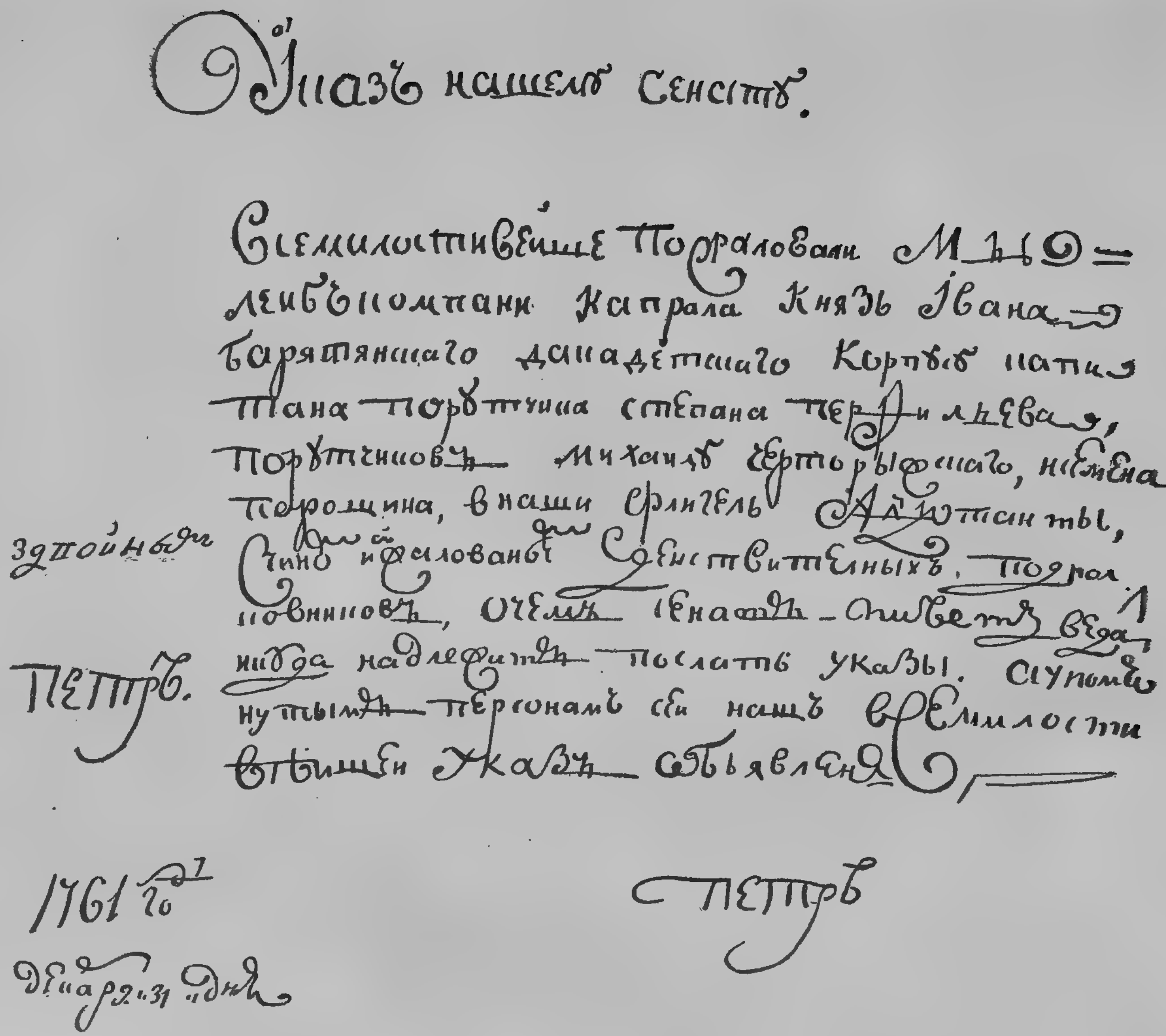
страдалицы могъ самъ собой явиться въ глазахъ народной массы. Екатерина, учитывая эти обстоятельства, дѣлала послѣдніе тактическіе шаги. Но важнѣе всего была для нея реальная, близко стоящая къ престолу сила—гвардейскіе полки.

Дѣятельнѣйшимъ сторонникомъ Екатерины изъ среды блестящей гвардейской молодежи былъ Григорій Орловъ. Поручикъ артиллеріи, онъ былъ популярнымъ офицеромъ (въ гвардіи), благодаря своему открытому и веселому нраву и щедрости. Такимъ же добрымъ малымъ считался красавецъ и силачъ братъ его Алексѣй. Пылкіе и отважные Орловы

предложили свои услуги обожаемой императрицѣ. Третій братъ ихъ Ѳеодоръ былъ также посвященъ въ заговоръ, въ который они безъ труда привлекли почти всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ, а за ними съ готовностью послѣдовали и солдаты. Параллельно съ этимъ и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовала на свой рискъ и страхъ, какъ, по крайней мѣрѣ, думала восторженная единомышленница государыни семнадцатилѣтняя кн. Дашкова, еще до смерти Елизаветы со всей страстностью молодой натуры поклявшаяся умереть за великую княгиню. Къ ней примкнулъ Никита Ив. Паникъ, воспитатель в. кн. Павла, а затѣмъ и гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій, пользовавшійся любовью гвардейцевъ, также поддерживалъ интересы Екатерины; онъ состоялъ тогда полковникомъ Измайловскаго полка. Тонко вела себя императрица: она играла какъ бы пассивную роль, дѣлая видъ, что предоставляетъ единомышленникамъ своимъ выручать ее. Она согласилась на все, чтобы спасти «отечество» и писала даже заговорщикамъ: «съ которымъ вы спасете и меня и себя также». Она дѣйствовала на благо отечества; всѣ смотрѣли на нее, какъ на надежду Россіи. Между тѣмъ, императоръ въ воинственномъ пылѣ объявилъ войну Даніи, преслѣдуя чисто политическую цѣль—возвращеніе Шлезвига. Неожиданность его рѣшенія и нелѣпость затѣи произвели общій переполохъ, перешедшій затѣмъ въ ожесточеніе. Петръ лично рѣшилъ уѣхать въ армію, несмотря на предупрежденія дяди Георга, прусскихъ приверженцевъ и самого короля, убѣдившаго его короноваться передъ походомъ. Самонадѣянный и упрямый Петръ, какъ и всегда, не послушалъ дружескихъ предостереженій, говоря, что самъ хорошо знаетъ своихъ подданныхъ. Итакъ, все было готово къ возстанію; масса горючаго матеріала дожидалась лишь искры, чтобы разгорѣться. Искра сверкнула: это былъ арестъ нетерпѣливаго, горячаго заговорщика капитана Пассека. Надо было предупредить опасность, собственную погибель. Орловъ бросился въ Петергофъ, разбудилъ Екатерину, сказавъ, что все готово для ея воцаренія, а Пассекъ арестованъ; она съ своей камеръ-фрау и любимцемъ въ каретѣ поспѣшила въ столицу. Измайловцы первые увидѣли у себя императрицу, которая объявила, что ищетъ у нихъ спасенія. Солдаты изъявили полную готовность защитить свою царицу отъ враговъ, и называли ее своей спасительницей; сейчасъ же привели священника и присягнули новой императрицѣ. Семеновскій полкъ шелъ навстрѣчу Екатеринѣ съ восторженнымъ «ура». Въ сопровожденіи этихъ двухъ полковъ она направилась къ Казанскому собору, гдѣ на молебнѣ ее провозгласили самодержавной; въ Зимнемъ дворцѣ Сенатъ и Синодъ былъ въ сборѣ. Тепловъ прочиталъ наскоро составленный манифестъ. Сюда же прибыли преображенцы, выражая огорченіе, что опоздали; за ними прискакала «кавалергардія», проявляя неописуемый восторгъ.

Наконецъ, началась присяга жителей Петербурга и остальныхъ войскъ. Надо было спѣшить захватить важнѣйшій пунктъ,—Кронштадтскую крѣпость. Туда отправился вице-адмиралъ Талызинъ; онъ подготовилъ солдатъ и арестовалъ коменданта Девьера. Солдаты срывали новую прусскую форму, переодѣвались въ старые зеленые мундиры, офицеры бросали свои голштинскіе наплечники, все голштинское топталось ногами.

Такъ, единодушно, какъ бы по готовому заранѣе расписанію, исполненному во всей точности до малѣйшихъ подробностей, былъ произведенъ переворотъ. Петръ уже не былъ императоромъ. Ничего не подозрѣвая, занятый своимъ голштинскимъ отрядомъ, онъ весело проводилъ время въ любимомъ Ораніенбаумѣ. Вѣсти о возмущеніи достигли, наконецъ, до него. Не вѣря имъ, онъ бросился было въ Петербургъ; Екатерины тамъ не было; Минихъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Кронштадтъ, къ вѣрному ему гарнизону, откуда можно дать отпоръ мятежникамъ. При извѣстіи о приближеніи императрицы къ нему съ 20.000-мъ войскомъ, Петръ и свита сѣли на лодки и поплыли къ крѣпости. Екатерина выступила изъ Петербурга съ войскомъ, «чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставя... сенаторамъ, яко верховному правительству, съ полной довѣренностью, подъ стражу—отечество, народъ



Указъ нашему Сенату.

Всемилостивейше пожаловали мы лейбкомпании капрала князь Ивана Барятинского да кадетского корпуса капитана порутчика Степана Перфильева, порутчиков Михаила Чарторыжского, Нежена порутчика, в наши флигель адъютанты, с чином и жалованьем действительных подполковников, о чем Сенату нашему ведать и куда надлежит послать указы. С упомянутым персонам сей наш всемилостивейший указ объявлен.

здвойным жа[...]

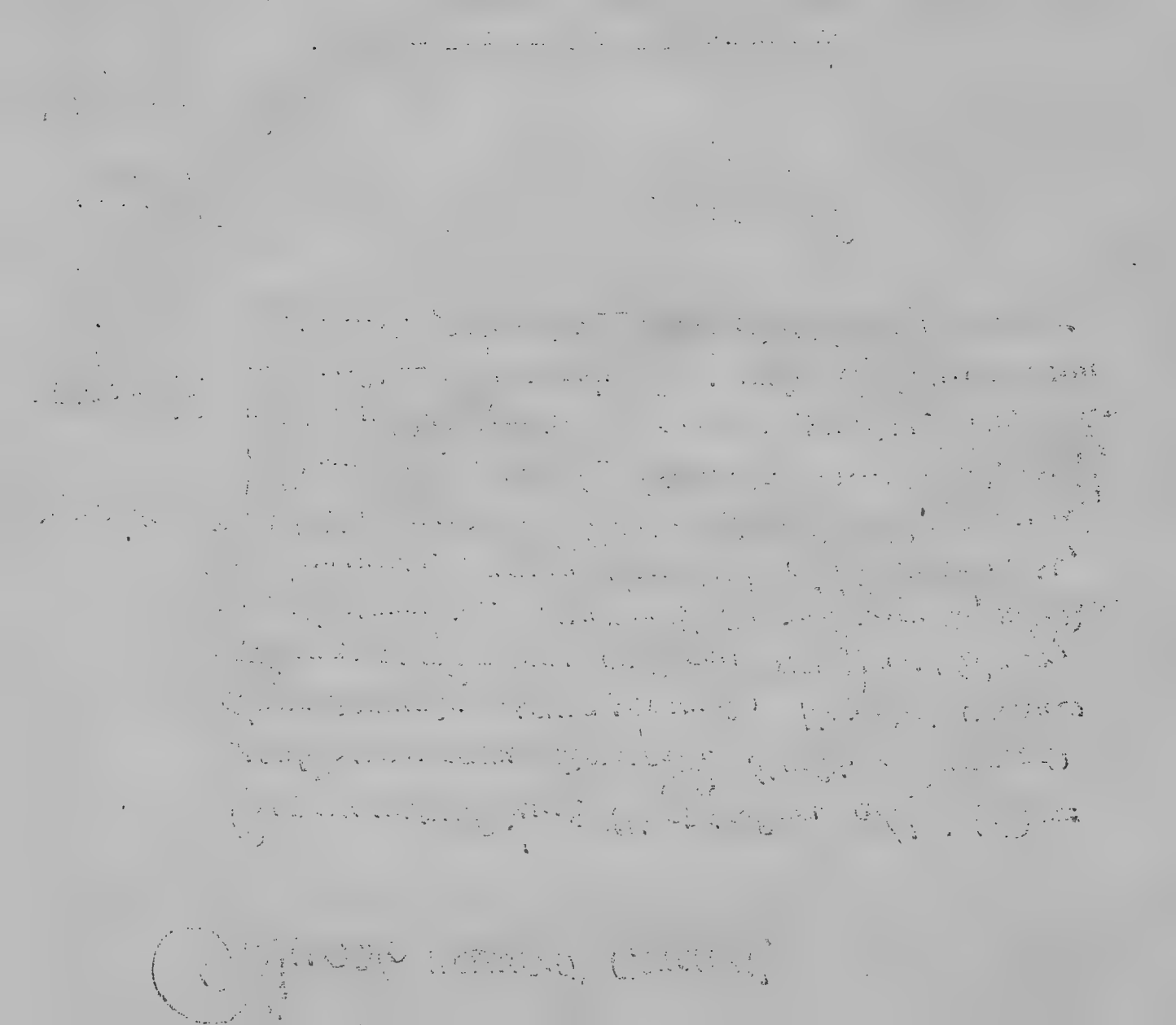
Петръ.

1761 го

генваря 31 дня

Петръ

Указъ Сенату Императора Петра III Барятинскому и др.



и сына». Въ указѣ Сенату отъ 28-го іюня[44]) сообщалось о ходѣ всего послѣдующаго. «Мы маршировали отъ Петербурга (въ Ораніенбаумъ) и на половинѣ дороги получили подлинное извѣстіе, что бывшій императоръ... оставя свои «мнимыя» голштинскія войска, ретировался на яхтахъ и галерѣ въ Кронштадтъ..., но входъ ему уже скороспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрепятствованъ былъ.» Когда Петръ потребовалъ, чтобы приняли государя, то «въ трубу отвѣтствовано было, что иного государя не знаютъ, кромѣ ея императорскаго величества, яко своей истинной государыни. Послѣднее ему объявлено было, чтобы немедленно ретировался, или «въ противномъ случаѣ пушками препровожденъ будетъ». Угроза эта и вѣсть о приближеніи Екатерины, «столь много отвагу его поразила, что убѣжище онъ немедленно возымѣлъ къ раскаянію, почему и прислалъ два письма, 1) о помилованіи, и 2) о скорѣйшемъ желаніи совершенно, навѣкъ свой отказаться отъ скипетра Россійскаго, была бы только жизнь его спасена; оный скипетръ съ великимъ усердіемъ и радостью оставить готовъ Екатеринѣ съ торжественнымъ во весь свѣтъ признаніемъ».

«Вступленіе наше на Всероссійскій императорскій престолъ»,—гласилъ манифестъ[45]) Екатерины,—«явное доказательство истины сей, что гдѣ сердца нелицемѣрныя дѣйствуютъ въ благое, тутъ рука Божія предводительствуетъ.» «Не имѣли ни намѣренія, ни желанія, такимъ образомъ воцариться—но Промыселъ опредѣлилъ намъ престолъ отечества Россійскаго воспріять.» Вся вина—на бывшемъ императорѣ, обнаружившемъ «малость духа къ правленію столь великой имперіи». «Видя погибающимъ отечество,—и свое опасное положеніе»,—объявляла императрица, «мы отдали себя, или въ жертву любезнаго отечества, или на избавленіе его отъ мятежа и кровопролитія.» Всеобщее желаніе «къ вѣрноподданству» было налицо. Въ концѣ манифеста говорилось о полученномъ отъ Петра добровольномъ, а не принужденномъ отрицаніи, письменномъ и своеручномъ отъ престола, которое онъ прислалъ государынѣ.

Въ манифестѣ приводилось и самое его письмо: «Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ», писалъ свергнутый государь, «самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобы могъ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства владѣть Россійскимъ государствомъ. Почему и восчувствовалъ я внутреннюю оную перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію вѣчнаго себѣ черезъ то безславія. Того ради помыслилъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно... объявляю торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрекаюсь».

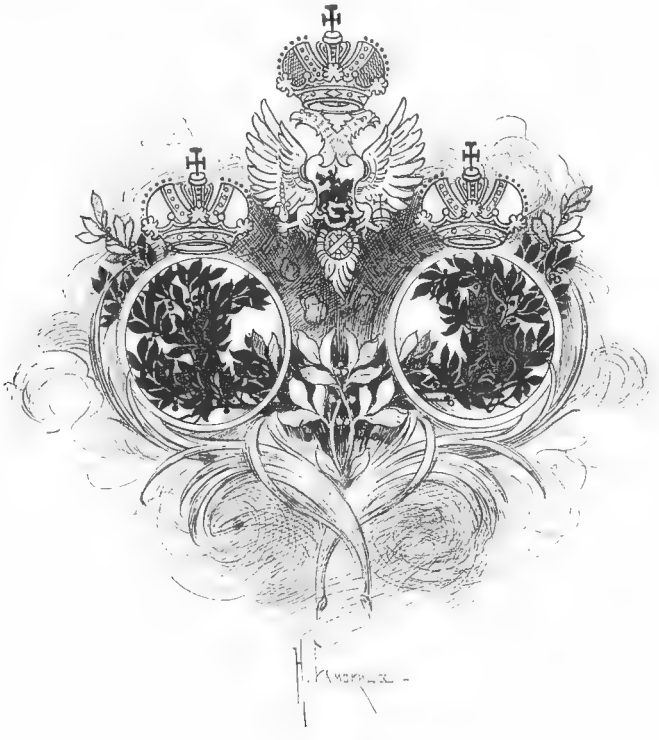
Бывшій императоръ былъ отвезенъ въ Петергофъ. Отсюда его перевезли въ Ропшинскій загородный дворецъ, а черезъ нѣсколько дней Екатерина была поражена внезапнымъ извѣстіемъ о смерти бывшаго императора. Погребеніе его состоялось въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Этотъ несчастный государь, изуродованный нравственно еще въ дѣтствѣ, обиженный природою человѣкъ, не могъ сознательно и серьезно относится къ окружающимъ его явленіямъ, не могъ и не хотѣлъ понимать своего высокаго и отвѣтственнаго положенія въ новой для него странѣ. Самая громадность государства давила его, выросшаго въ мелкомъ нѣмецкомъ герцогствѣ, она внушала робость, чувство одиночества, безпомощности. Петръ заслонился отъ этого страха голштинскимъ отрядомъ, мелкими голштинскими интересами. Здѣсь сказалась его «малость духа»; но эта малость духа нисколько не препятствовала замѣтнымъ проявленіямъ самонадѣянности, самовозвеличиванію; часто дѣтская безпеч-

---

[44]) «Осьмнадцатый вѣкъ», т. 4-й, 214.
[45]) «Осьмнадцатый вѣкъ» II т. 4-ый.

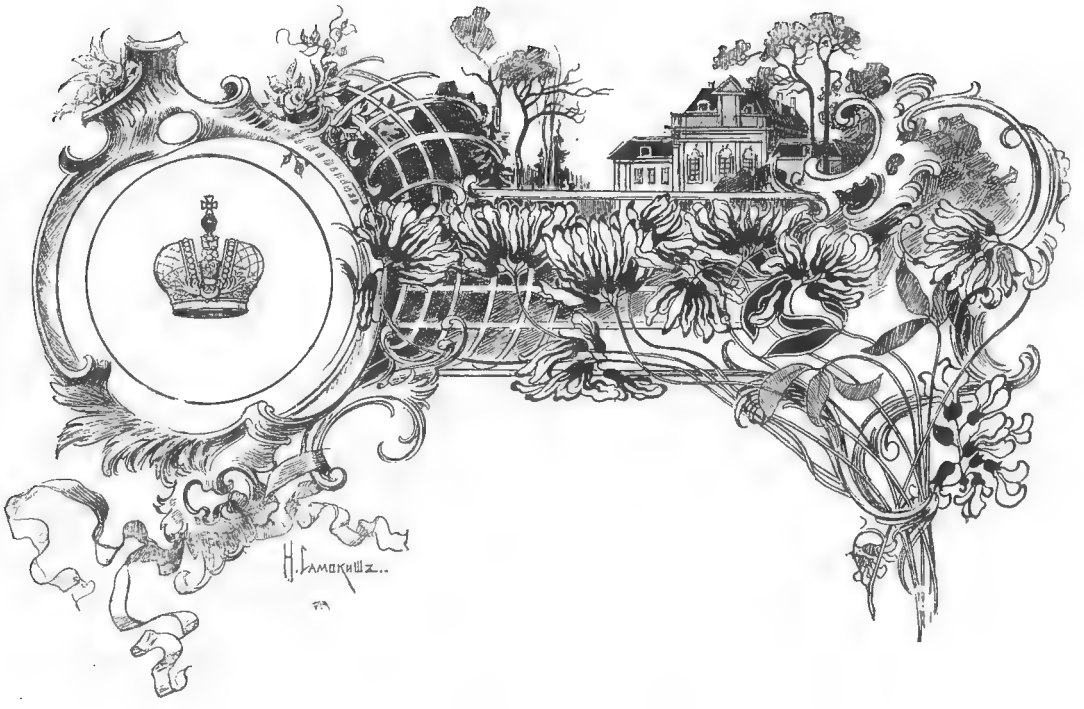
ность и наивная веселость могла вязаться съ склонностью къ злобнымъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ съ холоднымъ презрѣніемъ надъ безотвѣтнымъ. Нѣмецкая косность въ связи съ недалекостью не могли дать ему широкаго кругозора. Дѣло интересовало его только своей внѣшней стороной. Героизмъ Петра проявляется въ дѣтской формѣ. Онъ не считался съ разумными предостереженіями окружающихъ, даже своего героя Фридриха прусскаго, предвидѣвшаго, чѣмъ можетъ кончить его страстный поклонникъ. Такимъ образомъ, самъ государь былъ главнымъ противъ себя заговорщикомъ, какъ говорила Екатерина. Паденіе его было неминуемо. «Случайный гость русскаго престола, онъ мелькнулъ падучей звѣздой на русскомъ политическомъ небосклонѣ, оставивъ всѣхъ въ недоумѣніи, зачѣмъ онъ на немъ появлялся»[46]). Но и у себя, въ своемъ родномъ герцогствѣ, Петръ могъ бы, навѣрное, оставить по себѣ подобное же недоумѣніе даже среди вѣрныхъ голштинцевъ. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ бы «случайнымъ гостемъ». Однако, судьба сдѣлала его своимъ пасынкомъ, предоставивъ ему русскій престолъ, оказавшійся для него роковымъ. Петръ сросся съ узенькой обстановкой мелкаго нѣмецкаго владѣльца,—она пришлась ему по природѣ, и тяжело, тоскливо было ему въ другой, болѣе широкой сферѣ, куда перенесла его судьба. Здѣсь дѣло идетъ не о любви къ родинѣ, къ своему, но о косности, мелкости природы, которыя не позволяютъ отрѣшиться отъ извѣстныхъ привычекъ и взглядовъ,—онѣ заставили внука Петра Великаго остаться голштинскимъ герцогомъ на русскомъ престолѣ со всѣми привычками и взглядами мелкаго германскаго князька, со страстью экзерцировать свою маленькую гвардію и въ ея кругу упитываться симпатіями и антипатіями, чуждыми настоящему его положенію»[47]).



[46]) Ключевскій. Курсъ Русск. Истор. т. 4.
[47]) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XXIV гл. 1.

Екатерина

Екатерина II.
Императрица и Самодержица Всероссійская.
1762—1796.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Россійская Минерва.

собенной немеркнущей славой озаренъ въ историческихъ воспоминаніяхъ «Екатерининъ вѣкъ». Это было героическое время, когда жили и дѣйствовали такіе исполины духа, какъ Румянцевъ, Суворовъ, Орловъ-Чесменскій, какъ Потемкинъ, Безбородко, Никита Панинъ, какъ Державинъ и Фонвизинъ. Но всѣхъ ихъ затмеваетъ своимъ лучезарнымъ образомъ великая жена, «Россійская Минерва», «премудрая Фелица»—Екатерина Вторая.

Она представляетъ собою совершенно исключительное явленіе во всѣхъ отношеніяхъ. Совершенно вѣрно характеризуетъ ее одинъ изъ ея историковъ: «нѣмка проводитъ въ политикѣ чисто русскіе интересы, лютеранка по рожденію является горячей и убѣжденной защитницей православія, мелкая нѣмецкая принцесса широко раздвигаетъ предѣлы Россійской имперіи и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I, въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ тор-

говлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя свою родину, протягиваетъ руки къ французскимъ философамъ, «обкрадывая», по собственному ея выраженію, Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и призывая Дидро въ Петербургъ для личнаго знакомства съ представителемъ энциклопедистовъ»[1]).

Подобно библейской Руѳи, Екатерина могла сказать русскому народу: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду; гдѣ ты будешь жить, тамъ и я буду жить, твой Богъ станетъ моимъ Богомъ, смерть одна разлучитъ меня съ тобою». Она свято выполнила этотъ свой обѣтъ. Та великая минута, когда она, принимая православную вѣру, торжественно прочла въ церкви «Вѣрую» «чистымъ и яснымъ голосомъ, съ такимъ произношеніемъ, которымъ она удивила всѣхъ присутствующихъ, не пропустивши ни одного слога» [2]), соединила ее навѣкъ съ русскимъ народомъ.

Торелли. Сѣверная Минерва.
Музей Академіи Художествъ.

Она сознавала свои силы и уже видѣла передъ собою великое свое предназначеніе въ то время, когда въ скукѣ и одиночествѣ проводила свои дни великой княгиней, когда съ ней бесѣдовали ея «два великіе наставника — несчастье и уединеніе» [3]). Она все терпѣла и выносила, потому что, по ея собственному признанію, она была «неравнодушна къ русской коронѣ». Но власть ее привлекала совершенно не какъ цѣль, а лишь какъ средство. По восшествіи своемъ на престолъ она пишетъ графу Гилленборгу, что въ ней уже давно было развито «желаніе достигнуть совершенія великихъ дѣлъ». Передъ ея глазами былъ великій образецъ, и, сдѣлавшись императрицей, Екатерина стремилась стать въ уровень съ этимъ славнымъ примѣромъ службы даже до крови и смерти своему народу.

Этотъ образецъ она нашла въ лицѣ Петра Великаго. Недаромъ она сочла долгомъ воздвигнуть ему въ свое царствованіе чудный памятникъ. Она считала себя лишь продолжательницей его блистательныхъ дѣлъ. При рѣшеніи каждаго сложнаго государственнаго вопроса, она наводила справки, какъ смотрѣлъ на это дѣло ея славный предшественникъ, и подолгу вглядывалась въ его портретъ, какъ бы ожидая отъ этого величественнаго образа совѣта и указанія. Но не рабское подражаніе руководило ею, она глубоко проникла въ самый духъ дѣяній Петра, и, слѣдуя по его

---

[1]) В. А. Бильбасовъ. Дидро въ Петербургѣ. С.-Пб. 1884.
[2]) Сборникъ Русск. Ист. О-ва. VII, 33.
[3]) Собственныя слова императрицы, сказанныя ею во время одной изъ ея бесѣдъ съ Дидро.

стопамъ, оставалась всегда и во всемъ сама собою. Величія она искала не для себя, но для своей второй родины—Россіи.

Современниковъ Екатерины поражалъ въ ней огромный запасъ нравственныхъ силъ. Она не вѣрила въ судьбу, она вѣрила въ себя. Ея записки начинаются слѣдующими словами: «Судьба далеко не такъ слѣпа, какъ обыкновенно ее представляютъ себѣ. Она часто является слѣдствіемъ точныхъ и справедливыхъ фактовъ, незамѣченныхъ толпою, но предшествовавшихъ событію. Точнѣе, она есть результатъ качествъ, характера и поведенія данной личности. Чтобы представить это болѣе наглядно, я составлю слѣдующій силлогизмъ: большая посылка—это качества и характеръ; малая—это поведеніе; а выводъ—это счастье или несчастье»[4]). Эта цитата въ высшей степени характерна для самой Екатерины, которая всегда была истиннымъ кузнецомъ своего счастья и во всемъ была обязана только самой себѣ. Окружавшіе ее находили, что ей слѣдовало бы быть мужчиной, до такой степени она была чужда пассивности, столь свойственной женской природѣ. Она жила въ безпрерывной дѣятельности: Catherine le grand—Екатерина «Великій» — называлъ ее Вольтеръ.

Екатерина II
въ мундирѣ Преображенскаго полка.

«Я была прямымъ и честнымъ рыцаремъ»,—пишетъ она въ своихъ мемуарахъ:—«съ душою болѣе мужскою, чѣмъ женскою; всѣ находили во мнѣ, рядомъ съ характеромъ мужчины привлекательность весьма любезной женщины». Въ самомъ дѣлѣ, мужской складъ ея характера нисколько не умалялъ въ ней обаятельности вѣчной женственности. Она очаровывала всѣхъ, кто видѣлъ ее, даже людей, наиболѣе противъ нея предубѣжденныхъ. Вотъ, какъ ее описываетъ сухой и методическій англичанинъ Димсдэль: «Императрица всероссійская росту выше средняго. Въ ней много граціи и величія, такъ что даже если бъ можно было забыть объ ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это въ высшей степени; притомъ столько разсудительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться»[5]).

Екатерина обладала умомъ свѣтлымъ, яснымъ и точнымъ. Она все схватывала налету и легко разбиралась въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ. «У меня умъ отъ природы философскій,»—говорила о себѣ сама Екатерина. «Философка въ пятнадцать лѣтъ,»—замѣчаетъ о ней графъ Гилленборгъ, знавшій ее ребенкомъ. Она, какъ равная съ равными, переписывается съ Вольтеромъ, Гриммомъ, бесѣдуетъ съ Дидро, возбуждая въ нихъ самый искренній восторгъ. Великій льстецъ Вольтеръ разсыпается передъ нею въ изысканныхъ хвалахъ: по его словамъ, она—первая между царями, она—учительница философовъ и сама ученѣе всякихъ академій, она благотворительница человѣческаго рода, она—пресвятая владычица снѣговъ, она сдѣлала XVIII вѣкъ золотымъ вѣкомъ. Но и болѣе прямой и искренній Дидро такъ пишетъ о ней послѣ своего личнаго знакомства съ

---

[4]) Записки Екатерины.
[5]) Сборникъ Русск. Истор. О-ва. II, 320.

императрицей: «Что за государыня, что за необыкновенная женщина! Непостижимая твердость въ мысляхъ со всею обольстительною и возможною легкостью въ выраженіи; любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени».

Иллюстрація къ одной изъ пьесъ Екатерины «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика».

Но Екатерина не была отвлеченной мечтательницей. Любя парить въ философскихъ туманахъ, она ни на минуту не упускала изъ виду земли, ея жителей, ихъ нуждъ и интересовъ. Въ одной бесѣдѣ съ Дидро она такъ высказала ему свои взгляды: «Г-нъ Дидро! Я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили лишь по внушенію вашего блестящаго ума, но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги»[6]). Она очень скромно оцѣнивала себя: «Мой девизъ—пчела»,—писала она Вольтеру,—«которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись—полезное!»

Дѣйствительно, она была идеальной царицей для своего гигантскаго улья, который называется Россіей. Она знала этотъ улей свой со всѣми его обитателями. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ ея комедіи, до сихъ поръ являющіяся прекраснымъ источникомъ для изученія быта и нравовъ русскаго общества XVIII вѣка.

Въ Екатеринѣ были недюжинныя писательскія способности. Ее тянуло къ перу. «Я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ,»—говорила она о своей склонности къ писанію, которую она въ шутку называетъ ecrituromanie или griffonnage[7]). Ея переписка—чудный образчикъ прекраснаго эпистолярнаго слога. Она съ горечью говорила своему секретарю Грибовскому: «Я могла учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». Между тѣмъ, языкъ ея комедій доказываетъ намъ, что она разговорною русской рѣчью владѣла въ совершенствѣ: каждый выведенный ею персонажъ говоритъ удивительно характернымъ для него языкомъ. Перечитывая ея комедіи, мы такъ и представляемъ себѣ тягучую, гнусавую рѣчь Ханжахиной, бойкое тараторенье болтуньи Вѣстниковой,—этого прототипа грядущихъ замоскворѣцкихъ свахъ, болтовню на французско-нижегородскомъ жаргонѣ щеголя Фюрлюфюшкова.

Какъ и всюду, такъ и въ области литературнаго творчества Екатерина выступаетъ

---

[6]) Записки графа Сегюра.

[7]) Сборникъ Истор. О-ва. I, X, XIII.

новаторшей. Она пишетъ для театра, и тутъ впервые въ новой русской литературѣ она нарушаетъ традиціи классицизма. Своимъ геніальнымъ чутьемъ она понимаетъ значеніе народности для литературы и, вопреки установленнымъ обычаямъ, она черпаетъ сюжеты изъ области народной поэзіи,—изъ «подлыхъ», т.-е., простонародныхъ пѣсенъ и сказокъ. Изъ былинъ она заимствуетъ свою оперу «Новогородскій богатырь Боеславичъ», изъ русскихъ сказокъ беретъ «храбраго смѣлаго витязя Архидѣича». Цѣлая опера составлена ею изъ народныхъ пѣсенъ, пересыпанныхъ пословицами: это—«Федулъ съ дѣтьми». Свои историческія представленія «Изъ жизни Рюрика» и «Начальное управленіе Олега» она пишетъ «безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ» и не боится выставить слова «подражаніе Шакеспиру», опережая тѣмъ самымъ свой вѣкъ, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ великому англійскому драматургу.

Ея трезвый, нѣсколько скептически настроенный умъ отрицательно относился къ масонству. Рядъ ея комедій[8]) жестоко высмѣиваетъ масонство. Вообще добродушная, но мѣткая и язвительная насмѣшка считается императрицей лучшимъ средствомъ для борьбы съ заблужденіями и недостатками общества. Екатерина смотритъ пока на литературу съ прикладной точки зрѣнія: она называетъ свои литературныя занятія одной изъ отраслей своей службы государству. Однако, ея примѣръ возбуждаетъ подражаніе и соревнованіе: ея время—это время наступленія зрѣлости въ русскомъ литературномъ творчествѣ. Вотъ, что пишетъ Екатеринѣ, какъ автору комедіи «О, время!» Новиковъ въ предисловіи къ своему сатирическому журналу «Живописецъ»: «Вы первой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ, вы первой съ такимъ искусствомъ и остротой заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ, вы первой, съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе... Этимъ вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился, вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ... Если же буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и, если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за это они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки»[9]). Эти слова—не праздная лесть въ устахъ талантливаго писателя, ихъ хотѣли повторить и всѣ тогдашніе авторы во главѣ съ Держави-

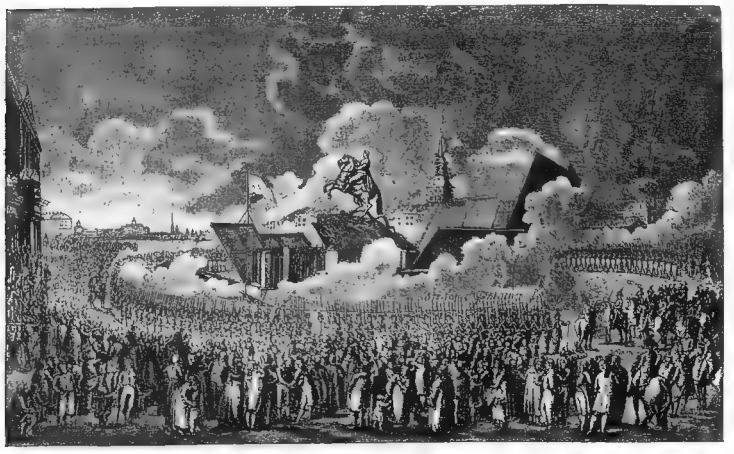
Символическое изображеніе торжества Екатерины на поприщѣ наукъ и художествъ.

[8]) «Обманщикъ», «Обольщенный», «Шаманъ Сибирскій».

[9]) «Живописецъ», еженедѣльный журналъ Н. И. Новикова. Изд. Дешевой библіотеки Суворина, стр. 3—6.

нымъ и Фонвизинымъ. Какъ писательница, Екатерина указывала всѣмъ, какъ надо углубляться въ самые тайники души народа.

Русская исторія была, по ея выраженію, «дорогимъ для ея сердца предметомъ». Она не только изучала ее по первоисточникамъ, но и сама сдѣлала попытку ея систематическаго изложенія въ своихъ «Запискахъ касательно русской исторіи». Знаменательно, какъ она сама опредѣляетъ задачу этого своего труда: «предпринимаемыя записки не могутъ имѣть другого вида и цѣли, кромѣ прославленія государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ». Она стремилась доказать, что у русскаго народа не только нѣтъ причинъ краснѣть передъ другими народами за свое прошлое, но даже есть полное основаніе гордиться и своимъ языкомъ, и своей исторіей. Нельзя не упомянуть, что она составила житія святителя Алексѣя митрополита и преподобнаго Сергія.



Открытіе памятника Петру Великому въ 1782 году. Съ гравюры Мельникова. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

Она, дѣйствительно, «не презирала земли родной», потому что знала «ея предназначенье». Критикуя современную ей дѣйствительность, обличая «презрительныя вещи», мечтая о созданіи путемъ воспитанія новой породы людей, она любила Россію и преклонялась передъ ея величіемъ. Можно сказать больше—она безгранично вѣрила въ ея силы. Этимъ она будила въ своихъ подданныхъ стремленіе къ самоусовершенствованію, движенію впередъ. Прекрасно сказалъ о ней Карамзинъ: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. Петръ I возвысилъ насъ на степень образованныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми образованными»[10]). «Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина—душу», сказалъ Сумароковъ въ «надписи къ статуѣ Петра I».

Золотыми буквами въ памяти потомства должны быть записаны эти слова Россійской Минервы: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа. Боже сохрани, чтобы былъ какой народъ болѣе процвѣтающъ на землѣ».

Образное сравненіе у Ключевскаго злосчастнаго Петра III съ «падучей звѣздой на русскомъ небосклонѣ»[11]) невольно напоминаетъ о такой же метафорѣ, великолѣпно выдержанной, въ классическомъ приступѣ встрѣчнаго слова Георгія Конисскаго, произнесеннаго имъ по случаю пріѣзда Екатерины въ Мстиславль. «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ... Теци убо, о солнце наше!», восклицалъ знаменитый проповѣдникъ, обращаясь къ императрицѣ. Проповѣдникъ этотъ былъ и вели-

[10]) Похвальное слово Екатеринѣ Н. Карамзина.
[11]) Курсъ русской исторіи В. О. Ключевскаго. т. 4.

кимъ стоятелемъ за угнетенныхъ въ Польшѣ православныхъ. Въ его торжественномъ «пареніи» было много искренней правды. Съ воцареніемъ Екатерины начиналась новая эпоха: съ высоты престола возвѣщались принципы просвѣтительной философіи, говорилось о государствѣ, покоющемся на всеобщемъ благѣ, закономѣрности,—принципы, освѣтившіе на далекое пространство громадное, но отсталое государство, ту «недостроенную храмину», оставленную Петромъ (по выраженію Меншикова). Недостроенная Россія начала по смерти ея строителя приходить въ упадокъ. Финансы были истощены; армія не получала жалованья уже за три мѣсяца. Торговля находилась въ упадкѣ, потому что многія отрасли ея были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Не было правильной системы въ государственномъ хозяйствѣ. Военное вѣдомство было погружено въ долги; морское—едва держалось... Правосудіе продавалось съ торгу, и законами руководились только въ тѣхъ слу-

Торелли. Коронованіе Екатерины II. Музей Академіи Художествъ.

чаяхъ, когда они благопріятствовали сильному. Всѣ эти недостатки и упущенія перечислены самой императрицей[12]). Съ первыхъ же дней царствованія она энергично занялась ихъ устраненіемъ, лично участвуя въ засѣданіяхъ Сената, въ преніяхъ по всевозможнымъ вопросамъ государственнаго управленія, законодательства, въ разработкѣ и проведеніи экономическихъ и финансовыхъ мѣръ. Съ пяти часовъ утра она уже начинала свои занятія. Она путешествуетъ по городамъ, чтобы наглядно видѣть нужды населенія. Философское, энциклопедическое образованіе Екатерины сказалось сейчасъ же: изъ міра ея личныхъ идей и взглядовъ, воспринятыхъ прилежнымъ и долголѣтнимъ чтеніемъ, оно дѣлается общимъ достояніемъ государства, получаетъ практическое примѣненіе, проходитъ въ общественную жизнь. Можно замѣтить, что сначала идеи эти проскальзываютъ, идутъ частными, единичными путями въ порядкѣ открывающихся отдѣльныхъ запросовъ

[12]) Брикнеръ. Исторія Екатерины II, т. I, гл. VI.

государственной жизни. Тутъ имѣютъ мѣсто мѣропріятія, такъ сказать, на скорую руку, издаются отдѣльные указы по неотложнымъ дѣламъ, преслѣдуются и наказуются отдѣльные грѣхи; затѣмъ, при осуществленіи политическаго принципа,—участія народныхъ представителей имперіи, при попыткѣ всенароднаго совѣщанія, съ подробными изложеніями мѣстныхъ нуждъ и желательныхъ реформъ, онѣ выступаютъ во всей своей совокупности. Наказъ—символъ вѣры Екатерины. И, наконецъ, какъ отдѣльные результаты, слѣдствіе поставленнаго во всей широтѣ указаннаго начала, выступаютъ важныя реформы въ областномъ управленіи, городскомъ самоуправленіи и др. Ученица Монтескье и Вольтера видна уже въ одномъ пунктѣ приведеннаго выше обстоятельнаго манифеста[13]). Въ началѣ его есть такое положеніе: «самовластіе, не обузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами въ государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною». Въ собственноручныхъ запискахъ великой княгини можно было прочесть[14]): «желаю и хочу только

Deloye. Екатерина II. Музей Академіи Художествъ.

блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Хочу повиновенія законамъ, но не рабства, хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми всѣхъ. Свобода— душа всего, безъ ней все мертво. Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ для того, кто желаетъ быть любимымъ человѣкомъ; этого легко достигнуть, стоитъ только основать свои дѣйствія на благѣ народа и на справедливости». Мысли эти сейчасъ же обратились въ дѣйствія. Принадлежа сама государству, говорить императрица, она считаетъ и все, принадлежащее ей, собственностью государства, и на будущее время не будетъ различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ. Чуть ли ни въ первомъ засѣданіи Сената она изъ личныхъ суммъ пополнила казну нуждающагося государства. Временнымъ запрещеніемъ вывоза хлѣба за границу она способствовала удешевленію его и другихъ припасовъ въ Россіи. Она сбавила налогъ на соль, отмѣнила разорительные для русскихъ указы Петра III объ увеличеніи флота; предлагала изыскивать деньги для пополне-

---

[13]) См. «XVIII вѣкъ», т. IV.
[14]) Сборн. Рус. Ист. О-ва, т. VII и VIII.

Указъ нашему Сенату.

Въ день высочайшаго коронованія и миропомазанія нашего, то есть 22-го числа прошедшаго сентября, всемилостивѣйше пожаловали мы:

Камеръ гера Григорья Орлова въ Генералы адъютанты котораго при томъ ере, такъ нашъ и прочихъ родныхъ его братьевъ Ивана, Алексѣя, Ѳедора и Володимера Орловыхъ въ Графское достоинство.

Екатерина

Въ Москвѣ
въ 11-мъ ноябрѣ 1762 года

Указъ Сенату о производствѣ Орловыхъ въ графское достоинство, данный Императрицей Екатериной II.

нія казны не вновь налагаемыми сборами съ народа, но другими благопристойнѣйшими способами. Противъ повальнаго беззаконія,—лихоимства и мздоимства, отъ котораго «содрогается сердце» Екатерины, всегда раздается ея голосъ. Въ то же самое время императрица создавала въ тиши кабинета сводъ личныхъ своихъ политическихъ идей и взглядовъ, писала свою государственную исповѣдь. Это—Наказъ. Она уже задалась цѣлью переработать, исправить и дополнить ветхій кодексъ русскихъ законовъ, не удовлетворявшій требованіямъ новой жизни. Ея учитель Монтескье говорилъ въ «Духѣ Законовъ» о необходимости созыва отъ времени до времени законодательнаго учрежденія, обновляющаго законы; съ другой стороны, идея земскаго собора не могла погаснуть въ Россіи. Екатерина уже рѣшила созвать новую комиссію, основанную на принципѣ какъ философовъ-публицистовъ, такъ и русскихъ историческихъ прецедентовъ. Давнишнія думы императрицы воплощались, личныя идеи становились историческими фактами.

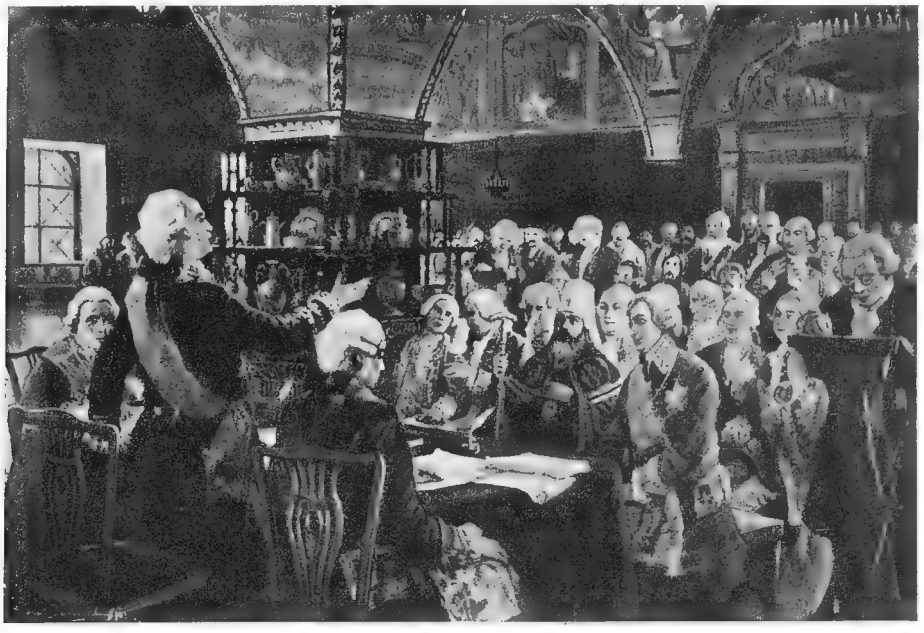
По изданному въ концѣ 1766 года указу повелѣвалось послать въ Москву депутатовъ отъ Сената, Синода, Коллегій, и отъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи. Они созывались не только для сообщенія нуждъ мѣстныхъ, но и для участія въ комиссіи для изготовленія проекта новаго Уложенія. Духовенство и крѣпостные крестьяне не вошли въ составъ этой комиссіи. Дворянство должно было послать по одному депутату отъ каждаго уѣзда, а не крѣпостные,—государственные крестьяне, инородцы, однодворцы, пахотные солдаты посылали по одному выборному отъ цѣлой провинціи. Города посылали по одному депутату. Выборные должны были запастись депутатскими наказами, инструкціями отъ своихъ избирателей, въ которыхъ бы были изложены нужды мѣстнаго населенія и желательныя средства къ ихъ устраненію. Выборы далеко не вездѣ происходили правильно; мѣстами они встрѣтили принципіальное нежеланіе подобнаго новшества, мѣстами безразличное, вялое къ себѣ отношеніе. Какъ бы то ни было, къ началу засѣданій прибыло 460 представителей, число коихъ постепенно увеличивалось до 530 и болѣе. Представителей отъ городовъ было 208 (число городовъ было тогда 250), отъ дворянства—около 160, крестьянства—около 80, казачества—60, администраціи—28. «Симъ учрежденіемъ»,—объявлялось въ манифестѣ,—«нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великія довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви». Всѣ руководящія начала и принципы, изъ коихъ должны были исходить работы комиссіи по составленію и обновленію законовъ, императрица изложила въ своемъ знаменитомъ Наказѣ. Политическія идеи, главныя начала государственнаго права заимствованы Екатериною у Монтескье, въ чемъ она сама признается Даламберу. Основныя положенія просвѣтительной философіи—свобода, равенство были фундаментомъ для Наказа. Опредѣленіе политической свободы, взятое почти дословно у Монтескье, гласитъ: государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ. (§ 39)[15]. Эта вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно (36), она есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; ея нѣтъ, если всякій можетъ совершать то, что запрещено законами. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Это равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ «удручать» бѣдныхъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученные имъ только какъ правительственнымъ особамъ государства (§ 35). Въ главѣ о законахъ указывается на основное ихъ свойство: ничего не

[15]) Содерж. Наказа. Наказъ Ея Импер. Вел. Екатер. вторыя, самодержицы всероссійскія, данный Комиссіи о соч. проэкта Нов. Уложенія. Съ библіограф. примѣч. Безгина. Изд. Пантелѣева. С.-Пб. 1893 г. Сборникъ Историч. свѣд. о Наказѣ. Полтава. 3 тома. Изслѣд. Сергѣевича, Брикнера, Дитятина.

должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно обществу. Законы имѣютъ въ виду сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ (§ 42), должны примѣняться къ народному умствованію, быть таковыми, чтобы всякъ несомнѣнно былъ увѣренъ, что онъ ради собственной пользы стараться долженъ сохранить ихъ нерушимыми; этотъ характеръ законовъ—высочайшая степень совершенства, котораго надо стараться достигнуть по признанію самого автора. Въ слѣдующихъ главахъ (кончая 10) говорится о средствахъ къ сохраненію, соблюденію законовъ. Тутъ наказанія необходимы; но они должны быть основаны на нравственной, гуманной основѣ. Такой просвѣщенный взглядъ сложился у автора Наказа подъ вліяніемъ трактата современника Екатерины миланца Цезаря Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», гдѣ онъ возставалъ противъ тогдашняго варварскаго уголовнаго судопроизводства, допросовъ съ пытками и смертной казнью. Не столько надо стараться наказывать преступленія, сколько предупреждать ихъ, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ, а не приводить въ унынie казнями. Много примѣровъ тому, какъ кроткія наказанія дѣйствуютъ лучше жестокихъ. Одно безчестіе есть само по себѣ большое наказаніе. Употребленіе пытки противно здравому смыслу, она затемняетъ истину, есть вѣрное средство осудить невиннаго, отъ страданія наговаривающаго на себя, и оправдать виновнаго, могущаго вынести всѣ пытки и не сознаться. При взятіи подъ стражу по подозрѣнію надо дѣйствовать весьма осторожно, провѣряя по возможности показанія свидѣтелей, доносы и т. п. Авторъ Наказа горячо возстаетъ противъ смертной казни, опыты съ которой свидѣтельствуютъ, что ея частое употребленіе никогда людей не сдѣлало лучшими; она въ государствѣ, при спокойномъ царствованіи законовъ, въ коемъ вся власть въ рукахъ самодержца, совершенно не нужна. Рѣдкимъ исключеніемъ является казнь въ томъ только случаѣ, если кто, лишенъ будучи свободы, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить спокойствіе народное. Надежнѣйшее обузданіе—не строгость наказанія, но сознаніе, что проступокъ будетъ непремѣнно наказанъ. Выше всего боязнь только законовъ и ничего другого. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте такъ, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Въ Наказѣ отведено первенствующее мѣсто вопросу о воспитаніи (гл.14), правиламъ, его первымъ основамъ, приготовляющимъ насъ быть гражданами. Воспитывать юношество необходимо въ страхѣ Божіемъ, возбуждать похвальныя склонности, охоту къ труду, отвращеніе отъ праздности, источника всякаго зла и заблужденія, учить пристойному въ словахъ и дѣлахъ поведенію, соболѣзнованію о бѣдныхъ; обучать домостроительству, чистотѣ и опрятности, отвращать отъ мотовства,—способствовать образованію «полезныхъ членовъ общества, служащихъ оному украшеніемъ». 20-я глава занимается вопросомъ о вѣротерпимости. Гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца, отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ. Обширность Россіи, разнообразіе племенъ ея требуетъ вѣротерпимости; запрещеніе вѣръ различныхъ было бы порокомъ, вреднымъ для спокойствія и безопасности гражданъ.

Во 2-й главѣ Наказа заключались основные законы государства. Государь русскій долженъ быть самодержавнымъ, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства. Всякое другое правленіе вредно было бы въ Россіи. Лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ. Такъ расходилась здѣсь Екатерина съ ученіемъ Монтескье, проповѣдывавшаго, какъ извѣстно, идею конституціоннаго монархизма. Далѣе идетъ объясненіе цѣли самодержавныхъ правленій; это есть слава гражданъ, государства и государя. Интересно отмѣтить, какъ практическій умъ императрицы привлекалъ чужіе доводы въ подтвержденіе своихъ политическихъ взглядовъ. Въ «Духѣ законовъ» исполнительная власть въ отличіе

отъ законодательной отдается всецѣло монарху, какъ требующая почти всегда быстраго дѣйствія, что выполнить одному всего удобнѣе. Въ Наказѣ «эта скорость» въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, по причинѣ обширности страны, тоже требуетъ монарха неограниченнаго. Сословное дѣленіе, какъ фактъ, сложившійся вѣками, не реформируется авторомъ Наказа; кстати сказать, что и Монтескье былъ сторонникомъ аристократическихъ тенденцій. Права и преимущества дворянства основаны на заслугахъ и добродѣтеляхъ по отношенію къ отечеству, ревности къ службѣ и дворянской чести. Слѣдующее за ними сословіе—промышленный классъ, называемый въ Наказѣ—средняго рода люди, отъ которыхъ государство много добра ожидаетъ, какъ результата ихъ добронравія и трудолюбія, намѣчено здѣсь только еще складывающимся, но въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ способнымъ играть важную роль въ экономической и культурной жизни



М. М. Зайцевъ. Екатерининская комиссія въ 1767 году.

Россіи,—въ художествахъ, въ наукахъ, мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ. Просвѣщенный умъ императрицы не забылъ и о крѣпостныхъ крестьянахъ. Она различала виды крѣпостного состоянія: привязывающую человѣка къ землѣ и личную службу—«холопство» считала великимъ злоупотребленіемъ и находила, что законы должны злоупотребленія рабства отвращать и не нарушать права естественнаго. Въ Наказѣ есть даже пожеланіе постепеннаго раскрѣпощенія крестьянъ посредствомъ выкуповъ ихъ у владѣльца.

Первоначальная редакція Наказа значительно измѣнилась, когда императрица ознакомила съ его содержаніемъ ближайшихъ сановниковъ. Эти уполномоченные цензоры болѣе половины изъ него вычеркнули. И сама сочинительница съ своей осторожной критикой многое зачеркнула, разорвала и сожгла. «Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ», писала она Даламберу о Наказѣ. Въ новой редакціи Наказъ былъ отпечатанъ и прочтенъ въ торжественномъ открытіи комиссіи, въ засѣданія ея 3 авг. 1767 года подъ предсѣдательствомъ Бибикова,—предводителя или маршала собранія.

Въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ начиналось великое дѣло: забота объ общемъ добрѣ

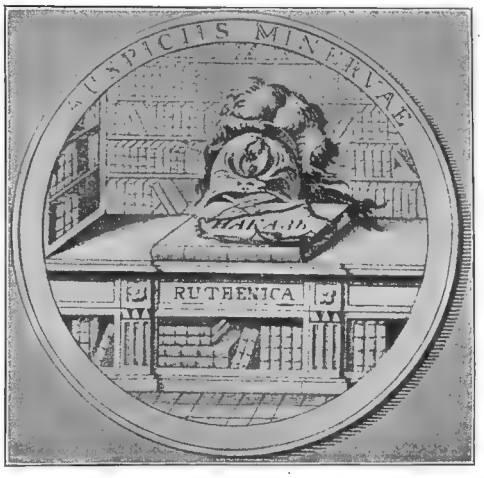
о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго. Представителей депутатовъ ждетъ благодарность этого и будущихъ вѣковъ, отъ нихъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы, на нихъ обращены очи всѣхъ. Такъ отъ имени самой государыни говорилъ вице-канцлеръ кн. Алексѣй Михайловичъ Голицынъ въ аудіенцъ-залѣ кремлевскаго дворца, послѣ принятія присяги депутатами. По прочтеніи Наказа, Екатерину просили принять «титло» Великая, Премудрая и Мать отечества. На это императрица отвѣтила: «О названіяхъ, кои вы предлагаете мнѣ, отвѣчаю: великая—о моихъ дѣлахъ оставляю безпристрастно судить исторіи и потомству; премудрая—никакъ себя таковой назвать не могу, ибо премудръ одинъ только Богъ; мать отечества—любить Богомъ мнѣ врученныхъ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія, быть ими любимою мое желаніе».

Горячіе дебаты о сословныхъ и мѣстныхъ нуждахъ, ничѣмъ не окончась, были, наконецъ, прерваны. Засѣданія возобновились съ слѣдующаго 1768 г. въ Петербургѣ. Предложено было перейти къ обсужденію законовъ «юстиціи», къ проекту Уложенія. Здѣсь важно отмѣтить предложеніе одного депутата о введеніи института мировыхъ судей, наподобіе Англіи; раздались жалобы на недостатки судопроизводства, просьба объ учрежденіи мѣстныхъ судовъ съ участіемъ выборныхъ судей. При обсужденіи уголовныхъ законовъ дворяне требовали только для себя освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія. Незначительная группа, призывая къ гуманности, требовала отмѣны пытокъ. Подробно и оживленно обсуждались затѣмъ задачи народнаго хозяйства, критиковалась система налоговъ и податей, высказывались пожеланія о распространеніи образованія, учрежденіи школъ, библіотекъ на средства казны, о борьбѣ съ чрезвычайной смертностью населенія и т. п. Къ концу года засѣданія комиссіи стали бывать все рѣже, и въ половинѣ декабря въ указѣ императрицы объявлялось, что по случаю турецкой войны депутаты изъ военныхъ должны отбыть изъ комиссіи для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, почему большая комиссія пока распускается, подкомиссіи же продолжаютъ занятія. Однако, большой комиссіи болѣе не суждено было собраться, что же касается частныхъ—онѣ работали еще шесть лѣтъ подъ руководствомъ кн. Вяземскаго, генералъ-прокурора Сената. Такимъ образомъ, проекта новаго уложенія комиссія создать не успѣла, да и едва ли была пригодна къ такой чисто-юридической работѣ; сюда присоединялась нѣкоторая неопытность маршала въ веденіи общаго хода дѣлъ, безсистемность преній. Проницательная императрица скоро въ этомъ убѣдилась; но оживленный обмѣнъ мыслей при полной свободѣ мнѣній о насущныхъ потребностяхъ общества ярко освѣтилъ всѣ недочеты и недостатки управленія, и, быстро охвативъ все существенно необходимое, энергичная, увѣренная въ себѣ императрица захотѣла сама личными указами проводить желательныя реформы. «Комиссія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно», писала она; этого, быть можетъ, было пока достаточно для нея; для осуществленія чаяній народа русская «Минерва» не нуждалась болѣе въ большой комиссіи [16]). Изъ Наказа Екатерина взяла общія правила, что по ея собственному признанію ей легче, нежели разбираться въ частныхъ подробностяхъ сшить всѣмъ платье, чтобъ оно хорошо сидѣло на каждомъ. Свободные, неприкосновенные представители затрогивали темы, не входящія въ

Екатерина II. Съ французской народной картинки 1762 года.

[16]) Соловьевъ 328—27-й т.

обсужденіе собранія; «увлеченные вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти», какъ писалъ самъ Бибиковъ. Все это не могло не безпокоить самодержавную Екатерину. Когда другъ ея Дидро черезъ пять лѣтъ убѣждалъ ее вновь созвать комиссію и даже сдѣлать ее постоянной, императрица отвѣтила ему отказомъ: она не желаетъ парламента по англійскому образцу. Съ другой стороны, просвѣщенная государыня оказалась головой выше своихъ подданныхъ, даже въ лучшей, культурной ихъ части. Приближенныя «персоны», сократившія ея Наказъ, сторонники крѣпостного гнета, были поддержаны далѣе въ преніяхъ комиссіи подавляющимъ большинствомъ депутатовъ. Рабовладѣльческіе аппетиты общества разрушили гуманныя предначертанія императрицы, а факты русской жизни, волненія крестьянъ и повальное бѣгство отъ помѣщиковъ грозили спокойствію страны, влекли за собой экономическій упадокъ, запустѣніе государства. Нужно было бы имѣть силу Петра, чтобы пойти наперекоръ русскимъ стихіямъ и не только освѣтить этотъ хаосъ идеями философовъ-публицистовъ, а, главное, провести идеи въ жизнь. Энергичная Екатерина поняла всю трудность подобнаго подвига, философскій умъ ея какъ всегда опирался на практическія соображенія, наблюденія исторически сложившейся дѣйствительности. Тутъ она раздвоилась: идеалисткой была въ кабинетѣ, въ перепискѣ съ товарищами философами, реалисткой—въ указахъ и распоряженіяхъ. Тамъ она только мечтала, здѣсь же дѣйствовала. Лично она лелѣяла въ глубинѣ души свѣтлую, драгоцѣнную ей идею освобожденія, любовно твердила о ней въ письмахъ за границу просвѣщеннымъ друзьямъ, но теперь, вѣроятно, сама стала сомнѣваться—на благо ли государству будетъ скорая и рѣшительная реформа? А благо общественное было ея конечной цѣлью, было славой честолюбивой государыни, считавшей себя отвѣтственной передъ подданными. Какъ можно было, очертя голову, броситься на такой рискъ? Что будетъ далѣе? Не надо забывать, что это происходило около 150 лѣтъ тому назадъ. Легко представить себѣ этотъ нравственный разладъ мудрой Екатерины. Императрица томилась этимъ тяжелымъ роковымъ вопросомъ; противъ теченія итти она не могла, разрубить Гордіевъ узелъ считала опаснымъ. А тутъ навязывались задачи внѣшней политики: сложный польскій вопросъ, первая турецкая война. Больные вопросы легко могли отойти на второй планъ, забыться—сперва временно.



«Ex libris» собственной библіотеки Императрицы Екатерины.

Итакъ, Наказъ—это скрижаль начала правленія Екатерины. Наступившая затѣмъ эпоха умѣренности откалываетъ значительный кусокъ отъ этой скрижали; однако, государыня руководствуется заповѣдями ея и, считаясь съ фактами жизни, идетъ послѣдней навстрѣчу, впрочемъ, не во всемъ. Осуществились начала мѣстнаго самоуправленія, реформировалось областное дѣленіе страны и областное управленіе. Въ ноябрѣ 1775 года было объявлено «Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи». Здѣсь находятся постановленія о примѣрномъ штатѣ каждой губерніи и о должностяхъ, которымъ поручалось ея управленіе.

Стройная, сравнительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно сложная реформа мѣстнаго дѣленія и управленія, помимо просвѣтительныхъ идей реформатора, была вызвана настой-

чивыми требованіями жизни русскаго общества, съ коими императрица хорошо ознакомилась благодаря собранію большой комиссіи, преніямъ депутатовъ. Принципъ децентрализаціи, приблизившій управляемыхъ къ управленію, и раздѣленія труда по управленію, съ участіемъ мѣстнаго населенія, значительно улучшилъ дѣло. Хотя косность общества, его неотзывчивость значительно тормозили дѣло, а высшая, единоличная власть губернаторовъ не могла способствовать земскому сплоченію губернскаго населенія, убивала земскую иниціативу, но, все-таки, вложенные въ реформу принципы дали ей жизнеспособность: туго принимаясь и медленно развиваясь вначалѣ, она дѣйствовала съ нѣкоторыми измѣненіями до великихъ реформъ Царя-Освободителя, нѣкоторыя же установленія дѣйствуютъ и по сіе время.

Отголоски Наказа и большой комиссіи еще ярче выразились въ жалованной грамотѣ дворянству. Рознь сословная, выразившаяся въ засѣданіяхъ комиссіи, имѣла послѣдствія и въ смыслѣ объединенія каждаго сословія. Депутаты-дворяне желали и ждали мѣръ, дающихъ возможность сплотиться имъ въ своихъ дворянскихъ интересахъ, дѣйствовать самостоятельно, требовать признанія закономъ собственнаго корпоративнаго устройства. Въ дирекціонной комиссіи уже былъ составленъ проектъ о правахъ благородныхъ; его подробно разбирала и обсуждала большая комиссія. Сообразно статьѣ Наказа, Екатерина въ жалованной грамотѣ дворянству опредѣлила, что дворянское званіе «есть слѣдствіе, идущее отъ добродѣтели жительствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, пріобрѣтшихъ и потомству нарицаніе благородное».

Стало-быть, теорія «запаса» прежнихъ заслугъ проглядывала въ жалованной грамотѣ; кромѣ того, дѣлался послѣдній шагъ къ освобожденію сословія отъ обязательной службы. Вольности и права дворянства, еще нѣсколько ограниченныя указомъ Петра III, достигли теперь полнаго расцвѣта. Сословная привилегированность класса выступила ярко въ жалованной грамотѣ. Дворянство изъято отъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ, отъ личныхъ податей, рекрутской повинности, тѣлеснаго наказанія. Лишеніе званія можетъ состояться по окончательному высочайшему рѣшенію, не по суду. Собственность дворянина (земля и крѣпостные), принадлежавшая въ Петровское время ему подъ условіемъ службы, дѣлается теперь его безусловной неотъемлемой собственностью. За личными правами идутъ права корпоративныя. Дворянство каждой губерніи признается юридическимъ лицомъ. Оно получаетъ право собраній (губернскихъ и уѣздныхъ), гдѣ выбираетъ изъ своей среды предводителей дворянства и прочихъ должностныхъ лицъ, замѣщающихъ судебно-административныя должности, какъ засѣдатели земскаго суда, исправники. Само общество преслѣдуетъ свои сословные интересы, заводитъ дворянскія опеки, учреждаетъ депутатскія собранія, завѣдующія родословными книгами и разбирающія вопросы о правахъ на дворянство, заботится объ образованіи, школахъ; оно черезъ своихъ депутатовъ можетъ заявлять о своихъ нуждахъ непосредственно престолу.

За дворянствомъ стояло среднее сословіе, едва только вызванное къ жизни Великимъ Преобразователемъ, состоявшее сначала изъ купцовъ и ремесленниковъ. Энергично заботясь о подъемѣ промышленности и торговли, императрица не оставляла своимъ вниманіемъ средній родъ людей, т.-е., горожанъ, отъ которыхъ «государство много добра ожидаетъ». Нужды и просьбы купечества были заявлены въ большой комиссіи. «Жалованная грамота на права и выгоды городамъ Россійской имперіи», данная въ одинъ и тотъ же день вмѣстѣ съ жалованной грамотой дворянству, санкціонировала и проводила въ жизнь такія желательныя реформы. Считая, что дозволеніе дворянамъ торговли въ городахъ «противно существу самодержавнаго правленія», жалованная грамота становилась на сторону «средняго рода людей» и ему отдавала всю торговлю. Городское сословіе вообще опредѣлилось здѣсь въ подробностяхъ. Оно дѣлится на городскіе классы: настоящіе городскіе обыватели—

Выходъ Императрицы Екатерины II съ дежурными генералъ-адъютантомъ кн. Г. Г. Орловымъ и флигель-адъютантомъ С. Г. Зоричемъ. Съ акварели Е. П. Самокишъ-Судковской.

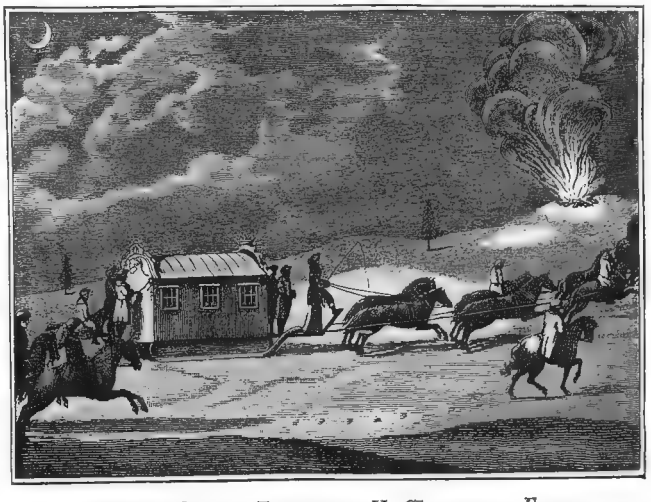
классъ всесословный: домовладѣльцы и городскіе землевладѣльцы, три гильдіи купцовъ (противъ двухъ—Петра), ремесленники-цеховые, иностранные и иногородніе гости (приписанные къ городу), именитые граждане и, наконецъ, посадскіе. Всѣ шесть классовъ назывались тогда мѣщанами (при исключеніи, конечно, дворянъ), т.-е., городскими обывателями. Всѣ они пользуются самоуправленіемъ, составляя всесословныя городскія общества, имѣющія право владѣнія собственностью, общественными деньгами и доходами. Обыватели на своихъ городскихъ собраніяхъ по трехлѣтіямъ выбираютъ городского голову и гласныхъ отъ каждаго отдѣла всѣхъ шести классовъ въ общую городскую думу. Собраніе правомочно дѣлать заявленія о своихъ нуждахъ и выгодахъ губернатору. Заботы о городскомъ хозяйствѣ лежали на двухъ городскихъ думахъ,—общей и шестигласной. Вѣрная въ принципѣ попытка грамоты, заключавшаяся въ сплоченіи городского общества, въ образованіи самоуправляемой городской единицы и даже имѣвшая въ виду хоть нѣсколько сгладить сословную рознь, не въ силахъ была, однако, пробить крѣпкихъ сословныхъ граней.

Съ картины Тончи. Г. Р. Державинъ.

Екатерина трудилась также и надъ проектомъ объ устройствѣ крестьянства. Частности были проведены въ жизнь: дано нѣкоторое участіе совмѣстно съ высшими сословіями и крестьянскіе суды «расправы» (по учрежденію о губерніяхъ), но «устройство» далѣе не пошло. Совсѣмъ не осуществились свѣтлыя намѣренія императрицы и немногихъ ея единомышленниковъ по отношенію къ несвободному, крѣпостному, помѣщичьему крестьянству. Новыя просвѣтительныя вѣянія не имѣли успѣха въ русскомъ обществѣ, въ чемъ скоро и убѣдилась государыня. Трудность практическаго осуществленія также была ей ясна. Затронуть явное зло было бы зломъ еще болѣе опаснымъ. Нельзя оказать блага всѣмъ, надо оказывать его части! Такъ дѣйствовала Екатерина, но это не значитъ, чтобъ она въ душѣ помирилась съ необходимостью этого. Предвидя грозные кризисы страны, результаты крѣпостного гнета, она говорила о грозящемъ бунтѣ всѣхъ крѣпостныхъ деревень, предотвратить который можно только тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями, указывала на критическое положеніе крестьянъ. «Если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣренія человѣческому роду нетерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно». Примѣръ уже былъ въ пугачевщинѣ. Однако, генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига сразу сдѣлать нельзя, сначала слѣдуетъ оградить законами права крѣпостныхъ, потомъ ужъ освободить ихъ, думала государыня. Осторожность и осторожность во всемъ. Страшная боязнь за цѣлость государства подъ вліяніемъ пугачевскаго бунта затмевала прежнія идеи. Французская революція разрушила ихъ совершенно.

Если законодательныя мѣры Екатерины по отношенію къ крѣпостному праву въ силу указанныхъ препятствующихъ причинъ, не могли окончиться ничѣмъ существеннымъ, то мягкая энергія императрицы устремилась другими путями къ будущему осуществленію завѣтной своей цѣли. Надо было подготовить общество, пересоздать настоящее его міросозерцаніе, перевоспитать его на началахъ истиннаго просвѣщенія, гуманности, которая должна быть заложена не только въ умахъ отвлеченной теоріей, но и въ сердцахъ обновленнаго поколѣнія. Можетъ быть, провѣривъ себя она пришла къ убѣжденію, что идеалы—одно, проведеніе ихъ въ жизнь—другое. Теоретика-мечтателя было мало; требовалось большее. Словомъ, императрица думала о «новой породѣ людей». Крестьянскій вопросъ былъ пробнымъ камнемъ для оцѣнки нравственнаго и духовнаго уровня русскаго общества въ глазахъ Екатерины. Первая же проба показала ей, какъ темно оно было.

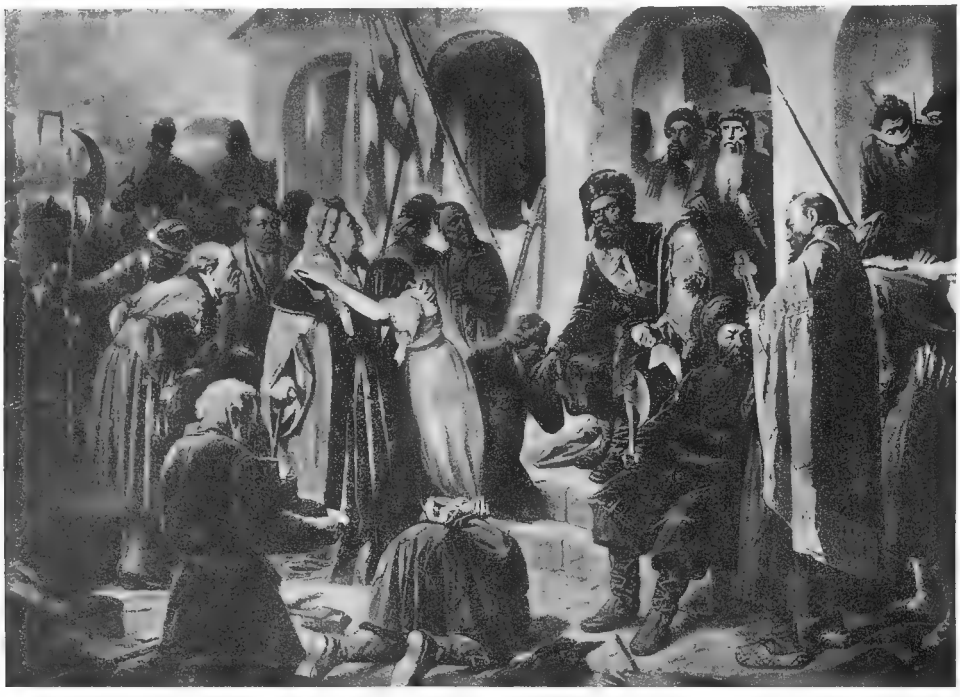
Естественно, что первой заботой государыни стала задача просвѣщенія общества, которая и выдвигается Екатериной на первый планъ. Литературное направленіе при личномъ участіи государыни идетъ ей навстрѣчу. Сатира осмѣиваетъ современные недостатки: грубость и некультурность нутра подъ блестящей внѣшней оболочкой, подражательность французскому лоску, манерамъ; корысть и взяточничество чиновниковъ, невѣжественность дворянъ—основныя темы сатиры, комедіи. Талантъ Фонвизина въ его знаменитыхъ комедіяхъ ярко рисуетъ всѣ отрицательныя стороны общества. «Ябеда», комедія Капниста, обнаруживаетъ страсть къ сутяжничеству, лицепріятіе судей, повальное взяточничество должностныхъ лицъ. Громозвучная лира Державина, не забывающая и сатирическихъ нападокъ, воспѣваетъ добродѣтели извѣстной «Фелицы», славныя дѣянія Екатерины и ея сотрудниковъ, не пропуская случаевъ для гуманной проповѣди о человѣческихъ качествахъ въ ихъ высокомъ смыслѣ, необходимыхъ возсѣдающему на тронѣ. Сама Екатерина занимаетъ почетное мѣсто въ русской литературѣ. Сатирическіе журналы «Всякая Всячина» (1769—70 г.), «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» (съ 1783/4 г. въ отдѣлѣ «Были и небылицы») въ лицѣ императрицы имѣли редактора и главнаго сотрудника. «Всякая всячина», негласной руководительницей которой была сама Екатерина, вызвала къ жизни всю послѣдующую массу сатирическихъ журналовъ. Свобода слова, печати воспѣвалась въ одахъ корифеевъ русской поэзіи. Державинъ пѣлъ тогда: «О всемъ и вьявь, и подъ рукой и знать и мыслить позволяешь», считая это еще «неслыханнымъ дѣломъ, достойнымъ Фелицы лишь одной». Высокопарность гармонируетъ здѣсь съ настоящей вѣрой въ искренность стремленій императрицы къ прогрессу, къ всеобщему благу. Стоя во главѣ литературнаго движенія, сама Екатерина обновила общественную мысль великими принципами западной публицистики, а раскрывая многія отрицательныя стороны современной жизни, осязательно доказала отсталость и неприглядность, неразвитость общества и умственную дикость тогдашнихъ нравовъ. Но и здѣсь присущій опти-



Дорожный возокъ Екатерины II. Съ гравюры Гоппе.

мизмъ ея предпочелъ сатиру не ювеналовской желчи, а спокойно-насмѣшливаго «улыбательнаго» настроенія.

Екатерина мечтала о томъ, чтобы въ ея подданныхъ «съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце». Если со времени Петра Великаго Россія, главнымъ образомъ, усваивала прикладныя, практическія знанія, то Екатерина стремилась къ тому, чтобы съ образованіемъ ума въ русскомъ просвѣщеніи неразрывно было связано нравственное воспитаніе. «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина... Корень всему добру и злу воспитаніе. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо остается средство—произвести способомъ воспитанія новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, какъ бы дѣтямъ своимъ тѣ же пря-



Перовъ. Пугачевщина.

мыя и основательныя правила вселить въ сердце могли, а паки дѣти передали своимъ дѣтямъ». Такъ Екатерина оцѣнивала значеніе воспитанія. Она подробно развила свои мысли о воспитаніи въ своихъ сочиненіяхъ: «Инструкція князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей» и «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества». Это послѣднее ея сочиненіе составлено ею съ помощью Ив. Ив. Бецкаго, ея дѣятельнаго сотрудника на нивѣ народнаго просвѣщенія. Къ педагогическимъ произведеніямъ Екатерины относятся ея извѣстныя сказки о царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Февеѣ, гдѣ она въ лицѣ героевъ этихъ сказокъ выставляетъ идеально воспитанныхъ людей. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе», говоритъ императрица [17]).

Согласно своимъ взглядамъ, Екатерина находила лучшимъ отдѣлять дѣтей отъ роди-

[17]) Инструкція кн. Салтыкову.

телей, чтобы государство брало всецѣло на себя заботу объ ихъ воспитаніи. Поэтому она основала закрытыя учебныя заведенія. Такъ, для воспитанія дѣвицъ она учредила институтъ при Смольномъ монастырѣ. Къ существующему шляхетскому кадетскому корпусу она присоединила еще инженерный и артиллерійскій. Двѣ комиссіи—объ учрежденіи народныхъ училищъ и объ учрежденіи учебныхъ заведеній для дѣтей духовенства—разрабатывали планъ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній. По мысли Бецкаго, были устроены воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ. Наконецъ, Екатерина учредила Россійскую Академію для ученой обработки отечественнаго языка, и первымъ президентомъ ея была назначена кн. Дашкова.

Такимъ образомъ, императрица всѣми мѣрами содѣйствовала духовному движенію впередъ русскаго народа и раскрытію въ немъ культурно-просвѣтительныхъ и гуманныхъ силъ.

Убѣдившись, каково настроеніе общества, императрица, конечно, не могла перестроить его по схемѣ просвѣщенной философіи, но все-таки созваніе комиссіи для сочиненія Новаго Уложенія явилось благодѣтельнымъ фактомъ новаго царствованія. Сразу почувствовавъ опасность коренныхъ реформъ, она не отказалась отъ частичныхъ преобразованій, заботилась о постепенномъ сліяніи сословій, упорядоченіи судовъ, уменьшеніи административнаго произвола, о прививкѣ въ обществѣ идеи самоуправленія. Подобныя мѣры не могли не оказать существенной пользы государству, можетъ быть, не осязательной вначалѣ, то все-таки важной по своимъ послѣдствіямъ въ смыслѣ поднятія общественнаго самосознанія. Одно идейное проведеніе въ жизнь благодатныхъ новыхъ началъ обнаруживаетъ «великость духа» Екатерины.

Положеніе Екатерины не было устойчивымъ въ началѣ ея царствованія. Нѣсколько мелкихъ заговоровъ и извѣстная попытка Мировича возвести Брауншвейгскаго потомка на русскій престолъ, печально окончившаяся (1764 г.), заставили Екатерину быть настороже. Угнетенное положеніе крестьянъ, волненія и частичные бунты ихъ противъ помѣщиковъ заканчиваются пугачевщиной. Донской казакъ Пугачевъ ловко сплотилъ недовольныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, казаковъ и инородцевъ и, искусно руководя возставшими, почувствовалъ въ себѣ достаточно увѣренности даже «тряхнуть Москвой». Государство переживало опасный кризисъ: крестьянско-казацкая вольница грозила обновлявшемуся его организму. Отъ хозяйничанья этой вольницы пострадала значительная часть государства, но, въ концѣ концовъ, энергичныя дѣйствія опытныхъ и рѣшительныхъ генераловъ одержали верхъ надъ хаотической массой; Пугачевъ, выдававшій себя за Петра III, былъ выданъ правительству и казненъ (1775 г.). Грозный бунтъ былъ подавленъ. Четырьмя годами ранѣе первопрестольная столица испытала на себѣ всѣ ужасы смертоносной эпидеміи—чумы, занесенной изъ Молдавіи. Темный народъ, охваченный смертельнымъ страхомъ, толпился у чудотворной иконы Варварской Божьей Матери, передавая и увеличивая заразу; разбивалъ карантины, считалъ врачей вредоносными заговорщиками противъ зараженныхъ, отравителями больныхъ. Вспыхнулъ бунтъ черни, и лишь рѣшительныя мѣры Орловыхъ, посланныхъ сюда императрицей, съ трудомъ возстановили порядокъ.

Станиславъ Понятовскій.

Перейдемъ теперь къ внѣшней политикѣ Екатерины II.

Въ началѣ своего царствованія Екатерина Великая часто указывала на необходи-

мость мира для Россіи,—страны, требующей неотложныхъ заботъ во всестороннемъ упорядоченіи внутренняго устройства. Поэтому война съ Даніей, начатая Петромъ III, сейчасъ же была прекращена, и союзный договоръ его съ Фридрихомъ прусскимъ обратился теперь въ мирный договоръ. Изолированность и значительное истощеніе державъ, участвовавшихъ въ семилѣтней войнѣ, вынуждали ихъ дѣйствовать осторожнѣе. Союзы государствъ, образовавшіе въ эту войну два враждебные лагеря, ослабли и даже распались. Одиноко стоявшему прусскому королю на всякій случай надо было искать солидной внѣшней поддержки въ лицѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что у обѣихъ державъ были нѣкоторые общіе интересы по отношенію къ сосѣдней Польшѣ. Территоріальные аппетиты корыстнаго Фридриха давно соблазняли его къ округленію Пруссіи на счетъ Рѣчи Посполитой; прусское герцогство и Бранденбургъ были разобщены полосой польской земли по нижней Вислѣ; на эту землю и зарился король. Вмѣшательство Екатерины въ дѣла Польши началось по поводу угнетеній здѣсь православнаго населенія. Епископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій просилъ у русской императрицы заступничества для своей паствы, лишенной непримиримыми католиками и уніатами всѣхъ политическихъ правъ и фанатически преслѣдуемой. Великодушное заступничество не могло, конечно, не повлечь за собой и чисто политическихъ выгодныхъ послѣдствій, что и было учтено русской политикой. Совпаденіе интересовъ Россіи и Пруссіи повело къ согласнымъ дѣйствіямъ обѣихъ державъ. По настоянію Екатерины, охотно поддержанному Фридрихомъ, на престолъ Польши по смерти короля Августа III избранъ былъ личный другъ императрицы Станиславъ Понятовскій. Элекціонный сеймъ собрался въ очень маломъ составѣ, въ необычной дотолѣ обстановкѣ, въ виду подошедшихъ русскихъ отрядовъ. Екатерина поздравляла Панина «съ королемъ, котораго мы дѣлали»; въ другой разъ она писала, что Россія выбрала Понятовскаго, потому что онъ изо всѣхъ искателей имѣлъ наименѣе правъ, а, слѣдовательно, наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи. Франція и Австрія, недовольныя такимъ избраніемъ, всячески противодѣйствовали русско-прусскимъ интересамъ. Требованія Екатерины о возстановленіи правъ диссидентовъ не были уважены на сеймѣ; фанатичный краковскій епископъ Солтыкъ рѣзко высказался противъ равноправія диссидентовъ съ католиками. Ревностная защитница православія, императрица обѣщала свою помощь и предложила диссидентамъ образовать вооруженныя партіи—конфедераціи. Таковыя составились: въ Слуцкѣ—конфедерація православныхъ, въ Торнѣ—протестантовъ. На Варшавскомъ сеймѣ 1767 года собрались депутаты, готовые «жизнь и имущество пожертвовать за церковь католическую», но энергичный Репнинъ, русскій посолъ, пригрозилъ собранію, что самъ «подыметъ шумъ посильнѣе». Рус-

Айвазовскій. Хіосскій бой 24 іюня 1770 г. Музей Морского Корпуса.

скій отрядъ былъ у него подъ рукой. Фанатичный Солтыкъ и три другихъ были арестованы. Дѣло окончилось признаніемъ права диссидентовъ свободнаго богослуженія, были возстановлены православные епископы и дано полное политическое равноправіе. Что касается политическихъ реформъ Рѣчи Посполитой, то Екатерина обязалась поддерживать прежній строй съ гибельнымъ для государства «liberum veto»,—«перломъ ихъ конституціи», какъ выражался Репнинъ, желая убѣдить поляковъ, противниковъ этого «veto». Возмущенная всѣмъ этимъ значительная часть польскаго дворянства отовсюду посылала протесты и составляла конфедераціи. Въ г. Барѣ, въ Подоліи, собрался отрядъ недовольныхъ вмѣстѣ съ татарскими наемниками,—всего около 8000 чел. Конфедераты овладѣли Бердичевомъ, Люблиномъ и др. Въ то же время Турція, подъ вліяніемъ французскихъ агентовъ, потребовала очищенія Польши отъ русскихъ войскъ. Вдругъ вспыхнуло за Днѣпромъ въ Украйнѣ

Чесменскій бой 26 іюня 1770 г. По картинѣ Р. Патонъ.

возстаніе казаковъ и гайдамаковъ «за православную вѣру и церкви Божіи». Запорожцы Желѣзнякъ и Гонта избивали католиковъ и евреевъ; населеніе г. Умани было вырѣзано. Русскимъ войскамъ пришлось усмирять «гайдамачину», главари были схвачены. Одинъ гайдамацкій отрядъ бросился къ пограничному съ татарскимъ мѣстечкомъ Галтою городку Балтѣ и разграбилъ его; населеніе его составляли турки, татары и евреи. Сопротивленіе ихъ увлекло гайдамаковъ въ татарскую Галту, которая была также разграблена. Взбѣшенный султанъ заключилъ русскаго посла Обрѣзкова въ подземелье и объявилъ войну, требуя удаленія русскихъ войскъ отъ турецкой границы, очищенія Подоліи, затѣмъ всей Польши и полнаго невмѣшательства Россіи въ дѣла Польши. Императрица, видя неподготовленность русскихъ, самолично руководила всѣми приготовленіями къ войнѣ. Слабый флотъ сдѣлался предметомъ ея «отмѣннаго попеченія». Екатерина не унывала; можно предполагать даже, что она вѣрила въ свое счастье; во всякомъ случаѣ, увѣренность эту она внушила своимъ полководцамъ. Энергичными мѣрами началась кампанія 1768 года: пять армій было послано на южную границу. Кронштадскій флотъ въ то же время дол-

женъ былъ совершить долгое плаванье и явиться въ Архипелагѣ; три эскадры слѣдовали одна за другой. Ал. Орловъ подалъ мысль произвести возстаніе балканскихъ народовъ, подданныхъ Турціи. При единодушныхъ дѣйствіяхъ союзныхъ грековъ и остальныхъ балканскихъ христіанъ уже мечтали о полномъ уничтоженіи Порты, мусульманскій мѣсяцъ меркнулъ подъ яркими лучами креста. Однако, возстаніе не было правильно организовано, греки не выработали плана дѣйствій, а русскіе запоздали и высадка ихъ не имѣла должнаго успѣха. Такимъ образомъ, греки были предоставлены самимъ себѣ, и жестокая расплата постигла ихъ со стороны турокъ. Но русскій флотъ былъ уже у Наварина. У острова Хіоса Орловъ, не взирая на превосходство силъ, рѣшилъ пасть или истребить врага. Адмиральскій корабль «Евстафій» схватился бортъ о бортъ съ турецкимъ кораблемъ, оба загорѣлись и взлетѣли на воздухъ. На другой день, 26-го іюня (1770 г.) Орловъ, рѣшивъ, что надо не только побѣдить турокъ, но истребить ихъ, чтобы имѣть свободныя руки въ Архипелагѣ, брандерами зажегъ непріятеля, сгруппировавшагося въ Чесменской бухтѣ; сильнѣйшая бомбардировка довершила гибель флота. Его разбили, разломали, сожгли, оставивъ на томъ мѣстѣ престрашное позорище. На донесеніе объ этой побѣдѣ, Екатерина отвѣчала: «Дивенъ Богъ во святыхъ Его. Ничего знаменитѣе въ той странѣ быть не можетъ, мало въ свѣтѣ слыхано подобнаго было». Торжественная панихида по Великомъ Создателѣ русскаго флота была совершена благодарной государыней. Орловъ получилъ названіе «Чесменскаго»; участники боя награждены медалями съ надписью «былъ». Слава ея разнеслась по всей Европѣ, самъ Вольтеръ рукоплескалъ ей. Военныя дѣйствія на сушѣ, неудачныя сначала (у Хотина и на р. Серетѣ), съ перемѣной главнокомандующаго, блестяще поправились. Ночная атака на турокъ и татаръ при р. Ларгѣ разбила и отбросила ихъ къ Дунаю, а черезъ нѣсколько дней великій визирь съ 100.000 арміей принужденъ былъ бѣжать подъ отчаяннымъ натискомъ храбраго Румянцева съ войскомъ, впятеро меньшимъ турецкаго. Побѣдоносное шествіе русскихъ продолжалось, и Валахія была снова занята русскими. Второй арміей были заняты Браиловъ, Бухарестъ и взяты Бендеры послѣ упорнаго сопротивленія (гр. Панинымъ). Въ слѣдующемъ году Долгорукій, посланный во главѣ третьей арміи въ Крымъ, гдѣ въ то время шли мѣстные раздоры партій, явилъ себя способнымъ военачальникомъ, быстро занявъ Перекопъ, Евпаторію и Керчь, и опытнымъ дипломатомъ: его переговоры съ татарами шли успѣшно. Румянцевъ съ дунайской арміей, ослабленной жестокими битвами и нуждавшейся въ подкрѣпленіи, долго находился въ стѣсненномъ положеніи, не имѣя никакой возможности къ дальнѣйшимъ наступленіямъ. Дѣла польскія и бунтъ Пугачева остановили на себѣ все вниманіе императрицы. Всюду требовались военныя силы, нельзя было сосредоточить ихъ въ одной борьбѣ, направить желае-

Изъявленіе конфедератами покорности Суворову послѣ взятія Краковскаго замка въ 1772 г. Съ гравюры прошлаго столѣтія Энденера.

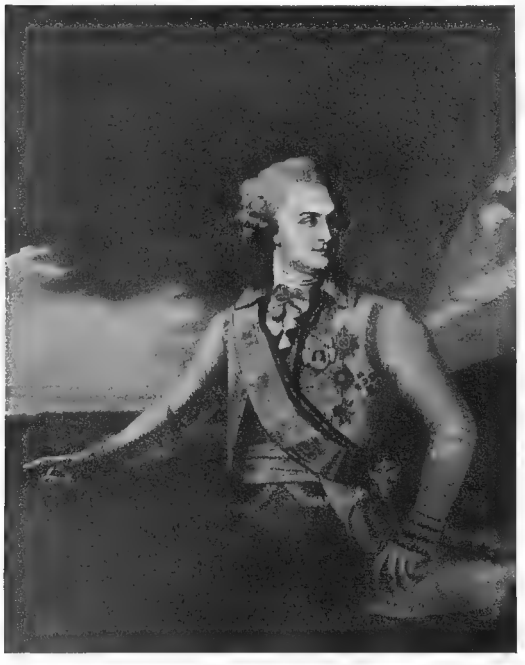
мое количество войскъ на Дунайскій театръ для окончательнаго удара. На три года замедлились рѣшительныя дѣйствія русскихъ, когда, наконецъ, Румянцеву можно было перейти за Дунай.

Побѣды русскаго оружія, занятіе Крыма, Молдавіи и Валахіи, доминирующее вліяніе въ Россіи Польшѣ заставило теперь другія европейскія державы противодѣйствовать такому быстрому усиленію энергичной сосѣдки. Надо было стараться о сохраненіи политическаго равновѣсія. Успѣхи въ Польшѣ, занятіе придунайскихъ областей, составляющихъ для Австріи естественный выходъ къ Черному морю, побудили ее обнадежить турецкаго султана, обратившагося теперь къ австрійскому двору съ просьбой о посредничествѣ. Австрійскіе военные отряды уже давно стояли на австро-турецкой границѣ.

Ген.-фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

Враждебнымъ духомъ къ Россіи проникся и Фридрихъ прусскій. Сначала онъ пытался дружески уговаривать императрицу отказаться отъ Крыма и Дунайскихъ земель, т. к., это де можетъ нарушить интересы разныхъ державъ и, что, вообще, опасно предъявлять чрезмѣрныя притязанія: за Турцію легко можетъ заступиться Австрія и т. д. Однако, ясно сквозила его боязнь и зависть въ подобныхъ письмахъ Екатеринѣ, и она была этимъ сильно раздражена. Однако, подозрѣвая соглашеніе Австріи и Пруссіи препятствовать ея успѣхамъ, Екатерина ограничила свои требованія по отношенію къ Турціи. Безпомощная Польша представляла прекрасный территоріальный запасъ, отъ коего можно было брать части для вознагражденія взамѣнъ другихъ завоеванныхъ областей, или же просто дѣлить его между тремя сосѣдними государствами такъ, чтобы ни одно не осталось въ обидѣ; сосѣдямъ было очень соблазнительно насчетъ Польши «округлять» или «выпрямлять» собственныя границы. Отряды патріотовъ-конфедератовъ, объявившіе Понятовскаго лишеннымъ престола, пользуясь связанностью Россіи, занятой съ турками, поддерживаемые французскимъ министромъ Шуазелемъ, который посылалъ имъ оружіе и инструкторовъ, держались до 1772 года, когда Суворовъ взялъ ихъ послѣдній оплотъ—Краковъ; тогда же австрійскія войска проникли въ Галицію а прусскія—въ Великую Польшу. Барская конфедерація пала, вожди ея эмигрировали. Ловкій Фридрихъ, грозившій Россіи враждою Австріи за нежелательную ею оккупацію дунайскихъ земель, и въ то же время застращивавшій Австрію непріязнью могущественной Россіи, добился политическаго равновѣсія опасныхъ сосѣдокъ по-

любовнымъ раздѣломъ «поверженной во всеобщую смуту и раздоры Рѣчи Посполитой». Послѣ множества всякихъ проектовъ и долгихъ перекоровъ (Австріи и Пруссіи), въ 1772 году былъ утвержденъ договоръ, по которому около половины всей Польши было раздѣлено между тремя державами: Россія удовлетворена была большей частью Бѣлоруссіи (до Двины и Днѣпра), часть Великой Польши и Померанія округлили прусское королевство, связавъ его съ Бранденбургомъ. Такимъ соединеніемъ Фридрихъ сплотилъ свои земли въ великую державу. Австрія получила Галицію и Людамерію.

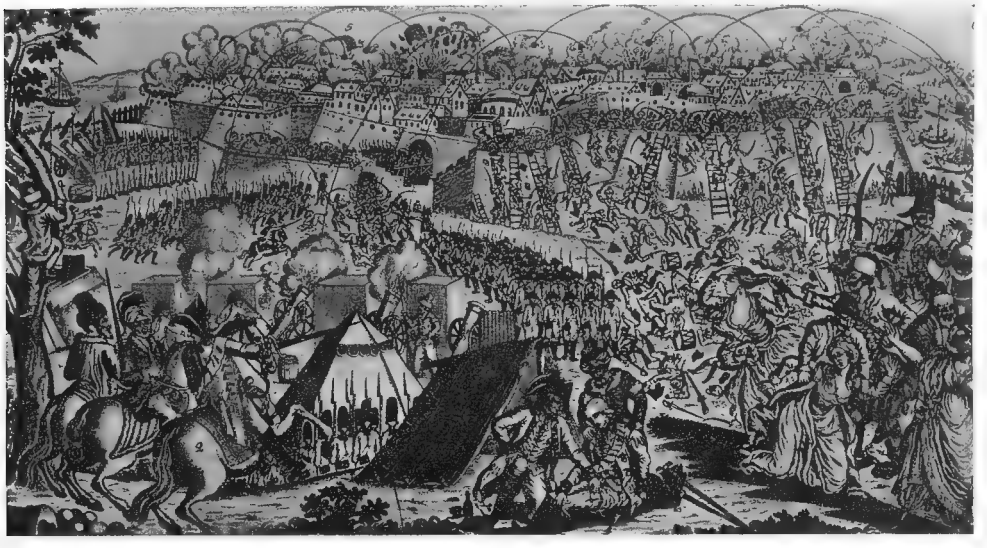


Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

По удовлетвореніи алчныхъ аппетитовъ Пруссіи и Австріи можно было свободнѣе дѣйствовать въ продолжавшейся войнѣ съ турками. Румянцевъ съ присланными къ нему подкрѣпленіями переправился за Дунай и осадилъ Силистрію, разбилъ турокъ въ нѣсколькихъ мелкихъ сраженіяхъ. Суворовъ взялъ Туртукай. Затѣмъ послѣдовали побѣды при Колludжѣ и др. и стремительное наступленіе главной арміи, соединившейся съ корпусами Каменскаго и Суворова. Каменскій подошелъ ужъ къ г. Шумлѣ, гдѣ находился съ всйскомъ великій визирь. Такіе успѣхи непріятеля заставили турокъ быть сговорчивѣе. Миръ въ мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи былъ заключенъ (1774 г., іюль) на слѣдующихъ условіяхъ: политическая независимость крымскихъ татаръ отъ Порты; крѣпости Керчь, Азовъ, Кинбурнъ и земли между Бугомъ и Днѣпромъ переходятъ къ Россіи; она пользуется правомъ свободнаго плаванія по Черному морю съ безпрепятственнымъ выходомъ въ Средиземное; взамѣнъ эвакуаціи Грузіи и Мингреліи она получаетъ обѣ Кабарды. Отказываясь отъ Молдавіи и Валахіи, Россія пользуется правомъ «предстательства», т.-е., заступничества за христіанъ, что вело за собой фактическую возможность вмѣшательства Россіи въ дѣла турецкія. И по отношенію къ грекамъ и остальнымъ христіанамъ, возставшимъ противъ Порты, она имѣла то же право заступничества. Всѣ они должны получить амнистію отъ султана. Русскимъ гарантированъ безопасный доступъ къ св. мѣстамъ. Наконецъ, Турція выплачиваетъ за военныя издержки 4½ милл. Признаніе независимости татаръ было всего тяжелѣе для Турціи, но и нѣкоторыя другія условія уже по своей неопредѣленности (право вмѣшательства въ дѣла Порты) могли давать въ дальнѣйшемъ поводы къ политическимъ недоразумѣніямъ Россіи и Турціи, къ новымъ столкновеніямъ.

Независимости татаръ скоро предстояло обратиться въ подчиненное Россіи положеніе. Приверженцы русскихъ одолѣвали противную партію; новый ханъ Шагихъ Гирей, ставленникъ императрицы, сталъ явнымъ орудіемъ въ дѣлѣ подчиненія Крыма Россіи. Возстаніе противъ него было подавлено съ помощью русскаго отряда. Войска императрицы не отходили отъ турецкой границы; тутъ же строились укрѣпленія. На днѣпровскихъ верфяхъ снаряжались военныя суда. Любимецъ Екатерины Потемкинъ разрабатывалъ и приводилъ

въ исполненіе планы о колонизаціи Юга. Намѣстникъ «Тавриды», т.-е., Новороссійскаго края (офиціально присоединеннаго Екатериной въ 1783 г.) съ отъѣздомъ хана въ Россію спѣшно заселялъ пустынныя степи, строилъ новые города, возобновлялъ старые, укрѣплялъ ихъ. Онъ выстроилъ Николаевъ съ крѣпостью и верфью, Херсонъ, Екатеринославъ, Севастополь съ гаванью и новымъ черноморскимъ флотомъ, которому отнынѣ надлежало сыграть важную роль,—обезпечить господство Россіи на Черномъ морѣ. Нетронутыя новыя мѣста отводятся трудолюбивымъ раскольникамъ, иностраннымъ колонистамъ—нѣмецкимъ сектантамъ; армяне и греки охотно переселяются въ Новороссію. Къ 1790 году количество населенія удесятеряется и доходитъ до полумилліона. Земледѣліе, скотоводство быстро развиваются благодаря энергіи колонистовъ и правительственной поддержкѣ. Развиваются и нѣкоторые виды промышленности (шелководство, винодѣліе). Вообще, рабочій трудъ и европейская культура, насаждаемые на этомъ громадномъ пространствѣ чернозема и степей, пожинаютъ обильный плодъ. Рѣшительная политика русскихъ подъ бокомъ обиженной Турціи имѣла



Штурмъ Измаила 11—22 декабря 1790 г. подъ начальствомъ А. Суворова.

достаточную опору въ союзѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ. Сближеніе Екатерины съ Іосифомъ, захватившимъ уже у турокъ Буковину, имѣло въ виду продолжать наступательныя дѣйствія противъ Порты, соблюдая русскіе и австрійскіе интересы. Въ 1789 году Екатерина съ громадною свитой, министрами и иностранными дипломатами, предприняла грандіозную поѣздку по Новороссіи; главные пункты путешествія были: Кіевъ, Херсонъ, Бахчисарай,—столица прежнихъ хановъ и, наконецъ, Севастополь съ готовымъ уже флотомъ. Дружественный Іосифъ былъ приглашенъ императрицей въ Херсонъ, гдѣ должно было состояться свиданіе монарховъ и дальнѣйшее совмѣстное путешествіе. Въ Ольвіэполѣ ногайскіе татары торжественно встрѣтили новую повелительницу. Путешественники удивлялись блестящей дѣятельности Потемкина, усиленно постаравшагося показать ввѣренный ему край въ выгодномъ свѣтѣ. Во время путешествія разрабатывался любимый греческій проектъ Потемкина, о которомъ мечтала и Екатерина. Іосифъ II также былъ его сторонникомъ. Планъ состоялъ въ уничтоженіи мусульманскаго міра въ Европѣ, изгнаніи турокъ изъ ея предѣловъ, полномъ освобожденіи христіанъ отъ турецкой зависимости и раздѣлѣ турецкой территоріи. Политика Екатерины уже прошла замѣтный путь

въ рѣшеніи этого обширнаго плана. И, дѣйствительно, изъ Севастополя не такъ далеко было до Константинополя, что Іосифъ и Сегюръ приняли въ соображеніе. При объявленіи войны Турціей, Іосифъ, изъявляя готовность помогать Россіи, сожалѣлъ, что онъ съ императрицей сейчасъ не въ Севастополѣ, откуда легко направиться въ Константинополь привѣтствовать султана и его неразумныхъ совѣтниковъ пушечными выстрѣлами. Турки говорили: «пока Крымъ — въ рукахъ Россіи, Турція — домъ безъ дверей, куда могутъ забраться воры», и боязливо ожидали появленія русскаго флота у Константинополя. Враждебное настроеніе усугублялось и по поводу распространенія русскаго вліянія на Кавказѣ, гдѣ грузинскій царь Ираклій отдался подъ покровительство Россіи. Отраженіе лезгинъ и другихъ мѣстныхъ племенъ, сторонниковъ Турціи, нападавшихъ на Грузію, заставляло держать

Императрица Екатерина II со свитою. Съ гравюры того времени Г. Бальтазаръ.

здѣсь русскіе отряды; запорожскіе казаки были поселены на Кубани Потемкинымъ съ той же цѣлью. Турки, наконецъ, опасались и за Египетъ, могущій достаться французамъ при общемъ дѣлежѣ Порты, къ которому стремилась Россія. Такимъ образомъ, все вело къ разторженію мира.

При поддержкѣ Англіи, озлобленной за изданіе акта о вооруженномъ нейтралитетѣ, Порта объявила въ 1787 г. войну грозной и опасной сосѣдней державѣ; демонстративная поѣздка по Крыму Екатерины могла только ускорить объявленіе войны. Русскій посолъ Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. Строго говоря ни та, ни другая держава не были готовы къ войнѣ. Рѣшительность Порты граничила съ отчаяніемъ. Потемкинъ, зная слабость русскихъ, ихъ неподготовленность, былъ въ угнетенномъ настроеніи и падалъ духомъ. Нападеніе турокъ на Кинбурнъ, оплотъ Крыма, геройствомъ Суво-

рова было отражено съ большими потерями съ ихъ стороны. Буря разсѣяла Черноморскій флотъ, что опять привело Потемкина въ мрачное отчаяніе, такъ что Екатеринѣ пришлось его ободрять. Кинбурнская побѣда ободрила его еще болѣе, и заботы о возобновленіи флота всецѣло его заняли. Вскорѣ возсозданный флотъ дважды разбилъ въ лиманѣ у Очакова турецкую эскадру; можно было приступить къ осадѣ этой сильной крѣпости. Медлительность главнокомандующаго, его нерѣшительность приступить къ штурму объяснялась его нежеланіемъ жертвовать солдатами, но черезъ пять мѣсяцевъ кровопролитный приступъ состоялся и крѣпость пала (декабрь 1788 г.). Предполагаемая морская экспедиція подъ начальствомъ адмирала Грейга не состоялась вслѣдствіе препятствій, чинимыхъ враждебной Англіей. Императрица послѣ очаковской побѣды надѣялась, что скоро увидитъ Потемкина въ Константинополѣ; неуспѣшность союзныхъ австрійцевъ не оправдала такой надежды Екатерины. Бездѣятельность другой арміи подъ начальствомъ стараго Румянцева, оперировавшаго въ Бессарабіи, вынудила Екатерину передать общее командованіе Потемкину, который предоставилъ геніальному Суворову полную свободу дѣйствій. Послѣдній нашелъ себѣ способнаго и храбраго соратника въ лицѣ принца Кобургскаго, командовавшаго австрійской арміей. Соединенными силами обоихъ были одержаны блистательныя побѣды надъ турками при Фокшанахъ въ Валахіи и затѣмъ при рѣкѣ Рымникѣ, гдѣ стотысячное войско великаго визиря было разбито вчетверо меньшимъ отрядомъ союзниковъ. Екатерина уже думала о присоединеніи Молдавіи и Валахіи къ будущей греческой имперіи, подъ названіемъ Дакіи. Бѣлградъ былъ уже занятъ австрійцами. Бендеры и Аккерманъ взяты Потемкинымъ. Наконецъ, въ 1790 году разнеслась по всей Европѣ вѣсть о безпримѣрномъ въ военной исторіи дѣлѣ. Неприступная крѣпость Измаилъ съ огромнымъ гарнизономъ пала подъ ударами русскихъ штыковъ, послѣ отчаяннаго штурма Суворова. Незадолго передъ этимъ Россія потеряла вѣрнаго союзника Іосифа австрійскаго: онъ умеръ въ началѣ этого же (1790) года. Планы раздѣла Турціи рушились къ великому огорченію Екатерины. Однако, русскіе и одни дѣйствовали съ успѣхомъ. Репнинъ разбилъ турокъ при Мачинѣ (1791 г.), адмиралъ Ушаковъ разсѣялъ флотъ непріятеля на Черномъ морѣ. Турція желала мира, который и былъ заключенъ послѣ переговоровъ въ Яссахъ. Онъ подтверждалъ условія Кайнарджійскаго мира, уступалъ Крымъ безпрекословно и отдавалъ Россіи Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ (1791 г.).

Съ этой войной совпала и война, объявленная Густавомъ III шведскимъ, который разсчитывалъ на поддержку оставшихся членовъ Сѣвернаго союза—Англіи и Пруссіи. Давнишній оборонительный договоръ Швеціи съ Турціей согласовался теперь съ личными намѣреніями короля отплатить Россіи за интриги ея агентовъ, направленныя къ умаленію и ограниченію королевской власти путемъ усиленія оппозиціоннаго дворянства, что, въ концѣ концовъ, могло кончиться полной анархіей, подобно польской, съ исходомъ, печальнымъ для Швеціи. Завоевательныя стремленія молодого Густава тутъ играли роль: онъ во что бы то ни стало желалъ вернуть Финляндію. Снаряженная въ глубокой тайнѣ шведская эскадра скоро появилась въ виду Кронштадта. Чичаговъ и Крузе заставили ее удалиться въ Выборгскую бухту и тамъ окружили ее, но шведамъ удалось пробиться сквозь тѣсное кольцо непріятельскихъ кораблей, правда, съ очень ощутительными потерями. Вскорѣ затѣмъ русскій флотъ потерпѣлъ неудачу. Театромъ сухопутныхъ дѣйствій стала Финляндія; шведскій десантъ успѣшно дѣйствовалъ противъ русскихъ отрядовъ, но мелкія стычки не имѣли важныхъ послѣдствій. Однако, Густавъ, обманувшійся въ поддержкѣ Пруссіи, отвлеченной въ это время переговорами съ Австріей, испытавшій весь рискъ неудачной морской битвы, не рѣшался рисковать болѣе. Планы его оказались трудно исполнимыми, да и Екатерина, занятая Турецкой войной, была готова покончить враждебныя дѣйствія. Миръ

въ Верельской долинѣ закрѣпилъ прежнія границы. Россія обязалась не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, Швеція—въ дѣла турецкія (1790 г.).

Послѣ перваго раздѣла уцѣлѣвшая часть Польши не могла быть независимымъ государствомъ. Постоянное вмѣшательство Россіи въ ея дѣла, доминирующая роль русскаго посланника Штакельберга, фактическаго руководителя внѣшней польской политики, опирающагося на русскую вооруженную силу, были налицо. Борьба партіи, побоища на сеймахъ, фанатизмъ католиковъ, просьбы къ другимъ державамъ о заступничествѣ противъ Россіи съ усиленной антирусской агитаціей—все это давало лишніе поводы къ увеличенію русскихъ войскъ, къ болѣе энергичнымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Агитація польскихъ націоналистовъ вмѣстѣ съ надеждою на успѣхъ значительно усилилась въ то время, когда Россія воевала одновременно на два фронта—съ Турціей и Швеціей. Фридрихъ прусскій, врагъ австро-русскаго союза и возраставшаго на его глазахъ могущества Россіи насчетъ Турціи, заключилъ съ Польшей оборонительный союзъ. Національная польская партія понимала, что только путемъ живительныхъ реформъ можно возродить отечество. Быстро составленъ былъ проектъ новой конституціи и представленъ сейму 1788 года. Благодаря своей настойчивости, несмотря на противодѣйствіе сторонниковъ противной партіи, патріотамъ съ Потоцкимъ и Колонтаемъ во главѣ удалось провести желаемыя реформы. Сеймъ 1791 года торжественно объявилъ о введеніи новой конституціи. Королевскій тронъ по этой конституціи становился отнынѣ наслѣдственнымъ, король не долженъ избираться, т. к. наслѣдственная власть, какъ болѣе устойчивая, имѣетъ болѣе силъ поддержать свой авторитетъ. За саксонскимъ курфюрстомъ закрѣплялось право въ случаѣ смерти бездѣтнаго Понятовскаго начать собой новую династію польскихъ королей. Власть законодательная отдана была сейму, гдѣ вопросы рѣшаются большинствомъ; вредное «liberum veto» уничтожено. Сеймъ становился учрежденіемъ постояннымъ. Конфедераціи отмѣнялись. Сословная рознь также затрагивалась реформой: горожане могли переходить въ шляхту; была попытка урегулировать закономъ отношенія между помѣщиками и крестьянами. Религіозный антагонизмъ, принесшій государству не мало вреда, долженъ затихнуть теперь передъ принципомъ вѣротерпимости: свобода вѣроисповѣданій санкціонировалась конституціей. Всѣ эти мѣры, ведущія къ укрѣпленію и самостоятельности Польши, шли вразрѣзъ съ замыслами русскаго двора. Но у націоналистовъ было много противниковъ, приверженцевъ прежней вольной конституціи съ ея анархіей и «liberum veto». Новый строй нарушалъ въ глазахъ ихъ старыя вольности. Такъ мыслили они съ своими главарями: Феликсомъ Потоцкимъ, Браницкимъ и Ржевусскимъ. Недовольство ихъ совпадало и съ недовольствомъ Екатерины. Отсюда вытекаетъ ихъ совмѣстное противодѣйствіе реформамъ;

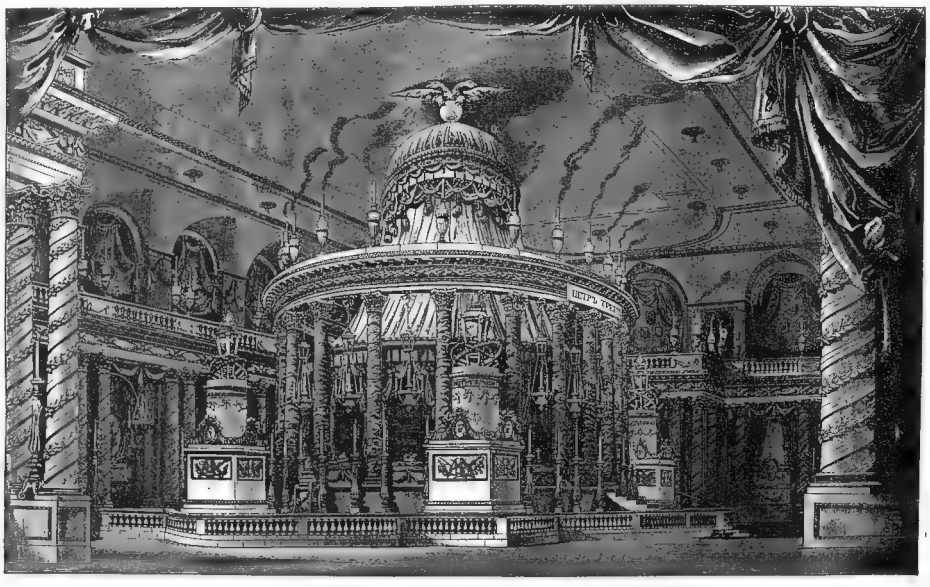
Современное аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

Императрица Екатерина II и Ея Свита.

1. Императрица Екатерина II. 2. Кн. А. М. Голицынъ. 3. Кн. Г. Г. Орловъ. 4. Кн. А. Г. Орловъ. 5. Гр. К. А. Разумовскій. 6. Кн. И. В. Репнинъ. 7. Кн. Г. А. Потемкинъ. 8. П. А. Бибиковъ. 9. Кн. С. Ѳ. Голицынъ. 10. А. Д. Ланской. 11. Кн. С. А. Меньшиковъ. 12. С. П. Салтыковъ. 13. С. Ѳ. Уваровъ.

Силуэты рис. Сидовъ 1782—3 г. *Изъ изданія Герцога Мекленбургскаго.*

русскія войска должны были поддерживать ихъ политику, и недовольные образовали Тарговицкую конфедерацію. Сторонникъ новой конституціи Понятовскій по требованію императрицы долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ новшествъ и присоединиться къ конфедератамъ. Варшава была занята русскимъ войскомъ (всего въ Польшу было послано сто тысячъ); націоналисты бѣжали и русскіе стали хозяевами положенія. Видя такой оборотъ, Фридрихъ-Вильгельмъ измѣнилъ Польшѣ; онъ занятъ былъ новыми политическими комбинаціями для общаго противовѣса французской революціи. Польскія дѣла ему нужно было по возможности скорѣе ликвидировать, не упуская, конечно собственной выгоды. Прусскій король опасался сношеній приверженцевъ польской вольности съ французскими якобинцами, боясь послѣдствій якобинскаго духа. Тщетно было сопротивленіе этихъ польскихъ якобинцевъ. Войска ихъ, предводимыя Іосифомъ Понятовскимъ, племянникомъ короля Станислава, и генераломъ Костюшкой, были разбиты русскими. Вожди ихъ эми-



Катафалкъ надъ гробами Петра III и Екатерины II въ Александро-Невской лаврѣ. Съ картины Майера. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

грировали въ Дрезденъ. Тогда Фридрихъ двинулъ въ Польшу свои войска, занялъ Познань, Торнъ, Данцигъ и всю Великую Польшу, не желая допускать, чтобы вся Польша сдѣлалась добычей русскихъ. Произошелъ вторичный раздѣлъ Польши (1793 г.). Россіи онъ доставилъ Подолію, часть Волыни и такъ называемой Подляхіи; вся Малороссія и Бѣлоруссія принадлежала ей теперь, и граница русская продвинулась во внутрь древняго великаго княжества Литовскаго. Пруссія завладѣла остаткомъ Великой Польши и частью Мазовіи, изъ которыхъ составилась новая область, названная Южной Пруссіей. Гродненскій сеймъ согласился на уступку территоріи въ пользу Россіи, но самымъ рѣшительнымъ образомъ противился захвату Пруссіей коренныхъ польскихъ земель. Только настояніемъ представителя русскихъ интересовъ Сиверса достигнуто было соглашеніе съ Пруссіей. На этомъ же сеймѣ всѣ реформы были отмѣнены. Остатки Польши были въ рукахъ Россіи, и Сиверсъ сравнивалъ ее съ мягкимъ воскомъ, которому можно дать любую форму по усмотрѣнію императрицы. Русскій отрядъ съ генераломъ Игельстромомъ оставался въ Варшавѣ. Испуганная и раздраженная революціей во Франціи Екатерина не могла равно-

душно смотрѣть на тайныя сношенія недовольныхъ поляковъ съ революціонными элементами Франціи. Патріоты съ Костюшкой во главѣ, заручившись поддержкой всесильнаго тогда Робеспьера, развернули «истинно якобинское» знамя бунта, т.-е., намѣревались возвратить отторгнутыя польскія земли. Возстаніе было подготовлено неожиданно для русскихъ. Въ Варшавѣ Игельстромъ чуть было не былъ захваченъ и съ большими потерями пробился съ своимъ отрядомъ сквозь ряды возставшихъ. Краковъ былъ очагомъ возстанія. Диктаторская власть вручена была Костюшкѣ временнымъ польскимъ правительствомъ. Надо было принимать рѣшительныя мѣры противъ возстанія. Прусское войско, осадивши Варшаву, отступило скоро, чтобы противодѣйствовать возстанію на собственной, бывшей польской, территоріи. Екатериной былъ посланъ сначала генералъ Ферзенъ, а затѣмъ для поддержки его—Суворовъ. Имъ надлежало соединиться для осады Варшавы.

Храбрый Костюшко хотѣлъ предупредить соединеніе армій и при Маціовицахъ встрѣтилъ отрядъ Ферзена. Но дѣло окончилось разгромомъ поляковъ; самъ Костюшко, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ. Соединенныя силы русскихъ подошли къ предмѣстью Варшавы, Прагѣ, и взяли ее штурмомъ (ноябрь 1794 г.). На другой день сдалась Варшава, и побѣдители вступили въ нее. Въ началѣ слѣдующаго года Австрія и Россія вступили въ соглашеніе относительно третьяго, окончательнаго раздѣла Польши. Съ Пруссіей пришлось хлопотать болѣе вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній между Екатериной и королемъ, заключившимъ миръ съ Франціей. Только въ концѣ года (1795) раздѣлъ состоялся. Россія получила оставшуюся часть Литвы съ Вильной, пространство между Нѣманомъ и верхнимъ Бугомъ и герцогство Курляндское, бывшее въ вассальной зависимости отъ Польши. Австрія—Краковъ, остатокъ Малой Польши и Мазовіи, подъ именемъ Новой Галиціи. Пруссія взяла Данцигъ, Торнъ, другую часть Малой Польши, выравнившую границы южной Пруссіи и Силезіи, Варшаву съ частью Мазовіи и Литвы къ западу отъ Нѣмана. Имя Польши, какъ государства, исчезло съ карты. Подводя итогъ западнымъ пріобрѣтеніямъ Екатерины, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Россія не посягнула при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни на единую пядь первоначальнаго польскаго государства. Во всѣхъ случаяхъ она лишь возвращала себѣ бывшую свою территорію, отнятую у нея Литвой, территорію съ чисто русскимъ населеніемъ. Древняя коренная Польша съ славянскимъ населеніемъ досталась Пруссіи и Австріи, и даже русская область Галиція отошла къ нѣмцамъ. Волей-неволей Екатеринѣ приходилось дѣлиться добычей съ алчными и сильными сосѣдями.

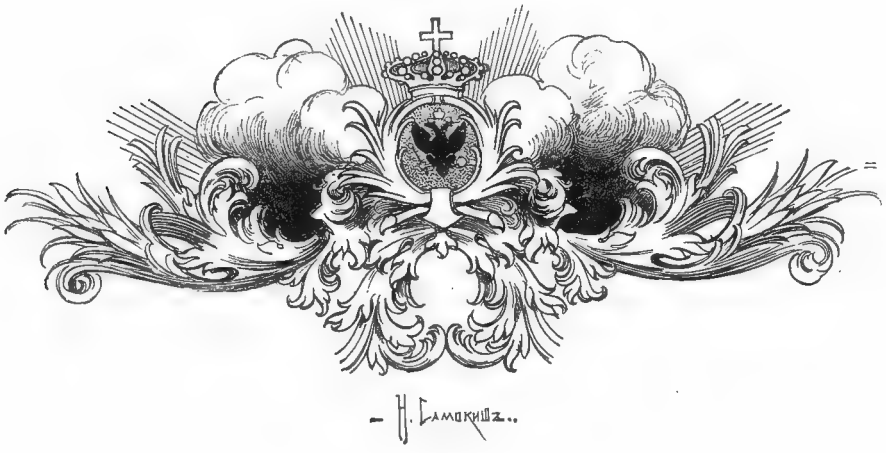
Въ дополненіе къ фактамъ внѣшней политики Екатерины, надо сказать и о войнѣ съ Персіей въ послѣдній годъ жизни императрицы. Россіи пришлось заступиться за Грузію, разоренную шахомъ, пытавшимся подчинить ее. Зубовъ успѣшно дѣйствовалъ на театрѣ войны у Каспійскаго моря. Дербентъ и Баку были заняты имъ. Война эта кончилась со смертью великой Екатерины (1796 г.).

Непріязненныя отношенія государыни съ Густавомъ шведскимъ, продолжавшіяся послѣ мира въ Верельской долинѣ, кончились, однако, заключеніемъ наступательнаго союза противъ строя революціонной Франціи.

Разсматривая территоріальный ростъ имперіи въ царствованіе Екатерины II, можно замѣтить, что онъ шелъ усиленнымъ темпомъ. Россія (европейская) почти достигла своихъ естественныхъ географическихъ границъ. Всѣ исконныя русскія земли удалось собрать воедино. Южныя пріобрѣтенія имѣли результаты первостепенной важности. Крымъ,—гнѣздо кочевыхъ хищниковъ, наносившихъ неисчислимый вредъ государству, и степи—проторенная дорога, по которой двигались орды монгольскихъ пришельцевъ, были открыты теперь культурному труду: тѣ же степи вели къ берегамъ Чернаго моря, открывая выходъ далѣе въ Средиземное. Южная политика Петра I была завершена Екатериной. Россія, обла-

дая сѣверными берегами Чернаго моря, заведя значительный флотъ, окончательно утратила свой прежній характеръ континентальной державы. Западными приращеніями она подвинулась къ центру Европы, занявъ подобающее мѣсто въ семьѣ великихъ державъ, благодаря національному объединенію—слѣдствію единенія территоріальнаго, когда единство власти, политическаго устройства на пространствѣ, окруженномъ естественными физическими границами, сближаетъ разрозненныя дотолѣ части многочисленнаго населенія. Постепенный перевѣсъ внѣшнихъ интересовъ русской политики надъ внутренними заботами, объясняющійся, можетъ быть, нѣкоторыми разочарованіями Екатерины въ этомъ послѣднемъ отношеніи, закончился самымъ блестящимъ образомъ. И здѣсь сказалась великая проницательность Екатерины, хотя и мечтавшей о трудно исполнимыхъ проектахъ (Греческій проэктъ), но дѣйствовавшей въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ историческими, національными интересами Россіи. Удачи и успѣхъ въ предпріятіяхъ въ совокупности съ указаннымъ талантомъ Екатерины дали ей полное право и здѣсь, во внѣшней политикѣ, получить титулъ «Великая».

Тридцать четыре года длилось царствованіе Екатерины II. За этотъ періодъ времени далеко двинулось впередъ русское государство подъ добрымъ и увѣреннымъ водительствомъ великой государыни. Ея закатъ принесъ ей глубокое утомленіе и нѣкоторый привкусъ разочарованія. Смерть застала ее въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Франціей, охваченной заревомъ революціи. Наканунѣ смерти — 5 ноября 1796 года — Екатерина весело провела вечеръ въ Маломъ Эрмитажѣ въ кругу своихъ приближенныхъ. Утромъ слѣдующаго дня она принялась за свои обычныя занятія, послѣ которыхъ вышла въ свою гардеробную, гдѣ она оставалась обыкновенно не болѣе десяти минутъ. На этотъ разъ государыня не выходила очень долго; отворили дверь и увидѣли ее распростертой на полу въ безсознательномъ состояніи. Императрицу разбилъ параличъ. Она скончалась въ этотъ же день, не приходя въ сознаніе.



Павелъ I.

Павелъ I.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1796—1801.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Императоръ Павелъ первый.

Личность императора Павла I невольно привлекаетъ къ себѣ интересъ изслѣдователей заключающейся въ ней какой-то особенной грустной и сумрачной загадочностью. Несомнѣнно, это одна изъ наиболѣе трагическихъ фигуръ, когда-либо являвшихся на страницахъ русской исторіи. Павелъ поражаетъ насъ двойственностью своей натуры: съ одной стороны, онъ могъ внушить къ себѣ прямо панической страхъ; въ минуты гнѣва его глаза пылали такимъ огнемъ, что никто не могъ смотрѣть на него безъ ужаса, и окружавшіе его трепетали передъ нимъ, какъ осиновый листъ. Съ другой стороны, въ глубинѣ души его жила необыкновенная мягкость, удивительная доброта, которая ясно проступала, когда Павелъ былъ спокоенъ. «У императора—прелестное лицо, когда онъ спокоенъ», говаривали про него приближенные. Онъ былъ способенъ внушить къ себѣ особенную самоотверженную любовь, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Екатерины Ивановны Нелидовой, обожавшей его чистою, возвышенною страстью.

Кн. Вяземскій, близко знавшій современниковъ Павловскаго царствованія, такъ говорилъ о немъ: «Все царствованіе Павла излишне очернено. Довольно и того, что было, но партіи не довольствуются истиною». Въ самомъ дѣлѣ, приглядываясь ближе къ дѣламъ

правленія этого государя, можно замѣтить, что Павломъ всегда руководили наилучшія намѣренія: онъ жаждалъ уничтоженія сословныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ; благодаря всѣмъ этимъ воззрѣніямъ онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Онъ мечталъ о настоящей «революціи сверху», но для проведенія ея въ жизнь онъ прибѣгалъ къ самымъ крутымъ и жестокимъ мѣрамъ, возбуждавшимъ трепетъ въ окружающихъ. Павелъ былъ огненной натурой, не знавшей удержу въ своихъ стремленіяхъ; ненормальная обстановка, въ которой онъ росъ и развивался, изломала его душевный складъ, сдѣлала его чрезъ мѣру мнительнымъ и недовѣрчивымъ. Его больное сердце вѣчно томилось тоскою злыхъ предчувствій, но по самому закалу своему онъ былъ истиннымъ рыцаремъ, возвышеннымъ служителемъ добра и правды, хотя его стремленія не достигали своей цѣли и часто отливались совсѣмъ не въ ту форму, о которой мечталъ этотъ царственный идеалистъ-неудачникъ. Простой народъ и солдаты съ горячимъ обожаніемъ относились къ нему, какъ бы проникнувъ въ глубь его души и видя тамъ чистое золото его любви къ народу.

Великій князь Павелъ Петровичъ.

Чтобы понять характеръ Павла, слѣдуетъ прослѣдить всю жизнь его, начиная съ самыхъ раннихъ дней его существованія.

Громъ пушекъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ 20 сентября 1754 года Петербургу, а съ нимъ и всей Россіи о рожденіи сына у наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича. Россія, до тѣхъ поръ долго и напрасно ждавшая упроченія престола въ родѣ Петра Великаго, была обрадована этимъ событіемъ. Новорожденнаго назвали Павломъ. Какъ только ребенокъ былъ приведенъ въ порядокъ, императрица Елисавета поручила своему духовнику дать ему молитву и затѣмъ приказала перенести его на свою половину, лишивъ этимъ Екатерину первыхъ жгучихъ радостей материнства. Императрица помѣстила новорожденнаго въ своей спальнѣ и при малѣйшемъ его крикѣ сама подбѣгала къ нему. Она страшно боялась, чтобы онъ не простудился, и поэтому кутала его такъ, что положительно воздуху нельзя было проникнуть къ младенцу. Благодаря такимъ заботамъ и попеченіямъ, Павелъ чуть не умеръ въ дѣтствѣ, а будучи взрослымъ, простужался отъ малѣйшаго вѣтра.

Въ теченіе первыхъ шести недѣль послѣ рожденія сына Екатерина не видала его и даже стѣснялась справляться о немъ, боясь своими вопросами разсердить императрицу, которая могла понять ихъ, какъ выраженіе недовѣрія къ ея заботамъ. Это было очень тяжелое время для молодой матери.

Въ день крестинъ Павла, 25-го сентября, Екатерина была обрадована посѣщеніемъ императрицы Елисаветы, вручившей ей въ подарокъ талонъ на полученіе 100.000 рублей [1]). Екатерина получила разрѣшеніе разъ въ недѣлю видѣться съ сыномъ. Находясь въ разлукѣ съ нимъ, лишенная возможности съ первыхъ минутъ рожденія ребонка лично заботиться о немъ, она, мало-по-малу, перестала имъ интересоваться. Что же касается отца великаго князя Петра Ѳеодоровича, то онъ совершенно не интересовался сыномъ и даже совсѣмъ не видался съ нимъ. Императрица Елисавета устроила для маленькаго Павла уединенную жизнь [2]). Онъ жилъ во внутреннихъ покояхъ дворца, окруженный множествомъ мамушекъ, нянюшекъ и маленькихъ мальчиковъ, своихъ сверстниковъ. Эти мамушки и няньки, однако, обращали мало вниманія на своихъ питомцевъ, и за Павломъ смотрѣли не лучше, чѣмъ за другими. Ихъ суевѣрные разсказы о домовыхъ и привидѣніяхъ разстраивали воображеніе ребенка, нервы его такъ напряглись, что онъ прятался подъ столъ при малѣйшемъ стукѣ. День Павла не былъ распредѣленъ правильно; иногда онъ ложился спать въ 7 часовъ вечера, а иногда въ 1 часъ ночи. Когда исполнилось Павлу четыре года, то его облекли въ модное платье и на голову надѣли парикъ съ косичкой, предварительно окропленный святой водой. Въ 1759 году, когда маленькому великому князю исполнилось пять лѣтъ, Елисавета выбрала ему въ учителя грамматики и ариѳметики Ѳеодора Димитріевича Бехтѣева. Учитель скоро замѣтилъ, что ученикъ его очень гордъ и замѣчательно чувствителенъ къ обидамъ, что онъ подъ напускной грубостью прячетъ свою чувствительность, и возымѣлъ желаніе исправить характеръ Павла. Для этой цѣли распорядился ежедневно печатать газету, въ которой описывались поступки и шалости Павла. Газету эту Бехтѣевъ клалъ всегда передъ Павломъ и увѣрялъ его, что такую газету получаютъ при всѣхъ дворахъ Европы [3]). Результатомъ этой мѣры была съ каждымъ днемъ увеличивавшаяся замкнутость Павла. Бехтѣевъ не понялъ, что грубость ребенка происходила отъ его дикости и недовѣрчивости, и не сумѣлъ подойти къ его дѣтской душѣ.

Церковь Николаевскаго Инженернаго Училища. Бывшая спальня Императора Павла I.

Въ 1751 году воспитателемъ Павла былъ назначенъ графъ Никита Панинъ, съ содержаніемъ въ 40.000 рублей. Панину было сорокъ два года, когда онъ принялъ на себя эту обязанность. Среди министровъ Елисаветы онъ отличался благородствомъ, изяществомъ манеръ и умѣньемъ держать себя, но ему недоставало энергіи и твердости духа. Когда Павелъ увидалъ Панина, то заплакалъ и убѣжалъ. Воспитатель началъ свою дѣятельность тѣмъ, что постепенно отстранилъ женщинъ отъ своего воспитанника. По разсказамъ самого Павла, ему до слезъ было жаль разставаться съ привычнымъ ему обществомъ нянь и бѣдныхъ дворянъ, приходившихъ къ нему обѣдать. Изъ рукъ нянюшекъ Павелъ сразу перешелъ въ руки русскихъ

[1]) Екатерина II, Мемуары, стр. 217 и послѣд.
[2]) Екатерина II. Мемуары. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 5—6.
[3]) Записки Порошина.

европейцевъ. Для цесаревича началась новая жизнь; его начали представлять иностраннымъ посламъ, стали возить на обѣды и спектакли [4]).

Образованіе Павла велось на французскомъ языкѣ, такъ какъ въ то время французскій языкъ, французская литература и французскія моды господствовали въ культурныхъ слояхъ европейскаго общества. Но въ то же время были приглашены воспитателями и нѣмцы, презрительно смотрѣвшіе на Россію и русскій народъ и педантически дававшіе свои уроки, которые Павелъ возненавидѣлъ всей душой. Самыми любимыми учителями Павла были: законоучитель іеромонахъ Платонъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій, и Семенъ Андреевичъ Порошинъ. Самъ Панинъ мало интересовался воспитаніемъ и образованіемъ Павла и ограничивался внѣшнимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. По его плану, обученіе великаго князя «государственной наукѣ» должно было начаться съ четырнадцатилѣтняго возраста; до этого времени Панинъ не находилъ нужнымъ входить въ духовный міръ воспитанника. Онъ довольствовался тѣмъ, что присутствовалъ ежедневно за обѣдомъ великаго князя, приглашалъ на эти обѣды нѣкоторыхъ вельможъ, при чемъ иногда заводилъ разговоры, мало доступные пониманію Павла. Занятія великаго князя не были подчинены какой бы то не было системѣ: уроки въ большинствѣ были сухи: казалось, сами учителя желали внушить ему отвращеніе къ тому, чему они учили, и, конечно, Павелъ мало получалъ пользы отъ такой безпорядочной системы преподаванія; только языками занимался онъ охотно и изучалъ ихъ основательно. Кромѣ языковъ Павелъ любилъ еще заниматься рисованіемъ и рисовалъ онъ недурно.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
Съ гравюры Радта.

Однообразная жизнь Павла была нарушена въ 1761 году смертью императрицы Елисаветы и послѣдующими за ней событіями [5]). Эти перемѣны сильно отразились на великомъ князѣ. Всѣ знавшіе его въ юности говорили, что онъ одаренъ высокими качествами души, благородствомъ и прямотой, но онъ былъ крайне вспыльчивъ и неуравновѣшенъ. Одинъ изъ его учителей писалъ о немъ: «У него голова такъ устроена, что держится какъ бы на волоскѣ. Порвись этотъ волосокъ, вся машина испортится, и тогда прощай разсудительность и здравый смыслъ» [6]). Павелъ отличался неусидчивостью, нелюбовью къ строгому порядку и продолжительной работѣ. Надо отдать справедливость, что онъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и недостаткахъ. Въ письмѣ къ своему другу Разумовскому Павелъ говоритъ: «Никакихъ химеръ, никакихъ безпокойствъ: ровность поведенія—вотъ мой планъ. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся осуществить это

[4]) Записки Порошина.
[5]) Vaudal. Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 409.
[6]) Русскій Архивъ 1871 г., т. IV.

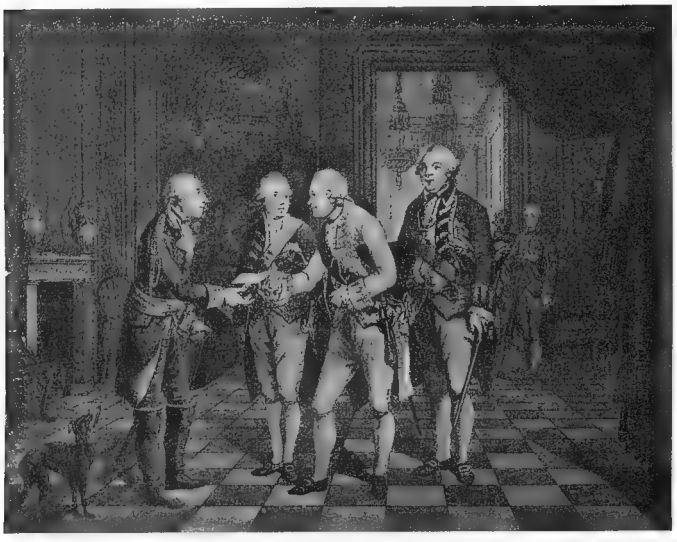
намѣреніе»[7]). Екатерина видѣла непригодность Панина, какъ воспитателя, и одно время думала смѣнить его и даже просила Даламбера быть воспитателемъ и наставникомъ ея сына; она предлагала ему большое содержаніе и приглашала его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями, съ которыми ему было бы трудно разстаться. Но Даламберъ отказался, несмотря на эти великолѣпныя условія; Панинъ остался при великомъ князѣ. И вотъ, по его плану, съ четырнадцатилѣтняго возраста, послѣ удаленія отъ него Порошина[8]), Павелъ приступилъ къ изученію «государственной науки», изучалъ также коммерцію казенныхъ дѣлъ, внутреннюю и внѣшнюю политику, сухопутную и морскую войну. Главной цѣлью Панина было нравственно разъединить воспитанника съ матерью, внушить ему недовѣріе къ ней; онъ увѣрялъ его въ невозможности согласить его интересы съ интересами Екатерины и старался возбудить въ немъ сыновнюю скорбь объ отцѣ. Подъ этими внушеніями душа самолюбиваго и сильно впечатлительнаго великаго князя отравилась неяснымъ чувствомъ страха и подозрительности къ матери. Это не могло не имѣть пагубнаго вліянія на психическую сторону юноши. Природная довѣрчивость его смѣнилась подозрительностью, а страхъ умалить свое достоинство дѣлалъ его не въ мѣру гордымъ. Въ концѣ концовъ, у юноши начали проявляться припадки меланхоліи. Между прочимъ, время шло и приближался день совершеннолѣтія Павла. Враги Екатерины разсчитывали, что онъ будетъ допущенъ къ управленію государствомъ. Но надежды ихъ не сбылись, а Екатерина не отмѣтила этого дня ни однимъ внѣшнимъ знакомъ вниманія къ сыну, чтобы не возбудить толковъ о его правахъ. Ему дали только возможность исполнять канцелярскія обязанности по званію генералъ-адмирала и командовать кирасирскимъ полкомъ, въ кото-

Великій Князь Павелъ Петровичъ.
Съ портрета, прин. гр. Е. А. Мордвиновой.

Великая Княгиня Наталья Алексѣевна.
Съ портрета, принадлежащаго Н. М. Путилову.

[7]) Васильчиковъ, Разумовскій, т. II.
[8]) По словамъ Малиновскаго, благотворное вліяніе на Павла Порошина сознавали впослѣдствіи его враги.

ромъ онъ былъ полковникомъ. Иногда императрица приглашала Павла присутствовать на нѣкоторыхъ докладахъ. Въ 1769 году Екатерина удалила, наконецъ, Панина отъ его обязанностей воспитателя и начала сближаться съ сыномъ, стараясь пріобрѣсти его довѣріе. Павелъ искренно радовался происшедшей въ матери перемѣнѣ, наслаждался душевнымъ спокойствіемъ. Графу Андрею Разумовскому онъ писалъ: «Я составилъ себѣ планъ какъ можно чаще видѣться съ матерью, пріобрѣтать ея довѣріе съ цѣлью предохранить ее отъ интригъ, также и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ».



Фридрихъ I и Вел. Кн. Павелъ Петровичъ въ Берлинѣ 21 іюля 1776 г.

Въ 1769 году Екатерина поручила датчанину барону Аесебургу найти подходящую невѣсту для Павла. Вскорѣ, по совѣту Фридриха II, короля прусскаго, выборъ невѣсты для Павла на половину рѣшился [9]). Ландграфиня Гессенская съ тремя дочерьми прибыла въ Россію въ 1773 году, и выборъ Павла палъ на среднюю принцессу Вильгельмину, которая въ православіи наречена Наталіей Алексѣевной. Бракосочетаніе было совершено 29 сентября 1773 года. Время свадьбы Павла было единственнымъ моментомъ, когда Екатерина и Павелъ питали другъ къ другу лучшія чувства. Этому способствовала и сама Наталія Алексѣевна, къ которой Павелъ привязался всѣмъ своимъ впечатлительнымъ сердцемъ. Екатерина говорила: «Я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ употреблю всѣ усилія, чтобы отплатить ей за эту услугу». Однако, Екатерина была не одна, ее окружали «пособники», бывшіе враги Петра III, память котораго свято чтилъ Павелъ. Для нихъ призваніе Павла къ дѣятельности было бы жестокимъ ударомъ, поэтому Екатерина и не допускала его даже въ совѣтъ при высочайшемъ дворѣ. Въ 1774 году умерла внезапно великая княгиня Наталія Алексѣевна. Это былъ жестокій ударъ для Павла. Но онъ, однако, не возражалъ матери противъ мысли ея о его второмъ бракѣ съ принцессой Софіей-Доротеей Виртембергской и вскорѣ уѣхалъ въ Берлинъ для свиданія съ избранной матерью невѣстой. Софія-Доротея встрѣтила дѣтски-радостно предложеніе, присланное ей изъ Петербурга. Полная силъ и въ то же время мягкая, наивная и простая, она принесла въ нашъ русскій дворъ много душевной свѣжести и открытой души. Много непріятнаго ей пришлось перенести въ новомъ отечествѣ, но никогда она не возмущалась и не ожесточалась сердцемъ. Въ Берлинѣ, куда прибылъ Павелъ, его приняли съ большими почестями. Фридрихъ хотѣлъ завоевать сердце будущаго русскаго императора и соединить Россію съ Пруссіей. Невѣстѣ своей Павелъ по-

[9]) Подробности у Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», и у Шумигорскаго, «Императрица Марія Ѳеодоровна».

Нашему вице адмиралу Шишкову.

Въ изъявленіе высочайшаго НАШЕГО благо
волѣнія къ усердной службѣ вашей и трудамъ, —
всемилостивѣйше пожаловали мы васъ ка=
валеромъ ордена НАШЕГО святыя анны пер=
ваго класа, коего знаки при сѣмъ къ вамъ пре=
провождая, повелѣваемъ возложить оныя на=
сѣбя, надѣяся притомъ что вы впредь подщи=
тесь заслужить большую НАШУ милость.
данъ въ городѣ Гачинѣ декабря въ 3 день 1799го года,

Павелъ

Собственноручный указъ Императора Павла I адмиралу Шишкову о пожалованіи его орденомъ Анны I класса.

нравился, и дѣло быстро сладилось. Великій князь уѣхалъ изъ Пруссіи очарованный пріемомъ, давъ Фридриху клятву въ вѣчной дружбѣ. Уѣзжая, онъ оставилъ невѣстѣ инструкцію, въ которой подробно излагалъ свои желанія касательно ея поведенія и образа жизни и сознавался въ излишней горячности, прося въ будущемъ снисхожденія къ своему недостатку. Въ заголовкѣ инструкціи, переданной великимъ княземъ принцессѣ, впослѣдствіи нашли слѣдующія слова, написанныя ея рукой: «Я никогда не нуждалась въ этомъ руководствѣ; слава Богу, моей любви къ мужу было всегда достаточно и будетъ всегда достаточно для того, чтобы угадывать его желанія и сообразоваться съ ними».

Вскорѣ послѣ поѣздки Павла въ Берлинъ принцесса Софія-Доротея прибыла въ Петербургъ, приняла православіе и наречена была Маріей Ѳеодоровной, а 26 сентября 1776 года было совершено бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ. Скоро оказалось, что новый бракъ ухудшилъ отношенія сына съ матерью. Изъ Берлина уже Павелъ возвратился съ «зараженными мыслями», а увѣренность въ дружбѣ Фридриха II давала ему опору, раньше не ощущаемую имъ. Молодая супруга Павла, сильно привязанная къ прусскому королю, поддерживала симпатіи своего мужа и считала Павла жертвой честолюбія Екатерины. При такомъ настроеніи Панинъ сдѣлался другомъ и руководителемъ молодой четы. Императрица замѣчала настроеніе сына и невѣстки, но, сознавая свое превосходство, не придавала этому много значенія. Павелъ же былъ все больше и больше недоволенъ правленіемъ императрицы Екатерины. Замѣчательны, между прочимъ, его слова, обращенныя къ одному изъ его друзей: «Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое».

Императрица Марія Ѳеодоровна. Съ гравюры Броше.

Между тѣмъ, чтобы устроить союзъ съ Австріей, Іосифъ II прибылъ въ Петербургъ для свиданія съ Екатериной и для личнаго знакомства съ великокняжеской четой. Ему удалось пріобрѣсти довѣріе великаго князя. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ II поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего племянника Вильгельма, но Екатерина обошлась съ нимъ холодно. Она сумѣла воспользоваться перемѣной въ настроеніи сына и невѣстки, и, желая, чтобы они отдали визитъ императору Іосифу въ Вѣнѣ, пробудила желаніе въ молодой четѣ предпринять путешествіе за границу для пріобрѣтенія знаній и опытности. Государыня употребила всѣ средства, чтобы это путешествіе было блистательно. Оно продолжалось годъ и два мѣсяца. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна подъ именемъ графа и графиня Сѣверныхъ побывали въ Австріи, Италіи, Франціи, Нидерландахъ и Швейцаріи. Павла всюду встрѣчали какъ сына и наслѣдника Екатерины, искали его расположенія и отдавали всяческія почести, насколько это позволяло его инкогнито. Свои путевыя впечатлѣнія Павелъ описывалъ въ письмахъ къ Екатеринѣ, которая охотно бесѣдовала съ сыномъ обо всемъ,

видѣномъ имъ въ пути. «Прошу Васъ»,—писала она имъ съ нѣжностью,—«давать свободу перу каждый разъ, какъ придетъ Вамъ охота поболтать»[10]). Павелъ производилъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе благородствомъ и любезностью, хотя иногда въ немъ прорывались и отрицательныя его качества: несдержанность и вспыльчивость.

Ламте. Великій Князь Александръ Павловичъ.

Во Францію графъ и графиня Сѣверные прибыли въ трагическій моментъ ея исторіи: Парламентъ былъ въ возмущеніи, а правительство въ полномъ упадкѣ, и Франція находилась на порогѣ революціи. Здѣсь тоже Павла встрѣтилъ радушный пріемъ. Однако, первыя впечатлѣнія путешественниковъ не могли быть благопріятны, хотя Парижъ очень привлекалъ ихъ къ себѣ. Великій князь и княгиня путешествовали удивительно просто, не желая доставлять никому хлопотъ и стѣсненій. Однажды они сошли съ экипажа, чтобы подать помощь раненому почталіону. Видѣли не разъ, какъ они запросто болтали съ прислугой и бросали деньги бѣднымъ крестьянамъ.

21-го іюня великій князь прибылъ въ Монбельяръ, гдѣ его ожидала вся германская семья Маріи Ѳеодоровны. Новая, чуждая этикета обстановка благотворно подѣйствовала на Павла. Онъ самъ признавался, что «пользовался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла». Пробывъ въ Монбельярѣ болѣе мѣсяца, великокняжеская чета поторопилась возвратиться въ Россію, такъ какъ Марія Ѳеодоровна уже начала испытывать тоску отъ разлуки съ своими дѣтьми: Александромъ и Константиномъ. Графа и графиню Сѣверныхъ ждали въ Петербургѣ къ концу ноября. Послѣдняя часть ихъ путешествія была «столь же непріятна, какъ и утомительна»[11]). Наслѣдникъ былъ охваченъ мрачными предчувствіями.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ грав. Родъ, по рис. Валькеръ.

Изъ своего путешествія Павелъ вынесъ болѣе спокойный и разносторонній взглядъ на вещи. Онъ писалъ Панину: «Если чему обучило меня путешествіе, то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ... и въ спокойномъ взираніи на вещи, которыя мы собою исправить не можемъ». 20-го ноября великокняжеская чета возвратилась, наконецъ, въ Петербургъ и была любезно встрѣчена Екатериной, но личныя отношенія между матерью и сыномъ не улучшились. Черезъ недѣлю послѣ возвращенія Павла, въ Петербургѣ скончался Панинъ, и смерть его огорчила великаго князя, такъ какъ съ нимъ онъ лишался единственнаго друга и совѣтника. Смерть Панина подала надежду Екатеринѣ измѣнить образъ мыслей Павла. Однажды она даже позвала его для разговоровъ по поводу занятія Крыма и польскихъ дѣлъ. Объ этомъ разговорѣ Павелъ сказалъ: «Довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительна». Но, къ сожалѣнію, кажется, она

[10]) Сборникъ т. IX, стр. 127.
[11]) Affaires ètrang. т. CIX, fol. 382, Маркизъ де-Веракъ, 3 декабря 1782 г.

Императрица Екатерина II, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и Его семейство. Музей Псковскаго Археологическаго Общества.

была и послѣдней. Къ этому времени относятся слухи о намѣреніи императрицы лишить Павла престола въ пользу старшаго его сына Александра, на котораго она возлагала большія надежды.

6 августа 1783 года Павелъ получилъ отъ матери въ подарокъ великолѣпную мызу Гатчино, которая раньше принадлежала графу Григорію Орлову. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни великаго князя. Отдаляемый отъ правленія государствомъ и удаляясь самъ отъ матери и ея двора, онъ замкнулся въ себѣ, превратился въ «гатчинскаго помѣщика», стараясь заполнить свои досуги любимымъ военнымъ занятіемъ и благотворительной дѣятельностью. Екатерины онъ избѣгалъ и обращался къ ней только съ вопросами, которые касались воспитанія его дѣтей. Въ немъ рождалось раздраженіе, не проявлявшееся наружу, а уходившее въ глубь его души, вслѣдствіе чего онъ дѣлался задумчивымъ, угрюмымъ, почти всегда плохо настроеннымъ. Будучи глубоко религіознымъ человѣкомъ, онъ часто искалъ утѣшенія въ религіи, молясь со слезами на колѣняхъ. Панинъ, бывшій членомъ масонскихъ ложъ, ввелъ и своего воспитанника въ масонскій кругъ. Чтеніе масонскихъ книгъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ Павла. Между прочимъ, Павелъ не переставалъ слѣдить за ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій, много работалъ и писалъ проекты, противоположные дѣйствіямъ матери.

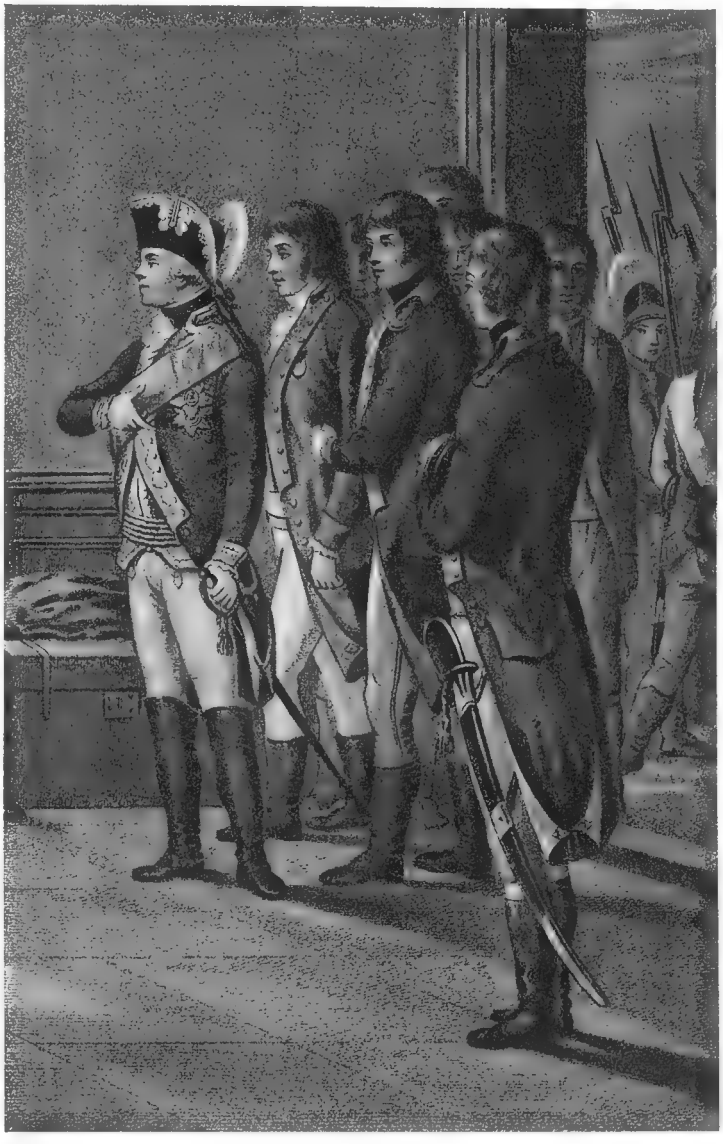
Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.
Съ орит. Рокотова, грав. 1775 г. Венеціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ занялся онъ и устройствомъ Гатчины. «Кто посѣщалъ любимую резиденцію великаго князя—Гатчину, тотъ подумалъ бы, — говорилъ одинъ современникъ, — что онъ въ «чужой сторонѣ». Предмѣстье было построено по образцу небольшого нѣмецкаго города. Въ городѣ имѣлись заставы, бараки, конюшни, всѣ постройки были сдѣланы по-прусски, и при взглядѣ на войска, находившіяся тамъ, можно было бы поклясться, что солдаты только что прибыли изъ Берлина»[12]). Павелъ изготовлялъ дипломы, выдавалъ грамоты, имѣвшія значеніе только въ его войскахъ. Въ Гатчинѣ разжалованіе было такъ же быстро, какъ и повышеніе. Подъ предлогомъ очистить Гатчину отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, онъ сформировалъ отрядъ, который къ 1788 году дошелъ до трехбаталіоннаго состава, и завелъ у себя въ Гатчинѣ флотилію. На маленькомъ озерѣ было нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ, какъ военные корабли, и это учрежденіе пріобрѣло впослѣдствіи немалое значеніе. Гатчинское войско было раздѣлено на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый представлялъ одинъ полкъ императорской гвардіи.

---

[12]) Саблуковъ. Récit de la mort de Paul. Revue moderne, décembre 1866.

Дисциплина въ войскѣ великаго князя введена была самая жестокая. Результатомъ занятій Павла было составленіе воинскихъ уставовъ для строевой и гарнизонной лагерной службы; особое вниманіе было имъ обращено на усовершенствованіе артиллеріи. Для цесаревича это войско было залогомъ будущихъ преобразованій русской арміи и началомъ новаго военнаго образованія въ Россіи. Изъ этихъ «гатчинцевъ», среди которыхъ было много нѣмцевъ, предполагалось образовать инспекторовъ, которые должны были быть «царевымъ окомъ»; изъ нихъ же должны были составиться первые чины государевой свиты и ближайшіе исполнители царской власти и воли. Запальчивость Павла выказывалась при всѣхъ ученіяхъ, за ничто иногда сажалъ онъ офицеровъ подъ стражу, лишивъ чиновъ. Въ это время цесаревичъ переживалъ нравственный кризисъ и былъ проникнутъ мистическимъ настроеніемъ.



Императоръ Павелъ I со свитою.
Первая половина гравюры А. Орловскаго 1801 г. «Павелъ I у Костюшко».

Военныя и политическія занятія Павла чередовались съ тихой работой, какъ «гатчинскаго помѣщика» и какъ будущаго преобразователя Россіи. Прежде всего онъ устроилъ больницы и школы, построилъ четыре церкви. Обѣднѣвшимъ не по своей винѣ крестьянамъ помогалъ денежной ссудой и прибавкой земли; а чтобы дать имъ заработокъ въ свободное отъ земледѣлія время, онъ устроилъ стеклянный и фарфоровый заводы и сукновальню.

Тогда же вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной цесаревичъ написалъ правило престолонаслѣдія по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома, такъ какъ въ отсутствіи подобнаго установившагося правила великій князь видѣлъ одну изъ главныхъ при-

чинъ недовольства въ Россіи XVIII вѣка и своего собственнаго нерадостнаго положенія. Между тѣмъ, Екатерина не скрывала своего невниманія къ великому князю, а враги Павла явно смѣялись надъ нимъ, надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. При такихъ условіяхъ Павелъ рѣдко видѣлся съ матерью и пріѣзжалъ къ ней только на большіе праздники и въ день ея ангела, 24 ноября. Понятно, что, благодаря подобнымъ условіямъ, характеръ цесаревича не могъ улучшиться, а, напротивъ, измѣнился къ худшему. Смутные страхи начали мучить его голову, и онъ самъ изводилъ себя, «радуясь—по словамъ Ростопчина,—когда проходилъ день, такъ какъ время тяготитъ его»[13]). Онъ страдалъ глубокой меланхоліей и замкнулся въ гатчинскомъ уединеніи. Единственнымъ утѣшеніемъ Павла въ это тяжелое время была фрейлина Маріи Ѳеодоровны Екатерина Ивановна Нелидова, обладавшая чистой, способной на сильные порывы, душой. У Екатерины Ивановны находилъ Павелъ утѣшеніе въ своихъ волненіяхъ и горестяхъ и пищу для своей души. Нелидова родилась въ одномъ изъ русскихъ дворянскихъ гнѣздъ, которыя таятъ въ себѣ столько нѣжной поэзіи[14]). Восьми лѣтъ пришлось ей покинуть родной домъ. Ее отдали въ Смольный монастырь. Императрица, узнавъ ее, благосклонно отнеслась къ Нелидовой и назначила ее фрейлиной великой княгини Наталіи Алексѣевны, по смерти которой она сохранила свои обязанности и при Маріи Ѳеодоровнѣ[15]). Вскорѣ Павелъ очаровался тонкостью ея ума, прелестью рѣчи и добротой сердца и просилъ ее быть его другомъ и повѣреннымъ. Воображеніе Нелидовой было сильно развито, она мечтала о нѣжныхъ привязанностяхъ и, видя несправедливости, окружавшія великаго князя, тронулась его душевной скорбью и рѣшилась скрасить его нерадостную жизнь. Она предчувствовала, что ея намѣреніе будетъ понято многими, какъ низкая интрига, но рѣшила стать выше этого и пренебречь всякими слухами. Она легко нашла доступъ къ сердцу Павла. Экзальтированная, пылкая Нелидова поставила своей задачей стать ангеломъ-хранителемъ мятущейся души великаго князя, пренебрегая всѣми злыми и дву-

Левицкій. Екатерина Ивановна Нелидова.

[13]) Id., m. VIII, стр. 115.

[14]) D. de Benkendorff, стр. 3536.

[15]) Русскій Архивъ 1873 г., т. II, стр. 2159—2162: Dimitri de Benkendorff. La favorite d' un tzar, переводъ труда Шумигорскаго (Екатерина Ивановна Нелидова), стр. 8—10.

смысленными толками, которые не замедлили зажужжать вокругъ ея имени. Ея отношенія къ Павлу всю жизнь оставались строго платоническими и теперь поражаютъ насъ своей кристальной чистотой. «Развѣ я когда-либо,—писала она Павлу, незадолго до его смерти, — смотрѣла на васъ, какъ на мужчину? Клянусь вамъ, что я не замѣчала этого съ того времени, какъ къ вамъ привязана, мнѣ кажется, что вы моя сестра»[16]). Это оцѣнила впослѣдствіи и супруга Павла Марія Ѳеодоровна: она относилась сначала съ большимъ предубѣжденіемъ къ la petite, какъ она называла свою фрейлину, но потомъ нашла въ ней самаго преданнаго друга, котораго она любила до самой смерти, поддерживая съ ней переписку и видаясь съ нею въ уединеніи Смольнаго монастыря [17]).

Императрица Екатерина II и Вел. Кн. Павелъ Петровичъ съ супругой и сыновьями.

Сама по себѣ Нелидова не была красива: она была маленькой брюнеткой съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ весьма выразительнымъ; по свидѣтельству современниковъ, она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался остроуміемъ и блескомъ. Благотворное вліяніе Нелидовой на Павла несомнѣнно: она сдерживала его вспышки, укрощала его гнѣвъ, и когда онъ сталъ императоромъ, была передъ нимъ неизмѣнной заступницей за тѣхъ, кто имѣлъ несчастье вызвать его гнѣвъ.

Нелидова пришла къ Павлу въ то время, когда онъ переживалъ тяжелый, душевный кризисъ. Марія Ѳеодоровна была слишкомъ уравновѣшена и занята домашними дѣлами, чтобы поддерживать его. Великій князь давалъ Нелидовой для чтенія книги благочестиваго содержанія и просилъ ее поразмыслить надъ ними. Ихъ дружба была проникнута религіознымъ чувствомъ, они уносились душею къ Богу, чтобы тамъ очистить себя, подкрѣпиться. Однако, несмотря на всю чистоту ихъ отношеній, Нелидова не избѣгла клеветы. Въ тотъ день, когда она увидала, что ей не удалось выполнить своей высокой задачи, не вызывая различныхъ толковъ, она потеряла твердость духа и рѣшила удалиться въ Смольный монастырь, гдѣ, казалось ей, она снова сможетъ пріобрѣсти душевную ясность. Павелъ, однако, упросилъ Нелидову пріѣзжать иногда изъ Смольнаго въ Гатчину, чтобы повидаться съ нимъ. Желаніе его было исполнено, и время отъ времени Нелидова навѣщала Павла и Марію Ѳеодоровну. Въ апрѣлѣ 1794 года Екатерина Ивановна пробыла

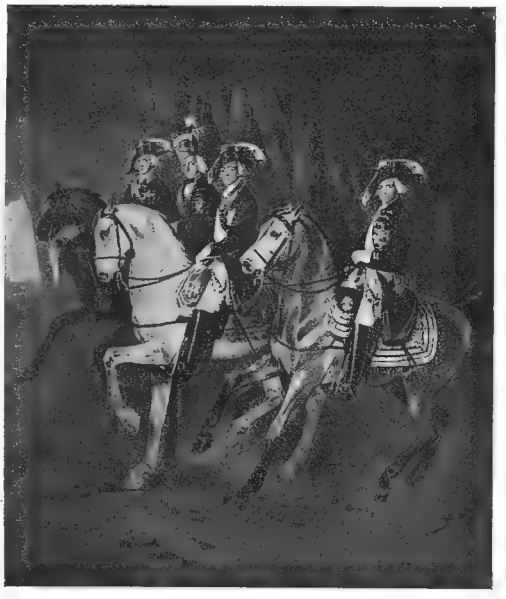
---

[16]) «Осьмнадцатый вѣкъ». III, 433—435.

[17]) Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Изд. второе. С.-Пб. 1902 г.

въ Гатчинѣ продолжительное время, такъ какъ была встревожена нервнымъ настроеніемъ Павла. Въ это время отношенія между великимъ княземъ и его матерью обострились. Своимъ вызывающимъ поведеніемъ великій князь навлекалъ на себя гнѣвъ Екатерины. Она стала убѣждаться въ мнѣніи, что необходимо устранить Павла отъ престола и наслѣдникомъ назначить сына его Александра. Къ этому времени относится сближеніе великой княгини Маріи Ѳеодоровны съ Екатериной Ивановной: скоро между ними не осталось ни капли непріязненнаго чувства, и онѣ старались только удерживать Павла отъ выходокъ противъ императрицы и внушить ему, что «онъ даетъ въ руки императрицы оружіе противъ самого себя». Между тѣмъ, у Павла искреннія чувства затемнились недовѣріемъ, и онъ началъ подозрѣвать, что Нелидова измѣнила ему и соединилась съ его врагами, чтобы держать его въ рукахъ.

Огорченная этимъ недовѣріемъ цесаревича, Нелидова рѣшилась снова уѣхать въ Смольный и больше не показываться въ Гатчинѣ. Въ то время, какъ великій князь страдалъ отъ своего собственнаго недовѣрія и подозрѣній, мать его съ каждымъ днемъ чувствовала себя хуже и хуже, и, наконецъ, 5 ноября 1796 года, къ вечеру съ ней сдѣлался апоплексическій ударъ. Павелъ былъ извѣщенъ объ этомъ графомъ Николаемъ Зубовымъ, присланнымъ въ Гатчину братомъ его Платономъ. Великій князь очень встревожился и искренно огорчился этимъ извѣстіемъ. Въ ожиданіи кареты онъ то обнималъ Марію Ѳеодоровну, то плакалъ, и все время повторялъ: «Какое несчастіе!» Въ пятомъ часу дня онъ выѣхалъ изъ Гатчины въ сопровожденіи Маріи Ѳеодоровны и нѣкоторыхъ приближенныхъ.



Императоръ Павелъ I съ Вел. Князьями и эрцгерц. Іосифомъ.

Галлерея дома Романовыхъ при Эрмитажѣ.

Прибывъ въ Зимній дворецъ, Павелъ былъ встрѣченъ какъ государь, а не какъ наслѣдникъ. Примѣръ къ тому былъ поданъ великими князьями Александромъ и Константиномъ, явившимися къ отцу въ гатчинскихъ мундирахъ. Пріѣхавъ во дворецъ, великій князь и Марія Ѳеодоровна сейчасъ же отправились къ умиравшей императрицѣ. Увидя свою мать, лежащую безъ движенія, Павелъ горько заплакалъ. Всю ночь провелъ онъ въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ лежала Екатерина. На слѣдующій день Павелъ распоряжался всѣмъ, какъ полновластный государь. Узнавъ отъ доктора, что надежды быть никакой уже не можетъ, онъ приказалъ пригласить архимандрита Гавріила читать глухую исповѣдь и причастить умирающую. Затѣмъ въ присутствіи великихъ князей Александра и Константина великій князь разобралъ и запечаталъ всѣ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ государыни. Въ десятомъ часу вечера императрица Екатерина отошла въ вѣчность, а въ двѣнадцать часовъ въ придворной церкви были приведены къ присягѣ на вѣрность императору Павлу всѣ сановники и придворные чины. Въ этотъ же день, въ первый разъ со времени Петра Великаго, согласно повелѣнію Павла, была принесена присяга великому князю Александру, какъ наслѣднику русскаго престола.

По повелѣнію императора, гробъ съ прахомъ почившаго отца его императора Петра III былъ торжественно перенесенъ во дворецъ и поставленъ на особомъ катафалкѣ рядомъ съ тѣломъ Екатерины. Похороны почившихъ царственныхъ супруговъ были совершены одновременно въ усыпальницѣ русскаго императорскаго дома, въ Петропавловскомъ соборѣ. Императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ, исполненный лучшихъ намѣреній, стремясь всей душой къ благу и счастью своихъ подданныхъ. Отчужденность отъ матери во время ея жизни породила въ душѣ Павла скептическое отношеніе къ ея мѣропріятіямъ. Поэтому новый государь принялся за коренную ломку всего уклада жизни, установившагося при Екатеринѣ. Первыя дѣйствія ого были направлены къ поднятію добрыхъ нравовъ въ обществѣ, для чего именнымъ высочайшимъ указомъ была точно регламентирована не только жизнь двора, но и частныхъ обывателей Петербурга, что вызвало неудовольствіе столичнаго населенія. Теперь столица стала жить «по-гатчински». Самъ императоръ, входившій во всѣ мелочи управленія, принимался за работу не позднѣе 5½ часовъ утра и строго требовалъ, чтобы чиновники являлись на службу въ 5 часовъ утра. «Странно было видѣть,—пишетъ одинъ изъ современниковъ,—какъ въ ночной темнотѣ весь чиновный людъ Петербурга спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой къ ярко освѣщеннымъ коллегіямъ». Рано начатый день, рано и кончался. Въ 10 часовъ вечера императоръ уже ложился спать, и съ этого времени всѣ огни въ частныхъ домахъ должны были быть потушены.

Выѣздъ Императора Павла Петровича.
Съ ксилогр. по рис. проф. Дмитріева-Оренбургскаго.

Скромный въ своей личной жизни, Павелъ энергично преслѣдовалъ роскошь и мотовство въ русскомъ обществѣ, для каковой цѣли обывателямъ даже было точно указано число лошадей для выѣздовъ, согласно рангамъ владѣльцевъ.

Въ числѣ первыхъ заботъ императора было поднятіе дисциплины и устройство арміи на новыхъ началахъ, выработанныхъ имъ въ Гатчинѣ. Несмотря на блестящія побѣды, одержанныя русской арміей въ царствованіе Екатерины, нельзя было не сознаться, что дисциплина, особенно гвардейскихъ частей, не отличалась особой строгостью, а офицеры этихъ привилегированныхъ войскъ очень мало занимались службой, ведя праздную и веселую жизнь.

10 ноября 1797 года въ Петербургъ вступили гатчинскія войска и были размѣщены по гвардейскимъ частямъ. Съ этого времени условія службы совершенно измѣнились. Каждый день назначался вахтъ-парадъ отъ какого-нибудь гвардейскаго полка въ присутствіи самого императора. Въ морозъ, доходившій иногда до 25 градусовъ, императоръ

обычно являлся на вахтъ-парадъ въ одномъ мундирѣ, что должны были дѣлать и всѣ начальствующія лица и офицеры. Самая ничтожная неисправность въ построеніяхъ, командѣ по новому гатчинскому уставу и даже въ амуниціи какого-нибудь рядового вызывали гнѣвъ императора, не останавливавшагося даже передъ немедленнымъ разжалованіемъ виновнаго начальника въ рядовые. Нельзя не оговориться, что императоръ очень часто раскаивался въ своей горячности и рыцарски спѣшилъ вознаградить потерпѣвшаго отъ его гнѣва, лишь только сознавалъ, что вина его не столь велика.

Вел. Кн. Александръ Павловичъ. *Эрцгерцогъ Іосифъ.* *Императоръ Павелъ I.* *Князь Безбородко.* *Князь Пл. Зубовъ.* *А. Нарышкинъ.* *Вел. Кн. Константинъ Павловичъ.*

Очеркъ перомъ Лампи къ карт. его въ Гатч. дворцѣ.

Всѣ эти мѣры, вызываемыя искреннимъ желаніемъ Павла поставить русское войско на недосягаемую высоту, истолковывались какъ проявленіе презрѣнія императора къ Екатерининской гвардіи и порождали неудовольствіе среди офицерства, солдаты же горячо и искренно любили Павла, несмотря на то, что введеніе въ армію новой формы по прусскому образцу не было и имъ пріятно. Вводимыя императоромъ реформы въ арміи не встрѣтили сочувствія и въ кумирѣ арміи—Суворовѣ, что вызвало недовольство имъ Павла и повело къ его отставкѣ и удаленію въ его имѣніе «Кончаковское».

5-го апрѣля 1797 года, въ первый день Пасхи, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ было совершено коронованіе императора Павла Петровича. Тотчасъ послѣ совершенія обряда коронованія императоръ въ порфирѣ и коронѣ лично прочелъ составленный имъ еще въ Гатчинѣ актъ о престолонаслѣдіи по мужской линіи и, пройдя въ алтарь чрезъ царскія врата, положилъ этотъ актъ на престолъ для храненія въ особомъ ковчегѣ на вѣчныя времена. Затѣмъ были прочитаны новыя узаконенія: «Учрежденіе объ императорской фамиліи», которое опредѣляло права и обязанности членовъ царствующаго дома, и «Установленіе о россійскихъ орденахъ».

Въ день коронованія были объявлены щедрыя награды лицамъ, приближеннымъ къ императору, въ особенности гатчинцамъ; при этомъ нельзя не отмѣтить рыцарскаго поведенія императора и по отношенію къ вельможамъ Екатерининскаго царствованія: всѣ они были осыпаны въ этотъ торжественный день нежданными ими милостями. Начало реформаторской дѣятельности императора по общегосударственному устройству было ознаменовано двумя актами высокаго значенія, показавшими въ Павлѣ глубокую любовь къ простому русскому народу, находящемуся подъ властью помѣщиковъ. Мѣропріятія эти касались не только помѣщичьихъ крестьянъ, но и крестьянъ государственныхъ

Кн. А. Куракинъ. *Гр. Палевъ.* *Гр. Кутайсовъ. Фельдмарш. Гр. Суворовъ.* *Ген. Кологривовъ* *Кн. Лопухинъ.*

Очеркъ перомъ Лампи къ карт. его въ Гатч. дворцѣ.

и удѣльныхъ. По отношенію къ первымъ улучшеніе ихъ положенія выразилось въ отмѣнѣ повседневной барщины и запрещеніи помѣщикамъ заставлять работать въ праздничные дни; послѣдніе же получили правильное устройство, при чемъ имъ предоставлено было нѣкоторое право самоуправленія.

Павелъ Петровичъ лично редактировалъ эти указы и со свойственной ему настойчивостью провелъ ихъ въ жизнь, несмотря на то, что отлично сознавалъ неодобрительное отношеніе къ нимъ окружающихъ придворныхъ.

Вслѣдъ за этими указами послѣдовали одно за другимъ распоряженія: объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, имѣющихъ болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, о дешевой продажѣ соли во всѣхъ губерніяхъ и объ устройствѣ во всѣхъ казенныхъ и по-

Кюгельхенъ. Императоръ Павелъ Петровичъ и Его семейство.

мѣщичьихъ селеніяхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ съ годовой пропорціей хлѣба. Обращено было особое вниманіе на мѣры къ сбереженію и охраненію лѣсовъ и назначены были суровыя наказанія за хищническую рубку. Императоръ лично выработалъ новые планы для охраны отъ пожаровъ городовъ, обычно терпѣвшихъ страшныя бѣдствія отъ огня вслѣдствіе скученности построекъ. Для поднятія отечественной промышленности совершенно былъ воспрещенъ ввозъ въ Россію предметовъ роскоши, и русскіе фабриканты получили цѣлый рядъ льготъ по сбыту предметовъ русскаго производства.

Введеніе императоромъ Павломъ строгостей въ военную службу заставило многихъ дворянъ покидать ее и записываться въ службу гражданскую. Въ предупрежденіе этого указомъ отъ 2 апрѣля 1800 года было запрещено поступать въ гражданскую службу вышедшимъ изъ военной, а также выходить въ отставку до производства въ первый офицерскій чинъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ нашелъ сильное истощеніе государственной казны, и потому обратилъ свое особое и исключительное вниманіе на исправленіе русскихъ финансовъ. Для этой цѣли императоръ распорядился сжечь въ своемъ присутствіи около шести милліоновъ ассигнацій и прекратить дальнѣйшій выпускъ таковыхъ. Будучи человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, императоръ Павелъ горячо принималъ къ сердцу дѣла православной церкви и ея служителей, почему всѣми мѣрами старался поднять престижъ духовенства, особенно бѣлаго, и внушить къ нему уваженіе среди народныхъ массъ. Для этой цѣли императоръ началъ жаловать духовенство спеціально для него установленными знаками отличія, какъ-то: наперснымъ крестомъ, камилавкой и скуфьей, а, кромѣ того, половина присутствующихъ въ консисторіяхъ духовныхъ лицъ назначалась отъ бѣлаго духовенства. Въ Петербургѣ и Казани были учреждены духовныя академіи и духовныя училища. Оказывая свое расположеніе духовенству господствующей

Боровиковскій. Великіе Князья Александръ, Константинъ и Николай Павловичи.

церкви, императоръ Павелъ выказалъ свою вѣротерпимость и по отношенію къ старообрядцамъ, разрѣшивъ имъ имѣть свои церкви и священнослужителей.

Бывъ во время своего заграничнаго путешествія личнымъ свидѣтелемъ ужасовъ, сопровождавшихъ великую французскую революцію, императоръ Павелъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ Россію не проникли революціонныя идеи. Въ этихъ цѣляхъ было строжайше запрещено выѣзжать за границу русскимъ подданнымъ даже для научной подготовки, но, чтобы дать возможность русскому юношеству получать образованіе на родинѣ, Павломъ были учреждены въ Петербургѣ Павловскій корпусъ и институты Екатерининскій и Маріинскій, которые вмѣстѣ со Смольнымъ перешли въ вѣдѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Павелъ работалъ одинъ надъ преобразовательными планами; единственной его помощницей бывала иногда императрица Марія Ѳеодоровна. Она увѣковѣчила свое имя благотворной и широкой дѣятельностью, которой посвятила себя по горячей потребности своего сердца творить какъ можно больше добра. Однажды она сама замѣтила, что благотворительность только тогда приноситъ пользу, когда исходитъ изъ сердца, полнаго любви. Государыня обладала рѣдкой способностью угадывать положеніе каждаго несча-

Императоръ Павелъ I со свитою у внутренняго караула въ Гатчинскомъ дворцѣ.
По фотогр. А. И. Смирнова, съ картины Шварца. Гатчинскій дворецъ.

стнаго лица, и какъ бы малы и незначительны были эти лица и ихъ страданія, она всегда съ искреннимъ участіемъ входила въ ихъ интересы и старалась доставить утѣшеніе. Вѣнцомъ ея благотворительности была ея учебно-воспитательная система, которая существуетъ и теперь подъ именемъ «Учрежденій императрицы Маріи».

Императоръ Павелъ I. Литографія Поля.

Особенно заботилась Марія Ѳеодоровна о воспитательномъ домѣ, который благодаря ея неусыпнымъ заботамъ и огромной щедрости былъ доведенъ до величайшихъ размѣровъ. Она часто посѣщала учебныя заведенія, больницы, обходила палаты, разговаривая и ободряя больныхъ. Вездѣ вносила она съ собой ласку и сердечную теплоту. Снисходительная и милостивая къ другимъ, Марія Ѳеодоровна была очень строга по отношенію къ себѣ; роскошь и какія-нибудь прихоти были ей чужды. Гнѣвъ и раздражительность были ей незнакомы, и не было человѣка, имѣвшаго причину жаловаться на нее. Кроткая душа Маріи Ѳеодоровны была вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и добродѣтелей [18]).

Личность императора Павла поражаетъ историковъ, вызывая удивленіе совмѣщеніемъ въ его характерѣ такихъ чертъ, которыя, казалось бы, должны исключать одна другую. Рыцарь по духу, въ самомъ лучшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этого слова, онъ въ то же время подъ вліяніемъ гнѣва былъ способенъ на самую чудовищную несправедливость; имѣя, въ сущности, доброе и отзывчивое сердце, онъ въ то же время не останавливался передъ тяжкимъ наказаніемъ за малѣйшій проступокъ. Любезный и обходительный въ минуты хорошаго расположенія духа, онъ становился грубъ и придирчивъ въ тотъ періодъ, когда гнѣвъ овладѣвалъ его душой. Припадки гнѣва бывали у него такъ неожиданны, что никто изъ окружающихъ не былъ увѣренъ въ томъ, что только что улыбающійся и любезный императоръ при одномъ неосторожномъ жестѣ или словѣ не запылаетъ гнѣвомъ, послѣдствія коего иногда бывали ужасны.

Мальтійская корона Императора Павла I.
Рис. изъ собранія Г. С. Габаева.

Однажды было назначено полковое ученье лейбъ-гвардіи конному полку въ высочайшемъ присутствіи. Полкъ, къ которому императоръ не былъ особенно расположенъ, усиленно готовился къ параду и, дѣйствительно, представился императору молодцомъ. Всѣ самыя трудныя построенія и эволюціи удались блестяще, Павелъ былъ доволенъ и самъ лично сталъ командовать полкомъ. Бывшій въ тотъ день сильный вѣтеръ отнесъ команду, и ее не разслышали ни полковой командиръ, ни командиръ головного эскадрона.

[18]) См. Шумигорскій. Императрица Марія Ѳеодоровна.

Императоръ, скомандовавшій полку «въ атаку», проскакавъ по полю нѣкоторое время и не слыша за собой грузнаго топота мчащагося полка, оглянулся и увидѣлъ, что полкъ, не двигаясь, стоитъ на мѣстѣ.

Съ потемнѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ подъѣхалъ императоръ къ окаменѣлому отъ предчувствія бѣды полку и задыхающимся отъ гнѣва голосомъ скомандовалъ: «полкъ, по-эскадронно, въ Сибирь шагомъ маршъ».

Только горячія и усердныя просьбы вліятельныхъ лицъ, у которыхъ были родственники среди офицеровъ опальнаго полка, смягчили гнѣвъ императора, и онъ возвратилъ полкъ, уже успѣвшій пройти около 100 верстъ отъ столицы.

Обрядъ сожженія костровъ наканунѣ Иванова дня. Съ акварели Акселена.

Императоръ Павелъ глубоко религіозный въ душѣ питалъ страсть къ разнаго рода обрядамъ. Принявъ на себя званіе гроссмейстера рыцарскаго ордена іоаннитовъ, онъ съ пунктуальной строгостью исполнялъ всю обрядовую сторону орденскихъ традицій, а познакомившись съ ученіемъ масоновъ, также съ удовольствіемъ исполнялъ обряды масонства. Такъ, напримѣръ, онъ лично руководилъ мистической церемоніей «сожженія костровъ».

Вступивъ на престолъ съ искреннимъ желаніемъ поддерживать со всѣми державами добрыя отношенія, императоръ Павелъ немедленно прекратилъ начатую императрицей Екатериной персидскую войну, но захватъ французами острова Мальты, принадлежавшаго рыцарскому ордену іоаннитовъ, находившемуся подъ защитой и покровительствомъ Павла, заставилъ его поднять оружіе противъ Франціи. Въ 1799 году Павелъ заключилъ союзъ съ Австріей, Англіей и Турціей, чтобы дѣйствительными мѣрами принудить Францію войти въ прежнія границы и этимъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и равновѣсіе.

Геллеръ. Фельдмаршалъ Суворовъ читаетъ письмо Императора Павла I. Суворовскій музей.

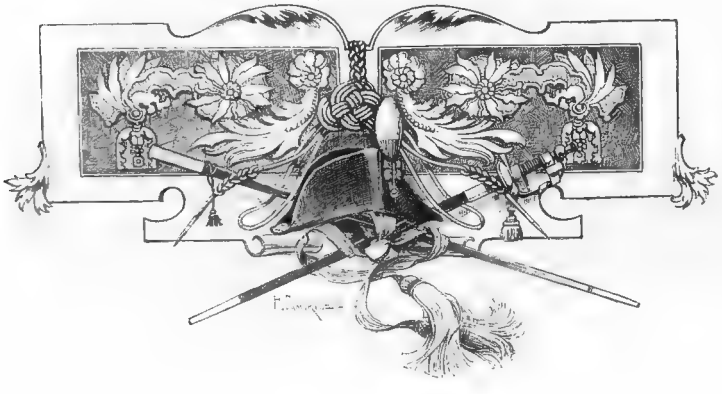
Сухопутная русская армія подъ предводительствомъ Суворова, съ которымъ Павелъ примирился, въ короткій срокъ очистила Италію отъ французовъ, одержавъ блестящія побѣды при Аддѣ, Требіи и Нови. Радость императора при

полученіи извѣстій о побѣдахъ его арміи была безмѣрна. Суворовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ «Италійскаго». Въ іюлѣ 1799 года Италія была совершенно очищена отъ французовъ, и Суворовъ двинулся оттуда въ Швейцарію, но, прежде чѣмъ онъ достигъ ея предѣловъ, австрійскія войска ушли изъ Швейцаріи, оставивъ тамъ на произволъ судьбы небольшой русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, который вскорѣ былъ разбитъ превосходными силами французовъ подъ начальствомъ генерала Массена. Оставленный союзниками-австрійцами, Суворовъ очутился въ Швейцаріи, не имѣя при себѣ ни достаточной артиллеріи, ни запасовъ продовольствія, но геній стараго вождя и мужество русскаго войска преодолѣли всѣ препятствія. Перейдя съ невѣроятными трудностями Альпы и разбивъ французовъ, Суворовъ расположился на зимнія квартиры въ Баваріи, ожидая отъ императора Павла дальнѣйшихъ распоряженій относительно похода во внутрь Франціи. За геройскій переходъ черезъ Альпы, въ которомъ принималъ участіе и великій князь Константинъ Павловичъ, Суворовъ, уже имѣвшій всѣ русскіе ордена, былъ награжденъ титуломъ «свѣтлѣйшаго князя», и войскамъ было приказано отдавать ему почести, равныя отдаваемымъ особѣ императора.

Между тѣмъ, Павелъ, возмущенный вѣроломной политикой Австріи и Англіи, разорвалъ съ ними союзъ и началъ готовиться къ войнѣ съ послѣдней, заведя сношенія съ недавнимъ своимъ врагомъ—съ консуломъ французской республики генераломъ Бонапартомъ, который сильно добивался расположенія русскаго императора. Изъ Лондона уже былъ отозванъ русскій посолъ, и донскимъ казакамъ приказано было двинуться черезъ Хиву въ Остъ-Индію, находящуюся подъ владычествомъ англичанъ, но смерть Павла пріостановила это грандіозное предпріятіе. Интересно, что англичане, чувствуя угрозу надъ своей головой, подкупали громадными суммами приближенныхъ Павла. Англійскія гинеи рѣкой текли въ руки Палена и его единомышленниковъ. Гр. П. А. Толстой въ мартѣ 1801 года видѣлъ у Палена цѣлые свертки англійскихъ гиней [19]).

12 марта 1801 года утромъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ было доложено, что императоръ Павелъ въ ночь скончался отъ апоплексическаго удара.

На престолъ вступилъ императоръ Александръ I.



[19]) Шумигорскій, Е. А. Нелидова. Стр. 167. Русскій Архивъ 1882 г. II, 63.

Александръ I.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1801—1825.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Благословенный царь.

Въ высшей степени сложная и интересная личность императора Александра I неизмѣнно привлекаетъ къ себѣ особливое вниманіе историковъ, но многочисленныя ихъ работы не могутъ исчерпать до конца всю загадку жизни и дѣятельности этого необыкновеннаго монарха. «Выражаемъ надежду», заканчиваетъ историкъ такими словами свой капитальный трудъ о Благословенномъ императорѣ, обнародованный въ самое недавнее время [1]): «что болѣе юныя силы на Руси возьмутся написать болѣе обширную работу, посвященную исторіи царствованія Александра I; мы же даемъ ту канву, тѣ данныя, которыя подлежатъ всестороннему освѣщенію при изложеніи всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые волновали и Россію, и Европу въ первой четверти XIX столѣтія». Это говорится послѣ

[1]) Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1912.

того, какъ вышли въ свѣтъ такія многотомныя и любовно разработанныя научныя изслѣдованія объ Александрѣ I, какъ работы М. Богдановича, Надлера, Шильдера [2]). Самая эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ этотъ государь, является временемъ исключительнымъ, необыкновеннымъ. И во многихъ отношеніяхъ Александръ I выступаетъ передъ нами яркимъ представителемъ всей многогранности жизни своего вѣка. Его переживанія становятся отраженіемъ стремленій, надеждъ и разочарованій духовнаго міра народовъ Европы; слѣдя за перемѣнами, происходящими въ его характерѣ и міровоззрѣніи, можно указать на подобныя же измѣненія въ переживаніяхъ европейскаго общества. Александръ I смѣло можетъ быть названъ сыномъ своего вѣка, героемъ своего времени, лучшимъ выразителемъ мнѣній и чувствъ лучшихъ людей конца восемнадцатаго и первой четверти девятнадцатаго столѣтія.

Но интересъ къ нему увеличивается, потому что онъ былъ въ первыхъ рядахъ народной жизни. Онъ былъ вождемъ не только одного своего народа, но становился во главѣ всей Европы. Онъ былъ вознесенъ на высоту небывалую. Борьба его съ Наполеономъ сдѣлала его героемъ неслыханной дотолѣ міровой трагедіи. Самъ онъ былъ чуждъ безграничнаго властолюбія Наполеона, онъ не искалъ для себя грохота военной славы великаго корсиканца, безмѣрная жажда власти была ему непонятна. Бонапартъ мечомъ достигъ полновластнаго распоряженія судьбами Европы. «Недурная у меня была имперія», говорилъ онъ на островѣ св. Елены, перелистывая офиціальный календарь, изданный въ его царствованіе: «я управлялъ восемьюдесятью тремя милліонами людей, больше чѣмъ половиной населенія Европы». Немудрено, что ему въ минуты его счастья казалось, по его собственнымъ словамъ, будто онъ былъ поднятъ на воздухъ и видѣлъ весь міръ у своихъ ногъ. «У меня закружилась бы голова на такой высотѣ», съ улыбкой говорилъ императоръ Александръ, глядя на статую Наполеона на знаменитой Вандомской колоннѣ.

Однако, онъ ошибался: онъ былъ вознесенъ на гораздо большую высоту, чѣмъ любимецъ удачи Наполеонъ. Александръ пережилъ настоящій апоѳеозъ, онъ былъ озаренъ лучами такого восторженнаго обожанія со стороны всей Европы, онъ переживалъ минуты такого необыкновеннаго духовнаго торжества, о которомъ Наполеону нельзя было и мечтать. Но онъ достигъ этого не столько мощью русскаго оружія, сколько своимъ великодушіемъ и проявленіемъ великой христіанской любви.

Между тѣмъ, чувство глубокой неудовлетворенности постоянно преслѣдовало государя. На его душѣ лежалъ отпечатокъ какой-то безысходной внутренней скорби. Онъ былъ участникомъ скрытой отъ людей трагедіи, въ сущность которой и пытаются съ той или другой стороны проникнуть его біографы. Недаромъ Герценъ называлъ его «коронованнымъ Гамлетомъ». Въ самомъ дѣлѣ, помимо личной драмы онъ переживалъ великую драму міровой скорби. Муки раздвоенія душевной жизни, сознаніе роковой пропасти между мечтою и дѣйствительностью были имъ испытаны до самаго послѣдняго предѣла. И въ характерѣ, и въ дѣятельности его были несомнѣнныя противорѣчія, и они-то заставляли задумываться надъ собою и его современниковъ, и представителей послѣдующихъ изысканій.

«Сфинксъ, неразгаданный до гроба, о немъ и нынѣ спорятъ вновь», совершенно справедливо сказалъ объ Александрѣ кн. П. А. Вяземскій. Александръ сумѣлъ окутать себя туманомъ загадочности: самая смерть его была покрыта тайною, и изъ этой таинственности родилась легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, лишь за послѣднее время до конца уничтоженная историческою критикою. Однако, эта легенда настолько соотвѣтствовала образу

[2]) М. Богдановичъ. Исторія царствованія имп. Александра I и Россія въ его время (6 томовъ) Шильдеръ. Имп. Александръ I (4 тома). Надлеръ. Имп. Александръ I и идея священнаго союза (5 томовъ).

Александра, что ею увлекались не только великіе художники [3]), но и историки. «Характеръ Александра вызывалъ самыя разнообразныя сужденія современниковъ и позднѣйшихъ историковъ», пишетъ А. Н. Пыпинъ [4]), «въ то время, какъ одни считали его человѣкомъ безъ сердца и принциповъ, другіе—и въ томъ числѣ знаменитый Штейнъ, котораго нельзя было упрекнуть ни въ лицемѣріи, ни въ желаніи льстить—съ увѣренностью говорилъ о высокихъ качествахъ его характера, безкорыстіи и великодушіи, глубокомъ стремленіи къ благу человѣчества; когда одни признавали за нимъ только умъ самый обыкновенный, неспособный къ широкимъ идеямъ, другіе видѣли въ Александрѣ, кромѣ рѣдкихъ достоинствъ сердца, и умъ чрезвычайно обширный и проницательный».

«Чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніяхъ», пишетъ о государѣ въ своемъ дневникѣ Михайловскій-Данилевскій, находившійся одно время безотлучно при особѣ императора [5]). Понятно поэтому, почему человѣческая пытливость съ такою настойчивостью обращается къ разгадкѣ образа Благословеннаго монарха. Тутъ все одинаково захватываетъ интересъ и вниманіе: и его время, и гигантская эпопея борьбы съ Наполеономъ, и самый внутренній разладъ въ душѣ императора, и внутренняя его борьба, скрытая, но все же то и дѣло прорывающаяся наружу и проявляющаяся въ рѣзкихъ перемѣнахъ въ политической его дѣятельности.

Шильдеръ дѣлитъ царствованіе Александра на три рѣзко разграниченные между собою періода [6]): первый періодъ, по его словамъ, обнимаетъ время отъ 1801—1810 года. Этотъ періодъ обычно называютъ эпохой преобразованій, но историкъ даетъ ему опредѣленіе эпохи колебаній, потому что тутъ характерны по всѣмъ отраслямъ управленія имперіей неустойчивость взглядовъ и рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой, что опредѣляется личностью самого Александра, обладавшаго свойствомъ колебаться въ одно и то же время между двумя различными настроеніями. Второй періодъ, продолжающійся съ 1810—1816 годъ, сосредоточивается на борьбѣ Россіи съ Франціей, и тутъ Александръ явилъ себя непоколебимымъ. «Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ», сказалъ онъ и остался вѣренъ этой мысли до полнаго ея осуществленія. Третій періодъ, охватывающій собою время отъ 1816 года до самой смерти Александра, называется обычно историками періодомъ конгрессовъ и охраненія установленныхъ ими порядковъ въ Европѣ, но Шильдеръ даетъ ему наименованіе періода реакціи и окончательнаго утомленія жизнью. Дѣленіе это совершенно правильно, но все же можно внести нѣкоторыя дополненія къ мнѣніямъ почтеннаго историка. Если первый періодъ можно назвать періодомъ колебаній, то въ то же время онъ является и періодомъ пылкихъ надеждъ. Въ немъ Александръ — истинный сынъ восемнадцатаго вѣка съ его мечтами объ осуществленіи справедливости и свободы на землѣ, съ отвращеніемъ къ деспотизму во всѣхъ его проявленіяхъ, съ пылкими и искренними порывами сентиментализма. Столкновеніе съ Наполеономъ возвращаетъ его на землю, даетъ болѣе реальный характеръ его грезамъ, въ особенности, послѣ Тильзитскаго соглашенія, когда Александръ на время подпадаетъ подъ нѣкоторое вліяніе Наполеона, рисующаго передъ нимъ грандіозныя перспективы благотворнаго перерожденія міра подъ ихъ общимъ водительствомъ. Но прерванная краткимъ сближеніемъ съ Бонапартомъ борьба продолжается, и Александръ попадаетъ въ общую волну подъема національнаго самосознанія. Онъ видитъ передъ собою подлинную Русь, и изъ монарха

---

[3]) Такъ, пытался дать художественную обработку этой легендѣ гр. Л. Н. Толстой въ «Запискахъ старца Ѳеодора Кузьмича».

[4]) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. С.-Пб. 1900.

[5]) Шильдеръ. Т. IV, стр. 48.

[6]) Шильдеръ. Т. II, стр. 1—2.

мечтателя и утописта онъ становится царемъ народнымъ, всероссійскимъ вождемъ, надеждою и краснымъ солнышкомъ своего государства. Громъ послѣдующихъ успѣховъ не заставляетъ его забыться въ упоеніи: въ немъ совершается трудная работа переоцѣнки недавнихъ цѣнностей. Тутъ онъ сумѣлъ «сжечь, чему поклонялся» и, полный тоски и смиренія, ищетъ для себя иного пути. Великія и потрясающія событія эпохи пробуждаютъ въ человѣчествѣ, съ одной стороны, глубокое разочарованіе въ своихъ силахъ, въ особенности, въ силѣ человѣческаго разума, сознаніе своего ничтожества, а, съ другой стороны, рождается страстное стремленіе къ другой нездѣшней жизни, жажда иной неземной истины, исканіе Господа, какъ помощника и покровителя во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Человѣкъ бѣжитъ отъ мірской суеты во внутренній міръ своей души. Онъ ищетъ непосредственнаго единенія съ Высшею силою... Это-то все и испыталъ на себѣ Александръ. Въ немъ утомленіе жизнью тутъ соединяется съ тоскливымъ исканіемъ великаго откровенія, возможнаго разрѣшенія міровыхъ загадокъ. Съ этимъ чувствомъ онъ уѣзжаетъ въ свое послѣднее путешествіе изъ Петербурга, и почти частнымъ человѣкомъ, а не могучимъ монархомъ, заканчиваетъ свою страдальческую жизнь въ далекомъ Таганрогѣ.

Императоръ Александръ I и Великій Князь Константинъ Павловичъ. По фотогр. А. И. Смирнова съ картины Поля, Гатчинскій дворецъ.

Послѣ кончины императора его супруга Елизавета Алексѣевна такъ писала императрицѣ-матери Маріи Ѳеодоровнѣ: «Дорогая матушка! Нашъ ангелъ на небесахъ, а я осталась на землѣ; о если бы я, самое несчастное существо изъ всѣхъ оплакивающихъ его, могла скоро соединиться съ нимъ...» Первыя слова этого письма послужили какъ бы эпитафіей Александру Благословенному и были воспроизведены на гравюрахъ, браслетахъ и такъ называемыхъ траурныхъ перстняхъ [7]). Съ этимъ именемъ ангела Александръ прожилъ всю свою жизнь, это же имя проводило его и въ мѣсто вѣчнаго успокоенія. Когда Александру было четырнадцать лѣтъ, онъ присутствовалъ на знаменитомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ у Потемкина, и Потемкинъ «говорилъ съ безпримѣрными похвалами объ Александрѣ Павловичѣ и со слезами на глазахъ называлъ его *ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства имперіи*, и сказалъ, что это принцъ его сердца и что онъ видитъ въ немъ величайшую надежду [8]).» Когда произошло торжественное обрученіе великаго князя Александра съ Елизаветой Алексѣевной, Екатерина такъ высказала свое впечатлѣніе отъ юной четы:

[7]) Шильдеръ. IV, стр. 286.

[8]) Слова императрицы Екатерины кн. Салтыкову. (Записки о жизни кн. Н. И. Салтыкова, издан. Свиньинымъ).

«Всѣ говорили, что обручаютъ двухъ ангеловъ. Ничего нельзя вообразить прелестнѣе этого 15-лѣтняго жениха и 14-лѣтней невѣсты» [9]).

«Ангелъ во плоти», называли его современники. «Ангелъ кротости и мира, любимый сынъ благихъ небесъ», говорилъ про Александра въ своемъ привѣтственномъ стихотвореніи Державинъ, когда Александръ взошелъ на престолъ. «Какъ ангелъ Божій, ты сіяешь и съ первымъ словомъ обѣщаешь Екатерининъ вѣкъ златой...» вторилъ Державину другой великій писатель той же эпохи Карамзинъ.

Во время борьбы съ Наполеономъ мистически настроенные люди западной Европы называли Бонапарта антихристомъ и чернымъ ангеломъ, для нихъ Александръ былъ «бѣлымъ ангеломъ», избавителемъ человѣчества отъ сѣятеля зла и насилія. Утверждаютъ даже, что одна изъ пророчицъ мистической церкви Марія Куммеръ, женщина простого происхожденія, существо въ высшей степени экзальтированное, возвѣстила еще въ 1811 году, что пройдетъ немного времени и явится бѣлый ангелъ, долженствующій побѣдить чернаго[10]).

Императоръ Александръ I.
Съ бронзоваго барельефа того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ человѣка болѣе обаятельнаго, чѣмъ императоръ Александръ I. Вполнѣ можно было понять тотъ страстный восторгъ, который онъ возбуждалъ, простой и доступный, однимъ своимъ появленіемъ въ толпѣ народной. Удивительно красивый собою, съ задумчивыми глазами, сіявшими кроткимъ лучезарнымъ блескомъ, необыкновенно обходительный и доступный, но въ то же время хранившій всю царственную величественность,—онъ оставлялъ неизгладимое впечатлѣніе во [всякомъ, кто его хоть разъ видѣлъ.

«Я уходилъ отъ него, глубоко тронутый, не зная, былъ ли это *сонъ или дѣйствительность*», писалъ про свою бесѣду съ юнымъ Александромъ будущій его сотрудникъ Чарторыжскій: [11]) «я былъ охваченъ очарованіемъ; въ словахъ и манерахъ этого молодого принца было столько чистосердечія, невинности, рѣшимости, повидимому, непоколебимой, столько забвенія самого себя и возвышенности души, что онъ мнѣ казался избраннымъ существомъ, которое послано провидѣніемъ для спасенія человѣчества».

«Чей образъ долженъ стоять передъ глазами каждаго христіанина, какъ не образъ Александра Освободителя», восклицаетъ извѣстный мистикъ Юнгъ Штиллингъ, «но онъ долженъ стоять, какъ знаменіе божественной любви и божественнаго состраданія. Не долженъ ли испытывать каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе христіанинъ, при первомъ взглядѣ на это выразительное и прекрасное лицо, чувство живѣйшей и сердечной благодарности Господу, пославшему это свое великое и избранное орудіе? При каждомъ созерцаніи пор-

[9]) Сборн. И. Р. И. О. Т. 23, стр. 583.
[10]) Надлеръ. Т. V, стр. 319. (Авторъ ссылается на Mühlenbeck, p. 167.)
[11]) См. русскій переводъ книги «Alexandre I et prince Czartorysky» въ «Русск. Архивѣ» 1871 г.

трета Александра нашъ внутренній взоръ долженъ обращаться къ Тому, Которому одному приписываетъ Александръ побѣду» [12]).

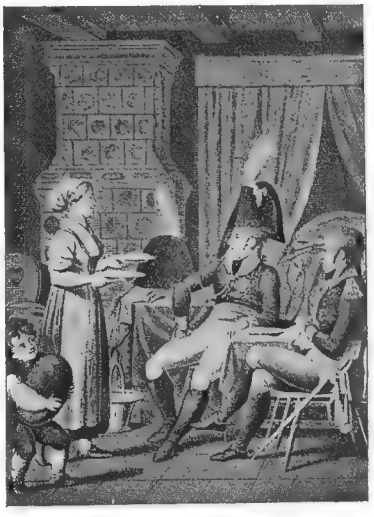
Что же испытывалъ русскій народъ, когда онъ видѣлъ своего царя? Когда государь прибылъ въ Москву для коронаціи и высмотрѣлъ, «какъ майское утро», по словамъ современника, то его встрѣтили страстные взрывы любви народной. Однажды онъ поѣхалъ одинъ прогуляться верхомъ по Тверской, и толпы народныя къ нему тотчасъ же кинулись и окружили его. «Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно», пишетъ современникъ, «какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца. Ни крику, ни шуму: но сквозь легкій шопотъ услышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное солнышко», и все, что въ простонародномъ языкѣ есть нѣжнаго, выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда — все въ народѣ освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги—ко всему прикладывались съ набожностью... На одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы» [13]).

Г. Доу. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Изъ собранія Императорскаго Эрмитажа.

Во время торжествъ въ Парижѣ въ честь государя послѣ его побѣды надъ Наполеономъ, Сперанскій, бывшій въ эту пору въ далекой ссылкѣ, сказалъ по поводу толковъ о восторгѣ, съ какимъ всюду встрѣчали Александра: «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи. Будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: это сущій прельститель (c'est un vrai charmeur)» [14]). Даже Наполеонъ, по весьма понятнымъ причинамъ всегда со злобой отзывавшійся о государѣ, говорилъ о немъ: «это привлекательная особа, очаровывающая тѣхъ, кто соприкасается съ нимъ». Дѣйствительно, въ царѣ было что-то врожденное, что привлекало къ нему людей. Это врожденное качество, названное французами le charme, творило чудеса и обворожало всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, Екатерина называла его «прелестнѣйшей личностью» (un delicieusissime sujet). «Господинъ Александръ», писала она о немъ въ ту пору, «тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ рѣдкій экземпляръ красоты, доброты и смышленности... У него такая наружность, которая все сможетъ расшевелить... Впрочемъ, онъ не знаетъ, до чего онъ хорошъ, и до сихъ поръ не придаетъ большого значенія своей красотѣ» [15]). Она въ отроческіе годы Александра отмѣтила, что «онъ всѣхъ людей сердца пріобрѣтаетъ». Когда онъ сталъ императоромъ, то изъ его кабинета люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній и характеровъ выходили въ какомъ-то опьяненіи очарова-

[12]) Надлеръ. Т. V, стр. 291.
[13]) Записки Ф. Ф. Вигеля.
[14]) Шильдеръ. Т. III, стр. 228—229.
[15]) Сб. И. Р. И. О. Т. 23, стр. 427. Письмо отъ 18 сентября 1790 года.

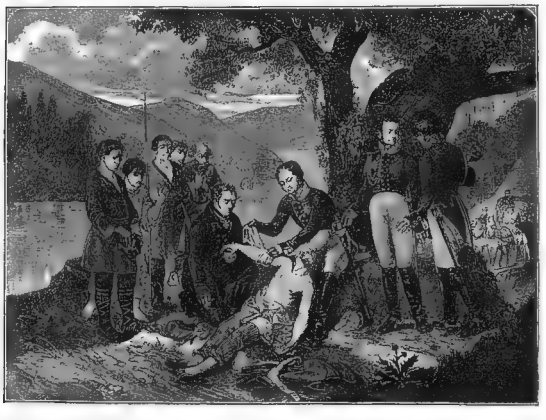
нія. Если мужчины поражались его дарованіями, то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра сохранила къ нему чувство безграничной любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ на время о существованіи своей первой подруги на землѣ. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленія къ нему любви и дружбы. Суровая и надменная Марія Ѳеодоровна, никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Почти всѣ женщины, имѣвшія общеніе съ государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память. Всѣ его приближенные души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него [16]).



Императоръ Александръ I въ домѣ крестьянки.
Съ нѣм. гравюры того времени.

Невыразимое обаяніе исходило отъ всей его фигуры, плѣняющей своей античной красотой. Его царственный видъ, граціозная любезность, множество оттѣнковъ въ голосѣ и манерахъ, чудныя позы античныхъ статуй, глаза безоблачнаго лазурнаго неба—все это покоряло, очаровывало, возбуждало благоговѣйное восхищеніе.

Но что особенно притягивало къ Александру сердца видѣвшихъ его,—это выраженіе какой-то тихой грусти, покоившейся на прекрасныхъ чертахъ государя. Это какъ-то роднило съ нимъ, дѣлало его близкимъ и дорогимъ для каждаго. «Будь на тронѣ человѣкъ», предсказалъ ему Державинъ въ своей одѣ на его рожденіе, которую онъ заключилъ словами: «возрастай нашъ полубогъ... соравняйся съ божествомъ». Дѣйствительно, въ императорѣ было что-то вѣчно человѣческое и въ то же время что-то божественное. «Ты царь и вмѣстѣ человѣкъ!» говорили ему его современники, но видѣли въ немъ что-то «не отъ міра сего».



Императоръ Александръ I приводитъ въ чувство утонувшаго крестьянина.

«Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго монарха», писалъ Карамзинъ въ своей знаменитой «Запискѣ о старой и новой Россіи», «всѣ согласны, что едва ли кто изъ государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу: едва ли кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ. Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными; жалуются въ палатахъ и хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры».

---

[16]) Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Александръ I, стр. 344—347.

Враги государя, какъ напримѣръ, его вѣчный противникъ Наполеонъ, легко рѣшали эту загадку, считая Александра хитрымъ, своекорыстнымъ и неискреннимъ: «это истинный византіецъ [17]), тонкій, притворяющійся, хитрый», такъ отзывался Наполеонъ, приписывая ему тѣ качества, которыми онъ самъ обладалъ во всей ихъ полнотѣ. Но такое рѣшеніе загадки было величайшею ошибкою.

Напротивъ, всю свою жизнь Александръ жилъ исключительно своимъ сердцемъ, и его душа была полна безконечной любви къ людямъ и страстнаго желанія имъ добра. Сердце

O NIMIVM FORTVNATI SVBDITI!—VT HOS INFANTES, ITA VOS AMAT.

Ген.-ад. кн. Потемкинъ. Кн. Безбородко. Вел. кн. Марія Ѳеодоровна. Императрица. Ген.-ад. кн. Репнинъ. Ген.-ад. Ланской. Остерманъ. Вел. кн. Александръ и Константинъ. Бецкій. Вел. кн. Павелъ Петровичъ. Гр. Панинъ. Нарышкинъ.

Императрица Екатерина II, окруженная семействомъ и ближними придворными. Съ гравюры 1782 г. Сидо, находящейся въ Имп. Эрмитажѣ.

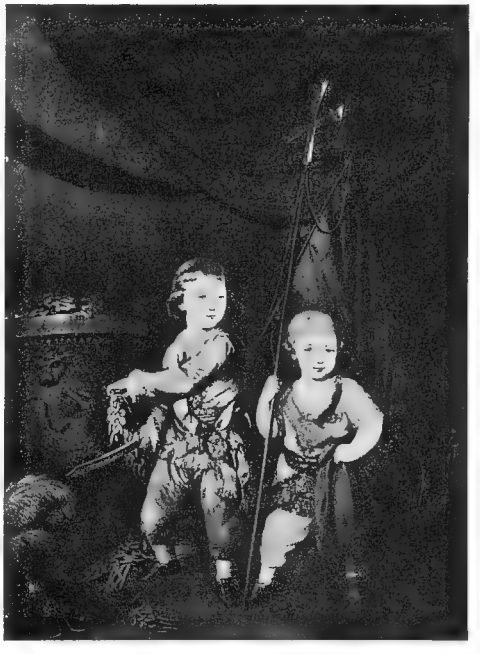
его исходило иногда кровью и терзалось сожалѣніемъ своей безпомощности, несмотря на всю полноту власти, которой онъ былъ облеченъ. Онъ вышелъ въ свѣтъ, полный бодрости и силъ, а жизнь не разъ разбивала его мечты—отсюда происходила его грусть. Онъ, подлинно, былъ человѣкомъ «не отъ міра сего», ангеломъ, залетѣвшимъ въ жизнь изъ чуднаго горняго царства, чтобы убѣдиться, насколько земное существованіе разнится отъ тѣхъ райскихъ обителей, къ которымъ рвался его духъ.

Двѣ черты характера бросались въ глаза въ Александрѣ, когда онъ былъ еще ребенкомъ и находился на попеченіи у своей бабки Екатерины II: это необычайная живость воображенія и удивительная нѣжность сердца.

[17]) Un grec du Bas Empire.

«У него удивительное воображеніе», писала про него Екатерина. «Нѣтъ конца его вопросамъ. Однажды онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ и зачѣмъ онъ самъ явился на свѣтъ». Въ другой разъ «господинъ Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать въ эрмитажную библіотеку за глобусомъ. Но, когда онъ его получилъ, то принялся усердно путешествовать по всему земному шару... Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ бы разспрашивать, такъ былъ бы любопытенъ, жаденъ до знанія, какъ этотъ. Онъ любитъ разсказывать, вести разговоръ, а если ему начнутъ разсказывать, то онъ весь обращается въ слухъ и вниманіе» [18]).

Маленькій Александръ съ рѣдкой ласковостью относился ко всѣмъ, и въ особенности, къ своей «бабушкѣ государынѣ», какъ онъ называлъ ее въ своемъ дѣтскомъ письмѣ: «цѣлую ваши ручки, ножки и маленькій пальчикъ», заканчивалъ онъ эти письма. Онъ охотно всѣмъ расточалъ свои ласки и страдалъ, когда не получалъ въ отвѣтъ такихъ же ласкъ. Онъ жилъ порывомъ, чувствомъ; на его «глаза безоблачнаго неба» легко было вызвать цѣлый потокъ слезъ.



Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи.
Романовская галлерея.

Екатерина Великая прекрасно понимала, съ какою бережностью и усиленной осторожностью нужно было отнестись къ воспитанію такого ребенка. Она употребила всѣ свои усилія на то, чтобы воспитать его достойнымъ образомъ, но, конечно, при всемъ своемъ огромномъ умѣ она не смогла уберечься отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя впослѣдствіи не замедлили дать себя знать.

Александръ I родился 12 декабря 1777 года въ Зимнемъ дворцѣ отъ цесаревича Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Его рожденіе встрѣчено было большою радостью не въ одной царственной его семьѣ. Радовались ему въ столицѣ и народъ, и высшіе классы общества.

Въ мартѣ 1787 года Екатерина пишетъ Гримму: «вы пишете, что ему (новорожденному) предстоитъ на выборъ подражать либо герою (Александру Македонскому), либо святому (Александру Невскому) одного съ нимъ имени. Но вы, вѣроятно, не знаете, что этотъ святой былъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его надъ современными ему удѣльными, какъ и онъ, князьями. Татары уважали его, новгородская республика подчинялась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ шведовъ, и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. Итакъ, Александру не предстоитъ свободы выбора, но его собственныя дарованія направятъ его на стезю того или другого»...

Императрица взяла всецѣло на себя воспитаніе своего внука, отдаливши его отъ его

---

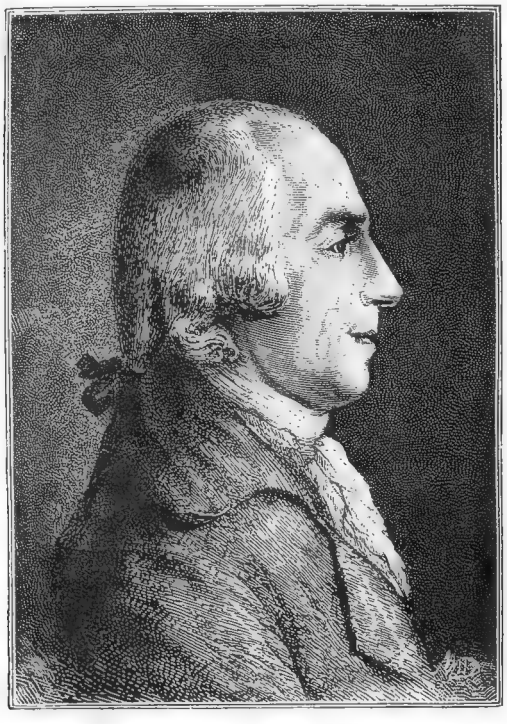
[18]) Переписка Екатерины Великой съ Гриммомъ.

родителей. Она надѣялась на то, что онъ вырастетъ подъ ея исключительнымъ вліяніемъ. Она смотрѣла на него, какъ на «будущаго вѣнценосца».

«Я оставлю Россіи даръ безцѣнный—Россія будетъ счастлива подъ Александромъ», мечтала Екатерина Великая, склоняясь надъ маленькой постелью «господина Александра», какъ она называла своего любимца. Она мало довѣряла хорошему вліянію на него со стороны отца, о чемъ даже проговорилась въ своихъ письмахъ: «Боюсь за него только въ одномъ отношеніи, но объ этомъ какъ-нибудь скажу на словахъ: догадайтесь! (a bon nez salut!)» [19]). Руководя и воспитаніемъ, и образованіемъ его, впослѣдствіи императрица для него сама составила азбуку, которую назвали «бабушкиной», сочиняла сказки, а послѣ учила его ариѳметикѣ и географіи.

Мечта о «новой породѣ людей», свободныхъ отъ заблужденій и пороковъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, осуществлялась императрицею въ широкихъ размѣрахъ въ государственной жизни путемъ основанія цѣлой сѣти образовательныхъ учрежденій, но Екатерина хотѣла и въ двухъ своихъ внукахъ Александрѣ и Константинѣ видѣть представителей этой грядущей «новой породы людей».

Когда Александру Павловичу шелъ шестой годъ, а его младшему брату Константину пятый, то послѣ внезапной смерти ихъ воспитательницы С. И. Бенкендорфъ, Екатерина рѣшила: «приспѣло время, чтобы отнять отъ нихъ женскій присмотръ». Сначала главный надзоръ за великими князьями былъ порученъ Ник. Ив. Салтыкову. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, твердо знавшій придворную науку, но мало имѣвшій понятія о воспитаніи: по словамъ одного изъ его сотрудниковъ, онъ, главнымъ образомъ, предохранялъ своихъ воспитанниковъ отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка. Вообще, Салтыкову предназначалась только роль ширмы, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка [20]).



Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ.
Съ гравированнаго портрета XVIII столѣтія.

Отвлеченная державными заботами Екатерина не могла посвящать столько времени своимъ внукамъ, сколько этого ей бы хотѣлось и сколько этого было дѣйствительно нужно. Она обращала вниманіе на то, чтобы ея внуки знали свою родину. Она указывала, что «познаніе Россіи во всѣхъ ея частяхъ главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно».

Русскій языкъ она ставила на первомъ планѣ и говорила: «надлежитъ стараться, чтобы русское письмо и русскій языкъ дѣти знали какъ можно лучше». Требуя, чтобы ихъ учили иностраннымъ языкамъ, она напоминала воспитателямъ, «чтобы дѣти не позабывали своего языка русскаго», а для того приказывала «читать и говорить съ дѣтьми по-

[19]) Письмо къ Гримму.
[20]) Шильдеръ. Т. I, стр. 29—30.

русски и стараться, чтобы по-русски говорили хорошо». Составляя для дѣтей сказки, она пользовалась для нихъ русскимъ народнымъ творчествомъ. Вводя ихъ въ духъ народа, она составила для нихъ сборникъ русскихъ народныхъ пословицъ и принялась, на основаніи лѣтописей, сама составлять русскую исторію. Сильное вліяніе на развитіе Александра оказалъ его воспитатель швейцарецъ Лагарпъ.

Лагарпъ случайно попалъ въ Россію и въ Петербургъ, гдѣ его узнала императрица, которая, убѣдившись въ его умѣ, образованности и благородствѣ, рѣшила назначить его однимъ изъ воспитателей своихъ внуковъ. Первоначально Лагарпъ былъ только преподавателемъ французскаго языка, но увлекательностью своего преподаванія, живостью изложенія онъ сумѣлъ выдвинуться на первый планъ и вскорѣ былъ назначенъ главнымъ руководителемъ учебныхъ занятій Александра, при чемъ особенно много онъ удѣлялъ вниманія исторіи. Его воспитанникъ проникся горячей любовью и уваженіемъ къ своему учителю, и эти чувства всецѣло сохранились въ немъ, когда Александръ сталъ взрослымъ человѣкомъ и взошелъ на престолъ.

Но Лагарпъ сумѣлъ поселить извѣстный разладъ въ душѣ своего царственнаго ученика. Какъ швейцарецъ, Лагарпъ былъ республиканцемъ и къ этой формѣ правленія онъ отличался особенной приверженностью. Онъ полагалъ, что людямъ лучше всего живется въ республикахъ. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливался на исторіи древняго Рима въ республиканскую его эпоху и рисовалъ ее въ радужныхъ, ослѣпительныхъ краскахъ. Онъ проповѣдывалъ любимыя идеи своему ученику, и тотъ ихъ впитывалъ съ жадностью.

Однако, Александръ, слушая эти похвалы республикѣ, зналъ, что ему впослѣдствіи придется стать царемъ обширнѣйшей въ мірѣ страны. Прекрасно зналъ и Лагарпъ, что онъ воспитываетъ будущаго государя. Какъ же ему было примирить свои убѣжденія со своими обязанностями воспитателя Александра, какъ императора въ грядущемъ? Онъ продолжалъ свои проповѣди и уроки въ духѣ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, но добавлялъ, что республиканскій образъ правленія для Россіи еще непригоденъ, потому что де республиканецъ долженъ быть просвѣщенъ и добродѣтеленъ, а Россія погрязаетъ во мракѣ невѣжества и, стало-быть, она еще не доросла до республики. Тѣмъ не менѣе, онъ внушалъ Александру отвлеченныя понятія о свободѣ, о равенствѣ людей, о гнусности деспотизма и рабства. Своими уроками онъ переносилъ Александра въ царство мечты, рисовалъ ему такія картины, которыя находились въ рѣзкой противоположности съ дѣйствительностью, и внушалъ ему увѣренность, что онъ сможетъ впослѣдствіи осуществить эти грезы на дѣлѣ, облечь ихъ плотью и кровью. «Я обольщался надеждою, что воспиталъ Марка-Аврелія (государя-философа) для пятидесятимилліоннаго населенія. Я имѣлъ минутную радость высокаго достоинства», писалъ Лагарпъ о своихъ занятіяхъ съ Александромъ.

Такимъ же далекимъ отъ земли и ея интересовъ идеалистомъ былъ въ то время и другой воспитатель Александра М. Н. Муравьевъ. «Страсть его къ ученію равнялась въ немъ со страстью къ добродѣтели», говорилъ о немъ Карамзинъ. Свѣтло и радостно смотрѣлъ Муравьевъ на жизнь, вѣря въ людей и ихъ счастье. Самъ необыкновенно чувствительный, онъ близко сошелся со своимъ чувствительнымъ воспитанникомъ, которому онъ внушалъ любовь къ человѣчеству, необходимость уваженія къ закону, обуздывающему деспотизмъ и свободу въ «разбирательствѣ мнѣній».

Благодаря всему, этому національное направленіе воспитанія Александра, о чемъ мечтала его бабушка, свелось къ нулю. Александръ очень мало зналъ свою родину и сталъ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ относиться къ той самодержавной власти, которая должна была ему въ будущемъ достаться; онъ началъ видѣть въ ней деспотизмъ, который необхо-

димо чѣмъ-нибудь ограничить. Воспитаніе отдѣляло его отъ дѣйствительной жизни, рисуя передъ нимъ царство мечты и закрывая его глаза на невозможность осуществленія его грезы въ настоящемъ.

Скоро воспитаніе его оборвалось, и ему пришлось зажить жизнью взрослаго человѣка еще въ то время, когда умъ его не окрѣпъ и характеръ вполнѣ не развился.

Императрица Елизавета Алексѣевна.
Съ гравюры Турнера, съ портрета, писаннаго Монье.

Екатерина II, едва лишь началъ онъ вступать въ юношескій возрастъ, озаботилась пріисканіемъ ему невѣсты. Ея выборъ палъ на дочерей наслѣднаго принца Баденскаго, и, когда Александру минуло пятнадцать лѣтъ, ко двору русской императрицы прибыли двѣ юныя принцессы Луиза и Фредерика. Невѣстою великаго князя стала Луиза. Когда впервые эта юная парочка встрѣтилась лицомъ къ лицу, то оба они были молчаливы и украдкой застѣнчиво поглядывали другъ на друга, но скоро освоились, и Александръ со свойственной ему пылкостью сталъ восхвалять свою невѣсту, дѣйствительно, очаровавшую всѣхъ своимъ умомъ и особенной плѣнительной граціей.

«Увѣдомляю васъ»,—пишетъ мать жениха Марія Ѳеодоровна Екатеринѣ—«что г. Александръ пишетъ намъ, что прелестная Луиза все болѣе и болѣе ему нравится; въ ней есть особенная кротость и скромность, которая чаруетъ, и что надобно быть каменнымъ, чтобы не любить ее» [21]). Протасовъ такъ обрисовываетъ юную невѣсту: «Черты ея лица очень хороши и соразмѣрны ея лѣтамъ. Физіономія пресчастливая: она имѣетъ величественную пріятность, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣютъ нѣчто особенно привлекательное. Въ ней виденъ разумъ, скромность и пристойность во всемъ ея поведеніи. Доброта души ея написана на глазахъ, равно и честность. Ея свѣтлость имѣетъ въ нравѣ много сходства съ Александромъ Павловичемъ». Современники свидѣтельствуютъ о ней, что черты ея лица были тонки и правильны, греческій профиль, большіе голубые глаза и волосы прекраснѣйшаго бѣлокураго цвѣта; стройный станъ, врожденная грація и чисто воздушная походка дѣлали ее подобною нимфѣ. За ея мягкій, пріятный, вкрадывающійся въ душу голосъ Екатерина называла ее своею нѣжною сиреною [22]).

Вскорѣ принцесса Луиза приняла православіе и стала великой княжной Елизаветой Алексѣевной. Состоялось обрученіе, а затѣмъ и бракосочетаніе молодой пары. По словамъ одного иностранца [23]), императрица никогда не выглядѣла такой удовлетворенной, какъ въ день бракосочетанія своего внука. Она говорила, что теперь она наслаждается полнымъ счастьемъ, глядя на юную чету. «Это Психея, соединенная съ Амуромъ»,—писала

---

[21]) Русская Старина. 1874 г. Т. 9.
[22]) Шильдеръ. Т. I, стр. 78.
[23]) Прусскій посланникъ графъ Гольцъ.

Екатерина, сообщая принцу де-Линь, что она довольна своимъ хозяйствомъ, но изнурена праздниками и усталостью.

Для Александра былъ образованъ особый дворъ. Онъ безповоротно вышелъ изъ «чина учимыхъ», и хотя его занятія науками продолжались, но уже потеряли свой систематическій характеръ. Лагарпъ уѣхалъ изъ Россіи на свою родину въ Швейцарію. Кромѣ того, у великаго князя явился свой опредѣленный кругъ занятій, которыя, послѣ смерти Екатерины, стали настолько сложными и обширными, что совершенно поглотили его.

На первый взглядъ жизнь Александра до сихъ поръ казалась волшебной сказкой, но въ этой сказкѣ была одна темная сторона, налагавшая на характеръ великаго князя свой отпечатокъ.

Между Екатериною и ея сыномъ Павломъ Петровичемъ была глухая, но упорная непріязнь. Екатерина съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ относилась къ Павлу Петровичу и съ большимъ безпокойствомъ слѣдила за нѣкоторыми сторонами его характера—его страшной вспыльчивостью, упрямымъ властолюбіемъ, гордымъ сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми. Она боялась, что его крутой нравъ можетъ сдѣлаться несчастьемъ для его подданныхъ, когда онъ станетъ государемъ, и въ ея душѣ зарождалась мысль лишить его престола.

Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, платилъ матери недовѣріемъ и затаеннымъ недоброжелательствомъ. Его постояннымъ мѣстопребываніемъ была Гатчина, гдѣ онъ образовалъ свое собственное небольшое войско и съ увлеченіемъ отдавался своимъ занятіямъ съ солдатами, одѣтыми и обученными по прусскому образцу.

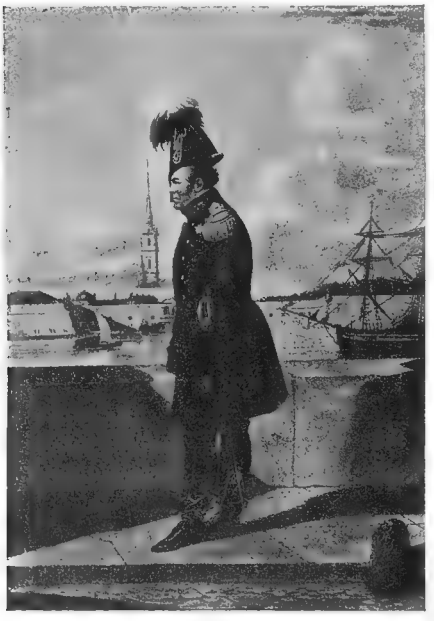
Великій Князь Александръ Павловичъ.
Съ миніатюры того времени.

Чуткій и впечатлительный Александръ не могъ не замѣтить такихъ натянутыхъ отношеній между отцомъ и бабушкой. Къ Екатеринѣ съ самаго дѣтства онъ привыкъ относиться съ настоящимъ обожаніемъ. Однажды, будучи ребенкомъ, онъ настойчиво допрашивалъ одну изъ статсъ-дамъ, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала ему, что у него, кажется, черты матери. «Нѣтъ, мой нравъ, мое обращеніе на кого похоже?»—приставалъ мальчикъ. Дама отвѣчала: «Этимъ вы похожи болѣе на бабушку, чѣмъ на кого другого».—«А!»—сказалъ онъ и со словами: «Это-то именно мнѣ и хотѣлось знать!», бросился цѣловать ее съ особенной радостью [24]). Одновременно съ этимъ кровное чувство тянуло Александра и къ отцу. Его сердце раздваивалось; онъ чувствовалъ, что излишней откровенностью онъ можетъ доставить нѣсколько горькихъ минутъ самымъ близкимъ людямъ. Онъ затаивался въ себѣ, онъ молчалъ, полный любви къ окружающимъ, желая только одного—не быть причиной огорченія для кого бы то ни было. Онъ долженъ былъ уходить въ себя и постоянно держать

[24]) Переписка Екатерины съ Гриммомъ.

себя въ рукахъ. Интересно, что люди, очень близкіе къ нему давали ему такіе совѣты: «Вы должны смотрѣть на себя, какъ на актера, который появляется на сценѣ».

Когда Александръ вступилъ въ возрастъ возмужалости, онъ долженъ былъ принимать участіе въ занятіяхъ съ гатчинской арміей, находившейся подъ командой его отца. При дворѣ Екатерины его окружало блестящее, изысканное общество. Въ Павловскѣ и Гатчинѣ онъ видѣлъ суровыхъ солдатъ, огрубѣвшихъ подъ вліяніемъ безпощадныхъ требованій и грозной дисциплины. Павелъ никому не давалъ поблажки, и его сыновья должны были подавать всѣмъ примѣръ повиновенія и исполнительности. Хотя самъ Александръ горячо увлекался военной жизнью и военными упражненіями, хотя онъ съ братомъ Константиномъ не безъ гордости говаривалъ потихоньку между собой: «у насъ въ Гатчинѣ», немного рисуясь своей суровой солдатской судьбой, но все же ему, достаточно изнѣженному и избалованному, трудно приходилось отъ гатчинской жизни. Отъ грома пушекъ на ученіи онъ даже оглохъ на одно ухо, и эта глухота впослѣдствіи придавала ему видъ нѣкоторой растерянности и словно недовѣрія къ себѣ.



Императоръ Александръ I.
Грав. Алексѣевъ съ орит. Иглесона.

Но онъ привыкъ трепетать передъ своимъ отцомъ, подверженнымъ припадкамъ необузданнаго гнѣва. Къ тому же онъ сознавалъ, что Павелъ не можетъ къ нему относиться со всею искренностью и съ полнымъ отцовскимъ расположеніемъ: Павелъ зналъ о намѣреніяхъ Екатерины относительно Александра и видѣлъ въ немъ своего соперника. Отецъ и сынъ держались по отношенію другъ къ другу съ какой-то подозрительностью.

Словомъ, молодость Александра, съ виду такая свѣтлая и безоблачная, таила въ себѣ много грусти. Будущій императоръ вдосталь испыталъ муки раздвоенія, которыя привыкъ переживать внутри себя, затаивая ихъ въ глубинѣ своего сердца, отчего онѣ становились особенно тяжелыми. Слишкомъ ясно передъ нимъ стала обрисовываться разница между свѣтлымъ царствомъ мечты и сумрачной дѣйствительностью.

Самодержавная власть стала казаться ему особенно ненавистной, потому что онъ видѣлъ, что она становится предметомъ раздора между нимъ и отцомъ. 16 сентября 1796 г. императрица лично изъявила желаніе передать Александру престолъ, лишивъ царскаго вѣнца своего сына Павла Петровича [25]). Недѣлю спустя, Александръ письменно благодарилъ бабушку за довѣріе. Несомнѣнно, что это рѣшеніе вызвало тяжелую размолвку въ царственной семьѣ. Александръ былъ такъ смущенъ происшедшимъ, что готовъ былъ бросить все въ Россіи и удалиться навсегда съ женой за границу, чтобы не стоять на дорогѣ своего отца.

Онъ жаловался Чарторыжскому, что не можетъ довѣрить своихъ мыслей никому, безъ исключенія, потому что въ Россіи еще никто не способенъ раздѣлить или даже понять

---

[25]) Вел. кн. Николай Михайловичъ. Александръ I, стр. 3.

ихъ. Сознаніе такой отчужденности отъ всѣхъ и чувство одиночества усилилось въ послѣдней степени тогда, когда воцарился Павелъ I.

Тяжко тогда пришлось Александру. По желанію своего отца, Александръ долженъ былъ приняться за усиленную дѣятельность. Онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ столицы, предсѣдателемъ военнаго департамента, полковникомъ Семеновскаго полка, и эти должности требовали у Александра напряженной работы. Онъ обязанъ былъ два раза въ день являться съ докладомъ къ государю, и къ этимъ докладамъ онъ готовился, иногда, по цѣлой ночи не смыкая глазъ, тѣмъ болѣе, что Павелъ требовалъ въ отчетахъ самой мелочной точности. Огненные глаза государя попрежнему наводили ужасъ на Александра, и онъ не разъ терялся, чѣмъ навлекалъ на себя строгіе выговоры отца.

Князь Адамъ Чарторижскій. Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтія.

Несомнѣнно, что на Александрѣ очень тяжело отражалось то обстоятельство, что отецъ старался свести на-нѣтъ всѣ дѣла и идеи царствованія Екатерины. Но Павелъ глубоко ненавидѣлъ и всѣ идеи эпохи просвѣщенія, которыми, благодаря Лагарпу, такъ увлекался Александръ; онъ называлъ ихъ «якобинствомъ» и грозилъ безъ всякаго сожалѣнія истребить ихъ въ своемъ государствѣ. Александръ видѣлъ, какъ гналось и обливалось презрѣніемъ все то, къ чему онъ привыкъ относиться съ уваженіемъ и любовью. Онъ жилъ подъ какимъ-то гнетомъ. Онъ горько жалуется въ одномъ письмѣ къ Лагарпу на то, что настало такое время, когда «капралъ предпочтительнѣе человѣку образованному и полезному». Лихорадочная, упорная работа подъ вѣчнымъ опасеніемъ грозы и немилости истощаетъ его силы.

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей. Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

А тѣ грезы о земномъ раѣ, которыя онъ усвоилъ изъ уроковъ Лагарпа и книгъ французскихъ и англійскихъ философовъ, представляются ему особенно милыми и далекимъ чуднымъ видѣніемъ манятъ и свѣтятъ ему, улетая вдаль...

Четыре съ половиной года продолжалось царствованіе Павла I. Оно было прервано его скоропостижною кончиною.

Въ манифестѣ о своемъ восшествіи на престолъ императоръ Александръ I опредѣленно далъ понять, что не будетъ поддерживать то суровое направленіе, которое установилось при Павлѣ I, а будетъ царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей Екатерины II и шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ», что вызвало большую радость въ высшихъ слояхъ общества, тяготившагося предшествующею строгостью.

Омраченный глубокой скорбью о безвременно почившемъ отцѣ вступилъ на престолъ Александръ. «У него остались на прекрасномъ, привѣтливомъ лицѣ тяжелыя воспоминанія въ морщинахъ между бровями, которыя появлялись при малѣйшемъ душевномъ движеніи», пишетъ

одинъ изъ современниковъ[26]). Молодой царь высказывалъ своему другу Чарторыжскому, что, давъ свободу своей странѣ, устроивъ благополучіе, онъ откажется отъ тяжести царскаго вѣнца и, вмѣстѣ съ другомъ своего сердца, построитъ гдѣ-нибудь хижину и изъ своего тихаго уединенія будетъ любоваться благоденствіемъ своего народа. «Я никогда не привыкну къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ онъ Лагарпу, наивно смѣшивая свою самодержавную власть съ деспотизмомъ. Онъ былъ готовъ на всякое благородное дѣло, на всякое самопожертвованіе за все великое и прекрасное.

Интересно, что даже Лагарпъ къ этому времени значительно образумился и, увидѣвшись со своимъ воспитанникомъ, облеченнымъ уже царскою властью, старался охладить его порывы, внушить ему уваженіе къ своему самодержавію и поставить въ извѣстныя границы его желанія во что бы то ни стало провести свои оторванныя отъ жизни идеи въ дѣйствительность. Лагарпъ доказывалъ ему, что не слѣдуетъ спѣшить съ крутою ломкой старыхъ порядковъ, и что самодержавная власть въ рукахъ человѣколюбиваго монарха можетъ принести неисчислимыя выгоды его подданнымъ. Онъ, видя застѣнчивость и скромность государя, совѣтовалъ ему держаться съ величіемъ, подобающимъ достоинству его сана.

Рядомъ съ государемъ сталъ небольшой кружокъ его друзей юности, такихъ же, какъ онъ, пылкихъ и молодыхъ мечтателей. Это были: князь Адамъ Чарторыжскій, графъ Строгановъ, Новосильцевъ и графъ Кочубей. Они являлись къ царскому столу, и послѣ обѣда побесѣдовавъ немного съ присутствующими, государь уходилъ съ ними во внутренніе покои, гдѣ и открывалось засѣданіе въ одной изъ небольшихъ комнатъ. Тамъ они рѣшали судьбы Россіи.

Эти первые сотрудники государя такъ же, какъ и онъ, были далеки отъ истинной жизни и настоящей Россіи они не знали. Ихъ знанія были почерпнуты изъ книгъ и дальше книжной мудрости, въ большинствѣ случаевъ, они не шли. Да и откуда имъ было знать свою родину? Они мало жили, воспитаніе получили за границей, и передъ заграничными порядками и учрежденіями преклонялись. Особенно ихъ прельщала англійская жизнь и англійское государственное устройство. Однако, не нужно думать, что государь всецѣло поддался ихъ вліянію. «Кроткій упрямецъ», какъ они его называли, шелъ своимъ путемъ и иногда заставлялъ ихъ призадумываться, когда не соглашался съ ихъ черезчуръ поспѣшными и настойчивыми мнѣніями. Сознаніе трудности управленія и введенія новыхъ мѣръ начинало вставать передъ Александромъ и стѣснять его порывы. Онъ оставался загадкой для окружающихъ. «Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души окружающихъ, утаивая собственныя помышленія и помыслы»[27]). Онъ приглядывался къ людямъ, окружающимъ его: въ постоянномъ общеніи съ ними онъ изучалъ ихъ, и впослѣдствіи могъ дѣлать тотъ или другой выборъ.

Среди сотрудниковъ Александра выдѣлялся кн. Адамъ Чарторыжскій. Онъ былъ близокъ съ государемъ, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ и дарилъ его полною своею довѣренностью. Но князь Чарторыжскій считалъ настроеніе духа, исполненное сентиментальныхъ мечтаній, несовмѣстимымъ съ высокимъ назначеніемъ государя. Когда Александръ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, Чарторыжскій не могъ понять его, какъ польскій магнатъ, для котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей; несмотря на всѣ свои либеральныя воззрѣнія [28]), Чарторыжскій былъ прежде всегоп олякомъ, что въ немъ отмѣтилъ тонкій наблюдатель сардинскій посланникъ графъ Жозефъ де-Мэстръ [29]): «Чар-

[26]) Неизданныя записки Греча.
[27]) Баронъ М. А. Корфъ.
[28]) Богдановичъ. I. 19.
[29]) Memoires politiques et correspondance diplomatique de J. de-Maistre.

торыжскій будетъ всемогущъ», пишетъ онъ. «Онъ высокомѣренъ, коваренъ и производитъ впечатлѣніе довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣвшій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ». Этотъ отзывъ былъ вполнѣ справедливъ.

Но Александръ сумѣлъ уравновѣсить вліяніе своихъ молодыхъ друзей тѣмъ, что выдвинулъ на первыя мѣста въ государствѣ совѣтниковъ императрицы Екатерины, умудренныхъ жизнью и осторожныхъ въ своихъ начинаніяхъ.

Русское общество съ восторгомъ встрѣтило вступленіе на престолъ Александра. «Это одно изъ тѣхъ воспоминаній», пишетъ очевидецъ, «которыхъ время истребить не можетъ: нѣмая всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ... Всѣ обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія... Сердечное веселіе горѣло во всѣхъ глазахъ: ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ»[30]). У другого современника мы читаемъ такой отзывъ: «Всѣ», говоритъ онъ, «чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

Медаль на коронованіе Александра I. Снимокъ съ подлинной медали.

Въ самомъ дѣлѣ, молодой государь ознаменовалъ начало своего правленія кипучею дѣятельностью. Прежде всего были отмѣнены многія крутыя мѣры предшествовавшаго царствованія. Лишенные правъ и должностей возвращались на службу, заключенные и сосланные получали свободу. Было позволено русскимъ безпрепятственно ѣздить за границу, получать и читать заграничныя книги. Уничтожена была экспедиція тайныхъ дѣлъ, вѣдавшая политическія преступленія. Духовенство и дворянство были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ отношеніи грядущаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости уже былъ принятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, долженствующихъ облегчить участь крестьянъ и ограничить власть надъ ними помѣщиковъ. На медали, выбитой въ честь коронованія, была изображена колонна, увѣнчанная короной, при чемъ была вычеканена надпись: «законъ—залогъ блаженства всѣхъ и каждаго».

Въ 1801 году былъ открытъ государственный совѣтъ, на обязанности котораго лежала выработка законодательныхъ предположеній. Старыя коллегіи были замѣнены министерствами, которыхъ было учреждено восемь: министерство военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Былъ преобразованъ сенатъ, который былъ сдѣланъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, и ему было предоставлено наблюденіе за министрами и всѣми подчиненными правительственными мѣстами вмѣстѣ съ наблюденіемъ за государствен-

[30]) Записки Ф. Ф. Вигеля.

ными доходами и расходами. Очень много вниманія государь посвятилъ народному просвѣщенію.

Рядъ такихъ благодѣтельныхъ мѣръ казался всѣмъ утреннею зарею чуднаго дня. Всѣ бодро и смѣло смотрѣли впередъ, надѣясь на лучшее будущее. Это было «дней Александровыхъ прекрасное начало», которое скоро должно было омрачиться «грозою военной непогоды».

Императоръ Александръ I.
Съ аквар. наброска фл.-ад. Киля.

Въ то время, какъ государь виталъ умомъ въ планахъ своихъ преобразованій, около него уже поднималась борьба. Онъ мечталъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ неколебимыхъ», но эти самыя «неколебимыя основанія» рисовались ему въ какомъ-то туманѣ. Онъ видѣлъ ихъ только въ книгахъ, а тутъ самъ приходилъ къ убѣжденію, что жизнь требуетъ чего-то другого; нужно было перевернуть все огромное зданіе государства, чтобы поставить его на новый фундаментъ, а, между тѣмъ, это зданіе строилось мудростью вѣковъ постепенно, и самый складъ его основывался на потребностяхъ жизни и на самомъ духѣ и нравахъ народа. Государь видѣлъ, что онъ еще страшно далекъ отъ своего народа.

Между тѣмъ, его юные друзья настаивали на томъ, чтобъ онъ прежде всего ограничилъ свою самодержавную власть. И тутъ раздался предостерегающій голосъ... кого же?—республиканца Лагарпа, который уже значительно отрезвился отъ прежнихъ своихъ увлеченій, послѣ того какъ онъ въ своей родной Швейцаріи побывалъ у кормила правленія: «Государь», говорилъ онъ Александру,—«не увлекайтесь отвращеніемъ, которое вы питаете къ неограниченной власти. Имѣйте мужество сохранить ее всецѣло, безъ малѣйшаго ущерба, пока окончатся всѣ предварительныя работы, существенно необходимыя для какого бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ сохранить за собою какъ можно больше власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полнаго обезпеченія силы и могущества правительства. Принимайте къ свѣдѣнію проекты, представляемые вамъ для ограниченія вашихъ правъ, но не давайте никакихъ на этотъ счетъ обѣщаній».

Между тѣмъ, при дворѣ забирала силу польская партія во главѣ съ Чарторыжскимъ, назначеннымъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Польскіе патріоты во главѣ съ Чарторыжскимъ умѣли работать въ тѣни и дѣйствовали на вліятельныхъ русскихъ людей такъ искусно, что эти послѣдніе проникались увѣренностью, будто проводимая поляками мысль принадлежитъ собственно имъ.

Но въ русскомъ обществѣ начало образовываться нѣкоторое противодѣйствіе господствующему направленію. Въ первую голову польскимъ происканъ и русскимъ порывамъ къ необдуманнымъ преобразованіямъ среди другихъ далъ отпоръ уже престарѣлый поэтъ Державинъ, бывшій въ то же время и выдающимся государственнымъ человѣкомъ и стоявшій у власти и въ царствованіе Екатерины II, и въ царствованіе Павла I. При Александрѣ онъ занялъ мѣсто министра юстиціи[31]).

«Пѣвецъ Фелицы», несмотря на свои пожилые годы, хранилъ горячій, крутой и упрямый нравъ. Онъ любилъ и умѣлъ «рѣзать правду-матку», не боясь заслужить гнѣвъ и опалу. Онъ высоко носилъ свою упрямую голову, готовый всегда пожертвовать ею, ежели бы ему пришлось это сдѣлать ради отстаиванія своихъ убѣжденій. Онъ хранилъ въ себѣ хорошій закалъ свободолюбиваго Екатерининскаго вѣка и съ радостью привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра; молодой монархъ приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему отвѣтственныя порученія, которыя онъ исполнялъ по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія.

Но Державинъ сразу же сталъ на дорогѣ польскихъ вожделѣній. Вообще, онъ былъ однимъ изъ первыхъ представителей оппозиціи господствующему направленію.

Со всѣхъ сторонъ противъ Державина поднялось бѣшеное гоненіе. И русскіе вольнодумцы, и польскіе магнаты всячески старались устранить его отъ дѣлъ правленія. Державинъ самъ помогъ имъ своей крутостью и неуступчивостью, возбудивъ противъ себя гнѣвъ государя. Однажды своимъ противорѣчіемъ онъ до того довелъ царя, что тотъ съ раздраженіемъ сказалъ ему: «Ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный государь и такъ хочу».

Державинъ вышелъ въ отставку при общемъ ликованіи своихъ враговъ. Гнѣвъ на него государя прошелъ, и онъ не разъ милостиво бесѣдовалъ со старымъ поэтомъ.

Близились другія времена и подготавливались такія событія, которыя должны были кореннымъ образомъ измѣнить и настроеніе, и воззрѣнія государя.

Въ 1803 году дальнѣйшія преобразованія на время пріостановились, главнымъ образомъ потому, что вниманіе государя было отвлечено въ сторону внѣшней политики.

Императоръ Александръ Павловичъ и его дорожный экипажъ. По рис. съ натуры Вельца. Собр. П. Я. Дашкова.

Хотя Александръ при восшествіи своемъ на престолъ и хотѣлъ рѣшительно устраниться отъ участія въ войнѣ державъ противъ Франціи и Наполеона, но эта борьба, широко разлившаяся по Европѣ, не могла своими волнами не задѣть и Россіи. Въ началѣ своего царствованія государь возвратилъ съ похода казаковъ, двинутыхъ Павломъ I на

---

[31]) См. записки Г. Р. Державина. Также «Жизнь Державина» Я. Грота въ академическомъ изданіи сочиненій Державина (томъ VIII).

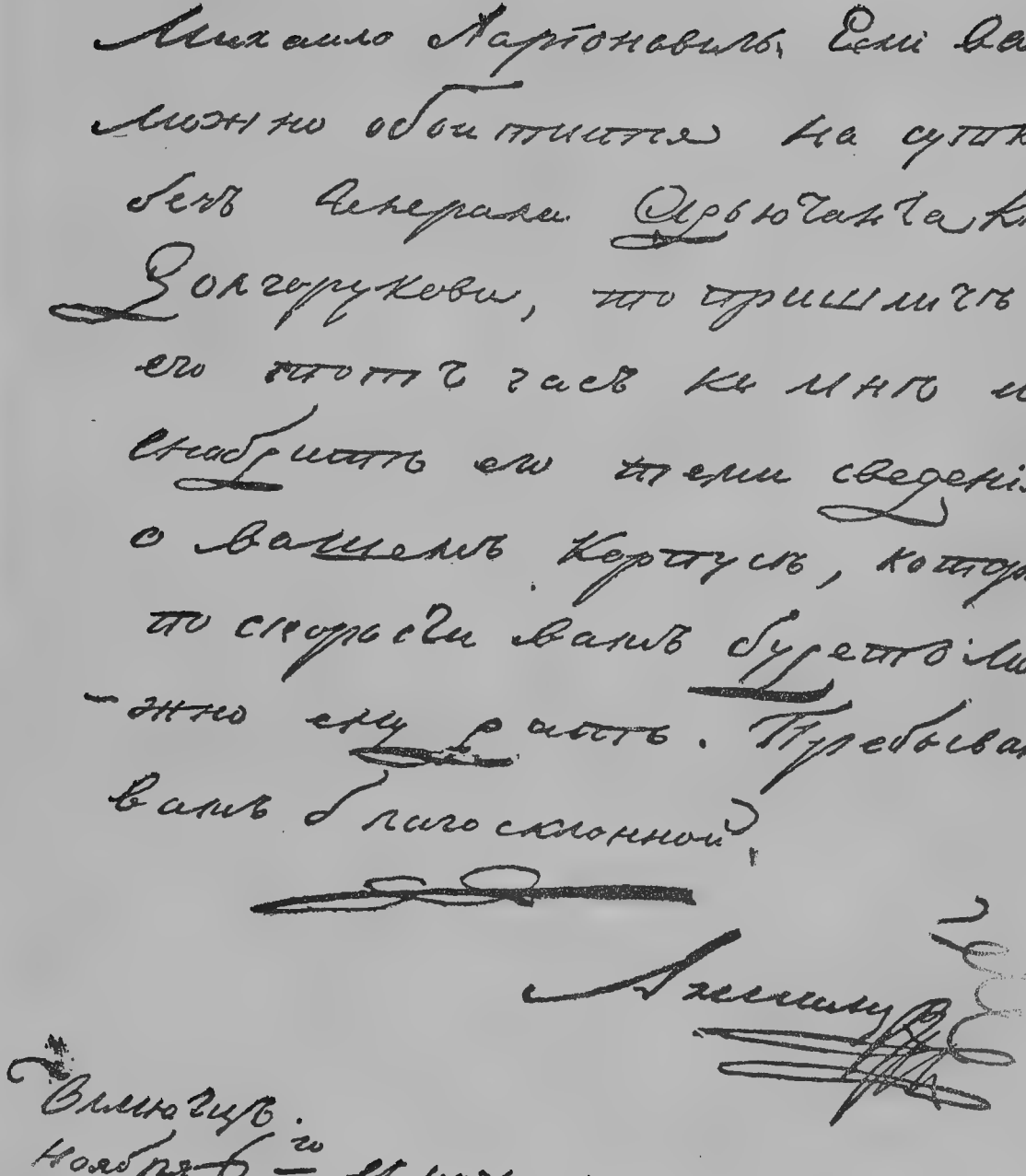
Индію, вступилъ въ мирныя отношенія съ Австріей, навлекшей на себя столь острый гнѣвъ его отца, и приказалъ своему послу завѣрить перваго консула французской республики Наполеона Бонапарта, что въ его сближеніи съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ нѣтъ ничего враждебнаго противъ Франціи; даже Турція получила дружескія увѣренія.

Между тѣмъ, звѣзда Наполеона восходила все ярче и ярче. Онъ укрѣплялъ все больше и больше свою власть надъ Франціей. Онъ превратилъ свое десятилѣтнее консульство въ пожизненное путемъ всеобщаго народнаго голосованія, а потомъ былъ избранъ императоромъ французскимъ. Правда, нельзя сказать, чтобы эти голосованія были единодушны, но французская нація отвѣчала «да» на требованія Бонапарта, частью движимая

Пріемъ Императора Александра I въ Мемелѣ 10 іюня 1802 г. Королевою Луизою. Грав. Больтъ, рис. Далингъ, Берлинъ, 1805 г.

страхомъ, частью стремясь только къ одному—къ успокоенію. И революціонеры, и монархисты стараго времени не разъ устраивали заговоры и даже покушенія противъ Наполеона, но все это онъ обращалъ на пользу себѣ и усиливалъ свою власть, безпощадно расправляясь со своими врагами. Онъ казнилъ не только виновныхъ, онъ казнилъ и невинныхъ. Такъ, онъ велѣлъ захватить герцога Энгіенскаго, послѣдняго потомка принца Конде, и несчастный герцогъ по его приказу почти безъ суда былъ разстрѣлянъ на валу Венсенскаго замка.

Впечатлѣніе отъ этого акта беззаконія при русскомъ дворѣ описываетъ намъ иностранецъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Негодованіе на это дѣйствіе Наполеона достигло высшихъ предѣловъ. Добрыя императрицы прослезились, великій князь Константинъ въ бѣшенствѣ, а его величество огорченъ не менѣе глубоко. Членовъ французскаго посольства



Михаило Ларіоновичь. Если вамъ
можно обойтится на сутки
безъ генерала Ардьючанга кн:
Долгорукова, то пришличь
его тотъ часъ ко мнѣ и
снабдить его теми сведеніями
о вашемъ корпусѣ, которыя
по скорости вамъ будетъ мо-
-жно ему дать. Пребываю
вамъ благосклонной.

Александръ

Ольмюцъ.
ноября 6го въ ночь.

Собственноручная записка Императора Александра Павловича князю М. И. Кутузову 6 ноября 1805 г. изъ Ольмюца.

не принимаютъ, даже не говорятъ съ ними. Императрица облеклась въ трауръ, и повѣстки о семидневномъ траурѣ были разосланы всему дипломатическому корпусу. Никогда я не видалъ мнѣнія, столь единодушнаго и рѣзко выраженнаго» [32]).

Александръ сталъ вмѣстѣ съ Англіей готовить коалицію противъ Наполеона.

Трудно было составить этотъ союзъ. Хотя Александръ I и связалъ себя узами тѣсной дружбы съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, но Пруссія всячески укло-

Аустерлицкое сраженіе. Съ картины Жерара.

нялась отъ союза. Австрія тоже вступила въ коалицію очень неохотно, потому что она была сильно истощена предшествовавшими войнами. Гораздо лучше отнеслась къ этому предпріятію Швеція, правитель которой былъ проникнутъ страшной ненавистью къ Наполеону и видѣлъ въ немъ настоящаго антихриста.

Эта кампанія была чрезвычайно неудачна для союзниковъ. Австрійцы, по обыкновенію, хотѣли дѣйствовать совершенно самостоятельно. Ихъ войска подъ начальствомъ генерала Мака бросились въ Баварію, но тамъ при Ульмѣ были окружены Наполеономъ и принуждены были сдаться. Русскія войска, шедшія на помощь къ австрійцамъ, подъ начальствомъ Кутузова, стали отступать, чрезвычайно предусмотрительно не принимая рѣшительнаго боя и только отбиваясь отъ жестокихъ нападеній французскихъ войскъ. Тутъ въ оборонѣ отъ этихъ нападеній блестяще отличался недавній сподвижникъ Суворова князь Багратіонъ.

Рѣшительное сраженіе разыгралось при Аустерлицѣ. Въ этомъ бою участвовали три императора—русскій, австрійскій и французскій. Наполеонъ въ этой битвѣ во всемъ блескѣ выказалъ свой талантъ военачальника. Союзныя войска потерпѣли полное пораженіе и понесли огромныя потери. Императоръ австрійскій Францъ II съ повинной головой пошелъ къ Наполеону и заключилъ съ нимъ миръ на крайне унизительныхъ для себя условіяхъ.

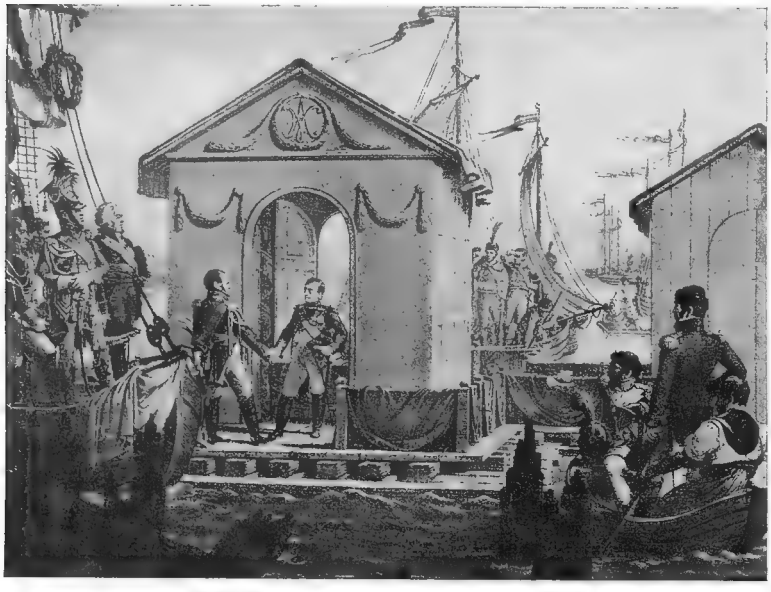
---

[32]) Графъ Жозефъ-де-Мэстръ.

Хотя у Россіи было много своихъ хлопотъ, заключавшихся въ войнѣ съ Турціей, она попыталась вновь вступить въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ въ союзѣ съ Англіей и Пруссіей. Но Пруссія, какъ и Австрія, не дождавшись русскихъ вспомогательныхъ войскъ, попыталась вступить въ бой съ Наполеономъ и потерпѣла отъ него жестокій разгромъ въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. Наполеонъ побѣдоносно прошелъ по всей Пруссіи и взялъ столицу Пруссіи Берлинъ. Король Пруссіи и его семейство бѣжали подъ защиту русскихъ войскъ. Но съ русскими войсками Наполеону не удалось такъ легко справиться, какъ съ прусскими. Битва при Прейсишъ-Эйлау съ русскими, бывшими подъ начальствомъ Бенигсена, показала ему необычайную стойкость русскаго солдата и рѣшилась въ ничью, хотя Бенигсенъ потомъ и отступилъ. Лишь подъ Фридландомъ Наполеону удалось взять верхъ надъ русскими войсками, но самъ онъ потерпѣлъ страшный уронъ.

Итакъ, эта борьба съ Наполеономъ оказалась совершенно неудачной для Россіи. Александръ вынужденъ былъ сознаться, что у него нѣтъ такого таланта полководца, какъ у его противника. Къ тому же, онъ остался совсѣмъ одинокимъ—Австрія и Пруссія уже не могли ему помочь. Но Александръ уже измѣнилъ свое мнѣніе о Наполеонѣ, и ничто не мѣшало теперь заключенію мирнаго договора. Онъ состоялся въ прусскомъ городѣ Тильзитѣ въ 1807 году.

Посреди Нѣмана былъ приготовленъ плотъ, и на немъ раскинуты два шатра—одинъ для императоровъ, другой, поменьше, для ихъ свиты. Около часу дня оба императора во главѣ блестящей свиты сѣли на лодки, одновременно причалили къ плоту, подали другъ другу руки и вошли въ шатеръ, гдѣ около двухъ часовъ бесѣдовали съ глазу на глазъ.



Свиданіе въ Тильзитѣ 13/25 іюня 1807 г.
Съ картины Гарнере; была выставлена въ Парижскомъ салонѣ 1812 г.

Наполеонъ пустилъ въ ходъ все свое обаяніе, чтобы очаровать русскаго государя, и успѣлъ въ этомъ. Онъ сумѣлъ доказать ему всю выгоду союза съ Франціей. «Съ такими солдатами, какъ русскіе, можно завоевать весь свѣтъ. Соединимся и будемъ вдвоемъ властвовать надъ всѣмъ міромъ», говорилъ Александру Наполеонъ.

Пока Наполеонъ и Александръ жили вмѣстѣ въ Тильзитѣ, они ежедневно видались другъ съ другомъ, при чемъ Наполеонъ всячески ухаживалъ за Александромъ, свысока относясь къ бывшему тутъ же королю прусскому.

Повелитель французовъ сумѣлъ увлечь Александра великимъ будущимъ, которое онъ рисовалъ въ радужныхъ краскахъ, и изображалъ себя и Александра равноправными вла-

стителями міра, которому они принесутъ счастье. Молодой русскій монархъ поддался этимъ свѣтлымъ надеждамъ и пошелъ съ Наполеономъ рука объ руку, вполнѣ безкорыстно служа его интересамъ.

Миръ, заключенный въ Тильзитѣ, былъ очень почетенъ для Россіи, но Пруссіи грозила полная гибель, если бы Александръ I со всей своей рыцарской энергіей не вступился за уничтоженнаго короля прусскаго и его государство. Наполеонъ прямо заявилъ прусскому министру: «Вашъ король всѣмъ обязанъ дружбѣ къ нему императора Александра: безъ него онъ лишился бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму». По Тильзитскому миру Александръ и Наполеонъ обязались дѣйствовать заодно во всякой войнѣ, которую Россія или Франція будетъ вести противъ какой-либо державы. Этотъ миръ былъ подтвержденъ при вторичномъ свиданіи обоихъ государей въ Эрфуртѣ въ 1808 году.

Императоръ Александръ I.
Грав. Каначчи съ рис. Татолли 1822.

Наполеонъ постарался этотъ союзъ использовать противъ Англіи учрежденіемъ такъ называемой «континентальной системы», которой онъ хотѣлъ уничтожить основу англійскаго благосостоянія—англійскую торговлю. Для англійскихъ кораблей были закрыты всѣ гавани на европейскомъ материкѣ, и европейскія государства обязались не покупать англійскихъ товаровъ.

Тильзитскій миръ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ войну Россіи съ Швеціей. Шведскій король Густавъ IV отказался разорвать союзъ съ Англіей и примкнуть къ континентальной системѣ. Русскіе легко побѣдили шведовъ, и преемникъ Густава IV Карлъ XIII заключилъ въ 1809 году миръ съ Россіей въ финляндскомъ городѣ Фридрихсгамѣ, по которому мы, по праву завоеванія, пріобрѣли всю Финляндію до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами. Турецкая война, продолжавшаяся шесть лѣтъ, также побѣдоносно была закончена подъ начальствомъ Кутузова, и Россія получила, какъ плодъ побѣды въ этой борьбѣ Бессарабію.

Во внутреннемъ управленіи Александра тоже произошелъ переворотъ. Александръ разочаровался въ своихъ молодыхъ сотрудникахъ, и его тайный комитетъ прекратилъ свое существованіе. Его мѣсто рядомъ съ государемъ занялъ одинъ человѣкъ выдающагося ума и блестящихъ способностей—это былъ Сперанскій [33]).

Сперанскій вышелъ изъ духовнаго званія и въ молодости своей прошелъ тяжелый путь нужды и труда. Ученическіе годы, проведенные имъ во владимірской семинаріи, а потомъ въ петербургской главной семинаріи, преобразованной затѣмъ въ духовную академію, дали ему необыкновенную работоспособность. Это былъ умъ точный, ясный, но нѣсколько сухой и отвлеченный. Сперанскій пополнялъ свои знанія усиленнымъ чтеніемъ книгъ. Еще въ бытность свою въ семинаріи онъ выучился французскому языку, которымъ владѣлъ прекрасно. Благодаря упорному труду, онъ выдавался среди окружающихъ своимъ разностороннимъ образованіемъ.

Сперанскій началъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ, но преподава-

---

[33]) См. Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 120—182.

телемъ онъ оставался не долго. Онъ поступилъ на службу къ генералъ-прокурору сената князю Куракину еще при Павлѣ I. Здѣсь онъ быстро выдвинулся благодаря умѣнью работать усидчиво, быстро и умѣло. Съ этихъ поръ Сперанскій пошелъ въ гору, и въ царствованіе Александра мы застаемъ его въ званіи статсъ-секретаря въ канцеляріи государственнаго совѣта. На него обратилъ вниманіе министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, на службу къ которому и перешелъ Сперанскій. Наконецъ, онъ сдѣлался лично извѣстенъ государю, къ которому являлся съ докладами, замѣняя заболѣвшаго Кочубея.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

Вкрадчивый, ловкій Сперанскій умѣлъ показать себя съ самой выгодной стороны и произвести наилучшее впечатлѣніе своею дѣловитостью и блескомъ своихъ способностей. Онъ схватывалъ на-лету мнѣнія государя и облекалъ ихъ въ самую пріемлемую и легко осуществимую форму. Кромѣ того, онъ обладалъ даромъ слова и писалъ необыкновенно легкимъ и изящнымъ слогомъ. Все это привлекло къ нему сердце государя, и онъ сталъ дарить Сперанскаго своимъ неограниченнымъ довѣріемъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, но, на самомъ дѣлѣ, сталъ по части преобразованія самымъ довѣреннымъ лицомъ государя, который много бесѣдовалъ съ нимъ, хотя довольно секретно. Онъ передалъ своему новому сотруднику неоконченныя работы неофиціальнаго комитета, поручилъ привести ихъ въ порядокъ и составить планъ широкаго преобразованія государства до введенія народнаго представительства включительно.

Работа Сперанскаго была закончена въ 1809 году. Въ основу проекта легъ кодексъ Наполеона и отчасти французская конституція VIII года. Сперанскій стремился къ централизаціи власти. По этому проекту начальной ячейкой политической жизни страны выступаетъ волость съ ея волостною думой и волостнымъ правленіемъ, затѣмъ слѣдуетъ окружная и, наконецъ, губернская дума, избирающая депутатовъ въ думу государственную. Государственная дума—высшее государственное учрежденіе для обсужденія законовъ. Министерства и подчиненныя имъ губернскія правленія съ губернаторами во главѣ должны были управлять государствомъ. Сперанскій ставилъ задачей этихъ преобразованій, «чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на несмѣняемомъ законѣ».

Смѣлый реформаторъ настаивалъ на возможно скорѣйшемъ осуществленіи своего плана во всемъ его объемѣ. Государь оказался осторожнѣе его—онъ сказалъ ему, что предпочитаетъ «терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи». Изъ этого ясно видно, насколько созрѣла воля и самостоятельность государя, отвлекавшагося постепенно отъ своей утопической мечтательности.

1 января 1810 года произошло торжественное открытіе государственнаго совѣта, учрежденіе котораго входило въ проектъ Сперанскаго. Александръ въ своей рѣчи при от-

крытіи государственнаго совѣта указалъ, что впереди готовятся еще болѣе важныя преобразованія. Въ 1811 году высочайше утверждено выработанное Сперанскимъ новое учрежденіе министерствъ, но дѣло на этомъ и остановилось. Проектъ Сперанскаго такъ и не облекся въ плоть и кровь.

Первымъ государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ Сперанскій. Онъ много поработалъ по приведенію въ порядокъ государственныхъ финансовъ и по устройству управленія, какъ вновь присоединенной Финляндіи, такъ и привислинскаго и прибалтійскаго края.

Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ поднималось уже недовольство противъ Сперанскаго. Созданію этого недовольства способствовали, отчасти, нѣкоторые проведенные имъ законы—какъ напримѣръ, увеличеніе налоговъ, а также законы, касавшіеся придворныхъ и чиновниковъ.

Въ то время, какъ Сперанскій высказывалъ, что Россія «достигла надлежащей степени зрѣлости» для ограниченія царскаго самодержавія, и государь прислушивался къ этимъ словамъ, раздался вѣскій и увѣренный голосъ, твердо заявившій, что «самодержавіе есть палладіумъ Россіи, и цѣлость его необходима для ея счастья».

Императоръ Александръ I. Съ ориг. Кюгельхена, грав. Тардье 1802 г.

Этотъ голосъ принадлежалъ славному русскому писателю и великому русскому историку Карамзину.

Карамзинъ отнюдь не былъ врагомъ преобразованій и проповѣдникомъ застоя въ политической жизни страны: онъ зналъ, что задержка въ движеніи впередъ можетъ быть гибельной для народа, но онъ долгое, Карамзинъ тѣмъ опредѣленнѣе выяснялъ свое національстическое міросозерцаніе. Оно ставило его въ рѣзкое противорѣчіе съ господствовавшимъ тогда реформаціоннымъ направленіемъ, противъ коего онъ началъ высказываться еще въ пору неофиціальнаго комитета; теперь же онъ уже открыто выражалъ свое рѣзкое несочувствіе преобразованіямъ Сперанскаго [35]).

казывалъ, что лишь на просвѣщеніи народномъ долженъ основываться постепенный ходъ народа впередъ. Преобразованія должны совершаться не путемъ насильственной ломки вѣковыхъ устоевъ, но дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Онъ прекрасно понялъ урокъ недавней французской революціи.

Работая надъ русской исторіей, погружаясь въ наше отечественное прош-

Онъ нашелъ доступъ къ государю черезъ его любимую сестру великую княгиню Екатерину Павловну.

Блестяще образованная, надѣленная отъ природы прекрасными способностями, она пламенно любила Россію и вѣрила въ ея великое будущее. Въ ея салонѣ собирались наиболѣе выдающіеся люди того времени, преимущественно строго-національныхъ воззрѣній. Она жила въ Твери, гдѣ ея супругъ принцъ Георгъ Ольденбургскій занималъ должность тверского генералъ-губернатора.

Здѣсь-то въ «очарованномъ замкѣ Тверской полубогини», какъ называлъ великую княгиню Карамзинъ, онъ сталъ желаннымъ гостемъ. Екатерина Павловна подолгу бесѣ-

---

[34]) М. Погодинъ. Карамзинъ въ сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ. 2 т.

довала съ нимъ, безусловно соглашаясь съ его мнѣніями. Рѣзкая и рѣшительная, она и раньше открыто высказывала свое неодобреніе господствовавшему тогда направленію. Государь очень любилъ съ нею бесѣдовать о самыхъ важныхъ вопросахъ, хотя и не всегда соглашался съ нею. Карамзинъ и рѣшилъ довести до слуха и вниманія императора то, что уже давно у него накопилось на душѣ.

Ея Высочество Великая Княгиня Екатерина Павловна.
Съ гравированнаго портрета Меку.

Карамзинъ читалъ великой княгинѣ отрывки изъ своей «Исторіи государства Россійскаго», отъ которыхъ та была въ настоящемъ восторгѣ. Однажды онъ прочелъ ей свою «Записку о древней и новой Россіи», въ которой великій нашъ историкъ съ рѣдкимъ гражданскимъ мужествомъ высказался относительно положенія дѣлъ въ современной ему Россіи, указывая на то, что государство свернуло съ пути своего правильнаго историческаго развитія, и теперь въ жизнь народную стали вторгаться совершенно чуждыя ей начала.

Основная мысль записки та же, которую Карамзинъ положилъ въ основаніе своей исторіи: «Россія основалась единовластіемъ, гибла отъ разновластія и спасалась мудрымъ самодержавіемъ».

Карамзинъ прочелъ свою записку великой княгинѣ. Чтеніе продолжалось нѣсколько дней; Екатерина Павловна то и дѣло прерывала чтеніе множествомъ вопросовъ. Затѣмъ она взяла записку къ себѣ, чтобы передать ее императору. Вскорѣ Карамзинъ получилъ извѣщеніе, что государь хочетъ съ нимъ познакомиться поближе, и Карамзинъ поѣхалъ въ Тверь, чтобы тамъ прочесть свою исторію Александру.

Когда историкъ пріѣхалъ въ Тверь, великая княгиня сказала ему: «Знаете ли, Николай Михайловичъ, что я вамъ скажу? Записка ваша очень сильна».

Вотъ какъ самъ Карамзинъ разсказываетъ о чтеніи своей исторіи Александру: «При великой княгинѣ и принцѣ читалъ ему свою исторію долѣе двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало, о чемъ же? О самодержавіи. Я не имѣлъ счастья быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями (государь пытался доказать отрицательныя стороны самодержавнаго правленія), но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію. Сердце мое всегда влеклось къ нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего рѣдкаго монарха; теперь люблю, уважаю его по внутреннему удостовѣренію въ красотѣ его души. Дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливъ счастьемъ Россіи... Исторію мою онъ слушалъ съ непритворнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и никакъ не хотѣлъ прекратить нашего чтенія».

Послѣ чтенія исторіи Екатерина Павловна передала «записку» Карамзина государю. Прочтя ее, онъ былъ огорченъ и разгнѣванъ настолько, что при слѣдующей встрѣчѣ съ Карамзинымъ обошелся съ нимъ съ подчеркнутою холодностью. Но, несмотря на это, «записка» оставила на немъ сильнѣйшее впечатлѣніе; въ ней онъ нашелъ то, о чемъ еще ни разу не задумывался. Мнѣніе Карамзина было мнѣніемъ просвѣщеннаго человѣка, не

только стоявшаго наравнѣ со своимъ вѣкомъ, но даже и опередившаго его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; къ нему нельзя было не прислушаться.

Съ этихъ поръ началось охлажденіе государя къ Сперанскому. Такая горячая и сильная защита самодержавія не могла не повліять на императора Александра I сдерживающимъ образомъ по отношенію къ конституціоннымъ проектамъ Сперанскаго. Но нельзя не признать и того, что она не уничтожила въ государѣ сочувствія къ представительному строю: паденіе Сперанскаго совершилось въ то время, когда Россія была подъ угрозой надвигающейся свинцовой тучи нашествія «двадесяти языковъ». Враги Сперанскаго употребили всѣ усилія, чтобы очернить его передъ государемъ. Они даже распространили молву, что онъ находится въ прямыхъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, и что его слѣдуетъ казнить. Весьма вѣроятно, что государь повѣрилъ нѣкоторымъ обвиненіямъ противъ Сперанскаго, потому что онъ не ограничился его отставкой, а приказалъ выслать его изъ Петербурга подъ особый надзоръ, сперва въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Пермь, откуда онъ былъ возвращенъ лишь въ концѣ этого царствованія. Конечно, Сперанскій и не думалъ измѣнять ни государю, ни Россіи, но онъ былъ неосторожень, самоувѣренъ и слишкомъ необузданъ въ разговорахъ. Не разъ онъ подвергалъ въ своихъ бесѣдахъ самой безжалостной критикѣ дѣятельность государя, и его мнѣнія могли доходить до его слуха. Послѣ удаленія Сперанскаго государь, какъ ни былъ гнѣвенъ на него, все же былъ очень разстроенъ и печаленъ. Онъ сказалъ кн. А. Н. Голицыну: «Если бы у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно; у меня отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой». Впрочемъ, онъ говорилъ также о своемъ недавнемъ помощникѣ: «Онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнялъ исключительно мнѣ» [35]).

Императоръ Александръ I въ вооруженіи древняго славянскаго бога Родомысла.
Съ медали, раб. гр. Ѳ. Толстого.

Тѣмъ временемъ громы вражескаго нашествія уже раскатывались надъ головою русскаго народа.

Союзъ съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира былъ очень не по душѣ русскимъ людямъ. Самъ государь быстро долженъ былъ остыть въ своемъ увлеченіи Наполеономъ и мечтѣ, что они вдвоемъ подѣлятъ власть надъ всѣмъ міромъ. Полномочный посланникъ Наполеона Савари былъ окруженъ со стороны русскаго общества ледяною холодностью. Напрасно Савари, а послѣ замѣнившій его Коленкуръ пытались повернуть русское общественное мнѣніе въ пользу Франціи и Наполеона,—эти попытки были неудачны. Въ воздухѣ носилось сознаніе непрочности дружбы съ импера-

[35]) См. Кн. Николай Михайловичъ. Александръ I, стр. 100—102.

торомъ французовъ. Но государь рыцарски старался скрѣплять узы этой дружбы, иногда тяжелымъ гнетомъ наваливавшейся на интересы русскаго государства.

Наполеонъ стремился къ основной цѣли—стать владыкою міра. Онъ сознавалъ, что открытая борьба съ Россіей для него во многихъ отношеніяхъ невыгодна, и поэтому хитростью старался подчинить себѣ Россію и подъ личиною искренняго расположенія къ императору Александру сдѣлать его орудіемъ своихъ плановъ. Наполеонъ, какъ ловкій лицемѣръ, разсчитывалъ на то, чтобы, убаюкавши вниманіе Александра, ослѣпивши его воображеніе блестящими планами въ будущемъ, заставить его покорно служить своимъ интересамъ, пренебрегая выгодами русскаго народа. Онъ думалъ встрѣтить въ русскомъ царѣ наивнаго мечтателя, но Александръ оказался болѣе зоркимъ и проницательнымъ, чѣмъ о немъ думалъ Наполеонъ: «Наполеонъ полагаетъ, что я глупъ», гнѣвно писалъ онъ сестрѣ въ періодъ дружескихъ своихъ сношеній съ Наполеономъ,—«но лучше будетъ смѣяться тотъ, кто посмѣется послѣднимъ».

Ея Высочество Великая Княгиня Анна Павловна. Съ гравированнаго портрета Меку.

Въ 1810 году вновь вспыхнула война Франціи съ Австріей, и въ этой войнѣ очень неохотно принялъ участіе Александръ, потому что ему пришлось поднять оружіе противъ бывшей своей союзницы.

Послѣ Ваграмскаго боя, блистательно закончившаго австро-французскую войну, вся западная Европа была покорена подъ власть Наполеона. Изъ всѣхъ державъ европейскаго континента одна лишь Россія, во главѣ съ императоромъ Александромъ, не признавала власти Наполеона, и это обстоятельство, конечно, было весьма непріятно для него, стремившагося провести въ жизнь идею всемірной монархіи. Слѣдовательно, Россію нужно было покорить, и это принципіально было рѣшено въ умѣ Наполеона; но, какъ человѣкъ геніальный, онъ прекрасно сознавалъ, что борьбу съ Россіей нельзя поставить на одну доску съ борьбой и завоеваніемъ западной Европы. Слѣдовательно, и приготовленія къ войнѣ съ императоромъ Александромъ должны были быть непохожими на приготовленія къ другимъ войнамъ, а для этого, прежде всего, нужно было время. О поводахъ къ войнѣ Наполеонъ не задумывался—ихъ можно было найти всегда, а если, паче чаянія, этихъ поводовъ не будетъ, то онъ, вообще, не привыкъ особенно стѣсняться съ международнымъ правомъ.

Но, пока что—Наполеонъ находился въ апогеѣ своего величія и славы; война съ Россіей была еще въ области предположеній. Одно обстоятельство омрачало и отравляло все его существованіе—сознаніе своего незнатнаго происхожденія.

Выходъ изъ подобнаго положенія могъ быть только одинъ—онъ рѣшилъ взять себѣ въ супруги принцессу одного изъ царствующихъ домовъ въ Европѣ и, такимъ образомъ, такъ сказать, на законномъ основаніи вступить въ число коронованныхъ особъ.

Выборъ его палъ на великую княжну Анну Павловну, сестру императора Александра. Черезъ своего посла при русскомъ дворѣ—Коленкура, Наполеонъ сдѣлалъ официальное

предложеніе. Ему не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, ссылаясь на молодость великой княжны и на то, что окончательное рѣшеніе этого вопроса всецѣло принадлежитъ императрицѣ-матери. Другими словами: въ вѣжливой формѣ отказали.

Наполеонъ, мечтавшій, конечно, о томъ, что великій государь Европы сочтетъ за великую честь породниться съ нимъ, получилъ, такимъ образомъ, весьма чувствительный ударъ по самолюбію, а этого онъ не могъ простить, а тѣмъ болѣе—забыть.

Послѣ Шенбруннскаго мира Наполеонъ, какъ извѣстно, присоединилъ Галицію къ Варшавскому герцогству. Это, въ свою очередь, вызвало броженіе умовъ среди поляковъ, долго и тщетно мечтавшихъ о возстановленіи своего королевства.

Императоръ Александръ, видя это броженіе, и отнюдь не желая терять областей, отошедшихъ къ Россіи послѣ окончательнаго раздѣла Польши, и, слѣдовательно, увеличивать бывшую «Рѣчь Посполитую» за счетъ русской крови, сдѣлалъ Наполеону соотвѣтствующія представленія. Послѣдній отвѣчалъ очень любезно: что онъ весьма далекъ отъ намѣренія возстановить Польшу и даже, если угодно императору Александру, готовъ способствовать истребленію самаго имени Польши и поляковъ изъ публичныхъ актовъ и даже изъ исторіи [36]).

Когда же понадобилось свои слова доказать на дѣлѣ и подписать условія договора о Польшѣ, Наполеонъ началъ отнѣкиваться подъ разными предлогами и, наконецъ, послѣ четырехмѣсячныхъ переговоровъ и всевозможныхъ увертокъ, все-таки ихъ не подписалъ.

Теперь ужъ и императоръ Александръ, въ свою очередь, сталъ охладѣвать къ своему союзнику. Новая безтактность Наполеона обострила еще болѣе отношенія между императорами. Присоединивъ къ Франціи Голландію и города Ганзейскаго союза, Наполеонъ окружилъ своими владѣніями герцогство Ольденбургское, властитель котораго состоялъ въ родствѣ съ Россійскимъ императорскимъ домомъ. Желая и это герцогство прибрать къ своимъ рукамъ, Наполеонъ предложилъ владѣтелю его промѣнять Ольденбургъ на какую-либо другую область, отъ чего герцогъ, разумѣется, отказался, да, кромѣ того, еще сообщилъ объ этомъ императору Александру, который черезъ своего посла въ Парижѣ—князя Куракина выразилъ протестъ противъ подобныхъ насилій надъ владѣніями своего родственника, на которыя, къ тому же, онъ и самъ имѣлъ законныя права.

Протестъ былъ возвращенъ князю Куракину безъ опредѣленнаго отвѣта; князь подалъ его вторично. На этотъ разъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ лично привезъ отвѣтъ Наполеона, который гласилъ, что подобный протестъ со стороны русскаго императора лишь усиливаетъ слухи о разрывѣ Россіи съ Франціей, и что такіе слухи нужно пресѣкать въ самомъ началѣ, какъ невыгодные для той и другой державы.

Далѣе Наполеонъ, для котораго Англія была недосягаемой уже вслѣдствіе своего географическаго положенія, но о покореніи которой онъ не переставалъ мечтать, додумался до пресловутой «континентальной системы», долженствовавшей, по его мнѣнію, вызвать экономическій крахъ Англіи.

Къ континентальной системѣ должна была, въ силу договора, примкнуть и Россія, и тяжелыя послѣдствія этой системы не замедлили обнаружиться. Бойкотируя англійскіе товары на своихъ рынкахъ, Россія, въ свою очередь, ведшая довольно широкую торговлю съ Англіей сырыми произведеніями внутренней промышленности, должна была поневолѣ прекратить ее.

Прекращеніе этой торговли вызвало сильное паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ и вексельнаго курса, которое могло привести къ экономическому кризису. А, между тѣмъ,

---

[36]) О дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи передъ Отечественной войной см. А. П. Поповъ, Отечественная война 1812 г. Часть I.

привозъ иностранныхъ товаровъ (кромѣ англійскихъ) продолжался попрежнему, и русское золото уплывало за границу.

Чтобы положить конецъ такому ненормальному теченію дѣлъ, императоръ Александръ, 19 декабря 1810 года, издалъ такъ называемый «торговый тарифъ», которымъ запрещался ввозъ въ Россію почти всѣхъ заграничныхъ товаровъ, за исключеніемъ колоніальныхъ.

Тарифъ этотъ для Россіи былъ полезенъ хотя бы уже тѣмъ, что поощрялъ развитіе отечественной фабрично-заводской промышленности.

Весьма естественно, что «торговый тарифъ» не понравился Наполеону. Принявъ его за личную для себя обиду, онъ обратился къ императору Александру съ упрекомъ: почему этотъ тарифъ былъ изданъ безъ его согласія, или, по крайней мѣрѣ, безъ увѣдомленія его о томъ. Наполеону объяснили, что тарифъ этотъ носитъ характеръ лишь временнаго мѣропріятія и установленъ всего на одинъ годъ, а императоръ Александръ отъ себя добавилъ, что въ дѣлахъ внутренняго управленія государствомъ онъ не находитъ нужнымъ давать кому-либо отчетъ, а тѣмъ болѣе предупреждать о своихъ намѣреніяхъ [37]).

Тонъ отвѣта императора Александра, звучавшій благородною гордостью и спокойной увѣренностью въ своихъ силахъ, конечно, весьма не понравился Наполеону. Всѣ эти недоразумѣнія между императоромъ Александромъ и Наполеономъ давали поводъ предположить, что окончательный разрывъ между недавними союзниками не далекъ. «Вы вспыльчивы, а я упрямъ», сказалъ однажды императоръ Александръ Наполеону.

Наполеонъ, подъ предлогомъ пополненія естественной убыли въ войскахъ, объявилъ рекрутскій наборъ; императоръ Александръ отвѣтилъ тѣмъ же. Кромѣ того, въ Парижъ были вызваны, подъ предлогомъ принесенія поздравленія по случаю дня рожденія короля Римскаго, изъ Варшавы князь Понятовскій, а изъ Неаполя Мюратъ; на самомъ же дѣлѣ, конечно, для совѣщанія о походѣ въ Россію.

Внутри Франціи производились дѣятельныя военныя приготовленія.

Отъ неусыпнаго наблюденія императора Александра не могли, конечно, сокрыться всѣ эти приготовленія и зловѣщія передвиженія арміи Наполеона, а потому и онъ, по мѣрѣ возможности, приготовлялся встрѣтить силу силой.

У насъ спѣшно строили на западной границѣ двѣ новыхъ крѣпости: Бобруйскъ и Динабургъ и усиливали уже существовавшія укрѣпленія Риги и Кіева [38]).

Александръ видѣлъ, какъ сквозь убаюкивающія рѣчи и краснорѣчивыя завѣренія императора французовъ просвѣчивала весьма недвусмысленная угроза свободѣ русскаго народа. Русскій царь сталъ на стражѣ этой свободы и преграждалъ мягко и упорно путь всѣмъ домогательствамъ Наполеона. Тотъ выходилъ изъ себя и, по своему обыкновенію, принимался обвинять Александра въ томъ, въ чемъ онъ прежде всего былъ виноватъ самъ: это было, съ его точки зрѣнія, лучшее средство отвлечь отъ себя всѣ подозрѣнія. Онъ обвинялъ Александра въ неискренности союза съ нимъ, въ лукавствѣ, въ двойной политикѣ. Чѣмъ дальше время отходило отъ Тильзита, тѣмъ душнѣе становилось въ воздухѣ. Приближалась гроза, нахмурились тучи. Сквозь ласковыя рѣчи дипломатическихъ переговоровъ уже начиналъ раздаваться лязгъ оружія.

3 августа 1811 года, въ день именинъ Наполеона въ Тюльерійскомъ дворцѣ, по обыкновенію, былъ большой съѣздъ представителей европейскихъ государствъ.

Подойдя къ нашему посланнику князю Куракину, и взявъ его за пуговицу мундира, Наполеонъ, въ присутствіи всѣхъ, разразился двухчасовою рѣчью, въ которой доказывалъ свое сугубое миролюбіе и враждебное отношеніе къ нему императора Александра.

---

[37]) См. К. Военскій и И. Карцовъ. Причины войны 1812 года.
[38]) Хатовъ. Отечественная война.

Императоръ Александръ I, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и дежурные генералъ-адъютантъ Красинскій и флигель-адъютантъ Шимановскій.
Съ акварели Б. К. Гембаржевскаго.

«Императоръ Александръ не прекращаетъ вооруженій», таковъ былъ конецъ этой громовой филиппики. «Я не хочу вести войну, не думаю возстановлять Польшу, но вы помышляете о присоединеніи къ Россіи Варшавскаго герцогства и Данцига. Безъ сомнѣнія, у императора есть какая-нибудь скрытая мысль; пока тайныя намѣренія вашего двора не будутъ объявлены, я не перестану умножать войскъ въ Германіи».

Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

Всѣ присутствующіе поняли, конечно, что разрывъ между Россіей и Франціей уже не далекъ.

Князь Куракинъ не замедлилъ довести до свѣдѣнія государя содержаніе рѣчи Наполеона 3 августа, и императоръ Александръ отвѣтилъ въ подобающемъ тонѣ: у него довольно и своихъ домашнихъ дѣлъ и заботъ, и имперія его настолько обширна, что нѣтъ Россіи надобности въ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, а въ особенности Данцига, который ужъ совсѣмъ намъ не нуженъ.

Военныя приготовленія Наполеона были закончены въ сентябрѣ 1811 года. Съ наступленіемъ 1812 года Наполеонъ занялся окончательной организаціей арміи, предназначенной къ походу въ Россію [39]).

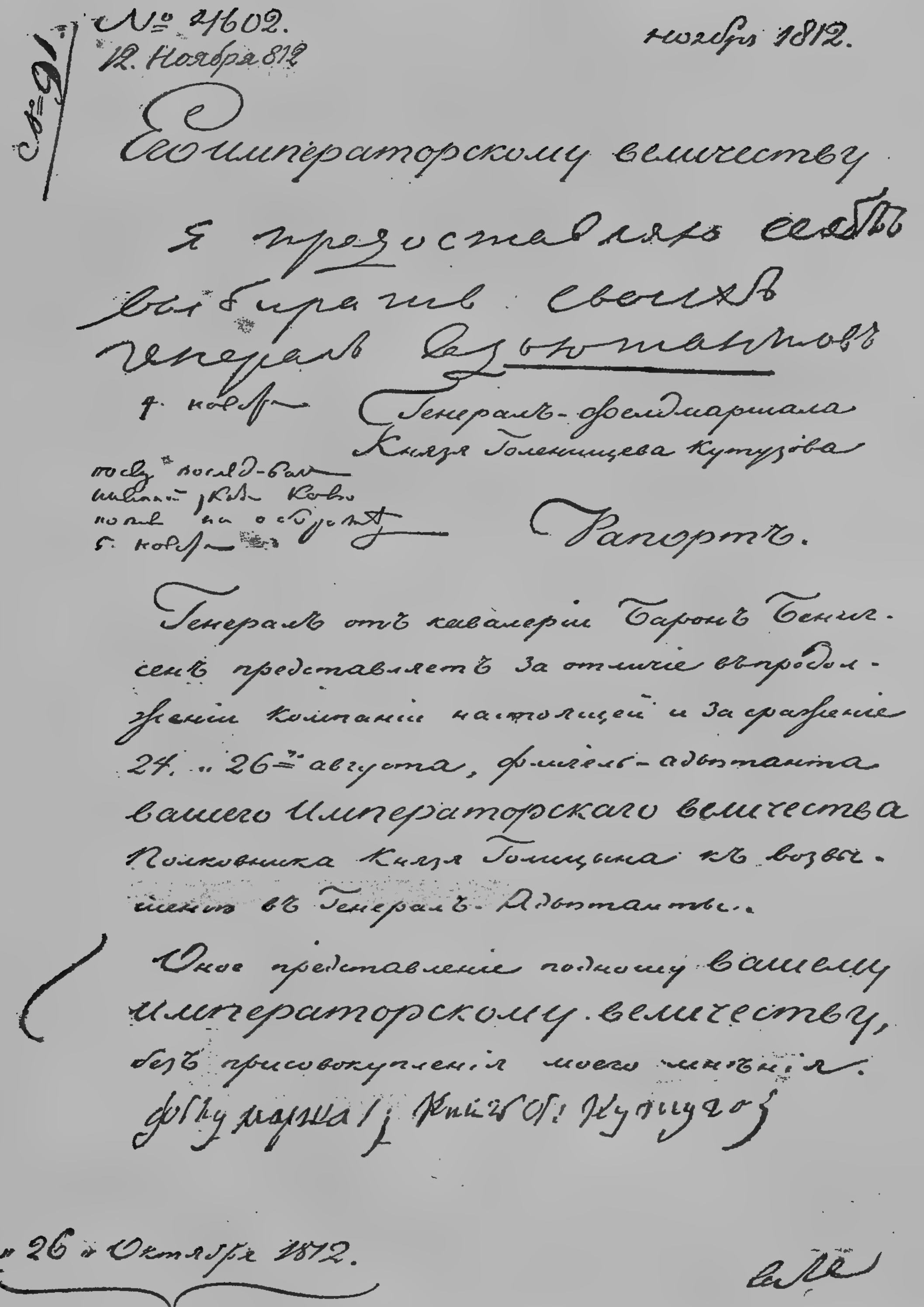
Въ этой арміи находились почти всѣ народы европейскаго континента, за исключеніемъ датчанъ, шведовъ и турокъ.

Хотя неизбѣжность разрыва съ Наполеономъ уже давно была сознана государемъ, но, по своему миролюбію, все еще надѣявшійся какъ-нибудь покончить дѣло миромъ, онъ до 1811 года не прибѣгалъ къ настоящимъ военнымъ приготовленіямъ, если не считать учрежденныхъ въ 1808 году «рекрутскихъ депо», которыя, собственно говоря, нисколько не увеличивали боевого состава арміи, а были сформированы на всякій случай.

Пруссія и Австрія, со страхомъ и трепетомъ слѣдившія за, пока еще словесной, борьбой императоровъ, тѣмъ не менѣе уже чувствовали, что въ случаѣ войны имъ придется терпѣть «въ чужомъ пиру похмелье», такъ какъ ихъ территоріи лежали какъ разъ на пути наступленія арміи Наполеона. Не желая, конечно, торжественно принимать, а тѣмъ болѣе продовольствовать сотни тысячъ солдатъ, не имѣющихъ ни съ тою, ни съ другой державою ничего общаго, Австрія и Пруссія задумались надъ этимъ обстоятельствомъ. Въ поискахъ средствъ для избѣжанія таковой непріятной перспективы, государства эти пришли къ выводу, носящему прямо-таки юмористическій характеръ: предложить свое мирное посредничество между обѣими враждующими сторонами.

. Но могло ли быть принято это посредничество? Конечно, нѣтъ. Наполеонъ слишкомъ

[39]) См. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 году. 4 части. М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Т. I—III.


С[в.] № 91

№ 4602.
12. Ноября 812

ноября 1812.

Его Императорскому величеству

Я предоставляю себѣ выбирать изъ своихъ Генераль адъютантовъ
4. ноября

Генерала-фельдмаршала
Князя Голенищева Кутузова

[illegible]
5. ноября

Рапортъ.

Генералъ отъ кавалеріи Баронъ Бенигсенъ представляетъ за отличіе въ продолженіи компаніи на столицей и за сраженіе 24. и 26го августа, флигель-адъютанта вашего Императорскаго величества Полковника Князя Голицына къ возвышенію въ Генералъ-Адъютанты.

Оное представленіе подношу вашему императорскому величеству, безъ присовокупленія моего мнѣнія.

Фельдмаршалъ Князь Г. Кутузовъ

„26“ Октября 1812.

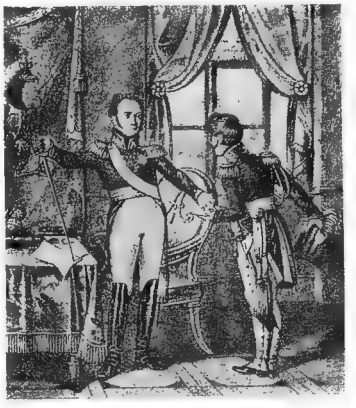
Рапортъ генералъ-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова съ собственноручною резолюціею Императора Александра I. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 153 а, св. 11, д. 1162).

свысока посмотрѣлъ бы на него, а, пожалуй, счелъ бы даже и за дерзость подобное предложеніе, и императоръ Александръ, умудренный горькимъ опытомъ, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ нему недовѣрчиво. Политическая неустойчивость государствъ западной Европы слишкомъ хорошо была ему извѣстна, и потому на предложеніе Австріи и Пруссіи онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, и сообщилъ прямо Наполеону, что мирное разрѣшеніе вопросовъ, тяготѣвшихъ надъ государствами, зависитъ не отъ чьего-либо посредничества, а единственно отъ пріязни и взаимнаго уваженія между императорами, а также отъ обоюдныхъ выгодъ ихъ имперій. Это было послѣдней миролюбивой попыткой императора Александра.

Вообще, надо сказать, что во всѣхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ государь всегда придерживался одной политической программы: не принимать, по возможности, угрожающаго тона, а, наоборотъ, какъ можно болѣе держаться миролюбиваго, но въ то же время не поступаться ни единымъ, хотя бы малѣйшимъ, обстоятельствомъ, могущимъ пойти въ ущербъ достоинству русскаго государства.

Итакъ, гигантская борьба между западнымъ и восточнымъ титанами становилась лишь вопросомъ времени, теперь уже недалекаго.

Императору Александру приходилось разрѣшить весьма важный вопросъ: какъ съ такимъ незначительнымъ, по сравненію съ противникомъ, количествомъ войскъ противостать нашествію «двадесяти языкъ» Наполеона.



Флиг.-адъют. Мишо докладываетъ Императору Александру I о сдачѣ Москвы непріятелю.

Злой геній Россіи пощаяся энергія Барклая-де-Толли, а въ особенности князя Багратіона и свехчеловѣческая выносливость нашихъ солдатъ могли предотвратить эти послѣдствія.

слалъ государю какого-то безталаннаго нѣмецкаго проходимца, офицера прусской службы фонъ-Пфуля. Невѣдомо, какими путями могъ заслужить довѣріе императора Александра этотъ стратегъ, но, тѣмъ не менѣе, для предстоявшей войны былъ принятъ планъ именно фонъ-Пфуля, какъ ни сопротивлялись этому русскіе главнокомандующіе.

Этотъ планъ, послѣдствія котораго могли бы быть весьма пагубными для насъ, къ счастію, скоро провалился, и, единственно, выдающаяся

Ужъ и такъ-то силы наши были малы, а фонъ-Пфуль вздумалъ еще болѣе раздѣлить ихъ, растянувъ армію по всей западной границѣ. Онъ мечталъ окружить армію Наполеона съ двухъ сторонъ и уничтожить ее, совершенно забывъ о томъ, что «великая армія» превосходитъ нашу въ два раза. Наполеонъ учелъ это обстоятельство и, въ свою очередь, рѣшилъ разбить наши арміи порознь и, если бы князю Багратіону не удалось уйти отъ Даву и Іеронима и соединиться съ первою арміей, то, безъ сомнѣнія, планъ Наполеона имѣлъ бы успѣхъ.

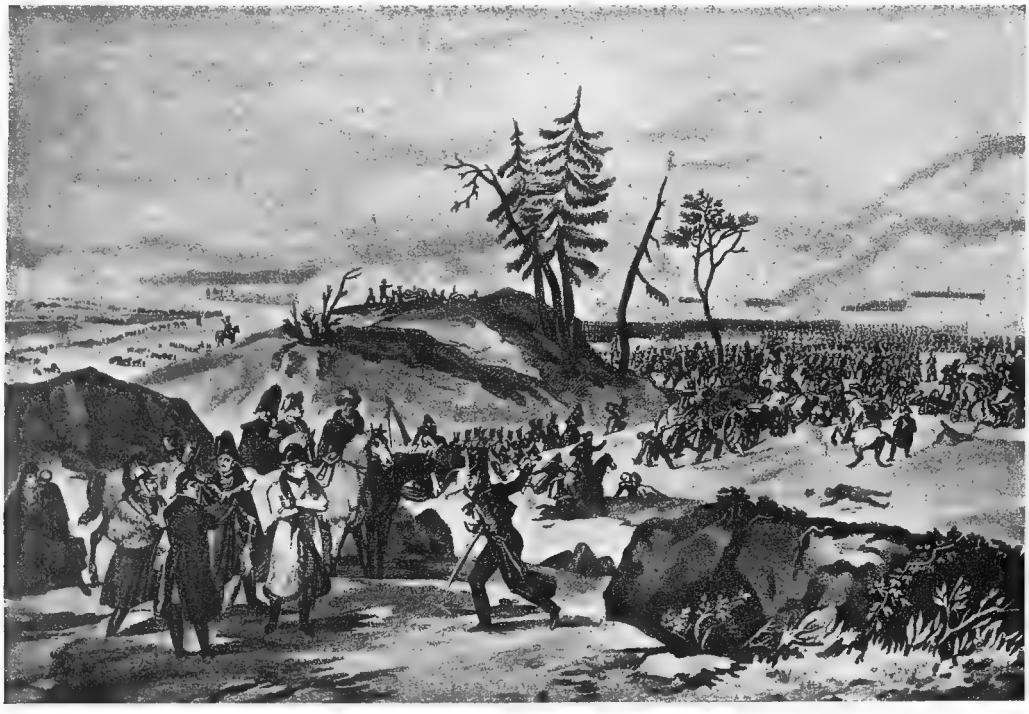
Въ одномъ наши военачальники соглашались съ планомъ фонъ-Пфуля: въ томъ, что война должна была носить характеръ оборонительный, а потому рѣшено было отступать.

12 іюня Наполеонъ перешелъ свой Рубиконъ—Нѣманъ, и борьба гигантовъ началась. Императоръ Александръ былъ при арміи; въ разгарѣ бала въ Вильнѣ онъ получилъ извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій. Трудно сказать вѣрилъ или не вѣрилъ онъ въ счастливый исходъ борьбы съ Наполеономъ, но что, во всякомъ случаѣ, сомнѣвался—это неоспоримо. Прежде всего, онъ не признавалъ стратегическихъ талантовъ своихъ командующихъ арміями: ни Барклая-де-Толли, ни князя Багратіона, ни, тѣмъ болѣе, Тормасова, а неудачное начало войны еще болѣе утвердило государя въ этомъ мнѣніи; хотя

въ этихъ неудачахъ былъ виноватъ только планъ фонъ-Пфуля, который въ лагерѣ при Дриссѣ былъ забракованъ и окончательно отвергнутъ самимъ же императоромъ Александромъ.

Смутно было на душѣ у государя, когда онъ возвращался отъ арміи, да оно и не могло быть иначе. Опасность надвинулась страшная; судьба всего государства стояла на картѣ, войскъ было мало, а другихъ средствъ борьбы не предвидѣлось. Но эти средства явили сами себя.

Государь проѣзжалъ черезъ Смоленскъ, и вотъ тутъ-то проснулась та великая, непоборимая сила, дремавшая уже два вѣка и не разъ спасавшая Русь въ тяжкіе годы испытаній: сила, имя которой—русскій народъ.



Переходъ французской арміи черезъ Березину.

Энтузіазмъ, съ какимъ встрѣтили государя въ Смоленскѣ, поголовная готовность всѣхъ, безъ различія званій, возстать на защиту отечества и вступить въ ополченіе, полившіяся широкою рѣкой денежныя и другія пожертвованія—сразу показали императору Александру тѣ средства, на которыя онъ могъ надѣяться, какъ на каменную стѣну. Патріотическій энтузіазмъ смолянъ въ удесятеренномъ видѣ повторился въ Москвѣ, и государь могъ успокоиться за судьбу своей имперіи. Онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ, что разъ проснулись дремавшія силы русскаго народа—гибель кичливыхъ и непобѣдимыхъ дотолѣ пришельцевъ—только вопросъ времени.

Вотъ эти-то средства—народное ополченіе и партизанская война и дали увѣренность императору Александру, что великій споръ народовъ окончится въ пользу Россіи.

Безъ сомнѣнія, эта увѣренность помогала ему переносить съ твердостью временныя неудачи нашей арміи. Паденіе Смоленска, стараго, искони русскаго Смоленска, Бородинское побоище—все это, конечно, были жестокіе удары для государя; отдача Москвы

безъ боя, а затѣмъ пожаръ ея и вакханалія французовъ на развалинахъ столицы заставили осунуться, постарѣть и посѣдѣть императора Александра, но и сквозь пламя и дымъ погибавшей Москвы онъ могъ провидѣть недалекую уже гибель «великой арміи».

Возмущенный этимъ «пламенемъ очищенія», этимъ «фениксовымъ костромъ» Москвы, еще дружнѣе поднялся русскій народъ на защиту родины, и смертный приговоръ вражьимъ полчищамъ былъ подписанъ.

Свиданіе монарховъ въ Прагѣ 13 августа 1813 г.
Съ акватинты Югеля по рис. Вольфа.

Сраженіе при Тарутинѣ было началомъ побѣдной пѣсни Россіи, а Березина—финаломъ ея. Побѣжденный, разбитый, но пока еще не уничтоженный, Наполеонъ бѣжалъ, не осмѣливаясь даже носить собственнаго имени.

Россія торжествовала, императоръ Александръ тоже; въ сонмѣ европейскихъ государей онъ сталъ цѣлою головою выше всѣхъ; но въ торжествѣ своемъ онъ не возгордился, а отдалъ подобающую дань тому, кто былъ истиннымъ спасителемъ государства,—т.-е., русскому народу. Его манифесты отъ 3 ноября и отъ 25 декабря 1812 г. воздали должному должное и «передъ цѣлымъ свѣтомъ»[40]) засвидѣтельствовали благодарность «и должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому».

Наполеонъ разбитъ; кошмаръ, давившій Европу въ продолженіе столькихъ лѣтъ, заколебался, и она вздрогнула, почуявъ возможность сбросить съ себя тяжесть, давившую ее. Императоръ Александръ, сдержавшій слово не «вложить меча во влагалище», пока ни одинъ вооруженный врагъ не останется въ предѣлахъ Россіи, не думалъ удовольствоваться только этимъ, что было вполнѣ понятно. Характеръ Наполеона, его безграничное честолюбіе, его мечты о всемірной монархіи, были хорошо извѣстны всѣмъ и каждому. Кто или что могло быть порукою въ томъ, что Наполеонъ, оправившись отъ удара, нанесеннаго ему Россіей, и собравшись съ новыми силами, не захочетъ вновь повторить свое нашествіе? Выходъ изъ тогдашняго политическаго положенія Европы могъ быть только одинъ: обезвредить Наполеона навсегда. Съ этою цѣлью союзная армія, имѣвшая въ своихъ рядахъ солдатъ государствъ, наиболѣе угнетенныхъ Наполеономъ, т.-е., австрійцевъ и пруссаковъ, мечтавшихъ о реваншѣ, и русскихъ, собиравшихся мстить за разоренную Москву,

[40]) Богдановичъ. Отечественная война.

обрушилась на недавняго повелителя Европы. Сраженіе подъ Лейпцигомъ, недаромъ названное исторіею «битвою народовъ», было послѣднимъ актомъ великой трагедіи Наполеона. Подъ Лейпцигомъ его геній угасъ навсегда; сраженіе это было лебединою пѣсней жизни Наполеона. Императоръ Александръ съ союзниками во время сраженія находился на холмѣ; Наполеонъ на подмосткахъ, наскоро пристроенныхъ къ высокому дереву.

Нужно ли говорить о томъ, что для недавняго «кумира Европы», умудреннаго горькимъ опытомъ, наисерьезнѣйшимъ противникомъ былъ именно императоръ Александръ; на остальныхъ онъ могъ, да и имѣлъ право, глядѣть свысока. Прежнія войны давали ему это право. Но геній великаго авантюриста угасъ. Союзники побѣдили, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, Наполеонъ приказалъ отступить въ самый Лейпцигъ.

Вся дальнѣйшая война за освобожденіе Европы носитъ характеръ сплошного тріумфа союзниковъ вообще, а русской арміи и императора Александра, въ особенности.

Послѣ пораженій, нанесенныхъ французской арміи подъ Бріенномъ, который былъ колыбелью генія Наполеона, подъ Феръ-Шампенуазомъ и т. д., союзныя арміи показались, наконецъ, въ виду Парижа.

Домъ Тайлерана въ Парижѣ, въ которомъ останавливался Императоръ Александръ I 19/31 марта 1814 г.

Наполеонъ, очутившійся, съ приближеніемъ союзниковъ къ Парижу, въ положеніи загнаннаго звѣря и все еще не могшій свыкнуться съ мыслью, что его блестящему тріумфу въ Европѣ приходитъ конецъ, отдалъ приказъ — взорвать Парижъ на воздухъ. Но его обаяніе умерло вмѣстѣ съ его геніемъ. Парижане отказались повиноваться такому чудовищному приказу.

Обезкураженные и упавшіе духомъ парижане не могли, конечно, долго сопротивляться союзнымъ арміямъ и, когда русская гвардія, а вмѣстѣ съ нею и русскія орудія, появились на высотахъ Монмартра, императоръ Александръ, не желая подвергать Парижъ всѣмъ ужасамъ штурма, послалъ парламентера съ предложеніемъ—сдать столицу на милость побѣдителей, говоря, что союзники воюютъ «съ Наполеономъ, а не съ Франціей».

Предложеніе было принято; Парижъ сдался.

Марта 19-го, 1814 года, въ 9 часовъ утра—[41]) императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, прибылъ къ воротамъ Парижа въ С. Дени, теперь уже отвореннымъ для побѣдителей. Съ 12 часовъ дня по бульварамъ началось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ союзныхъ войскъ. Громадныя толпы народа молча стояли по пути слѣдованія армій, ожидая дальнѣйшихъ событій.

Величавая осанка императора Александра, его изящныя, исполненныя благородства манеры возымѣли, наконецъ, свое дѣйствіе—толпа шумно и съ энтузіазмомъ привѣтствовала его. На площади Людовика XV собралась партія роялистовъ, молодыхъ людей, лучшихъ фамилій съ бѣлыми кокардами на шляпахъ (бѣлый цвѣтъ былъ эмблемой Бурбоновъ) и дамъ, которые громко и восторженно рукоплескали государю и его свитѣ, воскли-

[41]) Фарфоровскій. Рукописи «Парижскаго Національнаго музея».

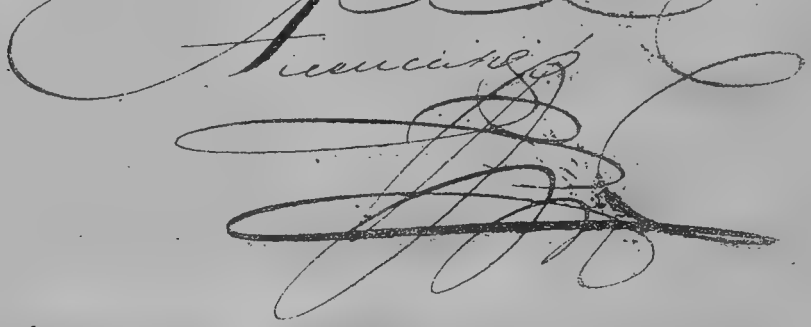
Отступленіе Наполеона изъ Россіи.
Съ картины Мейсонье.

Приказъ Войскамъ Нашимъ

Воины! храбрость и терпѣніе ваше возна-
граждены славою, но должно не умереть въ по-
томствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ пре-
ходить изъ устъ въ уста отъ сыновъ къ внук-
камъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ поз-
днихъ родовъ. Хвала Всевышнему! рука Го-
сподня съ нами, и насъ неоставитъ. Уже
нѣтъ ни единаго непріятеля на лицѣ Зе-
млѣ нашей. Вы по трупамъ и пепламъ
ихъ пришли къ предѣламъ Имперіи.
Остается еще вамъ пройти заонѣ, не
для завоеванія или внесенія войны въ земли
сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной
и прочной тишины; вы идете доставить
себѣ спокойствіе, а имъ свободу и незави-
симость. Да будутъ они друзья наши!
Отъ поведенія вашего зависѣть будетъ успо-
реніе міра. Вы русскіе! вы Христіяне!
Нужно ли при сихъ именахъ напоминать
вамъ, что должность воина есть быть
храбру въ бояхъ, и кротку во время переходовъ

и пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не угро-
жаю вамъ наказаніями, ибо знаю, что никто
изъ васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли
въ землѣ нашей грабителей, расхитившихъ
домы невинныхъ поселянъ. Вы праведно
кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали
злодѣевъ. Кто жъ захочетъ имъ уподобиться?
Естьли кто паче чаянія таковой сыщется,
да не будетъ онъ руской! да исторгнется
изъ среды васъ. Воины! сего требуютъ
и ожидаютъ отъ васъ ваша православ-
ная вѣра, ваше отечество и царь вашъ.

Александръ



Приказъ Императора Александра I по арміи по окончаніи войны 1812 года и предъ началомъ заграничнаго похода въ 1813 году.

цая: «Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуютъ государи! Да здравствуетъ императоръ Александръ!» Такъ государи доѣхали до Елисейскихъ полей, гдѣ и остановились, желая видѣть прохожденіе своихъ войскъ.

Мѣстомъ своего пребыванія въ Парижѣ государь избралъ домъ Талейрана.

Наполеонъ былъ лишенъ престола и, съ сохраненіемъ титула императора, отправленъ въ ссылку на островъ Эльбу, отданный ему во владѣніе. Нужно отмѣтить и здѣсь рыцарское великодушіе императора Александра, ибо безъ его заступничества за недавняго врага, союзники едва ли поцеремонились бы со своимъ угнетателемъ и теперь же поступили бы съ нимъ такъ, какъ поступили впослѣдствіи.

Но и еще другой глубокій слѣдъ оставилъ московскій пожаръ въ сердцѣ Александра; «Пожаръ Москвы», говорилъ онъ, «освѣтилъ мою душу и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога. Теперь только я научился знать Бога, какъ открываетъ его св. Писаніе; теперь я понимаю Его волю и Его законъ; теперь созрѣло и утвердилось во мнѣ рѣшеніе посвятить себя и свое правленіе споспѣшествованію Его славы. Съ этого времени я сдѣлался другимъ».

Въ виду тѣхъ грандіозныхъ событій, которыя разыгрались въ Россіи послѣ паденія такого колосса, какъ Наполеонъ, Александръ исполняется величайшимъ христіанскимъ смиреніемъ и сознаніемъ ничтожества человѣка передъ лицомъ Господа.

Императоръ Александръ I со свитою на молебнѣ въ Парижѣ въ 1814 году. Съ русской литографіи.

Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ казненъ въ дни революціи несчастный король французовъ Людовикъ XVI, было совершено торжественное молебствіе. «Русскій царь по обряду православному, всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто растерзанной царственной жертвы. Духовное торжество въ полнотѣ достигло своей цѣли; оно невольно влило благоговѣніе и въ сердца французовъ... Обаяніе было повсемѣстно; такъ поражены были французы торжествомъ русскихъ» [42]).

Это время было временемъ свѣтлаго торжества русскаго государя; передъ нимъ склонялась вся Европа, называя его своимъ спасителемъ и освободителемъ отъ ига Наполеона.

Но Александръ былъ воплощеніемъ чистаго великодушія; онъ совершенно отказывался отъ всѣхъ своекорыстныхъ разсчетовъ и смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе воли Божіей, которая теперь черезъ него вноситъ обновленіе Европѣ. «Искупленіе Россіи было моимъ искупленіемъ», говоритъ онъ самъ. «Судъ Божій, совершившійся на ледяныхъ поляхъ Россіи, научилъ насъ познать Бога, какъ открываетъ Его намъ св. Евангеліе».

Въ Александрѣ Павловичѣ стала развиваться склонность къ уединенію, молитвѣ, чтенію Библіи. Онъ сталъ заботиться о распространеніи ея въ народѣ и покровительствовалъ Библейскому Обществу.

— «Я вполнѣ отдаюсь предрѣшеніямъ Господа,»—писалъ государь кн. Голицыну,—«и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага».

---

[42]) Разсказъ самого императора Александра кн. А. Н. Голицыну.

Этими словами опредѣляются и настроеніе и стремленіе Александра послѣ его побѣды надъ Наполеономъ.

Религіозное настроеніе, которое царствовало тогда въ его душѣ, подсказало ему мысль основанія «Священнаго союза». Эту идею многіе историки приписали вліянію экзальтированной мистички баронессы Крюденеръ, одно время сильно заинтересовавшей государя своими воззрѣніями и своей восторженной проповѣдью [43]). Но, несомнѣнно, эта идея плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично императору Александру. Вполнѣ естественно, что развивавшійся въ душѣ его мистицизмъ довелъ его до созданія Священнаго союза, а потому нечего искать постороннихъ вдохновителей ни въ лицѣ Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ [44]). Александръ высоко вознесся надъ землею и былъ исполненъ самыми возвышенными намѣреніями, но его снова ждали горькія разочарованія. Державы, избавленныя Александромъ отъ Наполеона, обнаружили самое грубое и недостойное своекорыстіе. Особенно въ этомъ отношеніи отличились Австрія и Англія, вѣчныя предательницы Россіи. Обѣ эти державы стали строить козни противъ Россіи и готовы были пойти на самыя крайнія средства, чтобы лишить Россію плодовъ ея побѣды и нажиться на ея счетъ.

Императоръ Александръ I въ польскомъ мундирѣ и лентѣ ордена Бѣлаго Орла.

Но Александръ не хотѣлъ сворачивать со стези великодушія. Онъ прощалъ всѣ обиды и забывалъ всѣ оскорбленія. Въ этомъ отношеніи онъ даже перешелъ границы: такъ, отъ всѣхъ трудовъ и лишеній борьбы съ Наполеономъ Россія получила гораздо меньше выгодъ и пріобрѣтеній, чѣмъ Пруссія и Австрія. Священный союзъ сдѣлался просто орудіемъ въ рукахъ правителей—государей Австріи и Пруссіи, и въ немъ всевластно распоряжался хитрый и безнравственный австрійскій министръ князь Меттернихъ. Словомъ, чудныя мечты Александра тускнѣли и блекли при соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

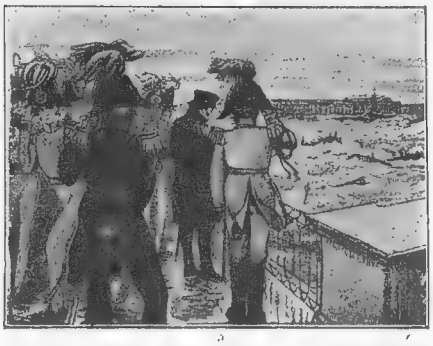
Но онъ продолжалъ работать, не покладая рукъ надъ умиротвореніемъ Европы, руководя дипломатическими дѣлами и европейскими конгрессами. Высокое великодушіе выказалъ государь по отношенію къ Польшѣ, еще недавно съ такимъ фанатизмомъ передавшейся на сторону Наполеона: вѣдь во время борьбы съ Наполеономъ поляки увидѣли во французскомъ императорѣ своего избавителя. Поляки были увѣрены, что Наполеонъ возстановитъ польское королевство, и поэтому окружили имя его настоящимъ обожаніемъ. Несмотря на это, Александръ, присоединивъ къ русскому государству царство польское, далъ Польшѣ особое политическое устройство, дѣлавшее ее какъ бы самостоятельнымъ государствомъ съ своимъ войскомъ и съ сеймомъ, состоявшимъ изъ двухъ палатъ.

Разочарованіе, усталость, безысходная тоска тѣмъ временемъ все сильнѣе росли въ душѣ у государя. У него на сердцѣ, какъ будто, открылась кровоточащая рана. Онъ ищетъ правды, онъ жаждетъ высшаго откровенія, онъ часто предается глубокой страстной молитвѣ. Единственное утѣшеніе государь находитъ въ чтеніи священныхъ книгъ. «Вечернія и утреннія свои молитвы онъ совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, такъ что у

[43]) См. о г-жѣ Крюденеръ статьи А. Пыпина (Вѣстн. Евр. 1869 г.) и А. К—ва (Ист. Вѣстн. 1895 г.).
[44]) Вел. кн. Николай Михайловичъ. Александръ I, стр. 188—193.

него наверху берцъ у обѣихъ ногъ, образовалось обширное обмозоленіе общихъ покрововъ, которое оставалось до его кончины» [45]).

Когда Александръ вернулся послѣ своей борьбы съ Наполеономъ въ Россію, всѣмъ бросилась въ глаза перемѣна, произошедшая въ немъ: государь замѣтно постарѣлъ, въ его чертахъ особенно ясно проступило выраженіе безграничной грусти, онъ сталъ удаляться отъ общества.



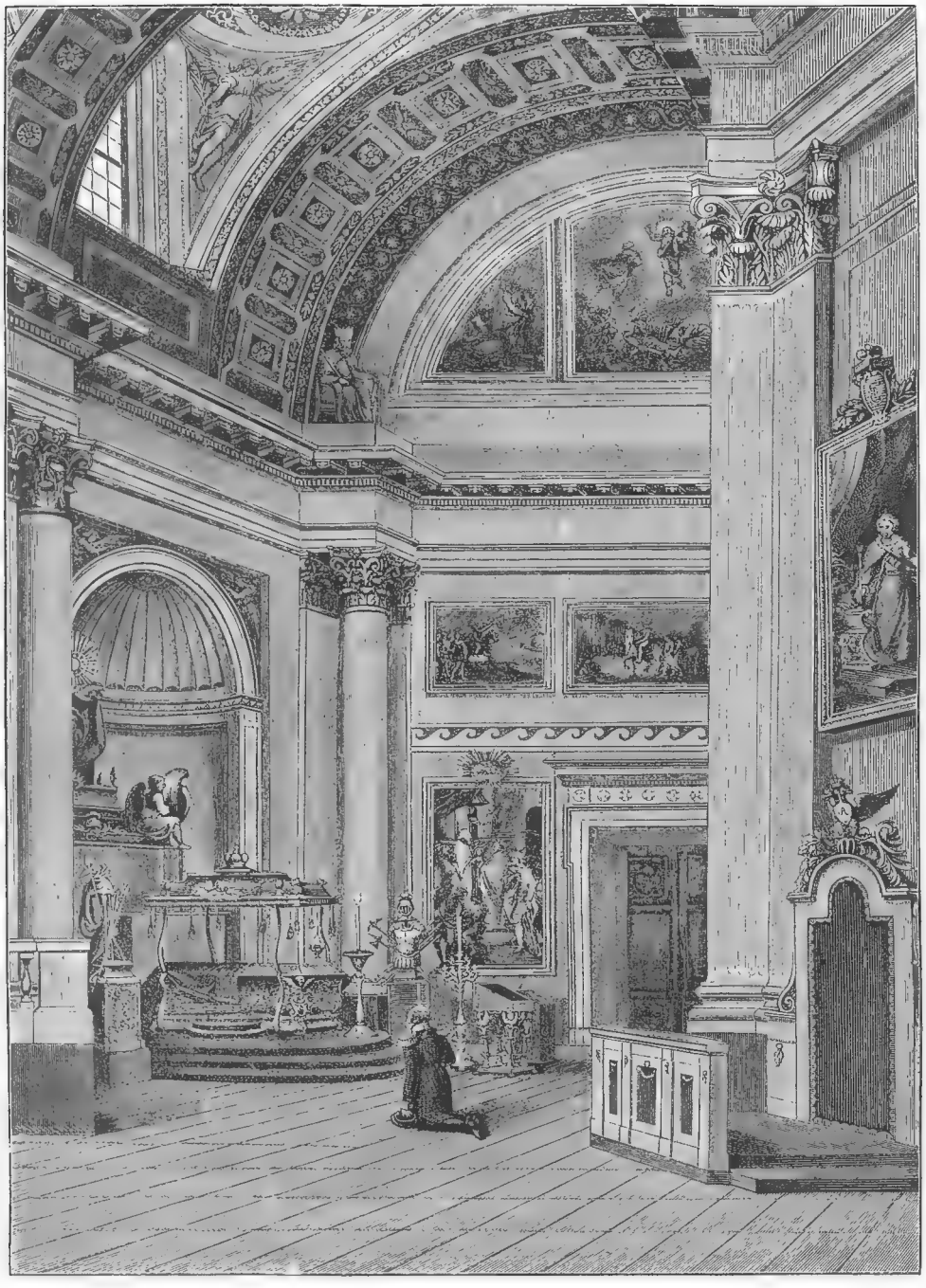
Императоръ Александръ I на набережной Невы во время наводненія.
Съ рис. Бенуа, выставка въ Прагѣ 1904г.

Душа Александра рвалась къ вѣрѣ и къ чуду. Прошедшія разочарованія оставили въ немъ глубокій слѣдъ, поэтому-то люди иногда возбуждали въ немъ какое-то враждебное чувство. Онъ не вѣрилъ «мудрымъ вѣка сего», не разъ безжалостно обманывавшимъ его довѣріе и дружбу. Среди своихъ приближенныхъ онъ остановилъ свой выборъ на одномъ необразованномъ и грубомъ человѣкѣ: это былъ графъ Аракчеевъ. Аракчеевъ выдвинулся еще при Павлѣ I, у котораго служилъ въ его гатчинскихъ войскахъ. Павелъ дарилъ его своей благосклонностью, и Александръ, еще въ бытность свою великимъ княземъ, узналъ его. Его привлекала къ Аракчееву именно его грубость, его простота, что государь считалъ за отраженіе его правдивой и искренней души. Александръ думалъ, что Аракчеевъ, дѣйствительно, ему «безъ лести преданъ» и любитъ его, хотя и грубою, но горячей любовью. За это государь платилъ ему какой-то особенной нѣжностью и дарилъ полнымъ своимъ довѣріемъ, не замѣчая, что на самомъ дѣлѣ, Аракчеевъ былъ человѣкъ не только ограниченный, но даже жестокій и иногда прямо безчеловѣчный. Извѣрившійся въ людяхъ Александръ не хотѣлъ разочаровываться въ Аракчеевѣ, съ которымъ былъ связанъ воспоминаніями своей молодости. Между тѣмъ, Аракчеевъ сталъ надменнымъ временщикомъ, злоупотреблявшимъ своею властью и своимъ вліяніемъ.

Чины Государевой Свиты оказываютъ помощь населенію Петербурга во время наводненія 7 ноября1824 г.

Страшное впечатлѣніе произвело на государя громадное наводненіе въ Петербургѣ,

[45]) Свидѣтельство Тарасова.



Императоръ Александръ въ Александро-Невской Лаврѣ 1 сентября 1825 года.
Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ картины Чернецова.

залившее водою чуть не всю столицу. Это ужасное событіе произошло 7 ноября 1824 года. Лодки могли подъѣзжать къ балкону второго этажа въ Зимнемъ дворцѣ. Множество деревянныхъ домовъ унесено было въ море; бѣднота населенія лишилась всего своего имущества; множество людей потонуло въ своихъ квартирахъ или на улицахъ. Государь двинулъ на лодкахъ все, что было можно, на помощь погибавшимъ; онъ самъ со своею свитою на лодкѣ объѣзжалъ залитыя водою улицы и площади и былъ свидѣтелемъ потрясающихъ душу сценъ. На его глазахъ, близъ казеннаго литейнаго завода, порывомъ бури унесены были въ море жилища рабочихъ, гдѣ находились ихъ семьи. Съ отчаяніемъ бросились рабочіе спасать ихъ, но все было напрасно...

Кончина Императора Александра I.
Факсимиле гравюры И. Кулакова 1827 года.

Глубоко потрясенный этимъ, государь говорилъ о страшномъ бѣдствіи: «Я бывалъ во многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ поля битвъ, покрытыя трупами убитыхъ, слыхалъ стоны раненыхъ, но это—неизбѣжный жребій войны, а тутъ я увидѣлъ людей, вдругъ осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ дороже жизни. Это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ». Никакого нѣтъ сомнѣнія, что эти ужасныя впечатлѣнія оставили разрушительные слѣды въ надломленныхъ силахъ государя.

Съ русской лит. на кончину Императора Александра I.

Съ этого времени онъ сталъ еще мрачнѣе и обнаружилъ еще большую склонность къ уединенію. Между тѣмъ, болѣзнь императрицы Елизаветы Алексѣевны обострилась, и ея здоровье внушало сильныя опасенія. Врачи настаивали на томъ, чтобы императрица покинула Петербургъ. Вмѣстѣ съ нею рѣшился поѣхать и самъ государь. Какъ и въ началѣ своего царствованія, онъ сталъ тяготиться своей властью, но теперь совсѣмъ по другимъ причинамъ. «Я былъ бы очень доволенъ сбросить съ себя это бремя короны, которое страшно тяготитъ меня»,— сказалъ онъ однажды Васильчикову.

Онъ не зналъ, что его слова скоро сбудутся надъ нимъ. Ангелъ смерти уже вѣялъ надъ нимъ, тяжкая болѣзнь уже разрушала его силы.

Царственная чета направилась на зиму 1825 года на югъ Россіи. Мѣстомъ ихъ пребыванія былъ избранъ Таганрогъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда государь отправился туда, чтобы удостовѣриться заранѣе на пути и въ названномъ городѣ, все ли приготовлено для удобства больной. Онъ думалъ провести съ супругой часть зимы. Однако, онъ какъ будто чувствовалъ, что ему не вернуться назадъ. Во время молебна въ Александро-Невской лаврѣ, преклонивши колѣна передъ мощами св. Александра Невскаго, онъ плакалъ.

Выѣхавъ за заставу, Александръ остановилъ коляску и долгимъ, грустнымъ взглядомъ окинулъ свою столицу.

Императрица нѣсколько поправилась въ бытность свою на югѣ Россіи. Зато самъ государь тяжело занемогъ. Къ его застарѣлой болѣзни, которой онъ страдалъ еще раньше, прибавилась простуда. Онъ проѣхалъ въ Область Войска Донского и въ Крымъ. Въ Севастополѣ государя хватилъ пронизывающій холодъ, и ему стало настолько дурно, что лейбъ-медикъ Вилліе настаивалъ, чтобы Александръ отказался продолжать путь и легъ здѣсь же въ постель. Но Александръ Павловичъ, не желая обезпокоить императрицу, уже ожидавшую его въ Таганрогѣ, перемогая себя, прибылъ туда 5 ноября, а на слѣдующій день слегъ и болѣе не вставалъ съ постели. Сильный тифъ быстро истощалъ силы больного, впадавшаго нерѣдко въ безсознательное состояніе. 15 ноября государь причащался Святыхъ Таинъ. Вошедшему къ нему съ Святыми Дарами священнику онъ сказалъ: «Прошу исповѣдать меня, не какъ императора, а какъ простого мірянина». Послѣ причастія онъ сказалъ императрицѣ: «Я никогда не испытывалъ большей радости». 17 числа больной на нѣкоторое время почувствовалъ себя лучше, и когда, по его просьбѣ, подняли шторы въ комнатѣ, и въ нее ворвались снопы солнечныхъ лучей, проговорилъ: «Какъ хорошо!» Проблескъ надежды оживилъ было измученную императрицу... Но 19 ноября въ 11 часовъ утра императоръ Александръ Благословенный, устремляя глаза то на Распятіе, то на государыню, тихо скончался.

Таковъ былъ закатъ жизни этого царя, алкавшаго правды, этого кроткаго ангела на престолѣ. «Вотъ царь»,—сказалъ въ проповѣди при погребеніи государя митрополитъ Филаретъ,—«о которомъ должны плакать народы и рыдать цари и пророки». Въ этихъ словахъ много глубокой правды...

Николай I.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1825—1855.

Н. Самокишъ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Императоръ—рыцарь.

бъявляю вамъ»,—писала Екатерина Великая Гримму 25 іюня 1796 года,—«что сегодня, въ три часа утра, мамаша родила огромнѣйшаго мальчика, котораго назвала Николаемъ. Голосъ у него—басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого рыцаря»[1]). Съ этихъ поръ престарѣлая императрица иначе не звала своего новорожденнаго внука, какъ «рыцарь Николай» (le chevalier Nicolas). «Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего», пишетъ она про него спустя недѣли двѣ послѣ его рожденія.

Этотъ рыцарь былъ третій сынъ наслѣдника престола, впослѣдствіи императора Павла Петровича. Онъ и его супруга великая княгиня Марія Ѳеодоровна были очень обрадованы

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 23 стр. 679.

рожденіемъ горячо желаннаго третьяго сына, котораго, съ согласія августѣйшихъ родителей, св. церковь нарекла Николаемъ, именемъ небывалымъ до этихъ поръ въ царствующемъ домѣ со времени Рюрика, но глубоко чтимымъ въ народѣ. Первые два сына наслѣдника русскаго престола, великіе князья Александръ Павловичъ (восемнадцати лѣтъ) и Константинъ Павловичъ (семнадцати лѣтъ), уже съ самой колыбели почти отторгнуты

Боровиковскій. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Павловичъ. Гатчинскій дворецъ.

были отъ родной семьи и воспитывались подъ непосредственнымъ и строгимъ наблюденіемъ своей царственной бабки,—вотъ, почему появленіе на свѣтъ великаго князя Николая отозвалось особой благоговѣйной радостью въ сердцахъ его родителей.

Императрица Екатерина II, которой доложили немедленно о рожденіи третьяго внука, прибыла въ покой великой княгини Маріи Ѳеодоровны и, взявши на руки младенца, очень крѣпкаго и здороваго, разсматривала его съ особымъ нескрываемымъ восторгомъ, а затѣмъ

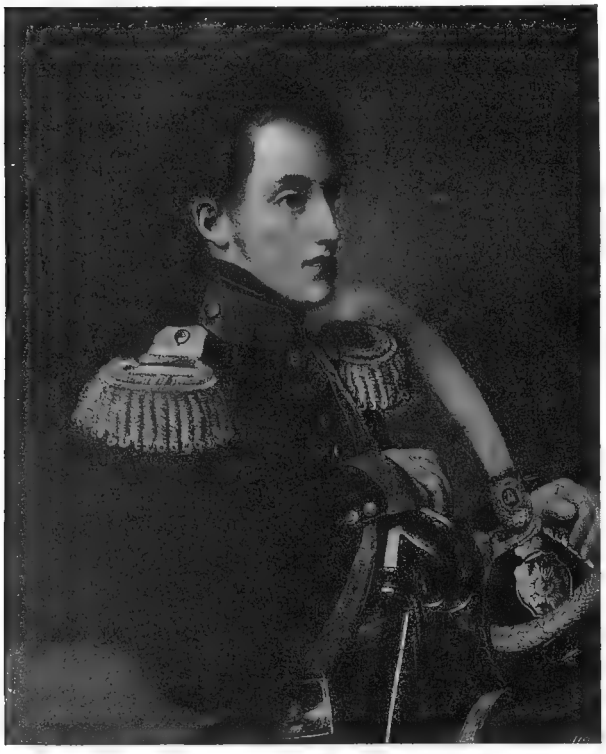
крѣпко поцѣловала и положила въ колыбель. Вечеромъ того же дня, Екатерина II написала одному изъ приближенныхъ слова, которымъ суждено было сдѣлаться пророческими: «Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него есть два старшихъ брата».

6 іюня 1796 года, съ обычной торжественностью духовникомъ императрицы о. Саввой Исаевымъ были совершены крещеніе и миропомазаніе новорожденнаго великаго князя Николая. По принятому при высочайшемъ дворѣ порядку, великому князю Николаю Павловичу сейчасъ же назначенъ былъ особый штатъ. Особое и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно благотворное вліяніе на характеръ и, вообще, на весь складъ натуры царственнаго дитяти, правившаго впослѣдствіи тридцать лѣтъ судьбами Россіи, имѣла нянюшка Евгенія Лайонъ, англичанка, дочь лѣпного мастера, вызваннаго въ наше отечество императрицею Екатериною II. Изъ докладной записки самой г-жи Лайонъ, поданной его величеству въ послѣдніе годы царствованія, съ очевидностью можно усмотрѣть, насколько мужественной и благородной натурой обладала эта англичанка, случайно попавшая въ Варшаву въ 1794 году въ самый разгаръ ужасовъ и жестокостей, которые чинили тогда возставшіе поляки надъ каждымъ русскимъ и, вообще, надъ всѣми, кто оставался вѣренъ своему долгу. Семнадцати—восемнадцатилѣтняя тогда г-жа Лайонъ провела въ Варшавѣ семь мѣсяцевъ въ заключеніи и мужественно перенесла его. Освободилъ русскихъ плѣнниковъ самъ Суворовъ, въ томъ числѣ и Евгенію Лайонъ, которая затѣмъ имѣла счастье быть представленной императрицѣ Екатеринѣ II и зачисленной въ штатъ высочайшаго двора. Естественно, что геройская, рыцарски-благородная, смѣлая и открытая натура «нянильвицы» (Lyon — каламбуръ самого императора Николая I) должна была имѣть и, дѣйствительно, имѣла большое вліяніе на воспитаніе и укрѣпленіе характера русскаго царственнаго орла-богатыря. Привязанность къ августѣйшему воспитаннику доходила въ ней до страсти, до фанатизма, сохранившихся въ этой удивительной женщинѣ до конца ея жизни. Съ своей стороны и Николай Павловичъ съ самаго ранняго дѣтства пламенно привязался къ нянѣ.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ Вел. Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Съ части картины Кюгельхена.

Менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ рожденія Николая Павловича скончалась его царственная бабка—императрица Екатерина II. 5 апрѣля 1797 года совершено было торжество коронаціи вступившаго на престолъ имератора Павла Петровича, а 7 ноября 1796 года, т.-е., почти за полгода до этого событія, Николай Павловичъ уже былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, первый баталіонъ котораго названъ его именемъ. Ко времени коронаціи Николай Павловичъ имѣлъ званіе полковника и получилъ присвоенное этому чину содержаніе за сентябрьскую треть (1105 рублей). Интересно отмѣтить, что обязанности представительства начались для великаго князя Николая Павловича чрезвычайно рано:

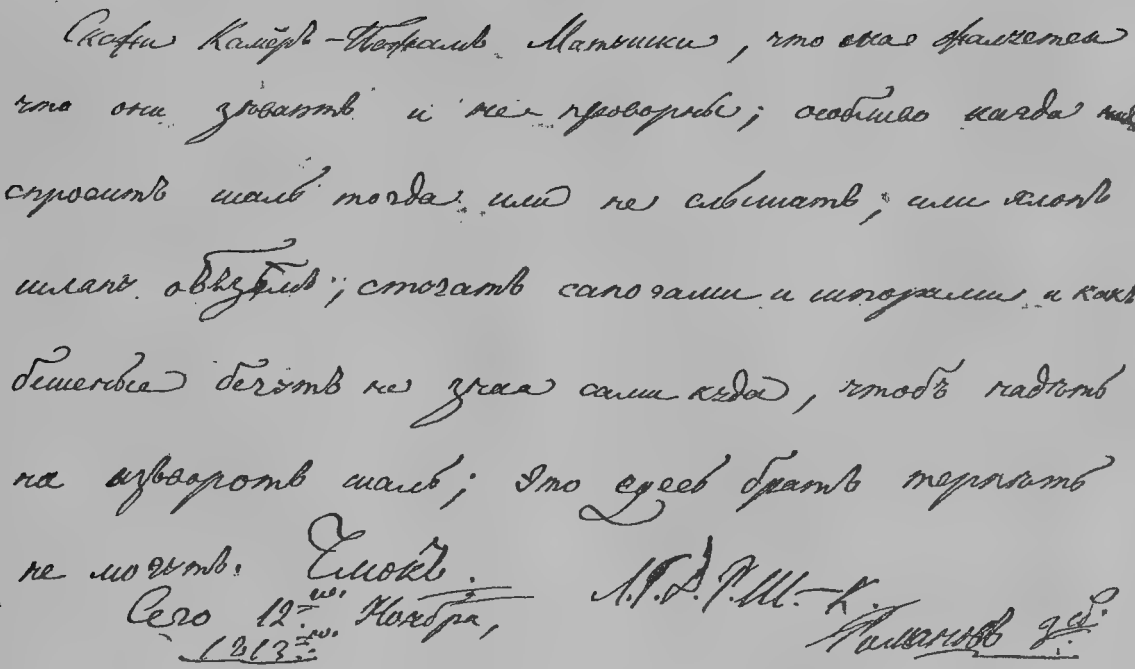
всего одного года и четырехъ мѣсяцевъ онъ присутствовалъ и даже танцовалъ на придворномъ балу въ Гатчинѣ, излюбленной резиденціи императора Павла I. На парадномъ выходѣ Николай Павловичъ впервые присутствовалъ также одного года и четырехъ мѣсяцевъ, именно во вторникъ 2-го февраля 1798 года въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю поднесенія поздравленій императору съ рожденіемъ младшаго его сына Михаила Павловича. 20 марта 1798 года посолъ Мальтійскій графъ Литта поднесъ императору Павлу для великаго князя Николая Павловича мальтійскій крестъ, который тутъ же съ соблюденіемъ особыхъ церемоній былъ отнесенъ въ его покои. Въ апрѣлѣ 1799 года великій князь выздоровѣлъ благополучно отъ привитой ему (тогда еще натуральной, а не коровьей) оспы, и, по выздоровленіи, въ первый разъ на него надѣли военный мундиръ. Несомнѣнно, вмѣстѣ съ мундиромъ на великаго князя, по предписанію императора-отца, возлагались тогда же и орденскіе знаки, такъ какъ въ апрѣлѣ 1800 года была куплена для Николая Павловича Андреевская звѣзда и нѣсколько аршинъ лентъ орденовъ св. Андрея и св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ сентябрѣ 1801 года великій князь въ первый разъ садился на лошадь,—ему за три мѣсяца передъ тѣмъ минуло пять лѣтъ Въ то же время для него были куплены первые карманные золотые часы.



Кипренскій. Великій Князь Николай Павловичъ. Гатчинскій дворецъ.

Слѣдующій за тѣмъ періодъ отрочества великаго князя Николая Павловича ознаменовался тѣмъ, что въ самомъ его началѣ женскій надзоръ за нимъ былъ замѣненъ надзоромъ мужскимъ: князь совершенно перешелъ изъ рукъ гувернантокъ и нянюшки Лайонъ въ руки гувернеровъ, которые носили по тогдашнему времени званіе «кавалеровъ». Съ 1802 года начинаютъ уже заниматься систематически воспитаніемъ и образованіемъ великаго князя Николая Павловича, при чемъ главный надзоръ въ этомъ отношеніи былъ порученъ еще при жизни императора Павла I генералу Ламздорфу.

Къ сожалѣнію, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, генералъ Ламздорфъ не въ достаточной мѣрѣ удовлетворялъ тѣмъ запросамъ, которые могли быть предъявлены къ нему, какъ къ руководителю ввѣренныхъ его попеченію младшихъ великихъ князей. Самъ Николай Павловичъ впослѣдствіи, уже будучи императоромъ, говорилъ одному изъ приближенныхъ графу Киселеву: «Дядька (генералъ Ламздорфъ), къ намъ приставленный, не умѣлъ ни руководить нами, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и наукамъ. Онъ вѣчно ворчалъ, подчасъ раздражался изъ-за пустяковъ, бранился»... Однако, для великаго князя Николая Павловича, обладавшаго превосходной памятью вообще, уроки другихъ наставниковъ не



Собственноручная записка Великаго Князя Николая Павловича къ фельдфебелю Л.-Гв. Дворянской Роты Л.-Гв. Егерскаго полка подпоручику А. П. Ушакову.

остались безплодными. Къ десяти годамъ онъ не только великолѣпно зналъ всѣ событія изъ военной исторіи Россіи, но и умѣлъ такъ объяснять ихъ, что оставалось только изумляться справедливости и глубокой вѣрности этихъ объясненій. При изученіи исторіи ярко обнаружилась симпатія Николая Павловича къ Наполеону, какъ къ великому полководцу, явившемуся спасителемъ отечества въ тяжелое для французовъ, смутное, революціонное время. Вотъ подлинныя слова великаго князя, сказанныя имъ однажды своему наставнику Дюпюже по этому поводу: «Король Людовикъ XVI не исполнилъ своей обязанности и былъ за это наказанъ. *Быть милосернымъ—не значитъ быть слабымъ. Государь не имѣетъ права прощать враговъ государства.* Людовикъ XVI видѣлъ передъ собой дѣйствительный заговоръ, прикрытый ложнымъ именемъ свободы. Онъ избавилъ бы свой народъ отъ множества бѣдствій, если бы не пощадилъ заговорщиковъ». Такъ строго и глубоко-разумно смотрѣлъ будущій императоръ Россіи въ отроческіе годы на призваніе править государствомъ и распоряжаться судьбой милліоновъ подвластныхъ людей.

Языками великій князь Николай Павловичъ также занимался прилежно и съ успѣхомъ; онъ говорилъ скоро и легко, съ одинаковою бѣглостью на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Конечно, если бы одинъ генералъ Ламздорфъ занимался воспитаніемъ великихъ князей, немногому бы они научились, но слѣдуетъ замѣтить, что приставленные къ великимъ князьямъ «кавалеры»: генералъ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ были несравненно образованнѣе и лучше своего начальника генерала Ламздорфа—они знали иностранные языки и науки такъ, что могли дѣйствительно преподавать многіе предметы съ явной пользой для своихъ высокихъ учениковъ. Нерѣдко у нихъ проглядывали мѣры кротости, желаніе подѣйствовать на моральную сторону воспитанниковъ, что обыкновенно и удавалось. Великій князь Николай Павловичъ, обладавшій уже и въ томъ нѣжномъ возрастѣ чуткимъ сердцемъ, чувствовалъ къ этимъ наставникамъ самую глубокую и искреннюю привязанность.

Конно-піонерный офицеръ.
Гравировано Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ.
Доска хранится въ Главномъ Инженерномъ управленіи.

Переходя къ обзору физическаго воспитанія великихъ князей, слѣдуетъ признать, что оно было поставлено удовлетворительно: съ раннихъ поръ оба брата стали заниматься всѣми гимнастическими упражненіями, верховой ѣздой, фехтованіемъ, танцами. Николай Павловичъ, между прочимъ, очень хорошо владѣлъ карандашомъ и часто набрасывалъ прекрас-

ные кроки, а иногда и рисовалъ такія акварельныя картины, отъ которыхъ не отказался бы и любой профессіональный художникъ. Особую склонность имѣлъ великій князь къ карикатурѣ. Великолѣпно рисовалъ онъ военныя сцены, солдатъ въ мундирахъ, лошадей. Склонный къ музыкѣ, Николай Павловичъ нерѣдко писалъ ноты, сочинялъ марши. Рано обнаружилась у великаго князя и любовь къ строительству. Впослѣдствіи великій князь Николай Павловичъ больше всего любилъ уроки по инженерной части, отличаясь особенной усидчивостью при возведеніи игрушечныхъ построекъ—крѣпостей, мостовъ и т. п. Впрочемъ, во вкусахъ ко всему военному въ значительной степени сходились оба брата (Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ), вмѣстѣ воспитывавшіеся. По утрамъ нерѣдко одинъ изъ нихъ шелъ будить другого, надѣвъ гренадерскую шапку, съ аллебардою на плечѣ, словомъ, въ полной формѣ для рапорта. Иногда, подражая часовымъ, великіе князья, несмотря на строгій надзоръ, ухитрялись ночью вскочить съ теплой постели и постоять гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ часокъ-другой съ аллебардой и ружьемъ у плеча на часахъ, подобно тому, какъ стояли передъ ихъ глазами ежедневно во дворцѣ многочисленные часовые. Военное призваніе обнаружилось въ Николаѣ Павловичѣ съ младенческихъ лѣтъ: онъ носилъ ружье, махалъ шпагой, съ особымъ удовольствіемъ билъ въ барабанъ, раньше чѣмъ научился твердо стоять на ногахъ, и съ наслажденіемъ вмѣшивался въ разговоры взрослыхъ о войнахъ, едва улавливая смыслъ незнакомыхъ словъ. Въ эти счастливыя для великаго князя минуты его большіе голубые глаза горѣли воинственной отвагой, лицо живо отражало воинственность впечатлительнаго мальчика, и не было для него лучшей награды, если его въ тотъ день привозили на парадъ войскъ. По мѣрѣ того, какъ великій князь входилъ въ лѣта, его наклонность къ военному искусству выражалась болѣе обдуманнымъ образомъ: онъ знакомился подробно со всѣми отраслями военнаго искусства, усердно занимался математическими науками—стратегіей и фортификаціей.

Лампи. Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Надо сказать, однако, что великіе князья, несмотря на постоянныя воинскія игры и воинственное настроеніе духа, все-таки въ значительной мѣрѣ были застѣнчивы. Отъ этого недостатка Николай Павловичъ скоро, впрочемъ, освободился и уже въ 1808 году (въ январѣ) принялъ испанскаго посланника «съ большой свободой и достоинствомъ», какъ говорятъ сохранившіеся письменные документы того времени. Впрочемъ, черта сознанія собственнаго достоинства, такъ рѣдко встрѣчающаяся среди людей, была свойственна вполнѣ

великому князю Николаю Павловичу: онъ всегда съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ быть сильнѣе и выше другихъ, властвовать и командовать, чему безспорно подчинялся его младшій братъ Михаилъ Павловичъ, превозносившій вездѣ и всюду достоинства брата Николая. Послѣдній не сносилъ ни малѣйшей обиды, насмѣшки, ни малѣйшаго неудовольствія, доставленнаго ему тѣмъ или инымъ лицомъ. Онъ какъ бы постоянно считалъ себя и выше, и значительнѣе всѣхъ окружающихъ. Очевидно, въ глубинѣ души великаго князя жило смутное сознаніе, предугадываніе той великой роли, которую впослѣдствіи пришлось ему играть въ жизни Россіи.

Императрица Марія Ѳеодоровна.
Грав. Райтъ 1825 г. Изъ собр. Д. Ровинскаго.

Занятія великаго князя науками шли очень успѣшно. Довольно упомянуть, что уже въ концѣ 1803 года Николай Павловичъ, самъ читая русскую исторію, сильно порицалъ постоянную вражду удѣльныхъ князей и приходилъ въ искренній восторгъ отъ Владиміра Мономаха, побившаго половцевъ и оставившаго всю добычу своимъ воинамъ. Образъ жизни великаго князя, когда онъ былъ ребенкомъ, отличался чрезвычайной простотой.

Великихъ князей рано стали возить въ театръ и на придворные маскарады; театръ Николай Павловичъ страстно любилъ и даже самъ иногда исполнялъ съ удовольствіемъ нѣкоторыя роли въ комедіяхъ, операхъ и балетахъ, которые ставились на половинѣ великой княжны Анны Павловны. Любимымъ мѣстопребываніемъ великаго князя были Петергофъ и Павловскъ. Съ молодыхъ лѣтъ обоихъ братьевъ пріучали не бояться дурной погоды. Императрица Марія Ѳеодоровна даже приказывала великимъ князьямъ оставаться въ саду во время дождя, пока не начинался настоящій ливень. Характерно, что обращеніе великаго князя Николая Павловича съ животными въ дѣтскомъ возрастѣ было примѣрно. Въ немъ не было и тѣни той жестокости, къ которой такъ склонны дѣти. Великій князь всегда опечаливался и горько сожалѣлъ, если случайно начинала хворать его комнатная собачка. Это обстоятельство лишній разъ подтверждаетъ доброту сердца царственнаго ребенка, оставшагося такимъ же добрымъ и по возложеніи на себя короны россійскаго самодержца.

Слѣдующій періодъ отрочества и юношества императора Николая I (съ 1809—1817 гг.) ознаменовался тѣмъ же явленіемъ, которымъ начался для него и періодъ дѣтства, т.-е., разлукой съ нѣсколькими дорогими лицами. Великаго князя Николая Павловича разлучили съ нѣсколькими самыми близкими товарищами дѣтскихъ забавъ и игръ. И съ этихъ поръ воспитаніе великихъ князей Михаила и Николая Павловича шло въ совершенномъ уединеніи. Мысль отдать ихъ въ Царскосельскій лицей, тогда только что основанный, была вскорѣ оставлена императоромъ Александромъ I. Въ 1808 году великій князь былъ произведенъ въ генеральскій чинъ и получилъ право носить первые свои эполеты—генеральскіе. Въ этомъ же году къ шести кавалерамъ, находившимся при великихъ князьяхъ, былъ при-

бавленъ еще одинъ—статскій совѣтникъ Саврасовъ. Съ наступленіемъ 1809 года начинаютъ думать о томъ, чтобы замѣнить прежній гимназическій курсъ наукъ чѣмъ-то вродѣ университетскаго; желаютъ дать великому князю, кромѣ прежнихъ учителей, еще нѣсколько профессоровъ, которые преподавали бы высшія науки. Николаю Павловичу въ это время буквально некогда было свободно вздохнуть хоть на одну минуту, такъ много было всякихъ занятій, строго расписанныхъ по часамъ, днямъ, недѣлямъ, со множествомъ подраздѣленій наукъ на различные отдѣлы. При полномъ составѣ учителей великій князь Николай Павловичъ и провелъ остальное время своего воспитанія до восемнадцати лѣтъ. Постоянныя учебныя занятія великаго князя Николая Павловича должны были окончиться, по мысли его августѣйшей родительницы императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ серединѣ 1813 года (май или іюнь), но она все старалась продлить срокъ занятій и удержать сына еще немного въ классныхъ комнатахъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, женщина-мать должна была уступить женщинѣ-императрицѣ. То время, ознаменовавшееся глубокими волненіями въ жизни всей Европы, едва не покоренной геніемъ Наполеона I, требовало, чтобы юноши, происходящіе изъ Россійскаго царскаго дома, непремѣнно ознакомились съ положеніемъ вещей за границей, съ жизнью сосѣднихъ народовъ.

Великому князю Николаю Павловичу было всего шестнадцать лѣтъ въ тѣ дни, когда Наполеонъ вторгся въ Россію со своими огромными полчищами «двадесяти языкъ». Съ мучительной сердечной болью, сознавая весь ужасъ, который суждено было претерпѣть горячо любимой Россіи, оба великіе князя Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ жаловались августѣйшей родительницѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на то, что остаются въ сторонѣ отъ воинскихъ подвиговъ, вынужденные быть только посторонними зрителями совершающагося передъ ихъ глазами жестокаго насилія надъ родной страной, на которую Наполеонъ хотѣлъ наложить свою желѣзную, непобѣдимую руку. Государь Александръ Павловичъ даже получилъ отъ своего младшаго брата Николая трогательное письмо: «Мнѣ стыдно,»—говорилъ въ этомъ благородномъ, полномъ горячей отваги письмѣ великій князь,—«видѣть себя безполезнымъ на землѣ существомъ, непригоднымъ даже для того, чтобы умереть смертію храбраго на полѣ битвы»[3]). Императоръ Александръ отчески любилъ Николая Павловича и, призвавъ его, сказалъ дословно слѣдующее: «Покамѣстъ займись исполненіемъ другихъ обязанностей, доверши свое воспитаніе, сдѣлай себя достойнымъ того мѣста, которое ты займешь со временемъ. Это будетъ такая служба нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола». Великій князь молча удалился, погруженный въ глубокую думу о слышанныхъ словахъ, и съ этихъ поръ всѣ замѣтили большую перемѣну въ его характерѣ, сдѣлавшемся много тверже и серьезнѣе. Однажды, на вопросъ младшаго брата Михаила Павловича, пораженнаго этой быстрой перемѣной и утратой Николаемъ Павловичемъ значительной доли веселости, великій князь, будущій вершитель судебъ Россіи, отвѣчалъ съ грустной улыбкой: «Мишель! у тебя не достало бы духу шутить, если бы ты зналъ, какія мысли занимаютъ меня. Я думаю о томъ, что непріятель въ Москвѣ, а я сижу здѣсь, въ Петербургѣ». Наконецъ, императоръ, уже во время заграничнаго похода противъ Наполеона, разрѣшилъ обоимъ великимъ князьямъ прибыть въ дѣйствующую армію. Императрица съ грустью отпустила двухъ младшихъ сыновей за границу. При этомъ она собственноручно написала имъ большое письмо, въ которомъ прощалась съ ними на порогѣ дѣтской комнаты, гдѣ не покидала ихъ столько лѣтъ неусыпная материнская забота. Этимъ письмомъ императрица напутствовала царственныхъ питомцевъ на новое поприще жизни, но, конечно, никакого активнаго участія великіе князья въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимали. Однако, на воспріимчивую душу Николая

[3]) Шильдеръ. Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе. Т. I.

Павловича эта изумительная въ исторіи міра кампанія произвела огромное впечатлѣніе. Великіе князья не участвовали также и въ торжествѣ вступленія своего побѣдоноснаго брата въ покоренную столицу Франціи—Парижъ. Они прибыли въ него только тогда, когда императоръ Александръ окончательно убѣдился въ полнѣйшей безопасности этого города отъ внутреннихъ враговъ и отъ внѣшняго нападенія. Здѣсь великіе князья, во главѣ со своимъ вѣнценоснымъ братомъ, осматривали подробно всѣ учрежденія того времени, посвященныя наукамъ, искусствамъ, промышленности и общественному благотворенію. Николая Павловича особенно интересовали военныя учрежденія, политехническая школа, домъ инвалидовъ, казармы, госпитали. Въ одномъ изъ послѣднихъ великій князь заинтересовался солдатомъ-инвалидомъ, опиравшимся на два костыля, съ лицомъ, изборожденнымъ рубцами отъ сабельныхъ ударовъ. «Въ какомъ сраженіи вы ранены?» спросилъ его Николай Павловичъ. «При переправѣ черезъ Березину», хмуро отвѣчалъ несчастный инвалидъ,—«это казаки меня такъ отпотчевали. И подѣломъ: зачѣмъ мы ходили въ вашу Россію? Вотъ страна! Отстояла сама себя. Ни у кого не просила помощи. Войти-то въ нее, пожалуй, и можно, а выйти — выйдешь такъ, какъ вышелъ я,—на инвалидное содержаніе». Изъ Парижа въ томъ же году великіе князья пріѣхали въ Брюссель въ сопровожденіи принца Оранскаго, который самъ пожелалъ лично ввести ихъ во владѣніе своего отца. Чтобы продлить свое пребываніе при берлинскомъ дворѣ, великій князь Николай Павловичъ рѣшился изучить подробно службу прусской пѣхоты во всѣхъ подробностяхъ и съ этой цѣлью даже вступилъ въ 1-ю роту 1-го гвардейскаго полка, которой командовалъ капитанъ Мейендорфъ. По возвращеніи въ Петербургъ, великіе князья, однако, вскорѣ должны были отправиться снова за границу. Путешествіе по Германіи совершалось довольно медленно, такъ какъ великіе князья постоянно уклонялись отъ своего маршрута для обозрѣнія тѣхъ полей и битвъ, на которыхъ русскія войска дрались съ арміями Наполеона. Николай Павловичъ такъ хорошо, съ такимъ знаніемъ и увлеченіемъ объяснялъ своему брату стратегическія движенія войскъ и тактику генераловъ, начальствовавшихъ ими въ достопамятные дни, что не одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а даже самъ наставникъ генералъ Ламздорфъ и вся остальная свита искренно увлекались этими толкованіями ихъ царственнаго ученика на мѣстѣ никогда невиданныхъ имъ сраженій. Однажды на дорогѣ встрѣтились два деревянныхъ простыхъ креста, и великій князь Николай Павловичъ, набожно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, грустно воскликнулъ: «Вотъ здѣсь похоронены десять тысячъ героевъ, павшихъ за честь нашего знамени. Война — страшная необходимость. Въ эту минуту я болѣе, чѣмъ когда-либо чувствую, какою славою покрылъ себя нашъ августѣйшій благодѣтель, да-

Императоръ Николай I въ мундирѣ польскихъ войскъ. Съ мин., рис. графинею Софіею Замойскою. Собственность фл.-ад. князя В. Н. Орловскаго.

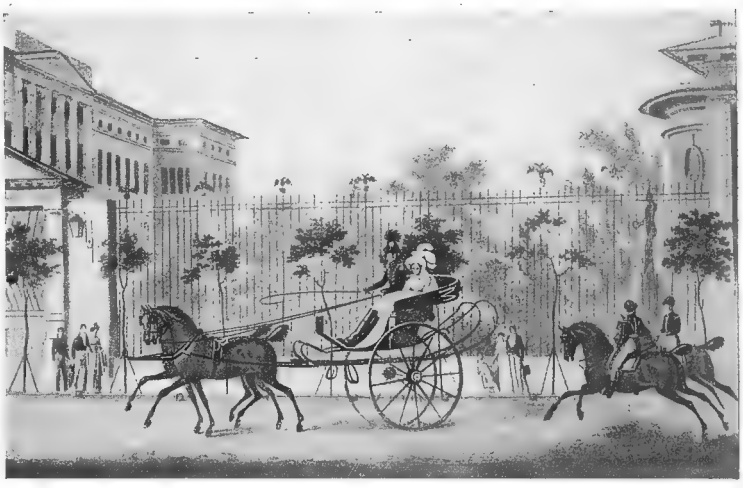
ровавшій миръ Европѣ». Закончилось второе путешествіе великихъ князей 1-го января 1816 года.

Императоръ Александръ, считая, вѣроятно, Николая Павловича уже достаточно зрѣлымъ, несмотря на то, что его царственный братъ еще не достигъ совершеннолѣтія, объявилъ ему, что вскорѣ намѣренъ открыть великому князю путь къ дѣйствительному участію въ дѣлахъ правительственныхъ. На первый разъ, по ходатайству Абосскаго университета, государь наименовалъ великаго князя канцлеромъ этого университета. 11-го января того же года Николай Павловичъ былъ назначенъ шефомъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, а въ день бракосочетанія великой княжны Анны Павловны (9-го февраля), государь объявилъ великому князю, что весной дастъ ему порученіе на Донъ и въ Новороссійскій край. Дѣйствительно, великій князь Николай Павловичъ получилъ особенныя для предначертаннаго путешествія инструкціи и 10-го мая выѣхалъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова (Павла Васильевича) изъ С.-Петербурга въ Одессу, чрезъ Великія Луки, Смоленскъ и Кіевъ. Согласно желанію, выраженному императрицей, великій князь во все время путешествія велъ журналъ, въ двухъ отдѣлахъ: первый отдѣлъ подъ названіемъ: «Общій журналъ по гражданской и промышленной части» и второй—«Журналъ по военной части». Журналъ по гражданской части не имѣлъ особаго значенія и состоялъ изъ мимолетныхъ краткихъ описаній отдѣльныхъ городовъ и краткихъ же обзоровъ встрѣчавшихся по дорогѣ губерній, при чемъ каждая разсматривалась въ общемъ ея составѣ. Въ общемъ все же, эти замѣтки, нося на себѣ слѣды наблюдательнаго, глубокаго ума и чрезвычайной любознательности, вездѣ обнаруживали весьма доброе сердце и желаніе исправить встрѣчавшіеся недостатки въ управленіи губерніями, пополнить дефекты благотворительности, чему въ то время наши западныя губерніи представляли широкое поприще. Въ другомъ журналѣ великаго князя Николая Павловича, по части военной, почти всѣ замѣчанія относятся къ одной внѣшности военной службы и касаются выправки, маршировки, одежды войскъ и т. п. Изъ Одессы великій князь отправился 10-го іюля въ Крымъ, а затѣмъ въ теченіе трехъ недѣль осматривалъ степи Новороссійскаго края и 1-го августа прибылъ въ Новочеркасскъ. Въ этомъ городѣ населеніе такъ торжественно и радушно встрѣтило царскаго брата, что впослѣдствіи императоръ Николай Павловичъ чрезвычайно любилъ вспоминать о своемъ путешествіи на Донъ, къ донскимъ казакамъ. Во второй половинѣ августа Николай Павловичъ прибылъ съ юга въ Москву, гдѣ и отдалъ отчетъ обо всемъ видѣнномъ императору Александру, который пріѣхалъ сюда раньше, желая удостовѣриться въ возрожденіи первопрестольной столицы послѣ тяжкихъ бѣдствій 1812 года. Вскорѣ великій князь Николай Павловичъ получилъ предписаніе совершить еще путешествіе по Европѣ до наступленія его предполагавшагося бракосочетанія, т.-е., до совершеннолѣтія, при чемъ маршрутомъ было намѣчено пробыть мѣ-

Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

Рѣдкая берлинская литографія Штейна, по рис. проф. Крюгера. Изъ собранія Г. С. Габаева.

сяцъ въ Берлинѣ и не менѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ для довершенія политическаго воспитанія. Въ Англіи произошелъ интересный случай: великій князь встрѣтился съ писателемъ Вальтеръ-Скоттомъ, который въ поднесенномъ стихотвореніи обѣщалъ Николаю Павловичу въ будущемъ царскій вѣнецъ. На это великій князь скромно замѣтилъ: «Поэты, къ счастью, не оракулы—мнѣ, стало быть, нечего огорчаться пророчествомъ, которое, благодареніе Богу, не исполнится никогда». Однако, на этотъ разъ Николай Павловичъ ошибся: судьба именно готовила его для занятія Россійскаго престола.



Великій Князь Николай Павловичъ и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна у Аничкина дворца.
Съ литографіи въ краскахъ. Изъ собранія Ѳ. Козлянинова.

Вскорѣ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія сдѣлалось извѣстнымъ о помолвкѣ великаго князя Николая Павловича со старшею дочерью прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го Луизой-Шарлоттой: быстро закончены были всѣ приготовленія къ бракосочетанію, и 9 іюня 1817 года принцесса Шарлотта прибыла въ Мемель, въ сопровожденіи своего второго брата принца Вильгельма прусскаго. Для ея встрѣчи на русской границѣ были расположены части нашей гвардіи, прусскія же войска расположились напротивъ, не переходя границы. Карета принцессы остановилась сзади прусскихъ войскъ. Она вышла изъ нея, поддерживаемая подъ руку братомъ, войска отдали честь, и будущая великая княгиня, а затѣмъ русская императрица подошла къ предѣлу двухъ государствъ. Здѣсь встрѣтилъ ее великій князь Николай Павловичъ и подвелъ къ нашимъ войскамъ, привѣтствовавшимъ августѣйшую гостью громкими кликами. Самъ императоръ Александръ и императрица Марія Ѳеодоровна выѣхали встрѣчать принцессу за 15 верстъ отъ Петербурга. Вскорѣ послѣ миропомазанія и принятія въ нѣдра православной церкви невѣсты великаго князя съ именемъ Александры, совершенъ былъ (1-го іюля 1816 года) и обрядъ бракосочетанія съ особой пышной торжественностью. Въ этотъ день во время придворнаго бала государь императоръ, подойдя къ Николаю Павловичу, сообщилъ ему, что назначилъ его шефомъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона и генералъ-инспекторомъ по инженерной части. «Я еще слишкомъ молодъ и неопытенъ», сказалъ великій князь послѣ горячихъ словъ благодарности, «чтобы исполнить такъ, какъ я бы пожелалъ, важныя обязанности, возлагаемыя на меня вашимъ величествомъ. Но живѣйшимъ желаніемъ быть достойнымъ вашихъ милостей постараюсь замѣнить недостаточность моихъ познаній». На поздравленіе великаго князя Михаила Павловича, своего младшаго брата, новый генералъ-инспекторъ инженерной части въ Россіи также выразилъ сожалѣніе о недостаточности своихъ спеціальныхъ познаній, хотя всякому было ясно, что эти познанія были у великаго князя очень обширны, и что такъ говорить заставляла его обычная скромность.

Императоръ Александръ подарилъ новобрачнымъ Аничковскій дворецъ, возобновленный и передѣланный послѣ долгихъ лѣтъ забвенія. Здѣсь и водворились юные высокіе супруги въ самый день брака, послѣ бала въ Зимнемъ дворцѣ. Встрѣчали на новосельѣ высоконовобрачныхъ императоръ и императрица Елизавета Алексѣевна. Здѣсь произошелъ случай, рисующій лишній разъ доброту сердца великаго князя Николая Павловича въ яркихъ и правдивыхъ краскахъ. Простившись съ ихъ величествами и проводивъ ихъ до парадной лѣстницы, великій князь замѣтилъ своего бывшаго воспитателя генерала Ламздорфа, который скромно держался поодаль въ одной изъ послѣднихъ комнатъ. Причиной желанія генерала Ламздорфа не быть замѣченнымъ являлось то обстоятельство, что во время долгаго и тревожнаго дня онъ неоднократно пытался приблизиться съ поздравленіемъ къ великому князю, своему бывшему воспитаннику, но послѣднему рѣшительно не было времени обратить вниманіе на него; и вотъ, замѣтивши генерала Ламздорфа и желая, чтобы старый воспитатель не подумалъ, что на него гнѣваются, великій князь Николай Павловичъ сказалъ въ полголоса государю: «Когда ваше величество уже не нуждались въ услугахъ Лагарпа (воспитатель великихъ князей), онъ былъ награжденъ достойнымъ образомъ; поручаю вашему благорасположенію генерала Ламздорфа». На другой же день генералъ Ламздорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство и получилъ богатое помѣстье въ Курляндіи.

Вскорѣ послѣ женитьбы великій князь Николай Павловичъ, намѣтившій уже планъ своихъ дальнѣйшихъ занятій и скромнаго образа жизни, совершенно неожиданно долженъ былъ узнать, что располагать собой ему не предоставлено, ибо императоръ, несомнѣнно, имѣетъ на него свои особые виды. Въ этомъ году императоръ Александръ Павловичъ собирался въ долговременную поѣздку по Россіи и за границу, и такъ какъ его отсутствіе могло продолжиться 16—18 мѣсяцевъ, то онъ объявилъ великому князю Николаю Павловичу, что возлагаетъ на него обязанность во всемъ, гдѣ должна быть проявлена императорская власть, содѣйствовать императрицѣ-матери. «Тебѣ нужно пріучаться къ ремеслу императора. Кто знаетъ, что можетъ случиться», загадочно добавилъ государь.

Затѣмъ, уѣзжая изъ Петербурга 13-го августа, государь пригласилъ великаго князя Николая Павловича и его супругу въ Москву къ половинѣ октября. Въ отсутствіе императора, безспорно, на великаго князя всѣ смотрѣли, какъ на представителя верховной власти. Если Николай Павловичъ и не завѣдывалъ въ полной мѣрѣ государственными дѣлами, то, во всякомъ случаѣ, онъ строго слѣдилъ за ихъ движеніемъ, а также постоянно присутствовалъ на аудіенціяхъ иностранныхъ посланниковъ, являвшихся къ обѣимъ императрицамъ. Сдѣлалось извѣстнымъ въ эти же дни, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна беременна,—извѣстіе это такъ обрадовало вдовствующую императрицу, что она, не дождавшись офиціальнаго срока, увѣдомила о томъ императора, который отвѣтилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вотъ, наконецъ, благословенный небомъ бракъ. Питаю надежду, что императорскій домъ будетъ имѣть наслѣдниковъ. Пусть великая княгиня знаетъ, что ей предназначено не допустить угаснуть дому Романовыхъ. Великое и знаменательное предназначеніе. Если бы она порадовала насъ сыномъ, то я бы желалъ, чтобы младенецъ родился въ стѣнахъ Москвы, въ городѣ царей, въ древней столицѣ нашей святой Россіи». Къ октябрю собрались въ Москвѣ всѣ члены императорской фамиліи. Одинъ изъ придворныхъ, князь Петръ Борисовичъ Козловскій, вносившій въ свой дневникъ собственно для себя замѣчательнѣйшіе случаи пребыванія въ то время въ Москвѣ императорской фамиліи, набросалъ, между прочимъ, такой правдивый портретъ великаго князя Николая Павловича. «Природа надѣлила великаго князя однимъ изъ лучшихъ даровъ, какіе она можетъ дать тѣмъ, которыхъ судьба поставила высоко: у него благородная наружность. Обыкновенное выраженіе его лица имѣетъ нѣчто строгое, но его улыбка—есть улыбка снисходительности, а не улыбка, являющаяся результатомъ веселаго настроенія духа или увлеченія. Привычка господствовать

надъ этими чувствами сроднилась съ его существомъ до того, что вы не замѣтите никакой принужденности, ничего неумѣстнаго, ничего заученнаго, а, между тѣмъ, всѣ его слова, какъ и всѣ его движенія, размѣрены, словно передъ нимъ лежатъ музыкальныя ноты. Въ

Императоръ Николай I, Императрица Александра Ѳеодоровна и Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Съ литографіи начала прошлаго вѣка.

великомъ князѣ есть что-то необычайное: все, что онъ говоритъ, умно. Ни одной пошлой шутки, ни одного забавнаго или непристойнаго слова. Ни въ тонѣ его голоса, ни въ составѣ его рѣчи нѣтъ ничего, что обличало бы его гордость или скрытность. Но вы чувствуете, что его сердце закрыто, и что безумно было бы надѣяться проникнуть въ глубь его мысли» [4]). Дальше князь Козловскій невольно предсказалъ будущность Николая Павловича: «Если великій князь вступитъ когда-нибудь на престолъ, то ему будутъ служить съ восторгомъ, будутъ повиноваться ему охотно, какъ государю, на котораго всегда можно взирать съ гордостью, и къ которому, по справедливости, можно примѣнить два знаменитые стиха:

«En quelque obscurité, que le ciel l'eut fait naître
Le monde, en ce voyant, eût reconnu bon mâitre...»

(Въ какой бы неизвѣстности онъ ни родился, міръ, взглянувъ на него, призналъ бы въ немъ своего властелина.) Заканчивалъ свое описаніе князь Козловскій такими словами: «Притомъ великій князь подъ печатію величавости, которою надѣлила его природа, таитъ высокій умъ, усиливающій впечатлѣніе, производимое его истинно-царственной наружностью».

17 апрѣля 1818 года великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшилась въ Москвѣ отъ бремени сыномъ Александромъ. «Императоръ будетъ доволенъ мною», сказала она своему

[4]) Дневникъ кн. П. Б. Козловскаго.

супругу, съ гордостью показывавшему ей новорожденнаго младенца, здороваго и сильнаго,—«я исполнила желаніе его величества».

Вскорѣ великому князю Николаю Павловичу пришлось, хотя и неофиціально, взять на себя управленіе дѣлами всей Россіи. Произошло это такъ: 29-го мая 1818 года императоръ Александръ возвратился изъ поѣздки своей по южной Россіи въ первопрестольную столицу Москву, а 3-го іюня сюда прибылъ высокій гость король прусскій со старшимъ сыномъ своимъ, наслѣднымъ принцемъ. Иностранные высокіе гости провели въ Москвѣ десять дней, а затѣмъ выѣхали обратно въ Берлинъ. За ними вскорѣ отбылъ и государь Александръ Павловичъ; обѣ императрицы также уѣхали въ заграничное путешествіе. Великій князь Михаилъ Павловичъ уже давно находился въ Германіи. Такимъ образомъ, изъ всей императорской фамиліи въ Петербургѣ оставался только великій князь Николай Павловичъ и, несмотря на неофиціальность его положенія, и военныя, и гражданскія власти какъ бы невольно признавали въ немъ представителя отсутствующаго императора. Даже народъ ясно понималъ это представительство. Однако, никакіе честолюбивые планы не занимали въ тѣ дни великаго князя Николая Павловича: онъ просто ограничился точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей генералъ-инспектора по инженерной части и бригаднаго начальника, при чемъ считалъ своей главной и почетной обязанностью — быть возможно дѣятельнымъ и ревностнымъ по службѣ. Его не смущали дальнія и трудныя поѣздки: онъ хотѣлъ все видѣть и во всемъ стремился убѣдиться собственными глазами.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ рѣдкой литографіи по рисунку фл.-ад. Килл. Собраніе Г. С. Габаева.

Все свободное отъ занятій время великій князь посвящалъ развлеченіямъ простого частнаго человѣка: рисовалъ, занимался музыкой, литературой, разсматривалъ и приводилъ въ порядокъ свои богатыя коллекціи эстамповъ, карикатуръ, географическихъ картъ, посѣщалъ свой очень обширный арсеналъ, нерѣдко ѣздилъ на прогулку съ великой княгиней. Ничто, повидимому, не угрожало нарушить мирный и счастливый образъ жизни великаго князя Николая Павловича. Конечно, отъ великаго князя Николая Павловича не могло укрыться теченіе дѣлъ и жизнь русскаго народа въ широкомъ смыслѣ этого слова: великій князь, напримѣръ, убѣдился уже тогда, что соціальное положеніе Россіи не соотвѣтствуетъ такому же положенію другихъ странъ, и что, въ особенности, судьба крѣпостныхъ крестьянъ требуетъ быстрой и рѣшительной реформы; вотъ, подлинныя слова великаго князя, сказанныя имъ по этому поводу: «Дай Богъ, чтобы мой августѣйшій благодѣтель царствовалъ долго, и чтобы онъ успѣлъ предпринять реформу, передъ которой отступила даже императрица Екатерина».

Въ 1818—1819 году въ душевномъ настроеніи императора Александра совершился переворотъ, а послѣ внезапной кончины своей любимой сестры Екатерины Павловны онъ говорилъ, что смерть, можетъ быть, и его избавитъ скоро отъ бремени царскаго вѣнца. Между тѣмъ, права преемника еще не были опредѣлены: по этому предмету государь имѣлъ нѣсколько тайныхъ совѣщаній съ цесаревичемъ Константиномъ. Несомнѣнно, результатомъ ихъ было то, что въ 1819 году императоръ Александръ въ первый разъ ясно и опредѣленно сказалъ великому князю Николаю Павловичу о будущности, его

ожидающей. Это было лѣтомъ въ Красномъ селѣ, послѣ смотра 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи. «Не могу не похвалить тебя»,—сказалъ императоръ Александръ брату Николаю,—«за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей по командованію бригадой и не думаю, чтобы въ цѣлой арміи нашелся начальникъ болѣе тебя точный, болѣе бдительный, болѣе самоотверженный». Послѣ линейнаго ученья императоръ обѣдалъ у великой княгини Александры Ѳеодоровны. За этимъ обѣдомъ государь сталъ говорить о томъ, какъ ему отрадно

Цесаревичъ Константинъ со свитою въ Бельведерѣ.
Съ картины фл.-ад. Киля въ Бельведерскомъ дворцѣ.

быть свидѣтелемъ семейнаго счастія супруговъ. Потомъ Александръ высказалъ огорченіе, что самъ не имѣлъ дѣтей, отеръ крупную слезу, навернувшуюся на глаза, и, взявъ за руку великаго князя Николая Павловича, отъ души поздравилъ его съ такимъ раннимъ и счастливымъ вступленіемъ въ семейную жизнь. «Слава Богу», добавилъ императоръ, «благодаря вамъ Россія не останется безъ императора». Великій князь Николай Павловичъ и княгиня обмѣнялись тревожными взорами. Тогда государь разъяснилъ свою мысль: онъ сказалъ, что считаетъ себя чрезвычайно ослабѣвшимъ отъ огромныхъ царственныхъ трудовъ, возложенныхъ судьбой на его плечи, признаетъ невозможнымъ для себя выполнить обязанности императора такъ, какъ понимаетъ ихъ, и потому твердо рѣшился отказаться отъ престола

лишь только убѣдится въ этой необходимости. «Не разъ я говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ,»—продолжалъ императоръ,—«мы съ нимъ почти однихъ лѣтъ и оба бездѣтны. Константинъ рѣшительно не хочетъ наслѣдовать мнѣ, тѣмъ болѣе, что въ тебѣ, любезный Николай, мы видимъ явное знаменіе Божіей благодати, даровавшей тебѣ сына. Итакъ, ты долженъ знать заранѣе, что предназначенъ вступить на престолъ». Слова государя были громовымъ ударомъ для великаго князя Николая Павловича и для великой княгини, никогда не ожидавшихъ такого важнаго сообщенія изъ устъ самого Александра Павловича. Отъ слезъ и отъ тревоги они не могли отвѣчать, такъ что императоръ, видя ихъ смущеніе, поспѣшилъ добавить: «событіе, которое такъ страшитъ васъ, еще не совершилось. Быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, но я хотѣлъ, чтобы вы знали уже теперь, что ждетъ васъ непремѣнно». Всѣ возраженія великаго князя Николая Павловича оказались напрасными. Каково было настроеніе великаго князя послѣ отбытія государя, видно изъ его собственноручной записки, гдѣ онъ говоритъ, что остался подъ впечатлѣніемъ чувства, похожаго на то, которое испыталъ бы человѣкъ, идущій по ровной дорогѣ, усѣянной цвѣтами, окруженной прекрасными видами, и вдругъ встрѣтившій подъ ногами страшную пропасть, такъ что нельзя было ни отступить, ни воротиться. Съ своей стороны, императоръ Александръ Павловичъ, рѣшившись твердо осуществить свое желаніе—отречься отъ престола, вслѣдствіе утомленія и тягостныхъ, непосильныхъ заботъ по управленію, посѣтилъ вскорѣ въ Варшавѣ своего брата Константина, который такъ отвѣтилъ на заявленіе государя: «Безъ сомнѣнія, мои права соединены съ обязанностью не отказываться отъ бремени власти, если бы я былъ призванъ царствовать надъ великимъ русскимъ народомъ, но я убѣжденъ въ глубинѣ души, что, отрекаясь отъ своихъ правъ, исполняю только долгъ русскаго, такъ какъ передачею моихъ правъ брату Николаю буду имѣть счастіе содѣйствовать въ будущемъ утвержденію спокойствія въ Россіи». Вскорѣ затѣмъ, именно 20 марта 1820 года, послѣдовало расторженіе перваго брака цесаревича Константина, и въ тотъ же день состоялся манифестъ, которымъ было постановлено, что лицо императорской фималіи, вступившее въ бракъ съ особой, не имѣющей соотвѣтственнаго достоинства, т.-е., происходящей не изъ царственнаго или владѣтельнаго дома, не можетъ сообщать женѣ и дѣтямъ правъ, принадлежащихъ членамъ императорскаго дома. Въ маѣ того же года состоялось бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ Іоанною Грудзинскою. Положеніе постепенно выяснялось. Великій князь Николай долженъ былъ о многомъ догадываться, хотя ему все еще ничего не было сказано опредѣленно. Между тѣмъ, даже младшій братъ великій князь Михаилъ былъ освѣдомленъ о планахъ императора Александра и наслѣдника цесаревича.

Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Въ 1821 году самъ цесаревичъ Константинъ, въ ожиданіи посѣщенія проѣзжавшаго мимо Варшавы великаго князя Николая Павловича, открылъ младшему своему брату Михаилу, находившемуся также въ это время въ Варшавѣ, свои сокровенныя мысли. «Ты знаешь мою всегдашнюю къ тебѣ довѣренность», сказалъ цесаревичъ, обращаясь къ вели-

Съ акварели Виндберга. *Изъ собранія Ѳ. Г. Козлянинова.*

Императоръ Николай I и его свита.

Оригиналъ написанъ Крюгеромъ и находится въ портретномъ залѣ Александровскаго дворца, въ Царскомъ Селѣ.

Съ современной литографіи.

Изъ собранія Г. С. Габаева.

Коронованіе Императора Николая I.

кому князю Михаилу, «представлю тебѣ новое къ тому доказательство, сдѣлавъ участникомъ тайны великой, которая лежитъ у меня на душѣ. Не дай Богъ пережить намъ нашего брата Александра. Кончина его была бы величайшимъ несчастіемъ для Россіи, но если бы это несчастіе случилось, то знай, что я далъ торжественный и святой обѣтъ отказаться отъ моихъ правъ на престолъ. Къ этому меня побудили двѣ причины: во-первыхъ, мое благоговѣйное почтеніе, моя искренняя любовь къ брату Александру не допускаютъ во мнѣ даже мысли, чтобы я могъ когда-нибудь царствовать послѣ него. Во-вторыхъ, жена моя не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и при томъ она полька, слѣдовательно, русская нація не можетъ питать ко мнѣ той безусловной довѣренности, которою долженъ пользоваться монархъ отъ своихъ подданныхъ. Вотъ, почему я твердо рѣшился передать всѣ мои права брату Николаю, и ничто въ мірѣ не поколеблетъ моего намѣренія, принятаго послѣ долгаго, зрѣлаго размышленія». Затѣмъ, уже въ половинѣ января 1822 года, цесаревичъ Константинъ опять имѣлъ разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ, въ которомъ высказалъ чрезвычайно знаменательныя слова, устранявшія на будущее время даже тѣнь сомнѣнія въ искренности желанія наслѣдника престола передать его своему брату Николаю Павловичу... «Государь и матушка одобрили мою непоколебимую рѣшимость отречься отъ престола»,—сказалъ цесаревичъ Михаилу:—«они поняли и оцѣнили мой образъ мыслей въ интересахъ Россіи и императорской фамиліи. Его величество обѣщалъ мнѣ составить особый актъ о назначеніи наслѣдникомъ престола брата нашего Николая и положить этотъ документъ для храненія на престолѣ московскаго Успенскаго собора. Но актъ будетъ хранимъ въ глубокой тайнѣ, и его обнародуютъ только тогда, когда придетъ для него нужная пора».

Однако, императоръ Александръ медлилъ почему-то утвердить законнымъ актомъ отказъ цесаревича Константина отъ престола. Но все же, спустя полтора года, а именно 23 августа 1823 года (такъ помѣченъ манифестъ), былъ составленъ этотъ государственный актъ чрезвычайной для Россіи важности. Въ манифестѣ говорилось о добровольномъ отреченіи цесаревича отъ наслѣдованія престола и о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. Но и теперь будущій наслѣдникъ престола не зналъ объ этомъ государственномъ актѣ. Съ неподдѣльнымъ страхомъ говорилъ тогда Николай Павловичъ о тяжкомъ и страшномъ бремени царскаго вѣнца. Однажды Александръ, грустно взглянувши на брата, сказалъ ему съ упрекомъ:

Четыре орудія легкой № 1 батареи 1-ой артиллерійской бригады, по приказанію Императора, открывъ огонь картечью, разсѣяли мятежную толпу.

«Николай, не въ нашей волѣ распоряжаться на землѣ своей судьбою. Какова бы она ни была, надо покоряться и не возставать противъ воли Провидѣнія».—«Ваше величество! Вы сами подаете намъ въ томъ примѣръ, котораго мы никогда не забудемъ», сказалъ великій князь, пораженный тяжелымъ предчувствіемъ. Оно не обмануло его. Передъ послѣдней своей поѣздкой на югъ Россіи, государь выразилъ непремѣнное желаніе, чтобы въ его отсутствіе великій князь Николай Павловичъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ. 30-го августа императоръ имѣлъ послѣднее свиданіе передъ отъѣздомъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и

Тимм. Императоръ Николай Павловичъ 14 декабря 1825 г. объѣзжаетъ ряды Л.-Гв. Коннаго полка.
Офиц. Собраніе Л.-Гв. Коннаго полка.

сказалъ ему, два раза горячо съ нимъ обнявшись: «Богъ да благословитъ тебя! Изъ Таганрога я буду тебѣ писать, въ случаѣ же какого-либо важнаго событія—дѣйствуй согласно съ приказаніями моими и матушки».

Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ и, согласно его волѣ и волѣ цесаревича и великаго князя Константина Павловича, взошелъ на прародительскій престолъ Николай Павловичъ, императоръ и самодержецъ Всероссійскій. Неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ поставило государя въ высшей степени трудное и даже опасное положеніе. Онъ получилъ подробныя извѣстія, доселѣ ему невѣдомыя о широкомъ и продолжительномъ существованіи въ войскахъ тайныхъ революціонныхъ обществъ и объ ихъ замыслахъ ниспровергнуть существующій государственный строй и истребить царскую фамилію. Онъ предвидѣлъ, что отказъ Константина Павловича прибыть въ Петер-

бургъ можетъ быть причиной несчастій, среди которыхъ онъ самъ можетъ пасть первой жертвой [4]).

Онъ писалъ такъ князю П. М. Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надо мною совершаются. 14 числа я буду государь или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ,—описать нельзя. Вы, вѣрно, надо мною сжалитесь; да—мы всѣ несчастные, но нѣтъ несчастливѣе меня. Да будетъ воля Божія...»

Николай I собственноручно написалъ матеріалы для составленія манифеста о своемъ восшествіи на престолъ. 14-го декабря манифестъ этотъ былъ обнародованъ, и состоялась присяга новому государю. Она, несмотря на отсутствіе цесаревича Константина, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ народѣ прошла благополучно, и большинство войскъ гвардіи присягнуло императору Николаю I. Только меньшая часть гвардіи, вслѣдствіе агитаціи заговорщиковъ, отказалась отъ нея, потому что принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ заговорщики убѣждали солдатъ, что Константинъ Павловичъ будто бы и не думалъ отрекаться отъ престола, и что онъ находится въ заключеніи. Обманутые солдаты были выведены заговорщиками на Сенатскую площадь, чтобы путемъ мятежа совершить государственный переворотъ. Когда государь узналъ объ этомъ и понялъ, что это результатъ заговора, онъ мужественно сталъ на высотѣ своего положенія. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ рѣшающемъ моментѣ: «Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать? и, перекрестясь, отдался въ руки Божіи и рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала».

Созвавъ на Адмиралтейскую площадь войска, принесшія присягу, государь еще думалъ мирными средствами образумить, по крайней мѣрѣ, обманутыхъ. Изъ мятежной толпы уже послышались выстрѣлы и крики: «да здравствуетъ Константинъ, да здравствуетъ конституція!» Подъ конституціей, какъ оказалось, солдаты разумѣли супругу Константина Павловича. Доблестный Милорадовичъ, котораго пули пощадили въ пятидесяти двухъ сраженіяхъ, сталъ уговаривать мятежниковъ, но былъ смертельно раненъ штыкомъ въ спину и выстрѣломъ въ грудь. Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, неся крестъ на головѣ, подошелъ къ мятежникамъ, чтобы также уговаривать ихъ. Но заговорщики воспрепятствовали этому, угрожая стрѣлять, если онъ не удалится. Приближался къ нимъ съ тою же цѣлью и великій князь Михаилъ Павловичъ, только что возвратившійся изъ Варшавы съ порученіями отъ цесаревича Константина, но и въ него стали цѣлиться. Спокойно и мужественно распоряжаясь на площади, государь увидалъ здѣсь иностранныхъ дипломатовъ и, въ виду опасности, просилъ ихъ удалиться, прибавивъ: «Это дѣло домашнее, въ которое Европѣ нѣтъ причинъ вмѣшиваться».

Императоръ Николай въ своихъ запискахъ такъ вспоминалъ о рѣшительномъ моментѣ въ наступавшій уже вечеръ: «Шумъ и крикъ дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные выстрѣлы многихъ ранили въ конной гвардіи и перелетали черезъ войско. Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности окружить толпу и принудить ее къ сдачѣ безъ сопротивленія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ; пули просвистали мнѣ черезъ голову, но, къ счастью, никого не ранили; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ; иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска, стали бы въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился атаковать кавалеріей. Конная гвардія первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могла произвести, и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности, не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли на своей сторонѣ всю выгоду и многихъ тяжело ранили. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха».

---

[4]) См. Баронъ М. А. Корфъ. Восшествіе на престолъ Императора Николая I.

«Тогда»,—пишетъ императоръ Николай I,—«генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Нельзя терять ни минуты; теперь ничего нельзя сдѣлать; необходимо стрѣлять картечью». Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ объялъ. «Вы хотите, чтобы я въ первый день моего царствованія проливалъ кровь моихъ подданныхъ», отвѣчалъ я Васильчикову. «Для спасенія вашей имперіи», сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрное *все*, или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ.Ославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобы усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью; орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приготовленій и сдадутся. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе; я послалъ генералъ-майора Сухозанета объявить имъ, что, ежели сейчасъ не положатъ оружія, велю стрѣлять; «ура» и прежнія восклицанія были отвѣтомъ,—и вслѣдъ за этимъ залпъ. Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ «пли». Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны изъ орудія у Семеновскаго полка, ударили въ самую средину толпы, и все разсѣялось...»

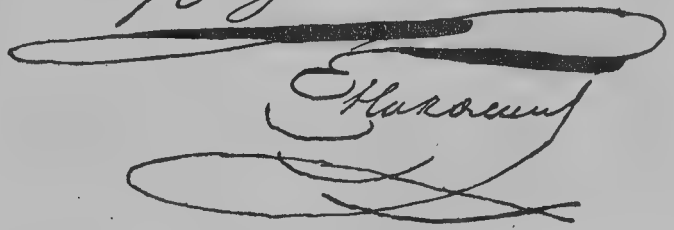
Шарлемань. Нанесеніе смертельной раны графу Милорадовичу 14 декабря 1825 года.
(Собственность графа Т. А. Милорадовича).

Участь дня была рѣшена, и мятежъ прекращенъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ мятежа въ Петербургѣ, заговорщики сдѣлали попытку произвести возстаніе и въ южной арміи, хотя Пестель и другіе руководители тайнаго южнаго общества уже были арестованы. Сергѣю Муравьеву-Апостолу удалось поднять часть Черниговскаго полка, и онъ со взбунтовавшимися двинулся къ Кіеву. Но на дорогѣ ихъ встрѣтилъ отрядъ

По случаю кончины С. Петербургского
военного Генерала-Губернатора Графа
Милорадовича, исполнять должность ей
впредь до повелений Генерала-Адъютанту
Голенищеву-Кутузову.

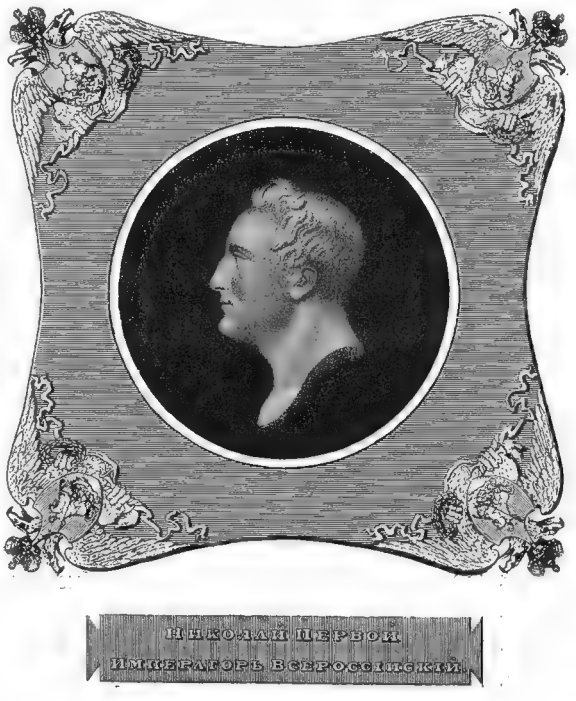
Николай



Собственноручная записка Императора Николая I.

гусаръ съ артиллеріей. Мятежники сдались, а раненый Муравьевъ былъ отвезенъ въ Петербургъ.

Начавшееся такою бурей новое царствованіе не озлобило молодого государя. Тотчасъ по усмиреніи мятежа онъ сказалъ: «Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, то, съ другой стороны, видѣлъ много преданности и самоотверженія, которыя для меня останутся навсегда памятными». Нужны огромное самообладаніе и высота духа, чтобы въ тотъ же страшный день государь могъ писать брату своему Константину слѣдующія слова: «Воля ваша исполнена,—я императоръ, но какою цѣною, Боже мой! Цѣною крови моихъ подданныхъ. Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ—всѣ тяжело ранены! Но наряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ, утѣшительныхъ для меня и для васъ. Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и Лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданные и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія».



На другой день, 15-го декабря, продолжая то же письмо, Николай Павловичъ говоритъ: «Судя по допросамъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣнія, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина».

Для разбора дѣла была назначена верховная слѣдственная комиссія, которая привлекла къ суду 121 человѣка изъ числа участвовавшихъ въ заговорѣ. Большинство изъ нихъ сознались и подробно изложили ходъ происшедшаго. Обширное слѣдственное дѣло было передано Верховному Уголовному Суду, составленному изъ членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ и высшихъ сановниковъ. Этотъ судъ приговорилъ 36, наиболѣе виновныхъ въ бунтѣ, къ смертной казни. Но государь смягчилъ приговоръ. Только пятеро осужденныхъ были казнены: Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ и Каховскій. Это были главные и дѣятельные руководители тайныхъ обществъ и самаго мятежа и даже подготовители цареубійства. Менѣе значившіе и менѣе дѣятельные соучастники ихъ замысловъ были сосланы въ Сибирь, или въ каторжныя работы на разные сроки, или только на поселеніе. Даже такіе заговорщики, какъ князь Сергѣй Трубецкой и капитанъ Якубовичъ, были освобождены отъ смертной казни[5]).

Чтобы не преувеличить вліянія на послѣдующій характеръ царствованія императора

[5]) См. Баронъ М. А. Корфъ. Историческое описаніе 14-го декабря 1825 года и предшедшія тому событія.

Николая I печальныхъ декабрьскихъ событій, необходимо ближе и объективнѣе, чѣмъ было прежде, анализировать впечатлѣнія самого государя и наиболѣе зоркихъ его современниковъ. Особую важность въ этомъ отношеніи имѣетъ его бесѣда съ французскимъ посломъ графомъ Ляферронэ, имѣвшая мѣсто послѣ пріема дипломатическаго корпуса, 20 декабря 1825 года. Вотъ выдающіяся мѣста этой бесѣды. «Вы видѣли»,—сказалъ Николай I,—«что произошло. Душа моя глубоко опечалена, но не удручена; въ особенности она не должна казаться такою *націи, повелѣвать которою составляетъ мою гордость*. Сквозь тучи, затемнившія на мгновеніе небосклонъ, я имѣлъ утѣшеніе получить тысячу выраженій высокой преданности и распознать любовь къ отечеству, отомщающую за стыдъ и позоръ, которые *горсть злодѣевъ пыталась взвесть на русскій народъ*. Вотъ, почему воспоминаніе объ этомъ презрѣнномъ заговорѣ не только *не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго недовѣрія, но еще усиливаетъ мою довѣрчивость и отсутствіе опасеній*. Прямодушіе и довѣріе вѣрнѣе обезоруживаетъ ненависть, чѣмъ *недовѣріе и подозрительность, составляющія принадлежность слабости*»...

Императоръ Николай I.
Съ карандашныхъ рисунковъ Лядюрнера. Изъ коллекціи Ѳ. Г. Козлянинова.

«Я могу признаться въ тяжести бремени, возложеннаго на меня Провидѣніемъ. Въ двадцать девять лѣтъ позволительно въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, страшиться задачи, которая, казалось, никогда не должна была выпасть мнѣ на долю, и къ которой, слѣдовательно, я не готовился. Я никогда не молилъ Бога ни о чемъ такъ усердно, какъ о томъ, чтобы Онъ не подвергалъ меня этому испытанію. Его воля рѣшила иначе: я постараюсь стать на высотѣ долга, который Онъ на меня возлагаетъ. Я начинаю царствованіе подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями. Я сумѣю ихъ исполнить. Проявлю милосердіе, много милосердія, нѣкоторые даже скажутъ, слишкомъ много; но съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ имъ кару, и не для нихъ я воспользуюсь принадлежащимъ мнѣ правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ: я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ».

Государь былъ глубоко взволнованъ. Французскій посолъ замѣтилъ, что Европа, узнавъ о событіи, содрогнется при мысли объ опасности, которой подвергалъ себя императоръ, но въ то же время испытаетъ глубокое восхищеніе, убѣдившись, что тотъ, кто призванъ возсѣсть въ сонмѣ ея монарховъ, съ перваго же дня показалъ себя достойнымъ престола и твердой рукою защитилъ и утвердилъ свой вѣнецъ. «О, что до этого касается,»—прервалъ его государь съ выраженіемъ благородной гордости во взглядѣ и въ голосѣ,—«ручаюсь, что̀ далъ мнѣ Богъ, ни одинъ человѣкъ у меня не отниметъ». Пылкая и задушевная рѣчь государя произвела на французскаго дипломата весьма сильное впечатлѣніе. Послѣ нея онъ сказалъ одному изъ русскихъ: «Ну, у васъ есть властелинъ. Какая рѣчь, какое благородство, какое величіе! И гдѣ онъ до сихъ поръ скрывалъ все это?» Импера-

торъ Николай, какъ выразился графъ Ляферронэ, явился «образованнымъ Петромъ Великимъ» [6]).

Мощь непреклонной желѣзной воли—вотъ что отличало императора Николая I отъ его царственнаго брата Александра I, что почувствовали всѣ въ первый же день его царствованія и что ощущалось до самой его кончины.

Чужестранные послы немедленно по вступленіи на престолъ Николая Павловича ходатайствовали о разрѣшеніи принести поздравленіе его величеству, но государь попросилъ ихъ обождать нѣсколько дней, въ виду нездоровья императрицы. Въ эти же дни, когда въ Европѣ стала извѣстна кончина Александра Павловича, полагали, что это обстоятельство должно играть огромную роль въ судьбахъ всей европейской политики. Однако, въ Европѣ еще никому изъ государей и ихъ дипломатовъ не было извѣстно, что цесаревичъ Константинъ передалъ свои права на престолъ младшему брату. Даже прусскому королю не было извѣстно въ точности, что покойный государь окончательно назначилъ его зятя наслѣдникомъ престола до той минуты, пока самъ *государь Николай Павловичъ* не увѣдомилъ объ этомъ своего тестя въ первые же дни своего царствованія. Извѣстивъ иностранныя державы о своемъ восшествіи на престолъ, императоръ Николай Павловичъ счелъ нужнымъ объяснить имъ и основныя начала той политики, которой намѣренъ былъ держаться. Дана была аудіенція посланникамъ и полномочнымъ министрамъ. Его величество принялъ иноземныхъ представителей, принесшихъ ему свои поздравленія, съ милостивой любезностью и произнесъ замѣчательную по точности и ясности рѣчь, излагавшую причины печальной необходимости, въ которую онъ былъ поставленъ, и которая вынудила его прибѣгнуть къ силѣ оружія для подавленія мятежа, грозившаго повергнуть имперію въ величайшія бѣдствія. Далѣе, императоромъ было выражено искреннее желаніе *продолжать дружественныя связи* съ иностранными государствами и содѣйствовать всѣми способами упроченію спокойствія и благоденствія Европы. Аудіенція произвела благопріятное и очень сильное впечатлѣніе. На другой день всѣмъ представителямъ иностранныхъ державъ при дворѣ была вручена нота, написанная самимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Императоръ Николай I.
Съ карандашныхъ рисунковъ Лядюрнера.
Изъ коллекціи Θ. Г. Козлянинова.

Въ тѣ дни, занимаясь дѣлами внѣшней политики, новый государь не могъ не замѣтить, что они не имѣютъ для Россіи первенствующаго значенія. Дѣла внутреннія должны были поглотить все вниманіе государя, и, дѣйствительно, онъ отнесся къ нимъ съ особой тщательностью и вниманіемъ.

---

[6]) Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе.

1 января 1826 года былъ обнародованъ высочайшій манифестъ, свидѣтельствовавшій о непремѣнномъ желаніи молодого государя Николая Павловича начать свое царствованіе милосердіемъ, насколько оно могло быть совмѣстно со строгими требованіями государственныхъ законовъ и съ тѣми основными началами правосудія, на которыхъ зиждутся престолы и отъ которыхъ равно зависитъ благоденствіе царствъ. Съ другой стороны, награды производства и назначенія въ новый годъ доказали еще разъ, что государь не забываетъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ. Вѣдь самъ молодой монархъ любилъ повторять слова: «неблагодарность въ государѣ есть или признаніе въ безсиліи, или отреченіе отъ справедливости!» Начиная со второй недѣли своего царствованія, императоръ Николай Павловичъ сталъ появляться въ публикѣ, хотя въ то же время его занятія усложнялись и увеличивались съ каждымъ часомъ. Обыкновенно государя сопровождалъ дежурный генералъ или флигель-адъютантъ, но зачастую Николай Павловичъ выходилъ безъ всякой свиты и свободно совершалъ свои прогулки среди почтительно разступавшихся передъ нимъ встрѣчныхъ прохожихъ. Случалось нерѣдко, что во время такихъ прогулокъ къ императору обращались съ ходатайствами по личнымъ дѣламъ, съ различными жалобами на дѣйствія властей, и всегда такія просьбы государь принималъ и приказывалъ производить строжайшія разслѣдованія по нимъ или оказывалъ немедленно же самолично помощь до окончанія этихъ разслѣдованій.

Императоръ Николай Павловичъ.
Изъ собранія Θ. Г. Козлянинова.

Нынѣ уже доказано неопровержимыми фактами, что императоръ Николай Павловичъ думалъ начать свое царствованіе освобожденіемъ крестьянъ и отмѣною крѣпостного состоянія. Онъ не только говорилъ объ этомъ многимъ изъ своихъ министровъ, какъ о вопросѣ рѣшенномъ, но даже заготовилъ проектъ указа объ освобожденіи крѣпостныхъ всей имперіи, исполняя тѣмъ, какъ указывалось въ этомъ актѣ, великодушныя предначертанія своихъ предшественниковъ и въ особенности императора Александра I. Николай Павловичъ былъ, какъ его вѣнценосный братъ, горячимъ противникомъ крѣпостного права. По вступленіи на престолъ онъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ, но послѣ бесѣды со Сперанскимъ призналъ нужнымъ обсудить вопросъ во всѣхъ подробностяхъ и до времени, по необходимости, отложилъ его окончательное рѣшеніе. Нельзя даже вообразить себѣ того количества поистинѣ необъятныхъ

Императоръ Николай и Великій Князь Михаилъ Павловичъ на смотру воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній.
Силуэтъ вырѣзной. Оригиналъ принадлежитъ Г. С. Габаеву.

трудовъ, которыми буквально днемъ и ночью занятъ былъ государь Николай Павловичъ. Собственнымъ опытомъ хотѣлъ онъ узнать недостатки и несовершенства правительственной системы и исправить ихъ подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ. Сколько разъ Николай Павловичъ огорчался, негодовалъ, приходилъ въ ужасъ отъ современныхъ явленій, попадавшихся ему на глаза. Казнокрадство, лихоимство, явное забвеніе и попраніе закона, злоупотребленіе властію всякаго рода, подлоги поражали молодого, энергичнаго и добраго сердцемъ императора настолько, что онъ даже, въ концѣ концовъ, объявилъ своимъ министрамъ и главнокомандующимъ, чтобъ они представляли на его утвержденіе «подъ своею личною отвѣтственностью» только такія дѣла, о которыхъ были собраны самыя строгія и точныя данныя. Государь прибавилъ, что «долгъ воспрещаетъ ему относиться слегка даже къ маловажному наружно вопросу», что, «возлагая на себя корону, онъ далъ обѣтъ посвятить всѣ минуты своей жизни пользамъ государства и истинному благу своихъ подданныхъ». Многіе изъ министровъ были устрашены возложенной на нихъ лично императоромъ тяжкой отвѣтственностью и предпочитали даже просить объ увольненіи. Отсюда и распространились слухи, что произойдетъ перемѣна въ составѣ министерствъ. Однако, это было не такъ. Императоръ не только не помышлялъ о перемѣнѣ въ министерствахъ, но даже искренно желалъ удержать при себѣ всѣхъ старыхъ работниковъ на нивѣ государственной. Николай Павловичъ говорилъ министрамъ откровенно, что ремеслу императора, какъ и другимъ ремесламъ, необходимо учиться болѣе или менѣе продолжительное время, что ему остается узнать еще многое для надлежащаго ознакомленія со своими обязанностями, и потому онъ просилъ у нихъ ближайшей помощи въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Послѣ этого разговора между императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его ближайшими сотрудниками водворились такой миръ и согласіе, какъ-будто онъ самъ выбиралъ ихъ на высокіе посты, а въ обществѣ перестали называть имена новыхъ кандидатовъ. Ежедневно государь работалъ по 2—3 часа съ министрами вмѣстѣ, а кромѣ того, имѣлъ частныя совѣщанія съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Это былъ трудъ громадный и сопряженный съ множествомъ серьезнѣйшихъ препятствій. Но молодой государь не поколебался ни секунды приступить къ нему въ первые же мѣсяцы своего царствованія съ обычной энергіей и изумительной работоспособностью. Императрица Марія Ѳеодоровна, видя Николая Павловича работающимъ до изнуренія, неоднократно говорила: «Поберегите себя, государь. Вамъ предстоитъ продолжительное царствованіе, а вы хотите предпринять все разомъ, какъ-будто намѣрены занимать престолъ короткое время. Ваше величество говорите о необходимости сбереженій денежныхъ, подумайте прежде всего о сбереженіи своихъ силъ, своего здоровья, своего рвенія къ труду. Монархъ не въ правѣ не дорожить своей жизнью подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей!» Засѣданія совѣта министровъ оканчивались часто позднимъ вечеромъ. Супруга государя нерѣдко упрекала Николая

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

Павловича въ чрезвычайныхъ трудахъ и, случалось, входя на засѣданіе, слишкомъ затянувшееся, говорила совѣщавшимся: «Господа, соблаговолите дать немного отдыха моему мужу и пожалуйте пить съ нами чай».

Въѣздъ Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Москву. Съ литографіи того времени.

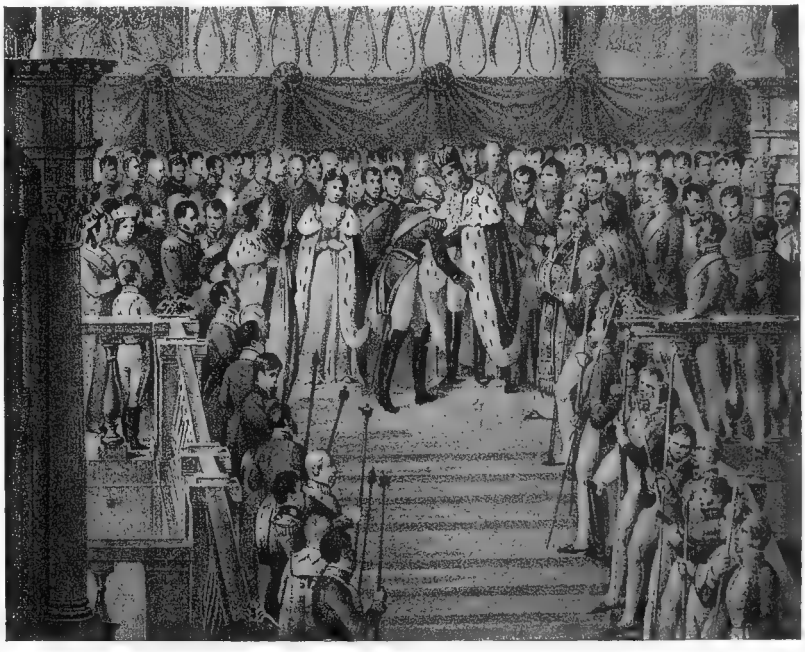
Получивши завѣренія иностранныхъ государствъ въ сохраненіи мира, императоръ Николай Павловичъ тѣмъ свободнѣе и настойчивѣе могъ заняться предположенными внутренними реформами, которыя прежде всего, по его мнѣнію, должны были коснуться устраненія недостатковъ въ законодательствѣ, медленности судопроизводства, продажности бюрократіи, казнокрадства и непомѣрнаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Императоръ подавалъ примѣръ бережливости и въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. Строгимъ контролемъ всѣхъ отраслей отчетности онъ сократилъ слишкомъ на одну треть сумму, назначенную на содержаніе императорскаго двора, и затѣмъ примѣнилъ такой же контроль и къ другимъ частямъ государственнаго бюджета. Сбереженіе, которое было достигнуто этими мѣрами, равнялось 67.500.000 рублямъ. Самое серьезное вниманіе обращалъ Николай Павловичъ на слишкомъ медленное судопроизводство. Потребовавъ при началѣ царствованія свѣдѣнія по этому предмету, государь прямо таки ужаснулся: въ различныхъ судахъ находилось въ производствѣ «*два милліона восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ* дѣлъ и содержалось подъ стражей *сто двадцать семь тысячъ* человѣкъ». Министру юстиціи было предписано поэтому немедленно принять всѣ мѣры къ скорѣйшему и правильнѣйшему ходу дѣлъ, а на гражданскихъ губернаторовъ возложена была обязанность наблюдать за всѣми судебными мѣстами въ губерніяхъ. Губернскимъ прокурорамъ предписано *не допускать медленности, опущеній и всякаго рода* злоупотребленій. Министерство юстиціи, кромѣ всего этого, обязывалось ежемѣсячно представлять государю извлеченіе изъ прокурорскихъ донесеній. Къ концу 1826 года, благодаря упомянутымъ благодѣтельнымъ энергическимъ мѣрамъ, въ тюрьмахъ уже оставалось только 4.900 арестантовъ, и за исключеніемъ небольшого количества сложныхъ дѣлъ, всѣ остальныя были закончены судопроизводствомъ. Правильному ходу судопроизводства препятствовало въ то время, главнымъ образомъ,—отсутствіе порядка въ законодательствѣ. Систематическаго собранія законовъ не было. Правда, существовала особая комиссія, якобы составлявшая сводъ законовъ, но конца ея занятіямъ никто и не предвидѣлъ. Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ двинуть сразу и энергично впередъ это неотложное государственное дѣло. Подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ онъ поручилъ труды по собиранію и кодификаціи законовъ россійскихъ второму отдѣленію собственной его величества канцеляріи, управленіе которымъ было поручено знаменитому Сперанскому. Предполагалось въ два года закончить эти работы, но трудъ оказался гораздо болѣе обширнымъ и значительнымъ, нежели думали вначалѣ. Матеріаловъ было множество, но они требовали строгаго

Извѣстіе изъ Крыма въ 1854 году.
Кабинетъ Императора Николая I
въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

выбора, освѣженія и согласованія съ коренной постройкой всего громоздкаго зданія русскаго законодательства. Одна настойчивость при проведеніи реформъ не могла привести въ нѣско лько мѣсяцевъ къ окончательнымъ результатамъ: необходимо нужно было ждать результатовъ отъ времени и опыта. Невозможно было, напримѣръ, разомъ уничтожить обширное поле ябеды, лихоимства во всѣхъ отрасляхъ центральной и мѣстной администраціи. Государь говаривалъ очень часто: «Я не хочу имѣть воровъ между чиновниками». И одни эти слова, переданныя кому слѣдуетъ или услышанныя собственными ушами причастныхъ къ той или другой винѣ, производили магическое дѣйствіе. Нерѣдко государь являлся неожиданно въ присутственныя мѣста, входилъ въ малѣйшія детали судопроизводства, разспрашивалъ начальствующихъ лицъ и давалъ имъ ясно понять, что знаетъ всѣ административныя неурядицы. Сдѣлать то же самое въ провинціи, конечно, государь не могъ самолично, но почти во всѣ крупные центры и города были посланы изъ С.-Петербурга довѣренныя лица, для изслѣдованія дѣйствій гражданскихъ и военныхъ администраторовъ.

Императоръ, понявши, что съ такимъ огромнымъ, глубоко пустившимъ корни зломъ не подъ силу бороться одному человѣку, рѣшилъ учредить особую постоянную комиссію, поручивъ ей выработать мѣры къ искорененію указанныхъ непорядковъ въ дѣлахъ. Въ іюнѣ 1826 года эта комиссія приступила къ своимъ занятіямъ.

При самомъ началѣ царствованія Николай Павловичъ уже произвелъ огромное впечатлѣніе на Европу и твердостью своего изумительнаго характера, и намѣченными къ осуществленію широкими внутренними и внѣшними планами. Его слова и дѣйствія имѣли постоянно громкій отголосокъ внѣ предѣловъ Россіи: европейскіе кабинеты пришли къ единодушному сознанію, что преемникъ императора Александра—человѣкъ, дѣйствительно, отмѣченный перстомъ Божіимъ и черпающій свои силы именно изъ увѣренности, что онъ находится на томъ мѣстѣ, на которомъ ему и надлежитъ быть въ этомъ мірѣ. Этимъ объясняется та предупредительность, съ которою иностранные монархи поспѣшили заявить Николаю Павловичу свои чувства симпатіи и глубокаго уваженія. Всѣ первостепенные европейскіе дворы уже готовились назначить чрезвычайныхъ пословъ въ качествѣ своихъ представителей при священномъ обрядѣ коронованія. 21 апрѣля 1826 года обнародованъ былъ манифестъ о назначеніи коронованія въ іюнѣ мѣсяцѣ.



Великій князь Константинъ Павловичъ поздравляетъ Императора Николая I съ коронованіемъ на царство.

Изъ дѣлъ внѣшней политики того же періода царствованія Николая Павловича слѣдуетъ упомянуть объ отношеніи государя къ «Блистательной» Портѣ. Твердый и рѣшительный характеръ новаго императора обнаружился въ рѣшительной и грозной нотѣ, врученной турецкому правительству, при чемъ всякому было ясно, что за ультиматумомъ русскаго царя стоитъ готовое русское грозное войско. Конечно, Порта поспѣшила исполнить всѣ требованія Россіи. Самъ императоръ Николай I такъ выразился о внѣшней политикѣ: «для меня довольно существующихъ трактатовъ, лишь бы они хорошо были понимаемы и вѣрно исполняемы. Я, вообще, *не думаю дѣлать шага впередъ, но и назадъ не сдѣлаю никогда ни одного шага*».

Депутаты отъ города Варны подносятъ ключи города Императору Николаю I 29 сентября 1828 года.

Очень характерный эпизодъ, обрисовавшій прекрасныя отношенія, существовавшія между великимъ княземъ Константиномъ, отказавшимся отъ престола, и его царственнымъ братомъ, произошелъ во время коронаціи; въ праздникъ Успенія Божіей Матери императорская фамилія прибыла въ кремлевскій дворецъ; народъ собрался въ Кремлѣ еще до разсвѣта, а также выставлены были войска для развода. Государь Николай Павловичъ вышелъ, имѣя по правую руку цесаревича Константина, а по лѣвую великаго князя Михаила; восторгъ охватилъ войска и густыя толпы народа, и вотъ, по знаку, данному императоромъ,—войска крикнули «ура, Константинъ!» Такая встрѣча сильно смутила цесаревича, но онъ оправился отъ волненія и тотчасъ же самъ громко воскликнулъ: «Да здравствуетъ императоръ Николай». Это восклицаніе было единодушно подхвачено многими тысячами грудей и не смолкло до тѣхъ поръ, пока самъ государь не возвысилъ голосъ, чтобы принять командованіе парадомъ. Добавимъ, что цесаревичъ Константинъ всегда являлся рядомъ съ государемъ на всѣхъ разводахъ и смотрахъ, а также присутствовалъ на большихъ двухстороннихъ маневрахъ. Изъ милостей, оказанныхъ по случаю коронаціи, слѣдуетъ отмѣтить манифестъ отъ 22 августа 1826 года (день коронаціи императора Николая I), смягчившій участь государственныхъ

Медаль въ память войны 1828 года. Аллегорія на взятіе турецкихъ крѣпостей.

преступниковъ 14 декабря, и освободившій вообще всѣхъ, состоявшихъ подъ судомъ, за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Даровано было полное прощеніе военнымъ дезертирамъ, сложены различные казенные долги съ населенія и пр. 16-го сентября, въ день обѣда, даннаго народу на Дѣвичьемъ полѣ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ былъ подписанъ манифестъ о войнѣ съ Персіей въ виду оскорбленій, нанесенныхъ этой страной достоинству Россіи, а уже 1-го октября государь получилъ извѣ-

Съ акварели Зичи. Императоръ Николай I на маневрахъ 1837 г.
Собств. Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго.

стіе, что Персія наказана по заслугамъ: графъ Паскевичъ разбилъ на голову армію Абасса-мирзы подъ Елизаветполемъ. Въ Петербургѣ чрезъ три недѣли были доставлены персидскія знамена, которыя возили по улицамъ при звукахъ трубъ, въ сопровожденіи двухъ взводовъ кавалергардскаго полка [7]).

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе императора Николая Павловича къ литературѣ, наукамъ и искусствамъ? Извѣстно, что, еще будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ великолѣпно рисовалъ: сдѣлавшись государемъ, онъ, конечно, не имѣлъ времени заниматься художественными развлеченіями, но сохранилъ горячую любовь къ

[7]) См. Князь Щербатовъ. Генералъ-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ. С.-Петербургъ, 1888.

этому искусству и даже пожелалъ выписать въ Петербургъ Ораса Верне, знаменитаго живописца того времени. Верне, занятый множествомъ работъ, самъ не могъ прибыть, а прислалъ своего ученика Лядюрнера, отличавшагося особыми способностями къ моментальной зарисовкѣ различныхъ, особенно батальныхъ—групповыхъ сценъ. Просмотрѣвъ работы Лядюрнера, императоръ остался очень ими доволенъ, и положеніе художника при русскомъ дворѣ было сразу упрочено; съ тѣхъ поръ онъ всегда находился позади императора на смотрахъ, маневрахъ, празднествахъ, охотахъ и всегда готовъ былъ по данному знаку набросать эскизъ, который потомъ превращался въ великолѣпную картину. Императоръ благоволилъ также и къ поэтамъ,—онъ умѣлъ цѣнить истинныя дарованія, возвратилъ изъ ссылки Пушкина и, радуясь,—что нашъ великій поэтъ не былъ замѣшанъ въ заговорѣ 14 декабря, пожелалъ

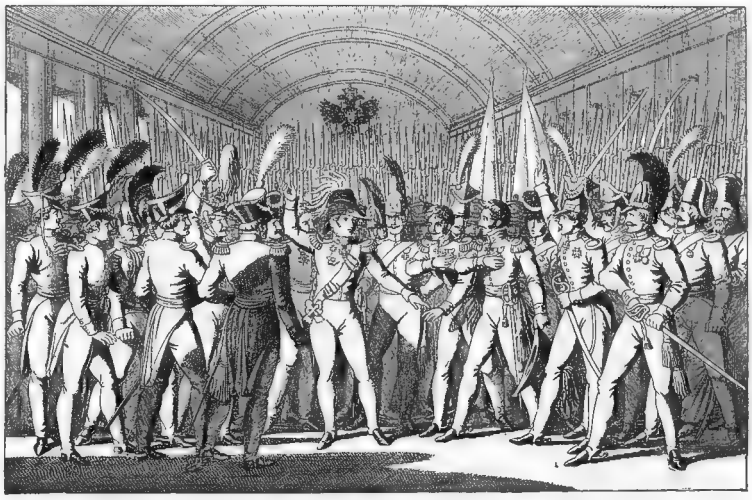
Кончина Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.
Съ современной лубочной гравюры. Собраніе Г. С. Габаева.

видѣть его наединѣ въ своемъ кабинетѣ; подавая руку Пушкину, государь сказалъ, что отнынѣ онъ можетъ жить въ той или другой столицѣ, или въ иномъ городѣ по своему выбору и выразилъ желаніе самъ просматривать творенія поэта: «присылай мнѣ все, что напишешь, отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ,» добавилъ онъ.

Мы знаемъ также, что, по случаю юбилея Академіи Наукъ, его величество пожаловалъ этому учрежденію портреты россійскихъ императоровъ, начиная съ Петра Великаго, для помѣщенія въ залѣ торжественныхъ собраній. Затѣмъ, 27 января 1827 года удостоено было лестнаго рескрипта С.-Петербургское вольное экономическое общество,—ему пожаловано по 1.000 руб. ежегодно на расширеніе круга его дѣятельности. Въ этомъ рескриптѣ объявлялось, что государь одушевленъ желаніемъ видѣть процвѣтаніе въ Россіи всѣхъ полезныхъ учрежденій.

Внѣшнія дѣла Россіи шли неуклонно по тому пути благоденствія и достоинства ея, который былъ разъ навсегда намѣченъ твердою рукою императора Николая Павловича.

Едва закончилась счастливая для русскихъ война съ Персіей, какъ въ томъ же 1828 году пришлось воевать и съ Турціей. 8-го октября при Наваринѣ былъ совершенно разгромленъ турецкій флотъ, и хотя въ этой морской битвѣ принимали участіе союзники Россіи,—Англія и Франція, тѣмъ не менѣе, львиная доля успѣха пришлась на долю русскихъ моряковъ, которые свято выполнили завѣтъ императора Николая Павловича «поступить въ случаѣ надобности съ непріятелемъ по-русски». Послѣ Наваринской побѣды императоръ Николай I поспѣшилъ выразить благодарность союзникамъ, участвовавшимъ въ этомъ морскомъ сраженіи: англійскому адмиралу Кодрингтону былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 2-ой степени, а французскому адмиралу де-Риньи орденъ Александра Невскаго. Англія и Франція вынуждены были, конечно, дать отвѣтныя награды, хотя англійское правительство втайнѣ было очень недовольно выступленіемъ адмирала Кодрингтона противъ турокъ, исконныхъ союзниковъ этой державы. Порта, имѣя серьезныя основанія надѣяться на поддержку Австріи и на сочувствіе Англіи, стала готовиться къ продолженію войны. Россія также снарядила нѣсколько армій и эскадръ, чтобы дѣйствовать на сушѣ и съ моря. 26 апрѣля 1828 года императоръ Николай Павловичъ заявилъ на разводѣ въ Петербургѣ, что уѣзжаетъ на театръ военныхъ дѣйствій, и выполнилъ свое намѣреніе. Послѣ Петра Великаго первый русскій царь отправлялся въ Турцію. Прибывши къ русскимъ войскамъ, Николай Павловичъ сказалъ знаменательныя слова:



Императоръ Николай Павловичъ въ манежѣ объявляетъ своей гвардіи о походѣ въ Польшу 26-го ноября 1830 года. Съ гравюры Вундеръ.

Штурмъ Варшавы 25 Августа 1831 г. Съ гравюры Вундеръ.

«Я обѣщалъ пріѣхать къ вамъ и сдержалъ свое слово. Постараемся же исполнить свой долгъ, какъ того требуетъ святая вѣра наша и любовь къ отечеству». На войнѣ государь выказывалъ необыкновенную энергію: неуклонно и внимательно слѣдилъ онъ за военными дѣйствіями, посѣщалъ и устраивалъ, гдѣ нужно, госпитали, навѣщалъ, не опасаясь заразы, больныхъ тифомъ и чумою, распространившимися въ войскахъ. 28-го сентября въ присутствіи императора сдалась турецкая крѣпость Варна, обложенная съ суши и съ моря. Путь черезъ Балканы русскимъ теперь былъ открытъ, и государь рѣшилъ возвратиться въ Россію, откуда пришли вѣсти о смертельной болѣзни императрицы-матери Маріи Ѳеодоровны.

Заурвейдъ. Государь Императоръ на Сѣнной площади во время холеры 1831 г.

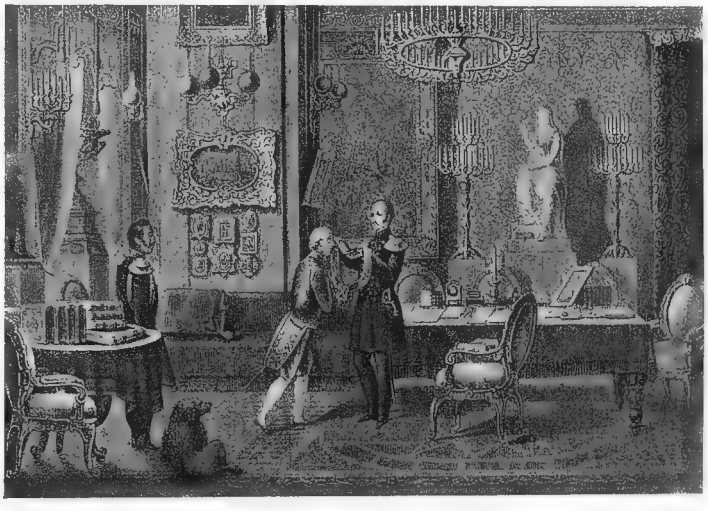
Турецкая война послѣ отъѣзда императора, въ общемъ, шла для русскихъ успѣшно и закончилась выгоднымъ для Россіи миромъ 2 сентября 1829 года въ Адріанополѣ.

Для характеристики рѣшительной воли императора Николая Павловича приводимъ заключительныя слова его письма графу Дибичу-Забалканскому (графство и названіе Забалканскій получено Дибичемъ за турецкую войну). Государь писалъ главнокомандующему наканунѣ заключенія мира: «При неуспѣшности переговоровъ вамъ слѣдуетъ немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ указаній, до полученія коихъ вы положительно откажитесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого бы рода они ни были, съ кѣмъ бы то ни было. Богу благодареніе, а вамъ спасибо! Итакъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, впередъ».

Еще турецкая война не завершилась, а внутри самой Россіи уже назрѣвала тяжелая смута, сильно заботившая императора Николая I. Эта смута свила себѣ гнѣздо въ Польшѣ. Императоръ ясно понималъ всю фальшь отношеній Польши къ Россіи, всю невозможность для поляковъ чувствовать себя «вѣрноподданными» Россіи, при широкой, обособляющей ихъ конституціи, при собственномъ войскѣ, при собственныхъ національно-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для государя ясна была мечта поляковъ объ отдѣленіи отъ Россійской имперіи, но императоръ все терпѣлъ и выжидалъ, надѣясь, что съ теченіемъ времени поляки образумятся и откажутся отъ вражды къ Россіи. Оставляя въ сторонѣ подробности, какъ зрѣлъ въ Польшѣ разразившійся 17 ноября 1830 года мятежъ, упомянемъ только, что въ названный злосчастный день молодые офицеры польской арміи и юнкера военной школы, подъ предводительствомъ Высоцкаго, бросились въ Бельведерскій дворецъ, чтобы умертвить великаго князя Константина Павловича. Имъ удалось убить нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ великаго князя, но самъ онъ успѣлъ удалиться въ мѣстечко Вержбу. Затѣмъ мятежники завладѣли арсеналомъ, стали раздавать населенію оружіе. Къ взбунтовавшейся черни начали присоединяться и польскія войска. Постепенно разгораясь, мятежъ распространился

изъ Варшавы на всю Польшу. Уходъ русскихъ войскъ изъ предѣловъ польскаго королевства (по неудачному распоряженію великаго князя Константина Павловича) окончательно убѣдилъ мятежниковъ въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Въ концѣ концовъ, польскій сеймъ объявилъ, что династія Романовыхъ лишена польскаго престола. Въ отвѣтъ на это императоромъ Николаемъ Павловичемъ 13 января 1831 года изданъ былъ манифестъ о войнѣ съ Польшей. Стотысячная армія подъ начальствомъ графа Дибича была двинута въ Польшу. Борьба продолжалась довольно долго; во время нея скончались отъ холеры великій князь Константинъ Павловичъ въ Витебскѣ и графъ Дибичъ на походѣ къ Варшавѣ. Покореніе Польши было закончено уже графомъ Паскевичемъ. Учредительная хартія и польское войско были уничтожены, польскіе университеты закрыты, все внутреннее управленіе переустроено.

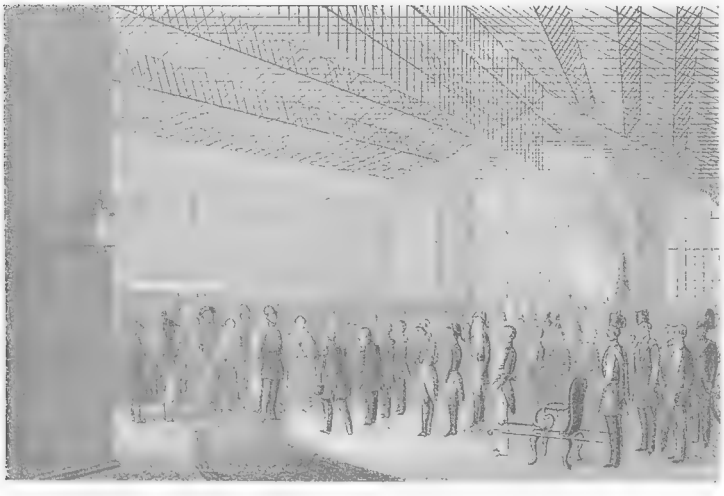
Въ духовныхъ дѣлахъ слѣдуетъ отмѣтить возсоединеніе уніатовъ съ прародительской (православной всероссійской) церковью въ 1839 году Въ предѣлахъ имперіи осталась тогда только одна уніатская епархія холмская, которая присоединилась къ православію въ царствованіе императора Александра II. Среди тяжкихъ государственныхъ трудовъ императору Николаю I готовилось еще новое, горшее прочихъ испытаніе судьбы: холера, впервые появившаяся въ концѣ 20-хъ годовъ, стала быстро распространяться по Россіи и въ 1830 году, несмотря на принимаемыя мѣры, появилась въ Москвѣ, вызывая громадную смертность и сильнѣйшую тревогу среди жителей. Императоръ Николай Павловичъ поспѣшилъ къ бѣдствующей первопрестольной столицѣ, и 29-го сентября обрадованные и ободренные москвичи увидѣли его безстрашно появившимся среди населенія, изъ котораго смерть выхватывала жертвы одну за другой. Царь былъ безстрашенъ, онъ посѣщалъ больныхъ, былъ всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣлась наибольшая опасность зараженія. Понятно, Москва значительно успокоилась, и тогда только Николай Павловичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ іюнѣ 1831 года холера появилась и въ сѣверной столицѣ и стала свирѣпствовать тамъ, выкашивая населеніе: умирало по 400—500 человѣкъ въ сутки. Разразились страшные безпорядки среди низшихъ слоевъ населенія, обезумѣвшаго отъ ужаса: громили больницы, убивали докторовъ, освобождали больныхъ, яко бы напрасно «замучиваемыхъ». Громадныя зловѣще настроенныя толпы народа стали собираться на Сѣнной площади. Извѣщенный о готовящихся безпорядкахъ государь немедленно отправился туда и, обратившись къ толпѣ, сказалъ: «Вчера учинены были злодѣйства. Стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ, подражать буйству французовъ и поляковъ. Они васъ подучаютъ. Ловите ихъ. Представляйте подозрительныхъ начальству. Но здѣсь учинено было злодѣйство. Прогнѣвали вы Бога. На колѣни! Просите у Всемогущаго прощенія». И вся



Государь Императоръ возлагаетъ на графа Сперанскаго орденъ св. Андрея 1833 г. Рис. В. Садовникова.

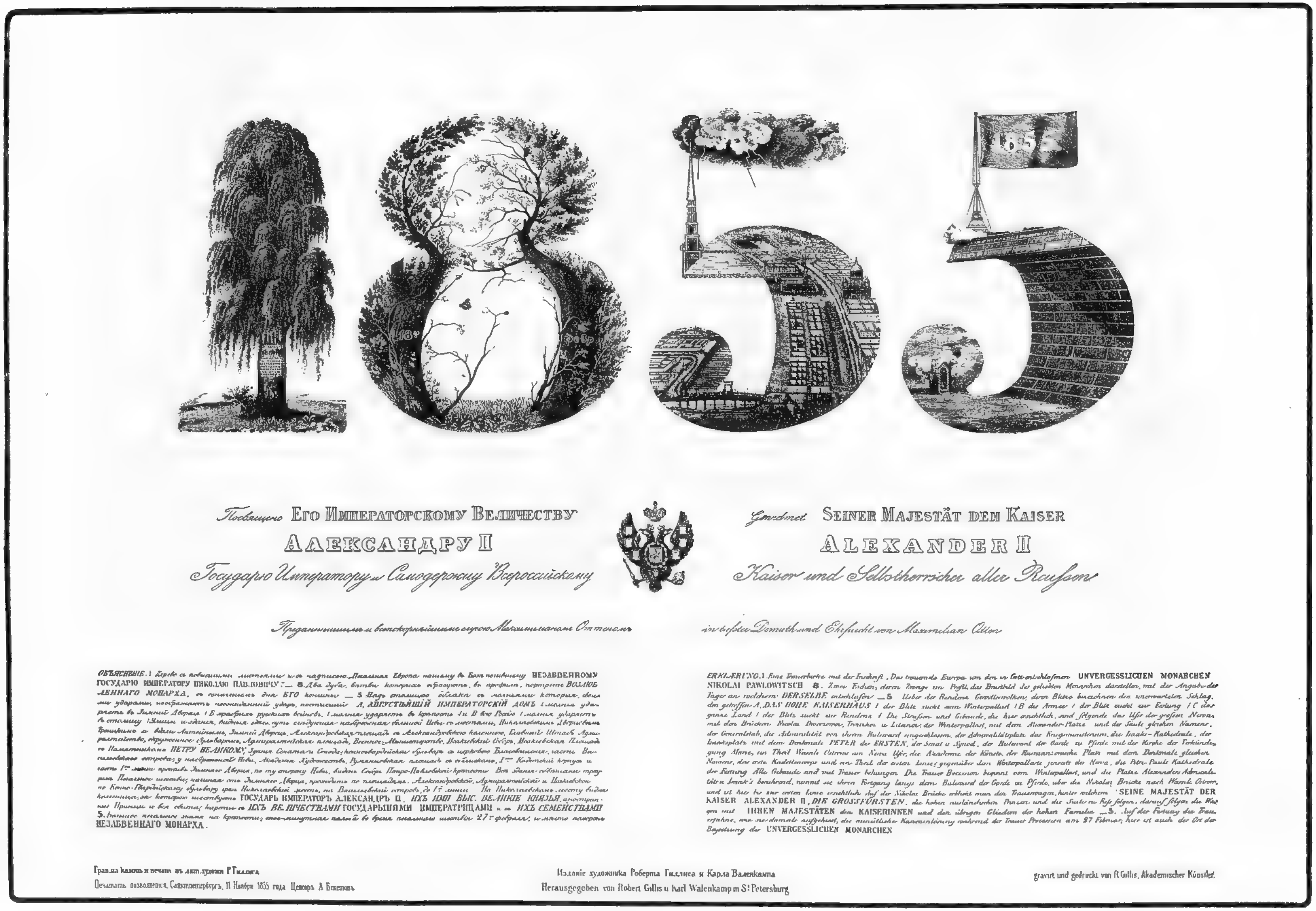
площадь, какъ одинъ человѣкъ, стала на колѣни и начала усердно молиться. Государь тоже молился. Затѣмъ толпа мирно разошлась по домамъ, хотя кое-кто среди нея и пробовалъ, но, конечно, безуспѣшно подлить масла въ огонь. Смятеній и безпорядковъ съ той поры больше не было. Въ это время холера стала постепенно ослабѣвать и къ августу мѣсяцу совсѣмъ прекратилась. Къ этому же времени пришла счастливая вѣсть о взятіи мятежной Варшавы.

Переходя къ дѣламъ внутренняго управленія въ царствованіе императора Николая Павловича, мы остановимся болѣе подробно только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, ярче запечатлѣвшихъ на себѣ характеръ индивидуальныхъ особенностей этого изумительнаго, энергичнаго, трудоспособнаго человѣка, умѣвшаго одновременно обнимать обширнымъ умомъ самыя разнобразныя отрасли государственной жизни. При этомъ государѣ очень важное значеніе пріобрѣла собственная его императорскаго величества канцелярія. Первое ея отдѣленіе вѣдало дѣла, подлежащія личному разсмотрѣнію самого государя, а также наблюдало за исполненіемъ высочайшихъ повелѣній. Второе—занималось разработкой законопроектовъ и кодификаціей существующихъ законовъ. Во главѣ его сначала стоялъ М. М. Сперанскій, а затѣмъ графъ Д. Н. Блудовъ [8]). Третье отдѣленіе вело надзоръ, вообще, за всѣми дѣлами въ государствѣ для немедленнаго прекращенія злоупотребленій и завѣдывало высшей полиціей. Передаютъ за достовѣрное, что первому начальнику этого отдѣленія графу Бенкендорфу, просившему послѣ своего назначенія инструкцій, Николай Павловичъ далъ свой чистый платокъ, вынутый изъ кармана, со словами: «Вотъ моя инструкція: чѣмъ больше утрешь слезъ въ Россіи, проливаемыхъ отъ разныхъ неустройствъ, тѣмъ лучше будетъ достигнута благая цѣль новаго учрежденія». Чрезвычайно важными памятниками законодательной дѣятельности императора Николая I остались и до сихъ поръ составленные при немъ: Сводъ законовъ Россійской имперіи и Полное Собраніе узаконеній. Въ отдѣльныхъ сторонахъ русской государственной жизни также скоро послѣдовалъ при Николаѣ Павловичѣ цѣлый рядъ законодательныхъ измѣненій и преобразованій. Въ жалованной грамотѣ дворянству 1785 года было установлено, что не каждый дворянинъ могъ пользоваться правомъ голоса на дворянскихъ собраніяхъ, а только дворяне, имѣвшіе не менѣе 3.000 десятинъ земли. Этимъ достигалось устраненіе подкупа при голосованіяхъ богатыми дворянами дворянъ мелкопомѣстныхъ. Далѣе было установлено, что потомственное дворянство дается только лицамъ, достигшимъ штабъ-офицерскаго чина въ военной службѣ и гражданскимъ чиновникамъ V класса; младшіе же чиновники и оберъ-офицеры получали личное дворянство.



Николаевская желѣзная дорога 1851 г. Рис. В. Садовникова.

[8]) См. Баронъ М. А. Корфъ. Графъ М. М. Сперанскій, и Е. П. Ковалевскій. Графъ Блудовъ.



Аллегорическій рисунокъ на смерть Императора Николая Павловича. Изъ собранія Г. С. Габаева.

Для служилаго класса давалось также и почетное гражданство, связанное съ освобожденіемъ отъ подушной подати, рекрутства и тѣлеснаго наказанія. Очень много заботъ посвящалъ Николай Павловичъ и русскому крестьянству. Онъ горячо желалъ раскрѣпощенія ихъ и надѣленія землей. Передъ самымъ началомъ севастопольской войны государь говорилъ гр. П. Д. Киселеву въ откровенной бесѣдѣ: «Три раза я начиналъ это дѣло осво-

Императоръ Николай I и Великая Княжна Марія Николаевна на набережной Невы. Изъ альбома, хранящагося въ собственныхъ Его Величества библіотекахъ.

божденія крестьянъ и три раза не могъ продолжать его. Видно, это перстъ Божій». Впрочемъ, произволъ помѣщиковъ въ значительной степени былъ ограниченъ. Напримѣръ, запрещено было продавать крестьянъ отдѣльно отъ ихъ семействъ, позволялось помѣщикамъ отдавать крестьянамъ земли за условленныя повинности,—такіе крестьяне составили особый классъ «обязанныхъ». Разрѣшено было крестьянамъ пріобрѣтать недвижимую собственность и заниматься торговлей и промыслами съ дозволенія помѣщиковъ. При продажѣ

помѣщичьихъ земель съ аукціона дозволялось крестьянамъ выкупаться на волю. Еще больше было сдѣлано улучшеній въ быту государственныхъ крестьянъ, число которыхъ въ то время опредѣлялось въ 9 милліоновъ. Этимъ крестьянамъ дано было самоуправленіе, волостной сходъ, волостной судъ и пр.

Внутренность 3-го бастіона въ Севастопольскую кампанію 1855 г.

Государственные финансы въ царствованіе императора Николая Павловича были также приведены въ порядокъ. Назначенный министромъ финансовъ гр. Канкринъ, ясно понимавшій зло колебанія курса ассигнаціоннаго рубля, предложилъ рядъ реформъ для возстановленія въ Россіи денежнаго металлическаго обращенія. Государственные доходы особенно увеличились съ возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ на заграничные товары. Къ этому же времени относится введеніе откуповъ, установленіе акциза съ табаку. Положено было начало постройки Россійской желѣзнодорожной сѣти: въ 1838 году была открыта первая Царскосельская ж. д., въ 1848 году—Варшавско-Вѣнская и въ 1851 году—Николаевская, соединившая Петербургъ съ Москвой. Государь очень заботился также и объ образованіи, которое велось въ строго-національномъ духѣ. Николай Павловичъ очень любилъ посѣщать учебныя заведенія и ласково обращался съ воспитанниками, хотя онъ строго слѣдилъ, чтобы они соблюдали извѣстную школьную дисциплину. Несмотря на изданіе довольно строгаго цензурнаго устава, государь прокровительствовалъ всѣми мѣрами выдающимся писателямъ. Время его царствованія было, какъ извѣстно, временемъ расцвѣта русской литературы. Довольно вспомнить незабвенныя имена Пушкина, Крылова, Жуковскаго, Гоголя, Карамзина... Такъ, «Ревизоръ» — Гоголя только по настоянію самого императора увидѣлъ свѣтъ рампы. Послѣ перваго представленія государь сказалъ: «ну, всѣмъ здѣсь досталось, а мнѣ больше всего». Музыка, театры и артисты также не были забыты Николаемъ Павловичемъ (при немъ написана Глинкой «Жизнь за Царя»); въ живописи появились великіе художники Брюлловъ и Ивановъ, давшіе міру изумительныя по красотѣ и силѣ художественныя произведенія. Стоитъ только вспомнить цѣлую вереницу славныхъ именъ:—Каткова, Аксакова, Хомякова, Самарина, Соловьева, Костомарова, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Толстого, Майкова, Тютчева, Даргомыжскаго, Мочалова, Мартынова, Щепкина и др., и станетъ понятнымъ, что строгій царь вовсе не угашалъ духа народнаго, если при немъ могли расти и развиваться такіе корифеи русской науки, искусства и литературы. Въ это же самое время выдвинулись церковные писатели и ораторы; среди нихъ наиболѣе замѣча-

тельны московскій митрополитъ Филаретъ, архіепископъ херсонскій Иннокентій, и харьковскій Филаретъ Гумилевскій и др.

Въ царствованіе Николая Павловича съ 1831 года наступило значительное затишье, что и дало ему возможность съ этого времени особенно сосредоточиться на дѣлахъ управленія внутри Россіи. Однако, вскорѣ пришлось снова обратить вниманіе на военныя дѣйствія и русскую армію. Военное дѣло въ Россіи, какъ самое близкое и дорогое императору Николаю Павловичу, конечно, также потерпѣло и бо̀льшія измѣненія, особенно въ смыслѣ упорядоченія дисциплины въ войскахъ, ихъ взаимоотношеніяхъ и внутренней жизни русскаго солдата. Оставляя въ сторонѣ походъ противъ хивинцевъ, военныя дѣйствія на Кавказѣ, наконецъ—усмиреніе венгерскаго возстанія, какъ болѣе мелкіе факты въ царствованіе императора Николая I, перейдемъ прямо къ Севастопольской кампаніи 1853—1856 гг. Этотъ періодъ, покрывшій новою неувядаемой славой русскаго солдата и его оружіе, достаточно извѣстенъ всѣмъ[9]). Николай Павловичъ всячески поддерживалъ защитниковъ Севастополя новыми подкрѣпленіями, созвалъ народное ополченіе и послалъ въ Крымъ своихъ двоихъ сыновей, великихъ князей Михаила и Николая Николаевичей, которые царскимъ и своимъ привѣтомъ сильно подняли духъ истомленныхъ войскъ. Севастопольскія сраженія дѣлались все ожесточеннѣе. Все шире и шире разрасталась слава русскаго оружія и громче неслось «ура» изъ грудей небольшой горсточки истомившихся защитниковъ злосчастной крѣпости. А въ это время въ Петербургѣ, въ царскомъ дворцѣ, на простой желѣзной кровати, энергично боролась со смертью могучая натура славнаго вѣнценосца русскаго народа императора Николая Павловича, сломленнаго тяжкимъ недугомъ... Въ концѣ концовъ, смерть осталась побѣдительницей. Царя не стало. Тяжкой болью отозвалась эта ужасная потеря въ сердцахъ русскихъ людей. И печалиться было о чемъ: угасъ духъ царя, носившаго съ рожденія въ себѣ зародыши тѣхъ первоклассныхъ и благодѣтельныхъ реформъ, которыя ему, какъ и его державному брату, не суждено было̀ осуществить, а довелось передать въ наслѣдіе царю-освободителю Александру II. Эти вѣнценосцы всегда будутъ жить неразлучно въ благодарной памяти Россіи, сбросившей цѣпи крѣпостничества и обновленной сверху до низу въ ея государственной, общественной и политической жизни.

[9]) См. Записки современниковъ о защитѣ Севастополя, изданныя Цесаревичемъ (послѣ Императоромъ) Александромъ Александровичемъ.

Александръ II.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.
1855—1881.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Царь-Освободитель.

ъ среду на Святой недѣлѣ, 18 апрѣля 1818 года, у великаго князя Николая Павловича и супруги его Александры Ѳеодоровны родился сынъ-первенецъ, нареченный Александромъ.

Императоръ Александръ Благословенный и бывшій въ то время наслѣдникомъ престола великій князь Константинъ Павловичъ не имѣли дѣтей, и можно было думать, что со временемъ престолъ перейдетъ новорожденному Александру. И, дѣйствительно, это предположеніе вполнѣ оправдалось даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать; великій князь Константинъ Павловичъ отказался отъ престолонаслѣдія и, со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича въ 1825 году, маленькій великій князь Александръ былъ объявленъ наслѣдникомъ-цесаревичемъ.

Рожденіе царственнаго ребенка произошло въ Москвѣ, и первопрестольная столица Россіи первая привѣтствовала своего будущаго самодержца и царя-Освободителя, какъ впослѣдствіи назвала его безпристрастная исторія. 22 апрѣля 1818 года новорожденный великій князь былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка[1]), а 5 мая въ

[1]) Формулярный списокъ о службѣ великаго князя Александра Николаевича.

церкви Чудова монастыря надъ нимъ былъ совершенъ обрядъ святого крещенія; воспріемниками отъ купели были: государыня императрица Марія Ѳеодоровна, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, отецъ великой княгини Александры Ѳеодоровны, и императоръ Александръ Павловичъ, только что прибывшій въ Москву съ юга Россіи, откуда его вызвало радостное событіе.

Когда царственному ребенку исполнилось пять лѣтъ, поэтъ того времени Рылѣевъ посвятилъ ему пророческое стихотвореніе:

Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть Царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье—истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель—
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ,
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.

Будь полнъ любовью на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Окруженный на зарѣ своей жизни постоянными заботами своей царственной бабки и матери, подъ вліяніемъ женской ласки великій князь Александръ Николаевичъ отличался мягкимъ и добрымъ характеромъ; этому способствовало впослѣдствіи и вліяніе на него его воспитателя Карла Карловича Мердера. Великій князь Николай Павловичъ, желая поставить дѣло воспитанія своего сына на раціональную почву, развить въ немъ чувства доброты и справедливости и отдалить отъ черезмѣрнаго самомнѣнія и тщеславія, выбралъ воспитателемъ для сына, по выраженію Плетнева, «не знатнаго вельможу, не могущественнаго государственнаго человѣка, но бѣднаго офицера въ капитанскомъ чинѣ, лично

Дворецъ въ Кремлѣ, гдѣ родился Александръ II, въ Москвѣ.

извѣстнаго ему по примѣрамъ нравственности, по благородству и нѣжности сердца, по преданности къ исполненію долга и по великимъ христіанскимъ правиламъ»[2]).

Безграничная и обоюдная любовь связала воспитателя и воспитанника. Величайшая откровенность и довѣріе къ Мердеру царили въ сердцѣ великаго князя; каждый вечеръ передъ молитвой онъ разсказывалъ ему все, что думалъ и дѣлалъ въ теченіе дня. Только что научившись писать буквы, великій князь отправилъ своему наставнику письмо, которое тотъ и получилъ въ видѣ небольшого клочка бумажки, гдѣ на одной сторонѣ было написано: «Карлъ Мердеръ 1 февраля 1825 года», а на другой: «Люблю Мердера моего».

Карлъ Карловичъ Мердеръ.

Свѣтло и радостно проходили дѣтскіе годы будущаго императора; окружавшіе его люди не могли иначе, какъ съ любовью и ласкою обращаться съ этимъ ребенкомъ, золотое сердце котораго невольно влекло къ нему и очаровывало каждаго. Къ своимъ родителямъ великій князь питалъ самыя трогательныя, самыя нѣжныя чувства. Когда Николай Павловичъ со своею супругой уѣзжали куда-нибудь, маленькій Александръ дѣлался неузнаваемъ; пропадалъ его веселый дѣтскій смѣхъ, и онъ съ грустнымъ личикомъ ходилъ по комнатамъ дворца, ежеминутно вспоминая о своихъ родителяхъ[3]).

Лѣтомъ маленькій наслѣдникъ обыкновенно проводилъ время съ своими сестрами въ Царскомъ селѣ; постоянныя прогулки, физическія упражненія на воздухѣ и весь характеръ воспитанія вырабатывали въ немъ увѣренность въ своихъ силахъ и ловкости. Въ 1826 году, когда наслѣднику исполнилось всего восемь лѣтъ, онъ съ августѣйшими родителями прибылъ въ Москву, гдѣ должно было совершиться коронованіе Николая I. Здѣсь великій князь принималъ участіе въ парадахъ войскъ и на высочайшемъ смотру войскамъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, произведенномъ 30 іюня на Ходынскомъ полѣ, поражалъ всѣхъ ловкостью и увѣренностью своихъ движеній и умѣньемъ управлять лошадью. Когда царственный ребенокъ, проскакавъ на флангѣ гусаръ мимо своего августѣйшаго родителя, бойко подъѣхалъ къ нему, осадивъ лошадь, присутствовавшій на парадѣ ветеранъ великой Наполеоновской арміи маршалъ Мормонъ, любовавшійся еще ранѣе на наслѣдника, когда онъ въ пѣшемъ строю командовалъ взводомъ гренадеръ, бывшихъ вдвое выше его ростомъ, не могъ не выразить въ эту минуту государю своего удивленія по поводу смѣлости и искусства, проявленныхъ маленькимъ Александромъ. «Вы, быть можетъ, воображаете», отвѣтилъ ему императоръ, «что я не испытываю чувства тревоги или безпокойства при видѣ столь дорогого мнѣ ребенка въ этомъ вихрѣ, но пусть онъ лучше подвергается опасности, которая выработаетъ въ немъ характеръ и съ малолѣтства пріучитъ его стать кѣмъ слѣдуетъ, благодаря собственнымъ усиліямъ»[4]).

Съ воцареніемъ императора Николая Павловича, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ

---

[2]) Воспоминанія Плетнева о воспитаніи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича подъ руководствомъ Мердера и Жуковскаго. 1857 г. Собственная его величества библіотека. Зимній дворецъ, Рукоп. отдѣлъ, № 2527.

[3]) Дневникъ Мердера.

[4]) Memoires du Duc de Raguse.

находился уже въ томъ возрастѣ, когда нужно было начинать ученіе. Необходимъ былъ наставникъ, который могъ бы дать ему соотвѣтствующее его высокому призванію воспитаніе. Государь императоръ въ этомъ дѣлѣ остановилъ свой выборъ на В. А. Жуковскомъ. Говоря словами Плетнева[5]), Жуковскій, «по особенному свойству души своей, принимался за дѣло всегда съ увлеченіемъ и съ какимъ-то самоотверженіемъ. Никакія личныя соображенія, никакіе расчеты уже не находили пути въ его рыцарски честную, высокую душу. Онъ начиналъ жить только для той мысли, которая въ данный моментъ занимала его умъ». Такія свойства характера Жуковскаго заставили его въ дѣло воспитанія наслѣдника вложить всю свою душу, весь свой умъ и свои обширныя знанія. Имъ былъ составленъ планъ ученія великаго князя и представленъ на утвержденіе государя, который остался имъ доволенъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Преподавателями наслѣдника были назначены: французскаго языка и географіи—Жилль, нѣмецкаго—секретарь императрицы Александры Ѳеодоровны Шамбо[6]); англійскаго—Алфри; ариѳметики—академикъ Коллинсъ; законоучителемъ—протоіерей Андреевскаго собора, докторъ богословіи Г. П. Павскій, а въ помощь воспитателю Мердеру—товарищъ его по корпусу, артиллеріи капитанъ Юрьевичъ, на котораго, кромѣ того, было возложено обученіе наслѣдника польскому языку, репетированіе ариѳметики и устройство гимнастическихъ игръ[7])... 25 іюня 1827 г. наслѣдникъ былъ зачисленъ въ списокъ кадетъ Перваго кадетскаго корпуса, но практическое обученіе военной службѣ въ рядахъ этого корпуса въ лагерное время отложено было на два года. Классныя занятія подъ личнымъ руководствомъ Жуковскаго начались съ первыхъ дней 1828 года, послѣ успѣшно выдержаннаго наслѣдникомъ испы-

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и В. А. Жуковскій въ классной комнатѣ.

[5]) Воспоминанія П. А. Плетнева о воспитаніи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.
[6]) ... Съ 1832 года—В. А. Эртель.
[7]) ... Сборникъ И. Р. И. О. Годы ученья...

танія, за которое онъ былъ 7 января 1828 года произведенъ въ подпоручики. Нѣсколько ранѣе Александръ Николаевичъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ Донского Атаманскаго полка[8])... По волѣ государя, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ должны были проходить полный курсъ наукъ два его сверстника: графъ Іосифъ Вельегорскій и Александръ Паткуль. Оба они жили во дворцѣ, дѣля съ великимъ княземъ занятія, отдыхъ и игры, его дѣтскія горе и радости. Горячая любовь связала трехъ мальчиковъ и положила начало той привязанности, которая не прекращалась во всю ихъ послѣдующую жизнь.

Весною 1828 года императоръ Николай Павловичъ отправился къ арміи, выступившей въ походъ противъ турокъ; съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ въ это время маленькій наслѣдникъ за успѣхами русскаго оружія и съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій съ поля военныхъ дѣйствій. Въ первыхъ числахъ іюля состоялись полугодовые экзамены; по свидѣтельству

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на экзаменѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

воспитателя Мердера, великій князь удивлялъ экзаменаторовъ живостью и ясностью своихъ отвѣтовъ и утверждалъ ихъ въ мнѣніи, что онъ одаренъ необыкновенными способностями[9])... Послѣ экзамена наступили каникулы, въ теченіе которыхъ классныя занятія прекратились, и весь день посвящался чтенію, прогулкамъ и играмъ. Великій князь во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ проявлялъ большую ловкость и смѣлость, прекрасно плавалъ и хорошо стрѣлялъ въ цѣль.

Съ 1829 года учебная программа расширилась включеніемъ въ нее новыхъ предметовъ: естественной исторіи, химіи и всеобщей исторіи; первую великому князю читалъ академикъ Триніусъ, вторую—Кеммереръ, третью на французскомъ языкѣ—Липманъ. Къ послѣдней наукѣ Александръ Николаевичъ проявилъ особенный интересъ; передъ началомъ перваго урока исторіи онъ говорилъ Мердеру: «Мы сегодня начнемъ исторію! Если бы вы знали, какъ

---

[8]) Формулярный списокъ.

[9]) ... Дневникъ Мердера, 5 іюля 1828 года.

я горю нетерпѣніемъ!»[10]) Преподаваніе отечественной исторіи Жуковскій оставилъ за собою, чистописанію училъ Рейнгольдтъ, фехтованію—Сивербрикъ, танцамъ—Огюстъ. При замѣчательныхъ способностяхъ, выдающихся нравственныхъ качествахъ и чудномъ сердцѣ у великаго князя замѣчались все-таки и нѣкоторые недостатки, которые безпокоили его воспитателей,—онъ былъ нетерпѣливъ, при малѣйшей неудачѣ готовъ былъ плакать горькими слезами, часто шалилъ во время уроковъ и, вообще, не отличался большой выдержкой.

Весною наслѣдникъ долженъ былъ сопровождать августѣйшихъ родителей сначала въ Варшаву, гдѣ императоръ Николай рѣшилъ короноваться царемъ польскимъ, а потомъ въ Берлинъ, куда царственная чета отправилась на свиданіе съ королемъ прусскимъ. Путешествіе крайне интересовало наслѣдника. Онъ разспрашивалъ почти обо всемъ, что встрѣчалъ новаго, восхищался пѣніемъ птицъ въ полѣ, удивлялся невѣжеству и бѣдности крестьянъ, при чемъ видъ ихъ, грязныхъ и оборванныхъ, возбуждалъ въ немъ чувство глубокаго состраданія. Къ этому времени наслѣдникъ уже достаточно ознакомился съ польскимъ языкомъ и любезно разговаривалъ съ польскими помѣщиками, когда царскій поѣздъ останавливался на ночлегъ, на ихъ родномъ языкѣ.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Въ день коронаціи, 12 мая государь императоръ пожаловалъ наслѣдника кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и зачислилъ въ Польскій гвардейскій гренадерскій полкъ[11]).

21-го мая императрица съ наслѣдникомъ направились въ Пруссію въ Гринбергъ, къ нимъ присоединился императоръ Николай, а 25 мая берлинская толпа радостными кликами встрѣчала царственныхъ русскихъ гостей. Пребываніе въ Берлинѣ, хотя и очень непродолжительное, оставило въ душѣ Александра Николаевича неизгладимый слѣдъ,—до сихъ поръ онъ не выходилъ изъ тѣснаго круга семьи и ближайшихъ къ ней лицъ, здѣсь же онъ сразу очутился въ многолюдномъ и блестящемъ обществѣ;—однако, это общество не смутило юнаго наслѣдника, напротивъ, онъ самъ поражалъ всѣхъ своимъ тактомъ, умѣніемъ держать себя, достоинствомъ манеръ и своею чарующей наружностью. Наканунѣ бракосочетанія принца Вильгельма съ принцессой Августой 29-го мая, король назначилъ Александра Николаевича шефомъ 3-го Прусскаго уланскаго полка[12]). Это назначеніе доставило наслѣднику огромное удовольствіе; надѣвъ полный парадный мундиръ своего полка, онъ отправился благодарить дѣда, а отъ него явился къ дядѣ, принцу Вильгельму, какъ къ своему кор-

[10]) Дневникъ Мердера, 14 февр. 1829 г.
[11]) Формулярный списокъ.
[12]) Формулярный списокъ.

пусному командиру, и до самаго отъѣзда изъ Берлина не снималъ прусской формы [13]). Тридцать перваго мая Александръ Николаевичъ былъ представленъ, какъ шефъ, своему полку и, принявъ надъ нимъ начальство, провелъ его церемоніальнымъ маршемъ передъ королемъ. Полкъ остался въ восторгѣ отъ своего шефа, и когда онъ уѣзжалъ изъ Берлина, провожалъ его громкими кликами «ура», выстроившись близъ Фридрихсвальда на пути проѣзда русской императрицы и ея старшаго сына.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ отбываетъ лагерный сборъ съ кадетами.

Какъ ни разнообразны были впечатлѣнія заграничнаго путешествія, великій князь страшно радовался возвращенію домой. Въѣзжая въ Красное село, при видѣ бѣлѣющагося лагеря, онъ не могъ спокойно сидѣть въ экипажѣ, обнималъ и цѣловалъ Мердера, а при въѣздѣ въ царскосельскій паркъ воскликнулъ: «наконецъ-то я дома» [14]). По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія государя и государыни дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ Александра Николаевича ожидало новое занятіе—участіе въ лагерномъ сборѣ военно-учебныхъ заведеній. Съ тѣхъ поръ до дня своего совершеннолѣтія цесаревичъ каждое лѣто выступалъ въ лагерь и наравнѣ со всѣми кадетами обучался строевой службѣ. Нерѣдко императоръ приглашалъ свободныхъ отъ занятій кадетъ поиграть со своимъ сыномъ. Государь очень часто наблюдалъ за этими играми, а иногда и самъ руководилъ ими. Такъ, однажды, лично размѣщая въ Петергофѣ въ нижнемъ саду у фонтана «Самсонъ» отряды кадетскихъ корпусовъ, государь вдругъ приказалъ кадетамъ штурмовать каскадъ противъ теченія воды, падавшей по уступамъ фонтана изъ верхняго въ нижній садъ. Съ громкими криками «ура» кадеты бросились взбираться по каскаднымъ уступамъ, наслѣдникъ такъ же энергично, какъ и всѣ, боролся съ водой и былъ наверху однимъ изъ первыхъ [15]).

Развивая въ своемъ сынѣ ловкость и смѣлость, императоръ Николай не забывалъ и еще одного качества военнаго человѣка—выносливости.

Въ 1830 году кадеты по высочайшему повелѣнію въ присутствіи шведскаго и прусскаго принцевъ и всего двора должны были отразить примѣрный десантъ, при чемъ двумъ баталіонамъ подъ личною командой его величества пришлось пройти топкое болото. Маневръ этотъ былъ крайне труденъ, такъ какъ всѣ верховыя лошади погружались въ болото по грудь, а лошадь государя настолько увязла, что ему пришлось спѣшиться. Многіе изъ кадетъ потеряли обувь, другіе проваливались по поясъ, а наслѣдникъ, раздѣляя участь всѣхъ, упавъ, расцарапалъ себѣ лицо и даже едва не загрузъ въ болотѣ, но былъ поддержанъ находящимися подлѣ него товарищами. Кадеты съ восторженной лю-

---

[13]) Дневникъ Мердера.
[14]) Тоже.
[15]) П. Ф. Лукановъ. «Августѣйшіе кадеты». Изд. 1902 г. Стр. 28.

бовью относились къ своему царственному товарищу, и появленіе его въ ихъ рядахъ или за ихъ столомъ во время обѣда всегда вызывало неподдѣльную ихъ радость.

Въ продолженіе 1830 года не произошло какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ въ занятіяхъ и образѣ жизни наслѣдника, если не считать назначенія новыхъ преподавателей: Арсеньева—для географіи и статистики Россіи и Плетнева—для русской словесности. Интересъ къ преподаваемымъ наукамъ не только не пропадалъ у наслѣдника, но, напротивъ, чѣмъ больше онъ пріобрѣталъ знаній, тѣмъ болѣе къ нимъ стремился. Отвѣты и разсужденія его часто удивляли и восхищали учителей. Такъ, однажды на вопросъ о. Павскаго «должно ли прощать обиды», великій князь, которому въ это время шелъ тринадцатый годъ, отвѣтилъ: «Должно несомнѣнно прощать обиды, дѣлаемыя намъ лично; но обиды, нанесенныя законамъ народнымъ, должны быть судимы законами; существующій законъ не долженъ дѣлать исключеній ни для кого» [16]). Во время занятій въ классную комнату часто заходилъ государь; разъ онъ пришелъ, когда шелъ урокъ исторіи. «Кто тебѣ изъ римскихъ императоровъ нравится больше всѣхъ?»—спросилъ онъ наслѣдника. Тотъ немного задумался, а затѣмъ отвѣтилъ: «Мнѣ больше всѣхъ нравится императоръ Титъ». «Почему?»—«Потому, что онъ сказалъ: «если мнѣ случится въ цѣлый день не сдѣлать ни одного добраго дѣла, то я считаю, что этотъ день потерянъ».

Въ 1831 году наслѣдникъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры за успѣхи въ наукахъ и назначенъ шефомъ Лейбъ-Кирасирскаго бывшаго ея величества полка [17]). Съ осени 1832 года обнаружились у Мердера первые признаки болѣзни сердца, вскорѣ сведшей его въ могилу. Великій князь всѣ свободныя минуты проводилъ около своего больного воспитателя, старался успокоить его и то утѣшалъ, то плакалъ самъ, съ трудомъ отрываясь отъ постели Мердера. Весной 1833 года Мердеръ съ своей семьей выѣхалъ въ Берлинъ для совѣта съ заграничными врачами; возвратиться въ Петербургъ ему уже не пришлось; 24 марта 1834 года онъ угасъ въ Римѣ съ именемъ Александра на устахъ. По достиженіи совершеннолѣтія къ наслѣднику престола былъ назначенъ попечителемъ князь К. А. Ливенъ. Съ этого же времени великому князю повелѣно было присутствовать въ правительствующемъ Сенатѣ. Вскорѣ законоучитель наслѣдника о. Павскій былъ замѣненъ протоіереемъ Бажановымъ. Причиною было неодобреніе, высказанное нѣкоторымъ изъ богословскихъ сочиненій Павскаго московскимъ митрополитомъ Филаретомъ [18]). Въ томъ же году, 4 іюня, государь въ сопровожденіи цесаревича прибылъ въ Синодъ, вошелъ въ палату засѣданій и объявилъ здѣсь, что съ этого времени признаетъ полезнымъ для наслѣдника присутствіе его на засѣданіяхъ Синода. О назначеніи наслѣдника престола синодальнымъ членомъ Святѣйшій Синодъ объявилъ указомъ по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія. Занятія наслѣдника между тѣмъ все еще продолжались; съ новымъ своимъ законоучителемъ о. Бажановымъ онъ прошелъ курсъ догматическаго богословія, а съ декабря 1835 года сталъ слушать лекціи Сперанскаго по юридическимъ наукамъ. Успѣхи великаго князя въ военномъ дѣлѣ дали ему возможность въ лагерномъ сборѣ 1836 года уже командовать отдѣльными частями, и скоро государь произвелъ цесаревича «за отличіе по службѣ» въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества [19]). Наконецъ, весною 1837 года, послѣ общаго экзамена, завершившаго кругъ образованія наслѣдника, Александръ Николаевичъ предпринялъ путешествіе по Россіи, съ цѣлью лично ознакомиться со страною, управленіе которой ему было предназначено его высокимъ положеніемъ. Путешествіе продолжалось около семи мѣсяцевъ и, по образному выраженію Жуковскаго,

---

[16]) Дневникъ Мердера.
[17]) Формулярный списокъ.
[18]) Мнѣнія и отзывы митрополита московскаго Филарета. II стр. 343.
[19]) Формулярный списокъ.

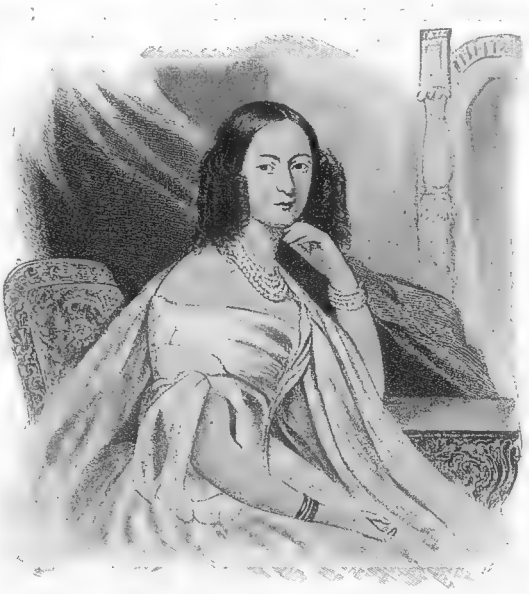
было «всенароднымъ обрученіемъ его съ Россіей». Въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени цесаревичъ объѣхалъ 30 губерній, знакомясь съ ихъ природой, достопримѣчательностями, народомъ и его бытомъ, радостно встрѣчаемый населеніемъ, расточая сокровища своего сердца оказаніемъ помощи, желаніемъ облегчить страданія своимъ высокимъ ходатайствомъ передъ державнымъ отцомъ. За все время путешествія наслѣдникомъ было принято до 16.000 просьбъ, роздано до 200.000 рублей и испрошено помилованій или облегченія участи многихъ сосланныхъ въ Сибирь, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ изъ декабристовъ.

Въ 1838 году наслѣдникъ слушалъ лекціи генералъ-адъютанта Жомини по высшей стратегіи; съ положеніемъ русскихъ финансовъ его знакомилъ министръ финансовъ графъ Канкринъ, а съ внѣшними отношеніями Россіи—старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бруновъ. Въ занятіяхъ высшими государственными науками военною, финансовой и дипломатической прошло начало 1838 года. 18 апрѣля въ день, когда Александру Николаевичу исполнилось двадцать лѣтъ, онъ былъ назначенъ шефомъ двухъ кавалерійскихъ полковъ—Павлоградскаго гусарскаго и Клястицкаго уланскаго[20]). Въ концѣ этого мѣсяца наслѣдникъ отправился въ продолжительное заграничное путешествіе съ цѣлью докончить свое образованіе. Во время пребыванія въ Копенгагенѣ цесаревичъ сильно простудился, и врачи посовѣтовали ему пройти курсъ лѣченія въ Эмсѣ. Недугъ наслѣдника отразился и на его внѣшности. Онъ поблѣднѣлъ, былъ грустенъ и задумчивъ, въ чертахъ лица выражалось страданіе. Такимъ изображаетъ цесаревича впервые увидѣвшій его въ Эмсѣ французскій посолъ Кустинъ, и, тѣмъ не менѣе, Александръ Николаевичъ произвелъ на него чарующее впечатлѣніе. «Выраженіе его взгляда,» — говоритъ Кустинъ про наслѣдника,—«доброта. Это въ полномъ смыслѣ слова—государь. Видъ его скроменъ безъ робости. Онъ прежде всего производитъ впечатлѣніе человѣка, превосходно воспитаннаго. Всѣ движенія его полны граціи. Онъ прекраснѣйшій образецъ государя изъ

Прибытіе цесаревича Александра Николаевича на виллу наслѣднаго принца Виртембергскаго, близъ Штутгарта.

[20]) Формулярный списокъ.

всѣхъ когда-либо мною виданныхъ»[21]). Мѣсяцъ, проведенный въ Эмсѣ, принесъ огромную пользу, и выздоровѣвшій наслѣдникъ отправился въ Богемію и сѣверную Италію, откуда Александръ Николаевичъ прибылъ въ Римъ, гдѣ пробылъ довольно долго, осматривая галлереи, библіотеки, Капитолійскій музей и другія достопримѣчательности вѣчнаго города. Изъ Италіи царственный путешественникъ двинулся на сѣверъ и посѣтилъ Вюртембергъ, Баденъ и Дармштадтъ; этотъ городъ пріобрѣлъ огромное значеніе въ жизни цесаревича,—здѣсь онъ былъ совершенно очарованъ дочерью принца Гессенскаго Людвига II принцессой Маріей, которой въ то время шелъ только пятнадцатый годъ. Ничего не скрывавшій отъ своихъ родителей Александръ Николаевичъ поспѣшилъ написать имъ о своемъ чувствѣ, однако, несмотря на все желаніе пробыть подольше въ Дармштадтѣ, поторопился выѣхать дальше, покорный распоряженію своего августѣйшаго отца, установившаго маршрутъ путешествія[22]). Посѣтивъ Майнцъ, Кобленцъ, Кельнъ, цесаревичъ прибылъ въ Роттердамъ. Почти цѣлый мѣсяцъ онъ пробылъ въ Голландіи, осматривая, между прочимъ, мѣста, прославленныя пребываніемъ въ нихъ Петра Великаго. Слѣдующій мѣсяцъ наслѣдникъ провелъ въ Англіи, гдѣ ему былъ оказанъ королевой Викторіей самый радушный, самый предупредительный пріемъ; 29 мая покинувъ Англію, Александръ Николаевичъ, побывавъ проѣздомъ въ Гаагѣ, Дюссельдорфѣ, прибылъ въ Эмсъ, но и здѣсь оставался не болѣе дня; его влекло въ Дармштадтъ, гдѣ уже шли переговоры съ родителями принцессы Маріи по поводу ея брака съ цесаревичемъ; помолвка, однако, была отложена до совершеннолѣтія принцессы. 23 іюня наслѣдникъ возвратился въ Россію.



Императрица Марія Александровна.

Вскорѣ, по повелѣнію государя, цесаревичъ сталъ принимать участіе въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, а съ 1840 года и въ Комитетѣ Министровъ.

Конецъ 1840 года былъ ознаменованъ двойнымъ торжествомъ: 5-го декабря состоялось миропомазаніе принцессы Маріи Гессенской, нареченной по принятіи въ лоно православной церкви великою княжною Маріею Александровной, а на другой день, въ именины государя—обрученіе ея съ наслѣдникомъ. Бракосочетаніе ихъ было совершено 16-го апрѣля 1841 года[23]). Въ день бракосочетанія наслѣдникъ цесаревичъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ членомъ и высшихъ правительственныхъ учрежденій имперіи. Съ каждымъ годомъ досуги цесаревича сокращались, и время поглощалось все болѣе и болѣе обширною и разнообразною государственною дѣятельностью. Когда государь уѣзжалъ изъ Петербурга, онъ возлагалъ на наслѣдника рѣшеніе дѣлъ Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, наслѣднику приходилось почти все время слѣдить за улучшеніемъ постановки военнаго

[21]) Custine. «La Russie en 1839».
[22]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.
[23]) Формулярный списокъ. «Высочайшій манифестъ 16-го апрѣля 1841 г.».

дѣла въ Россіи и за дѣятельностью нашихъ войскъ на границахъ. Кавказъ въ то время не былъ еще вполнѣ покоренъ, и, тѣмъ не менѣе, въ 1850 году наслѣдникъ предпринялъ путешествіе въ Закавказье, желая ближе познакомиться съ краемъ. Во время перехода изъ Воздвиженской крѣпости въ Ачхай наслѣдника сопровождалъ намѣстникъ князь Воронцовъ съ отрядомъ войскъ, состоявшимъ изъ трехъ родовъ оружія, туземной милиціи и толпы мирныхъ чеченцевъ. По обыкновенію его высочество ѣхалъ верхомъ съ авангардомъ. Подъ Черными горами пришлось встрѣтиться съ партіей чеченцевъ, которые произвели нѣсколько выстрѣловъ по наслѣднику и его свитѣ. Александръ Николаевичъ немедленно бросился впередъ, увлекая за собой казаковъ и свиту. Произошла стычка, въ которой былъ убитъ предводитель партіи чеченцевъ, а его шайка разсѣяна. Донося объ этомъ происшествіи государю, князь Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что онъ не могъ безъ страха видѣть, съ какой быстротой и смѣлостью цесаревичъ бросился въ цѣпь [25]). За это дѣло наслѣднику былъ пожалованъ Георгіевскій крестъ, согласно представленія и просьбы о томъ намѣстника Кавказа [26]). А 26 ноября 1852 года государь поздравилъ наслѣдника съ назначеніемъ его главнокомандующимъ гвардейскими и гренадерскими корпусами.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ отражаетъ неожиданное нападеніе чеченцевъ, во время своего путешествія по Кавказу.

Въ 1853 году на политическомъ горизонтѣ Россіи появились грозныя тучи... Началась война съ Турціей, въ которой приняли участіе Англія и Франція, ставъ на сторону нашего противника. Въ виду ожидаемаго появленія въ Балтійскомъ морѣ англо-французскаго флота, защита побережья отъ Выборга до Нарвы была поручена наслѣднику цесаревичу. Тяжелыя неудачи на полѣ военныхъ дѣйствій настолько угнетали Николая I, что даже его богатырская натура не выдержала тяжести испытанія, простуда довершила дѣло,—государь слегъ въ постель и не могъ уже заниматься дѣлами, бремя которыхъ возложилъ на наслѣдника, а 14 февраля 1855 года императоръ, чувствуя приближеніе смерти, благословилъ наслѣдника, завѣщавъ ему «служить Россіи» [27]).

На слѣдующій день на престолъ вступилъ императоръ Александръ Николаевичъ, во все время своего царствованія остававшійся вѣрнымъ завѣту своего почившаго отца, отдавая всѣ свои силы и дарованія служенію Россіи на благо и счастье своихъ подданныхъ.

Въ тяжелое время пришлось взять на себя бразды правленія новому государю.

---

[25]) Изъ всеподданнѣйшаго донесенія князя Воронцова.

[26]) Формулярный списокъ.

[27]) Графъ Блудовъ. Послѣдніе часы жизни императора Николая I-го.

Начавшаяся въ 1853 г. война съ Турціей повлекла за собой разрывъ съ Франціей и Англіей, и Россія одна принуждена была бороться сразу съ нѣсколькими державами, обладавшими многочисленной арміей и сильнымъ флотомъ. Защитники Севастополя, вѣрные долгу присяги и завѣтамъ русскаго оружія, оказывали такое отчаянное сопротивленіе союзнымъ арміямъ, что вызвали удивленіе даже въ своихъ противникахъ. Отъ послѣдняго рядового до военачальника, все было полно одной мыслью, однимъ желаніемъ: отстоять Севастополь во что бы то ни стало, не считая ни жертвъ, ни усилій... Смерть за царя и отечество, казалось, стала единственнымъ лозунгомъ севастопольскихъ героевъ... Страшная бомбардировка сносила днемъ всѣ укрѣпленія, возводимыя ночью; солдаты и спали, и ѣли на позиціяхъ, почти ежедневно отбивая отчаянныя атаки раздраженнаго сопротивленіемъ непріятеля.

Цѣлый рядъ баснословныхъ геройскихъ подвиговъ занесла исторія на свои страницы,

Перовъ. Пластуны подъ Севастополемъ.

описывая Севастопольскую эпопею, тѣмъ не менѣе, борьба была слишкомъ неравной, и Россія ежедневно несла огромныя потери; подкрѣпленія на театръ войны подходили медленно и притомъ далеко не въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ приходилось значительное число войскъ держать на австрійской границѣ, въ виду возможнаго разрыва съ Австріей.

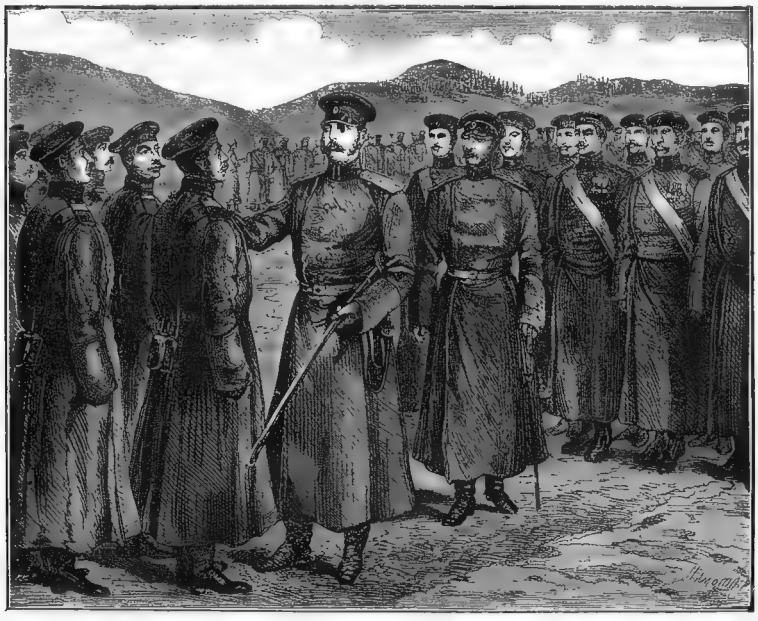
Съ призывомъ государственнаго ополченія военныя силы Россіи были напряжены до послѣдней крайности, равно какъ истощены и финансовыя средства, между тѣмъ къ нашимъ врагамъ готовы были присоединиться еще и другія изъ западно-европейскихъ державъ; такимъ образомъ, противъ Россіи была почти вся Европа. Императоръ Александръ прекрасно сознавалъ, что борьба была слишкомъ неравной и продолженіе войны не по силамъ для Россіи. Онъ готовъ былъ заключить миръ, но миръ, отвѣчающій интересамъ и чести Россіи; въ противномъ же случаѣ нужно было собрать всѣ силы государства и направить ихъ на отраженіе враговъ. О таковыхъ своихъ намѣреніяхъ Александръ II прямо

заявилъ представителямъ иностранныхъ государствъ, привѣтствовавшихъ его, по случаю его воцаренія.

— «Я готовъ», сказалъ онъ, «протянуть руку примиренія на условіяхъ, принятыхъ моимъ отцомъ, но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я во главѣ моей вѣрной Россіи и всего народа смѣло вступлю въ бой» [28]).

Выѣздъ Императора Александра II изъ Бахчисарая въ Севастополь 28 октября 1855 года. Съ литогр. Тимма.

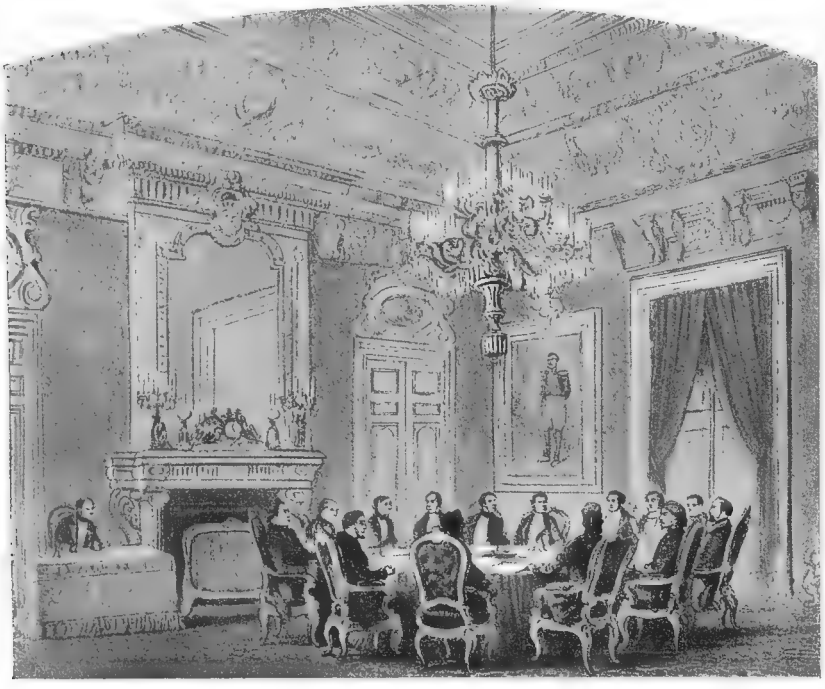
Между тѣмъ, военныя дѣйствія продолжались, и извѣстія съ театра войны получались по большей части неутѣшительныя, но государь мужественно выслушивалъ ихъ, не давая замѣтить тѣхъ мукъ, какія они ему приносили, а, наоборотъ, старался вселить бодрость и мужество въ сердца упавшихъ духомъ. Наконецъ, палъ послѣ неравной борьбы Севастополь—русскія войска отступили, оставивъ врагу лишь однѣ пылающія развалины. Несмотря на такое печальное извѣстіе, государь сохранилъ присущее ему хладнокровіе, величіе духа и смиреніе передъ Божественнымъ Промысломъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ главнокомандующему арміей кн. Горчакову: «Какъ ни тяжела матеріальная потеря Севастополя и уничтоженіе Черноморскаго флота, но я сожа-



Императоръ Александръ II награждаетъ нижнихъ чиновъ, отличившихся при оборонѣ Севастополя.

[28]) Рѣчь государя дипломатическому корпусу 20 февраля 1855 г.

лѣю гораздо болѣе о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ. Не унывайте, а вспомните 1812 годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ — не Россія. Два года послѣ пожара московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы — тѣ же русскіе, и съ нами Богъ» [29]).



Засѣданіе Парижской конференціи 1856 года.

Какъ видно изъ этого письма, императоръ паденіе Севастополя считалъ началомъ новой войны и рѣшилъ дѣятельно готовиться къ ней, для чего самъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій и пробылъ болѣе мѣсяца среди арміи, возбуждая духъ ея на новые геройскіе подвиги. Въ это время было получено радостное извѣстіе о взятіи неприступной турецкой крѣпости Карса. Эта побѣда дала возможность Россіи начать переговоры о мирѣ на условіяхъ, отвѣчающихъ ея достоинству.

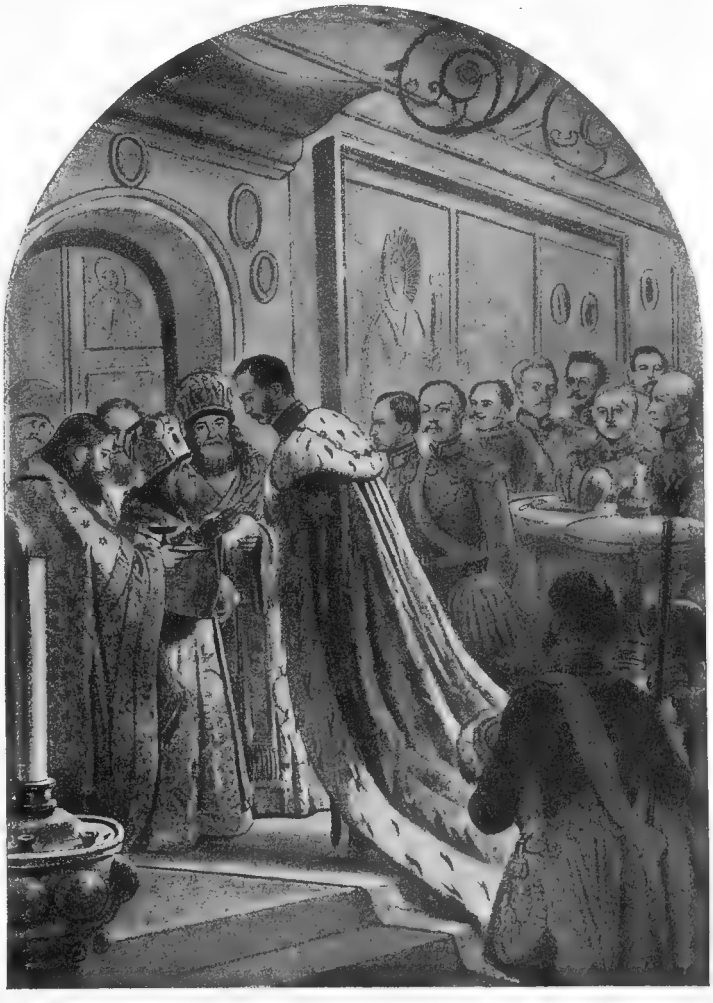
18 марта 1856 г. мирный договоръ былъ подписанъ, а 19 марта объ окончаніи войны узнала вся Россія изъ обнародованнаго высочайшаго манифеста. Выказанныя государемъ мужество и твердость во время минувшей кровавой и тяжелой войны привязали къ нему сердца всѣхъ его подданныхъ и питали въ нихъ твердую увѣренность, что съ такимъ же неуклоннымъ рвеніемъ государь будетъ стремиться и къ внутреннему обновленію Россіи. Надежды эти не замедлили осуществиться.

Послѣ коронованія 26-го августа 1856 года, которое было ознаменовано многочисленными милостями, императоръ Александръ II тотчасъ же приступилъ къ выполненію намѣченныхъ имъ преобразованій на началахъ человѣколюбія и справедливости. Такъ, признавая необходимымъ улучшить бытъ солдатъ, поднять въ немъ нравственный духъ и, вообще, поставить военную службу на должную высоту, государь въ 1860 году высочайше повелѣлъ отмѣнить ранѣе практиковавшуюся въ широкихъ размѣрахъ отдачу въ солдаты въ наказаніе за разныя уголовныя преступленія. Но самымъ выдающимся зломъ того времени было, несомнѣнно, крѣпостничество, и на искорененіе этого зла безъ замедленія государь приложилъ всѣ усилія, не останавливаясь передъ тѣми затрудненіями, кото-

[29]) Письмо государя князю М. Д. Горчакову. 2 сентября 1855 г.

рыя пришлось преодолѣвать, когда долженъ былъ ломаться вѣковой укладъ русской жизни.

Первыми шагами въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостничества было установленіе тѣхъ началъ, на которыхъ оно должно было совершиться, и для выработки ихъ былъ учрежденъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ кн. Орлова негласный комитетъ, который государь лично открылъ 3 января 1857 года. Недовольный впослѣдствіи медленностью работы негласнаго комитета, государь, желая подвинуть дѣло, назначилъ членомъ его великаго князя Константина Николаевича, убѣжденнаго поборника освобожденія крестьянъ. Въ это же время государю былъ представленъ адресъ отъ дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, съ выраженіемъ желанія освободить крѣпостныхъ крестьянъ по образцу Прибалтійскихъ губерній. Государь рескриптомъ 20 ноября 1857 года на имя виленскаго генералъ-губенатора Назимова разрѣшилъ въ этихъ трехъ губерніяхъ открыть приготовительные комитеты для выработки проектовъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, но при непремѣнномъ условіи надѣленія ихъ землею. Высочайшій рескриптъ сопровождался съ одобренія государя особымъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ на имя генералъ-губернатора, въ которомъ Ланской высказывалъ свои соображенія, долженствовавшія служить дворянскимъ комитетамъ пособіемъ для ихъ занятій.



Миропомазаніе Императора Александра II въ Успенскомъ соборѣ.

22 ноября, принимая воронежскаго губернатора Синельникова, государь разсказалъ ему объ адресѣ литовскихъ дворянъ и о состоявшемся распоряженіи по этому поводу. «Я рѣшился дѣло привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь», добавилъ онъ, отпуская Синельникова[30]).

Эти слова государя вызвали циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ началь-

[30]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

никамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, къ которому были приложены копіи высочайшаго рескрипта и «министерскаго отношенія на имя Назимова, для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство вашей губерніи изъявило подобное желаніе»[31])...

Такимъ образомъ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ ставился гласно и безповоротно; допускалось публичное обсужденіе въ обществѣ и печати всѣхъ проектовъ, касавшихся устройства быта крестьянъ, почему 8 января 1858 года существовавшій до сего времени негласный комитетъ былъ преобразованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, подъ предсѣ-

Государь въ 1857 г. говоритъ въ Москвѣ дворянству о необходимости приступить къ освобожденію крестьянъ.

дательствомъ самого императора. По порученію комитета, однимъ изъ членовъ его генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ была выработана программа, одинаковая для всѣхъ комитетовъ, по смыслу которой все дѣло передавалось губернскимъ комитетамъ. Пока въ этихъ комитетахъ, гдѣ засѣдали люди различныхъ убѣжденій, происходила борьба между сторонниками и противниками крестьянской реформы, главный комитетъ, образовавъ 15 іюля 1858 г. особую комиссію для разсмотрѣнія поступавшихъ изъ губерній проектовъ, временно пріостановилъ свою дѣятельность, такъ какъ почти всѣ члены его разъѣхались; уѣхалъ, между прочимъ, въ четырехмѣсячный отпускъ за границу и Ростовцевъ, чтобы всецѣло предаться изученію крестьянскаго вопроса. Въ этомъ же іюлѣ мѣсяцѣ и императоръ

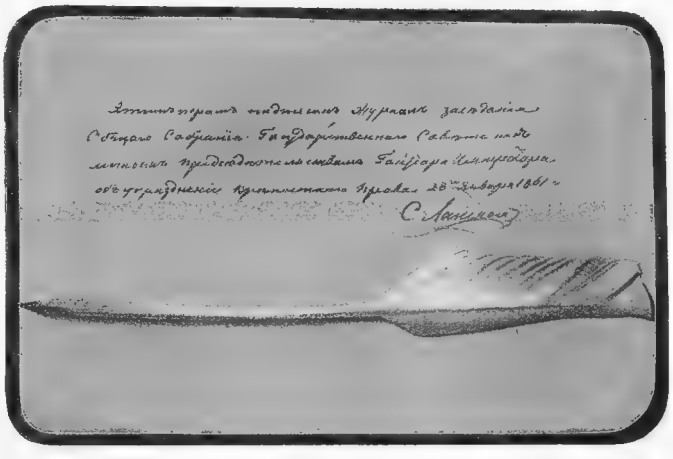
[31]) Циркуляръ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 24-го ноября 1857 года.

Александръ II предпринялъ поѣздку по Россіи, во время которой, путемъ личныхъ наблюденій и изъ бесѣдъ съ дворянами, убѣдился, что со стороны дворянства трудно ожидать особенно сильной оппозиціи, такъ какъ реформа освобожденія имѣетъ среди нихъ много сторонниковъ. Въ свою очередь государь неоднократно подтверждалъ свое неуклонное желаніе освободить крестьянъ.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Возвратившись въ С.-Петербургъ, государь въ засѣданіи главнаго комитета 18 октября повелѣлъ принять къ руководству слѣдующую программу для основы крестьянской реформы: 1) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; 2) чтобы помѣщикъ не медленно успокоился, что интересы его ограждены, и 3) чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась.

Съ осени 1858 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ стали поступать проекты губернскихъ комитетовъ, для разсмотрѣнія которыхъ главный комитетъ предположилъ учредить редакціонныя комиссіи, которыя 19 февраля 1859 года были утверждены государемъ, а предсѣдательство въ нихъ поручено Ростовцеву. Ростовцевъ принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ комиссій и доставлялъ самыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ занятій государю, прочитывавшему всѣ журналы комиссій и дѣлавшему на нихъ собственноручно помѣтки. 5 сентября обсужденіе докладовъ редакціонныхъ комиссій было закончено, и оставалось лишь обсудить ихъ съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ, которые были раздѣлены на двѣ смѣны. Вскорѣ послѣ того, какъ были отпущены депутаты перваго призыва, умеръ Ростовцевъ, и предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій назначенъ графъ Панинъ.



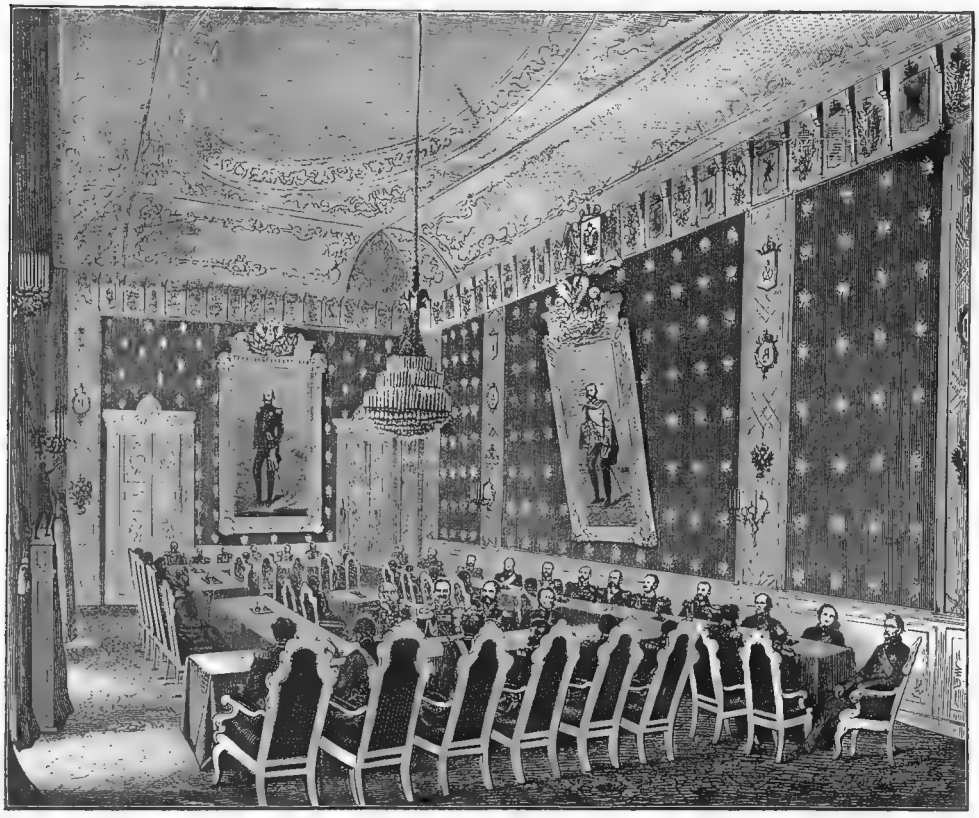
Историческое перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ 19 февраля 1861 г. Хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

10 октября 1860 года редакціонныя комиссіи закрылись, передавъ составленные ими проекты положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на обсужденіе главнаго комитета. Въ главномъ комитетѣ проекты вызвали горячую борьбу и споры между членами комитета, и дѣло, такимъ образомъ, опять затягивалось. Тогда императоръ рѣшительно и властно выступилъ съ изъявленіемъ своей непреклонной воли, заявляя, что онъ не допуститъ никакихъ проволочекъ и назначаетъ послѣдній срокъ завершенія всего

дѣла 15-го февраля 1861 года. «Этого», сказалъ государь, «я желаю, требую, повелѣваю»[32]).

Благодаря такъ категорически выраженной волѣ государя, разсмотрѣніе положенія о крестьянахъ началось въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января въ личномъ присутствіи государя, а 19-го февраля императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостного права, заканчивающійся знаменательными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой собственный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»[33]).

2-го марта манифестъ былъ объявленъ Сенату, а 5-го марта обнародованъ во всеобщее



Засѣданіе Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Государя Александра II по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

свѣдѣніе въ Петербургѣ, въ церквахъ послѣ обѣдни. Народъ принялъ извѣстіе о своемъ освобожденіи съ какимъ-то даже благоговѣніемъ, не допуская никакого шума и пьянства, несмотря на то, что въ этотъ день приходилось прощеное воскресенье. Только въ тѣ минуты, когда народъ видѣлъ своего любимаго царя, онъ не могъ сдерживать чувства переполнившаго его ликованія, и раздавалось могучее и горячее «ура». Не менѣе счастливъ былъ и самъ государь. По словамъ очевидцевъ, въ тотъ самый день, когда на Сенатской площади толпа только что сбросившаго цѣпи рабства народа поднесла хлѣбъ-соль своему

---

[32]) Журналъ засѣданія главнаго комитета 16 янв. 1861 г.

[33]) Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 г.

Освобожденіе крестьянъ.
Съ картины К. Лебедева.

Царю-Освободителю, лицо государя, казалось, окружено было сіяніемъ, до того свѣтло было оно отъ сіявшей на немъ радости. Въ тотъ же день, вечеромъ, придя, какъ разсказываютъ, къ своей малолѣтней дочери Маріи Александровнѣ, государь, цѣлуя ее со слезами умиленія на глазахъ, сказалъ: «Сегодня—лучшій день моей жизни»[34]).

Великое дѣло совершилось: цѣпи рабства, цѣпи безправія, цѣпи слезъ и горя народнаго пали по мановенію руки императора, прибавившаго этимъ актомъ милосердія и справедливости къ своему величавому титулу самодержавнаго царя завидный и трогательный эпитетъ—Освободителя. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, государь въ концѣ лѣта 1861 года предпринялъ со всей августѣйшей семьей путешествіе въ Крымъ. Ѣхать надо было черезъ всю Россію; отъ Москвы желѣзной дороги еще не было, и ѣхать приходилось на лошадяхъ. Во время этой поѣздки государь могъ воочію убѣдиться, какой любовью

Александръ II съ цесаревичемъ Николаемъ на Сенатской площади принимаетъ хлѣбъ-соль отъ крестьянъ.

и благоговѣніемъ окружено его имя. По пути слѣдованія государя, со всѣхъ сторонъ стекался освобожденный народъ для того, чтобы хотя издали взглянуть на своего державнаго благодѣтеля. Гдѣ только хотя на пять минутъ останавливался государь, тамъ чуть ли не за сто верстъ собирались крестьяне, подносили ему хлѣбъ-соль, цѣловали руки, одежду и провожали благословеніями.

По возвращеніи изъ путешествія, Александръ II опять всецѣло отдалъ себя работѣ по внутреннему преобразованію Россіи. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, естественно, должны были исчезнуть и послѣдніе слѣды рабства, и, дѣйствительно, по волѣ монарха-человѣколюбца, были отмѣнены жестокія и позорныя наказанія, налагавшіяся прежде за преступленія, напримѣръ: прохожденіе сквозь строй, шпицрутены, кошки, клейменія и др. Затѣмъ необходимо должно было совершиться коренное переустройство мѣстнаго

[34]) Крѣпостничество и воля (юбилейное изданіе 1911 г.).

управленія, такъ какъ актъ 19-го февраля внесъ переворотъ въ гражданскія отношенія, что и произошло проведеніемъ въ жизнь земской, городской, а впослѣдствіи и судебной реформъ.

Общество восторженно привѣтствовало земскую реформу, и даже дворянство, ранѣе уклонявшееся отъ службы по выборамъ, теперь наряду съ прочими сословіями принялось съ необычайнымъ одушевленіемъ за устройство мѣстной жизни и выдвинуло много, дѣйствительно, блестящихъ дѣятелей на новомъ поприщѣ. «Призванному вами, государь, къ новой жизни земству при полномъ его развитіи суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи», писало во всеподданнѣйшемъ адресѣ московское дворянство 11 января 1865 года[35]). Спустя шесть лѣтъ послѣ введенія земскихъ учрежденій и города получили право самостоятельнаго завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ и управленіемъ. Почти въ одно время со введеніемъ земскихъ учрежденій Александръ II приступилъ къ переустройству существовавшаго тогда порядка судоустройства и судопроизводства.

Въ виду того, что въ судѣ не допускалось присутствія не только постороннихъ, но даже и заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, судьи, подъ покровомъ тайны дѣлопроизводства, нерѣдко допускали злоупотребленія, рѣшали дѣла въ пользу лицъ, давшихъ крупную взятку. Дѣла тянулись безконечно долгое время, такъ какъ всѣ необходимыя для выясненія дѣла свѣдѣнія добывались путемъ письменныхъ справокъ, а не личныхъ объясненій на судѣ. Съ другой стороны, благодаря такому порядку, и лица, обвиняемыя въ уголовныхъ преступленіяхъ, нерѣдко только подозрѣваемыя, принуждены были цѣлыми годами находиться въ заключеніи, ожидая окончанія ихъ дѣла. Государь, будучи истиннымъ другомъ человѣчества и защитникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, прекрасно сознавалъ, что такое положеніе не должно долѣе продолжаться, и рѣшилъ дать своимъ подданнымъ судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ, взамѣнъ прежняго медленнаго, пристрастнаго и подчасъ даже жестокаго.

Открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій въ С.-Петербургѣ въ 1866 г.

Для осуществленія этой цѣли еще осенью 1861 года государственный секретарь Бутковъ съ графомъ Блудовымъ представили государю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ предлагалось образовать для выработки основныхъ началъ судебной реформы особую комиссію при государственной канцеляріи съ привлеченіемъ къ участію въ ней извѣстныхъ юристовъ. Въ 1862 году выработанныя

[35]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Т. II.

комиссіей начала были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, 27 сентября утверждены государемъ, и по высочайшему повелѣнію были опубликованы въ «Собраніи узаконеній».

Въ 1863 году, другая комиссія, руководствуясь этими началами, приступила къ составленію судебныхъ уставовъ, къ осени закончила свою работу, и уставъ поступилъ на разсмотрѣніе собственной его императорскаго величества канцеляріи и министра юстиціи. Въ декабрѣ судебные уставы были внесены въ Государственный Совѣтъ, а въ 1864 году 20-го ноября получили высочайшее утвержденіе [36]). Судебныя установленія были введены сначала въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ, а затѣмъ во всей европейской Россіи. Особенно торжественно было обставлено открытіе ихъ въ Петербургѣ въ присутствіи государя императора. Но среди кипучей преобразовательной дѣятельности

Защенко. Волостной судъ.

Александра II постигло тяжелое горе. Въ ночь съ 11 на 12 апрѣля 1865 года, на югѣ Франціи, въ виллѣ Бермонъ, скончался старшій сынъ императора—наслѣдникъ престола великій князь Николай Александровичъ. Вся царская семья во главѣ съ державнымъ родителемъ окружала постель умирающаго. Горе императора и императрицы, нѣжно любившихъ своего первенца, не поддается описанію, но и въ эту горестную минуту императоръ Александръ, съ необычайнымъ мужествомъ превозмогая душевныя страданія, нашелъ въ себѣ силы утѣшать и успокаивать своего второго сына—великаго князя Александра Александровича, для котораго покойный наслѣдникъ цесаревичъ былъ не только нѣжнымъ братомъ, но и другомъ. Глубочайшей скорбью и величайшимъ смиреніемъ передъ Божественнымъ Промысломъ проникнутъ высочайшій манифестъ о кончинѣ наслѣд-

[36]) Высочайшій указъ 20 ноября 1864 г.

ника цесаревича: «Покоряясь безропотно Промыслу Божьему»,—говорится въ манифестѣ,—«мы молимъ Всемогущаго Творца вселенной, да дастъ намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею намъ ниспосланной». Въ концѣ манифеста возвѣщалось о провозглашеніи наслѣдникомъ-цесаревичемъ великаго князя Александра Александровича[37]).

Вел. Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Новые порядки, установившіеся въ Россіи благодаря великимъ преобразованіямъ императора Александра II, вызывали особенную нужду въ просвѣщенныхъ и образованныхъ людяхъ, которые нужны были прежде всего для разумнаго проведенія въ жизнь свѣтлыхъ идей царя-преобразователя. Признавая, что распространеніе просвѣщенія въ народѣ есть главное условіе его благоденствія, императоръ Александръ II, лично убѣдившійся при поѣздкахъ по Россіи, что главнымъ препятствіемъ къ ея преуспѣянію является народное невѣжество, пожелалъ дать своимъ подданнымъ всѣ возможныя средства къ просвѣщенію. Въ 1862 году облегчено чтеніе публичныхъ лекцій, а также возстановлены каѳедры философіи и государственнаго права, на нужды университетовъ увеличены отпуски необходимыхъ средствъ. Значительному измѣненію подверглась также программа средней школы. Что касается низшихъ школъ, то эти школы необходимо признать созданіемъ императора Александра II. Незабвеннымъ актомъ 19 февраля 1861 года императоръ вывелъ русскій народъ изъ мрака безправія и рабства, а послѣдующими узаконеніями въ области народнаго просвѣщенія желалъ вывести освобожденный народъ изъ мрака невѣжества. Поэтому заботы Царя-Освободителя о народномъ образованіи, выразившіяся въ возникновеніи цѣлой сѣти низшихъ школъ, по справедливости должны быть отнесены къ числу важнѣйшихъ дѣлъ его свѣтлаго царствованія.

Внутреннее обновленіе Россіи повело и къ внѣшнему переустройству государства: благодаря неусыпнымъ заботамъ императора, страна покрылась цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, а въ связи съ развитіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія стала совершенствоваться почта, появился телеграфъ, начала развиваться промышленность и торговля, въ финансовое управленіе государства были внесены существенныя измѣненія и улучшенія[38]).

Отношеніе государя къ Польшѣ ярко рисуетъ отеческія заботы его о Россіи и населяющихъ ее народахъ. Во время посѣщенія Варшавы, въ маѣ 1856 года, государь, принимая польскую депутацію, сказалъ ей: «Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ такъ же, какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ, но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія. Тѣхъ, кто

---

[37]) Высочайшій манифестъ 12 апрѣля 1865 г.

[38]) Крѣпостничество и воля (юбилейное изданіе, 1911 г.).

захотѣлъ бы остаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступать изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло...

«Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великой семьей русскихъ императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтанія» [39])...

Послѣ приведенной рѣчи у поляковъ не должно было оставаться и тѣни сомнѣній,

Гагаринъ. Свиданіе ген. Клюке-фонъ-Клюгенау съ Шамилемъ.

что вопросъ объ отдѣленіи Польши похороненъ окончательно и безповоротно, но въ то же время изъ этой рѣчи они должны были вынести впечатлѣніе въ высшей степени гуманнаго и доброжелательнаго отношенія императора къ Польшѣ, какъ составной части его имперіи. Тѣмъ не менѣе, въ 1863 году волненія въ Польшѣ приняли угрожающіе размѣры, но и тутъ поляки въ лицѣ русскаго императора нашли не строгаго судью, карающаго преступленіе со всею силою закона, а добраго отца, горячо желающаго положить конецъ распрѣ между своими дѣтьми, обѣщающаго прощеніе проступковъ и забвеніе содѣянному.

---

[39]) Изъ рѣчи предводителямъ дворянства, сенаторамъ и католическому духовенству, произнесенной государемъ въ Варшавѣ 11 мая 1856 г.

Однако, прекрасные порывы государя были истолкованы не какъ желаніе избѣжать крутыхъ мѣръ, а лишь, какъ выраженіе слабости; волненія не прекращались. Дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что государь принужденъ былъ принять самыя рѣшительныя мѣры, и мятежъ былъ подавленъ силою оружія. Усмиреніе Польши и прекращеніе военныхъ дѣйствій на западѣ дало возможность Россіи обратить вниманіе на свои южныя границы, гдѣ на Кавказѣ горцы, поддерживаемые Турціей, оказывали намъ сильное сопротивленіе. Особеннымъ упорствомъ среди нашихъ противниковъ отличался имамъ Шамиль, сумѣвшій объединить противъ русскихъ почти всѣ еще непокоренныя горскія племена; сама природа Кавказа, неприступныя скалы, дремучіе лѣса, горныя рѣчки, обрывы и пропасти служили естественной надежной защитой нафанатизированному противъ насъ населенію; каждый шагъ впередъ запечатлѣвался русскою кровью, каждая побѣда стоила дорогихъ жертвъ, тѣмъ не менѣе, въ 1858 году былъ взятъ Ведень, откуда Шамиль поспѣшилъ бѣжать въ горы съ остатками своего отряда, а затѣмъ, при аулѣ Гунибъ послѣ отчаяннаго сопротивленія принужденъ былъ сдаться и самъ на милость побѣдителя. Въ 1862 году государь пожелалъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ и 11 сентября прибылъ туда. Вскорѣ послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ кавказской арміей великаго князя Михаила Николаевича. Подъ его руководствомъ покореніе Кавказа пошло впередъ быстрыми шагами и закончилось къ концу лѣта 1863 года.

Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на печальное положеніе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, подвергавшихся постоянно хищническимъ набѣгамъ подвластныхъ Кавказу, Бухарѣ и Хивѣ дикихъ кочевниковъ. Государь рѣшилъ положить этому предѣлъ, и въ 1864 году русскія войска были двинуты изъ Вѣрнаго и форта «Петровскаго» для обузданія сосѣднихъ племенъ и охраны нашихъ владѣній отъ ихъ набѣговъ и грабежей. Въ слѣдующемъ году генераломъ Черняевымъ послѣ кровопролитнаго штурма былъ взятъ главный городъ Коканскаго ханства Ташкентъ, а потомъ, послѣ взятія русскими Самарканда пришлось и бухарскому эмиру признать силу и значеніе Россіи и предоставить ей право свободной торговли въ его владѣніяхъ. Вслѣдъ за Бухарою наступила очередь Хивы. Послѣ неимовѣрныхъ усилій во время степного похода, русскія войска достигли Хивинскаго ханства. Рядъ сраженій окончился въ нашу пользу, и ханъ изъявилъ полную покорность. Здѣсь, какъ и въ Бухарѣ, по волѣ русскаго императора послѣдовала отмѣна на вѣчныя времена торговли рабами. Послѣ этой кампаніи русскія границы

Взятіе Ташкента.

на юго-востокѣ были обезпечены отъ нападенія кочевниковъ, и русское вліяніе упрочилось въ Азіи...

Наступило время, когда можно было надѣяться, что ничто уже болѣе не должно помѣшать мирному развитію государства и процвѣтанію Россіи на новыхъ началахъ ея внутренней жизни; самъ государь принималъ всѣ мѣры, дабы избѣжать какихъ-либо осложненій во внѣшней политикѣ и выражалъ стремленіе къ поддержанію и сохраненію мира въ Европѣ; съ этой цѣлью русское правительство, опираясь на договоры и соглашенія, заключенные между европейскими государствами, неоднократно принимало на себя посредничество въ прекращеніи международныхъ осложненій. Личное миролюбіе императора Александра II ярко выразилось въ 1875 году, когда, исключительно благодаря его вмѣшательству, былъ предотвращенъ разгромъ Франціи Германіей.

Несмотря, однако, на такія стремленія императора, ему пришлось отказаться отъ своей мирной политики при разрѣшеніи славянскаго вопроса.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Изнемогавшее подъ гнетомъ турецкаго ига славянское населеніе Балканскаго полуострова не разъ хваталось за оружіе. Турки пользовались случаемъ и къ подавленію мятежа среди подвластныхъ имъ славянскихъ народовъ присоединили идею подчиненія исламу всего христіанства; возбуждаемые муллами и фанатиками исламизма, турецкія войска и шайки баши-бузуковъ, посылаемыя на усмиреніе въ Болгарію, творили такія жестокости, что перо отказывается ихъ описывать. Цѣлыя деревни и села подвергались полному истребленію. Мужчинъ и женщинъ, подвергали безчеловѣчнымъ пыткамъ, убивали дѣтей на глазахъ у родителей, сажали на колъ, жгли, закапывали живыми въ землю... Вопли несчастныхъ невольно заставили обратить на нихъ вниманіе Европы, но дальше дипломатическихъ напоминаній и внушеній дѣло не пошло... Славянамъ самимъ пришлось бороться за свое существованіе. Сербія и Черногорія объявили войну Турціи,—законный поводъ для наводненія Болгаріи и Сербіи турецкими полчищами и предоставленія побѣжденныхъ на волю побѣдителей...

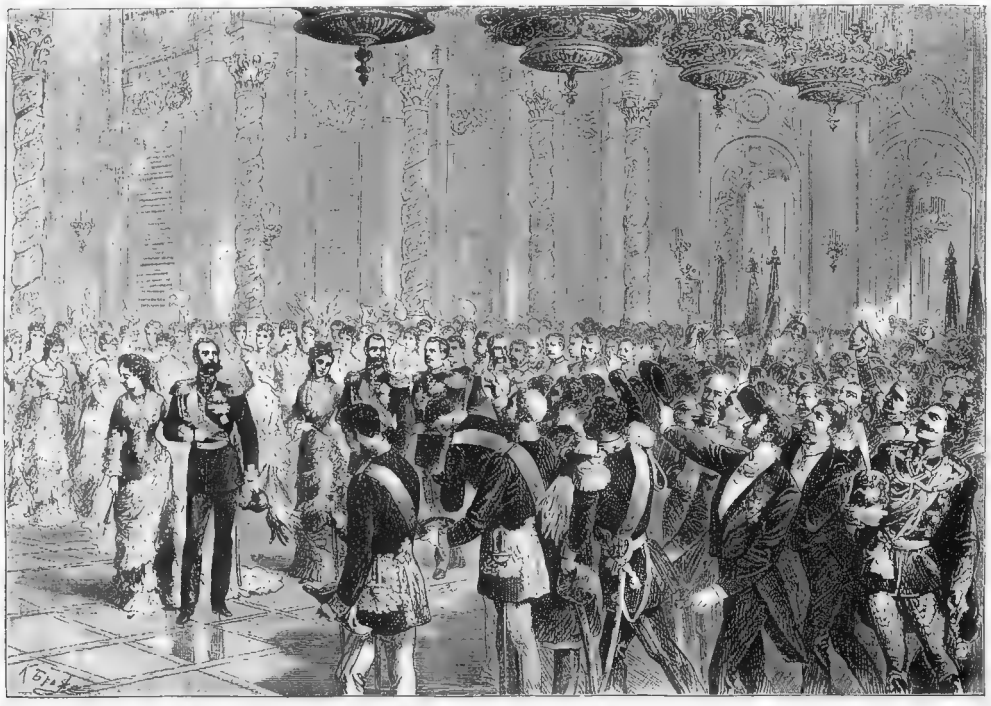
Императоръ Александръ II, до сихъ поръ пытавшійся итти рука объ руку съ европейской дипломатіей, не въ силахъ былъ ограничиться новымъ напоминаніемъ Турціи о принадлежности ея къ культурнымъ европейскимъ государствамъ и энергично и настойчиво потребовалъ прекращенія неравной борьбы съ Сербіей и Черногоріей и облегченія участи болгаръ[40]). Русскій народъ всецѣло присоединился къ рѣшенію своего верховнаго вождя и еще до объявленія войны чутко прислушивался ко всѣмъ вѣстямъ съ Балканскаго полуострова, съ болью и замираніемъ сердца слѣдя за всѣми перепитіями славянской драмы. Со всѣхъ концовъ русской земли стекались пожертвованія на помощь братьямъ—славянамъ, а когда герой Ташкента генералъ Черняевъ получилъ возможность принять начальство надъ сербской арміей, цѣлыя толпы русскихъ добровольцевъ вступили въ ряды ея.

[40]) Телеграмма государя генералъ-адъютанту Игнатьеву.

По увѣреніямъ иностранной печати источникомъ войны въ 1877 году между Россіей и Турціей были: 1) честолюбіе Россіи, 2) упорство чувства національности въ христіанскихъ народахъ, подвластныхъ Турціи и 3) глубокій развратъ турецкой администраціи при отсутствіи человѣческихъ общественныхъ основъ.

Нельзя, конечно, не согласиться, что послѣдніе два источника указаны совершенно правильно, но упрекъ русскому честолюбію въ освободительной войнѣ является ни чѣмъ инымъ, какъ исторической клеветой, и объясняется исключительно желаніемъ оправдать свое бездѣйствіе въ то время, когда родственные Россіи по крови и вѣрѣ народы гибли въ неносильной борьбѣ съ вооруженнымъ исламомъ.

Оригинальнѣе всего то, что въ настоящемъ случаѣ обвиненіе въ честолюбіи обращалось къ тому именно русскому императору, который въ теченіе двадцатидвухлѣтняго царство-



Императоръ Александръ II въ Москвѣ послѣ объявленія войны Турціи въ 1877 году.

ванія отличался величайшимъ миролюбіемъ и человѣчностью,—къ императору, который доказалъ всему міру, что онъ ни минуты не считаетъ возможнымъ медлить тамъ, гдѣ дѣло касалось искорененія варварства, неправды и насилія.

Со слезами на глазахъ, съ душевною мукой за массу жертвъ, которыя должна была принести Россія на алтарь сочувствія злополучіямъ и справедливымъ жалобамъ угнетенныхъ братьевъ-славянъ, приступалъ Александръ II къ объявленію войны Турціи[41]). 11-го апрѣля 1877 года русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ извѣстилъ Порту, что ему велѣно выѣхать изъ предѣловъ Турціи. Въ этотъ же день государь Александръ Николаевичъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ находилась главная квартира дѣйствующей арміи, а 12 апрѣля имъ былъ подписанъ манифестъ объ объявленіи войны.

---

[41]) Гр. Сологубъ. Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году.

Во время чтенія манифеста государь плакалъ, и это волненіе обожаемаго монарха сообщилось всѣмъ окружающимъ. Когда началось молебствіе, государь лично скомандовалъ: «баталіоны на колѣни», и самъ прослушалъ весь молебенъ, стоя на колѣняхъ. Послѣ возглашенія многолѣтія епископъ Павелъ окропилъ знамена святой водой. Подойдя къ главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, императоръ крѣпко его обнялъ и поцѣловалъ, потомъ снова сѣлъ на коня и, пропуская войска, говорилъ съ каждымъ отдѣльнымъ полкомъ. «Прощайте, до свиданія! Возвращайтесь поскорѣй со славою. Поддержите честь русскаго оружія. Да хранитъ васъ Всевышній». Вотъ, слова, которыми напутствовалъ императоръ свою армію. Громовое «ура» покрывало царскія слова»[42]). Кавалерія прямо съ плаца выступила въ походъ и къ вечеру того же дня заняла Барбашскій мостъ,—дорога къ Дунаю была открыта. 14-го апрѣля передовые русскіе отряды заняли Браиловъ, а черезъ недѣлю первый выстрѣлъ съ русскихъ батарей на Дунаѣ возвѣстилъ начало войны.

Взрывъ мины Дубасова. Съ современной лубочной картины.

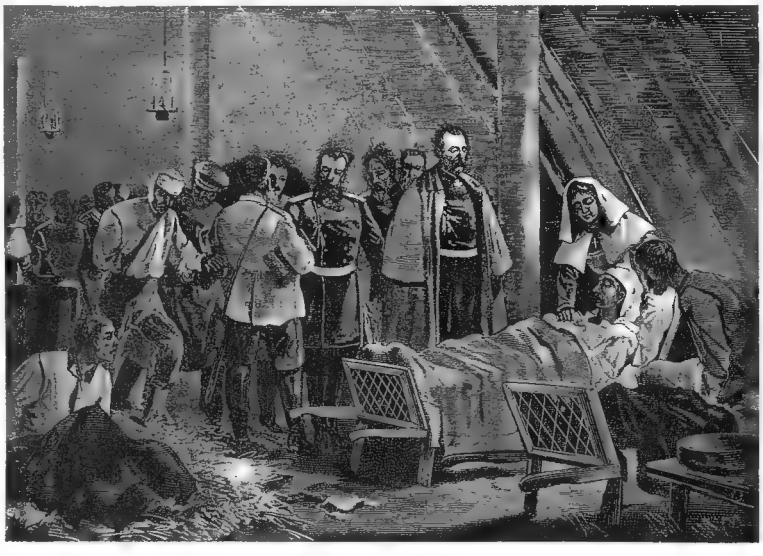
Проводивъ войска, императоръ еще цѣлую недѣлю оставался въ Кишиневѣ, осматривая госпитали, лазареты и встрѣчая идущія въ походъ войска. Обаяніе императора, его участіе и ласки къ идущимъ на бой войскамъ были такъ велики, что, по разсказамъ участниковъ войны, проводы ихъ государемъ въ Кишиневѣ навсегда остались живы въ ихъ сердцахъ. 22-го апрѣля государь изъ Кишинева прибылъ въ Москву. Восторгъ москвичей при встрѣчѣ и во время пребыванія государя въ первопрестольной столицѣ не поддается описанію. «У всѣхъ на сердцѣ былъ свѣтлый праздникъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ. Принимая депутацію отъ московскаго дворянства и городской думы, государь дрожащимъ отъ волненія и слезъ голосомъ сказалъ: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, родного Кремля я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до-нельзя щадить дорогую русскую

[42]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ, Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12-го апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ государыней императрицей благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно-патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, а дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за вѣру, царя и отечество».

Великій Князь Николай Николаевичъ.

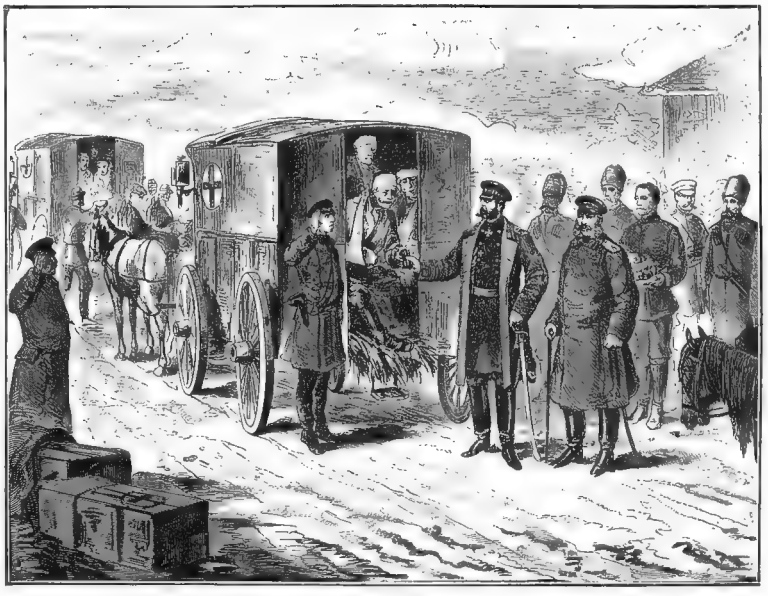
Посѣтивъ Троицкую лавру и помолившись здѣсь у гроба преподобнаго Сергія, государь вернулся въ Петербургъ. Всѣ города, всѣ классы общества, словомъ, вся Россія въ цѣломъ рядѣ восторженныхъ адресовъ спѣшили выразить свое полное сочувствіе императору. Въ то время, какъ государь получалъ со всѣхъ сторонъ вѣрноподданническія заявленія, наша армія совершила уже нѣсколько геройскихъ подвиговъ. Одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, войска кавказской арміи, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича, вступили въ Малую Азію. Первыя дѣйствія русскихъ войскъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, ознаменовались блестящими успѣхами. На Дунаѣ выстрѣлами нашихъ береговыхъ батарей былъ взорванъ турецкій мониторъ «Леофти Джелиль», а другой мониторъ былъ потопленъ шестовыми торпедами во время безумно-смѣлой атаки минныхъ катеровъ подъ командой лейтенантовъ Дубасова и Шестакова [43]).



Императоръ Александръ II въ баракѣ у раненыхъ подъ Плевной.

[43]) Всемірная Иллюстрація. Хроника войны 1877—78 гг.

Императоръ Александръ горѣлъ нетерпѣніемъ лично раздѣлить боевые труды своей арміи и 25-го мая 1877 года, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича Александра Александровича и великаго князя Сергія Александровича, прибылъ въ Плоэшти—главную квартиру дѣйствующей арміи. Къ великому подвигу русской арміи государь пожелалъ присоединить подвигъ личнаго самоотверженія. Онъ могъ бы издали, оставаясь въ Россіи, слѣдить за случайностями войны и успѣхами русскаго оружія, не подвергая себя опасности и лишеніямъ; или, презирая тѣ и другія и отдавая дань личному честолюбію и влеченію къ славѣ, стать во главѣ арміи и принять надъ ней командованіе, но государь, отказавшись отъ славы и прерогативъ власти главнокомандующаго, пожелалъ лишь отдать свой трудъ и силы своему воинству, живя съ нимъ общими опасностями и лишеніями, общими печалями и радостями.



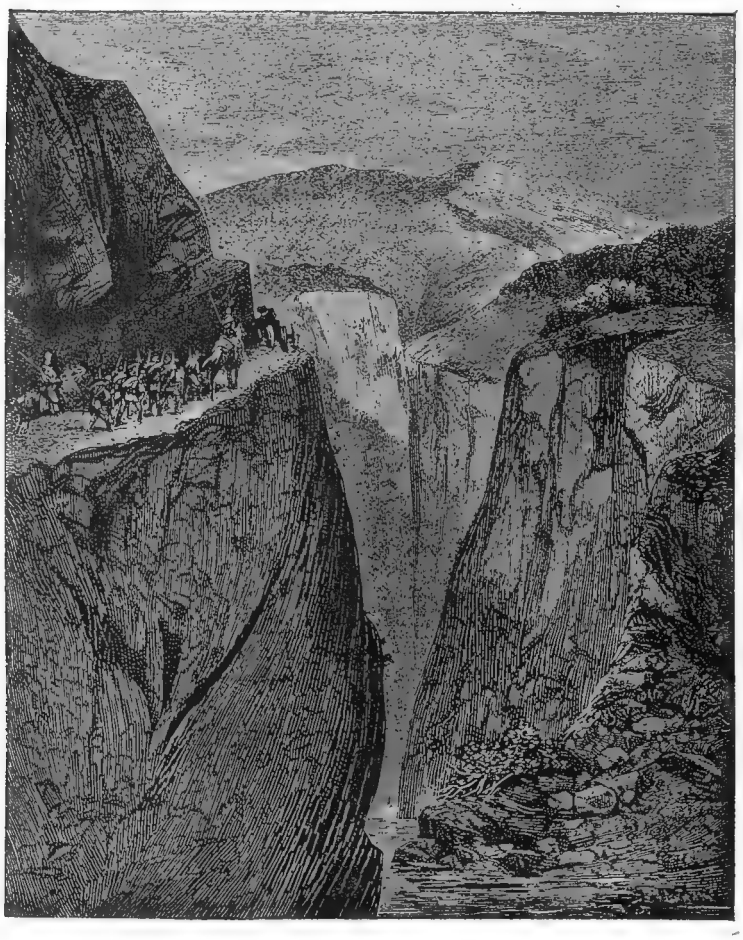
Императоръ Александръ II встрѣчаетъ поѣздъ съ ранеными и раздаетъ имъ подарки.

М. И. Драгомировъ.

Главнокомандующимъ русской арміи въ Европейской Турціи былъ назначенъ великій князь Николай Николаевичъ старшій. Государь Александръ Николаевичъ никакого военнаго званія на себя не возлагалъ, онъ шелъ въ связи съ общимъ движеніемъ, но самостоятельнымъ походомъ, съ собственнымъ отрядомъ самыхъ скромныхъ размѣровъ, состоящимъ изъ гвардейской сводной роты, гвардейскаго своднаго полуэскадрона и трехъ эскадроновъ собственнаго его величества конвоя. Выѣзжая въ дѣйствующую армію, государь Александръ Николаевичъ заявилъ, что ѣдетъ братомъ милосердія, и, дѣйствительно, за все время пребыванія на Дунаѣ и въ Болгаріи онъ постоянно посѣщалъ госпитали и лазареты и съ величайшимъ терпѣніемъ несъ этотъ подвигъ милосердія. Раненые и ихъ семейства были предметомъ неусыпныхъ заботъ государя; онъ выражалъ живѣйшую радость, когда изъ Петербурга прибывали вещи, самъ непремѣнно раздавалъ ихъ, заботливо спрашивая у раненыхъ, кто чего хочетъ, что любитъ, и старался угодить каждому.

Подобное отношеніе императора вызывало такой взрывъ восторга среди офицеровъ и солдатъ, что нерѣдко тяжело раненый, обласканный государемъ, позабывалъ свои страданія и, собравъ послѣднія силы, приподымался въ своей постели, чтобы поцѣловать руку или хотя край одежды державнаго брата милосердія. Послѣ перехода черезъ Дунай, въ печальные дни плевненскихъ неудачъ, глубоко потрясенный ими, измученный, полубольной императоръ считалъ своимъ долгомъ встрѣтить и проводить каждый транспортъ раненыхъ, отправляемыхъ изъ-подъ Плевны; для этого онъ приказывалъ будить себя даже ночью, если транспортъ приходилъ въ это время [44]).

Въ ночь на 15-е іюня русскія войска перешли Дунай у Зимницы. Тайна переправы до того была соблюдена, что даже свита государя, находившагося въ то время у Никополя, была увѣрена, что переправа произойдетъ въ этомъ мѣстѣ. Только одинъ Александръ, сидя на высокомъ курганѣ, съ замираніемъ сердца смотрѣлъ въ бинокль въ сторону Зимницы. Начальствованіе надъ первыми частями войскъ, переходящими Дунай, было возложено на генерала Драгомирова, у котораго въ качествѣ ординарца, по собственному своему желанію, былъ прославившійся впослѣдствіи молодой генералъ Скобелевъ. Къ 8 часамъ утра русскія войска послѣ упорнаго боя заняли Систовскія высоты, и разбитые турки отступили къ Никополю и Рущуку. Послѣ переправы главныхъ силъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, былъ отправленъ для захвата Балканскихъ проходовъ, за нимъ слѣдовалъ отрядъ генерала Радецкаго. Встревоженной переходомъ русскихъ черезъ Дунай Портѣ пришлось отозвать изъ Черногоріи войска Сулеймана-паши, что спасло эту геройскую страну, которая, несмотря на все свое мужество, была бы раздавлена численнымъ превосходствомъ врага. 25-го іюня передовой отрядъ генерала Гурко побѣдоносно всту-



Ханкіойское ущелье.

[44]) Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи.

пилъ въ бывшую столицу Болгаріи—Тырновъ, и ключъ къ Балканамъ оказался въ нашихъ рукахъ.

3 іюля 1877 года государемъ была получена отъ главнокомандующаго арміей слѣдующая телеграмма:

«Зимница изъ Тырнова, 3-го, 1 ч. пополудн.

Государю
Императору.

Имѣю счастье поздравить съ переходомъ черезъ Балканы перваго отряда войскъ Вашего Величества. Переходъ совершился 1 іюля въ $5^1/_2$ часовъ вечера безъ выстрѣла; вчера же, 2 числа, въ 2 часа дня, генералъ Гурко овладѣлъ Ханкіой, который былъ занятъ 300 человѣкъ низама, застигнутыхъ врасплохъ и обращенныхъ въ бѣгство. Отступилъ непріятель къ востоку, на деревню Конаро.

У насъ убитъ одинъ казакъ, ранены одинъ стрѣлокъ, 1 пластунъ и 3 казака.

Николай.

Генералъ Гурко.

Немало были удивлены офицеры свиты его величества, когда за обѣдомъ на привалѣ въ деревнѣ Царевицы государь вдругъ поднялся съ мѣста и, поднявъ серебряный бокалъ громкимъ голосомъ провозгласилъ: «За здоровье молодцовъ, которые первые перешли Балканы.—Ура!»

Переправа черезъ Дунай ознаменовалась сравнительно ничтожными потерями и громкой побѣдой русскаго оружія, а теперь и послѣдняя естественная оборонительная линія Европейской Турціи отдавалась безъ боя. Кампанія обращалась въ какое-то тріумфальное шествіе... Послѣдующія событія доказали, къ несчастью, что, дѣйствительно, было, чему удивляться; турки оказали впослѣдствіи такое упорство, такую энергію, такое превосходство вооруженія и такой фанатизмъ и жестокость, что русскимъ войскамъ приходилось приносить въ жертву высокой идеѣ освобожденія христіанъ отъ турецкаго владычества всѣ свои силы и проливать цѣлые потоки русской крови для поддержанія чести своего отечества.

Генералъ Радецкій.

4-го іюля государемъ была получена телеграмма отъ барона Крюденера о взятіи съ боя Никополя, гдѣ сдалось около 6.000 регулярнаго турецкаго войска [45]). Въ деревнѣ Павло въ этотъ же день вечеромъ государь принялъ генерала Толстого, который привезъ

[45]) Всемірная Иллюстрація. Хроника войны 1877—78 гг.

съ собою плѣннаго турецкаго военачальника Гасана-пашу. Злополучный защитникъ Никополя былъ пораженъ величіемъ и простотою императорскаго пріема; онъ отказывался вѣрить тому, чтобы «падишахъ» могъ быть одѣтъ, какъ прочіе генералы, могъ двигаться и разговаривать свободно. Во время этого пріема, когда стало заходить солнце, произошло странное явленіе природы,—надъ царскою ставкою поднялась огромная черная туча, по которой безостановочно сверкали перекрещивающіяся молніи. Казалось, что туча, подымаясь все выше и выше, покроетъ тьмою все небо, какъ вдругъ изъ-за нея лучи заходящаго солнца яркимъ снопомъ бросили въ неизмѣримую высь цѣлые потоки свѣта[46]). Явленіе произвело огромное впечатлѣніе и казалось какимъ-то предзнаменованіемъ. Этотъ же вечеръ ознаменовался и еще однимъ необъяснимымъ случаемъ—генералъ Толстой, прибывшій съ поля сраженія подъ Никополемъ, несмотря на страшное утомленіе, отказался отъ отдыха и, разсказывая о перепитіяхъ боя, не столько распространялся о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Никополемъ, сколько о своихъ предчувствіяхъ,—онъ говорилъ, что верстахъ въ сорока отъ ущелья, на которое опирается Никополь, находится городокъ Плевна, и что онъ чувствуетъ, какъ бы предвидитъ, что, если этотъ пунктъ не будетъ занятъ русскими войсками, случится огромное несчастіе... Прошло нѣсколько дней и о словахъ Толстого вспомнили,—небольшой казачій отрядъ, занявшій Плевну, долженъ былъ очистить позицію подъ натискомъ 70-тысячной арміи Османа-паши, поспѣшившей занять высоты около Плевны и создавшей здѣсь въ нѣсколько дней неприступную твердыню, о которую разбились всѣ усилія сначала отряда барона Крюденера, а потомъ и подошедшихъ къ нему подкрѣпленій.

Походная палатка Императора Александра II въ с. Бѣла.

Главная квартира была перенесена въ селеніе Бѣла. Государь отсюда продолжалъ неустанно слѣдить за театромъ военныхъ дѣйствій, находя время по вечерамъ для чтенія и выслушиванія иностранныхъ газетныхъ статей, трактующихъ о русскихъ дѣлахъ.

16-го іюля въ главную квартиру прибыли старшина и выборный старо-сербовъ изъ Сѣнницы Ристо Энчъ и представитель Босніи изъ Банья Лука. Они явились съ благодарственнымъ адресомъ отъ своихъ соотчичей за царскую милость къ удрученнымъ Турціей славянамъ. Пріемъ государя произвелъ на нихъ чарующее впечатлѣніе, а скромный образъ жизни Александра Николаевича и тѣ неудобства, которыя приходилось испытывать императору вызвали ихъ замѣчаніе, что не стоятъ турки того, чтобы великій царь такъ

[46]) Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году.

себя для нихъ безпокоилъ. «Не стоимъ этого и мы, славяне», говорили они генералу Игнатьеву [47]).

Неутѣшительныя извѣстія изъ-подъ Плевны о русскихъ потеряхъ страшно угнетали государя, хотя наружно онъ старался быть покойнымъ и поддерживать бодрость въ окружающихъ.

19-го іюля прибылъ главнокомандующій, и въ присутствіи государя состоялся военный совѣтъ при участіи цесаревича, военнаго министра и генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. Результатомъ этого совѣщанія былъ вызовъ изъ Россіи сильныхъ подкрѣпленій; на другой день по отбытіи главнокомандующаго государь, выйдя къ завтраку, сказалъ присутствующимъ: «Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ, чтобы гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступала на Дунай. Однимъ кирасирамъ горе» [48]). Но была выписана, не одна гвардія: итогъ вытребованнаго подкрѣпленія достигалъ 180.000 человѣкъ.

Недѣли черезъ полторы послѣ описанныхъ событій главная квартира была перенесена въ

Верещагинъ. Передъ атакой.

Горный Студень, такъ какъ Бѣла не отличалась хорошимъ климатомъ, и многіе изъ свиты государя заболѣвали лихорадкой. Неудачи, понесенныя при Плевнѣ, и дѣятельность, проявленная Забалканской арміей Сулеймана-паши, мѣняли положеніе дѣла и придавали войнѣ затяжной характеръ. Собравъ за Балканами болѣе 40.000 отборнаго войска, Сулейманъ рѣшилъ овладѣть позиціей, занятой русскими на Шипкинскомъ перевалѣ. Генералъ Радецкій, узнавъ, что около Бедрова показались баши-бузуки, направился туда съ передовымъ отрядомъ; слѣдомъ за нимъ двинулся и князь Имеретинскій, но предположенія Радецкаго о движеніи Сулеймана-паши въ обходъ черезъ Бедрово и Габрово не подтвердились. Турецкія войска двинулись прямо на Шипку, отправивъ на Бедрово лишь разъѣзды для наблюденія. Радецкому пришлось спѣшить на помощь защитникамъ перевала, уже отбивавшимъ бѣшеныя атаки турецкихъ низамовъ. 9-го августа начался отчаянный бой, было отбито до 10 атакъ. Вечеромъ государемъ отъ Радецкаго была получена телеграмма: «штурмъ продолжается; орловцы и болгары отбиваются безъ устали». 11-го августа

---

[47]) Тоже.

[48]) Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году.

турки, узнавъ о приближеніи генерала Радецкаго, удвоили усилія, надѣясь до его прибытія занять перевалъ. Тремя густыми колоннами ринулись они на приступъ.

Защитникамъ приходилось каждый кусокъ земли отстаивать собственной грудью; штыковой бой шелъ уже на склонахъ горъ, отбивались прикладами, даже каменьями; надежды на спасеніе почти уже не было, дрались съ отчаяніемъ, рѣшивъ лучше умереть, но не опозорить чести русскаго оружія отступленіемъ. Дѣйствительно, казалось, надѣяться было не на что; подкрѣпленія все еще не было, да оно и не могло бы попасть вѣ-время, если бы Радецкому по прибытіи въ Габрово не пришла мысль посадить часть стрѣлковъ на казацкихъ лошадей и, такимъ образомъ, по-двое на лошади стрѣлки съ казаками прибыли къ Шипкѣ въ то время, когда ея защитники уже готовились къ смерти. Озадаченные турки дрогнули

Государь Императоръ, главнокомандующій арміи и князь Карлъ румынскій слѣдятъ за атакою Плевны.

и отступили. Тѣмъ не менѣе, Сулейманъ не отказался отъ своего намѣренія, и бой на Шипкинскомъ перевалѣ продолжался.

12-го августа государь лично былъ въ лагерѣ третьей стрѣлковой бригады, которую поздравилъ съ походомъ, приказавъ ей выступить на помощь шипкинскимъ героямъ. Каждое извѣстіе съ поля сраженія, даже частнаго характера, немедленно докладывалось государю. Подъ наружнымъ спокойствіемъ, онъ часто скрывалъ глубокое волненіе и постоянную заботу о подвижникахъ русской арміи. Первыя отрадныя вѣсти 13-го августа привезъ въ главную квартиру корреспондентъ англійской газеты «Daily News» Форбсъ. Представленный генераломъ Игнатьевымъ его величеству, онъ, какъ очевидецъ, разсказалъ о страшной рѣзнѣ на Шипкинскомъ перевалѣ и о томъ, что всѣ усилія турокъ были парализованы несокрушимой отвагой и силою героевъ—защитниковъ перевала. Форбсъ высказывалъ полную увѣренность, что русская позиція уже не подвергалась никакой опасности и въ этомъ духѣ намѣревался отправить въ Англію телеграмму изъ Бухареста, куда и выѣхалъ въ тотъ же день на придворныхъ лошадяхъ, предложенныхъ ему по приказанію государя.

Съ Кавказа тоже пришли благопріятныя вѣсти. Въ азіатской Турціи была одержана

побѣда надъ Мухтаръ-пашою. 16-го августа въ Горный Студень прибылъ принцъ Карлъ, владѣтель Румыніи; пріемъ, оказанный ему государемъ, былъ самый радушный. Вечеромъ въ тотъ же день по Горному Студню пронеслась вѣсть, что князь Карлъ принимаетъ начальство надъ соединенными русско-румынскими войсками подъ Плевной. Такимъ образомъ, еще до прибытія русскихъ подкрѣпленій осадныя войска увеличились союзной 30.000-ной румынской арміей. Сраженія на Шипкѣ продолжались, но турки уже не имѣли успѣха; подъ Плевной Осману-пашѣ приходилось туго. 23-го августа были взяты позиціи при Ловчѣ, и въ своемъ донесеніи объ этомъ боѣ князь Имеретинскій заявлялъ, что героемъ дня былъ генералъ Скобелевъ 2-й, выказавшій здѣсь геніальныя способности полководца, полное презрѣніе къ смерти и замѣчательную отвагу.

Главная квартира въ концѣ августа была перенесена въ деревню Чаушъ-Махала, откуда государь выѣзжалъ подъ самыя Плевненскія укрѣпленія. Готовилась новая грандіозная атака Плевны. 26-го августа начался бой. Государь, сопровождаемый главнокомандующимъ и принцемъ Карломъ, прибылъ на позиціи и отсюда слѣдилъ за начавшимся сраженіемъ; ночь прекратила атаки... На другой день государь снова появился на позиціяхъ; на этотъ разъ онъ даже находился въ сферѣ артиллерійскаго огня, и былъ случай, когда шрапнельная граната настолько близко разорвалась отъ государя, что даже былъ слышенъ свистъ пуль, однако, онъ оставался на этомъ мѣстѣ до глубокихъ сумерокъ.

М. Д. Скобелевъ подъ Плевной.

29-го августа государь, слѣдуя по обыкновенію на позиціи, встрѣтилъ транспортъ раненыхъ и лично разспрашивалъ ихъ о нуждахъ и благодарилъ за усердіе. 30-го августа день тезоименитства государя, когда была назначена общая атака, не далъ желаемыхъ результатовъ; русскія войска понесли огромныя потери, и только на другой день утромъ стало извѣстно, что наканунѣ вечеромъ взятъ большой Гривицкій редутъ, а Имеретинскій и Скобелевъ овладѣли позиціями у самой Плевны.

О взятіи Гривицкаго редута разсказывали, что командовавшій Архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ, флигель-адъютантъ Шлиттеръ послѣ неудачныхъ событій дня спро-

силъ: «А что государь?» и когда ему сказали, что государь печаленъ, онъ воскликнулъ: «Такъ я же его утѣшу! Поднесу подарокъ!» и съ своимъ полкомъ бурею кинулся на Гривицкій редутъ. Къ нему примкнули румыны подъ начальствомъ маіора Попеско, и редутъ былъ взятъ[49]). Этотъ геройскій подвигъ стоилъ жизни самоотверженнаго полковника. Въ то время, какъ онъ водрузилъ знамя на брустверѣ занятой имъ твердыни, непріятельская пуля поразила его въ голову.

Молебенъ на полѣ битвы и панихида по убитымъ послѣ взятія Плевны.

Слѣдующій день принесъ неисчислимыя потери, массу геройскихъ подвиговъ, но опять-таки не даровалъ побѣды русскому оружію, тѣмъ не менѣе, никто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности, никто не впалъ въ немилость, царская порфира широко раскинулась надъ всѣми погрѣшностями, ошибками и недостатками. Царь былъ неумолимъ только къ самому себѣ. Утомленный нравственно и физически, онъ обрекалъ себя на новое долготерпѣніе и рѣшилъ возобновить пребываніе въ Горномъ Студнѣ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было отказаться отъ дальнѣйшихъ штурмовъ и блокировать Плевну, для чего былъ вызванъ извѣстный герой Севастополя генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Войска, между тѣмъ, прибывали и вносили въ армію новыя силы, новую энергію и новую увѣренность въ побѣду. На Шипкѣ дѣло обстояло безъ перемѣнъ, и Сулейманъ-паша, не разъ пытавшійся овладѣть нашими позиціями, терпѣлъ одну неудачу за другой. Время государя заполнялось поѣздками его на позиціи, осмотромъ госпиталей, посѣщеніемъ раненыхъ, встрѣчами подходившихъ отрядовъ и участіемъ въ военныхъ совѣтахъ. 12-го октября государь былъ порадованъ вѣстью о побѣдѣ Гурко подъ Горнымъ Дубнякомъ, гдѣ въ сраженіи принимала участіе гвардія, но въ этотъ же день императора постигло и большое горе: былъ убитъ племянникъ его герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. 14-го октября государь выѣхалъ въ Парадимъ, гдѣ и была основана главная квартира. 7-го ноября было отпраздновано взятіе Карса. Вѣсть объ этой славной побѣдѣ принесла огромное утѣшеніе царю-страдальцу, зато турецкая армія была повергнута въ уныніе. Агонія Плевны уже началась, и можно было ждать, что Османъ-паша не въ состояніи будетъ долго упорствовать. Снова начались посѣщенія позицій государемъ. Ожидалась вылазка турецкаго гарнизона. 28-го ноября начался страшный бой, турки были уже на русской оборонительной линіи, но подошли подкрѣпленія, и непріятель былъ отбитъ, русскія войска перешли въ атаку... Побѣда была полная. Плевна пала; Османъ-паша со всею арміею сдался на милость побѣдителя.

На императорскомъ редутѣ было ликованіе. Александръ благодарилъ, награждая

[49]) Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ.

вѣстниковъ побѣды и окружавшихъ его военачальниковъ. Военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, постоянно поддерживавшій государя въ минуты огорченія и совѣтовавшій продолжать кампанію, получилъ орденъ Георгія 2-й степени. Сходя съ бруствера, чтобы сѣсть въ коляску, государь вдругъ обратился къ Милютину и съ улыбкой спросилъ его: «Дмитрій Алексѣевичъ, разрѣшишь ли ты мнѣ надѣть на саблю Георгіевскій темлякъ за мое терпѣніе?»[50]). Слѣдующій день послѣ паденія Плевны былъ днемъ радости для многихъ, получившихъ изъ собственныхъ рукъ государя знаки отличія и высокія награды. Онъ объѣзжалъ войска, привѣтствуемый восторженными кликами; затѣмъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго его величество въѣхалъ въ Плевну. Здѣсь имъ былъ принятъ славный защитникъ ея, но уже не грозный врагъ Россіи, а ея военноплѣнный Османъ-паша. «Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости, хотя она и была направлена противъ моей арміи», сказалъ ему государь и, удостоивъ бывшаго турецкаго вождя еще нѣсколькими милостивыми словами, приказалъ возвратить ему саблю[51]).

4 декабря 1877 года государь императоръ оставилъ Болгарію; пребываніе его на полѣ военныхъ дѣйствій не имѣло уже того значенія для кампаніи, какъ это было въ началѣ; паденіе Плевны облегчало дальнѣйшія военныя операціи, и вопросъ о побѣдоносномъ шествіи русскихъ войскъ не возбуждалъ уже ничьихъ сомнѣній. Правда, требовалось еще много жертвъ, огромнаго самоотверженія, упорства и храбрости, но этихъ качествъ русскимъ войскамъ и ихъ военачальникамъ не приходилось занимать у кого-нибудь. Въ зимнюю стужу, среди нечеловѣческой борьбы съ бурями и метелями въ горныхъ проходахъ, наши отряды перевалили Балканы... Генералъ Гурко съ боя занялъ укрѣпленную позицію Ташкисенъ, находящуюся въ тылу турецкихъ укрѣпленій въ Арабъ-Конакѣ и Шандорникѣ, и путь на Софію былъ свободенъ. Въ то время генералъ Радецкій, поддержанный отрядами Скобелева 2-го и Святополкъ-Мирскаго, овладѣлъ на Шипкинскомъ перевалѣ бывшей арміей Сулеймана-паши, въ это время имѣвшей начальникомъ Вессель-пашу. Наши войска двинулись къ Адріанополю. Кинувшійся было къ нему на помощь отъ Филиппополя Сулейманъ-паша принужденъ былъ отступить обратно послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Станишакомъ; Адріанополь былъ взятъ, и 14 января 1878 года туда вступилъ главнокомандующій русской арміи великій князь Николай Николаевичъ. Съ Турціей было заключено перемиріе, а 19-го февраля въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано были подписаны предварительныя

Подписаніе перемирія въ Адріанополѣ 19 января 1878 г.

[50]) Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году.

[51]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Сологубъ. Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ.

условія мира, по которымъ Турція признала окончательную независимость Черногоріи и Сербіи и автономію Болгаріи, которая должна была составить вассальное по отношенію къ Турціи княжество съ христіанскимъ правительствомъ и своимъ войскомъ.

Но этимъ условіямъ мира не суждено было вполнѣ осуществиться. Уже со времени безпримѣрнаго зимняго перехода черезъ Балканы, въ возможность котораго, кстати сказать, не вѣрилъ даже германскій военный міръ, и плѣненія арміи Вессель-паши Англія начала испытывать тревогу изъ-за русскихъ успѣховъ; когда же предварительныя мирныя условія были подписаны, англійская эскадра вошла въ Дарданелы подъ предлогомъ охраненія англійскихъ подданныхъ. Не одна Англія, но также Австрія и Германія опасались чрезмѣрнаго усиленія славянства вслѣдствіе достигнутыхъ Россіей успѣховъ, и по требованію Австріи былъ созванъ конгрессъ для пересмотра Санъ-Стефанскаго мирнаго договора.

На Берлинскомъ конгрессѣ Санъ-Стефанскій договоръ подвергся значительному измѣненію, и не всѣ славянскія народности были окончательно освобождены отъ владычества Турціи; Россіи, хотя и побѣдоносной, но истощенной крайне тяжелой войной, было рискованно не согласиться съ постановленіями конгресса, такъ какъ это грозило войной съ Австріей и Англіей, и 1 іюля 1878 года былъ подписанъ Берлинскій трактатъ.

Осень 1878 года ознаменовалась волненіями среди учащейся молодежи; начались они въ Харьковѣ по поводу прекращенія лекцій въ ветеринарномъ институтѣ, а затѣмъ распространились и на прочіе университетскіе города. Въ Петербургѣ эти волненія проходили настолько бурно, что для водворенія порядка пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Дѣло кончилось высылкою подъ надзоръ полиціи въ разныя мѣстности нѣсколькихъ сотъ юношей. Кружокъ петербургскихъ соціалистовъ воспользовался всѣми этими происшествіями и постарался привлечь къ себѣ новыхъ сторонниковъ, какъ изъ среды учащейся молодежи, такъ и изъ фабричныхъ рабочихъ, подстрекая ихъ къ стачкамъ и всячески распространяя между ними соціалистическія и анархическія ученія. Общество, сплотившись вокругъ петербургскаго кружка, приняло названіе «Земля и Воля».

Результатомъ революціонной пропаганды и дѣятельности этого общества было убійство харьковскаго губернатора князя Крапоткина, покушеніе на убійство въ Петербургѣ шефа жандармовъ Дрентельна, а 2 апрѣля 1879 года революціонеры посягнули даже на священную особу государя императора. Около девяти часовъ утра при возвращеніи императора Александра съ прогулки въ Зимній дворецъ, въ него произвелъ пять выстрѣловъ изъ револьвера, къ счастью безрезультатно, молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ, подойдя для этого почти вплотную къ государю. Сбѣжавшаяся толпа схватила преступника, который оказался сельскимъ учителемъ изъ исключенныхъ изъ университета студентовъ, Александромъ Соловьевымъ.

Покушеніе на цареубійство явно доказало недостаточность мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ преступной шайки злоумышленниковъ, не отступающихъ ни передъ какимъ преступленіемъ.

На совѣщаніи высшихъ сановниковъ рѣшено было послѣ этого прибѣгнуть къ новой мѣрѣ,—учрежденію временныхъ генералъ-губернаторовъ, предоставивъ имъ особыя полномочія по охраненію порядка и общественной безопасности.

Несмотря, однако, на всю строгость преслѣдованія и на то, что многіе изъ коноводовъ движенія на югѣ попали въ руки правосудія и понесли должное наказаніе, само движеніе не прекращалось. Были назначаемы и собирались съѣзды разныхъ революціонныхъ организацій, и одинъ изъ таковыхъ въ Липецкѣ постановилъ, для облегченія пропаганды соціализма, принять всѣ мѣры къ ниспроверженію въ Россіи существующаго образа правленія, и въ число этихъ мѣръ включилъ терроръ, подъ которымъ заговорщики разумѣли убійства должностныхъ лицъ и, прежде всего, цареубійство. Послѣ того были предприняты попытки

взорвать динамитомъ поѣздъ, въ которомъ государь долженъ былъ возвращаться въ Петербургъ изъ Ливадіи, гдѣ онъ, по обыкновенію, проводилъ осень. На третьей верстѣ отъ пассажирской станціи Курской желѣзной дороги, около Москвы 19-го ноября злоумышленникамъ удалось, дѣйствительно, произвести взрывъ свитскаго поѣзда, шедшаго непосредственно за императорскимъ; къ счастью, ни увѣчій, ни пораненій почти не было, тѣмъ не менѣе, государь былъ очень опечаленъ происшедшимъ, и 20-го ноября, послѣ обычнаго выхода съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ, принимая въ Кремлевскомъ дворцѣ представителей сословій, онъ сказалъ имъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ»[52]).

Императоръ Александръ II въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

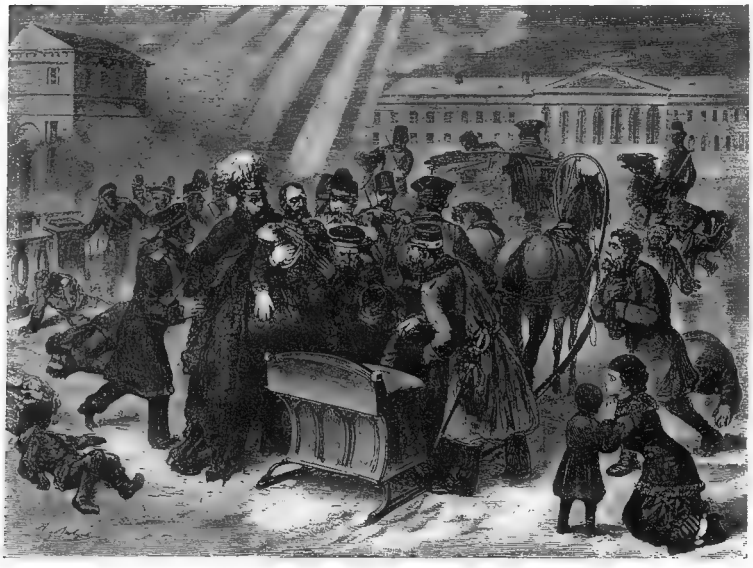
Проведя два дня въ Москвѣ, государь 22-го ноября возвратился въ Петербургъ.

Но ни милостивыя слова государя, которыя, конечно, стали извѣстны чуть ли ни всей Россіи, ни принятыя мѣры къ розыску виновниковъ покушенія, ни грозящая опасность передъ судебной отвѣтственностью и нравственной передъ обществомъ, не остановили людей, забывшихъ, что для достиженія цѣли не всякія средства могутъ быть признаны достойными высокаго званія человѣка и христіанина. Казалось, неудачи только разжигали преступное воображеніе и рисовали картины подвига тамъ, гдѣ каждый здравомыслящій человѣкъ видѣлъ лишь злодѣяніе, позоръ и простое убійство. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня этого покушенія, какъ 5 февраля 1880 года, въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ принца Гессенскаго, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда, а государь императоръ находился въ маломъ фельдмаршальскомъ залѣ, чтобы слѣдовать къ столу, изъ подвальнаго этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула, смежныя съ нимъ части зданія и полъ той комнаты, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ. Виновникомъ взрыва оказался скрывшійся членъ революціонной партіи, крестьянинъ Халтуринъ, который для осуществленія своего злодѣйскаго умысла поступилъ въ число столяровъ дворца и въ теченіе своей службы, проживая въ нижнемъ этажѣ зданія, сносилъ туда динамитъ. Нелишне будетъ отмѣтить, что, попавъ въ число столяровъ Зимняго дворца, Халтуринъ имѣлъ случай оставаться съ государемъ императоромъ въ

---

[52]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

его кабинетѣ лицомъ къ лицу при производствѣ здѣсь столярныхъ работъ. Тутъ ему представлялся легкій случай къ цареубійству, но обаятельная личность государя императора произвела на Халтурина столь сильное впечатлѣніе, что у столяра - террориста не поднималась рука на Царя - Освободителя. Его увлеченіе Александромъ Николаевичемъ было настолько сильно, что онъ даже взялъ себѣ на память о царѣ какую-то вещь съ его письменнаго стола, но партія, узнавъ о такомъ проявленіи чувствъ своего сочлена, приказала ему поставить вещь на мѣсто и привести динамитный взрывъ къ скорѣйшему концу [53]).



Роковое событіе 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ въ С.-Пб.

Наконецъ, настушило роковое 1-е марта 1881 года.

Обычною чередою шла воскресная, праздничная суета огромнаго города, и ничто среди этой пестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровожадныя мысли убійцъ.

Въ третьемъ часу дня императорская карета, выѣхавъ изъ Михайловскаго дворца, проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ Театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго коннаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади на саняхъ другъ за другомъ полицеймейстера полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы подъ императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смятеніе. Не смутился лишь государь. Онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только что задержанъ народомъ причинившій взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, государь императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго направился къ задержанному, уже окруженному волновавшейся толпой. Замѣчательно, что волненіе толпы было настолько велико, что люди не замѣтили подходившаго государя и даже не узнали

Карета Императора Александра II послѣ взрыва 1 марта 1881 г.

[53]) Крѣпостничество и воля (юбилейное изданіе 1911 г.).

его; такъ, напримѣръ, подпоручикъ Рудаковскій, мимо котораго прошелъ Александръ Николаевичъ, спрашивалъ окружающихъ: «что съ государемъ?»

Вопросъ былъ услышанъ самимъ монархомъ, который, оглянувшись и какъ бы отвѣчая на него, произнесъ: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...» и съ этимъ неоконченнымъ восклицаніемъ государь императоръ обратилъ и свои мысли, и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ же у ногъ его раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-лѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова.

Это участіе, оказанное умирающему ребенку-подданному, было и послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ государя. Далекій отъ мысли беречь себя отъ опасности, государь императоръ, несмотря на мольбы полковника Дворжицкаго, не согласился немедленно отбыть во дворецъ, а выразилъ намѣреніе осмотрѣть мѣсто взрыва. Твердою, спокойною поступью направился онъ по тротуару канала, окруженный ближайшею свитой и тѣснившимся къ нему отовсюду народомъ.

Не успѣлъ государь сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ у самыхъ ногъ его раздался новый, второй оглушительный взрывъ. На мгновеніе все пространство скрылось въ поднятой какъ бы вихремъ перемѣшанной массѣ дыма, снѣжной пыли, какихъ-то безформенныхъ ужасныхъ клочковъ и обломковъ. Пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, и уцѣлѣвшихъ, и пострадавшихъ, но еще не потерявшихъ сознанія, представилось кровь леденящее зрѣлище, котораго никто изъ нихъ не забудетъ до послѣдняго своего издыханія. Кругомъ были раненые, но никто не смотрѣлъ на нихъ, и сами они, подобно полковнику Дворжицкому, не думали о себѣ; среди павшихъ и раненыхъ былъ государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, Царь-Освободитель, покрытый кровью, полулежалъ на землѣ.

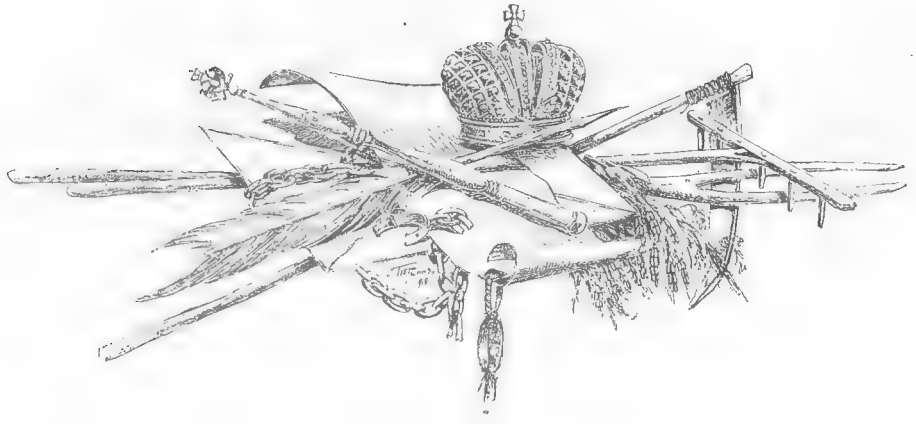
До полковника Дворжицкаго, раненаго и упавшаго, донесся слабый полустонъ: «помоги», заставившій его вскочить, какъ здороваго. Раненые подползли, уцѣлѣвшіе бросились къ простертому на землѣ монарху и услышали едва внятно произнесенныя имъ слова: «холодно, холодно». Увы, то былъ предвѣстникъ близкаго могильнаго холода. Кѣмъ-то былъ поданъ платокъ, которымъ покрыли голову Вѣнчаннаго Страдальца. Сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ нему и тихо, бережно, среди всеобщаго невыразимаго отчаянія, подняли его съ земли и понесли по направленію къ экипажамъ. Это не была свита, несущая пострадавшаго государя—это была толпа, въ которой рядомъ съ приближенными монарха сошлись и моряки мимо шедшаго караула, и юноши Павловскаго училища, и слу-

Послѣднія минуты Императора Александра II.

чайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ,—то были пораженныя горемъ дѣти, несущія умирающаго отца.

Дорогой, услышавъ предложеніе одного изъ несшихъ его—штабсъ-капитана Новикова, внести его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной медицинской помощи, государь имѣлъ еще силу объявить свою волю: «Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть». Это были предпослѣднія слова монарха-человѣка, пожелавшаго умереть дома христіанскою кончиною, въ кругу близкихъ, среди своей семьи... Богу было угодно исполнить это желаніе. Государь императоръ былъ помѣщенъ, вмѣсто своей разбитой кареты, въ сани полковника Дворжицкаго, и чины конвоя, ротмистръ Кулебякинъ съ казаками Луценко и Кузьменко, сослужили своему вѣнценосному вождю послѣднюю службу—перевезли его умирающаго во дворецъ. Дорогой, забывъ о мукахъ своихъ и думая только о томъ израненномъ вѣрномъ слугѣ, котораго онъ видѣлъ передъ собою, государь два раза тихо, но настойчиво спросилъ: «Ты раненъ, Кулебякинъ?» Горькія слезы раненаго, забывшаго о своихъ ранахъ, были отвѣтомъ... А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ, слышались раздирающіе душу стоны и крики, смѣшавшіеся съ крикомъ ужаса стекающагося отовсюду, обезумѣвшаго отъ горя народа. Скоро живымъ неудержимымъ потокомъ онъ наполнилъ собою Дворцовую площадь, куда привела новыя огромныя толпы быстро разлетѣвшаяся горестная вѣсть.

Въ гробовомъ молчаніи, притаивъ дыханье, стояла многотысячная толпы. Она не вѣрила своему горю, не хотѣла вѣрить роковому исходу позорнѣйшаго изъ злодѣяній... Около 4 часовъ пополудни медленно и печально опустился до половины флагштока императорскій флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и русскіе люди поняли, что все кончилось: великій страдалецъ за землю русскую въ Бозѣ почилъ. «Государь—мученикъ!» раздалось въ толпѣ на Дворцовой площади; этотъ возгласъ былъ крикомъ наболѣвшей потрясенной русской души. Вся Русь повторила и всегда будетъ повторять его, помышляя или говоря о событіи 1-го марта.



Александръ III.
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
1881—1894.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Императоръ Александръ III.

Въ ряду выдающихся государей Дома Романовыхъ императоръ Александръ III по силѣ и значенію своему занимаетъ совершенно особое мѣсто. Его недолгое, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1881—1894), царствованіе равняется лишь одной трети царствованія Петра I, но оно въ Романовскій періодъ нашей исторіи дало Россіи такой сильный поворотъ въ національно-историческую сторону, какой не можетъ быть забытъ, а тѣмъ болѣе вычеркнуть изъ нашей жизни, какія бы перемѣны въ ней ни совершались. Примѣчательно, что этотъ государь въ столь недолгое царствованіе пріобрѣлъ громадное вліяніе не только на Россію, но и на всю Западную Европу и даже на весь міръ, гдѣ ничего не дѣлалось сколько-нибудь важнаго безъ его вѣдома, и гдѣ всюду ожидали отъ него какого-то новаго, руководящаго слова. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, всѣ народы хотѣли удержать въ этомъ мірѣ русскаго богатыря, а когда онъ умеръ, они устроили ему такой погребальный тріумфъ, какого не знала всемірная исторія.

Императоръ Александръ III родился въ 1845 г. и былъ вторымъ сыномъ цесаревича Александра (потомъ императора Александра II) и его супруги Маріи Александровны.

Какъ и императору Николаю I, рожденіе не предназначало великому князю Александру Александровичу царствованія, которое по смерти отца должно было перейти къ его старшему брату Николаю Александровичу. Но цесаревичъ Николай преждевременно скончался, и право на престолъ перешло къ великому князю Александру. Этимъ именемъ онъ былъ нареченъ въ честь своего отца и дѣда Александра Благословеннаго. Крестнымъ отцомъ его былъ другой его дѣдушка—императоръ Николай Павловичъ, самъ принявшій его отъ купели въ соборѣ Зимняго дворца.

Великіе Князья
Александръ и Владиміръ Александровичи.

Родители дали тщательное воспитаніе и образованіе и своему второму сыну. Въ раннемъ возрастѣ воспитателемъ его былъ Н. В. Зиновьевъ, честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ русскаго закала. Онъ окружилъ своего питомца простой, задушевной русской атмосферой. Съ 1860 г. воспитаніе цесаревича и вмѣстѣ его брата Александра Александровича перешло въ руки графа Б. А. Перовскаго, даровитаго и благороднѣйшаго человѣка, который, сохранивъ прежнюю добрую атмосферу, расширилъ благотворныя вліянія на своего воспитанника, какъ со стороны обученія, такъ и со стороны самой жизни. Въ эту же пору началась горячая дружба между Александромъ и старшимъ его братомъ Николаемъ; между ними установилась горячая привязанность и благотворный обмѣнъ вліяній, взаимно себя восполняющихъ. Если старшій братъ восполнялъ въ младшемъ познанія по тѣмъ предметамъ, которыхъ тотъ еще не изучалъ, то, въ свою очередь, Александръ Александровичъ вліялъ на брата своими мѣткими, практическими сужденіями, сдерживающими мечтательныя увлеченія, а въ особенности своею поразительною искренностью, твердой прямотой и кристальной, какъ выражался цесаревичъ, честностью своего характера. Оба брата имѣли и общихъ наставниковъ: законоучителями ихъ были протоіереи Бажановъ и Рождественскій; генералъ Драгомировъ преподавалъ имъ обоимъ тактику и военную исторію, К. П. Побѣдоносцевъ—законовѣдѣніе, а С. М. Соловьевъ—русскую исторію. Своимъ преподаваніемъ они придали образованію Александра III русскій, національный характеръ.

Подъ этими вліяніями всю свою жизнь Александръ III глубоко интересовался русской исторіей и памятниками нашей родной старины. Но еще раньше онъ глубоко перечувствовалъ ее въ поэтическихъ разсказахъ на историческія темы Загоскина и Лажечникова. Второму изъ этихъ писателей впослѣдствіи онъ писалъ: «Мнѣ пріятно заявить, что *Послѣдній Новикъ*, *Ледяной Домъ* и *Басурманъ*, вмѣстѣ съ романами Загоскина (*Юрій Милославскій* и друг.), были въ первые годы молодости любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ я теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу»...

Вы можете себѣ представить съ ка-
кимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ
Ниццу, которая вся съ своимъ велико-
лѣпнымъ воздухомъ, моремъ, кли-
матомъ напоминаетъ мнѣ самую
грустную минуту моей жизни.—
Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ
а уѣхать Наслѣдникомъ грустно и
въ особенности лишившись самой моей
вѣрной опоры, лучшаго друга и лю-
бимѣйшаго брата!— Но, что же дѣлать
это воля Божія и не даромъ мы еже-
дневно повторяемъ: Да будетъ Воля
твоя

Вашъ Александръ

Изъ частнаго письма Цесаревича Александра Александровича въ 1868 году весною, передъ пріѣздомъ въ Ниццу для освященія памятника на мѣстѣ кончины брата, Цесаревича Николая Александровича.

Путешествіе цесаревича Николая Александровича по Россіи повело къ оживленной перепискѣ между братьями. Но, по возвращеніи въ Петербургъ, у цесаревича появились зловѣщіе признаки роковой болѣзни. Младшій братъ утѣшалъ его, ободрялъ и разсѣивалъ мракъ души страдальца. Болѣзнь, однако, дѣлала свое дѣло; ни старанія врачей, ни теплый климатъ Ниццы не спасли царственнаго юноши: онъ скончался 12 апрѣля 1865 г. Передъ смертью, какъ бы благословляя, цесаревичъ вложилъ въ руку брата руку своей невѣсты, юной принцессы Дагмары Датской, и завѣщалъ ей любить его чистую и правдивую душу.

Въ томъ же году великій князь Александръ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, принесъ присягу на вѣрность государю-отцу, а въ слѣдующемъ году, по присоединеніи принцессы Дагмары къ лону православной церкви съ именемъ Маріи Ѳеодоровны, послѣдовало бракосочетаніе ихъ высочествъ. Молодые поселились въ Аничковомъ дворцѣ, который въ теченіе двадцати восьми лѣтъ давалъ Россіи образцовый примѣръ идеально-доброй семейной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, августѣйшіе хозяева Аничкова дворца съ истинно-русскимъ радушіемъ встрѣчали у себя всѣхъ, кто приходилъ къ нимъ за помощью и совѣтомъ. Сюда, на пріемы цесаревича являлись и выслушивались такіе представители нашей образованности, какъ Катковъ, Аксаковъ, Майковъ и т. д., и практическіе дѣятели разныхъ концовъ Россіи. Многіе изъ нихъ тяготились тогдашней нашей зависимостью, какъ умственной, такъ и политической отъ запада. Черезъ нихъ цесаревичъ знакомился съ подлинными нуждами Россіи, со стремленіями русскаго народа. Благотворное значеніе для сближенія съ народомъ имѣли продолжительныя поѣздки цесаревича по Россіи. Особенно важно было путешествіе ихъ высочествъ въ 1868 г. по Волгѣ, Дону, Камѣ и другимъ губерніямъ. Сильное впечатлѣніе на народъ производило усердіе высокихъ путешественниковъ къ храмамъ Божіимъ и ихъ вниманіе къ памятникамъ родной старины и къ самой жизни народа. Оставляя свой пароходъ, они пѣшкомъ или въ простомъ тарантасѣ отправлялись въ сосѣднія села, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали, чтобы поближе посмотрѣть, какъ живетъ нашъ народъ, и познакомиться съ его нуждами. Ихъ высочества заходили въ крестьянскія избы, въ дома сельскаго духовенства, въ приходскія школы; цесаревичъ много и запросто бесѣдовалъ съ крестьянами объ ихъ хозяйствѣ и о всемъ ихъ житьѣ-бытьѣ, а цесаревна разговаривала съ крестьянками объ ихъ дѣтяхъ, работахъ и нуждахъ. Народъ съ трогательною довѣрчивостью и съ глубокой любовью встрѣчалъ и провожалъ своихъ нежданныхъ, но желанныхъ гостей...

Принцесса Датская Дагмара, невѣста Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Съ литографіи того времени.

Государственныя занятія цесаревича были очень разнообразны: онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ: много занимался военными дѣлами въ качествѣ атамана казачьихъ войскъ, командующаго гвардіей и войсками Петербургскаго военнаго округа

и внимательно присматривался къ морскому дѣлу. Особенно много сдѣлалъ цесаревичъ Александръ по устройству у насъ «Добровольнаго флота» въ виду угрозъ намъ войною со стороны Англіи. Онъ, волею государя-отца, былъ поставленъ во главѣ комитета по сбору пожертвованій на этотъ флотъ. Быстро стекались сюда денежные взносы, и руководимый цесаревичемъ комитетъ скоро далъ Россіи восемь быстроходныхъ океанскихъ крейсеровъ, представлявшихъ немаловажную величину въ случаѣ морской войны. Въ 1868 г., когда сильный неурожай и голодъ поразили у насъ цѣлый рядъ губерній, цесаревичъ энергически руководилъ дѣломъ помощи пострадавшему населенію: разумною закупкой запасовъ хлѣба и недорогой продажей его нуждающимся онъ сразу подорвалъ корыстныя спекуляціи хлѣботорговцевъ, а практическимъ распредѣленіемъ безвозвратныхъ и другихъ пособій народу быстро отвратилъ отъ него бѣду. Это живое дѣло сблизило цесаревича со многими практическими дѣятелями отдаленныхъ мѣстностей Россіи и обогатило его жизненнымъ опытомъ.

Но особенную важность, какъ подготовительной ступени къ предстоявшему трудному царствованію, имѣло участіе наслѣдника-цесаревича въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. Командуя Рущукскимъ отрядомъ, онъ счастливо разрѣшилъ трудную и отвѣтственную задачу защитить лѣвый флангъ нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ отъ огромнаго количества непріятельскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ такихъ опытныхъ предводителей, какъ паши Мегметъ-Али и Сулейманъ. Въ цѣломъ рядѣ стратегическихъ предпріятій и битвъ Александръ Александровичъ показалъ себя въ высшей степени осторожнымъ, настойчивымъ и вмѣстѣ смѣлымъ полководцемъ, довольствовавшимся, сравнительно съ непріятелемъ, несравненно меньшимъ количествомъ силъ и средствъ. Заботливый о своихъ сподвижникахъ, начиная съ начальниковъ и кончая простыми солдатами, онъ спокойно и бодро дѣлилъ съ ними лишенія и опасности: жилъ въ палаткахъ, баракахъ и болгарскихъ избахъ. Съ чрезвычайной теплотой онъ относился къ страданіямъ раненыхъ и больныхъ воиновъ. Глубоко скромный, по своему характеру, онъ избѣгалъ всякаго шума, блеска и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ безгранично преданъ былъ волѣ Божіей. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ своей августѣйшей супругѣ онъ говорилъ: «Во всемъ, что дѣлается на землѣ, есть воля Божія, а Господь, безъ сомнѣнія, ведетъ судьбы народовъ къ лучшему, а не къ худшему, если они, конечно, не заслужили полнаго Его гнѣва. Поэтому, да будетъ воля Господня надъ Россіей, и что ей слѣдуетъ исполнить и что ей дѣлать, будетъ указано Самимъ Господомъ. Аминь». Эта преданность волѣ Божіей поддерживала цесаревича и на войнѣ, и во всю его жизнь...

В. Д. Поленовъ. Цесаревичъ Александръ Александровичъ на войнѣ. Музей Императора Александра III въ Петербургѣ.

Прилежно занятый приготовленіемъ къ предстоявшему тяжкому царскому служенію, наслѣдникъ цесаревичъ старался выяснить себѣ задачи и духъ своего народа посредствомъ глубокаго изученія русской исторіи. Можно положительно сказать, что никто изъ предшественниковъ его не занимался столько этимъ важнымъ предметомъ, какъ онъ: въ этомъ отношеніи онъ пре-

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Марія Ѳеодоровна.

взошелъ Петра I и Екатерину II, съ большимъ интересомъ знакомившихся съ отечественной исторіей. Онъ съ большой охотой вступалъ въ составъ историческихъ и археологическихъ обществъ, ревностно слѣдя за ихъ работами и помогая развитію ихъ дѣятельности. Съ 1867 г. онъ сталъ предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, доставлялъ ему доступъ во всѣ важнѣйшіе архивы, не только русскіе, но и иностранные, и не только предсѣдательствовалъ на его собраніяхъ, но и по собственной иниціативѣ направлялъ его дѣятельность. Такъ, по его мысли это общество издало переписку Екатерины II и другіе документы этого царствованія и предприняло изданіе «Біографическаго словаря русскихъ историческихъ дѣятелей». Будучи почетнымъ членомъ Московскаго археологическаго общества, цесаревичъ давалъ ему средства на производство раскопокъ, на съѣзды и на изданіе его трудовъ. Россія обязана ему созданіемъ въ Москвѣ Историческаго Музея, почетнымъ предсѣдателемъ котораго онъ былъ до самой своей кончины. Многіе памятники русской старины своей реставраціей обязаны исключительно Александру Александровичу, и послѣ себя онъ оставилъ драгоцѣнныя иконографическія и нумизматическія коллекціи. Но, что еще важнѣе, изъ своихъ историческихъ занятій онъ черпалъ тѣ идеи, которыми онъ руководствовался въ дѣлахъ своего правленія.

Зданіе Историческаго музея на Красной площади въ 1881 году. Рис. А. Васнецовъ.

Сосредоточенно подготовляясь къ предстоящему подвигу царствованія, цесаревичъ Александръ, однако, не думалъ, что это бремя такъ скоро обрушится на его плечи, и, какъ громомъ, былъ пораженъ цареубійствомъ 1-го марта 1881 года.

Наиболѣе близкій къ нему дѣятель его царствованія К. П. Побѣдоносцевъ такъ говорилъ объ этомъ:

«Страшно было вступленіе его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ отцовъ своихъ, орошенный слезами, поникнувъ головою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы...»

Но въ Александрѣ III, при его сдержанности и осторожности, жилъ здравый и проницательный русскій умъ и царила мощная, несокрушимая воля. Принимая 2 марта послѣ присяги генералитетъ, свиту, Государственный Совѣтъ и Сенатъ, Александръ III сказалъ:

«Я принимаю вѣнецъ съ рѣшимостью. *Буду пытаться* слѣдовать отцу моему и закончить дѣло, начатое имъ. Если бы Всевышній и мнѣ судилъ ту же участь, какъ ему, то, надѣюсь, вы будете моему сыну такъ же вѣрны, какъ моему отцу».

Еще до погребенія императора Александра II вступившій на престолъ государь созвалъ на совѣщаніе ближайшихъ совѣтниковъ своего родителя, который палъ отъ руки

революціонеровъ въ своей столицѣ, среди преданнаго народа. Онъ былъ однимъ изъ великихъ благодѣтелей своихъ подданныхъ, освободившій отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ землею 20 милліоновъ крестьянъ. Русская земля, обрызганная царственною кровью, охваченная великою смутою, была ослаблена недавнею войною съ Турціей за освобожденіе славянъ. Національное чувство было понижено унизительнымъ для насъ Берлинскимъ миромъ.

Куда же пойдетъ и что будетъ дѣлать новый монархъ?

Неторопливый, сдержанный, но непоколебимо твердый новый государь немалое время выслушивалъ совѣты окружающихъ, но ясно и безповоротно намѣтилъ совсѣмъ другой путь, какимъ онъ хотѣлъ итти и вести великую Россію. Это было результатомъ его практической и теоретической подготовки къ царствованію.

Близкій къ государю К. П. Побѣдоносцевъ въ письмахъ своихъ даетъ краткій очеркъ совѣщаній, на которыя государь созывалъ ближайшихъ къ престолу сановниковъ [1]).

«На 15 марта, когда было назначено погребеніе императора Александра II, готовилось покушеніе на новаго государя и на прибывшаго на похороны наслѣднаго принца прусскаго: въ одномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ, должны были собраться люди, переодѣтые извозчиками, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы. Но Н. М. Барановъ изъ 48 заговорщиковъ успѣлъ захватить 19, и покушеніе не состоялось».

Кабинетъ Государя Императора въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Государь безмолвствовалъ и думалъ крѣпкую думу, и вдругъ, неожиданно для большинства лицъ, окружавшихъ престолъ, раздалось рѣшительное царское слово [2]).

«Гласъ Божій»,—говорилъ въ этомъ достопамятномъ историческомъ актѣ императоръ Александръ III,—«повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній...

«Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу, посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея. Посвящая себя великому нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію крамолы, позорящей русскую землю, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея—возлюбленнымъ нашимъ родителемъ».

---

[1]) «Русскій Архивъ».

[2]) Манифестъ 29 апр. 1881 года.

Въ этихъ словахъ былъ ключъ къ рѣшенію того именно вопроса, что прежде всего и больше всего необходимо для спасенія Россіи отъ разъѣдавшей ее смуты, для возрожденія ея величія и мощи, для удовлетворенія чаяній и желаній стомилліоннаго русскаго народа; но слова эти не остались только словами, а стали дѣломъ—постояннымъ, неизмѣнно послѣдовательнымъ.

Къ рѣшенію поставленной себѣ задачи Александръ III приложилъ не утонченныя ухищренія своихъ современниковъ Бисмарка и Гладстона, даже не страстную, кипучую дѣятельность Петра I: онъ русскимъ чутьемъ своимъ угадалъ потребности своего народа, предался волѣ и помощи Божіей и съ крѣпкой вѣрою принялъ царскій подвигъ на благо своего народа, и съ полною убѣжденностью въ святости своей самодержавной власти сталъ твердо, неуклонно исполнять свое служеніе отечеству. Онъ глубоко проникся русской исторической идеей: «Россія для русскихъ и по-русски»,—вотъ его девизъ, дававшій ему силу богатыря. Началось бодрое, спокойное правленіе, настало удивительное единеніе царя и народа. И невольно вспоминаются прекрасныя слова А. Н. Майкова:

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей,
Что—царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—
И какъ живительнымъ, весеннимъ первымъ громомъ,
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь—сомнѣній мракъ исчезъ—
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

Не производя ломки въ учрежденіяхъ своего почившаго родителя, почти не создавая новыхъ, Александръ III въ теченіе своего недолгаго царствованія поднялъ Россію на необычайную высоту бережливостью въ государственныхъ расходахъ и подъемомъ производительныхъ силъ народа. Исчезли постепенно дефициты, прекратились иностранные займы, а государственные доходы стали возрастать изъ года въ годъ. Ссудо-сберегательныя кассы, собиравшія едва 10 мил., въ концѣ царствованія заключали уже 330 мил. народныхъ сбереженій. Народный трудъ, при покровительствѣ всему русскому, зашумѣлъ производительностью. Особенно сильную поддержку отъ царя получило крестьянство. Съ него была снята подушная подать, уменьшены выкупные платежи и увеличена площадь крестьянскаго землевладѣнія при помощи новоучрежденнаго крестьянскаго земельнаго банка, продававшаго пахарямъ милліоны десятинъ на льготныхъ условіяхъ, установлена неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ въ другія руки; было организовано переселеніе на Амуръ, въ Среднюю Азію и Сибирь. Была учреждена близкая къ крестьянству власть, въ видѣ земскихъ начальниковъ. Для подъема земледѣлія, которое Александръ III считалъ важнѣйшимъ народнымъ промысломъ, было учреждено особое Министерство Земледѣлія, соединенное съ завѣдываньемъ государственными имуществами. Наконецъ, когда Россія была постигнута голодомъ, государь ассигновалъ 100 мил. на продовольствіе голодающихъ и на обсѣмененіе полей. Для поддержанія помѣщичьяго хозяйства былъ основанъ дворянскій земельный банкъ; учреждена податная инспекція.

Промышленность, фабрики и заводы также находили себѣ покровительство у госу-

даря. Для ослабленія подавляющаго соперничества иностранцевъ съ нашей молодой промышленностью, Александръ III приказалъ повысить пошлины на тѣ иностранныя издѣлія, которыя могли вырабатываться въ Россіи. Особенно имъ поощрялось каменноугольное, желѣзодѣлательное и ткацкое производство. По повелѣнію государя, пушки, ружья, огнестрѣльные снаряды, принадлежности для броненосцевъ и другихъ судовъ, паровозы, вагоны, рельсы и т. п. заказывались на русскихъ заводахъ, вслѣдствіе чего прежніе огромные платежи переходили отъ иностранцевъ въ русскія руки. Этими и подобными мѣрами государь быстро поднялъ русскую промышленность и торговлю: у насъ возникло много новыхъ фабрикъ и заводовъ; иностранный ввозъ товаровъ сократился, а вывозъ русскихъ продуктовъ значительно увеличился.

Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ 1866 году.

Всѣ эти финансово-экономическіе результаты были достигнуты, несмотря на голодъ, холеру и экономическую борьбу съ Германіей.

Но забота царская шла не въ одну сторону хозяевъ-предпринимателей, она обнимала и рабочихъ. Трудъ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ былъ ограниченъ, положено было начало фабричному законодательству, которое скоро опередило французское и англійское...

Если въ предшествовавшее царствованіе преобладало начало всесословности, то при Александрѣ III выдвигается принципъ сословности. Особенное вниманіе государь обратилъ на благоустройство дворянства и крестьянства.

Огромную важность въ это царствованіе имѣетъ постройка Средне-азіатской желѣзной дороги и начало постройки великаго желѣзнодорожнаго пути чрезъ Сибирь, соединившаго наши владѣнія на Великомъ океанѣ съ крайними западными границами Россіи. Государь поручилъ дѣло закладки этого великаго пути и самое его устройство своему первенцу наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Когда, по окончаніи своего образованія, его высочество, посѣтивъ Италію, Грецію, Египетъ, Индію, Японію и Китай, вступилъ на омываемый Великимъ океаномъ берегъ Россійской имперіи, онъ получилъ отъ государя-отца высочайшій рескриптъ, коимъ «на него возложено было—совершить во Владивостокѣ закладку Уссурійскаго участка великаго сибирскаго рельсоваго пути, который подниметъ разработку богатствъ золотого дна Россіи и возвыситъ еще болѣе могущество и славу отечества». 19 мая 1891 года государь наслѣдникъ цесаревичъ своею рукою положилъ первое основаніе этому, по выраженію его царственнаго родителя, «дѣлу мира и просвѣтительной задачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ». Въ честь почившаго царственнаго иниціатора этого пути въ Петербургѣ при въѣздѣ изъ Москвы въ сѣверную столицу воздвигнутъ памятникъ.

Скрѣпленіе и объединеніе окраинъ съ ихъ государственнымъ центромъ составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ этого царствованія. Въ Привислинскомъ краѣ при твердомъ управленіи въ духѣ русскаго государственнаго единства генералъ-губернатора Гурко особыхъ мѣропріятій не было: они оказались ненужными.

Въ нѣмецкихъ элементахъ Прибалтійскаго края, вмѣстѣ съ охлажденіемъ нашихъ

отношеній къ Германіи, чувствовалось нѣкоторое броженіе. Въ виду этого, въ этомъ краѣ начаты были воздѣйствія для увеличенія державнаго значенія нашихъ государственно-народныхъ началъ. Послѣ сенаторской ревизіи въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерніяхъ послѣдовали нѣкоторыя нововведенія русскаго характера. Полицейскія учрежденія были изъяты изъ рукъ нѣмецкаго дворянства, а администрація въ этихъ губерніяхъ передана была людямъ русскаго происхожденія. Введенъ русскій государственный языкъ въ дѣлопроизводство правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Точно такъ же нѣмецкій языкъ и въ школахъ долженъ былъ уступить свое мѣсто русскому. Снята была съ православныхъ обязанность платить повинности лютеранскимъ киркамъ и пасторамъ: былъ возстановленъ законъ, по которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны воспитываться въ православной вѣрѣ. Преобразованъ былъ дерптскій университетъ изъ нѣмецкаго въ русскій, и самому городу возвращено было русское имя «Юрьевъ», данное ему его основателемъ Ярославомъ Мудрымъ. По волѣ государя Динаминдъ былъ переименованъ въ Усть-Двинскъ, а Динабургъ—въ Двинскъ. Наконецъ, были введены въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе судебные уставы съ русскимъ судопроизводствомъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

При первой попыткѣ финляндскихъ сепаратистовъ задѣть русское достоинство и національное чувство, государь, въ рескриптѣ на имя финляндскаго генералъ-губернатора, напомнилъ, что Финляндія состоитъ «въ собственности и державномъ обладаніи Россійской имперіи», и возвѣстилъ, что имъ предначертываются «мѣропріятія, имѣющія цѣлью достиженіе болѣе тѣснаго единенія великаго княжества съ прочими частями Россійской державы».

Закладка Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ Сибирской желѣзной дороги.

Государь положилъ много старанія на просвѣщеніе русскаго народа. Въ его царствованіе возникло 49 тысячъ народныхъ школъ, съ двумя милліонами учащихся; самому обученію былъ приданъ характеръ истинно-русскій, ибо эти школы были церковно-приходскими. Для развитія народной промышленности создано было множество профессіональныхъ и техническихъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ.

Императоръ Александръ III поощрялъ и русское національное искусство. Такъ, въ живописи онъ выдвинулъ В. М. Васнецова, Рѣпина, Полѣнова, Боголюбова, Маковскаго,

а въ скульптурѣ поощрялъ Опекушина, Микѣшина и Антокольскаго. Поощряя русскую живопись, государь покупалъ много ея новыхъ произведеній, которыя теперь наполняютъ огромный музей Александра III въ Петербургѣ. Любя музыку и самъ будучи музыкантомъ, онъ давалъ ходъ въ Россіи русской оперѣ, и петербургской консерваторіи подарилъ большой театръ, а московской далъ значительныя средства на постройку новаго зданія. Композиторъ Чайковскій былъ похороненъ на счетъ самого государя. Руководителемъ московскихъ театровъ Александръ III сдѣлалъ извѣстнаго драматурга Островскаго. Семья умершаго писателя Лажечникова получила пенсію отъ самого государя. Привлекшіе сочувствіе государя, въ его бытность цесаревичемъ, представители русской національной мысли—Катковъ, Аксаковъ, Майковъ, кн. Мещерскій и др. получили доступъ къ нему.

Россія обязана императору Александру III реставраціей Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ и Грановитой палаты, которая была расписана на основаніи открытой въ ту пору рукописи живописца царя Алексѣя Михайловича—Симона Ушакова; государь возобновилъ дворецъ Димитрія царевича въ Угличѣ, содѣйствовалъ реставраціи кремля и его памятниковъ въ Ростовѣ Великомъ, Софійскаго собора въ Новгородѣ и храмовъ Владиміра-Залѣсскаго и, вообще, оказалъ чрезвычайно плодотворыя услуги русской исторической наукѣ.

Глубоко православный, Александръ III много трудился для подъема значенія православной церкви, которую онъ чтилъ, по его собственному выраженію,—«свято, отъ глубины души, какъ вѣрный сынъ». При немъ учреждено было тринадцать новыхъ архіерейскихъ каѳедръ; открыты закрытые было церковные приходы; въ западной Руси возстановлены церковныя братства и построено много новыхъ храмовъ.

Петръ Великій говаривалъ всегда: «Отечество мое Россія—паче всего, паче живота моего». Съ полнымъ правомъ могъ это сказать о себѣ и Александръ III. Вступивши на престолъ, государь далъ понять Европѣ, что его заботой будетъ не весь земной шаръ, не Европа, а Россія — «паче всего»; русскіе реальные жизненные интересы—вотъ, начало и конецъ иностранной политики нашего государя.

Зданіе музея Императора Александра III въ Петербургѣ.

Хмуро, недоброжелательно Западная Европа сначала отнеслась къ русской политикѣ Александра III. Но онъ, *повелитель шестой части всего земного шара*, вождь стомилліоннаго народа, «не презиралъ земли родной, онъ зналъ ея предназначенье» и не смутился

Императоръ Александръ III произноситъ рѣчь передъ старшинами. Кремлевскій дворецъ въ Москвѣ.

чужестраннымъ неудовольствіемъ, потому что отлично понималъ, что Россія, несправедливо униженная, работавшая на чужихъ, не можетъ оставаться въ прежнемъ положеніи, что ей подобаетъ совсѣмъ не то мѣсто, какое ей давали среди другихъ державъ.

По своемъ восшествіи на престолъ онъ двинулъ войска на западныя и южныя границы и далъ приказаніе, на случай надобности, приготовить все нужное для высадки на Босфорѣ и въ Малой Азіи.

Основу своей иностранной политики государь выразилъ въ рескриптѣ не дипломату, а военному министру въ 1890 году такъ: «Отечеству нашему, несомнѣнно, нужна армія силь-

Андреевскій залъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.

ная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои я уповаю съ Божьей помощью еще надолго продлить, я полагаю, что вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями». Онъ перевооружилъ армію, обмундировалъ ее по-русски, усилилъ старыя и создалъ новыя крѣпости (Карсъ, Двинскъ, Ивангородъ, Новогеоргіевскъ, Варшаву и друг.). Онъ также значительно усилилъ нашъ флотъ множествомъ новыхъ броненосныхъ судовъ. Содержаніе арміи и ея офицеровъ значительно было улучшено...

Тяжело было политическое наслѣдство, принятое Александромъ III по его вступленіи на престолъ. Война съ Турціей привела насъ къ печальному берлинскому миру, навязанному нашимъ двуличнымъ союзникомъ по тройственному союзу—княземъ Бисмаркомъ, который вынудилъ Россію отказаться отъ условій заключеннаго въ Санъ-Стефано выгоднаго для Россіи мира съ Турціей и согласиться дать вознагражденіе Австріи и Англіи. Первая захватила Боснію и Герцеговину, а вторая—островъ Кипръ. Александръ III рѣшилъ освободиться отъ этого тройственнаго союза, ронявшаго наше значеніе на славянскомъ и азіатскомъ Востокѣ. И, терпѣливо выждавъ конца срока тройственнаго союза, онъ, несмотря на долгія хлопоты Бисмарка, открыто вышелъ изъ него.

Этотъ важный шагъ русскаго царя сразу измѣнилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ. Но этотъ шагъ потребовалъ отъ государя особенной бдительности и осторожности, такъ какъ Россію, нуждавшуюся въ мирѣ, старались втянуть въ войну изъ-за освобожденныхъ болгаръ и изъ-за успѣховъ нашихъ въ Средней Азіи. Русскій ставленникъ въ освобожденной нами Болгаріи принцъ Баттенбергскій самовольно присоединилъ къ Болгарскому княжеству восточную Румелію. Если бы Россія одобрила этотъ шагъ, ей пришлось бы воевать съ Турціей и Австріей, а въ случаѣ протеста противъ этого, понадобилось бы начать войну съ болгарами и тѣмъ навсегда оттолкнуть отъ себя единовѣрныхъ и единокровныхъ славянъ Балканскаго полуострова. Александръ III избѣжалъ и того, и другого. Онъ не утвердилъ самовольнаго переворота Баттенберга, но не сталъ воевать съ единоплеменниками, а только отозвалъ русскихъ офицеровъ и своего уполномоченнаго изъ Болгаріи, и сами болгары низложили Баттенберга. Государь воздержался отъ вмѣшательства въ болгарскія дѣла и тогда, когда тамъ водворился деспотизмъ Стамбулова и ужасная борьба партій, и даже тогда, когда въ интересахъ Австріи состоялся призывъ въ князья принца Кобургскаго. Такая сдержанность и проницательность государя снискали ему уваженіе даже среди недруговъ Россіи.

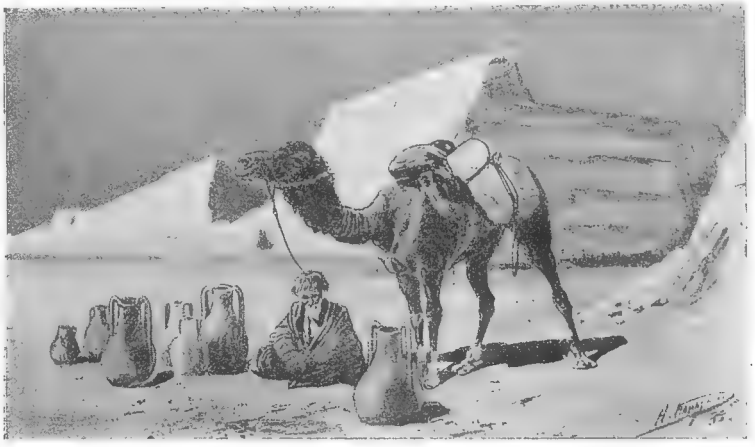
Императоръ Александръ III.

Съ другой стороны, англичане, недовольные тѣмъ, что въ Средней Азіи туркмены Мервскаго оазиса добровольно поддались Россіи, и мы стали приближаться къ границамъ Индіи, подняли противъ насъ афганскаго эмира, и вотъ, въ 1885 году на берегу рѣки Кушки произошло столкновеніе афганцевъ, руководимыхъ англійскими офицерами, съ русскимъ пограничнымъ отрядомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ генерала Комарова, который нанесъ имъ рѣшительное пораженіе.

Англійская печать подняла страшный крикъ, парламентъ ассигновалъ деньги на новыя вооруженія, былъ даже пущенъ слухъ, будто англійскій флотъ вступилъ въ Балтійское море. Но государь не испугался этихъ угрозъ и, чуткій къ защитѣ русской чести и русскихъ интересовъ, онъ далъ за это дѣло генералу Комарову высшую награду—золотое оружіе, что произвело отрезвляющее дѣйствіе на Англію, и вся Западная Европа

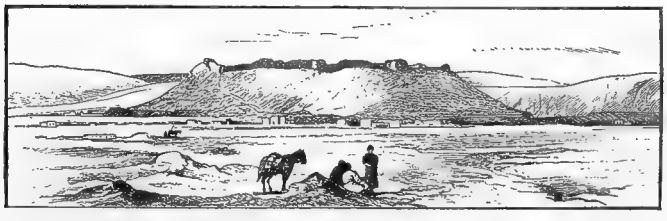
поняла, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Русскій царь высоко и грозно держалъ свой славный стягъ.

Попытки Германіи раздражить Францію появленіемъ на ея границахъ шпіоновъ, передвиженіе туда войскъ, подъ предлогомъ маневровъ, коварно подготовляли разгромъ этой обездоленной, но дышавшей мщеніемъ націи. Но императоръ Александръ III далъ недвусмысленно понять, что онъ не допуститъ этого и не останется, какъ было прежде, нейтральнымъ въ пользу пруссаковъ... Замыслы Бисмарка разбивались въ прахъ, а значеніе Россіи все росло въ Европѣ, умаляя авторитетъ Германіи.



Въ Средней Азіи у Мерва.

Россія была одинока, но сильна, и русскій царь далъ понять, что онъ не нуждается въ союзникахъ, когда однажды поднялъ бокалъ за здоровье князя маленькой Черногоріи, какъ «единственнаго друга Россіи»... Тогда-то нашлись у насъ другіе друзья: началось сильное движеніе Франціи въ сторону Россіи, и стало безо всякихъ происковъ и интригъ подготовляться ихъ прочное сближеніе. Находя, однако, пользу для Россіи отъ прекращенія ея изолированности, ея одиночества, не видя также противорѣчія въ интересахъ обѣихъ державъ, но сдерживая французовъ отъ мстительныхъ увлеченій и преждевременнаго нарушенія мира, самъ государь пошелъ навстрѣчу дружественнымъ движеніямъ французской націи. Уже въ 1891 году императоръ дозволилъ устроить въ Москвѣ французскую выставку и почтилъ ее своимъ посѣщеніемъ, а скоро насталъ послѣдній, самый славный періодъ въ иностранной политикѣ русскаго царя,—періодъ открытаго дружескаго сближенія съ Франціей. Въ Кронштадтъ прислана была оттуда эскадра подъ начальствомъ адмирала Жерве. Государь, стоя съ открытой головой, выслушалъ національный гимнъ Франціи и дружески поднялъ чару за ея процвѣтаніе. Завершеніемъ этого сближенія были отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ подъ начальствомъ адмирала Авелана и посѣщеніе Франціи нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей... Трудно описать энтузіазмъ и чувство любви къ русскому монарху и Россіи, которые глубоко охватили въ ту пору весь французскій народъ, безъ всякаго различія въ немъ республиканцевъ и монархистовъ, соціалистовъ и индивидуалистовъ, католиковъ и вольныхъ мыслителей.



Кушка.

Въ послѣдніе годы жизни Александра III ничто важное въ Европѣ не могло уже совер-

шиться безъ его согласія. Первенство отъ Германіи перешло къ Россіи, и вѣсы политическаго равновѣсія были въ рукахъ русскаго государя. Но тяжелыя потрясенія юныхъ лѣтъ, трагическая кончина Александра II и постоянные труды и заботы во время его царствованія надорвали здоровье русскаго богатыря, какимъ былъ Александръ III, и свели его въ преждевременную могилу.

Л. Д. Блиновъ. Прибытіе русскаго флота въ Тулонъ.

Еще не вполнѣ закрылась та глубокая рана, которую нанесла Александру Александровичу преждевременная смерть горячо любимаго брата, какъ его самого сразилъ тифъ въ самой тяжелой формѣ. Онъ оставилъ сильные слѣды на его внѣшности: цесаревичъ, несмотря на свои 27 лѣтъ, навсегда лишился половины своихъ густыхъ волосъ. Тяжелые труды въ войну 1877—1878 года, глубокія волненія отъ частыхъ покушеній на жизнь отца-вѣнценосца, глубоко отзывались на немъ. А чего стоило ему громадное потрясеніе 1 марта 1881 года! Даже близкіе люди, при замкнутомъ и молчаливомъ его характерѣ, мало знаютъ, что творилось въ душѣ этого царя-богатыря въ продолженіе его царствованія. Но въ народъ проникъ слухъ, что въ тяжелыя минуты, которыхъ было не мало, онъ ночью одинъ уходилъ каждый разъ въ домовую церковь Аничкова дворца и тамъ подолгу оставался при свѣтѣ одной лампады... На другой день всѣ видѣли его бодрымъ и спокойнымъ, и никто не замѣчалъ пережитыхъ чрезвычайныхъ напряженій его духа. Страшное крушеніе поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 года, когда семья царя чудомъ спаслась отъ ужасающей опасности, не могло не отразиться также на здоровьѣ его: въ лицѣ государя появилась нѣкоторая блѣдность. Но онъ умѣлъ даже отъ семьи своей скрывать свои недуги и послѣ того удвоилъ свои занятія, что успокоило всѣхъ. Но болѣзнь дѣлала свое дѣло. Въ 1893 году, во время пребыванія государя въ Даніи, у него открылось сильное кровотеченіе носомъ, появилась нѣкоторая слабость. Въ 1894 г. государь заболѣлъ очень сильно инфлуэнцей, осложнившейся сердечными припадками. Въ іюнѣ обнаружилось новое ухудшеніе въ здоровьѣ государя, и вызванный въ Петербургъ профессоръ Захарьинъ установилъ начавшуюся болѣзнь почекъ и не скрылъ отъ больного своихъ серьезныхъ опасеній. Однако, государь не покинулъ Петергофа, продолжалъ обычныя свои занятія, и 7 августа въ Красносельскомъ лагерѣ, объѣзжая войска, сдѣлалъ галопомъ двѣнадцать верстъ. Переѣздъ двора сперва въ Бѣловѣжскую пущу, а потомъ въ Спалу, при сырой погодѣ, не помѣшалъ быстрому развитію болѣзни. Не помогла и прекрасная погода въ Крыму, куда государь прибылъ 21 сентября, сильно похудѣвши и пожелтѣвши. Здѣсь онъ все еще бодрился и дѣлалъ прогулки въ экипажѣ. 4 октября была его послѣдняя прогулка, во время которой ему сдѣлалось дурно, отекъ ногъ со дня на день увеличивался, сердце работало слабо, силы падали...

5 октября осторожно составленный Захарьинымъ и вызваннымъ изъ Берлина профессоромъ Лейденомъ бюллетень о серьезной болѣзни государя заставилъ вздрогнуть не только всю Россію, но и весь міръ. Всѣ въ страхѣ за жизнь пріобрѣвшаго мощное вліяніе вездѣ и всюду императора, стали молиться объ его выздоровленіи. Для всѣхъ и для самого страдальца стало яснымъ, что конецъ приближается. Поразительны были свѣтлое настроеніе и

мужественное спокойствіе самого царственнаго больного. Несмотря на слабость, безсонницу и сердцебіеніе, онъ все еще не хотѣлъ слечь въ постель и усиливался продолжать занятія государственными дѣлами, изъ коихъ послѣдними были письменные доклады по дальневосточнымъ дѣламъ, а, именно, о Кореѣ.

Уже 9 октября больной самъ сказалъ своему духовнику опредѣленно, что чувствуетъ близость смерти, и съ большою радостью выслушалъ его предложеніе причаститься св. Тайнъ. Во время скоро состоявшейся исповѣди государь, какъ здоровый, преклонилъ колѣни и клалъ земные поклоны. Но для причащенія уже не могъ самъ подняться: его подняли государыня и духовникъ. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ государь причастился тѣла и крови Христовыхъ.

На другой день, 10 октября, государь бодро встрѣтилъ утромъ прибывшаго въ Ливадію о. Іоанна Кронштадтскаго, а вечеромъ—невѣсту своего первенца—принцессу Алису Гессенскую, поспѣшившую въ Крымъ. Волненіе этого дня, повидимому, хорошо подѣйство-

С. И. Васильковскій. Крушеніе царскаго поѣзда близъ станціи Борки 17 октября 1888 года.

вало на больного, и онъ сталъ чувствовать себя лучше, что продолжалось до 18 октября. Въ окружающихъ зажглась надежда на выздоровленіе государя.

Въ знаменательный день 17 октября отецъ Іоаннъ Кронштадтскій второй разъ причастилъ государя святыхъ Тайнъ. Послѣ обѣдни онъ вошелъ къ больному со святою чашей въ рукахъ. Царь твердо, раздѣльно и съ глубокимъ чувствомъ повторялъ за священнослужителемъ слова: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ...» и благоговѣйно причастился изъ чаши. Слезы умиленія падали на грудь его. Опять почувствовался подъемъ бодрости, и государь снова принялся было за дѣла и работалъ даже ночью. Но ему стало хуже, открылся воспалительный процессъ въ легкихъ и кровохарканіе. Умирающій мужественно боролся съ недугомъ и проявлялъ силу своей воли. 18-го числа въ послѣдній разъ отправленъ былъ въ Петербургъ фельдъегерь съ рѣшенными дѣлами. На слѣдующій день государь еще разъ пытался заниматься и на нѣсколькихъ докладахъ въ послѣдній разъ написалъ: «Въ Ливадіи. Читалъ»... Но это былъ уже послѣдній день службы царской Россіи: великій труженикъ земли русской сильно ослабѣлъ и ждалъ уже близившагося перехода въ другой міръ.

Ночь государь провелъ безъ сна и, сойдя съ постели, сѣлъ въ кресло. Рано утромъ онъ послалъ за наслѣдникомъ-цесаревичемъ и около часу говорилъ съ нимъ наединѣ. Вскорѣ вся семья собралась вокругъ него. Государь пожелалъ еще разъ пріобщиться св. таинъ.

Все время болѣзни не только царственная семья и народъ русскій горячо молились о боровшемся со смертью государѣ,—въ эти дни ливадійскихъ страданій всѣ народы не только Стараго Свѣта, но и Америки, но и демократическихъ республикъ просили Бога продлить жизнь русскаго государя. Можно не удивляться тому, что французы въ своихъ храмахъ, начиная съ собора Парижской Богоматери, творили всенародныя молитвы объ исцѣленіи императора Александра III,—вѣдь онъ не далъ Бисмарку раздавить одинокую Францію... Но становится удивительнымъ, когда мы читаемъ, что происходило въ странахъ, не связанныхъ съ нами интересами. Глава католической церкви папа Левъ XIII самъ совершалъ по случаю болѣзни православнаго царя заздравныя о немъ мессы. То же дѣлали холодные англичане: они молили Царя царей, чтобы Онъ поднялъ со смертнаго одра русскаго самодержца. Глава демократической республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлэндъ, съ министрами и депутатами парламента, служилъ заздравный молебенъ объ умиравшемъ царѣ, и одинъ изъ первыхъ раскрылъ, почему весь міръ желаетъ своими молитвами удержать на землѣ жизнь русскаго государя. Въ своей рѣчи послѣ молебствія Кливлэндъ говорилъ: «Болѣзнь царя я считаю настоящимъ международнымъ бѣдствіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что предъ лицомъ всего міра царь представляетъ собою *великій образъ силы и мира*. Вотъ, почему его царствованіе должно быть занесено во всемірную исторію съ чувствомъ глубокой благодарности».

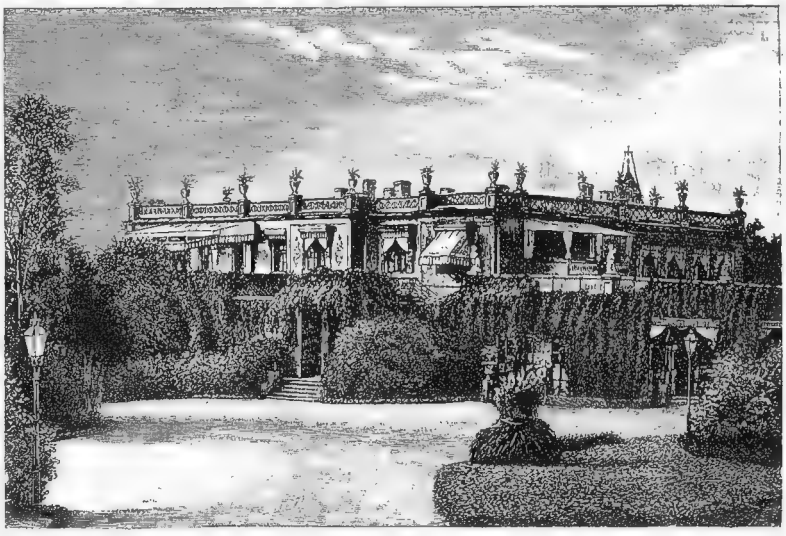
Въ 11 часовъ положеніе больного сдѣлалось особенно труднымъ, одышка увеличилась, дѣятельность сердца упала, и государь просилъ позвать къ нему о. Іоанна Кронштадтскаго, который помазалъ тѣло государя масломъ изъ лампады и, по его просьбѣ, положилъ на его голову руки. Слабѣющимъ голосомъ государь старался выразить прощальную ласку императрицѣ и дѣтямъ. Въ 2 часа пульсъ усилился, и въ 2 часа 15 минутъ, склонивши голову на плечо государыни, страдалецъ тихо почилъ.

Петергофъ. Дача Александріи.

Такимъ образомъ, горячія молитвы о царѣ русскомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, не были услышаны, и онъ покинулъ этотъ міръ, какъ будто для того, чтобы повсюду еще выше оцѣнили всѣ тѣ сокровища, которыя въ немъ потеряла не одна Россія и русскій народъ. Понятно, что весь французскій народъ горячими слезами и жаркой молитвой встрѣтилъ кончину русскаго императора. Но въ этой республикѣ были оказаны ему такія почести, какъ будто онъ былъ ея возлюбленнымъ государемъ, какъ будто французы сдѣлались русскими монархистами. Всѣ государственныя, всѣ общественныя зданія, всѣ храмы были покрыты трауромъ. По полученіи печальной телеграммы, обѣ палаты фран-

Зимній дворецъ въ С.-Петербургѣ.

цузскаго парламента, т.-е. сенатъ и палата депутатовъ, были созваны въ чрезвычайныя засѣданія и послѣ звучавшихъ надгробнымъ плачемъ рѣчей своихъ президентовъ были тотчасъ закрыты въ знакъ глубокаго національнаго горя. Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфировалъ всѣмъ префектамъ Франціи: «Прикажите вездѣ спустить флаги Французской Республики въ знакъ національнаго траура. Русскій императоръ скончался»... Цѣлая тьма телеграммъ сочувствія и скорби полетѣла изъ Франціи къ подножію русскаго престола къ вступившему на него молодому императору Николаю II. Сотни золотыхъ, серебряныхъ и всякихъ иныхъ вѣнковъ чрезвычайное посольство Франціи въ цѣломъ поѣздѣ повезло въ Петербургъ ко дню погребенія.



Ливадійскій дворецъ.

Маститая королева Викторія, въ качествѣ главы англійской церкви, повелѣла въ день погребенія нашего государя отслужить во всѣхъ храмахъ Англіи поминальныя службы, а на службѣ въ Виндзорѣ приказала внести въ англійскій служебникъ погребальныя пѣснопѣнія изъ нашего православнаго богослуженія. И вотъ, дворъ и министры Англіи, преклоняя колѣни, впервые услыхали на англійскомъ языкѣ наше пѣснопѣніе: «Со святыми упокой».

Почему же кончина императора Александра III объединила весь міръ въ одномъ чувствѣ скорби? Потому что онъ далъ народамъ міра именно то, чего не въ силахъ былъ дать ни одинъ изъ всѣхъ ихъ представителей, вродѣ Карно или Кливлэнда, Гладстона или Бэконсфильда, Бисмарка или Мольтке, и даже самого Вильгельма II. Они не могли обезпечить Европѣ столь ей необходимаго мира—его ей далъ русскій самодержецъ, всѣми народами наименованный царемъ-миротворцемъ, и этотъ миръ не былъ нарушенъ во все тринадцатилѣтнее царствованіе Александра III. «Чѣмъ торопливѣе рука смерти», сказалъ одинъ изъ русскихъ историковъ[4]), «спѣшила закрыть его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ, и камни возопіяли: органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду... Оказалось, по ихъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе. Европейская цивилизація помѣстилась на пороховомъ погребѣ. Горящій фитиль не разъ приближался къ этому опасному оборонительному складу, и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго царя тихо и осторожно отводила его»...

«Александръ III былъ истинно-русскимъ царемъ, какого до него Россія давно уже не

---

[4]) „Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III". Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общ. истор. и древностей Россійск. предсѣд. проф. В. О. Ключевскимъ.

видала. Конечно, всѣ Романовы были преданы интересамъ и величію своего народа, но побуждаемые желаніемъ дать своему народу западно-европейскую культуру, они искали идеаловъ внѣ Россіи, то во Франціи, то въ Германіи, то въ Англіи и Швеціи. Императоръ Александръ III пожелалъ, чтобы Россія была Россіей, чтобы она, прежде всего, была русскою, и самъ онъ подавалъ тому лучшіе примѣры. Онъ явилъ собою идеальный типъ истинно-русскаго человѣка», писалъ о немъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Флурансъ. Академикъ Анатоль Леруа-Болье говорилъ о почившемъ: «Исторія назоветъ его истинно-русскимъ царемъ... Да, онъ былъ вполнѣ русскимъ и любилъ это показать. Не взирая на высокое занимаемое имъ положеніе, простой русскій крестьянинъ видитъ въ немъ плоть и кровь своего народа. Въ этомъ смыслѣ память о немъ навѣки сохранится среди русскаго народа, видѣвшаго въ своемъ царѣ легендарнаго героя своего» [6])...

Вѣнокъ президента французской республики.

Извѣстный французскій писатель Франсуа Коппе говорилъ: «Въ нашихъ сердцахъ мы еще долго будемъ хранить трауръ по благородномъ и справедливомъ императорѣ Александрѣ III. Во время своего слишкомъ кратковременнаго царствованія онъ былъ представителемъ того, что, можетъ быть, есть наилучшаго въ человѣчествѣ—высочайшей силы, *совершенно свободной, руководимой совѣстью и желаніемъ блага*».

Французскій поэтъ Арманъ Сильвестръ писалъ: «Александръ III воплощалъ всю Россію... Я почувствовалъ себя русскимъ, узнавъ о кончинѣ того, кто всю Россію воплощалъ въ своей великой душѣ и глубокомъ сердцѣ. Какъ раскаивался я въ своихъ предубѣжденіяхъ западника при видѣ русской цивилизаціи, возникшей послѣдовательно и логично! Я преисполнился чувствомъ безпредѣльнаго восторга, при видѣ августѣйшаго вождя русскаго народа, безконечно справедливаго и безгранично добраго. Все, что мнѣ удавалось слышать о немъ, свидѣтельствовало о его глубокомъ пониманіи той великой роли, какую онъ призванъ былъ исполнить въ отдавшагося служенію своему народу. Да, онъ былъ истиннымъ царемъ»!

Приводя эти отзывы иностранцевъ объ императорѣ Александрѣ III, мы видимъ, что въ образѣ покойнаго государя для Европы какъ бы отразился весь духовный складъ русскаго народа. Европа твердила и настаивала на томъ, что онъ былъ русскій человѣкъ съ головы до ногъ. Въ заслугу ему ставили его религіозность, его правдивость, его искренность, его кротость, его семейныя добродѣтели.

Первый министръ на родинѣ парламентаризма, въ Англіи, лордъ Розберри въ своей рѣчи, посвященной памяти русскаго царя, сказалъ: «Правда и миръ были его лозунгомъ. Императоръ не былъ ни Цезаремъ, ни Наполеономъ. Но если міръ можетъ гордиться не

[6]) Livre d'Or, Paris 1895.

менѣе великими побѣдами, чѣмъ война, то безспорно, что русскій императоръ будетъ пользоваться въ исторіи такою же славою, какая выпала на долю Цезаря и Наполеона. Всѣ единогласно утверждаютъ, что его личность и его характеръ обезпечивали Европѣ миръ». Другой первый министръ Англіи, враждовавшій противъ Россіи—маркизъ Сольсбери публично высказалъ: «Александръ III много разъ спасалъ Европу отъ ужасовъ войны. По его дѣяніямъ должны учиться государи Европы, какъ управлять своими народами». Объясняя, почему въ продолженіе царствованія нашего государя нигдѣ не было войны, онъ говорилъ: «Да, страшенъ гнѣвъ русскаго самодержца, особенно такого»...

Въ одной изъ распространенныхъ нѣмецкихъ газетъ мы читали: «Александръ III отказался отъ плановъ, созрѣвшихъ въ концѣ предшествующаго царствованія, и выразилъ свою непреклонную волю утвердить неограниченную самодержавную власть. Онъ возымѣлъ желаніе исправить найденный имъ порядокъ вещей, очистить и преобразовать силою своего полномочнаго единовластія. Основой укрѣпленія государства долженъ былъ стать русскій духъ,—духъ преданности православной Церкви, безусловнаго подчиненія волѣ царя и охраненія національныхъ особенностей Русскаго государства. Если, при его предшественникахъ, преобразованія совершились при содѣйствіи чужестранцевъ, то отнынѣ все чужое должно было отступить на задній планъ, а на первое мѣсто стать все настоящее русское. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ ранѣе преобладали разнородныя національности, все русское получило преимущественное положеніе, ради цѣлостности государства и установленія въ немъ единства вѣры, языка и нравовъ... Россія вернулась на путь самобытнаго національнаго развитія»...

Въ Александрѣ III, какъ въ человѣкѣ и государѣ, Европа, такимъ образомъ, увидала откровеніе чисто-русскаго народнаго духа и изумленная старалась постигнуть смыслъ этого откровенія. Она видѣла предъ собою явленіе колоссальное, какъ бы всю Россію, сосредоточенную въ одномъ лицѣ, угадывала нѣкоторыя черты этого явленія духа, а не самую глубокую его сущность. Европа говоритъ: «онъ былъ религіозенъ, правдивъ, кротокъ, миролюбивъ, справедливъ, твердъ» и т. д. Но Европа не видитъ, въ чемъ гармонія этихъ качествъ, къ какому центру они сводятся.

Отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и дипломатическаго корпуса Франціи.

Разгадка его личности и его дѣятельности въ томъ, что онъ былъ истинно-православнымъ христіаниномъ. Онъ былъ глубоко проникнутъ православной вѣрой своего русскаго народа. Отсюда его величавое спокойствіе, его увѣренность и твердость. Онъ зналъ, что онъ дѣлаетъ не свое, а Божье дѣло. И онъ положилъ всю свою жизнь за народъ, врученный ему Богомъ, спасая свою душу. Онъ, смиренный сердцемъ, не радовался власти, а принялъ ее, какъ тяжкій крестъ, который Провидѣніе предназначило ему нести, какъ бремя, какъ подвигъ. И онъ несъ этотъ крестъ до конца, пока не изнемогъ подъ его тяжестью, но зато онъ спокойно предалъ свой духъ въ руки Божіи...

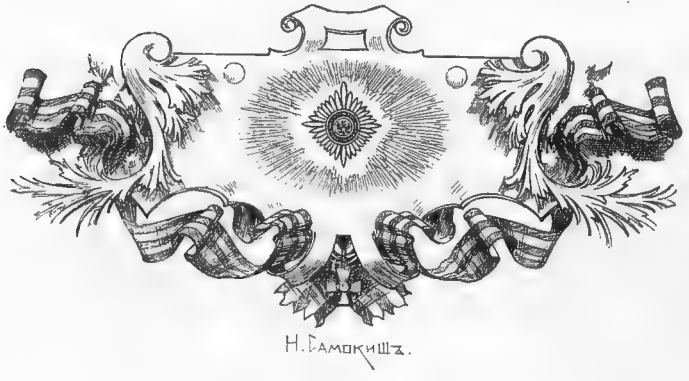
Москва, которую такъ горячо и такъ глубоко любилъ этотъ великій царь, воздвигла

ему два памятника: монументъ, который воспроизводитъ его величавый обликъ, и обширный музей изящныхъ искусствъ, посвященный его имени...

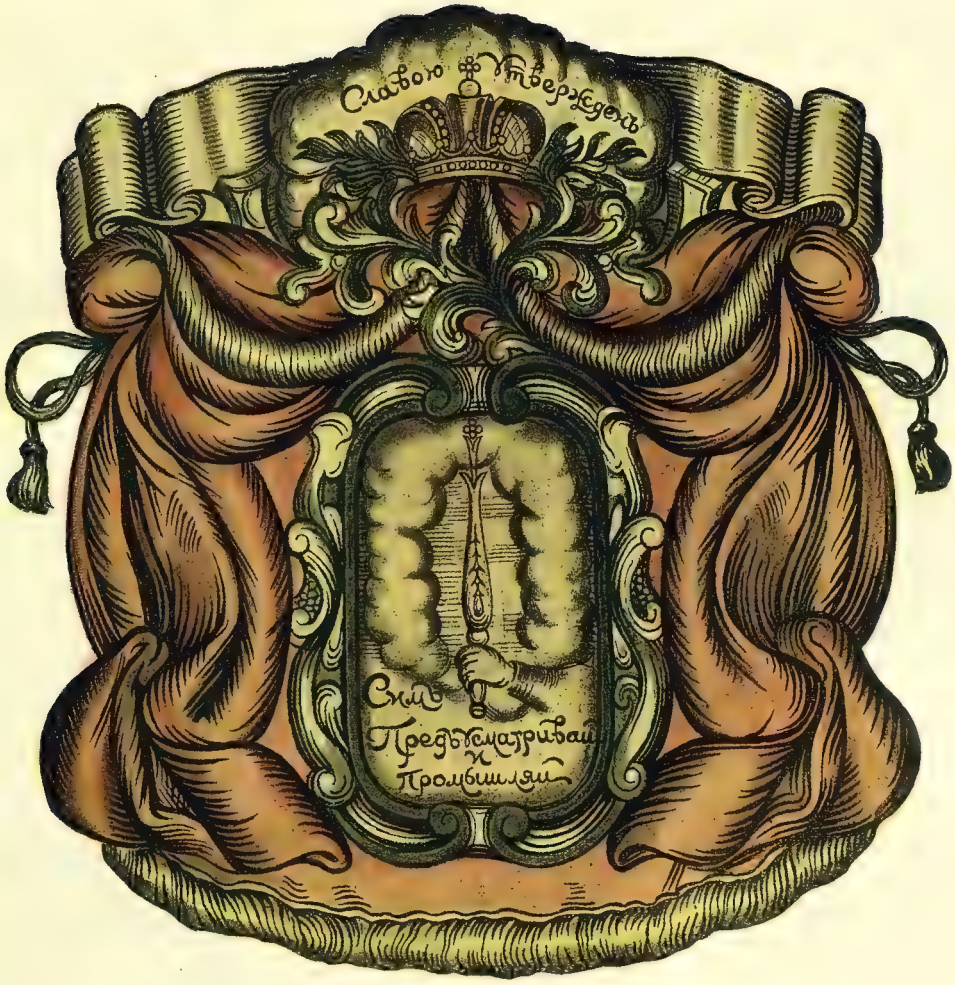
Въ подписанномъ 20 октября манифестѣ о восшествіи своемъ на престолъ Государь Императоръ Николай Александровичъ изволилъ сказать о кончинѣ своего царственнаго родителя:

«Горя нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ государствѣ нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по государѣ, безвременно отошедшемъ въ вѣчность и оставившемъ родную землю, которую любилъ всею силой своей русской души и на благоденствіе которой онъ полагалъ всѣ помыслы свои, не щадя ни здоровья своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами, никогда не перестанутъ чтить память царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный въ его царствованіе».

Слова Государя съ поразительною силою подверждены были величественными изъявленіями глубочайшаго сочувствія къ горю Царя и Россіи безусловно со всѣхъ сторонъ. Народъ громадными массами стекался не только на станціяхъ, чрезъ которыя проходилъ поѣздъ съ гробомъ почившаго, но и сходился вдали отъ селъ и городовъ на самыхъ рельсахъ, чтобы поклониться ему при быстромъ его слѣдованіи. Москва облеклась въ глубокій трауръ и проявила всю глубину своей любви къ усопшему во время пребыванія его тѣла въ стѣнахъ Кремля... Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ, гдѣ совершалось погребеніе, наполнился вѣнками, и съ трудомъ вмѣщалъ представителей разныхъ государствъ и разныхъ народовъ...



Коронованіе Императора Николая II.



ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Государь Императоръ Николай Александровичъ.

ъ октябрьскіе дни ливадійскихъ страданій навѣки смежились очи Великаго Императора-Миротворца. Двадцать перваго октября 1894 года на престолъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій Благовѣрный Государь Императоръ Николай Александровичъ. Принявъ послѣднее благословеніе отъ умиравшаго Родителя Своего и горячо помолившись объ упокоеніи отлетѣвшей къ престолу Всевышняго кристально-чистой души его, новый Царь обратился къ Своему народу съ слѣдующими словами въ Высочайшемъ Своемъ манифестѣ:

«Да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша —

скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ, что сила и крѣпость Святой Руси въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ».

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Этими достопамятными словами опредѣляется то направленіе, по которому должна итти на будущее время Россія. Прежде всего въ основу государственной жизни легла крѣпкая и неразрывная связь съ завѣтами минувшаго царствованія. «Я совершенно покоенъ», сказалъ своей супругѣ передъ кончиной императоръ Александръ Третій, и онъ былъ вправѣ это сказать. Онъ зналъ, что бразды правленія передаетъ въ крѣпкія и надежныя руки своего Наслѣдника, котораго онъ лично наставлялъ на предстоящее Ему царственное дѣло.

Нынѣ царствующій Государь Императоръ съ первыхъ дней Своей жизни находился подъ неусыпнымъ наблюденіемъ Своего Державнаго Родителя. Онъ выросъ въ семьѣ идеальной, крѣпкой своей взаимной любовью, и дѣло Его воспитанія и образованія было поставлено образцово. Окончивъ изученіе наукъ и спеціально практическое изученіе военнаго дѣла и другихъ отраслей государственной службы, Цесаревичъ совершилъ рядъ путешествій по Россіи и по другимъ государствамъ. Вѣнцомъ этихъ путешествій былъ тотъ громадный путь, который былъ совершенъ Его Высочествомъ въ 1890 и 1891 году по Европѣ, Африкѣ и Азіи. Передъ Нимъ развертывались остатки величайшей античной культуры въ Греціи; Онъ видѣлъ суровыя пирамиды Египта; Онъ посѣтилъ роскошную Индію, западный Китай и живописную Японію. Изъ этой колоссальной поѣздки Цесаревичъ держалъ обратный путь черезъ Азіатскую Россію, и тутъ Его Родитель возложилъ на него «совершить во Владивостокѣ закладку Уссурійскаго участка Великаго Сибирскаго рельсоваго пути». Это и было совершено Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 19 мая 1891 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и Ея Имп. Высоч. Велик. Княжна Ольга Николаевна.

По волѣ императора Александра III, Наслѣдникъ принималъ самое близкое и дѣятельное уча-

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Александра Feодоровна.

стіе въ дѣлахъ управленія государствомъ. Онъ неустанно работалъ въ прежнихъ высокихъ государственныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Кромѣ этого, Онъ сталъ во главѣ новыхъ учрежденій: именно, Ему поручается многотрудный и отвѣтственный постъ предсѣдателя комитета по сооруженію великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути; затѣмъ Онъ принимаетъ на себя обязанности предсѣдателя особаго комитета для помощи пострадавшимъ въ 1891 и 1892 году отъ неурожая. Во время предсмертной болѣзни покойнаго государя, по его желанію, Наслѣдникъ вступилъ уже въ исполненіе его обязанностей, занимаясь рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ, восходившихъ на верховное воззрѣніе Государя Императора.

Послѣднимъ утѣшеніемъ Императора Александра Александровича былъ пріѣздъ въ

Августѣйшія Дѣти Ихъ Императорскихъ Величествъ: Ольга, Татіана, Марія и Анастасія Николаевны.

Ливадію Высоконареченной Невѣсты Его Преемника, принцессы Алисы Гессенъ-Дармштадтской, которая раздѣлила всю скорбь своего Царственнаго Жениха передъ гробомъ Его почившаго Родителя. На другой день по восшествіи Своемъ на престолъ Государь Императоръ привелъ подъ святую сѣнь Православной церкви Ту, которой суждено было стать волею Господа Русской Царицей, свѣтлой радостью русскаго народа. Священное мvропомазаніе было торжественно совершено надъ Нею въ Большой церкви Ливадійскаго дворца, и Она наречена была Благовѣрною Великою Княжною Александрой Ѳеодоровной. 14 ноября 1894 года сквозь тучи скорби о почившемъ монархѣ блеснулъ яркій лучъ свѣта и радости: въ сѣверной столицѣ Державный Вождь земли русской сочетался бракомъ съ избранной по сердцу Имъ и Родителемъ Его невѣстою. «Посреди глубокой скорби, коею преисполнены сердце Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, да будетъ день сей свѣтлымъ вѣстникомъ упованій народныхъ на продолженіе къ Намъ ми-

лости Божіей въ наступившее новое царствованіе», гласили слова Высочайшаго манифеста, извѣщавшаго русскій народъ о столь радостномъ событіи.

Перваго января 1896 года Государь Императоръ объявилъ Русской землѣ о предстоящемъ Своемъ Священномъ Короновании: «Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ въ предстоящій торжественный день Коронованія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ незабвеннаго родителя Нашего, коего жизнь и труды на пользу дорогого отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ», такъ гласилъ Высочайшій манифестъ, изданный по этому случаю.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна.

Незабвеннымъ для всей Россіи останется день великаго торжества 14 мая 1896 года, когда въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ Государь Императоръ возложилъ на Себя святую корону Своихъ предковъ.

Первымъ и главнымъ предметомъ державныхъ заботъ Правителя было мирное преуспѣяніе Россіи. Въ этомъ отношеніи Государь Императоръ Николай Александровичъ пошелъ по стопамъ Царя-Миротворца. Желая обезпечить миръ не только для Россіи, но и для всей Европы, Онъ сдѣлалъ великій починъ къ облегченію бремени военныхъ издержекъ и къ созданію прочнаго мира между государствами. Въ 1898 г., по желанію Русскаго Царя, въ Гаагѣ собрались уполномоченные отъ государствъ, чтобы положить на будущее время начало основъ мирныхъ соглашеній и третейскаго суда, которыми могли бы руководиться державы въ своихъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ.

Но гроза военной непогоды, сдерживаемая долго мощною рукою Царя-Миротворца, стала прорываться наружу. То тамъ, то здѣсь недоразумѣнія между народами приходили къ разрѣшенію военной рукою и силою оружія. Наконецъ, эта волна войны докатилась и до Россіи.

Громадное міровое призваніе Россіи не сосредоточивается въ одной лишь Европѣ: Божій Промыслъ повелъ насъ и въ Азію, гдѣ предѣлы Россіи доходятъ до самаго Тихаго Океана. Россія, объединяя въ себѣ всѣ блага культурной жизни европейскихъ государствъ, соединяетъ Европу съ ея колыбелью — Азіей. Русскіе люди устремились на азіатскій востокъ не по прихоти, не по завоевательнымъ стремленіямъ своихъ правителей, но руководясь личной иниціативой, отдаваясь вѣрному государственному инстинкту, призывающему нашъ народъ колонизовать эти дикія, некультурныя, часто пустынныя и ненаселенныя пространства. Великій Сибирскій путь, осуществленный крѣпкою волей нынѣ Царствующаго Государя, сталъ дѣятельно способствовать неудержимому потоку народнаго переселенческаго движенія въ тѣ страны вплоть до береговъ Великаго Океана. То, что было начато удалымъ порывомъ Ермака, бившаго челомъ Бѣлому Царю

Его Императорское Высочество
Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
Алексѣй Николаевичъ.

Сибирскими землями, продолжается и въ наши дни и будетъ продолжаться, какъ это намъ доказываетъ весь ходъ нашей отечественной исторіи.

Между тѣмъ, всегда на пути народнаго движенія встрѣчаются препятствія и встаютъ иногда, на первый взглядъ, совершенно непреодолимыя преграды, но «тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Временныя неудачи закаливаютъ духъ, пробуждаютъ энергію, даютъ новый ростъ дремавшимъ до сихъ поръ силамъ. Первымъ предостереженіемъ Россіи было возстаніе боксеровъ въ Китаѣ, осложненное внутренними неурядицами Небесной Имперіи. Послѣ долгаго перерыва русскія войска снова взялись за оружіе и совмѣстно съ войсками союзныхъ державъ быстро привели къ концу эти угрожавшія было многими послѣдствіями осложненія. Вскорѣ затѣмъ загремѣла нежданной бурей налетѣвшая на насъ война съ Японіей, законченная миромъ въ Портсмутѣ осенью 1905 года. Русскіе солдаты попрежнему выказали безпримѣрное мужество и желѣзную стойкость и наканунѣ самаго мира рвались въ бой, готовые къ самой продолжительной и затяжной войнѣ.

Но Государю благоугодно было сосредоточить Свое вниманіе на укрѣпленіи порядка и правды въ Русской землѣ. Онъ послѣдовалъ примѣру Вѣнценоснаго Своего Дѣда, Александра II, оборвавшаго Крымскую войну, чтобы сосредоточиться на благодатныхъ преобразованіяхъ внутренней жизни государства. Еще до начала войны, въ 1903 году, въ Своемъ манифестѣ отъ 26-го февраля, Государь призывалъ всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ «содѣйствовать Ему къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ подъ сѣнью самодержавной власти только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ». Но не на новый, неизвѣданный путь велъ Русскій Царь Свою Державу, но, по Его собственнымъ словамъ, высказаннымъ въ этомъ же манифестѣ, «Онъ въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ обрѣлъ пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ Своихъ предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя». Поэтому-то, во имя мира всего міра, во имя мирной работы внутри государства и должна была на время отойти въ сторону и замолкнуть война на Дальнемъ Востокѣ. Этотъ вопросъ не отметался въ сторону, но лишь откладывался, чтобы въ будущемъ съ обновленными силами Россія могла приступить къ осуществленію своего призванія на берегахъ Великаго Океана.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Татіана Николаевна.

Это дѣло обновленія вступило въ свой новый фазисъ въ то время, когда еще не замолкли громы оружія на далекихъ поляхъ Азіи. Въ тревожные дни, среди смятеній шло

это дѣло новаго труда, по къ этому времени какъ нельзя болѣе подходятъ слова Евангелія: «Жена, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея, но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ». Такъ и Россія должна была пройти черезъ дни испытанія, чтобы съ новыми силами пойти впередъ по пути своего предназначенія.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Анастасія Николаевна.

Тѣмъ не менѣе, можно смѣло сказать, что въ современныхъ намъ новизнахъ любезная Россіи старина слышится. 16-го февраля 1905 года Государю Императору было благоугодно возвѣстить о Своемъ намѣреніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и къ обсужденію государственныхъ предначертаній. Въ этомъ же году, въ день Преображенія Господня, Россіи дана была Государственная Дума, облеченная съ 17-го октября этого же года законодательною властью. «Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ», сказалъ Государь Императоръ.

Державныя заботы продолжали обращаться на удовлетвореніе потребностей и нуждъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ всѣхъ сословій. Предметомъ особливаго попеченія Государя продолжало быть крестьянство, при чемъ для него Императоръ Николай II завершилъ дѣло раскрѣпощенія, начатое Его вѣнценосными предшественниками и проведенное въ жизнь Его дѣдомъ Царемъ-Освободителемъ. Окончательно отмѣнена круговая порука, отмѣнены выкупные платежи и повелѣно крестьянскому банку оказывать содѣйствіе малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ въ пріобрѣтеніи ими земли на льготныхъ условіяхъ. Были переданы крестьянскому банку нѣкоторыя части удѣльныхъ и кабинетскихъ земель для продажи крестьянамъ, упорядочено переселеніе на окраины, отмѣненъ рядъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и, наконецъ, 9-го ноября 1906 г. былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому выходъ изъ крестьянской общины сталъ свободнымъ для всѣхъ желающихъ, и каждый

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Николаевна.

Открытіе 4-ой Государственной Думы.

домохозяинъ можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ владѣемой имъ земли. Впереди предстоитъ разрѣшеніе вопроса о всеобщемъ народномъ обученіи.

Государь Императоръ Николай Александровичъ отличается глубокой преданностью завѣтамъ отечественной исторіи и принимаетъ самое живѣйшее участіе въ чествованіи великихъ историческихъ событій и великихъ государственныхъ дѣятелей; такъ, при Его горячемъ сочувствіи, съ особой торжественностью была отпразднована память двухсотлѣтія со дня основанія Петербурга; Государь участвовалъ въ чествованіи двухвѣкового юбилея со дня Полтавской битвы, присутствовалъ при открытіи въ Кіевѣ памятника св. Равноапостольной княгинѣ Ольгѣ, и, наконецъ, сталъ во главѣ всероссійскихъ торжествъ въ Бородинѣ и въ Москвѣ въ память великой годовщины 1812 года. Россія, по примѣру своего Царственнаго Вождя, воздвигаетъ цѣлый рядъ историческихъ памятниковъ въ честь великихъ событій своей исторіи. Такъ, въ присутствіи Его Величества, открыты въ Петербургѣ и въ Москвѣ сооруженные на всенародныя пожертвованія памятники въ честь Его Родителя, великаго Царя-Самодержца.

Господь благословилъ бракъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны рожденіемъ сначала четырехъ дочерей, великихъ княженъ Ольги, Татіаны, Маріи и Анастасіи Николаевенъ и, наконецъ, 30-го іюля 1904 года рожденіемъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича—свѣтлой надежды и краснаго солнышка Земли Русской.

Источники и пособія.

Прилагаемый списокъ не можетъ претендовать на полноту. Тутъ указаны лишь главнѣйшіе труды, которыми мы пользовались для предлагаемаго изданія.

I. Пособія общаго характера.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, томы VIII—XII.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томы V—XXIX.

В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, части I—IV.

Его же. Боярская Дума древней Руси.

Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи, томы III—IV (первый и второй выпускъ).

В. В. Назаревскій. Русская исторія. Въ III частяхъ. Москва. 1912 г.

Его же. Чтенія изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, I—XV.

Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. VIII томовъ.

Его же. Историческія монографіи и изслѣдованія, томы I, II, IV—VI и XII—XVI.

«Три вѣка». Россія отъ смутнаго до нашего времени. Подъ ред. В. В. Каллаша. I—III.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ М. Н. Покровскаго, при участіи М. Н. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Макарій, митрополитъ московскій. Исторія Русской Церкви, X—XII тома.

Исторія Русской Церкви архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи.

Его же. Статьи по русской исторіи 1883—1902 гг.

Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, части II, III и IV.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографической комиссіей, т. I и послѣдующіе.

Акты Московскаго государства, изданные Имп. Академіей Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова, т. I и послѣдующіе.

«Историческій Вѣстникъ». «Русская Старина». «Русскій Архивъ». — За разные годы.

II. Смутное время и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты.

Его же. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.

А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, томы I—II.

Царскіе прародители, погребенные въ обители Всемилостиваго Спаса на Новомъ, изданіе Новоспасскаго Ставропигіальнаго монастыря.

Новоспасскій монастырь. Соч. И. Сн., изданіе архимандрита Аполлоса.

Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, составленная А. Мартыновымъ, текстъ И. Сн. четыре т.

«Иное сказаніе» (изданное И. Д. Бѣляевымъ во «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей»).

«Новый лѣтописецъ» (изданъ по списку кн. Оболенскаго), Москва. 1853 г.

Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. С.-Пб. 1832 г., I—V.

П. С. Казанскій. Изслѣдованія личности перваго Лжедимитрія («Русскій Вѣстникъ», 1877 г., августъ—октябрь).

Н. М. Павловъ. Правда о Лжедимитріи. Москва. 1886 г.

В. С. Иконниковъ. Димитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III.

Костомаровъ. Кто былъ первый Лжедимитрій. С.-Пб. 1864 г.

И. С. Бѣляевъ. Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія. Москва, 1907 г.

Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей. Грамоты, собранныя Юріемъ Толстымъ С.-Пб. 1875 г.

Сказаніе келаря Авраамія Палицына объ осадѣ Троице-Сергіева монастыря.

Н. Левитскій. Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ. С.-Пб. 1886 года.

Monographien zur Weltgeschichte XXI. Der falsche Demetrius von Theodor Hermann Pantenius.

Дневникъ Марины Мнишекъ (1607—1609 гг.), русскій переводъ съ предисловіемъ Андрея Титова. Москва. 1908 г.

Дм. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Варшава—Москва. 1910 г. I—II томы.

В. В. Назаревскій. Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ всея Россіи. Изданіе церковной комиссіи.

С. Кедровъ. Жизнеописаніе патріарха Гермогена. Изданіе церковной юбилейной комиссіи.

И. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій (Прямые и кривые въ смутное время).

В. А. Самаряновъ. Палаты бояръ Романовыхъ или дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича. Рязань. 1892 г.

Его же. Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившаго. Кострома. 1882 г.

Памятники древне-русской письменности, относящіеся къ смутному времени (Русская историческая библіотека, т. XIII). С.-Пб. 1891 г.

Н. Виноградовъ. Матеріалы по исторіи, этнографіи и статистикѣ Костромской губ., выпуски I—II.

П. Г. Васенко, проф. С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели. Начало династіи Романовыхъ. С.-Пб. 1912 г.

Книга объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, изданіе Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, текстъ и рисунки. М. 1856 г.

Утвержденная грамота объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, изданіе Общества исторіи и древностей Россійскихъ. М. 1904 г.

А. И. Маркевичъ. Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ. Одесса. 1888 г.

III. Первые цари изъ Дома Романовыхъ.

Древняя Россійская Вивліоѳика, издававшаяся Николаемъ Новиковымъ въ С.-Пб. въ 1773—1775 гг., томъ I и послѣдующіе.

Валишевскій. Первые Романовы.

А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, кн. III—VI.

И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей, въ XVI и XVII стол. Москва. 1862 г.

Его же. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII вѣкѣ. Москва. 1869 г.

Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. 2 части. Москва. 1894—1896 гг.

Письма русскихъ государей. М. 1848 г.

Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Москва, 1884 г.

В. Н. Изъ исторіи Москвы. 1147—1703 гг. М. 1896 г.

И. Забѣлинъ. Опыты изученія исторіи и древностей россійскихъ, томъ I, Алексѣй Михайловичъ.

Ѳирсовъ. Разиновщина, какъ соціальное явленіе.

Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Проф. Н. Ф. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.

Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. С.-Пб. 1900 г.

Кутеповъ. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. 3 тома.

Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. С.-Пб. 1884 г.

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. С.-Пб. 1884 г.

М. Коялович. Лекціи по исторіи Западной Россіи. М. 1865 г.

Олеарій. Подробное описаніе Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1613, 1636 и 1639 гг. М. 1870 г.

Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ, т. I—II.

Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie.

Древности Россійскаго государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію. 6 томовъ текста и 6 томовъ рисунковъ. М. 1853 г.

IV. Императорскій періодъ русской исторіи.

Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, I—II т.

Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, изданіе археографической комиссіи, т. I и послѣдующіе.

Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ. Собранные и изданные акад. А. Ѳ. Бычковымъ (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. Т. XI).

П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ первую четверть XVIII вѣка и при Петрѣ Великомъ.

Переписка и бумаги гр. Б. П. Шереметева (1704—1718 гг.). Изд. гр. С. Д. Шереметевымъ. (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. Т. XXV).

М. Погодинъ. Собраніе документовъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. М. 1861 г.

Семевскій. Слово и дѣло. Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка С.-Пб. 1884 г.

И. Посошковъ. Сочиненія. 2 т. Изд. М. П. Погодина. М. 1842—1863 гг.

Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время.

Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1862 г.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. М. 1898 г. Т. II—III.

Берхгольцъ. Записки, веденныя имъ въ Россіи, въ 4 частяхъ. М. 1858 г.

Брикнеръ. Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. С.-Пб. 1878 г.

А. Кантемиръ. Сочиненія и письма (подъ ред. Ефремова) со вступ. статьей В. Я. Стоюнина. С.-Пб. 1867—1868 гг. 2 т.

М. Семевскій. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ. С.-Пб. 1884 г.

К. И. Арсеньевъ. Царствованіе Петра II. С.-Пб. 1839 г.

Д. Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны.

Его же. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка.

Е. Бѣловъ. Верховники.

Исторія государевой свиты, томъ I.

Столѣтіе военнаго министерства, томы I—II.

Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1723—1725 гг. Изданъ Г. Ѳ. Штендманомъ (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. Т. 52).

Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта. Т. I, II, III, IV (подъ редакціей Ѳ. Дубровина. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.).

Брикнеръ. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

К. Валишевскій. Дочь Петра (Собр. соч. т. III).

Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ.

Вейдемейеръ. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка. С.-Пб. 1846 г.

Его же. Царствованіе Елизаветы Петровны, 2 ч. С.-Пб. 1849 г.

Кудрявцевъ. Книга запис. именныхъ письм. указовъ императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны С. А. Салтыкову. М. 1878 г.

Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова. С.-Пб. 1865 г.
Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. С.-Пб. 1862 г.
Д. Масловскій. Русская армія въ семилѣтнюю войну.
Ѳеоктистовъ. Отношенія Россіи къ Пруссіи при Елизаветѣ Петровнѣ.
Матеріалы для исторіи Импер. Акад. Наукъ, т. I и послѣдующіе.
Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань, 1891 г.
Vandal. Louis XV et Elisabethe de Russie.
Бартеневъ. XVIII вѣкъ. Историческій сборникъ, 4 кн.
Диринъ. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна. С.-Пб. 1884 г.
Брикнеръ. Исторія Екатерины II, т. I—III.
Бильбасовъ. Исторія Екатерины II.
Записки Екатерины Великой.
Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (изд. акад. Пекарскимъ). Ч. I. (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. Т. VII).
В. А. Бильбасовъ. Дидро въ Петербургѣ. С.-Пб. 1884 г.
Сочиненія имп. Екатерины II. Изд. Ак. Наукъ, подъ редакціей А. Н. Пыпина. 12 томовъ. С.-Пб. 1901—1907 гг.
Пекарскій. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (зап. Акад. Наукъ. Т. II).
Я. Гротъ. Жизнь Державина 1880—1885 гг. II т.
Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху.
Наказъ Ея Имп. Велич. Екатерины II. Съ библіографическими примѣч. Безгина. С.-Пб. 1893 г.
Записки о жизни кн. Салтыкова, изд. Свиньинымъ.
Архивъ кн. Воронцова, книги I—XXXII.
Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина. Изданіе А. Брикнера, т. I—V.
А. А. Суворинъ. Княгиня Е. Р. Дашкова. С.-Пб. 1888 г.
Аеанасьевъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. М. 1859 г.
Болотовъ. Записки. 4 т.
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. I, IV, VII, VIII, IX, X, XIII, XIV, XVII, XX, XXIII, XXXII, XXXIII, XXXVI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVIII, LI, LVII, LXVII, LXVIII.
Гр. Сегюръ. Записки о пребываніи его въ Россіи. С.-Пб. 1865 г.
Дмитрій Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. С.-Пб. 1882 г.
Шильдеръ. Императоръ Павелъ I.
Порошинъ. Записки.
Васильчиковъ. Разумовскій, т. II.
Шумигорскій. Императрица Марія Ѳеодоровна.
Маркизъ де-Воракъ. «Affaires étrangères», т. CIX.
Саблуковъ. Récit de la mort de Paul. (Revue moderne, decembre, 1866.)
Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Изд. второе. С.-Пб. 1902 г.
Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, I—IV томы. С.-Пб. 1897—98.
М. Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I. 6 томовъ. С.-Пб. 1869 г.
В. К. Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, томы I—V. 1886—1892 гг. Рига.
Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. С.-ПБ. 1912 г.
А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I. С.-ПБ. 1900 г.
А. Шишковъ. Записки. М. 1869 г.
Гр. Ростопчинъ. Mes mémoires ou moi au naturel, écrits en dix minutes («Materiaux en grande partie inédits, pour la biographie future du C-te Th. R.». Брюссель, 1864. Переводъ въ II т., «Девятнадцатаго вѣка» Бартенева).
Архивъ Раевскихъ. Т. I, 1908 г.
Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборникъ, изданный П. Бартеневымъ, 2 тома. М. 1872 г.
Баронъ М. А. Корфъ. «Жизнь графа Сперанскаго». С.-Пб. 1861.

Ф. Вигель. Воспоминанія. 2 ч. М. 1864 г.

М. Погодинъ. Карамзинъ въ его сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ, 2 тома. М. 1866 г.

К. Сиповскій. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». С.-ПБ. 1899 г.

В. Завитневичъ. Сперанскій и Карамзинъ. (Труды Кіевской Дух. Акад. 1907 г., XI т.).

К. Военскій и Ю. Карцовъ. Причины войны 1812 года.

А. Н. Поповъ. Отечественная война 1812 года.

Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе Отечественной войны 1812 г.». Части I—IV.

М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Т. I—III.

Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе, т. I—IV.

Московское дворянство въ 1812 г. М. 1912 г.

Вандаль (Albert Vandal). Napoléon et Alexandre I-r. Paris, 1891.

Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite, par Tatischeff. Paris. 1891.

Статьи А. Пыпина о г-жѣ Криденеръ («Вѣстн. Евр.» 1869) и А. К-ва («Ист. Вѣстн.» 1895 г.).

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, томы II, III, V, VI, XXI, LIV и LXXVII.

Бар. Корфъ. Восшествіе на престолъ императора Николая I. С.-Пб. 1857 г.

Шильдеръ. Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе.

В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ.

Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Кн. I—XXII. С.-Пб. 1888—1907 гг.

М. Довнаръ-Запольскій. Тайныя общества декабристовъ. М. 1906 г.

А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ (1804—1877), изд. 2-е подъ ред. Лемке, 2 т. 1905 г.

М. И. Богдановичъ. Восточная война 1853—1856 гг. С.-Пб. 4 тома.

М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлиннымъ бумагамъ С. Е. И. И. Канцеляріи. С.-Пб. 1907 г.

Его же. Очерки по исторіи русск. цензуры и журналистики XIX ст. С.-Пб. 1904 г.

Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

Плетневъ. Воспоминанія о воспитаніи наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича подъ руководствомъ Мердера и Жуковскаго. 1857 г. Собственная Его Величества библіотека. Зимній дворецъ, рукописный отдѣлъ № 2527.

Годы ученія его импер. высоч. государя наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича. Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, томы XXX и XXXI.

Мердеръ К. К. Дневникъ.

Дневникъ кн. П. Б. Козловскаго.

Крѣпостничество и воля (юбилейное изданіе 1911 г. подъ редакціей В. В. Ф.).

П. Ф. Лузановъ. Августѣйшіе кадеты. 1902 г.

Custine. La Russie en 1839.

Mémoires du Duc de Raguse.

Г. А. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. С.-Пб. 1907 г.

Его же. Унковскій и освобожденіе крестьянъ.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка 2 т. С.-Пб. 1888 г.

A. Leroy-Beaulieu. «Un homme d'état russe». (N. Milutine). Paris. 1884.

Невѣденскій. Катковъ и его время. С.-Пб. 1888 г.

Памяти императора Александра III. Изданіе «Московскихъ Вѣдомостей.» М. 1894 г.

Императоръ Александръ III. С.-Пб. 1895 г.

Памяти въ Бозѣ почившаго государя императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи и древностей Россійскихъ предсѣдателемъ О-ва профессоромъ В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г.

А. Поповъ. Императоръ Александръ III. Изданіе училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. С.-Пб. 1908 г.

В. В. Назаревскій. Императоръ Александръ III. М. 1910 г.

Livre d'or. Paris, 1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

Родъ бояръ Романовыхъ 9

Глава первая. Смутное время и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова 27

Глава вторая. Второй основатель русскаго государства—Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ 63

Глава третья. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ 83

Глава четвертая. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ 103

Глава пятая. Юность Петра Великаго и Правительница Софья 109

Глава шестая. Сѣверный исполинъ 121

Глава седьмая. Царица-крестьянка и отрокъ на тронѣ 145

Глава восьмая. Императрица Анна Іоанновна и ея преемники 157

Глава девятая. Императрица Елизавета Петровна 171

Глава десятая. «Принцесса кочующая и бѣдная» и императоръ Петръ III. 183

Глава одиннадцатая. Россійская Минерва 207

Глава двѣнадцатая. Императоръ Павелъ Первый 239

Глава тринадцатая. Благословенный царь 261

Глава четырнадцатая. Императоръ-рыцарь 303

Глава пятнадцатая. Царь-Освободитель 343

Глава шестнадцатая. Императоръ Александръ III 385

Глава семнадцатая. Государь Императоръ Николай Александровичъ 405

Источники и пособія 413